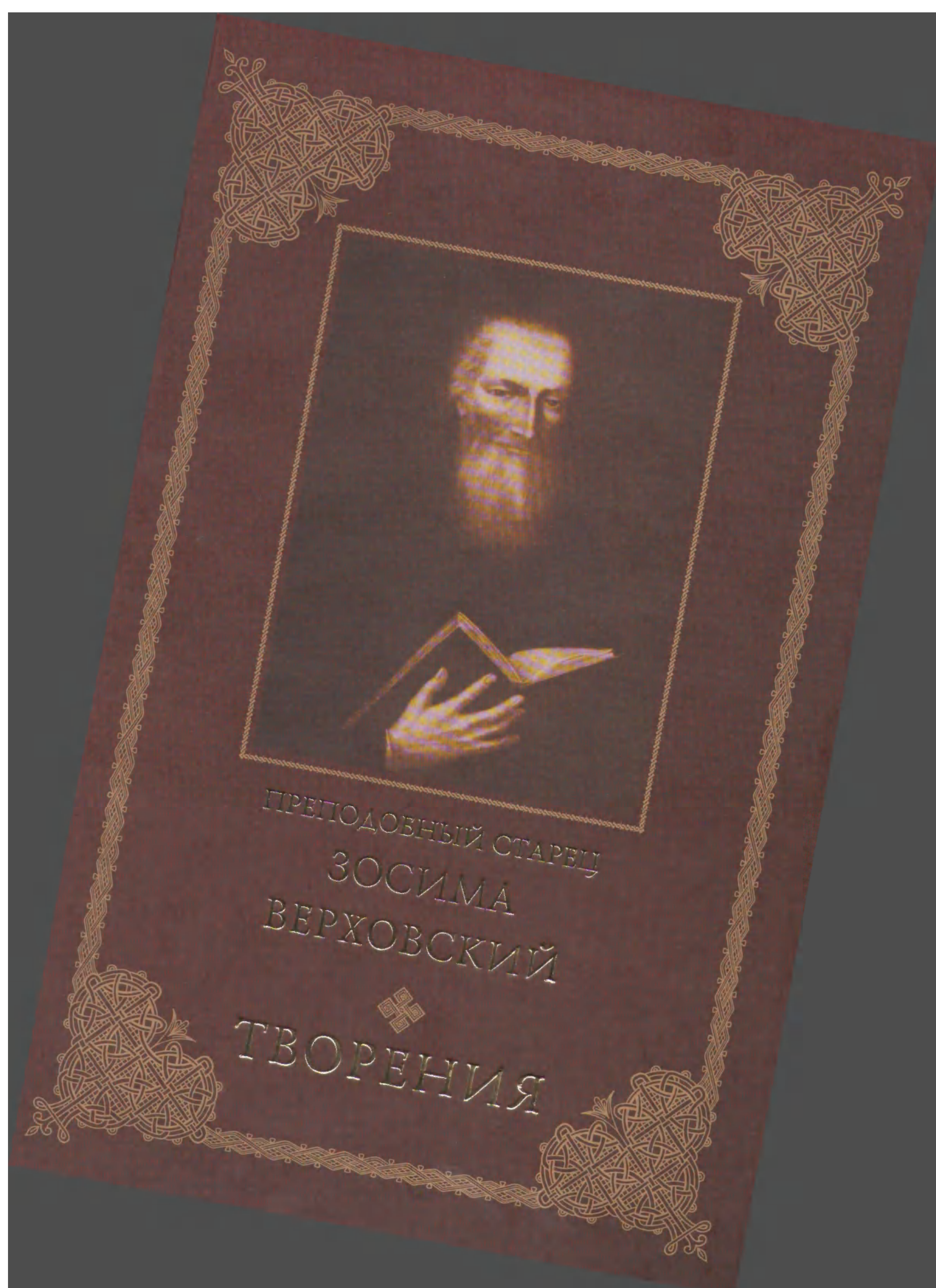

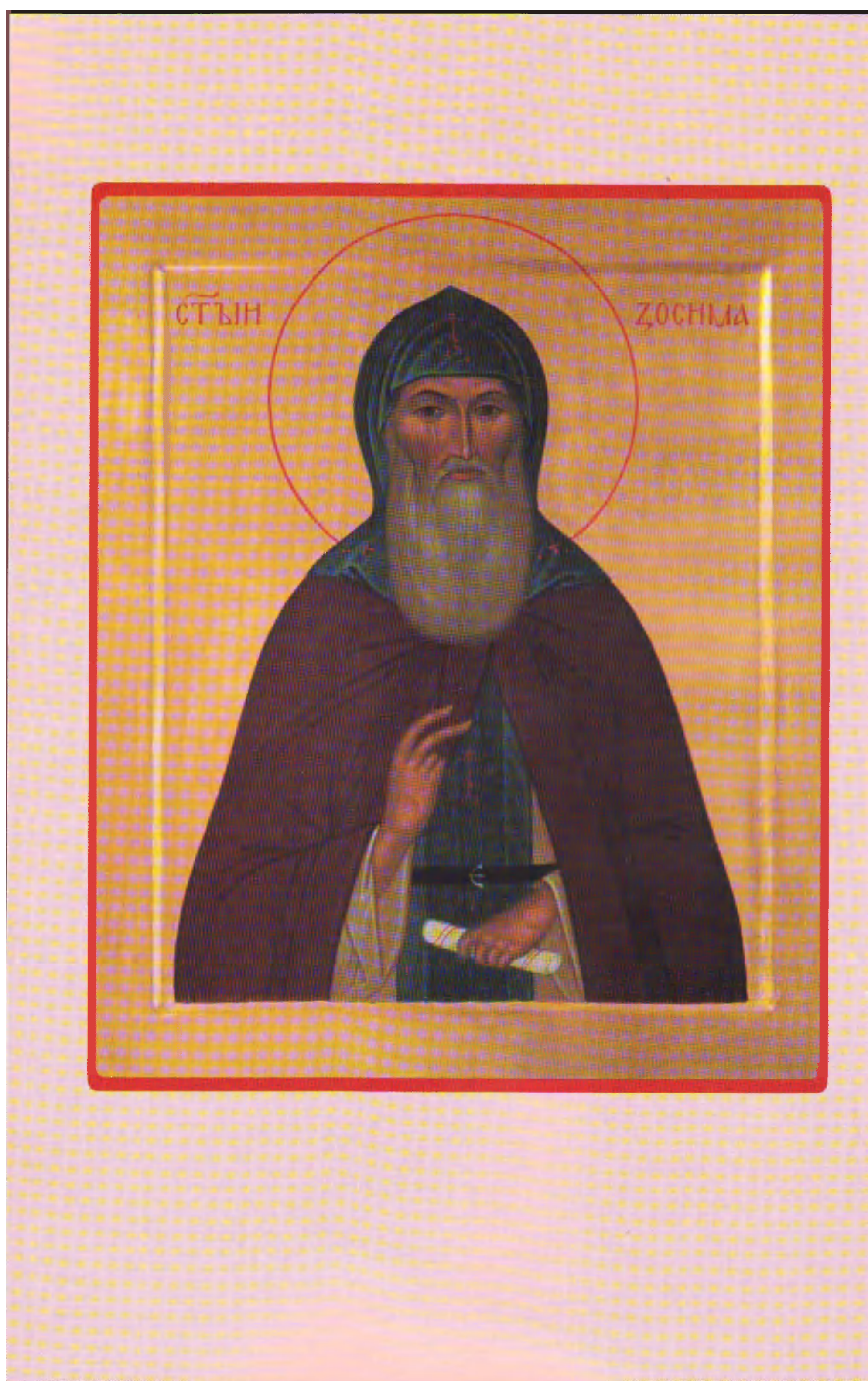

*По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II*

Эта книга — первое полное собрание сочинений преподобного старца Зосимы Верховского (1768–1833), русского исихаста, несколько десятилетий подвизавшегося вместе с наставником старцем Василиском в Рославльских, Коневецких и Сибирских лесах, основателя двух женских монастырей: Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни под Москвой и Свято-Николаевской обители в Туринске. В книгу вошли, в частности, не издававшееся до сих пор «Поучение о послушании», во многом автобиографичное «Житие монаха и пустынножителя Василиска», не публиковавшееся, но в рукописном виде широко распространившееся в XIX веке по русским монастырям «Повествование о действиях сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска». Книга включает эпистолярное наследие старца, а также документы и материалы к его житию, в том числе найденные в архивах.

Тексты произведений печатаются по рукописным спискам из монастырских библиотек (Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни и др.), хранящимся ныне в Российской государственной библиотеке и в Государственном Историческом музее, за единственным исключением: сочинение «Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина в пустынях Сибири» печатается по оптинской публикации XIX века.

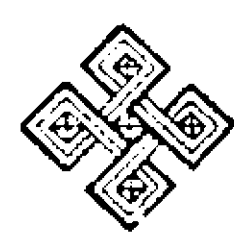
*Составление, предисловие, подготовка текстов
и комментарии Т.М. Судник*

К 180-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ
ТРОИЦЕ-ОДИГИТРИЕВСКОЙ
ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ

ПРЕПОДОБНЫЙ СТАРЕЦ

ЗОСИМА
ВЕРХОВСКИЙ

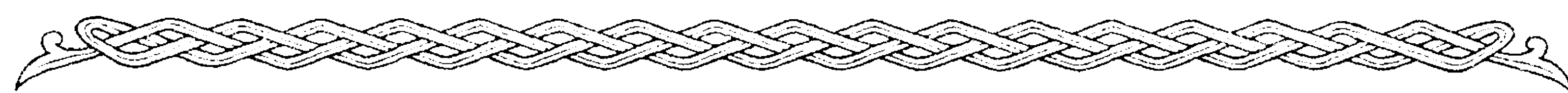

ТВОРЕНИЯ

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

2006

СТАРЕЦ ЗОСИМА ВЕРХОВСКИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ

Духовное наследие старца Зосимы

... сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. На сих меньше указывают и даже обходят молчанием вовсе, и сколь подивились бы, если скажу, что от сих кротких и жаждущих уединенной молитвы выйдет, может быть, еще раз спасение земли Русской!

Ф. М. Достоевский

В «Братьях Карамазовых», романе о «миссии русского инока», эти слова вложены в уста старца Зосимы, духовного наставника Алеши Карамазова. Прототипом литературного старца (вернее, одним, но все же, пожалуй, главным из его прототипов) был схимонах Зосима Верховский (1768–1833), чье безмолвное и тихое житие, отданное внутреннему деланию и прошедшее в «умной тишине» пустыни, в глуши Рославльских, Коневецких и Сибирских лесов, оказало духовное влияние не только на Достоевского, не только, разумеется, на монашество, но так или иначе на русское общество в целом. Опыт подвижнической жизни преподобного старца Зосимы и оставленные им труды столь же, если не более, важны и для нас, живущих в иное время, и потому наш долг — не забыть и не отринуть, но постараться усвоить и сберечь доставшееся нам богатство.

В сонме русских святых преподобному Зосиме принадлежит свое особое место, и именно благодаря присущему ему дару слова. Он не только достойно прошел предначертанный ему свыше аскетический путь послушания, а затем старчества, но счел для себя святым долгом поделиться с духовным своим стадом тем достоянием, которое обретоено было им на этом пути. Он оставил нам строгое и документально точное изложение драгоценного

молитвенного опыта русских исихастов — своего наставника преподобного старца Василиска и юного сподвижника праведного отрока Петра Томского; ближайшим и достовернейшим источником наших знаний об этих святых стали составленные старцем Зосимой их жития. Им созданы удивительные по чистоте и непосредственности видения зримые картины русской действительности, чуждые вымысла и богатые историческими деталями.

Приступая к подготовке этого издания, мы в первую очередь ставили перед собой задачу собрать воедино, по возможности в полном и подлинном виде, все дошедшее до нас и выявленное к настоящему времени письменное духовное наследие преподобного Зосимы. Издание такого рода предпринимается впервые, тогда как необходимость его назрела давно: при первостепенном значении трудов старца Зосимы для истории русской святости, истории русской духовной книжности и — шире — русской литературы и культуры, наследие его не только не изучено и не оценено по достоинству, но даже до сих пор еще полностью не опубликовано. Современному читателю если и знакомо духовное творчество преподобного Зосимы, то лишь частично, по разрозненным и к тому же труднодоступным изданиям.

Первая публикация из наследия преподобного Зосимы появилась через шестнадцать лет после его смерти: Оптиной пустынью были изданы жизнеописания старца Василиска и Петра Мичурина¹, переиздававшиеся затем в 1863 и 1899 гг. Следует заметить, что в этих изданиях представлен не подлинный текст старца, но перевод на светский литературный язык, причем с многочисленными редакторскими исправлениями и сокращениями, а главное, с цензурными купюрами (касавшимися, в частности, сведений о прохождении старцем Василиском умной и сердечной молитвы). Вторая публикация из наследия преподобного Зосимы появилась лишь спустя 150 лет: в 1999 году по списку, найденному недавно в кругах, близких к Леснинскому Богородицкому монастырю, было опубликовано «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска» в специальном научном издании, вышедшем небольшим тиражом и сразу ставшем библиографической редкостью². В переводе на русский язык «Пове-

¹ Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1849.

² См.: Сказание о дивных случаях монаха Василиска при прохождении внутренней Иисусовой молитвы, писанных в оное время учеником его монахом Зосимою // Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская. Белорусско-украинско-русская книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М.: «Индрик», 1999. С. 114–139.

ствование» вышло в 2003 г. в составе сборника трудов русских подвижников благочестия¹. Частично (48 молитвенных действий из 75-ти) оно было опубликовано в «Русском паломнике» по афонской рукописи, переписанной в мае 1931 г. иеромонахом Софронием (Сахаровым)². Там же перепечатано «Жизнеописание старца Василиска», изданное в 1996 г. в Москве издательством «Сполохи»³ (источник текста издателями указан неточно; по всей вероятности, это текст издания 1863 г. с включениями отрывков из «Повествования о действиях сердечной молитвы» и другими изменениями).

При жизни и после кончины старца Зосимы труды его получили широкое распространение и признание благодаря рукописным спискам, расхажившимся от монастыря к монастырю. Достоверно известно, что они были прочитаны и высоко оценены митрополитом Филаретом (Дроздовым), архиепископом Иркутским Михаилом (Бурдуковым; † 1830) и «многими духовными иночествующими отцы»⁴, в числе которых был, по всей вероятности, и наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры архимандрит Антоний (Медведев). Труды старца Зосимы в списках, по сохранившимся свидетельствам, имелись в рукописных собраниях Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, московского Симона монастыря, Берлюковской Николаевской пустыни, Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря, Леснинского Богородицкого монастыря, в основанной старцем Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни, на Святой Горе Афон. Они разделили участь этих собраний, большей частью печальную. Часть их оказалась в рукописных отделах Российской государственной библиотеки и Государственного Исторического музея. На основе списков, находящихся в этих хранилищах, и подготовлено настоящее издание. Автографы творений старца, к сожалению, до нас не дошли.

Если судьба письменного духовного наследия преподобного старца Зосимы остается пока не до конца ясной, то его жизнен-

¹ Повествование о действиях сердечной молитвы старца-пустынника Василиска, записанное его учеником схимонахом Зосимой Верховским // Ключ разума: русские подвижники благочестия о молитве Иисусовой / Сост. игумен Авраам (Рейман). Москва—Екатеринбург: Издательский совет Русской Православной Церкви, Издательство Ново-Тихвинского женского монастыря, 2003. С. 268–299.

² Старец Василиск Сибирский и благодатные действия молитвы Иисусовой // Русский паломник. № 21–22. 2000. С. 6–49. (Журнал издается Валаамским обществом Америки, под ред. игумена Германа (Подмошенского)).

³ Житие блаженного старца Василиска. М.: Сполохи, 1998.

⁴ См. в настоящем издании с. 157.

ный путь известен едва ли не во всех подробностях по надежным и авторитетным источникам. Важнейший из них, помимо собственных творений старца, во многом автобиографичных, — его «Житие», составленное духовно близким человеком и одаренным агиографом монахиней Верой (в мире Варварой) Верховской, племянницей и духовной дочерью преподобного, первой игуменией Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни¹. Кратким изложением «Жития» открывается наше издание.

Духовный путь преподобного Зосимы был предуказан свыше еще до его рождения — отец его во время ночной молитвы услышал голос, возвестивший волю Божию: «У тебя родится сын, не учи его светским наукам, но лишь Закону Божию». Родители преподобного Василий (Богдан) Данилович Верховский и Анна Ивановна Маневская принадлежали к древнему смоленскому дворянству, оба рода были известны благочестием и традициями храмоздательства в своих вотчинах.

Преподобный Зосима, в святом крещении Захария, родился в канун Благовещения, 24 марта, в 1768 году. Это был год начала русско-турецкой войны, и знаменательно, что как раз тогда преподобный Паисий Величковский (1722–1794; Захария на протяжении четверти века был его младшим современником) раскрыл двери возглавляемого им монастыря Сошествия Святого Духа в Драгомирне для многочисленных беженцев и нуждающихся, показав тем самым в трудную для русского монашества эпоху (после петровских реформ и секуляризации 1764 года), что путь умного делания неизбежно соединяется с путем деятельного милосердия.

¹ Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений. М.: Паломник, 1994 — репринт издания 1889 г.: Житие и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений. М., 1889. Последнее обозначено на титуле как второе, исправленное и дополненное, однако известны два предшествующих издания (с незначительными текстуальными расхождениями): 1860 г. и 1863 г. Автор не указан ни в одном из изданий, как и в уцелевших рукописных списках «Жития» второй половины XIX века: Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 214 (Оптина пустынь), № 290, № 291. В переводе на английский язык книга издана в Америке Братством преподобного Германа Аляскинского: Elder Zosima, hesychast of Siberia, by his niece and disciple Abbess Vera Verkhovsky. Translated from the Russian by Gregory Dobrov and Barbara McCarthy. Platina, California, 1990 (второе издание, первое издание вышло в 1979 г.; там же в 1977 г. вышел репринт русского издания 1889 г.). В 1996 г. книга вышла в Греции вторым изданием: *Ἡγουμένης Βέρας Βερχόφσκι. Γέροντας Ζωσιμάς τῆς Σιβηρίας. Ἱερὰ Μονὴ Παρακλήτου Ὁρωπὸς Ἀττικῆς*, 1996.

Место рождения преподобного Зосимы — небольшое сельцо Буловицы на Смоленщине (ныне в Починковском районе), доставшееся по наследству его родителю. Недалеко, под Смоленском, находилось родовое имение Верховских, пожалованное основателю рода Адаму Верховскому в 1620 году, — село Богородицкое, известное по подвигу преподобного Авраамия Смоленского (XII — начало XIII вв.). Посещая имение деда Данилы Павловича, будущий пустынник Захария видел курган с пещерой, в которой жил преподобный Авраамий, и вырытый святым колодец, а в храме Успения Пресвятой Богородицы, построенном в 1701 году Данилой Павловичем, — чтимую икону преподобного Авраамия Смоленского. (Остатки пещер древнего Богородицкого монастыря, где был игуменом преподобный Авраамий, сохранялись вплоть до середины XIX века¹.)

Едва ли можно сомневаться в глубине этих детских впечатлений и их важной роли в становлении духовного облика святого. Еще в младенчестве он не просто предпочитал светским разговорам жития святых, которые вслух читала ему мать, но уже тогда «особенно жития преподобных пустынников занимали душу его: он не только хорошо понимал оныя, но и разгорался духом подражать им». (При параллельном чтении житий преподобных Авраамия и Зосимы нельзя не заметить общее — особое почитание «великаго вселенныя учителя Иоанна Златоустаго» у преподобного Авраамия² и «особенное усердие и любовь к святому Златоусту» у преподобного Зосимы.)

В детстве и отрочестве проявились добрые свойства Захарии: доброта и простодушие, чувствительность сердца, тихость, кротость и молчаливость, смирение и послушание родителям, великое прилежание к Закону Божию, любовь к святым заповедям.

Пятнадцатилетним юношей, по обычаю того времени, он был вместе с братьями отправлен на царскую службу и определен в гвардию. Оказавшись в Петербурге, он увидел в столичной жизни лишь новое поприще для испытания себя в терпении, смирении и самоотвержении. А когда спустя несколько лет он унаследовал после смерти родителей большое имение, то с Божией помощью не поддался и соблазну любостяжания — в трудную минуту ему открылось призвание Божие и он услышал слова: «Ты сам пойдешь в монахи».

¹ Смоленская епархия. История. [Смоленск], 1868. С. 287.

² Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему / Приготовил к печати С. П. Розанов // Памятники древнерусской литературы. Вып. 1. СПб., 1912.

Отдав свое имение сестре и получив полное увольнение от службы, юный Захария «весь ум свой, всю душу и сердце устремил на служение Богу в звании иноческом». Ему был 21 год от роду (1789), когда он оставил *миръ и яже въ миръ* и отправился в Рославльские леса¹, где подвизались тогда отшельники чрезвычайно строгой жизни, находившиеся в духовном общении со старцем Паисием Величковским². (Уместно предположить, что об этих пустынножителях и местах их обитания, находившихся не так уж далеко от его отчего дома, он знал, скорее всего, от своих близких: один из его свойственников был совладельцем того самого села Екимовичи Рославльского уезда³, в окрестностях которого жили в лесах монахи-отшельники.) Всю дальнейшую его жизнь глубоко определила встреча со старцем Адрианом (Блинским) и его учениками. Одному из них — тихому и кроткому отцу Василиску, «звезде пустынной», как называли его сподвижники, он предал себя в послушание.

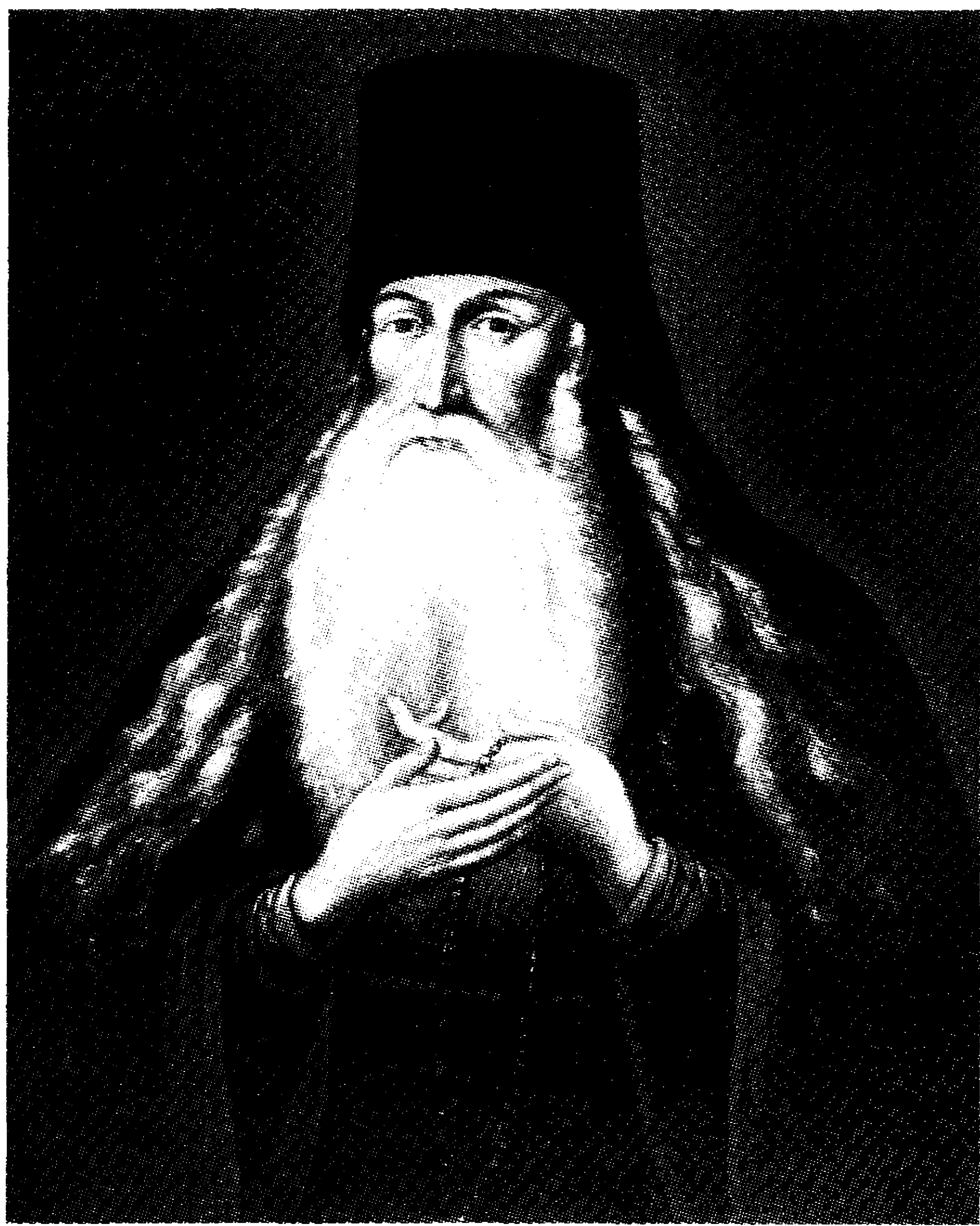
Старец Василиск был двадцатью годами старше Захарии, и та путеводная нить, которая привела его в Рославльские леса, несомненно, была связана с духовной традицией преподобного Паисия Величковского: на родине в юные годы он любил слушать в Калязинском Макариевском монастыре проповеди архимандрита Гавриила (Петрова; 1730–1801), тогда епископа Тверского (1763–1770), будущего митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского, издавшего (в 1793 году) «Добротолюбие» и содействовавшего распространению в России учения об умной молитве; первый урок послушания и благословение на безмолвное пустынное житие он получил во Введенской Островской пустыни (близ г. Покрова Владимирской губернии) от настоятеля ее старца Клеопы, ученика преподобного Паисия, долгое время жившего при нем на Афоне, а затем в Драгомирне и Секуле⁴.

¹ В Рославльских и смежных с ними Брянских и Жиздринских лесах, покрывавших «северо-западный угол Орловской губернии, западную часть Калужской и юго-восточную Смоленской», с середины XVIII в. до 20-х годов XIX в. «не прерывалось пустынножительство»; среди проходивших в лесной глуши иноческую жизнь «подвизалось весьма много замечательных отшельников». См.: Иеромонах Климент (Зедергольм). О пустынножительстве в Рославльских лесах // Преподобные старцы Оптиные. Житие схиархимандрита Моисея. Издание Введенской Оптиной пустыни. 1992. Приложения. С. 252–269 (репринт издания 1882 г.).

² См.: И. К. Смолич. Русское монашество (988–1917). Жизнь и учение старцев. М., 1997. С. 299, 340, 562.

³ См. об этом в разделе «Краткие заметки о родословной преподобного Зосимы»: с. 431 настоящего издания.

⁴ См. о нем: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1847. С. IV (и с. 328 в репринтном издании 2001 г.).

*Преподобный Паисий Величковский.
Портрет. Конец XVIII в.*

Сподвижничество преподобных Зосимы и Василиска продолжалось «многое тридцати лет», до блаженной кончины старца Василиска († 1824) — сначала, после Рославльских лесов, на протяжении десяти лет в отшельнических келлиях на острове Коневце, в нескольких верстах от Рождественского Коневского монастыря, где был поставлен строителем их духовный отец старец Адриан (Блинский); затем, по благословению старца Адриана и с увольнением, полученным у митрополита Гавриила, — в Сибири, в пятидесяти верстах от Кузнецка, в непроходимой

тайге, где «только к небу чистейший и незагражденный путь» и где старцы, «неразлучные сердцем, душою и умом», прожили больше двадцати лет, «разлучившись келлиями» ради глубокого безмолвия. Долгое странствование, приведшее их с Коневца в Сибирь, стало испытанием их готовности к взятому на себя духовному подвигу, а постигшие неудачи (вначале старцы трижды безуспешно пытались попасть на Святую Афонскую Гору) открыли им Промысл Божий и направили на единственно верный путь, который наилучшим образом отвечал их стремлениям и возможностям: проехав через всю Россию (Киев — Крым — Таганрог — Моздок — Астрахань — Казань — Уральские горы — Тобольск — Барабинская степь — Кузнецк; см. карту их пути, с. 71, а также географические заметки из записной книжки старца Зосимы), они оказались не в том месте, которое уже было свято, но в неосвоенном, новом, которое им надлежало освятить своей подвижнической жизнью. Важно заметить (к теме духовного преемства и связи с традицией старца Паисия Величковского), что здесь пустыльников принял под свою опеку Преосвященный Варлаам, архиепископ Тобольский (Петров; 1729–1802), старший брат митрополита Гавриила, и из его рук они получили «вид житьельствовать» в Тобольской епархии там, «где они сами изберут себе место».

Пустынное «купножитие» преподобных Зосимы и Василиска протекало в «охотнейшем» взаимном послушании, в неизменном «духовном дружелюбии, единодушии и неразномыслии», в «истинной любви друг ко другу о Бозе» и было поразительно по духовным его плодам. До конца оставаясь на стезе смиренного ученичества, преподобный Зосима был в то же время и учителем старца Василиска: именно от него, в годы отшельничества на Коневце, старец Василиск узнал «о умном сердечном внимании молитвы» и о святоотеческих книгах, «в коих более находится объяснений о умном сем внимании», — «Добротолубии», писаниях Нила Сорского, Исаака Сирина и других святых пустынножителей. Разные по возрасту, происхождению и воспитанию, по своим личным, человеческим особенностям, преподобные Зосима и Василиск, восполняя и поддерживая друг друга, составили вместе гармоничное единство — святую двоицу, чье духовное делание образует единое целое.

В этом духовном союзе преподобному Зосиме предназначено было увидеть, понять и запечатлеть в писании неповторимые черты святости, жизненный путь и духовный опыт старца Василиска. Труды его — «Житие монаха и пустынножителя Василиска», «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска», «Наставление старца Василиска пустынножителя» — донесли до нас полное и как нельзя более достоверное свидетельство о блаженном старце Василиске. Эти труды, по сути дела, являют собой единый текст — развернутое в триптих «Житие»: «Повествование о действиях сердечной молитвы...» — это глава о молитвенной жизни старца Василиска, по масштабу и значимости переросшая в отдельную книгу (к ней и отсылает читателя преподобный Зосима в соответствующем месте «Жития»: «отто-

*Гавриил (Петров), митрополит
Новгородский и Санкт-Петербургский.
Портрет. Неизв. художник. 80,3х64,8.
Начало XIX в.*

ле бысть ему чистая молитва с разными чудными чувствами и действиями, якоже о том особь книжицу написах до 75 действий...»); «Наставление...», в свою очередь, вписывается в житийный текст как одно из первых наставнических слов старца Василиска, которые указали юному Захарии начало пути (на первых порах он отправился в Коневский монастырь, где отец Адриан, возглавивший обитель по воле митрополита Гавриила, вскоре постриг его в иноческий образ с именем Зосима); с записи этих первых наставлений, по-видимому, и началась литературная деятельность преподобного Зосимы.

Во всех трех своих частях житие старца Василиска является полным и достоверным источником сведений и о его авторе. И дело здесь не только в автобиографичности текста (собственно, в известной мере это и «автожитие» старца Зосимы). Не менее важно другое: агиографические труды преподобного Зосимы являются живым свидетельством его высоких духовных дарований, его святости. С писателем столь обстоятельно, глубоко и проникновенно, как никогда в житийной литературе, рассказал о духовном делании и молитвенном подвиге своего учителя, что объяснение здесь может быть лишь одно — изложенное им он пережил как собственный духовный опыт.

В русскую агиографию и историю русской святости преподобный Зосима внес еще один неоценимый вклад — составленное им жизнеописание юного сподвижника святого праведного Петра Томского (в Соборе Сибирских святых; память 10/23 июня)¹. Блаженный юноша Петр Алексеевич Мичурин, дворянин Томской губернии, движимый пламенной любовью ко Христу, оставил мир, службу, «всех своих любезных родных» и «вступил» в Сибирскую пустыню к безмолвникам. Он вверил себя руководству старца Василиска, который открыл ему «о внутренних действиях сердечной молитвы и как проходить оную». В продолжение девяти месяцев, до ранней своей кончины, он предстоял пред Господом в чистой молитве и был не в силах сдержать стечений и слез, ибо духовными очами видел крестные страдания Спасителя. «Много нашего странствия с духовным моим братом [Зосимой] сотворили мы, а не нашли нигде подобного раба Божия, такого жестоко-подвижного, смиренномудрого, каков был сей юноша Петр!» — свидетельствовал о юном ученике старец Василиск, переживший его на несколько лет. Житие ученика, в свою очередь, было свидетельством о наставнике, и именно так

¹ Жития сибирских святых: Сибирский патерик / Под ред. Преосвященного Сергия, епископа Новосибирского и Бердского. Новосибирск, 1999. С. 175–176.

понимал смысл своего агиографического труда преподобный Зосима: «Свидетельствуют же о его [старца Василиска] богоугодном житии и обласканный его душе самые бывшие в нем молитвенные действия <...>. Еще свидетельствует житие ученика его Петра Алексеева, прозываемого Мичурина, который его наставлением и примером, великим постничеством и подвижною жизнь свою скончал».

Агиограф и здесь особое внимание уделил описанию духовного опыта подвижника, «великого действия» его молитвы. Со страниц жития, фактографически достоверного, но и поэтически выразительного, образ святого предстает перед нами как «свеча одушевленная», озарившая безлюдные сибирские леса светом небывалой любви, мира и благоволения. В общем же контексте русской духовной культуры он видится и как олицетворение любимой идеи Достоевского, с такою верой и надеждой высказанной писателем спустя полвека: «Может быть, единственная любовь народа русского есть Христос, и он любит Его по-своему, то есть до страдания»¹. К сожалению, житие Петра Томского дошло до нас не в первоначальном, а в переработанном виде. Оно сохранилось лишь в упомянутом выше издании Оптиной пустыни 1849 г. и переизданиях 1863 и 1899 гг.² По этим источникам оно и публикуется здесь, с надеждой, что в рукописных хранилищах со временем обнаружится подлинный текст.

Пустынное безмолвие и уединение преподобных старцев прерывалось лишь ежегодным паломничеством в Кузнецк во время Успенского поста для исповеди и причащения Святых Христовых Таин, появлениями трижды в год священника со Святыми Дарами и изредка — посещениями боголюбивого крестьянина Тимофея или кого-либо еще из добрых христолюбцев, от которых они принимали лишь самое необходимое, воздавая за подаяние своим рукоделием. Между тем слухом о лесных подвижниках, живущих в непрестанной смиренной молитве, наполнилась сибирская земля. Еще до прихода блаженного Петра Мичурина они приняли к себе в соседство двух стариков-мещан, взыскавших пустыню. Так возникло малое пустынное братство, и жизнь

¹ Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1873. V. Влас.

² Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы. М., 1849. С. 1–18; Изречения старца схимонаха Зосимы и извлечения из сочинений его, с присовокуплением им же составленных жизнеописаний монаха и пустынножителя Василиска и Петра Алексеевича Мичурина. М., 1863. С. 148–169; Житие и подвиги в Бозе почившего блаженного Памяти старца монаха Василиска, сподвижника схимонаха Зосимы Верховского. М., 1899. С. 67–80.

стала «неколько молвистее». Тогда преподобный Зосима с согласия старца Василиска построил себе келлию в пяти верстах, на диком болотистом месте, «кое от всех стран было неудобовосходное», и удалился «на высочайшее житие глубокого уединения и безмолвия», так что даже встречи со старцем и братией случались лишь по большим праздникам. Но на пути преподобного уже наметился решающий перелом: «Наконец пришло время воли Божией поставить светильник сей на свещнике, да светит многим, если не всему миру», — сказано об этом в его жизнеописании.

В 1818 году преподобному Зосиме исполнилось пятьдесят лет, три десятилетия из них были отданы пустынному подвижничеству. Как раз тогда, в бытность его в Кузнецке, к нему обратились первые сестры, искавшие спасения, и он по совету и благословению старца Василиска взял на себя попечение об их душах. Это было велением времени: в разных уголках России, иногда при содействии старцев, возникали одна за другой сестринские общины, перераставшие затем в женские монастыри. Историк русского монашества и старчества называет преподобного Зосиму Верховского одним из первых, кто в XIX веке подвизался на ниве духовного окормления русских женщин¹.

Последующие (и последние) пятнадцать лет были самыми трудными и ответственными в жизни старца. Все свои силы он отдавал теперь пользе и спасению многих душ, предавшихся в его руководство и послушание. Вскоре его трудами и стараниями было положено начало общежитию сестер в ближайшей деревне, расположенной в тридцати верстах от пустыни. Вслед за тем старец отправился искать по всей Тобольской губернии и нашел более удобное место для растущей общины — строения упраздненного в 1764 году Свято-Николаевского монастыря в Туринске. В 1822 году преподобный Зосима поехал в Петербург и получил там именное указание императора Александра Павловича и разрешение Святейшего Синода на возобновление Туринского монастыря и обращение его в женский. Через год он снова был в Петербурге по делам обители, а на обратном пути, по благословению старца Василиска, заехал на родную Смоленщину, где не был тридцать лет, оттуда взял с собой и привез в Туринск двух племянниц-сирот, дочерей покойного брата Илии, — уже инокинями, так как по дороге, во время остановки в Москве, они приняли постриг в Симоновом монастыре. Старшая из них, двадцатилетняя Вера, стала помощницей старца и его опорой, а

¹ И. К. Смолич. Русское монашество: Возникновение, развитие и сущность. 988–1917. М., 1997. С. 299.

впоследствии — списателем его жития и первой игуменией Троице-Одигитриевской пустыни.

Оставив пустынные келлии в сибирском лесу, преподобные старцы Зосима и Василиск переселились теперь ближе к обители — в уединенное место в восьми верстах от Туринска. Посильно занимаясь внешним благоустройством, отец Зосима главное внимание уделял устройению духовной жизни монастыря, в основание которой был положен составленный им (по общежительным правилам святителя Василия Великого) и одобренный Синодом устав. Старец находился в центре этой жизни; его пример, молитвы, отеческая любовь

и доброта, терпение и смирение, мудрые наставления и поучения производили удивительные действия, возгревая сердца сестер к усердной молитве и подвигам.

И именно в это время, на самом пороге благого начинания, когда уже стали очевидны его первые многообещающие плоды, началось монастырское смятение. Высочайшая добродетель столкнулась с самым низким злом: преподобный Зосима стал жертвой человеческой клеветы, которая была продиктована завистью и любоначалием. Сейчас, по прошествии почти двух столетий, обстоятельства смуты и ее подоплека восстанавливаются со всей очевидностью. Тайное сделалось явным: как это ни удивительно, сохранилась прямая улика — ставшее «началом смущений» клеветническое письмо (автограф) рясофорной монахини Августы (Васильевой) родственнику-прокурору, содержащее хулу на старца и злоумышления против него. Письмо публикуется здесь среди других архивных документов, относящихся к этому периоду.

*Племянница старца Зосимы
и писатель его жития Вера (Верховская),
первая игумения Троице-Одигитриевской
Зосимовой пустыни*

Сам преподобный Зосима рассказал (в «Житии монаха и пустынножителя Василиска») лишь об одной своей скорби тех горестных дней — о вынужденной разлуке со старцем Василиском, даже в час блаженной кончины старца († 29 декабря 1824 г.), так что он едва успел отдать своему духовному отцу, наставнику и другу лишь последний долг: «сотворил иноческое ему погребение» в Туринском монастыре и не забыл, в разгар нестроений, о запечатлении его образа, призвав живописца для списания портрета (по глубокому смирению старец при жизни уклонялся от этого). Лишь кратко упомянув о «крамоле и несогласии» в монастыре, преподобный отсылает заинтересованного читателя к «книжице, составленной от девицы Веры, именуемой Варвары Верховской», где «о сем в точности описано».

Монахиня Вера, «по должности письмоводительства» и по долгу истинного свидетеля и участника событий, в жизнеописании старца Зосимы повествует об этом и последующем времени во всех подробностях и с особой полнотой. Эпизоды унижений, оскорблений и гонений старца, возводимых на него ложных обвинений, неправого разбирательства, учиненного предубежденными и недоброжелательными людьми прямо в церкви (возможно, напоминавшие отцу Зосиме позорное судилище над преподобным Авраамием Смоленским, чье житие знакомо ему было с детства: «... събравшимся игумени и ереи, и вины, яже преже глаголаху, укоривше, озлобивше, възложиша на нь»¹), явили черты его внутреннего устройства: «чудную любовь к враждующим, молитву за них, кроткое, молчаливое терпение, смиренно-мудрие, покорность воле Божией и твердое упование».

Следствием этих жестоких испытаний, глубокой скорби о безвинных страданиях сестер и о расстройстве начатого богоугодного дела стал отъезд старца и преданных ему духовных чад в Москву и основание с Божией помощью новой обители в Верейском уезде (будущей Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни) — под покровительством и по благословению святителя Филарета, пособием расположенных к старцу московских благотворителей (М. С. Бахметевой, царевны Грузинской Тамары, купцов С. Л. Лепешкина. Д. М. Самгина и других). Духовному попечению о сестрах, устройению новой пустынной обители и — в предчувствии конца — заботе о безбедном будущем оставляемого стада преподобный Зосима отдавал все свои силы. И когда все было

¹ Жития преподобного Авраамия Смоленского..., с. 11 (цит. по основному списку, озаглавленному: «Житіе и терпѣніе преподобнаго отца нашего Авраамья, просвѣтившагося въ терпѣнїи мнозе, новаго чюдотворца въ святыхъ града Смоленска»).

приведено в надлежащий порядок, а жизненные силы близки к исчерпанию, его посетили «два пустынные старца из Орловской губернии», и он принял келейно великий образ схимы. Круг жизни замкнулся, старец обратился «хотя не в глубокое, но тихое безмолвие» и, вспоминая безмолвие пустынное, не мог сдерживать слез, говоря: «О пустыня, пустыня, любимая моя пустыня! Расстался я с тобою, как с любезною матерью...» Намеревался пешком с котомкою идти «в Соловки», но принял как волю Божию совет старца Филарета из Новоспасского монастыря: «... кончина твоя и гроб твой могут быть полезны и назидательны для твоего стада». 24 октября 1833 года, в день праздника иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», преподобный старец скончался на руках младшей племянницы Маргариты, успев тихо сказать: «В надежде умираю!»

Похоронили старца на шестой день, после вечерни, возле часовни — по его завещанию: «... положите меня возле часовни, чтобы дождь с крыши, под коею распятие моего Спасителя, орошал мою могилу». Впоследствии по благословению святителя Филарета над гробом основателя Троице-Одигитриевской пустыни был построен храм во имя Святой Троицы. Могила находилась у стены храма, в правой части центрального алтаря. В письме старца Амвросия Оптинского от 30 июля 1886 года есть строки: «... Недавно в Зосимовской пустыни заметили, что гроб основателя обители находится в воде, потому что место сырое. Высекли из целого [камня?] гроб и сделали новый деревянный гроб и во время переложения увидели, что все тело старца цело...»¹ Речь идет, по всей вероятности, о схимонахе Зосиме Верховском (мощи основателя мужской Зосимовой Смоленской пустыни в Александровском уезде Владимирской губ. были обретены в 1889 году).

Завершением творческого пути преподобного Зосимы явился самый большой его труд «Поучение о послушании» — итог многотрудной подвижнической жизни старца, перенесенных им испытаний и скорбей, обретенного духовного и наставнического опыта, истоки которого восходят к годам отшельничества на острове Коневце, где многие уже тогда называли его «младый старец». В книге обобщен также многолетний его опыт прилежного чтения и изучения Священного Писания, творений святых отцов и учителей Церкви, наставников монашеской жизни. О плодотворности этих занятий агиограф старца находит теплые и точ-

¹ Собрание писем преподобного Амвросия, старца Оптинского, к превосходительной NN и настоятельницам N общины / Подгот. Издательским отделом Оптиной пустыни. СПб.: Новый город, 1997. С. 97–99.

ные слова: поскольку преподобный Зосима «имел хорошую память и природную чувствительность и горячность в сердце, то при чтении различных духовных книг великих, мудрых и богоносных учителей семя слова Божия приносило в нем обильные плоды духовных познаний и добрых дел». (Здесь можно вспомнить схожее свидетельство о начитанности и наставничестве преподобного Авраамия Смоленского: «... бѣше готово слово въ оустѣхъ его къ отвѣту на всякое вопрошеніе, къ сказанію же и толкованію недовѣдомыхъ въ писаніи реченіи, вся бо прочтенная въ памяти ему бяху незабвенна и аки бы вивлеочика оумъ его, многія въ себѣ обдержаше книги»¹.)

«Поучение о послушании» написано с нелицемерной любовью о Господе к тем, кому адресованы сорок шесть его слов-поучений, в нем с особой полнотой и яркостью выражены присущий старцу дар убеждения, художественная сила его слова. Приходится лишь сожалеть, что долгие десятилетия рукописная книга была заключена в хранилище, где у нее не было и не могло быть читателей. «Поучение о послушании» публикуется здесь впервые по списку из рукописного собрания Троице-Сергиевой Лавры.

* * *

Исчерпывается ли письменное наследие преподобного Зосимы Верховского публикуемыми здесь произведениями? К сожалению, сведений о полном составе написанного старцем нет. Их вовсе не содержит «Житие» преподобного Зосимы, поскольку агиограф не уделяет специального внимания духовному творчеству старца (о некоторых известных его трудах там сказано в примечаниях, принадлежащих скорее всего не автору, а издателю).

И все же многое говорит за то, что существовали, кроме публикуемых, и другие произведения преподобного. Приводим (в хронологической последовательности) сохранившиеся свидетельства о них.

Два сочинения преподобного старца Зосимы упоминаются в письме к нему епископа Иркутского Михаила (Бурдукова) от 23 октября 1818 г. (см. с. 449 настоящего издания). Собственно, письмо представляет собой отзыв — весьма одобрительный — о какой-то рукописной книге старца, которую епископ «с прискорбием духа» возвращает автору по его просьбе: «... Вы требовали от меня некоторых советов касательно монашества: но по всему

¹ Житие преподобного Авраамия Смоленского..., с. 105 (цит. по варианту Жития, находящемуся в Четъих-Минях святителя Димитрия Ростовского, издания Киево-Печерской Лавры 1705 г.).

вижу, что оные Вам не нужны. Дух, виденный в Вашей книге, дух разума и благочестия, утвержденных навыком и опытностью, сей дух един доволен Вам к разрешению всех недоумений и сомнений. Сочинение сие Ваше <...> показалось мне столь совершенным в своем роде, что я не усомнился бы подать свой голос о напечатании его». Далее в письме упомянуто и другое произведение старца, также без указания названия: «... буду с радостью ожидать присылки другого Вашего сочинения, мне обещанного».

Михаил (Бурдуков), архиепископ Иркутский. Портрет. XIX в.

Идет ли здесь речь об известных нам сочинениях старца Зосимы — «Жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина в пустынях Сибири», первоначальных редакциях (или фрагментах?) «Поучения о послушании» или «Повествования о действиях сердечной молитвы»? Сейчас, по крайней мере, нет никаких подтверждений такого рода догадкам. Не исключено, что в письме епископа Михаила говорится о каких-то не дошедших до нас сочинениях старца сибирского периода.

Преподобный Зосима составил возражение старцу Василиску в ответ на его намерение перейти на «непомерное воздержание» и положить себе правилом никогда не вкушать ни молочного, ни рыбного. Основываясь «на церковных преданиях», он «более 3-х пунктов написал в доказательство», так что совершенно убедил своего старца отказаться от задуманного: тот со смирением «сознался в своем недоумении», и «после сего искушения никакая тень огорчений не помрачила духовного света святого их дружества». Об этом рассказал сам преподобный Зосима в «Житии монаха и пустынножителя Василиска»; позднее этот эпизод, относящийся к годам безмолвия в сибирской пустыне, был включен агиографом в жизнеописание старца Зосимы (см.: с. 151 настоящего издания; «Житие и подвиги» схимонаха Зосимы. С. 101).

Еще один труд — Устав сестрам, основанный на общежительных правилах святителя Василия Великого, — преподобный Зосима написал после первого путешествия в Петербург (где получил от Святейшего Синода указ об учреждении Туринского женского монастыря) по прибытии в Туринск (1822 г.); затем, во время второй поездки в Петербург, он представил Устав на рассмотрение Святейшему Синоду (см. «Житие и подвиги схимонаха Зосимы», с. 114, 116). В Архиве Синода найдена «Краткая выписка из устава сестер» (32 пункта, переписанные рукою Веры Верховской), которая публикуется в нашем издании (с. 514).

Наконец, надо указать здесь увещания племянницам («целая тетрадь увещаний»), написанные преподобным Зосимой на родине, в Смоленской губернии, в родном доме, куда он заехал, возвращаясь из второй поездки в Петербург, чтобы взять с собою в монастырь двух племянниц-сирот Варвару и Матрону, дочерей покойного брата Илии (см. «Житие и подвиги схимонаха Зосимы», с. 120). «Блажен тот, кто добровольно оставит мир для Бога» — таков был смысл этих увещаний, возымевших на юных племянниц «чудное действие». Известно, как создавался этот труд: тетрадь увещаний старец написал в продолжение трех дней и ночей, затворясь в отведенном для него покое, усиленно молясь и приложив к молитвам пост, положив пред Богом обет ради племянниц («Господи, до тех пор не буду ни пить, ни есть, пока хотя одна моя племянница не решится служить Тебе в жизни монашеской»).

В этом перечне обращают на себя внимание сочинения, написанные *ad hoc*, адресованные не читателю вообще, а определенному читателю и по вполне конкретному поводу. Они, безусловно, свидетельствуют о природной склонности преподобного Зосимы к писательскому труду, о присущем ему даре слова. Эти сочинения открывают нам и другую замечательную особенность старца — он был в высокой степени наделен ревностью о спасении ближнего и наставническим даром понимания каждого лица и каждого обстоятельства, а отсюда — органической потребностью приходить на помощь со своим письменным словом-наставлением, чтобы тот, кому это слово было адресовано, получил возможность не просто прочесть, но вчитаться и вдуматься в него и сделать верный вывод и выбор.

Характерно, что в духовном наследии преподобного Зосимы есть своего рода апология письменного творчества — слово 42 «Поучения о послушании», озаглавленное «К нехотящему слушати написанного поучения». Здесь мы находим не только и не столько обличение тех, кто отвращается от отеческих наставлений или «писания старца к душевному назиданию и исправле-

нию», сколько глубоко продуманное рассуждение о наставническом долге и о пользе и преимуществах написанного текста перед «изустным поучением». Среди этих преимуществ преподобный Зосима называет прежде всего долговременное действие письменного слова, его работу на будущее, ссылаясь на опыт святых: «... кои без писания, едиными глаголы поучали, то онех отец все речи и наставления ныне нам неизвестны, како и о чем поучаху своих учеников. А которыя своя поучительныя наставления писанием оставиша, то и по днесь весь мир вразумляется и наставляется оным».

Другое преимущество, связанное с первым, — в большей продуманности и подготовленности письменного текста по сравнению с устным, в сугубой ответственности старца за каждое написанное слово: ведь он «не от себя и не своим разумом пишет и поучает <...>, но елико Бог помогает и вразумляет, яко же Сам рече во Евангелии: *"Без Мене не можете творити ничесоже"*». В мыслях старца нет и тени самомнения — напротив, с присутствующим ему смирением и самоуничижением он относит равно и к себе слова, обращаемые им к труженикам на ниве письменного творчества: «... тем паче таковому старцу, иже и сам несовершен и многонемощен, скудоумен и грешен, подобает более писати, неже глаголати. Ибо, словами поучая, удобно может ошибиться и глаголати погрешно; написуя же, со всяким опасством внимает, дабы во всем сходно было со Священным Писанием». И далее еще об одном важном преимуществе: написанное им старец «предлагает многожды на рассмотрение богопросвещенным отцем и по свидетельству их предлагает и ученикам своим без сомнения». За этими словами, бесспорно, угадывается творческий опыт самого отца Зосимы — можно вспомнить опять-таки строки из «Жития монаха и пустынножителя Василиска»: «... бывшия в нем молитвенныя действия, особенною книжицею написанныя в 75 действиях <...> многими духовными иночествующими отцы разсматриваемы были еще при жизни его <...> и согласно от всех одобрено».

Составление письменных поучений преподобный Зосима почитал своим наставническим долгом: «Отец же еще более осудится от Бога, аще не будет тщательно пещися о исправлении брата, ово поучением из Священного Писания, ово сам написуя, еже Бог внушает к его назиданию». Он писал не только о пороках, но стремился не оставлять без уврачевания и «самомалейших погрешностей». И это, в свою очередь, позволяет полагать, что письменное наследие старца во всей полноте мы, наверное, пока не знаем.

Старец Зосима и русское монашество

Если, как уже говорилось, начало подвижнического пути преподобного Зосимы складывалось при благосклонном внимании и содействии митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила (Петрова), то последний, самый тяжкий и ответственный этап этого пути — время деятельного подвига — был отмечен участием и спасительной поддержкой другого выдающегося иерарха Русской Церкви — святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского. К этому времени относится свидетельство самого старца о духовном общении со святителем — заключительное его замечание к «Житию монаха и пустынножителя Василиска»: «... молитвенныя действія, особенно книжицею написанныя въ 75 действіяхъ, <...> даже и Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ Московскій соизволилъ разсмотреть, и согласно отъ всехъ одобрено» (см. с. 157 наст. издания). С рукописью «Повествования о действиях сердечной молитвы старца Василиска» святитель Филарет познакомился скорее всего в 1822 году, когда отец Зосима впервые после многолетнего глубокого безмолвия в Сибирских лесах приехал в Петербург хлопотать в Святейшем Синоде об устройении Туринского женского монастыря. Тогда с ним была сибирская «берестяная грамота» — написанное рукою старца Василиска напутствие; но с таким же основанием, ради успеха дела, он мог привезти с собою свой труд о молитвенном подвиге старца-сподвижника. Так или иначе, «из духовных особ Московский владыка Филарет, присутствовавший тогда в Святейшем Синоде, более всех оказал свое благорасположение к пустынному старцу, — пишет агиограф. — Сей боголюбивейший, любомудрейший и любвеобильнейший архипастырь принял старца под свое отеческое покровительство и не только помогал ему в его предприятии, но даже поправлял ему черновые прошения в Святейший Синод и содействовал исполнению сего дела»¹.

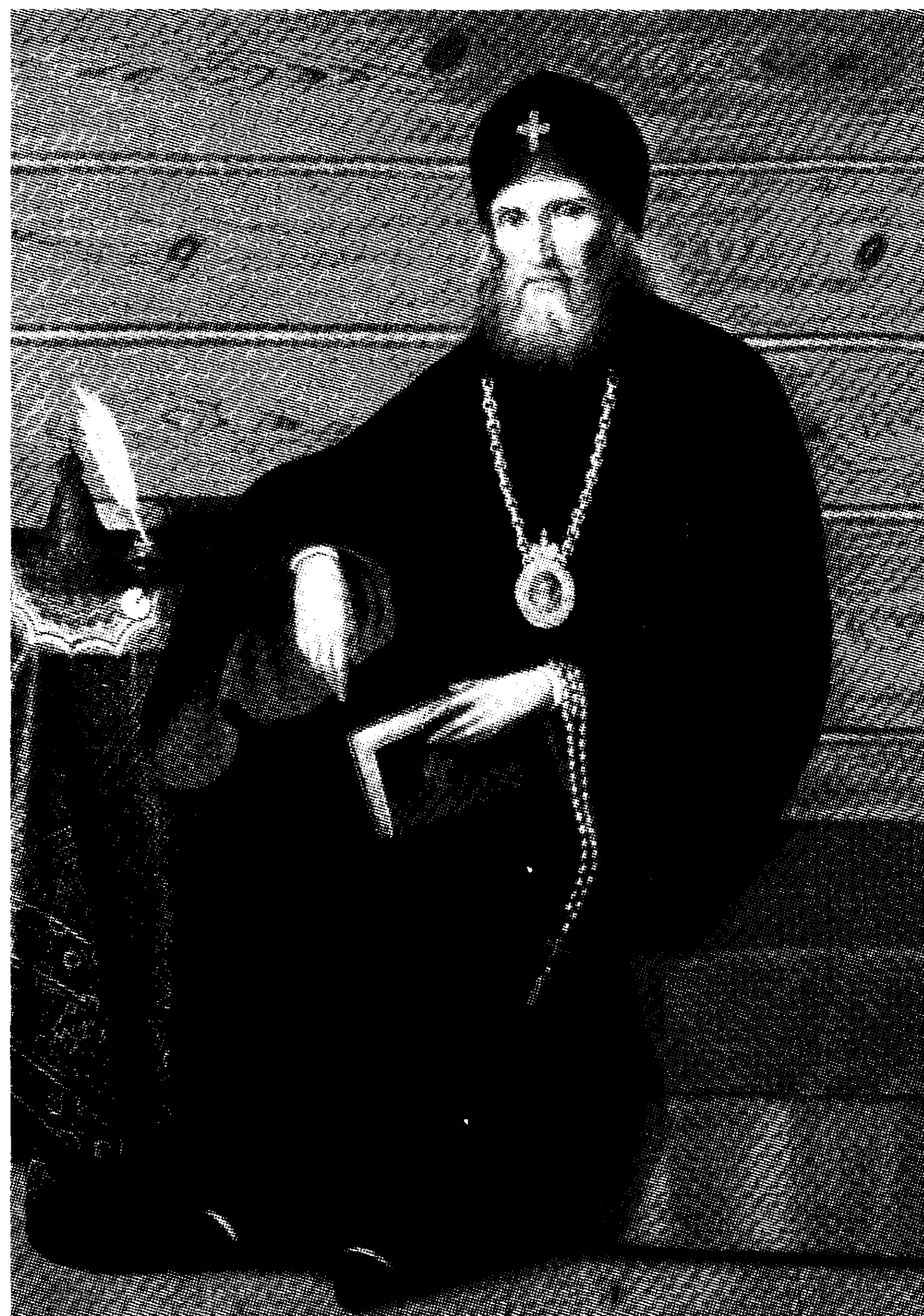
Когда же старцу Зосиме, в условиях начавшихся гонений и угроз, пришлось в 1825 году покинуть Туринск, то он отправился в Москву и «прежде всего явился к Московскому Преосвященному архиепископу Филарету, неизменному своему покровителю», который принял его отечески и дал ему спокойное убежище в кремлевском Чудовом монастыре². Именно участие святителя более всего содействовало в те дни *ко благу*: судьбу старца и

¹ Жизнь и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти старца Зосимы... С. 112.

² Там же. С. 172.

приехавших с ним духовных чад, «сих чужестранных, бедных и бесприютных сирот», решило тогда «отеческое расположение Московского владыки, его милостивое покровительство и архипастырское его благословение на устройство обители в его епархии»¹.

Святитель Филарет сам участвовал в выборе места для будущей обители. Об устройстве обители святитель продолжал отечески заботиться и далее, после смерти преподобного Зосимы. По его ходатайству перед Святейшим Синодом было узаконено земельное владение и оформлены все необходимые документы общины, и 19 июля 1841 года, после утверждения импера-

Святитель Филарет, митрополит Московский. Портрет. XIX в. ЦАК МДА

тором Николаем I положения Синода, началось официальное существование Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни. В том же году святитель сам составил для сестер особые, «исполненные глубокой мудрости и духовной опытности» правила². Начальницу (потом игумению) общины Веру (Верховскую) он наставлял частыми назидательными письмами (с. 540 наст. издания), а 1 октября 1855 года освятил храм во имя Святой Троицы, построенный, по его благословению, над гробом основателя обители (см. беседу святителя по освящении храма, также публикуемую нами, на с. 536). «Под высшею редакциею святителя Филарета», как сообщает исследователь его жизни и деятельности³, вышло в свет в Москве в 1860 году первым изданием житие

¹ Там же. С. 178–179.

² См.: И. Корсунский. Святитель Филарет, митрополит Московский, его жизнь и деятельность на московской кафедре по его проповедям. Харьков, 1894. С. 1000. Правила напечатаны в журнале «Душеполезное чтение» (1871 г., ч. III, с. 96–107 раздела «Известия и заметки»).

³ И. Корсунский. Указ. соч. С. 1005.

преподобного Зосимы, составленное игуменией Верой (Верховской). Обстоятельства подвижнической жизни старца Зосимы и его наставников святитель Филарет знал, видимо, во всех подробностях¹.

* * *

Высоко ценил и любил старца Зосиму архимандрит Антоний (Медведев), наместник Троице-Сергиевой Лавры. Знакомство их состоялось в 1823 (если не в 1822) году в Высокогорской Вознесенской пустыни (в нескольких верстах от Арзамаса), где подвизался тогда преподобный Антоний². Возвращаясь в Сибирь из второй своей поездки в Петербург, отец Зосима посетил (в 1823 году) пустынь вместе с новопостриженными племянницами-инокинями, и Антоний Высокогорский благословил тогда по просьбе старца Веру и Маргариту, ехавших в Туринский монастырь. Вторая их встреча произошла в 1831 или 1832 году в Троице-Сергиевой Лавре, где архимандрит Антоний стал к тому времени наместником. Сказание об этой встрече, составленное ее свидетельницей и участницей инокиней Верой (и Маргаритой?) и запечатлевшее значительный и яркий эпизод жития преподобных Зосимы и Антония, публикуется в настоящем издании (с. 534). «И с тех пор, — как сообщает сказание, — водворилось усердное общение между аввою Антонием и пустыннолюбным Зосимою до блаженной кончины последнего». Архимандрит Антоний, который был в мирской жизни врачом, преподавал медицинские сове-

¹ Подтверждением тому может служить письмо его к А. Н. Муравьеву (писавшему жития русских святых) от 8 декабря 1851 г.: «Вот дополнение о Адриане и Василиске. В лесу начала их беспокоить полиция. Смоленский епископ, дабы оградить их от сего, предложил им приписаться к одному из монастырей его епархии и продолжать жить в лесу. Но они боялись, что вошед в сию зависимость, будут привязаны к монастырям и привлечены к епархиальной службе. Они писали о сем к Феофану, бывшему келейником митрополита Новгородского Гавриила, впоследствии Новоезерскому архимандриту. Митрополит вызвал их и послал в Коневец посмотреть, угодно ли им там жить; но вскоре потом прислал указ об определении Адриана Коневским настоятелем. Адриан несколько лет правил монастырем; потом испросил увольнение, и жил, и скончался в Симонове в схиме, под именем Алексия. Василиск жил еще в Коневце несколько лет: потом удалился в Сибирь». (Письма Митрополита Московского Филарета к А. Н. М[уравьеву]. 1832–1867. Киев, 1869. С. 375.)

² 27 июня 1822 г. он был пострижен там в монашество, 20 июля того же года рукоположен во иеродиакона, 22 июля — во иеромонаха; 9 июля 1826 г. определен строителем Высокогорской пустыни; с 11 марта 1831 года до конца дней († 12 мая 1877 г.) был наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. См.: Архим. Георгий (Тертышников). Архимандрит Антоний (Медведев), наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. С. 12–27.

ты, рецепты и лекарства болящей Маргарите; только к нему во время предсмертной своей болезни обращался за медицинской помощью отец Зосима, и тот с любовью присылал ему нужные лекарства. В последнем письме к отцу наместнику Троице-Сергиевой Лавры, как выяснилось впоследствии, старец просил не о лекарствах себе, а о «покровительстве сиротам своим».

Преподобный Антоний стал первым благочинным Троице-Одигитриевской пустыни и исполнял эту обязанность с любовью и ответственностью в течение многих лет — до 1871 года, когда «по сла-

бости здоровья и по преклонным летам» вынужден был отказаться от благочиния. Но и в дальнейшем он продолжал по мере сил заботиться о своих подопечных: «Я от вас не отказываюсь и всегда помню вашу обитель; до гроба не забуду и готов помочь вам во всем, и не оставляю вас никогда», — писал он в те годы игумении Афанасии (Кочаловой), преемнице Веры (Верховской)¹.

Посещая пустынь, где хранились рукописи преподобного Зосимы, архимандрит Антоний, несомненно, обращался к духовному наследию почитаемого им старца, хорошо знал и высоко ценил его труды. Существует свидетельство о передаче им в 1845 году рукописи жизнеописания старца Василиска И. В. Киреевскому, редактору журнала «Москвитянин» и одному из главных участников оптинского издательского дела, — письмо игумена Моисея (Путилова) к игумену Антонию (Путилову) от 29 июля 1845 г.: «... Г-н Киреевский, редактор "Москвитянина", заезжал к нам вчера и одну книжку "Жития" старца Паисия оставил, а прочия пришлет из своей деревни — при сем тебе ею усердствую и порт-

*Преподобный Антоний (Медведев),
наместник Троице-Сергиевой Лавры.
Портрет. 1858 г.*

¹ Троице-Одигитриевская Зосимова пустынь / Сост. княжна Елена Горчакова. (репринт: М., 1998). С. 42.

рет о. Филарета Новоспасского. Ты же пришли Жизнеописание о. Алексия и Илариона, митрополита Суздальского, им для прочтения — а может быть, и напечатают. Он большое обращает внимание на издания отеческие. Ищет собрать сведения об о. Архимандрите Александре и Филарете Новоспасском. От о. Наместника получил он книжку Жизнеописания старца Василиска и оставил оную для списания ему. <...> Оптиная пустынь.» (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 213, к. 59, д. 1, л. 302). Можно полагать, что рукописное собрание Троице-Сергиевой Лавры пополнилось рукописями трудов преподобного Зосимы при содействии архимандрита Антония. В библиотеку Лавры им был передан подаренный ему сестрами Зосимовой пустыни экземпляр книги «Жизнь в Бозе почившего схимонаха Зосимы» (М., 1860; книга эта, с золотым обрезом и в бархатном переплете, отпечатанная в типографии А. Федотова, хранится ныне в Российской государственной библиотеке).

* * *

В освоении и изучении письменного наследия преподобного Зосимы особая роль принадлежала младшему его современнику иеромонаху Арсению (Троепольскому; 1801 [1804?] — 1870). Имя, биография и труды этого духовного писателя, близкого к кругу и аскетико-литературной традиции святителя Игнатия (Брянчанинова), стали известны лишь недавно, благодаря архивным и текстологическим разысканиям А. М. Пентковского¹.

Иеромонах Арсений (в миру Валентин Троепольский) вступил на иноческий путь после завершения учебы на филологическом факультете Московского университета, придя в 1825 году в Симонов монастырь. Выбор монастыря, по праву считавшегося средоточием «паисиевского направления», был, конечно, неслучайным, как и выбор наставника: новоначальный подвижник на новом поприще жизни вверил себя руководству симоновского старца Илариона (1784–1852). Спустя годы иеромонах Арсений благодарно вспоминал уроки учителя на страницах единственной своей прижизненной публикации — «Очерка жизни старца Илариона, иеромонаха и духовника московского общежительного Симонова монастыря»²: «Сколько услышал я от него светлых

¹ А. М. Пентковский. От «Искателя непрестанной молитвы» до «Откровенных рассказов странника» (к вопросу об истории текста) // Символ, № 27. Париж, 1992. С. 137–166; А. М. Пентковский. Кто же составил Оптиную редакцию рассказов странника? // Символ, № 32. Париж, 1994. С. 259–278.

² См.: журнал «Странник». 1863. Апрель. С. 5–11.

и глубоких истин относительно монашества! Как много раскрыл он мне познаний о внутренней молитве и сердечном делании — познаний для меня новых и изумительных!» Сам же старец Иларион был духовным сыном схииеромонаха Алексия¹ — принявшего схиму и жившего на покое в Симоновом монастыре старца Адриана (Блинского), чадами которого были в Рославльских и Коневецких лесах преподобные Василиск и Зосима. Следовательно, по линии ученичества иеромонах Арсений состоял с ними в близком духовном родстве, и можно не сомневаться, что знал о них многое по рассказам старца Илариона. Ведь неслучайно в «Очерке жизни старца Илариона» он упоминает беседы схииеромонаха Алексия с учеником «о делах благочестивых подвижников, которые были известны ему или сожительствовали с ним в Брянских лесах».

Сведений о личном знакомстве Арсения Троицкого с преподобным Зосимой в нашем распоряжении нет. Но для их встречи и общения существовала полнейшая возможность: старец переселился из Сибири в Москву как раз в 1825 году, осенью, и с тех пор постоянно бывал в Симоновом монастыре, «в коем архимандрит и все монахи любили его», как пишет агиограф. И трудно представить себе, учитывая подвижническую устремленность Арсения Троицкого, чтобы он не искал и прошел мимо столь драгоценной для него возможности. Так или иначе, труды старца Зосимы он знал досконально, и более того, они стали органической частью его духовной жизни и творчества.

Исследование литературной деятельности иеромонаха Арсения Троицкого пока только начинается², до конца не выявлен еще корпус его сочинений, не найдены в рукописных хранилищах все части (их было пятнадцать) «Подвижнического сборника», представлявшего собой, по всей вероятности, собрание его сочинений. Едва ли не все его труды посвящены молитве, и главным образом — непрестанной внутренней Иисусовой молитве как

¹ Именно ему старец Алексей за полгода до нашествия Наполеона на Москву «прозорительно втайне предсказал»: «Чадо! Великий огонь грядет...» Иларион написал пространное житие старца Алексия (в соавторстве со схииеромонахом Ионой, келейником и другом старца), как свидетельствует в своем «Очерке» Арсений Троицкий.

² Наряду с указанными исследованиями А. М. Пентковского см.: В. А. Котельников. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс—Плеяда, 2002. Анализируя рукописные тексты Арсения Троицкого, автор приходит к заключению, что «в них запечатлена практика сердечной молитвы, духовно-мистический опыт человека, во-первых, богато одаренного, во-вторых, вполне усвоившего святоотеческое наследие и уроки старцев и, в-третьих, наделенного тонкой наблюдательностью и литературным талантом» (с. 43).

«необходимому и главному упражнению каждого, принесшего Богу иноческие обеты»¹. Источником для некоторых из них послужили творения преподобного старца Зосимы Верховского.

Так, агиографические труды старца — «Житие монаха и пустынника Василиска», «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска», «Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина в пустынях Сибири» — легли в основу составленного Арсением Троицким аскетико-методического сочинения о молитве, под заглавием «Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов»². Оно написано в форме послания «возлюбленному о Господе брату», вниманию которого автор спешит предложить «верный образец созерцательной жизни, явившийся в нашем времени, совершенно подобный святым внутренним упражнениям древних духоносных отцов», — речь идет о подвигах и молитвенном опыте преподобных старца Василиска и его ученика Петра Мичурина. Далее следуют выполненный Арсением Троицким русский перевод (местами пересказ) «Повествования о действиях сердечной молитвы старца Василиска», предваряемый сведениями о старце и изречениями последнего, почерпнутыми из его «Жития», и близкое к тексту переложение «Жизни и подвигов Петра Алексеевича Мичурина» по образцу части, посвященной старцу Василиску (с порядковой нумерацией двадцати молитвенных действий). Это основная часть в композиции «Памяти», занимающая две трети ее объема. Описания молитвенных действий сопровождаются «примечаниями и размышлениями об оных», в которых Арсений Троицкий глубоко и взволнованно рассуждает об опыте современных ему русских исихастов и о достоинствах словесного его изложения старцем Зосимой. Вот примеры этих авторских комментариев: «Какая истинная и чистая цель при молитве! Старец о любви к Иисусу Христу и о поставлении себя в Его присутствие заботился преимущественнее, нежели о питании сладостию. Это поставляют также и отцы, учителя сердечному деланию, наставлениями коих и руководствовался старец Василиск» (из примечания к действию LVII); или: «Старец — простосердечный, и ученик его — простой. Они имели на все описанные случаи взгляд токмо оригинальный, и, без сомнения, вся сия картина верно скопирована с одной токмо натуры, без всяких приноровлений и умствова-

¹ Арсений Троицкий. Указ соч. // Странник. 1863. Апрель. С. 9.

² Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов (Послание) / Подготовка текста и публикация А. М. Пентковского // Символ, № 32. С. 279–340. Публикация сделана по машинописной копии, хранящейся в Парижской Славянской библиотеке.

ний. Заметьте ж при том, какая последовательность в изложении и какая правильная система в изображении духовного возраста и преспеяния! Так-то благодать Божия вела сего сына любви от осязаемых, так сказать, чувственных, утешений до состояния Павлова¹» (примечание к действию LXXV).

Комментарии к молитвенным действиям старца Василиска и следующий раздел рукописи — «трактатец» о молитве, «источнике и матери добродетельной жизни» — содержат ссылки на слова Священного Писания о непрестанной молитве и на собранные в «Добротолюбии» наблюдения и поучения святых отцов, «испытавших жизнь молитвы на самом деле». Собственно, во внимательном сопоставлении духовной жизни старца со святоотеческим опытом и заключался смысл проделанной автором работы. Об этом говорит само название, под которым (в другом месте) упоминает свое сочинение Арсений Троепольский: «Описание молитвенных явлений старца В<асилиска> и многих отцов Добротолюбия, в совокупности представленные»². Именно это обстоятельство («доказательства из книг отеческих») привлекло к рукописи особое внимание преподобного Макария Оптинского и побудило его написать известное «Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву»³. Преподобный Макарий не приводит ни имени сочинителя (рукопись была безымянной), ни названия его сочинения, он пишет об «одной рукописи неизвестного писателя, в которой объясняются различные молитвенные действия и утешения духовные, каких сподобляем был сибирский старец Василиск»; об этой рукописи было «нельзя умолчать», поскольку «она написана убедительно, доказательства приспособлены из книг отеческих, а опасная сторона по сему предмету умолчана, так что не совершенно знающий учение святых отцов легко увлечься может таким убеждением». Но прав, безусловно, публикатор и исследователь «Памяти»: «Предостережение» было написано по поводу сочинения Арсения Троепольского и отнюдь не связано с «Повествованием о действиях сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска» потому уже, что «доказательств» из святоотеческих книг там нет, есть лишь само описание семидесяти пяти действий молитвы. Кроме того, излишне и говорить, что преподобный Зосима Верховский не был для старца Макария

¹ См.: 2 Кор. 12, 1–4.

² А. М. Пентковский. Указ. соч. // Символ, № 32. С. 265.

³ См.: Иеросхимонах Макарий (Иванов). Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим проходить умную Иисусову молитву // Собрание писем блаженных памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария (письма к монашествующим). М., 1862. С. 361–362.

*Преподобный Макарий (Иванов),
старец Оптинский. Портрет. XIX в.*

«неизвестным писателем», коль скоро Оптиной пустыню были изданы в 1849 году «Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска», а в библиотеке обители хранились рукописные списки трудов старца Зосимы с указанием имени автора.

И все же «Предостережение» сказалось на судьбе наследия преподобного Зосимы. «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска» в XIX веке так и не издавалось и впервые увидело свет только в конце XX века. Оно распространялось в списках, иногда вместе с

текстом «Предостережения». Так, один из оптинских списков (Отдел рукописей РГБ, ф. 214, № 409) заканчивается напоминанием: «Прочетшему сию рукопись необходимо прочесть и следующее примечание, написанное старцем Макарием. В связи с сею рукописью оно имеет весьма большое значение», и далее следует текст «Предостережения» со ссылкой на его публикацию в «Письмах к монашествующим» преподобного Макария Оптинского.

Арсению Троепольскому атрибутируется еще одно произведение, источником которого стали труды старца Зосимы: «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Этот замечательный памятник русской духовной литературы XIX века начиная с 1881 года анонимно, без указания имени автора, не раз издавался в России и за границей, загадка его происхождения и литературной истории всегда занимала внимание читателей и исследователей¹. В указанных выше работах А. М. Пентковского, посвященных истории текста и определению авторства памятника,

¹ См. статью на эту тему иеромонаха монастыря Симонопетра на Афоне о. Василия (Гролимунда) в парижском издании «Откровенных рассказов странника» 1989 года (наиболее полное, с указанием разночтений казанской редакции и афонской рукописи); см. также: В. Котельников. Указ. соч. С. 35–37; С. Большаков. На высотах духа. Деятели молитвы Иисусовой в монастырях и в миру (личные воспоминания и встречи). Брюссель, 1971.

приводятся бесспорные аргументы, текстологические и стилистические, в пользу причастности к его созданию иеромонаха Арсения Троепольского¹. Разумеется, наблюдения и выводы ученого еще ждут уточнения и развития, но уже сейчас их достоверность подтверждается фактически: в Музейном собрании Отдела рукописей РГБ (ф. 178) обнаружена десятая часть (книга) «Подвижнического сборника» Арсения Троепольского — рукопись под названием «Искатель непрестанной молитвы, или рассказы странника, записанные слышавшим...» (1859–1863 годы; 353 л., 21 x 13,2; скоропись; после предисловия, где говорится о форме произведения, о наружности странника и о его кончине, текст разбит на семь частей: «Первое свидание», «Второе свидание» и т. д., кончая главой «Седьмое свидание»). Основу «Откровенных рассказов странника» составило сочинение архимандрита Михаила Козлова «Искатель непрестанной молитвы», содержащее описание различных случаев совершения устной Иисусовой молитвы. Иеромонах Арсений подверг его основательной редакторской переработке и внес в первоначальный текст дополнения, ставшие органической частью нового текста. Дополнения заимствованы им из «Памяти о молитвенной жизни старца Василиска», то есть в конечном счете восходят к агиографическим трудам преподобного Зосимы: он наделил странника внешностью, схожей с обликом старца Василиска, и, что самое главное, включил в текст описание внешних действий Иисусовой молитвы, следуя «Повествованию о действиях сердечной молитвы старца Василиска».

«Откровенные рассказы странника», таким образом, донесли до читателей, до многократно расширенного их круга, слово преподобного Зосимы, практическое ядро его творений об опыте русских исихастов, и благодаря совершенной литературной форме стали признанным пособием, «своеобразным введением в практику умного делания».

Труды преподобного Зосимы оставались настольными книгами Арсения Троепольского до конца его дней. Последнее, итоговое его сочинение «Откровенное послание пустынного отшельника к своему старцу и наставнику во внутренней молитве», законченное в начале 1870 года и составившее третью книгу

¹ Иеромонах Арсений, как правило, не ставил на своих сочинениях имени составителя, может быть, полагая, что тот творческий метод, который он использовал (литературная обработка текста, взятого за основу, его совершенствование и дополнение), был сродни трудам древнерусских книжников, нередко переделывавших и дополнявших работу предшественников и соборно создававших растянутые во времени коллективные произведения. (См.: Д. С. Лихачев. Текстология. 2-е изд. Л.: Наука, 1983. С. 304–305.

«Подвижнического сборника», содержит ссылки на жизнеописание старца Василиска и описание бывших у него молитвенных действий.

* * *

Отдельная тема — преподобный старец Зосима и Оптиная пустынь, где не только собирались и хранились рукописные списки трудов старца, но где было осуществлено в 1849 году стараниями монаха Порфирия Григорова первое их издание, остававшееся единственным на протяжении полутора столетий, вплоть до конца XX века.

Вот отрывок из письма преподобного Антония, старца Оптинского, игумении Вере (Верховской) — ответ на полученную от нее книгу (Жизнеописание старца Зосимы с приложением его наставлений): «Жизнь боголюбивого старца нашего преподобного отца Зосимы и богомудрые изречения его... Вы изданием сих книг доставили великую пользу для многих чтущих, особенно же для иночествующих»¹. Преподобный Антоний был духовником многих сестер Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни, вместе с преподобным старцем Оптинским Макарием 1 октября 1855 года по приглашению игумении участвовал в освящении храма, которое совершал митрополит Филарет, по возможности часто приезжал в обитель для поклонения «святому старцу Зосиме»².

Важнейшее свидетельство о высоком признании современниками деятельности старца Зосимы сохранило для последующих поколений предисловие к житию преподобного схиигумена Антония Оптинского, составленному в Оптиной пустыни иеромонахом Климентом (Зедергольмом) в конце 1860-х годов, — имя старца названо в перечислении великих подвижников веры в России XIX века, «ревновавших идти путем древних преподобных отцев»: «... даже не знаем, во все ли времена в отечестве нашем жили почти одновременно такие светила монашества, каковы были в наши дни Серафим Саровский и другие Саровские подвижники, Назарий Валаамский, Феодор Санаксарский, Георгий Задонский, Василий Кишкин, Петр Мичурин, Зосима Верховский и Василиск; схимонахи Феодор и Клеопа, Макарий Песношский, Иларион Троекуровский, Феофан Новоезерский, Иоанн Сезеновский, Даниил Сибирский, Парфений Киевский, Амфилохий и Иннокентий Ростовские, Александр Арзамасский, Феодор Новоспасский, Лев, Макарий и Моисей Оптинские, Тимон Надеев-

¹ Цит. по книге: Преподобный Антоний, старец Оптинский. Сост. В. Афанасьев. Свято-Введенская Оптиная Пустынь, 2003. С. 201.

² Там же. С. 230.

ский, Амфилохий Реконский, Макарий Алтайский, Филарет Глинский, Аникита Ширинский-Шихматов; также подвижники более и менее известные пустыней Белобережской, Площанской, Никифоровской и других, и весь этот сонм преподобных отцов нашего времени, которых православная Россия хорошо знает, а одна часть нашего общества почти вовсе не знает, и которых жизнь многим из нас послужит тяжким обличением»¹.

Имена старцев Зосимы и Василиска, с указанием дат их кончины и с краткими сведениями о них, значатся в записной книжке (помяннике?) 1892 г. преподобного Варсонофия Оптинского². Преподобный знал Жизнеописание старца Зосимы, составленное Верой Верховской, и в келейных записках (1892–1896 гг.), которые велись им в большой алфавитной тетради, поместил несколько выписок оттуда, в частности, под словами «Любовь Божия», «Помысл», «Пустыня»³. В одной из бесед его с духовными чадами (23 декабря 1910 г.), посвященной важности совершения Иисусовой молитвы, рассказано о старцах Зосиме и Василиске: «Молитва эта открывает человеку вечные тайны Божии. В Сибири подвизались два друга — Василиск и Зосима. Последний был человеком образованным, а первый даже неграмотным. Несмотря на такое различие, они искренне любили и дополняли друг друга. Василиск, хотя и был неграмотным, отличался высокой духовной жизнью. Непрестанное творение Иисусовой молитвы доставляло ему невыразимое наслаждение и вводило в глубину богопознания. Часто, когда Зосима приходил к Василиску, тот был в таком духовном экстазе, что не мог вести обыкновенную беседу. Василиск сообщал Зосиме высокие истины, которые тот записывал и после даже издал книгу, но многое не было в нее внесено, так как Василиск не всё позволил записывать»⁴.

* * *

Спустя три четверти века после кончины преподобного Зосимы, в 1910 году, в Москве была издана книга «Старчество. Мысли святых отцов о необходимости и пользе старческого руководства в духовной жизни». По замыслу составителя, назвавшегося

¹ Жизнеописание игумена Антония. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1870, репринт: Житие преподобного схиигумена Антония Оптинского (1795–1865). Издание Введенской Оптиной пустыни, 1992. С. 4–5.

² Заметки и мысли. 1892 г. Часть 2-я. (Записная книжка [иером. Варсонофия]. Отдел рукописей РГБ, ф. 214, № 321, л. 24).

³ Келейные записки игумена Варсонофия. Отдел рукописей РГБ, ф. 214, № 319, s. v.

⁴ См.: Преподобный Варсонофий Оптинский. Духовное наследие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. С. 141–142.

«Пустынником»¹, она отвечала на назревший к тому времени вопрос, поставленный в статье епископа Никона (Рождественского): как упорядочить монашескую жизнь и что сделать, чтобы монастыри могли вполне осуществить свое назначение? «Старчество есть основание доброй монастырской жизни вообще и в частности каждого инока» — это глубокое убеждение составитель подтверждает словами святых отцов: Антония Великого, Василия Великого, Ефрема Сирина, Марка Подвижника, Иоанна Кассиана, Нила Синайского, Варсонофия Великого, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова, Петра Дамаскина, Григория Синаита, Григория Паламы и других великих подвижников. «Русское Добротолюбие» представлено в этом ряду поучениями преподобных старцев Паисия Величковского и Зосимы Верховского.

И еще одно свидетельство высокого признания деятельности преподобного Зосимы. Афонским Русским Пантелеймоновым монастырем в 1913 году был выпущен в свет сборник «Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв.», собирателем которого (и составителем приложенного очерка русской аскетической литературы указанного периода) был Преосвященный Никодим, епископ Рыльский. Значительный раздел сборника, вместившего «сокровища отеческой мудрости», составили «Наставления схимонаха Зосимы» — извлечения из книги игумении Веры Верховской «Житие и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти схимонаха Зосимы...» (издания 1889 г.), причем не только поучения и изречения старца, но и эпизоды его жития, имеющие глубокий назидательный смысл.

Наконец, последнее, исполненное глубокой печали, упоминание о преподобном старце Зосиме у нас, относящееся уже к безбожному лихолетью, — дневниковая запись доктора Михаила Михайловича Мелентьева (1882–1967), врача Петровской больницы, лечившего последнюю игумению Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни преподобномученицу Афанасию (Лепешкину)²: «3 июля [1941 года, в Москве]. Читаю о старце Зосиме Вер-

¹ В 2000 г. книга переиздана Издательством им. святителя Игнатия Ставропольского с указанием имени составителя — схиигумена Смоленской Зосимовой пустыни Германа (Гомзина).

² См. о ней: За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Биографический справочник. Кн. 1. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского института, 1997. С. 122–123; Преподобномученица игумения Афанасия, последняя настоятельница Зосимовой пустыни // Русский паломник. 2000. № 21–22. С. 42–48.

*Преподобномученица Афанасия
(Лепешкина; † 1931), последняя игуменья
Троице-Одигитриевской Зосимовой
пустыни. Фотография из следственного
дела*

ховском. Чудесная "без-
авторная" книжка¹. У
меня при обыске в 1933
году забрали золотообрез-
ное, в тисненном сафьяне,
издания 1731 года его
Евангелие, Псалтирь и
Апостол. Я до сих пор не
могу примириться с этой
потерей и человеческой
злой волей, невежествен-
ной и глупой...»². Упомя-
нутые в записи книги, по
всей вероятности, были
переданы на хранение
Михаилу Михайловичу
игуменией Афанасией пе-
ред ее арестом (в мае
1931 года).

* * *

Но в те годы, когда у
нас имя Зосимы Вер-
ховского было предано
забвению и если кем-то и
упоминалось, то лишь
исследователями творче-
ства Достоевского, воз-
ник очаг православной
духовности в далекой

Америке, воспламененный наследием преподобного старца. Двое
образованных молодых людей, основавших по благословению
архиепископа Иоанна (Максимовича) миссионерское братство
преподобного Германа Аляскинского, одногодки и единомыш-
ленники — русский эмигрант и американец, будущие игумен
Герман (Подмошенский) и иеромонах Серафим (Роуз) — избрали
для себя примером жизненный путь и подвиг старцев Зосимы и

¹ Речь идет, несомненно, о книге «Житие и подвиги в Бозе почившего бла-
женныя памяти старца схимонаха Зосимы», составленной игуменией Верой
(Верховской). Все издания этой книги в XIX веке не содержали имени автора.

² М. М. Мелентьев. Мой час и мое время. Книга воспоминаний. СПб.: Изда-
тельский дом «Ювента», 2001. С. 308.

Василиска¹. В 1969 году, презрев прелести мира, они поселились на «диком Западе», в пустынных лесистых горах Северной Калифорнии, вдали от селений и дорог, в нескольких верстах от деревушки Платина, оставшейся от времен «золотой лихорадки». Их духовными наставниками были прямые наследники оптинских старцев, доживавшие век на чужбине, в эмиграции: епископ Нектарий (Концевич), ученик старца Нектария Оптинского; его старший брат профессор Иван Михайлович Концевич, также ученик старца Нектария, автор классического труда о «внутреннем духовном делании» и истории его проявления в России («Стяжание Святаго Духа на путях Древней Руси»); жена профессора Концевича Елена Юрьевна, племянница С. А. Нилуса, лично знавшая многих мучеников и святых России, в том числе старца Анатолия Оптинского; архимандрит Герасим, живший отшельником на Еловом острове на Аляске, на месте старого монашеского поселения преподобного Германа Аляскинского; отец Адриан Рымаренко (в будущем архиепископ Андрей), ученик старца Нектария, основавший в Спринг Веллей Ново-Дивеевскую женскую обитель; отец Митрофан, близкий друг архиепископа Иоанна (Максимовича), и другие «живые звенья святоотечества», преемники и носители древних православных традиций. «Невзирая на мои слабости и промахи, я возвращен моими любимыми учителями по образу, начертанному преподобным Паисием», — писал отец Герман (Подмошенский). Учение преподобного Паисия Величковского братья избрали своим духовным руководством еще до ухода в пустынь; правила их жизни в скиту, в частности правила взаимного послушания и открывения помыслов, также восходили к жизненному опыту великого старца и его последователей.

«Драгоценными семенами святости» называл отец Герман книги из библиотек Оптиной пустыни и Валаама, составлявшие замечательное книжное собрание Концевичей, которым он имел счастье пользоваться. «Я вез их домой в поездах и автобусах, прекрасно осознавая: книги эти держали в руках, а возможно, и омывали умильными слезами величайшие оптинские монахи и святые старцы!» Среди этих книг были житие и творения преподобного Зосимы Верховского, которые сыграли решающую роль в судьбе братьев: семена упали *на добрую землю*. Вспоминая

¹ См. об этом опыте подробно в книге, посвященной жизнеописанию отца Серафима (Роуза), составленной его учеником: Иеромонах Дамаскин (Христенсен). Не от мира сего. Жизнь и труды отца Серафима (Роуза) Платинского. Изд. 5-е. М.: Российское отделение Валаамского Общества Америки. 2001. Цитаты приводятся по этому изданию.

самые первые духовные беседы с Евгением (будущим иеромонахом Серафимом) Роузом в лесах Монтеррея, отец Герман, с радостью приобщавший своего друга к истории русской культуры и православного наследия России, писал: «... когда мы лазили по мшистым оврагам, собирая грибы, я читал ему по-русски главы из оптинских книг, о рославльских пустынниках, а он все так же молча внимал величю этих повествований: житиям Зосимы, Василиска и Петра Мичурина Сибирского...». Именно составленное игуменией Верой (Верховской) житие преподобного Зосимы побудило братьев оставить мир, и потому оно стало первым в серии английских переводов русской житийной литературы, осуществленных в Свято-Германовском скиту. В 1979 году оно было издано в Братстве с предисловием отца Германа и введением отца Серафима, с портретом старца Зосимы, который старательно выполнил семнадцатилетний переводчик послушник Григорий Добров (ныне профессор университета в Чикаго)¹. В 1980 году было опубликовано житие Петра Мичурина, написанное старцем Зосимой.

Указанные издания — лишь малая часть огромного труженического наследия сподвижников. В глухой пустыньке, в посте и молитве, пользуясь ручным печатным станком, они регулярно (раз в два месяца) выпускали журнал «Православное слово» («The Orthodox Word»), до кончины отца Серафима († 1982) вышло в свет 100 выпусков; регулярно издавался Свято-Германовский полный церковный календарь; братья составили (на русском и английском языках) особую службу преподобному Герману Аляскинскому и совершили ее в торжественный час прославления святого в кафедральном соборе в Сан-Франциско 27 июля/9 августа 1970 года; были переведены на английский язык «Наставления монахам» из «Великого оглашения» преподобного Феодора Студита, «Душеполезные поучения» аввы Дорофея, «Православное догматическое богословие» протоиерея Михаила Помазанского, главы из «Комментария к Новому Завету» архиепископа Аверкия (Таушева), «Житие старца Антония Оптинского» отца Климента Зедергольма, «Воскресные проповеди» отца Димитрия Дудко; в 1973–1981 гг. было выпущено восемь книг оптинской серии — жития оптинских старцев (с экземпляров, изданных в свое время в Оптиной пустыни), которые посылали и в Россию, адресуя их в музей Достоевского, располагавшийся в бывшем доме для паломников, где останавливался писатель по приезду в Оптину; платинские отцы подготовили и издали

¹ Двумя годами раньше, в 1977 году, вышло репринтное издание жития на русском языке.

«Северную Фиваиду» — жития русских пустынников XIV–XVII веков, с бесценными фотографиями и литографиями; в 1976 году издан том, посвященный преподобному Паисию Величковскому: житие преподобного, составленное его учеником схимонахом Митрофаном и дополненное другими материалами, касающимися его наследия; трудами братьев сохранены для истории сведения о российских новомучениках, собранные от очевидцев и сопричастников (по слову отца Серафима, «свидетельства мучеников — самый драгоценный дар России Западу»). Перечень этот, разумеется, далеко не полон, в него нужно включить труды отца Серафима, издающиеся теперь и в России, и многое другое. Но и сказанного достаточно, чтобы не сомневаться в плодотворности пути, избранного уже в наше время под влиянием подвижнического опыта преподобных Зосимы и Василиска.

Старец Зосима Верховский в творчестве Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова

Житие и труды преподобного Зосимы Верховского были известны и помогли найти свой духовный путь занесенному судьбой на десять лет в Сибирь Ф. М. Достоевскому. Как уже говорилось выше, есть основания полагать, что преподобный Зосима был прообразом старца Зосимы в последнем романе великого писателя. Духовному наставнику Алеши Карамазова старцу Зосиме посвящена шестая книга «Братьев Карамазовых» — «Русский инок», включающая главы: «Старец Зосима и его гости»; «Из жизни в Бозе преставившегося иеросхимонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым. Сведения биографические»; «Из бесед и поучений старца Зосимы». Книгу «Русский инок» Достоевский считал «кульминационной точкой романа», «самым главным пунктом» его (из писем к редактору «Русского вестника» Н. А. Любимову от 11 июня и от 8 июля 1879 года). Отправляя (7 августа) рукопись книги в редакцию «Русского вестника», он писал Н. А. Любимову: «... считаю, что против действительности не погрешил: не только как идеал справедливо, но и как действительность справедливо». Устами старца Зосимы (или, как помечено в черновой записи, «словами Старца») Достоевский выразил свои собственные мысли — об этом он прямо говорит в том же письме к Любимову: «... многие из поучений моего старца Зосимы или, лучше сказать, способ их выражения принадлежат лицу его, то есть художественному изображению его. Я же, хоть и вполне

Ф. М. Достоевский.
Гравюра В. Боброва (1881 г.)
по фотографии Н. Лоренковича
(1878 г.)

тех же мыслей, что и он выражает, но если б лично от себя, то выразил бы их в другой форме и другим языком». По поводу главы о роли Священного Писания в жизни старца Зосимы в письме сказано: «... прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского, а наивность изложения — из книги странствований инок Парфения»¹.

В письме к редактору писатель упростил дело, сославшись лишь на два письменных источника. Среди материалов, послуживших созданию образа старца Зосимы, он мог бы упомянуть труды и жития преподобных Иоанна Дамаскина, Исаака Сирина, Сергия Радонежского, Нила Сорского, Ди-

митрия Ростовского, Паисия Величковского, к которым, как известно, он обращался в работе над книгой. Мемуаристы и исследователи находили в старце Зосиме отражение характерных особенностей, относящихся к разным реальным прототипам². А. Г. Достоевская отметила в литературном старце Зосиме некоторые автобиографические черты, а в речи его — «слова старца Амвросия в беседе с Федором Михайловичем» во время паломничества писателя в Оптину пустынь в июне 1878 года³. Внешнее сходство «русского инок» старца Зосимы с преподобным Амвросием Оптиным и глубокая внутренняя связь его с

¹ Речь идет о книге: Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святыя Горы Афонския инок Парфения. М., 1856.

² См. краткий обзор в кн.: Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т. XV. Братья Карамазовы. Книги XI–XII. Эпилог. Рукописные редакции. Л.: Наука, 1976. С. 456–459.

³ А. Г. Достоевская. Воспоминания. Л., 1925. С. 491–492. Поездка Ф. М. Достоевского в Оптину пустынь была связана с тяжелой утратой — смертью (в мае 1878 года) трехлетнего сына Алеши. В пустыни писатель (вместе с Вл. С. Соловьевым) пробыл двое суток, беседовал с преподобным старцем Амвросием, вернулся оттуда «как бы умиротворенный и значительно успокоившийся» (там же, с. 347) и приступил к прерванной работе над романом «Братья Карамазовы».

«величавой фигурой» и творениями святителя Тихона Задонского, которого Достоевский еще в 60-е годы с восторгом «принял в свое сердце», освещены в исследовании (1947 г.) К. Мочульского¹. С. И. Фудель в недавно изданной книге² подробно проследил влияние идей, которыми жило оптинское (и афонское) монашество, на создание образа Зосимы и усвоение этому образу множества личных черт оптинских старцев Льва, Макария и Амвросия. Вполне конкретные черты преподобных Макария и Амвросия усматривает в образе старца Зосимы и современный историк литературы³, специально изучавший художественное отражение оптинских впечатлений у Достоевского. Вопрос о прототипах старца Зосимы остается для этого автора открытым: Достоевский «выходит за пределы этих впечатлений, используя книжные источники и явно чьи-то рассказы и воспоминания».

К кругу таких источников и принадлежат, вне всякого сомнения, житие и труды преподобного Зосимы Верховского, оказавшие решающее влияние на создание собирательного литературного образа, который в последнем романе Достоевского явился воплощением религиозного сознания и мироощущения автора.

Впервые преподобный Зосима Верховский был назван среди возможных реальных прототипов романного старца Зосимы Р. В. Плетневым⁴, который предположил, что о преподобном Зосиме Достоевский слышал в Сибири, во время пребывания в Кузнецке. Это мнение разделял отец Георгий Флоровский: «Сейчас мы знаем, что старец Зосима и не был писан с натуры, и не от оптинских образов Достоевский в данном случае исходил. Это был «идеальный» или «идеализированный» портрет, писанный больше всего с Тихона Задонского, и именно творениями Тихона вдохновлялся Достоевский, составляя «поучения» Зосимы. <...> (ср. также еще и «Душеполезные беседы» схимонаха старца Зосимы (Верховского), подвизавшегося в Сибири около г. Кузнецка). Силою своей художественной прозорливости Достоевский угадал и распознал эту серафическую струю в русском благочестии и намеченную линию пророчески продолжил»⁵.

¹ К. Мочульский. Достоевский. Жизнь и творчество. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 519–523.

² С. И. Фудель. Наследство Достоевского. М.: Русский путь, 1998. Гл. VII, IX, X.

³ В. Котельников. Православные подвижники и русская литература. На пути к Оптиной. М.: Прогресс-Плеяда, 2002. С. 278–279.

⁴ Р. Плетнев. Сердцем мудрые. О «старцах» у Достоевского // О Достоевском. Сборник статей / Под ред. А. Л. Бема. Вып. II. Прага, 1933. С. 73–92.

⁵ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. 4-е издание. Paris: YMCA-PRESS, 1988. Р. 302. (1-е издание вышло в 1937 г.)

Вслед за Р. В. Плетневым о Зосиме Верховском как возможном прототипе старца Зосимы у Достоевского писали Л. П. Гроссман¹, М. С. Альтман². Помимо соименности старцев (Достоевский часто оставлял за своими персонажами реальные имена их прототипов), указывалось в качестве аргумента на сходство названий второй главы книги «Русский инок» и второй части книги «Житие и подвиги в Бозе почившего блаженный памяти старца схимонаха Зосимы», изданной в 1860 году в Москве. При этом было отмечено еще одно соответствие: в обоих случаях, в романе и в действительности, книги составлены учениками старцев, литературного и реального.

Из наблюдений названных авторов следовало лишь то, что Достоевский мог знать о старце Зосиме Верховском.

Тщательно проведенное исследование М. М. Громыко³, посвященное кругу сибирских знакомых и друзей Достоевского, позволяет утверждать вполне определенно: Достоевский не мог не знать о старце Зосиме Верховском, его житии и трудах. Достаточно сказать, что к окружению Достоевского (омскому и семипалатинскому) в годы сибирской каторги и ссылки (1849–1859) принадлежали местные историки и краеведы А. И. Сулоцкий и Н. А. Абрамов, собиравшие материалы по истории церквей и монастырей Сибири. В 1859 году (когда Достоевский жил еще в Сибири) в «Тобольских ведомостях» была опубликована статья Г. А. Варлакова «Туринск», излагавшая историю старца Зосимы Верховского за год до выхода в свет в Москве его «Жития» (автор статьи вел архивные разыскания по поручению А. И. Сулоцкого). Н. А. Абрамов по материалам своей многолетней архивной работы опубликовал в 1865 году статью о Туринском Николаевском девичьем монастыре, где в центре внимания была фигура старца Зосимы Верховского.

Можно не сомневаться, что труд преподобного Зосимы, изданный в 1849 году Оптиной пустыней, — «Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы» — был в распоряжении этих исследователей. Через них, вероятнее всего, и познакомился с «Записками» Достоевский еще в бытность свою в Сибири. Эту книгу, как и вышедшее в 1860

¹ Л. П. Гроссман. Последний роман Достоевского // Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1935. С. 3–51.

² М. С. Альтман. Прообразы старца Зосимы // Достоевский и его время / Под ред. В. Г. Базанова и Г. М. Фридендера. Л.: Наука, 1971. С. 213–216.

³ М. М. Громыко. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг. Новосибирск: Наука, 1985. С. 130–145.

году «Житие» старца Зосимы, следует отнести к числу материалов, использованных Достоевским в работе над романом «Братья Карамазовы», — таков результат текстологического сопоставления этих изданий с шестой книгой романа («Русский инок»).

Не останавливаясь здесь на деталях и второстепенных сходениях, укажем главное: духовный союз романного старца Зосимы и «между самыми смиренными смирейшего», молчаливого и тихого отца Анфима, их общие «странствия по всей святой Руси» в самом начале иноческого пути — «очень давно, лет пред тем уже сорок», необыкновенное уважение, которое питал к этому «как бы трепещущему человеку» старец Зосима, без сомнения, восходят к житийному и жизненному прототипу: сподвижничеству святой двоицы — преподобных Зосимы Верховского и его старца Василиска, их долговременному странствованию через всю Россию в «пределы Сибирские» ради «священнотайственной жизни пустынной».

К тому же заключению — Достоевский не мог не знать о преподобном Зосиме Верховском — приходят и авторы книги о «кузнецком периоде» Достоевского, изданной к 175-летию писателя¹. В Кузнецке Достоевский пробыл всего 22 дня (27 января — 19 февраля 1857 года) в связи с важным событием в его жизни — женитьбой на М. Д. Исаевой. Но, как показали архивные исследования, значение кузнецких впечатлений и встреч для последующего творчества писателя было огромно.

О преподобном Зосиме, более двадцати лет безмолвствовавшем вместе со старцем Василиском в лесной пустыне под Кузнецком, Достоевский мог узнать (вернее, просто не мог не узнать) от священника отца Евгения Тюменцева, который венчал его в Одигитриевской церкви и с которым он сблизился настолько, что впоследствии переписывался с ним и даже прислал ему письмо-«автобиографию» (исповедь?), к сожалению, не сохранившееся. О старцах-пустынниках мог рассказать писателю и Иван Семенович Конюхов, видный кузнецанин, купец 3-й гильдии, составивший летопись города Кузнецка «с начала его основания», в которой есть глава («О монахах»), посвященная старцам². Летописец знал старцев и бывал у них, так как вместе с ними в пустыне в течение восьми лет подвизался его отец С. Д. Конюхов, а невестка Анисия была духовной дочерью преподобного Зосимы. Понимая, сколь «высокой и благоугодной жизни»

¹ М. Кушникова, В. Тогулев. Загадки провинции: «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в сибирских архивах. Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 1996. С. 101–121.

² Публикуется в настоящем издании: с. 527.

были старцы, И. С. Конюхов вел памятные записки о них; изучил изданную Оптиной пустынью в 1849 году книгу старца Зосимы и сделал из нее выписки для своей летописи; переписывался на эту тему с иеромонахом Парфением (Аггеевым) и получил от последнего в письме от 14 октября 1854 года из Троице-Сергиевой Лавры уведомление о погребении старца в Зосимовой женской пустыни и о чудесах от гроба его; читал «в книге 1861 года издания»¹, а еще раньше «в духовном журнале», слово митрополита Филарета (Дроздова) по освящении храма Пресвятой Троицы в Троице-Одигитриевском женском общежитии 1 октября 1855 года, в котором изъяснялось, «что́ есть сей старец». Достопримечательности и достопамятные события Кузнецкого края И. С. Конюхов знал, очевидно, как никто другой, и уже поэтому факт знакомства Достоевского с ним (возможно, через о. Евгения Тюменцева) более чем вероятен. Наконец, можно не сомневаться, что в то время, в 50-е годы XIX века, спустя всего лишь три десятилетия после кончины старца Василиска и отъезда из Сибири старца Зосимы, многие кузнецчане еще хорошо помнили и самих старцев, и тех, кто удостоился духовного общения с ними. Ведь и в конце XIX в. писалось: «Память старцев Василиска и Зосимы донныне благоговейно почитается в Сибири как память истинных подвижников Христовых»².

К сожалению, прямых указаний на то, что Достоевский знал житие и труды преподобного Зосимы Верховского, пока не найдено. Книги эти не значатся в опубликованных каталогах библиотеки писателя. Но в пользу высказанного предположения, помимо доводов «внешних», о которых говорилось выше, можно привести и «внутренние» доводы, не менее значимые, чем фактические свидетельства.

Известно, что годы сибирской каторги и ссылки были переломными в духовном развитии Достоевского. В Омской каторжной тюрьме началось, по его словам, «перерождение убеждений». Исследователи согласно утверждают: Достоевский начинается в Сибири. Вот лишь одно из многих подтверждений — слова, сказанные Достоевским Всеволоду Соловьеву в 1874 году: «О! Это большое было для меня счастье: Сибирь и каторга. Говорят: ужас, озлобление... Ужаснейший вздор! Я только там и жил здоровой счастливой жизнью, я там себя понял, голубчик... Христа

¹ Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского. Собрание второе. Часть третья. М., 1861. С. 170–172.

² Прот. Михаил Путинцев. Сказания о некоторых сибирских подвижниках благочестия. М., 1889. С. 22–25.

понял... русского человека понял и почувствовал, что я и сам русский, что я один из русского народа»¹.

Первые же письма писателя «с воли» — по выходе из острога, из ссылки — содержат просьбы прислать книги, в частности, книги святых отцов и историю Церкви. В эту решающую пору духовно-религиозных исканий Достоевский не мог обойти своим вниманием то, что было тогда ближе всего: свидетельства о христианской святости, просиявшей в Сибирской земле, о неоставленности Божиим изволением этого далекого края. И далее, узнав о житии, духовных дарованиях и аскетических подвигах старца Зосимы и его наставника Василиска, он не мог не почувствовать и не осознать свою внутреннюю связь с ними. Многогрудный путь старцев в Сибирь, всерусский масштаб этого избранного ими пути и его итог — глубокое уединение во «внутренней пустыне» — не могли не напомнить писателю его собственный путь по этапу в Сибирь, начавшийся в рождественскую ночь 1849 года («ровно в двенадцать часов, то есть ровно в Рождество, я первый раз надел кандалы...») и приведший его через «пустынные, грустные и безлюдные наши пространства» (слова Н.В. Гоголя²) в столь же отдаленные места и к достижению, в сущности, того же самого духовного результата: глубокого уединения, очищающего и собирающего душу. Об этом своем удивительном переживании в стенах Омского острога Достоевский писал в «Записках из Мертвого дома» (работа над романом началась еще в Сибири): «Помню, что все это время, несмотря на сотни товарищей, я был в страшном уединении, и я полюбил наконец это уединение. Одинокий душевно, я пересматривал всю прошлую жизнь мою... судил себя один неумолимо и строго и даже в иной час благословлял судьбу за то, что она послала мне это уединение, без которого не состоялись бы ни этот суд над собой, ни этот строгий пересмотр прежней жизни».

И еще одно поразительное совпадение, относящееся уже к теме продолжения пути. Старец Зосима, «приготавливаемый Промыслом на служение спасению ближних», прошел через множество искушений («не осталось никакого искушения, которого не испытал бы отец Зосима...») и после долгих лет безмолвия в пустыне Сибирской оставил уединение ради пользы и спасения многих душ: «Пришло время воли Божией поставить светильник сей на свещнике, да светит многим, ежели не всему миру», — сказано в его «Житии»³. Так и для Достоевского — годы си-

¹ См.: Исторический вестник. 1881, № 3. С. 611.

² Выбранные места из переписки с друзьями. XVIII. 2 (1843 г.)

³ Книга «Житие и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений», совершенно

бирской каторги и ссылки принесли свои духовные плоды («Каторжный опыт писателя — его духовное богатство»¹), и для писателя, «предназначенного соединить величайшее художественное мастерство с проповедью христианства»², раскрылась тайна Промысла Божия, совершавшаяся в его жизни: «Может быть, там, наверху, то есть Самому Высшему, нужно было меня привести на каторгу, чтобы я там... узнал самое главное, без чего нельзя жить <...> и чтобы это самое главное я... другим сообщал, чтобы другие (хоть не все, хоть очень немногие) лучше стали хоть на крошечку, хоть частичку бы приняли, хоть бы поняли, что в бездну стремятся, — и этого довольно. И этого уже много. И из-за этого стоило пойти на каторгу»³.

Наконец, может быть, самое важное. «Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина и монаха пустынножителя Василиска», несомненно, должны были привлечь внимание Достоевского смелым изложением мистического опыта подвижников, который вызывал у писателя особый интерес опять-таки в связи с собственными переживаниями того времени. Достоверно известно, что первые припадки болезни, сопровождавшиеся экстатическими состояниями, случились с ним в Омском остроге (по одной из версий — после тяжкого телесного наказания), а с 1853 года они стали повторяться регулярно.

Много позднее словами любимого героя князя Мышкина писатель говорил об этих состояниях как о «молниях и проблесках высшего самоощущения и самосознания», когда «ощущение жизни, самосознания почти удесятерилось <...> ум, сердце оза-

очевидно, осталась недоступной С. И. Фуделю (его проникательное исследование о Достоевском, изданное в 1998 году, было закончено в 1963 году). Зная об этой книге лишь по комментарию Л. П. Гроссмана к «Братьям Карамазовым» в десятитомном собрании сочинений Достоевского (1958) и не будучи знаком с подвигом и периодом старчества в жизни преподобного Зосимы Верховского, он возражал против причисления преподобного к кругу прототипов старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы»: «Зосима этой книги относится к людям совсем иного религиозного склада, чем Зосима романа и о. Леонид Оптиной. Он монах-«созерцатель», пустынный или все время стремящийся от людей в пустыню. Зосима романа и о. Леонид Оптиной — прежде всего христианские деятели духовной жизни — окормители людей...» (см. С. И. Фудель. Указ. соч. С. 182). Преподобный Зосима был не только окормителем и добрым пастырем своего малого стада — духовных сестер, предавшихся ему в послушание, но оставил духовное наследство людям новых поколений.

¹ К. Мочульский. Указ. соч. С. 162.

² С. И. Фудель. Указ. соч. С. 59.

³ Слова Достоевского, которые приводит в своих воспоминаниях о нем его друг поэт А. Майков. См.: В. Е. Чешихин-Ветринский. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Ч. 1. М., 1923. С. 76.

рались необыкновенным светом, все волнения, все сомнения его, все беспокойства как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной, гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины». Вначале же, в сибирские 50-е годы, эти глубоко личные переживания еще не были осознаны, еще оставались невыразимыми на языке понятий, не были соотнесены с аскетическим опытом и «глаголами веры». В поисках ответа на эти мучительные вопросы Достоевский неизбежно должен был обратиться к жизнеописанию кузнецких безмолвников, чей молитвенный подвиг был известен тогда не только в Сибири, но и во всей России, и истине не имел себе равных.

Можно с уверенностью предположить, что в то время книга о старце Василиске и Петре Мичурине стала для Достоевского введением в область православной мистики и аскезы, а ее автор преподобный Зосима Верховский — первым проводником в эту чрезвычайно важную для истории его души область. Из знания мистического опыта подвижников и анализа собственных сокровенных переживаний, по всей вероятности, зарождалось и росло в религиозном сознании писателя то глубокое убеждение, которое в «Братьях Карамазовых» устами старца Зосимы изложено уже в виде его проповеди, поучения об исступлении как высшей ступени духовного восхождения: «В уединении же оставаясь, молись! Люби повергаться на землю и лобызать ее. Землю целуй и неустанно, ненасытимо люби, всех люби, всё люби, ищи восторга и исступления сего. Омочи землю слезами радости твоея и любви сии слезы твои. Исступления же сего не стыдись, дорожи им, ибо есть дар Божий, великий, да и не многим дается, а избранным».

Это поучение литературного старца Зосимы, как и религиозное сознание самого Достоевского, находится здесь в явной связи с молитвенным опытом старца пустынножителя Василиска. Об этом можно говорить вполне определенно, поскольку есть прямое указание на то, что Достоевский, по всей вероятности, знал об экстатическом опыте старца. Среди книг, принадлежавших Достоевскому, значится «Слово о смерти» святителя Игнатия (Брянчанинова), причем представленное тремя изданиями: 1862, 1863 и 1881 годов¹. В каждом из них есть примечание святителя: «В наше столетие, сколько известно писавшему это «Слово», два инока сподобились зреть душу свою исшедшею из тела во время молитвы: сибирский пустынный монах Василиск, скончавшийся

¹ См.: Л. П. Десяткина, Г. М. Фридендер. Библиотека Достоевского. Новые материалы // Достоевский. Материалы и исследования. Вып. 4. Л.: Наука, 1980. С. 260.

в 1824 году, и Никифоровской пустыни схимонах Игнатий, скончавшийся в 1832 году. Последний лично открыл о себе писавшему «Слово», а с ближайшими учениками первого составитель «Слова» удостоился сожительства и о Господе дружбы»¹. Эту книгу Достоевский, несомненно, читал, тем более что к личности святителя Игнатия у него был особый интерес: Игнатий Брянчанинов окончил в 1826 году то самое Инженерное училище в Петербурге, в котором учился (с 1838 года) и он сам². Как бы то ни было, в словах святителя читался ответ

*Святитель Игнатий (Брянчанинов).
Портрет. 1882 г.*

на еще не изжитые сомнения, который был Достоевскому по душе («Исступления же сего не стыдись...»).

В главе «Кана Галилейская» седьмой книги романа («Алеша») Достоевский изображает божественное исступление, о котором говорил старец Зосима. Писатель дарит это спасительное переживание своему главному герою, юному послушнику Алеше Карамазову, ученику старца Зосимы, — «даже и не мистика вовсе», а «просто раннему человеколюбцу». Во время чтения Евангелия над гробом старца Зосимы Алеша видит в тонком сне воскресшего радостного старца на брачном пире в Кане Галилейской и слышит над собою его зовущий тихий голос: «Веселимся, пьем вино новое, вино радости новой, великой...» После видения, пребывая в радости Царствия Божия, Алеша вышел из келлии: «Над ним широко, необозримо опрокинулся небесный купол,

¹ См. репринтное издание: Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти // Творения святителя Игнатия Брянчанинова в 7-ми томах. М.: Правило веры, 1993. Т. 3. С. 75.

² Высказывалось предположение о связи образа старца Зосимы с личностью епископа Игнатия — см.: Г. Украинский. Святитель Игнатий Брянчанинов и образ старца Зосимы у Ф. М. Достоевского // Журнал Московской Патриархии. 1989, № 6. С. 69–73.

полный тихих, сияющих звезд. <...> Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною...» Как подкошенный, повергся он на землю и «целовал ее плача, рыдая и обливая своими слезами, и иступленно клялся любить ее, любить во веки веков. <...> О чем плакал он? О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и «не стыдился иступления сего». Как будто нити ото всех этих бесчисленных миров Божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, «соприкасаясь мирам иным». Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся...»

Нельзя не вспомнить эту космическую картину, читая у преподобного Зосимы о ночных молитвах под открытым небом другого «раннего человеколюбца» — святого отрока Петра Томского (Мичурина), который «часто, вышедши из келлии, целые ночи простаивал под открытым небом...» и «много раз откровенно говорил, что не только непродолжительно показывается ему такое всеночное стояние, но еще как бы неудовольствованный, неохотно, по причине утра, оставлял свое стояние». Вследствие молитвы он «весь изменялся в любовь» и непрестанно пламенел «любовию безмерною к Богу, к старцу и к братии», в духовном восторге и радовании плакал и взывал: «Господи! Что Ти воздам о всех благих, яже мне сотворил еси, и ныне в сердце моем являеши мне?» Нельзя не вспомнить молитвенный опыт самого преподобного Зосимы Верховского и его поучения: «И дай вам Бог познать утешение ночных бдений... Как утешительно переселяется в эти минуты душа от этой смертности в иной мир и беседует едина со Единым, воспевая: *Се, жених грядет в полунощи!* А особенно летом, в тихую, светлую ночь...» Уместно вспомнить и тот неотмирный образ глубокого безмолвия в пустыне и торжества благодати, который создает преподобный Зосима в «Послании к отцу Досифею»: «... присно вся мысль, ум, память и все чувство и весь человек в Бозе бывает погружен, наставляясь к Нему чрез единое размышление и смотрение премудрости, величества и Промысла Его же в творении Его. И яко двое книги иматъ пред собою разверстыя во всегдашнее время, небо и землю, смотря в тыя и удивляясь, коль велик и премудр есть Бог наш».

С преподобным Зосимой Верховским и его трудами (жизнеописаниями старца Василиска и Петра Мичурина в оптинском издании 1849 года) Достоевскому суждено было познакомиться в годы сибирской каторги и ссылки — то есть именно там и тогда, где и когда польза оказывалась наибольшей: образ святого, его подвиг и свет его святости должны были помочь писателю увидеть свой собственный духовный путь и жизненный удел. Здесь,

надо думать, и берет начало то прозорливое внимание Достоевского к «серафическому» направлению в русском благочестии, которое отметил в свое время отец Георгий Флоровский (см. выше). В преподобном Зосиме Верховском писатель с особой ясностью и полнотой увидел это серафическое направление, а «намеченную линию пророчески продолжил» в созданном им художественном образе старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы». От преподобного Зосимы Верховского старец Зосима Достоевского унаследовал не столько детали биографии или особенности внешности, сколько масштаб — всерусский — духовного пути и личности и неповторимый образ святости, соединивший жертвенное служение «пользе и спасению многих душ» с мистическим религиозным опытом и сознанием, исповеданным откровенно и смело.

К литературному старцу перешло имя преподобного Зосимы (Зосима — от греч. «живой», «живущий»), и вместе с именем Достоевский перенес на созданный им образ свою веру в святость, в реальность святой жизни, в благодатную силу святости. В представлении писателя имя Зосима соотносилось с воплощением истинного монашеского подвижничества, с высоким примером ревности по Бозе, уединения, молитвы, аскезы. Именно в таком осмыслении это имя появляется у Достоевского и раньше — в романе «Бесы» (1870–1872). Трактирный поэт капитан Лебядкин, юродствуя, говорит о себе: «... живу Зосимой. Трезвость, уединение, нищета...» Ясно, что здесь за почти нарицательным употреблением имени не могут стоять образы древних святых — ни Зосимы Соловецкого, ни Зосимы Ворбозомского, ни, тем более, Зосимы Палестинского. Речь может идти, надо полагать, лишь об известном и близком по времени подвижнике — носителе этого имени. Не является ли реплика Лебядкина еще одним свидетельством того, что о подвижнической жизни старца Зосимы Верховского в сибирской тайге было тогда широко известно в России и имя пустытника было на слуху у многих?

В 1908 году в предисловии к «Собранию писем оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим» (Вып. 1-й. Сергиев Посад. С. IX) говорилось, что нашему обществу эти письма «напомнят знаменитый роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и покажут, что изображенный там старец Зосима — не один только плод фантазии художника, а живое лицо, заимствованное из действительности. Они покажут и справедливость того высокого мнения о монашестве, какое имел Достоевский». Время распорядилось иначе — «напоминательная» роль предназначена была как раз роману Достоевского: на протяжении долгих десятилетий последовавшего вскоре разрыва с духовно-религиозной традицией и попрания ее главных ценно-

стей роман «Братья Карамазовы» оставался у нас единственной доступной для читателей книгой, где достоверно, со знанием дела и кропотливым вниманием даже к подробностям и частностям, запечатлена была и жизнь русского монастыря, и извечная в народе тяга к нему. Что же касается литературного образа старца Зосимы, то все эти годы он «побуждал к воспоминанию» о соименном первообразе — преподобном Зосиме Верховском — и не давал иссякнуть любви к нему¹.

С духовным творчеством преподобного Зосимы Верховского был знаком и «печальник народного горя» Н. А. Некрасов. Знаменитая «Соленая» песня из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» представляет собой поэтический отголосок эпизода из раннего детства старца Василиска, которое прошло «в великой бедности»²:

Никто как Бог!	Раз-два куснул,
Не ест, не пьет	Скривил роток!
Меньшой сынок,	«Соли еще!» —
Гляди — умрет!	Кричит сынок.
Дала кусок,	Опять мукой...
Дала другой —	А на кусок
Не ест, кричит:	Слеза рекой!
«Посыпь сольцой!»	Поел сынок!
А соли нет,	Хвалилась мать —
Хоть бы щепоть!	Сынка спасла...
«Посыпь мукой», —	Знать, солона
Шепнул Господь.	Слеза была!

(«И так едина соль была для него вместо всех утешений и, радуясь, доволен бываше хлебом, видя на нем довольно соли, не зная, яко есть смешана с мукою...» — говорит «Житие монаха и пустынножителя Василиска».)

Глава «Пир — на весь мир», к которой относится «Соленая» песня, писалась в 1876–1877 годы, в хронологическом соседстве с «Братьями Карамазовыми» (по свидетельству Глеба Успенского, «Кому на Руси жить хорошо» поэт собирал «по словечку» в течение двадцати лет).

¹ Ср. слова о назначении икон в заключительном оросе VII Вселенского Собора: «... взирающие на них [иконы] побуждаются к воспоминанию о самих первообразах и любви к ним» См.: А. В. Карташев. Вселенские Соборы. М.: Республика, 1994. С. 501.

² В. Н. Криволапов. О литературном источнике «Соленой» песни Н. А. Некрасова // Русская литература. 1994, № 4. С. 179–181.

Важнейшую особенность языка старца отметил в свое время духовный рецензент, в 1849 году одобдивший к напечатанию первую публикацию из наследия старца: «Язык рукописи — язык простого рассказа: очевидец безыскусственно передает, что как происходило, а где он является повествователем услышанного, там ясно уклоняется от прибавлений в рассказе, преувеличивающих истину. Простота речи в рукописи, между прочим, служит убедительным признаком достоверности повествуемого»¹. Эти слова можно отнести ко всему творчеству преподобного Зосимы. Простота речи составляет характерную черту его письменного наследия — простота, не обедняющая смысл, но помогающая его усвоению во всей полноте.

Церковнославянский язык был для преподобного Зосимы самым естественным, соприродным ему способом выражения. Как и говор родной Смоленщины, он знал и слышал этот язык с колыбели, хранил, собирал и приумножил знание подвижнической жизнью. Этот язык оставался и пребывал с ним в долгие годы уединения и безмолвия. Старец прекрасно владел им, свободно и уверенно повествуя обо всем — от реалий неизведанной Сибири до тончайших оттенков духовных переживаний преподобного Василиска. В версии старца церковнославянский язык был насыщен элементами живой современной речи, в том числе и диалектной, которые органично вписывались в контекст, не привнося обмирщения, но придавая письму выразительность и реалистичность.

В уцелевших (немногочисленных, к сожалению) автографах преподобного Зосимы отмечены написания, которые дают возможность представить живое звучание его речи — речи смольнянина. Вероятно, ему было присуще фрикативное, а не взрывное произношение *г*, которое отлично от *х* только по признаку звонкости. Об этом свидетельствуют написания: *острохъ* (трижды встречается в Записной книжке); *изъ Екатеринбургъ* (письмо архиепископу Амвросию от 5.11.1823); *въ Петербурхе* (письмо С. Л. Лепешкину от 17.08.1832). Еще одна фонетическая особенность речи старца — твердое *щ*, см. написания: *пещыся* (5 раз в обоих письмах С. Л. Лепешкину, 1 раз в первом «Заветном письме»), *немирствующими* (письмо архиепископу Амвросию от 5.11.1823), *несведущы* (приписка к письму кн. П. С. Мещерско-

¹ Мнение Академии инспектора соборного иеромонаха Сергия о рукописи «Записки о жизни и подвигах П. А. Мичурина, старца и пустытника Василиска и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы», представленной в Московский Комитет для цензуры духовных книг Козельской Введенской Оптиной пустыни рясофорным монахом Петром Григоровым. 23 августа 1849 года. Центральный исторический архив Москвы, ф. 2393, оп. 1, д. 2182.

му), *подытыся* (из письма кн. П. С. Мещерскому), *находящийся при монастыре земли* (из ходатайства о земельных угодьях Туринского монастыря). К родному говору старца отсылают формы (из письма С. Л. Лепешкину от 17.08.1832) *разышлись* «разошлись» (ср. белорусск. *разышліся*), *о ихъ* (без наращения *н*), а также формы род. падежа на *-у* в словах мужского рода: *не доежая Ишиму* (Записная книжка), *для раздѣлу, не было поводу* (письмо С. Л. Лепешкину от 17.08.1832).

Свидетельства списков в известной мере также показательны, в особенности если говорить о лексике и об устойчивых оборотах речи. Так, несколько раз встречается слово *уважать* в значении «обращать внимание, замечать» (это значение фиксирует в говоре соседнего Мстиславля «Словарь белорусского наречия», составленный И. И. Носовичем. СПб., 1870. С. 348): *не окаываетъ себе за свои грѣхи и не уважаетъ опылъ, и не вмѣняетъ въ согрѣшеніе* («Поучение о послушании», Слово 35); *не должно отнюдь уважать и опасаться такового его безразсуднаго негодованія* («Поучение о послушании», Слово 26); *и тако подѣ окнами его поюще и пляшуще, и всякіе нечѣности дѣюще, отнюдь не уважающе его* («Житие монаха и пустынножителя Василиска»). В «Краткой выписке из устава сестер сего общества», сделанной рукой Веры Верховской, по всей вероятности, на основании полного текста Устава, составленного старцем Зосимой, отмечено диалектное слово *бѣлизна* в значении «белье» (ср. белорусск. *бялізна*, польск. *bielizna* в том же значении): *бѣлизнѣ изшпильнѣ не имѣють*. В письме С. Л. Лепешкину от 17.08.1832 (автограф) отмечено: *насматриваю за ними* «присматриваю, наблюдаю» (см.: «Смоленский областной словарь». Сост. В. Н. Добровольский. Смоленск, 1914. С. 463: *насматривать, насматрять*). В «Житии монаха и пустынножителя Василиска» отмечены диалектизмы: *черемхи* (род. падеж) «черемухи» («Смоленский областной словарь». С. 981: форма *черемха* с пометой *рославльск.*); *протягнутую* «протянутую» («Смоленский областной словарь». С. 740: *протягнуть*). К смоленским следам относятся также: предложный падеж личного местоимения *при имъ* (ср. белорусск. *пры ім*) «при нем» — *Донской Іосифъ и прочіи пріимъ и съ ними жительствующіи преподобіи отцы* (письмо к отцу Павлу; в другом списке письма — ОР РГБ ф. 214, № 446-3: *при нимъ*); сравнительная степень наречия *частея* «чаще»: *учащенно дышитъ или того еще частея* («Повествование о действиях сердечной молитвы» по списку ОР РГБ ф. 304/II, № 183; ср. *частѣй* в «Словаре белорусского наречия», с. 696); родительный падеж с предлогом *за* при сравнительной степени: *воздержнѣе за меня* («Повествование о действиях сердечной молитвы»); фразеологизм *весь чистъ* в значении «совершенно весь, до конца, полностью»: *весь чистъ превзять и углубленъ въ*

любовь Божию («Повествование о действиях сердечной молитвы»; ср. белорусск. *увесь чыста* в том же значении). Специфично употребление слова *діаволъ* в формах множественного числа, со значением «бесы» (диалектная особенность или полонизм?), ср. примеры из «Поучения о послушании»: *вместѣ съ діаволами приимуть и осужденіе* (Слово 6), *вкупѣ съ діаволами наслѣдовати вѣчную муку* (Слово 9), *и неволею поддается діаволамъ и ихъ мученію* (Слово 25), *сообразенъ будещи непослушнымъ діаволомъ* (Слово 45).

Вопросы языка слишком специальные, чтобы говорить здесь о них подробно, но нельзя не сказать, что именно особенности языка и стиля, всегда сообразующегося с требованиями жанра и избранной темой, во многом определяют то впечатление самобытности, целостности и единства, которое возникает у читателя, осваивающего письменное наследие преподобного Зосимы.

* * *

Издание открывается кратким жизнеописанием преподобного Зосимы, изложенным по книге «Житие и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений», составленной игуменией Верой (Верховской), племянницей старца.

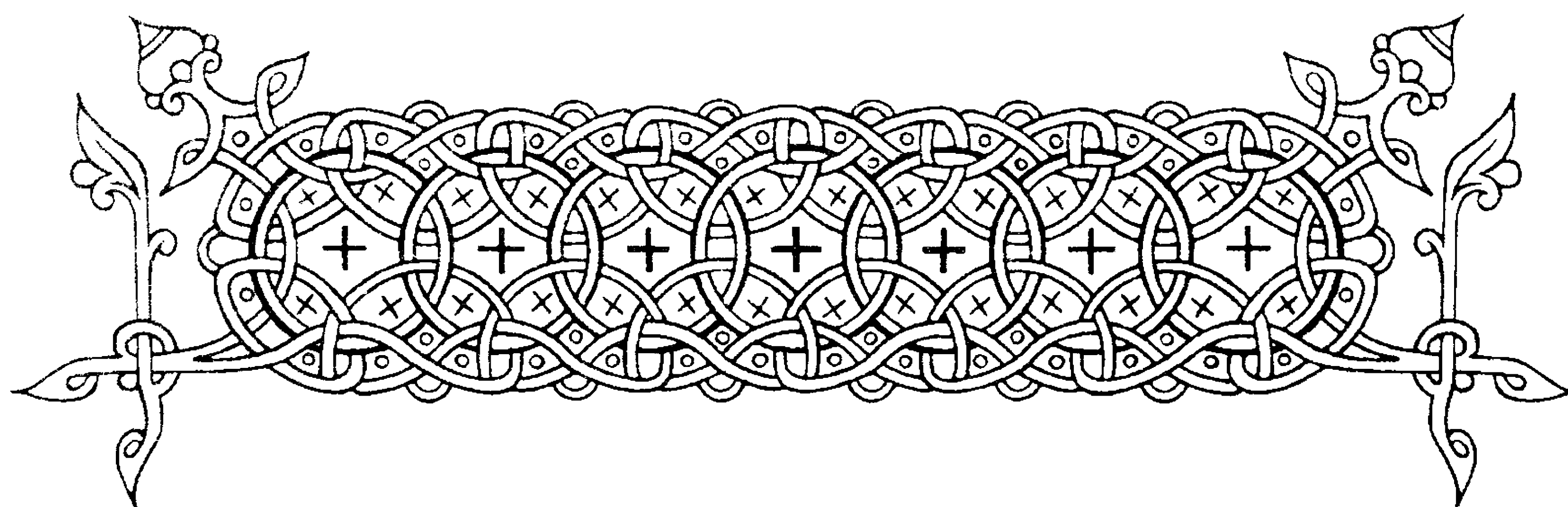
Основной раздел — «Творения» — содержит все разысканные к настоящему времени сочинения старца Зосимы, публикуемые, главным образом, по сохранившимся рукописным спискам, находящимся в Российской государственной библиотеке, в Государственном Историческом музее и в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры. Каждому публикуемому тексту предпосланы вводные заметки, в которых приводятся сведения о рукописных и печатных источниках текста, об истории его создания и бытования, об известных нам откликах на него.

Последний раздел книги включает материалы, извлеченные из разных источников, в том числе найденные в архивах, к житию преподобного старца Зосимы. Сюда входит эпистолярное наследие старца Зосимы, публикуемое по немногочисленным уцелевшим автографам и по рукописным спискам. Здесь же помещены письма, адресованные старцу Зосиме (окормляемых им сестер, епископа Иркутского Михаила и др.), представляющие интерес для его биографии.

Издательство благодарит монахиню Зосиму (Верховскую) за помощь в подготовке этой книги.

Редакция обращается ко всем, кто располагает какими-либо сведениями об автографах или списках произведений преподобного старца Зосимы Верховского, а также о материалах, относящихся к его житию, с просьбой сообщить нам об этом. Заранее благодарим читателей за внимание и за помощь в работе.

КРАТКОЕ
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА
ЗОСИМЫ
ВЕРХОВСКОГО

**КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПРЕПОДОБНОГО ЗОСИМЫ (ВЕРХОВСКОГО)
(1768–1833)**

Родители старца Зосимы были люди благородные, из древнего дворянского рода. Отец его, Василий Данилович Верховский, дослужился в полку Смоленской шляхты до чина полковника, а мать, Анна Ивановна, происходила из знатного семейства Маневских. Они заботились более о нетленном, вечном богатстве, нежели о преходящем, временном богатстве земном, которое по их благочестию, стремлению благотворить храмам, по странно-приимству и щедрости в отношении бедных и неимущих с годами весьма уменьшилось. Так как дом Верховских стоял недалеко от большой дороги, то странники и нищие часто и не тщетно заходили в это гостеприимное пристанище.

Кроме благотворительности, жизнь их была украшена и другими христианскими добродетелями: усердием к церковным богослужениям, к домашней молитве, чтением духовных книг (Анна Ивановна особенно любила Четьи-Минеи).

В семье Верховских было шесть дочерей и три сына. Младшим из всех, но не последним у Господа был мальчик, появившийся на свет 24 марта 1768 года, накануне праздника Благовещения. Однажды, когда Василий Данилович молился ночью в своей комнате, то услышал голос, извещающий ему милость Божию: «У тебя родится сын, не учи его светским наукам, но лишь Закону Божию». К этому времени Василию Даниловичу было уже около шестидесяти, а супруге его около сорока лет. В день, когда Господь утешил родителей рождением младшего сына, Церковь празднует память преподобного Захарии; в честь его и нарекли младенца при крещении.

С самых юных лет обнаружились хорошие природные свойства мальчика. Он был добр и простодушен, сердце имел весьма чувствительное и горячее, и хотя был тих, кроток и молчалив, но по

горячности сердца минутами бывал и вспыльчив. Самый младший в семье, он мало играл с братьями и сестрами, а более находился при родителях и так был привязан к ним любовью, что почти не отлучался от отца и от матери. Когда мать его читала вслух жития святых, то жития преподобных пустынников особенно занимали душу его: он не только хорошо понимал их, но и разгорался духом подражать святым угодникам Божиим. В иные дни до обеда убегал он один в сад или огород и там наедине молился, как умел и как понимал (ему было тогда шесть-восемь лет), а после молитвы ел плоды и овощи для того, чтобы за обедом не есть мяса. И когда родители спрашивали, почему он ничего не ест, то с младенческой откровенностью отвечал: «Вы сегодня, матушка, читали житие такого-то святого пустытника, как он в пустыни питался одними былиями¹ и овощами, — и я хочу быть пустынником, так надобно привыкать». Родители не сопротивлялись званию Божию, но, горячо любя сына, беспокоились, чтобы не повредилось его здоровье, и заставляли его употреблять всякую пищу, какую ему предлагают, говоря: «Сам Господь сказал ученикам Своим: *Ядите предлагаемая вам*²». И доброе дитя Захария с кротостью повиновался, утешаясь тем, что поступает по слову Христову. А мать утешала его еще и теми словами, что послушание родителям всего угоднее Богу, что и в монашестве прежде всего потребуют послушания; и так он с младенчества возлюбил сию добродетель.

Когда ему исполнилось восемь лет, родители не решились отдать его, как и других сыновей, ни в какое училище, но захотели лучше иметь учителей у себя в доме. Кроме священника, который преподавал Закон Божий, и учителя русской словесности, были взяты еще два иностранца для латинского, французского и немецкого языков. Старшие сыновья быстро успевали в науках, а Захарию отец сперва не хотел было ничему учить, кроме Закона Божия, как повелено было свыше, но слабый сосуд женщина, к тому же нежная мать, горячо любящая сына, не устояла твердо в такой покорности Божию определению. Слезами, скорбями и упреками преклонила она супруга своего, чтобы и младшего учить всему, как и других сыновей. Послушный, кроткий и робкий мальчик, Захария, исполняя волю родителей, с великим прилежанием старался изучить все, что ему преподавали учителя, но тщетно. Только в те дни находил он себе отраду, когда преподавался Закон Божий: за успехи в этом предмете ласкали его утешенные родители и хвалил учитель. И поприще учения

¹ Былие — злак, зелень, трава.

² Лк. 10, 8.

для Захарии было не столько училищем мирских наук, сколько училищем смирения и терпения. В результате добрый отрок научился такому смирению, что почитал себя неспособнее и глупее других детей; научился он и терпению, нещадно утомляя себя над уроками, тоскуя и проливая слезы о том, что ничего не может выучить, перенося к тому же за сие стыд и строгие взыскания от родителей и учителей. Наконец и родители убедились в том, что Господь промыслительно не дает ему понятия в светских науках, и тогда отложили всякую строгость, дабы не изнурить его без пользы, но оставить на волю Божию.

Василий Данилович, видя приближающийся конец своей жизни как по старости, так и по болезненному состоянию своему, поспешил прежде определить сыновей в царскую службу, отправив всех троих, тогда еще весьма юных (младшему Захарии было не более пятнадцати), в Петербург.

Все три брата по просьбе родителя и по обычаю того времени были определены в гвардию, и притом в один полк. Жили они все вместе на одной квартире, имели все общее, нераздельное, и все три удивительно дружны были между собой. Но пылкая юность без надзора, без поддержки могла ли устоять против искушений и соблазнов мира? Юные братья завлечены были товарищами в картежную игру, много проигрывали; меньшей же, Захария, немедленно и решительно оставил сию губительную забаву и братьям советовал сделать то же.

Не более двух лет провели братья Верховские в Петербурге, как вдруг неожиданно получили горестное известие о кончине родителя. После первых дней печали и слез мать позвала к себе всех детей и сказала: «Я желаю, чтобы вы при жизни моей и при глазах моих разделили все имение: тогда я умру спокойно, зная, что все вы останетесь без меня в мире и любви между собою». Пока делили они имение, было между ними все тихо, согласное и любовно: всякий старался лучшее уступить другому. И только при разделе родительского долга вышел спор, достойный удивления: каждый хотел взять его на себя. Захария отказался от своей доли столового и чайного серебра — оно казалось ему излишнею греховною роскошью.

Немного более двух лет после смерти супруга пожила боголюбивая кроткая старица, горестная вдова Анна. Детей никого при ней не было, кроме любимого сына Захарии. В последний день, предчувствуя близкий исход свой, она исповедалась и приобщилась Святых Таин, потом, крепко прижав лежавшую на груди ее икону Божией Матери и заключив вместе с иконою и сына в свои объятия, испустила дух. Захария встал, взял икону и, поставив ее на стол, со слезами стал молиться пред нею за душу

матери; потом окончил молитву так: «Теперь Ты, Царица Небесная, будь моею матерью. Тебе вручаю всю жизнь мою». С кончиною матери прервалась последняя нить, привязывавшая его к мирской жизни, ибо мать всегда убеждала его не оставлять ее, пока ее не похоронит. По молодости лет Захария, находясь среди мира, смутился было помыслом и желанием жениться. Однако внутреннее убеждение остановило его.

Обстоятельства сложились так, что Илия, брат Захарии, отдал ему свою часть имения. Захария принял во владение все имение брата и тем как бы дал смелость и силу врагу душ наших напасть на него новым искушением. Юноша стал увлекаться любостязанием; его радовало, что, получив две части имения, он теперь будет богатым помещиком. Но тайный голос совести сильно тревожил его в глубине сердца, хотя он и старался заглушать его. «Однажды, — как рассказывал сам отец Зосима, — я прогуливался верхом на лошади, оставленной братом. Как только поравнялся с церковью, вдруг точно кто рукою толкнул меня в грудь, и так сильно, что я, кажется, пошатнулся на лошади, и в то же время я внятно услышал следующие слова: “Ты сам пойдешь в монахи”... Один из моих зятьев — вольнодумец, несправедливый и неверный в отношении к супруге своей, сестре моей любимой, впрочем, человек доброго сердца и очень милостивый господин для своих подчиненных, заметил грусть мою и принес мне душевную пользу, сказав следующие слова: “О чем, брат, смущаешься? Хочешь идти в монахи да не можешь решиться? Но, если пойдешь, подумай сам, что ты потеряешь? Если и моя правда, что нет вечной жизни, то ты только то потеряешь, что не поживешь так развратно, как я; а когда умрем, будем оба равные с тобою. Но ежели же ваша правда, что будет и вечная мука, и вечное блаженство в Царствии Небесном, тогда ты много выиграешь предо мною!” Сии слова его решили все мои недоумения». По получении ценного совета Захария недолго медлил в миру. Все имение свое и брата, согласно выбору крестьян, он отдал своей несчастной сестре и этому доброму к людям зятю, который, быв как бы орудием невидимого Промысла Божия, призывающего Захарию к иноческой жизни, не лишился mzды от Господа за добрый, спасительный совет: в старости, будучи болен, он удостоился помилования от Господа — прочувствовал все свои заблуждения и с чистосердечным раскаянием принял христианскую кончину.

Расставшись решительно с мирскою жизнью, весь свой ум, всю душу и сердце Захария устремил на служение Богу в иноческом звании. Ему был 21 год от роду, когда оставил он все в мире сем.

Из описания его младенчества ясно видно, что он предназначен был от Бога для жизни пустынной. Услышав о некоторых пустынножителях, живущих в Рославльских лесах, он отправился к ним в светском еще одеянии. Старшим между ними был тогда иеромонах отец Адриан¹. Быв несколько раз еще при отце Адриане у рославльских пустынножителей, Захария более всех полюбил отца Василиска, одного из учеников Адриановых. Его тихий и кроткий нрав, простое и приятное обхождение, благоразумные суждения так привлекли к нему сердце юноши, что он желал, если бы возможно было, с ним не расставаться, и все свое старание обратил на то, как бы скорее освободиться от мира и переселиться к ним. Для этого отправился он в Петербург, где получил полное увольнение от службы, и, окончив все дела, как птица, вырвавшаяся из клетки, полетел в пустынные Рославльские леса. Это было в 1789 году. Но не нашел он там уже отца Адриана, который пред тем переселился в Коневскую обитель². Видя в ученике своем Василиске истинное смирение, сохраняющее душу от всякой вражией прелести, и здоровое духовное рассужде-

¹ Старец Адриан, в схиме Алексей, в святом крещении Василий (Блинский; 1722–1812), родом из Соликамского уезда Пермской губернии. После двадцати четырех лет службы в армии удалился в Пощанскую пустынь в Орловской епархии. В 1774 г. в московском Симоновом монастыре принял постриг, в 1777 г. — сан иеромонаха. Пустынножительствовал с учениками в рославльских лесах. Затем по предложению митрополита Гавриила переселился в Коневский Рождества Богородицы монастырь; в 1790 г. поставлен его строителем. Скончался на покое в Симоновом монастыре 28 марта 1812 г., предсказав нашествие Наполеона и пожар в Москве: «плакаль неутѣшно и просиль братію и учениковъ молиться Богу со слезами и усердіемъ. Говориль, что великое потрясеніе будетъ въ Москвѣ и ужасный огонь» (см. Рукопись из библиотеки Троице-Сергиевой Лавры: «Жизнь блаженной памяти Спасо-Симонова монастыря Схи-Иеромонаха Алексія», лл. 39–39 об., ныне в Отделе рукописей РГБ, фонд 304/II, № 183). Погребен был у алтаря церкви Сошествия Святого Духа (сейчас на месте взорванного в 1930 г. храма дом культуры АЗЛК), в жизнеописании осталась эпитафия:

«Се Божій человекъ, другъ всѣмъ, лишь врагъ порокамъ,
Чуждъ міру, но и міръ внималъ его урокамъ.
Гласъ вопіющаго и гордость съ суетой
Смирились предъ его священной съдиной...».

Рукописное «Жизнеописание» старца было и в собрании Оптиной Пустыни (ныне в отделе рукописей РГБ, ф. 214, № 282). Из опубликованного см.: Иеросхимонах Алексей (из записок келейника его иеромонаха Ионы) // журнал «Странник», март 1861 г., с. 145–171 (подписано кн. Дм. Урусовым); Иеросхимонах Алексей, подвижник московского Симонова монастыря. М., 1891; Последние русские православные пустынножители // журнал «Домашняя беседа», вып. 22, 1862.

² Коневский (или Коневецкий) Рождественский монастырь на острове Коневец в северо-западной части Ладожского озера, основанный в конце XIV в.

ние, а также великое во всем терпение и весьма подвижническую жизнь, к тому же зная его всегдашнее горячее желание совершенного пустынного безмолвия, отец Адриан, сам отъезжая в Петербург, дал ему благословение остаться в пустыни в его келлии, ибо к нему ни с чьей стороны не было зависти: он не был рукоположен в священство, а был лишь простой пустынник. На несколько отдаленном от отца Василиска расстоянии жили и другие старцы пустынные, к ним-то, живущим уже без отца Адриана, по возвращении

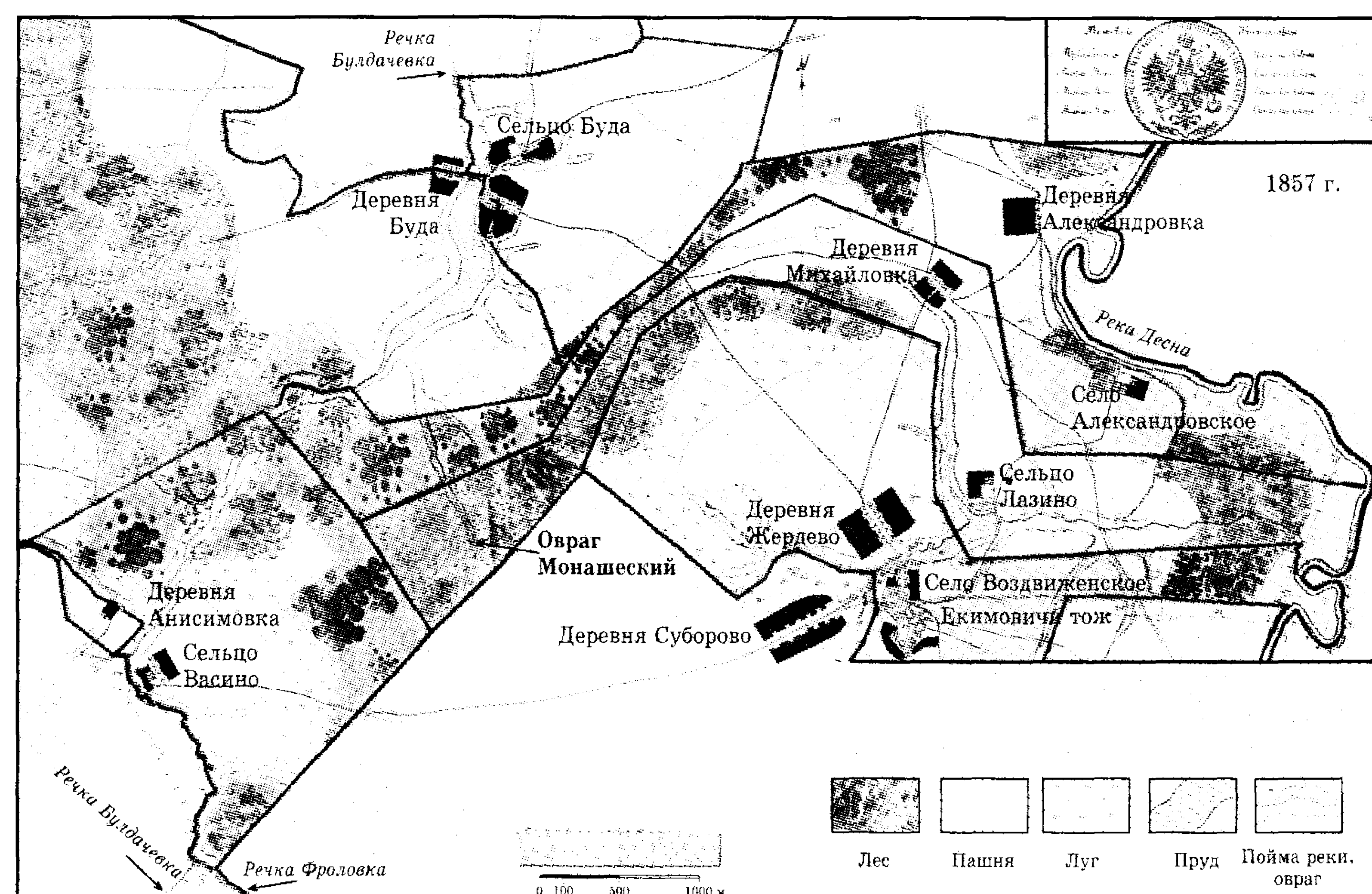
*Старец Адриан (Блинский; 1722–1812),
в схиме Алексий*

из Петербурга прибыл Захария. Все они встретили его с радостью и любовью, и когда узнали, что он решился уже непременно остаться с ними в пустыне, то все единогласно говорили ему: «Блажен бы ты был, добрый юноша, если бы отец Василиск принял тебя в ученики. Это звезда наша пустынная! Это пример всем нам! Но особенная будет к тебе милость Божия, если он согласится, ибо многие уже убеждали и умоляли его о сем, но, имея истинное смирение, он решительно отказывает всем, говоря о себе, что он невежда, непросвещенный, не может никого наставлять и так худо и слабо живет сам, что никому не может быть на пользу, к тому же любит в совершенном безмолвии быть всегда един с Единым».

преподобным Арсением Коневским († 1447 г.; память 12/25 июня). Покрытый лесом остров с его каменистой почвой, непригодной для земледелия, отделенный проливом шириной в пять верст от берега, самой природой был предназначен для подвижничества.

Старец Адриан в 1796 г., в бытность свою строителем монастыря, основал вблизи него на Святой горе (на месте, где первоначально подвизался преподобный Арсений по прибытии с Афона на Коневец) Святогорский Казанский скит, в котором был устроен каменный храм в честь Казанской иконы Божией Матери.

Слыша все это, благоразумный юноша Захария еще более разгорелся любовью к сему дивному старцу и желанием быть его учеником. И уже неотступно и убедительно умолял его. Старец не давал никакого ответа, однако оставил его погостить у себя на некоторое время, много утвердил мысль его в желании пустынной жизни и усладил сердце его любовью к Богу; много — и делом и словом — наставил его на путь спасительный, иноческий. Между прочими духовными беседами отец Василиск, рассказывая о себе, без всякого намерения упомянул, что он родом из Тверской губернии, Калязинского уезда, государственный крестьянин и находится в большой печали от того, что кончился уже срок его увольнения и надобно ему опять явиться на свою родину, и насколько это тяжело для него как потому, что хотелось бы ему быть мертву для всех родных и знакомых, так равно и потому, что по неимению денег и недостатку здоровья трудно ему не только выхлопотать новое увольнение, но и предпринять такую долгую и трудную дорогу (ибо было начало весны и самая распутица). Тогда Захария с великою радостью и горячностью обещался помочь отцу Василиску, дав слово, что доставит ему паспорт, и немедленно отправился в путь. И чем более было затруднений как в пути, так и в присутственных местах, тем более утешался он, что этим докажет свою горячую любовь к старцу. Получив желаемое (то есть паспорт для отца Василиска), он возвратился к нему с радостною душою, но с изнуренным телом. Расстроившись здоровьем, он так сильно болел, что едва мог двигаться, ибо по причине разлития вод и совсем испортившейся дороги ехать было почти невозможно, и потому большую часть пути шел он пешком. Захария вернулся к старцу совсем больным и пролежал у него несколько времени, пока молитвами старца не возвратилось к нему прежнее здоровье. Старец Василиск, тронутый его любовью, обещал принять его жить к себе, но только, как искусный и опытный духовный муж, советовал ему сделать начало монашеской жизни в каком-нибудь общежительном монастыре, чтобы испытать себя прежде в послушаниях монастырских и научиться терпению и смирению в обществе многих братий. «А без сего, — говорил он, — не только не полезно, но и весьма опасно и вредно начинать безмолвие. Хотя малое время искуси себя, чадо Божие, в общежитии, тогда приходи ко мне. Я и сам от юности моей, посвятив себя на служение Богу, сначала много лет провел в монастырях, в разных послушаниях, потом, хотя и жил в уединении, но в послушании при отце Адриане, и только уже после всего этого Господь даровал мне столь многожеланное безмолвие». При этом он откровенно

*Карта межевания 1857 года лесной дачи сельца Екимовичи
Рославльского уезда, на которой обозначен «овраг Монашеский»*

рассказал ему, сколько в пустынном одиночестве терпит он страшных искушений и мечтаний¹ бесовских, сколько трудов и скорбей как телесных, так и душевных, причем иногда бывает тоска, и уныние, и страхи, а иногда — утешение и заступление от Господа. «А потому не должно вступать в сии подвиги пустынножительства, — продолжал старец, — не прошедши прежде пути послушания в общежитии». Таким образом утвердив, наставив и утешив молодого воина Христова, отец Василиск отправил его в Коневскую обитель под управление отца Адриана.

С великою радостью и отеческою любовью встретил отец Адриан любезного ему юношу и вскоре вчинил его в число братии (в 1790 г.). Видя его ревность и желание нести иноческие подвиги, он позволил ему участвовать во всех тяжких трудах братии. Захария с горячим усердием старался ни в чем не отставать от братии в трудах их, а потому, частью от непривычки, частью от неумения, при своей юности и нежном телосложении всегда более всех утомлялся. Заметив это, добрый пастырь пощадил юношу и, чтобы с молодости не повредил он здоровье, дал ему только два послушания: печь просфоры и исполнять пономарское служение в церкви.

¹ Здесь: мечтание — призрак, видение.

Отец Адриан поручил одному старцу учить Захарию в пономарском служении. Старец тот был из сельских крестьян, весьма прост обычаем; но, будучи много лет пономарем, знал исправное дело и начал учить Захарию, как простого мальчика. А когда тот в чем-нибудь и неприметно ошибался, то при всех в церкви обличал и поправлял его. И вражьи наваждения так возненавидел Захария своего учителя, что даже глядеть на него спокойно не мог, и не только его замечания, но и каждое его слово было ему противно. Сам отец Зосима рассказывал о таком искушении: «Вижу я, что дело худо: погибаю! И потому уже не утешительные, но горькие слезы начал проливать я пред Господом, и когда в алтаре исправлял должность мою, то уже казалось мне, что я недостойн подходить к жертвеннику и престолу, и тосковал о сем, и много проливал слез, зная, что ненависть и злоба более всего противны Господу и что никакой молитвы, никакой жертвы не приемлет Он от враждебного сердца, и нет Ему там обители, где нет мира и любви. Если Господь повелел любить и врагов, то сколь виновен и мерзок я перед Ним, ненавидя безвинно сего доброго старца! И с Божией помощью начал я стараться действовать вопреки тому, что внушало мне сердце. Пономарю обыкновенно дают всякий день просфору; и я всякий день, сам не евши, отдавал оную сему старцу с низким поклоном и с видом усердия, но каково мне было это делать! Он же, не ведая чувств моих, принимал у меня с любовью, глядя меня по голове обеими руками, говоря: "Спаси тебя Господи, чадо доброе". Иногда же обнимал меня, а мне все это было тяжело и неприятно. Но Господь, видя скорбь мою и старание, не замедлил Своею мне помощью и не только отогнал от сердца беса ненависти, но и совершенно переменял чувства мои. И недолго был я в этом искушении, но после так полюбил препростого и доброго того старца, что сподобил меня Бог послужить ему в болезни, и умер он на руках моих».

С искренним чистосердечием и не щадя себя, открывал свои помыслы отцу Адриану молодой послушник. Скоро его постригли в чин иноческий с именем Зосима. Отец Адриан, сделавшись начальником Коневской обители, не изменил ни в чем образа жизни: такую же носил худую одежду и обувь, как и в пустыни, и не только в монастыре своем, но и в Петербурге. Несмотря на старость и слабость свою, отец Адриан при посещении столицы почти всегда ходил пешком, а ученик его Зосима носил за ним его сумку, в коей были книги и некоторые необходимые вещи, а также пожертвования на обитель; сумка была старая, с заплатами из разных лоскутьев. И эту-то сумку, ходя сзади за бедно одетым старцем, носил благовидный молодой инок высокого

звания и воспитания, бывший офицер почетной гвардейской службы, у которого в Петербурге было много знакомых и сослуживцев. Легко себе представить, что часто, встречаясь с ними, он стыдился, краснел и смущался. В сердце Зосимы зародились ропот и неудовольствие против отца Адриана. Богобоязненный Зосима, лишь только приметил, что побеждается оными, так немедленно со смирением и слезами кинулся в ноги отцу Адриану и сказал: «Прости меня, отче. Недостоин я называть тебя отцом моим, недостоин и ходить за тобою. Ты достиг бесстрастия, а я, обладаемый страстью самолюбия и тщеславия, стыжусь рубища твоего, стыжусь носить за тобою старую сумку твою; особенно же если встречаю кого из прежних моих знакомых, то не вижу и пути пред собою. И от самолюбивой страсти моей рождается во мне еще горшая страсть негодования на тебя, и в помыслах моих я осуждаю тебя, полагая, что ты это делаешь, чтобы показать свою святость, ропщу на тебя: зачем водишь меня за собою, как будто хвастая, что имеешь меня учеником своим. Отче мой! Если бы ты знал, как мучительны мне эти помыслы, как тяжело мне открывать их тебе! Ибо другой помысел останавливал меня и говорил мне, что ты за это лишишь меня любви и милости отеческой, что отпадет от меня сердце твое и ты отвергнешь меня. Но я осудил себя, понял, что я сего достоин, и потому решился открыть тебе всю душу мою». При сих словах Зосима с горькими слезами снова кинулся к ногам отца Адриана, говоря: «Не смею, отче, даже просить прощения у тебя!» — «Дерзай, о чадо мое доброе, — прервал его отец Адриан, поднимая его, — дерзай и не смущайся! Это не твои помыслы, а вражьи; твоя же чистосердечная предо мною откровенность и внимание к себе делают тебя еще дороже, еще любезнее моему сердцу». После этого случая Зосима всею душою, со всею ревностью старался подражать отцу Адриану и сам возлюбил нищету и простоту от всего сердца.

В то время в Коневской обители был иеромонах Сильвестр, муж весьма благоговейный, который жил уединенно, пребывая в молчании и упражняясь в чтении Священного Писания. К нему, по благословению начальника своего, стал ходить инок Зосима для духовной и полезной беседы. Отец Сильвестр, видя молодого инока, горящего духом ко всем подвигам и к победе над страстями, раскрыл пред ним учение о внимательной сердечной молитве, коей сам был делатель, объясняя ему, что именем Иисусовым и священным оным трезвением внутренней молитвы лучше всяких оружий можно победить все приращения вражьи и удерживать помыслы от парения. Отец Зосима с горячим усердием, по благословению отца Адриана, занялся как исполнением этой священной молитвы, так и чтением книг отеческих, в коих

более находится объяснений, касающихся сей умной молитвы: «Добротолубия», писаний преподобных Нила Сорского, Исаака Сирина и прочих святых пустынножителей. И тогда-то еще более почувствовал он влечение к пустынному уединению, ибо оное священное упражнение непременно требует тихого безмолвия и духовного наставника, который бы поверял каждое движение ума и сердца ученика, без чего можно легко впасть в прелесть. При всем том ни добрый пастырь и наставник отец Адриан, ни старец Сильвестр не могли заменить в сердце Зосимы возлюбленного ему Василиска.

Прожив в Коневском монастыре почти три года, пройдя послушания, испытав искушения, отец Зосима неотступно и со слезами стал просить отца Адриана отпустить его в пустыню к отцу Василиску. Отец Адриан сказал ему: «Потерпи немного, я хочу проситься у митрополита за сбором в Смоленскую губернию, тогда и тебя возьму с собою, и посетим там отца Василиска и прочих пустынножителей; я надеюсь уговорить его ехать с нами в Коневец и тебя вместе с ним устрою жить в безмолвии: ты знаешь, как обширен и уединен наш остров и как много на нем пустынных лесных мест». Утешившись таким обещанием, инок Зосима остался ждать сей милости Божией.

Чрез несколько времени отец Адриан исполнил свое обещание. Он с Зосимою посетил всех пустынников в тех краях, все были весьма рады боголюбивым посетителям, но более всех обрадовался отец Василиск. После первых радостных минут и после многих духовных и взаимно откровенных бесед отец Адриан начал убеждать отца Василиска переселиться в Коневец. Но, не желая расстаться со своею любезною пустынею, со всею кротостью и смирением тот изъявил свое несогласие на предложение отца Адриана, представляя ему, что нет справедливой причины оставить ему пустынное свое убежище. На это отец Адриан решительно возразил: «Из всех писаний и преданий святых отцов видно, что всего полезнее жить близ отца своего духовного и зависеть от него; итак, если ты не послушаешь меня, то отныне ты не сын мне духовный и будешь связан от меня, как преслушавший волю своего отца» (ибо отец Адриан и по исповеди и по пострижению был ему отец духовный). Услышав это, Василиск залился слезами и, припав к ногам Адриана, просил прощения и дал слово ехать с ними. С этой минуты отец Зосима положил твердое намерение в сердце своем, чтобы с помощью Божией до конца жизни или до смерти старца не разлучаться с ним и быть в совершенном повиновении ему, чтобы без его воли и без благословения никогда ничего не делать и не скрывать от него даже самого малого помысла, — одним словом, предать ему всю свою душу.

Вскоре отец Адриан со всеми спутниками благополучно прибыл в Коневецкий монастырь. В трех верстах от обители, на уединенном пустом месте выстроил он две келлии, недалеко одна от другой, и с молитвою и благословением отпустил своих учеников на безмолвие, поручив Зосиму старцу Василиску. В любви святой они начали проходить жизнь отшельническую. Отец Сильвестр, также с благословения отца Адриана, в скором времени присоединился к ним на безмолвие, построив себе келлию немного поодаль. Когда Зосима открыл отцу Василиску тайное монашеское сокровище, объяснив ему учение о молитве сердечной (отцу Василиску, при всей его подвижнической и богоугодной жизни, до того времени вовсе было неизвестно священное сие делание, и, узнав о нем от Зосимы, он вполне был вознагражден за то, что оставил для него пустыню и пустынников), тогда тот, употребив все усердие и старание свое, в этом внутреннем духовном упражнении весьма преуспел в благодатных утешениях. В силу этого еще более умножилась любовь старца к Зосиме, и уж никак не хотел он согласиться иметь его на степени сына и ученика, а имел его как друга, сотаинника и брата возлюбленного. Невозможно описать все духовные занятия отшельников и все тайные подвиги, какими они работали Господу в безмолвии своем. Три года отец Зосима беспрестанно носил скрытно от всех, кроме Василиска и Адриана, по нагому телу острую власяницу, грубо сотканную из конского волоса, от которой болезненные и глубокие раны на теле его не заживали. Бдением всенощным и трудными работами он немилостиво изнурял юную плоть свою, горя духом к бесстрастию бесплотных Ангелов.

На Зосиму, как на младшего из пустынников и способнейшего на всякое послушание, отец Адриан возложил обязанность раз в год ездить в Санкт-Петербург закупать провизию и все нужное для одежды братий. В Коневце был устав общежительный, а отец Адриан уже ослабел здоровьем и не мог ездить сам. В лице же отца Зосимы он имел как бы правый глаз свой в верности и правую руку в исполнении поручений и деятельности. Надобно вспомнить, что отцу Зосиме не было еще и двадцати пяти лет, когда начал он один ездить в Петербург. И удивительно не то, что юный инок иногда смущался нечистыми помыслами и страстными чувствами, но более то чудно, как дивный сей любитель чистоты мог так крепко сопротивляться трем врагам — миру, плоти и диаволу — и сколь славные одерживал над ними победы. С благословения отца Василиска он положил обет пред Богом: до тех пор не видать женского лица, пока не перестанет ощущать хотя бы малейшее страстное движение или даже минутное приражение помысла, пока не будет для него все равно,

что мужской пол, что женский. Обет свой он так строго хранил, что не только на безмолвии своем или в обители, или в церкви, но и в Петербурге не смотрел на женщин и не приближался к ним, и даже не подходил к той лавке, где продавала женщина. И когда на улице или в доме случалось ему встречаться с женским полом, то, вспоминал отец Зосима, «как только увижу, что мелькнет женское платье, так опущу, или скошу, или помучу глаза мои, что не только не вижу лица ее, но и свет станет темен у меня в глазах. По прошествии восьми лет удивил Господь милостью Своею надо мною, и с тех пор помиловал меня и на всю жизнь мою избавил меня от всех страстных ощущений и всяких нечистых помыслов».

Не излишним будет рассказать и о телесных упражнениях, и о порядке жизни пустынников во время пребывания их на Коневце: пять дней неисходно проводили они в своем уединенном безмолвии, а в субботу, после вечерних своих правил, приходили в обитель ко всеобщей; в воскресенье, после литургии, обедали вместе с братией за общей трапезой и, получив от начальника все нужное для пропитания и работы, также и книги для чтения, к вечеру в воскресенье возвращались в свое уединение, где очень много трудились для обители. Отец Зосима научился переплетать книги и писать уставным письмом, также хорошо резать деревянные чашки, ложки и прочее, а отец Василиск делал глиняную посуду; еще плели они корзины, лапти, делали лукошки из березовой коры; в собирании же ягод и грибов томили себя до усталости, и все это — и рукоделие, и плоды — в субботу приносили в обитель. Отец Зосима имел большую склонность читать духовные книги, а чтобы иметь более такую возможность, он выучился в Петербурге искусно и красиво переплетать книги, дабы и посторонние охотно прибегали к его помощи. Вместо всякой платы он ставил одно условие: чтобы работать неспешно, поскольку по своему обыкновению он прежде сам прочитывал книгу и выписывал из нее, что ему нравилось, а потом уже переплетал и возвращал тому, от кого ее получал. Никаких светских книг не брал переплетать. Отец же Василиск, не весьма искусный в чтении, предавался более молитве сердечной.

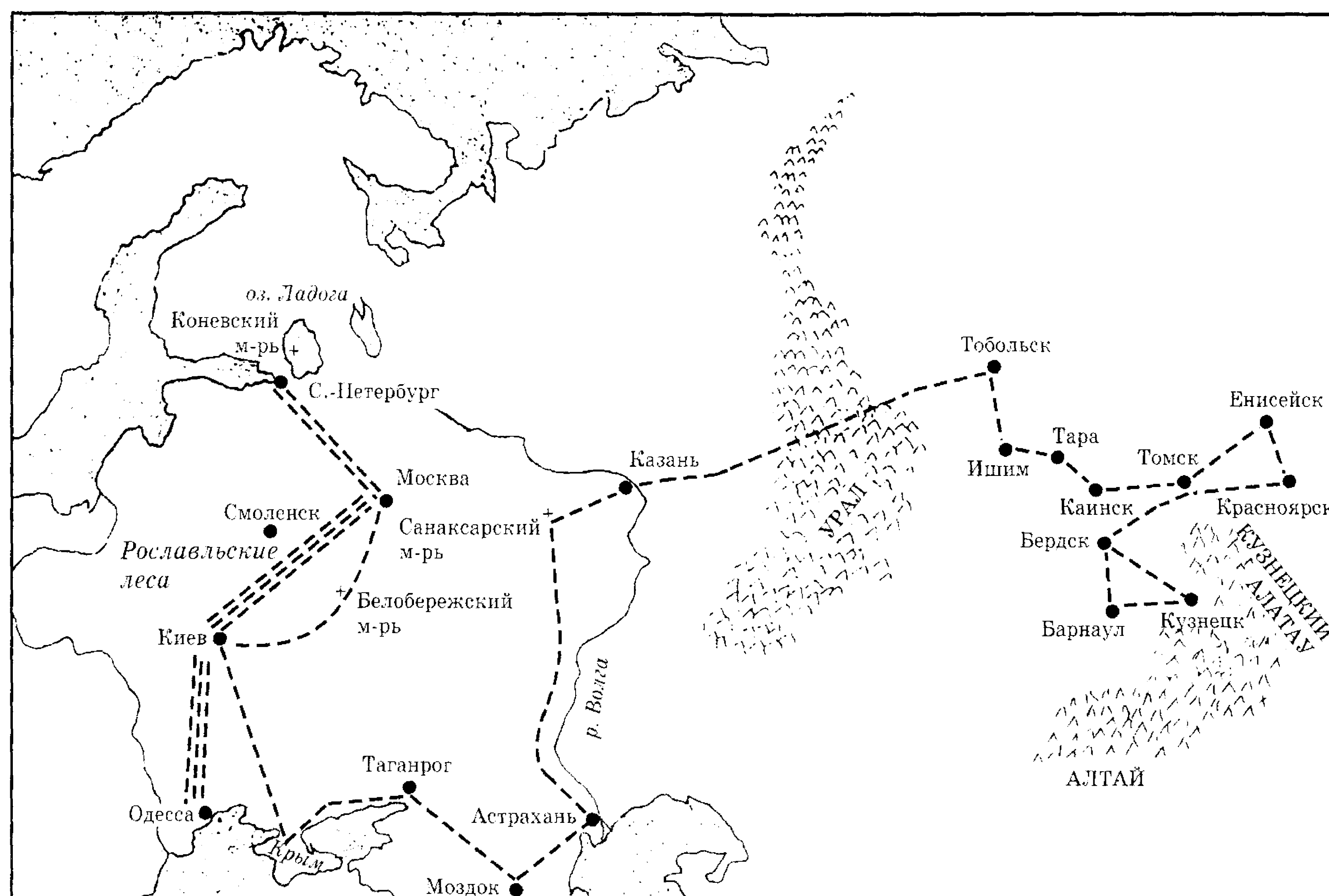
Коневские пустынники сделались славны, и Коневский остров стал наполняться посетителями. Однако не только не утешала их таковая человеческая слава, но так была им тяжела, что они решились непременно удалиться и приступили с убедительным прошением к отцу Адриану, чтобы он отпустил их на Афонскую Гору или в молдавские пустынные пределы. Но отец Адриан никак не соглашался, говоря: «Не оставьте меня, чада мои, в старости и слабости моей, пока или освободит меня Бог от сей

должности на покой души и тела, или пока успокоюсь в недрах общей матери нашей земли». По прошествии некоторого времени отец Адриан действительно испросил себе увольнение от начальства и принял на себя великий образ схимы, в коем наименован Алексием, переселился на покой в Москву, в Симонов монастырь, где и скончался в 1812 году. Отъезжая же с Коневца, дал благословение Василиску и Зосиме удалиться во внутреннюю пустыню, куда Господь управит путь их, рассказав им, однако же, что в областях Сибири есть много диких необитаемых мест, и добавив предложение, не пожелают ли они пойти туда. Он благословил их испросить увольнение у митрополита Санкт-Петербургского Гавриила¹, сам предварив Владыку об их духовном расположении и намерении.

По удалении отца Адриана все братия приступили к отцу Зосиме, прося его со слезами и усердием, чтобы он согласился заступить его место и принять священство и начальство над ними; и уже хотели послать кого-то из братьев к митрополиту просить, чтобы он назначил к ним начальником Зосиму. Много стоило трудов, и слез, и прошений отцам Василиску и Зосиме, чтобы освободиться от сего избрания; и тогда братия, уважив их безмолвие, хотя и со скорбью и сожалением, не принуждали их более.

Увидев возможность исполнить свое всегдашнее и сильное желание удалиться во внутреннюю пустыню на глубочайшее безмолвие, Василиск и Зосима обратились с прошением об увольнении из Коневца, где прожили десять лет, к митрополиту Гавриилу, который, зная их ревность о благоугождении Богу и предупрежденный отцом Адрианом о любви и стремлении их к безмолвию, уволил их. Первой целью их стремления была Святая Гора Афон, и три раза они были уже на границе отечества, но каждый раз непреодолимые препятствия заставляли их возвращаться: то война с турками, то карантин по причине бывшей тогда заразной болезни, то повеление высшего начальства никого не пропускать за границу. Добрые благодетели снабжали их деньгами на эти путешествия, но, возвращаясь, они каждый раз отдавали деньги своим благотворителям, которые удивлялись их бескорыстию и тем более любили и уважали их. В конце концов они решились сделать последнюю попытку — подали прошение Государю Императору Павлу I и, получив отказ, уверились, что не благоволит Бог их намерению поселиться на Святой Горе Афон. Тогда решились они на другое, последнее: стали просить купцов-мореплавателей завезти их на какой-ни-

¹ Гавриил (Петров) — митрополит Санкт-Петербургский с 1783 по 1799 г., с 1799 г. — митрополит Новгородский и Олонецкий.

Путь старцев Зосимы и Василиска

будь необитаемый остров и там оставить, но их отговаривали: «Может статься, что какие варвары пристанут кораблем к острову вашему и, найдя вас, возьмут в плен, тогда вместо пустынного безмолвия всю жизнь свою будете невольниками у неверных». Помня совет своего духовного отца Адриана, они обратились мыслью в сибирские пределы.

Странствование свое они начали от Малороссии. В Киеве отечески принял их митрополит Иерофей Малицкий¹ и успокоил в Лавре, где прожили они два месяца. Оттуда отправились в Крым, обходили горы и дебри, но не нашли себе по духу приюта по причине многих иноземцев и разномыслия, живущих там. Осматривали уединенные места около Моздока, где из-за опасности набегов горцев также не остались. Были в Таганроге, Астрахани, около Казани, объехали Уральские горы. И, признав наконец, что нигде, кроме Сибири, не благоволит Бог им жить, покорились святой воле Его.

Ехали благополучно до самого Тобольска, где Преосвященный Варлаам² милостиво принял их и благословил пожить, сколько пожелают, в Ивановском монастыре, что в шести вер-

¹ Иерофей (Иоанникий Малицкий; 1727–1799) — митрополит Киевский и Галицкий в 1796–1799 гг.

² Варлаам (Петров; † 1802) — архиепископ Тобольский в 1768–1802 гг.

*Вид города Кузнецка. Рис. И. Х. Беркхана (осень 1734 г.).
Гравюра И. Е. Бугреева. (ГИМ)*

стах от Тобольска вверх по Иртышу. При наступлении весны Преосвященный благословил их жить в его епархии, где они сами изберут себе место, а губернатор дал от себя билет для свободного пропуска во всей Тобольской губернии. С таким напутствием объезжали и обходили они разные пустынные места, зима застигла их в Кузнецком округе. Желая провести зиму уединенно, они удалились от деревни на сорок верст и сделали землянку в величайшем лесу. Один благочестивый крестьянин обещал в продолжение зимы доставлять им пищу, а весной вывести оттуда, но по каким-то причинам так и не появился до разлива рек.

С упованием на Промысл Божий остались они жить в большом, диком, незнакомом лесу, в мрачной землянке. Сибирские морозы пробивались и сквозь землянку, ветры и метели бушевали вокруг нее, но огонь любви Божией преодолевал стужу.

Перезимовав с великими лишениями, они, чтобы не умереть от голода, вынуждены были вернуться в Кузнецк. Многотрудная дорога вывела их к реке, которую неминуемо им надобно было перейти. Они увидели, что разлившаяся вода была наравне с берегами, но от сильного мороза, случившегося накануне ночью, казалась крепко замерзшею. Отец Василиск пошел вперед, и так как был легче (то есть мал ростом и сух телом), к тому же без всякой ноши, то перешел благополучно. Отец же Зосима, перейдя почти всю реку, вдруг провалился и погрузился по самую грудь. Он уже совсем было отчаялся остаться в живых, ибо к ногам были привязаны лыжи, которые увязли в реке, во льду и снегу, достать же их рукой и выпутать ноги вода и лед не позволяли, так что невозможно было и помыслить, каким образом выбраться на берег. Тогда пустыnnики в сильной скорби от всего

сердца и единогласно возопили: «Теперь Тебе, Владычице Пресвятая Богородице, помогать!» И Василиск подал ему руку, а Зосима сказал: «Может быть, твоею рукою Матерь Божия помилует меня, если же нет, я отпущу твою руку, не втащу тебя, но умру один здесь». И — о чудо Божией Матери! — отец Зосима вышел на берег неожиданно легко и скоро, и непонятно, как вдруг освободились из лыж ноги, привязанные ремнями. Утомленные и измученные этим приключением, они вынуждены были остановиться: грелись у костра, сушили одежду, исправляли лыжи, немного подкрепились сухарной похлебкой. Чтобы легче было идти, всю поклажу они оставили у приметного дерева, взяли с собой только Евангелие малого формата и книгу преподобного Исаака Сирина как нужнейшую для безмолвия, да малые остатки сухарей. Через несколько дней, вконец обессилив, вышли они к селению. Деревенские жители, увидя сих живых мертвецов, — бледных, иссохших, изнемогших, полунагих, — весьма были тронуты этим зрелищем и два дня всячески успокаивали их в своей деревне, давая им хорошую пищу и питье.

Они были в столь сильном расслаблении, что не могли употреблять обыкновенную пищу, но только самую легкую, и то весьма мало. Через несколько дней на подводах, укрыв их своею теплою одеждою, жители деревни отправили пустынников в волость, а оттуда они были отправлены в город Кузнецк. Они прожили там около трех месяцев, пока совершенно не оправились и укрепились. Увидев всеобщее усердие жителей и удобные для уединения места, безмолвники решили навсегда поселиться здесь, в кузнецких лесах. Усердная молитва указала им место за проливами, именуемыми Трикурье; в пятидесяти верстах от него находился город Кузнецк, а по дороге к городу, в тридцати верстах, — деревня Сидоровка. Здесь летом 1802 года с Божией помощью выстроили они две келлии, недалеко одна от другой, оставаясь неразлучными душою, сердцем и умом. Василиск и Зосима разлучились келлиями ради большего безмолвия.

Им жаль было и часу времени отнять от занятий духовных на приготовление трапезы, а потому и придумали они — в глубокую осень с неделю или более позаботиться для того, чтобы всю зиму потом провести в совершенном безмолвии и тишине. Убрав все плоды и овощи с небольшого огорода, они отваривали брюкву, свеклу и прочее, а капусту оставляли сырой; кроме того, пекли травяной хлеб на всю зиму, ибо они во все время пустынного жития не вкушали хлеба из одной чистой муки, но всегда смешивали ее с травою и, наварив какой-нибудь похлебки, все это заморозив, поставляли на холод, чтобы всю зиму не готовить кушанья, чтобы и тогда, когда топят их печи, им или стоять

*Место на берегу озера в лесу под Кузнецком, где преподобные
Василиск и Зосима прожили двадцать лет*

на молитве, или сидеть во внимании умного сердечного делания, или заниматься чтением. Когда же к трем часам пополудни оканчивали молитвенные правила и духовные занятия, тогда, отрубив топором мерзлого хлеба и мерзлой пищи, когда какой придется, и разогревая в печи, трапезовали. После трапезы они занимались рукоделием до позднего вечера; после же правил вечерних снова садились на молитву сердечную, и иногда в этом умном внимании принимали мало сна, и опять будили друг друга на полунощную молитву; а иногда и до полуночи не преклонялись на ложе свое, которое состояло из одной деревянной скамейки с деревянною колодочкою вместо подушки. Хотя они жили в разных келлиях, но и молитва, и трапеза, и труды, и рукоделие, и скудное пустынное достояние их — все было нераздельное у них, и если иногда из любви к глубокому безмолвию по несколько дней и не сходились они, то, стуча палочкою, давали знать друг другу о времени молитвы и о трапезе; и другой таким же стуком отвечал, что он жив и здоров, слышит и соединяется с братом молитвою или трапезой; даже и ночью таким образом они будили друг друга. И в разных келлиях, и в разных телах их души составляли как бы одну душу и жили одною жизнью.

Один раз в год, во время Успенского поста, они ходили дня на три или на четыре в город Кузнецк для исповеди и причаще-

ния Святых Таин Христовых. А в прочее время, три раза в год, приезжал к ним в лес священник со Святými Дарами. И добрые христоролюбцы изредка посещали пустынников; денег же те решительно не брали ни от кого ни копейки, принимая только самое простое и скудное подаяние, необходимое для пропитания и одеяния, да и за оное старались они воздавать своим рукоделием.

Дикие звери жили мирно с пустынниками, но зверь адский не мог терпеть их ангельского жития на земле. Видно, было угодно Господу, чтобы не оставалось никакого искушения, которого не испытал бы отец Зосима, приготовляемый Промыслом на великое служение спасению ближних. Однажды враг рода человеческого напал на него мысленной бранью, беспрестанно нашептывая: «Иисус не Сын Божий». Воин Христов Зосима крепко сопротивлялся, ни на минуту не слагаясь с помыслами, не приемля их душою, ненавидя их сердцем. Искусный уже в бранях духовных, он не отчаивался, не смущался, а призвал на помощь отца своего и друга Василиска; они оба усердно молились против сего искушения, а отец Зосима присоединил еще и прилежное чтение святых учителей церковных: святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста и других. Около года висела над ним эта черная туча. Но после этого искушения воссияло ему Солнце Правды — Христос, Бог наш. Отец Зосима говорил, что в этом тяжком искушении более всего помогли ему беседы Златоуста на четырнадцать посланий святого апостола Павла, и с того времени он возымел особое усердие и любовь к святителю Иоанну Златоусту и часто так простодушно выражался: «Батюшка мой Златоуст святой исцелил меня в искушении», восхищался всегда его сочинениями и делал из них много выписок.

Прожив вдвоем довольное время тихо, спокойно, безмолвно и утешительно, они по убедительной просьбе приняли к себе в пустыню одного мещанина-старика, который ежедневно до бесчувствия пьянствовал, но обещался, живя при них, никогда даже не прикасаться к вину. Видя его твердое желание исправиться и спастись и размышляя, что если ему отказать, то он умрет от пьянства, они, чтобы Господь не взыскал от них душу его, согласились принять его, с тем, однако ж, чтобы он не препятствовал их безмолвию, построил бы себе особую келлию неподалеку. И Господь Бог за молитвы старцев так укрепил его, что он во все время жизни своей близ отцов в пустыни, до самой кончины, никогда не вкусил вина. Потом вскоре и другого приняли они — старика-купца, которому совестились отказать, зная его богоугодную жизнь еще в миру. И сей, построив себе келлию близ старцев, еще более преуспел в подвижнической и добродетельной

жизни, подражая им в воздержании: говея и готовясь к принятию Святых Таин, он иногда по три дня, а иногда и по пяти не принимал ни пищи, ни питья, был смирен, послушлив и благонравен. И старцы утешались обоими сподвижниками своими, но огорчались только тем, что по вступлении к ним сих рабов Божиих безмолвие их стало гораздо чаще нарушаться посещениями родных и знакомых этих старичков. Отец Василиск благословил друга своего на высочайшее житие глубокого безмолвия и уединения; и тот построил в пяти верстах от старца своего, в самом диком месте, окруженном лесами и болотами, со всех сторон неудободоступном, маленькую келлию и поселился в ней. Но по горячей любви взаимной они не могли расставаться надолго, а условились, чтобы в большие праздники отец Зосима приходил к старцу и братии на всенощное пение и на общую трапезу; иногда же, несмотря на старость и слабость свою, и отец Василиск посещал своего друга в дальней его пустыни. Отец же Василиск остался с братией, ибо к ним в пустыню вступил еще один подвижник — юный Петр Мичурин; с пламенным усердием к Богу и прилепясь истинною любовью к старцу Василиску, он предался в его руководство и послушание. Сей подвижник Христов прославлен в Соборе святых, в земле Сибирской просиявших, с именем Петра Томского (так как подвиг его имел место на берегах реки Томи).

Отец Зосима в глубоком уединении своем испытал еще одно тяжкое искушение — от бесовских страшных мечтаний и привидений, которыми враг, наведя на него ужас, хотел выгнать его из безмолвной удаленной пустыни. Три года подвижник Христов боролся во сне и наяву с бесами, не дававшими ему покоя; и на молитве являлись они в виде ужасных страшилищ, и, когда садился он за трапезу, окружали стол его в мерзких, безобразных видах, вырывали ложку из рук, и казалось, будто они едят его пищу, и келлия заполнялась их визгами, грохотом и шумом. Но он не только не удалился из уединения, но даже не изменял назначенного времени хождения своего к старцу Василиску, ни тот не учащал посещений, но при обычных свиданиях укреплял его в терпении, рассказывая, как сам десять лет в Брянских лесах был томим сими искушениями, как даже били его эти злобные враги... При начале сих искушений отец Зосима чувствовал страхование и тоску, но беспрестанною умною Иисусовою молитвою противоборствовал им. Впоследствии же Господь так укрепил его, что он не чувствовал никакого страха и смотрел на бесов, как на мух, кои ничем не могут повредить, а только надоедают. Впрочем, иногда душа чувствовала какое-то уныние и грусть — так тягостно душе близкое присутствие сих злых

духов. Но в конце третьего года милосердный Господь совершенно избавил Зосиму от сего искушения.

При прошествии этого искушения Господь исполнил душу его такими небесными утешениями, такими божественными радостнотворными посещениями, что он начал бояться, чтобы не прийти в забвение своих грехов и недостойнства. О чудное смирение! Видя себя в дикой пустыни, как в раю Божиим, и услаждаясь посещениями Божиими, Зосима молится о вкушении адских мучений: «Господи! Дай мне познать мучение грешников, чтобы от великих Твоих милостей ко мне, недостойнейшему, никогда не забыться, что я великий грешник; покажи мне, Господи, каково будет сие мучение, чтобы, боясь его всегда, старался я Твоею помощью благоугождать Тебе». «Недолго спустя после таковой молитвы, — рассказывал впоследствии отец Зосима, — вдруг я почувствовал неизъяснимое страдание во всем существе моем, в душевном, телесном и духовном; этого ужасного страдания невозможно выразить никакими словами: душа известилась, что это адское мучение грешников. Я не видал ничего и не слышал, но только все во мне страдало и томилось непостижимо: душа, сердце, все тело, каждый, кажется, волос на голове страдал, томление духа, мрак, тоска... положение ужаснейшее! — такое, что если бы оно продлилось еще несколько минут, то или душа вышла бы из тела, или пришел бы я в неистовство ума. Все сказанное мною слабо в сравнении с тем страданием: оно ужасно и неизъяснимо! И я в трепете упал на молитву пред Господом, но произнести ничего не мог, как только с крепким воплем воззвал: "Господи, помилуй!" И Он помиловал. Вдруг все миновало, и слезы умиления и благодарения сами собою полились обильно». На протяжении всей своей жизни отец Зосима с глубоким смирением и сердечным умилением часто вспоминал эти страшные минуты.

Около двадцати лет прожили отец Зосима и отец Василиск в сибирской пустыни почти неисходно. По прошествии этих лет, однажды в 1818 году, когда отец Зосима был в городе Кузнецке, к нему обратилась вдова Анисья Конюхова, лишившаяся к тому времени и мужа, и двоих малолетних сыновей. Оставшись одна, безотрадная, она со слезами прибегла к сострадательному отцу-пустыннику, прося у него наставления и утешения. Он посоветовал ей посвятить себя на служение Богу, Который силен укрепить и утешить ее и Один может восполнить сердечные ее лишения. Добродушная вдова с верою приняла совет старца и немедленно решила последовать ему с тем только, чтобы отец Зосима руководствовал и наставлял ее на трудном монашеском пути. Отец Зосима сообщил об этом старцу Василиску и просил

Соборная площадь г. Кузнецка. Фотография 1927 г.

его совета. Отец Василиск обрадовался и сказал: «Слава Богу, что находятся души, желающие служить Ему Единому», — и благословил отцу Зосиме иметь попечение о душе этой женщины и наставлять ее по правилам жизни монашеской. Но так как неудобно было по дальности расстояния от пустыни до города и тяжело по внутреннему безмолвному устроению духа отцу Зосиме посещать ее в городе, то оба старца и решили, чтобы Анисья Конюхова переселилась жить в ближайшую — находящуюся от пустыни в тридцати верстах — деревню. Она усердно приняла их предложение и немедленно переселились в деревню, где отец Зосима и начал посещать ее, преподавая ей правила монашеской жизни и назидавая спасительными советами. Через некоторое время отец Зосима вознамерился построить ей уединенную келлию близ деревни и, посетив ее по этому случаю, отправился в город, где был приглашен в дом советника Васильева, с которым старец был уже давно знаком. Советник встретил его с великим усердием и открыл ему непреодолимое желание своей дочери посвятить себя монашеской жизни; она ни в какой монастырь не идет, но желает идти в ту же деревню под руководство отца Зосимы. Советник со слезами говорил, что сначала он и жена всячески отклоняли дочь от сего намерения, но, видя ее сильное желание, убоялись противиться воле Божией, а потому просят старца принять ее под свое покровительство. Отец Зосима отказывался и неудобностью места, и своей неспособностью, и пустынным отдалением. Советник же убеждал его быть отцом его дочери, кото-

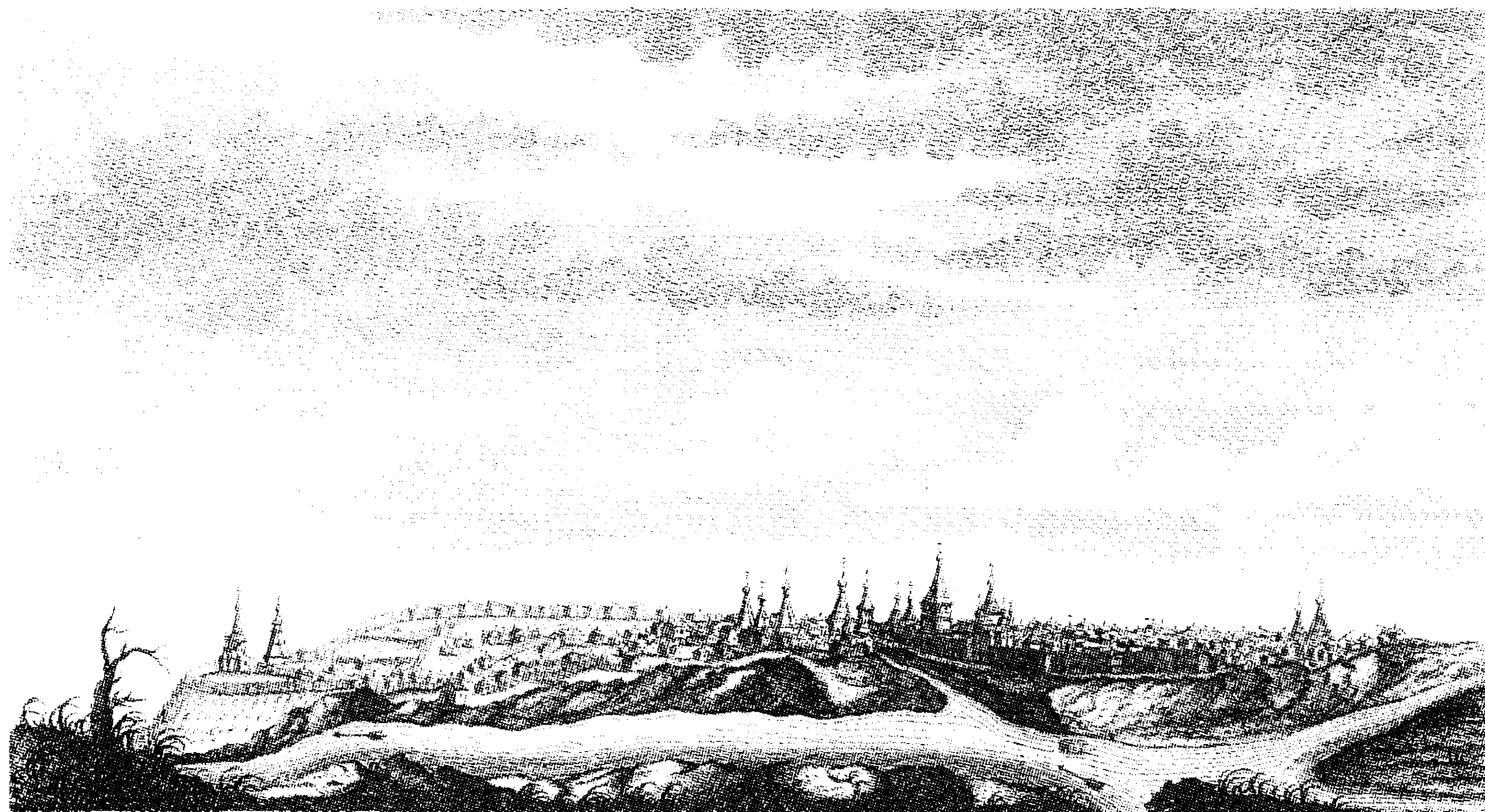
рая и сама, выйдя с матерью к ним, убедительно со слезами стала умолять принять ее. В то время вид ее показался старцу весьма страшным и неприятным, но через несколько минут сделался обыкновенным. Смиранный отец Зосима не принял это за откровение (как впоследствии оказалось, она восстала на него враждою и была причиною многих его скорбей, но затем обратилась и раскаялась), но по смирению подумал, что враг, завидующий спасению души ее, навел на него сомнение, чтобы не допустить принять ее. Впрочем, сколько старец старался отговориться, столько девица Васильева усиливала свои прошения. Отец Зосима, не дав решительного ответа, уехал от них в деревню. Он знал, что хотя отец ее был человек честный и доброго сердца, но мать была женщиной строптивой, а дочь — хотя и очень умная, но избалованная, изнеженная и самонравная, и потому, опасаясь возмущения своему спокойствию и тихому безмолвию, желал от нее отказаться. Но на другое утро, когда отец Зосима со всеми поселянами той деревни и с работниками ходил осматривать место, где строить келлию, вдруг неожиданно сама советница с дочерью приехали к нему в деревню. Опять повторились убедительные прошения с их стороны и смиренные отказы со стороны старца. Видя их неотступность, отец Зосима не знал, что делать, и в недоумении, как поступить, решился сделать испытание, размышляя, что если угодно Богу, то девица Васильева окажет смирение и послушание. Возле деревни, где приезжие нашли его с народом, была лужа, исполненная всякой нечистоты. Отец Зосима сказал девице: «Умойся из этой лужи». Она, несмотря ни на предстоящее множество народа, ни на то, что была хорошо одета, вдруг кинулась к луже, чтобы умыться из нее, так что старец едва успел остановить ее.

После этого он отправился к старцу Василиску и, рассказав ему обо всем, просил его совета и благословения. Отец Василиск сказал: «Видно, Промысл Божий что-то устрояет, не отвергай ее. Ежели и скорби какие будут, то и на это есть воля Божия. А может быть, ее примером и многие души уневестят себя Богу». Утешенный и утвержденный словами отца и друга своего, отец Зосима уже беспрекословно начал принимать желающих, ибо вскоре после Васильевой вступила к ним купеческая дочь, сирота девица Евдокия. Уже не одну келлию, но маленький корпус построил старец. В короткое время присоединилось к ним еще несколько девиц. Все были с любовью о Господе преданы и покорны отцу Зосиме, но Васильевы, дочь и мать (советник к тому времени скончался), наваждением вражьиим восстали враждою на него, из зависти и любоначалия, и возмутили было не только некоторых из сестер, но даже и граждан и поселян своими на

него клеветами. Враг силился разрушить богоугодное дело, но терпение и незлобие, любовь и молитва святых старцев сих победили доброненавистника. Васильевы с раскаянием возвратились, а старцы еще более усугубили свое о них попечение. Отец Василиск советовал и благословил отцу Зосиме проводить у сестер и по несколько дней, чтобы стараться как можно более утвердить между ними и порядок общежития, и правила молитвенные, и весь образ жизни монашеской, и заботиться об их нуждах.

Однажды нужно было отцу Зосиме ехать от сестер к старцу в пустыню, а от него немедленно возвратиться опять к ним. Время было хотя и зимнее, но погода стояла теплая. Однако на обратном пути завернул холод — ночью был сильный мороз, и вода в проливе замерзла, а предстояло неминуемо через него переезжать. Смиранный отец Зосима, призвав в помощь молитвы своего старца и сестер, сошел с воза, чтобы было легче, и пошел позади него. Вдруг лошадь провалилась, воз всплыл на воду, а отец Зосима погрузился в воду, едва успев схватиться обеими руками за воз, и не знал, что делать. Вернуться назад было невозможно: кругом был изломанный лед, к тому же он боялся выпустить из рук воз, не надеясь достать ногами дна, ибо знал глубину пролива. Лошадь вся, до головы, погрузилась в воду и далее идти или плыть ей было нельзя, ибо пред нею был неразломанный лед. Но и при виде такой смертной беды отец Зосима не отчаялся, а утешался тем, что Бога ради принял на себя служение сестрам и что благословение и молитва старца и сестер помогут ему. И в надежде на милосердие Божие, находясь в воде и держась за воз, ожидал, какой будет конец, а ничего нельзя было ожидать, кроме смерти, в чем он также смиренно покорялся воле Божией. Но вдруг, сверх чаяния, лошадь сама собою поднялась на дыбы и с силой выбросилась на лед перед собою и своей тяжестью проломила его. И так, разбивая лед, продвигалась лошадь от одного берега до другого и наконец выбралась на сушу. И отец Зосима, не выпуская воза из рук, тоже вышел на берег и всем сердцем возблагодарил Господа, избавившего его от потопления и смерти. Продрогшая лошадь скоро побежала, и отец Зосима, весь мокрый и дрожащий от холода, поспешая за возом, грелся на бегу. Вскоре одежда на нем так замерзла и обледенела, что сделалась как деревянная. Милостью Божией невредим приехал он к сестрам, радуясь духом и благодаря Бога, что сподобил его потерпеть сие ради сестер.

Через некоторое время и старцы и сестры поняли, что если они и устроят общежитие в этой деревне, то столкнутся со множеством неудобств, ибо и церковь была очень далеко, и земля принадлежала казенным крестьянам. И так, по благословению

*Вид города Туринска. Рис. И.-В. Люрсениуса (1733 г.).
Гравюра П.Т. Балабина. (ГИМ)*

отца Василиска и по просьбе всех сестер, отец Зосима отправился искать другое, удобное место для основания женского общежития.

Проезжая город Туринск, старец заметил возле него, в уединенном месте, церковь с каким-то старым строением. Оказалось, что это был некогда мужской монастырь, который после упразднения в 1764 году обращен был в приходскую церковь. Он осмотрел все, и ему понравилось это место на горе: под горою — река Тура, с двух сторон почти нет жилья, вдали видны леса, луга, поля... Отец Зосима обрадовался, узнав, что весь город православный, в окрестностях нет ни раскольников, ни еретиков, ни иноверцев; люди по большей части были просты и добродушны. Утешенный сим обстоятельством, он веселее уже прибыл в Тобольск к Преосвященному Амвросию I¹, который принял его милостиво, по-отечески. Выслушал его прошение, чтобы восстановить монастырь и обратить его в женский. С удивлением и утешением слушал владыка о начинающемся общежитии сестер под руководством отца Зосимы, но советовал ему самому ехать в Санкт-Петербург и хлопотать о сем в Святейшем Синоде. Отец Зосима и отправился в столицу.

Из духовных лиц святитель Московский Филарет, присутствовавший тогда в Синоде, более всех оказал свое благорасположение к пустынному старцу. Боголюбивый и любвеобильный архипастырь принял отца Зосиму под свое отеческое покровительство

¹ Амвросий (Келембет) — архиепископ Тобольский в 1806–1822 гг.

и не только помогал в его деле, но даже исправлял ему черновые прошения в Синод и содействовал исполнению сего дела.

Князь А. Н. Голицын, тогдашний министр духовных дел, спросил у отца Зосимы, жив ли угодник Божий старец Василиск и с его ли согласия начинается сие дело. В ответ тот показал князю лоскуток бересты, на которой старец Василиск написал ему свое напутствие: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ. Любезному старцу моему Зосимъ въ путь сей — миръ Божій и благословеніе и непобѣдимое оружіе, пресладкое и превожделѣнное и неумолчное имя Христово и молитвами Владычицы нашея Богородицы, аминь. По семъ остаюсь грѣшный рабъ твой. Молися за мя немощнаго. Заочно умою моимъ припадаю къ ногамъ твоимъ и лобзаю рамена и руцѣ твои съ главою. Гряди съ любовію послужити хотѣнію Божію, аминь. Поклонъ сестрамъ. Поминайте мя грѣшнаго въ молитвахъ своихъ, аминь»¹. Князь, поцеловав строки на бересте, сказал: «Теперь все будет сделано».

Преосвященный Филарет Московский и князья А. Н. Голицын и П. С. Мещерский подготовили представление Государю Императору Александру Павловичу, который определил: «Туринский монастырь возобновить и обратить в женский».

Отец Зосима, снабженный от Святейшего Синода надлежащими актами на возобновление и устройство Туринского женского монастыря, благополучно прибыл в Тобольск и явился к Преосвященному Амвросию I, который, получив указ из Синода, предписал местному начальству сдать законным порядком Туринский монастырь старцу Зосиме.

После годовой разлуки с неизъяснимою радостью и благодарением ко Господу увиделись опять пустынные старцы. Никого не оставляя в Сибирском лесу, кроме своих келлий (к этому времени один из вышеупомянутых старичков скончался; другой по болезни и дряхлости вернулся в свое семейство; Петр Мичурин, только девять месяцев подвизавшийся, быстро отлетел в вечность), неразлучные старцы отцы Зосима и Василиск вместе с сестрами, коих было двенадцать, покинули кузнецкие пределы и отправились в Туринск. Перед тем отец Зосима ездил в Иркутск прощаться к Преосвященному Михаилу², своему духовному отцу

¹ Цитируется по рукописи «Сборник разных писем из библиотеки келейной архим. Моисея. 1857» из библиотеки Оптиной Пустыни («Библиотеки Оптиной Пустыни отд. 1 № 1»), хранящейся ныне в Отделе рукописей РГБ (ф. 214, № 446). Напутствие помещено на л. 15 — вписано (вероятно, рукою преподобного Моисея) на свободной половине листа между двумя письмами старца Зосимы (отцу Досифею и отцу Павлу).

² Михаил (Бурдуков) — архиепископ Иркутский в 1814–1830 гг.

Храмы города Туринска. Фотография XIX – начала XX вв.

и благодетелю, с коим имел переписку до самой блаженной кончины сего боголюбивейшего святителя.

Прибыв благополучно в Туринск в 1822 году, отец Зосима всех сестер поместил в келлиях, хотя и тесных, но довольно удобных на первый случай, а для старца своего и для себя выстроил маленькую келлию в восьми верстах от монастыря, в уединенном месте, но большую часть времени находился в монастыре для его устройства, внешнего и внутреннего. Он написал устав сестрам, основанный на общежительных правилах святителя Василия Великого, и имел попечения об их душевном спасении и о житейских их нуждах и вообще о благоустройстве обители¹.

Устроив духовных сестер в Туринском монастыре и старца своего недалеко от него, отец Зосима снова поехал в Петербург, чтобы представить Святейшему Синоду устав правил, составленный им для общежития сестер в Туринском монастыре, испросить возвращения монастырю земли и всех угодий, прежде ему принадлежавших, сделать сбор в пользу обители, которая требовала многих издержек для восстановления. Старец Василиск благословил ему побыть и на родине.

¹ В XIX в. устройением женских обителей занимались преподобный Серафим Саровский, современником которого был старец Зосима, позднее преподобные Амвросий Оптинский и Варнава Гефсиманский.

В Святейшем Синоде удовлетворили все его прошения. Некоторые члены Синода, вверяя ему монастырь, предлагали и даже убеждали старца принять священство. Он всю ночь не мог уснуть ни на одну минуту и наутро отправился в Синод, где со смирением и слезами уклонялся от рукоположения, представляя на вид свое недостойнство и стремление души своей вернуться по устройении обители опять к пустыни.

Из Москвы отец Зосима писал в Туринск сестрам и от полноты утешенного сердца извещал их, что Бог дал ему взять из мира двух родных племянниц, что он постриг их уже в Москве и везет с собою в монастырь. Тобольская духовная консистория получила указ из Синода, что отцу Зосиме вверен Туринский монастырь для восстановления, в непосредственное заведование и попечение; что ему предоставлено право принимать способных и удалять неспособных; что его вниманию поручено избрание начальниц из среды сестер Туринского монастыря, а до времени, пока окажется на сие способная, должность начальницы править по очереди старшим сестрам, выбор коих и смена зависят от усмотрения старца-попечителя; что, наконец, монастырю возвращаются все его земли и угодья и определяются три штатных служителя.

Отец Зосима, видя, что стадо Христово умножается (ибо за короткое время общежитие составляли уже более сорока сестер), неусыпно заботился не только о постройке, но более всего внимания и попечения прилагал к устройению духовной жизни обители, основанием коей полагал правила святителя Василия Великого и преподобного Иоанна Лествичника. Сверх церковного

*Раздвоившаяся сосна на месте
келлии старцев Василиска и Зосимы
под Туринском*

неопустительного богослужения по Уставу было предписано ежедневно за час до утрени всем сестрам собираться в церкви. Сам старец принял на себя послушание будильника и, подходя к каждой келлии, тихо стучал в окно с молитвою. Сестры, слыша голос возлюбленного отца, немедленно спешили за ним; не медлили ни минуты, ибо Устав предписывал ложиться, не раздеваясь, — снимали только верхние ряски и башмаки; так что, пока отец Зосима отпирал церковь, сестры все до одной уже были готовы вместе с ним войти в храм Божий. После утренних молитв читали поклонение Страстям Христовым, составленное Димитрием Ростовским; иногда старец вслух читал какое-либо поучение святых отцов, и все возле него сидели и слушали, а иногда пребывали в молчании, с молитвою Иисусовой ожидая прихода священника. Мысль старца была та, чтобы души всех были приготовлены к утреннему славословию — или молитвою, или слушанием духовного поучения. После Шестопсалмия трудящиеся отходили на свои послушания, в церкви оставались только поющие, читающие, церковница, свещница и немощные. У обедни должны были быть все неотложно. После вечерни учреждено было такое правило: акафисты, каноны, молитвы по четкам с земными и поясными поклонами. Перед каждым воскресеньем и перед большими праздниками отправлялось всенощное бдение. Накануне после малой вечерни позволялось часа два-три отдохнуть; в девять же часов вечера собирались все в церковь и до трех часов утра проводили ночь в храме Божиим в пении акафистов, в чтении Псалтири и Евангелия; между молением три раза садились, и отец Зосима читал поучения. В три часа утра начинался благовест, приходил священник, и служили всенощную по церковному чиноположению, по окончании которой все в молчании расходились по келлиям и до обедни не должны были ложиться спать — читали или, для разгнания сна, занимались чем-либо в своей келлии тихо и с молитвою Иисусовою. Трапеза была учреждена во весь год постная, кроме шести сплошных седмиц. В течение всего года в понедельник, среду и пяток (кроме разрешенных праздников, приходившихся на эти дни) соблюдали девятый час, то есть до трех часов никто не имел права ни пить, ни есть, в три часа — трапеза без елея один раз в день. Великий пост отличался особенным воздержанием и сухоядением. Одежда у всех была одинаковая, простая, и не только ни одна из сестер не должна была иметь собственные деньги или какое-либо стяжание, но и полученные гостинцы от родных или благодетелей приносили к старцу, а он отдавал их в общее употребление. Никто из сестер не тяготился этими правилами, но каждая, одна перед другою, рвалась на большие подвиги.

Однако враг душ наших, завистник спасения человеческого, Божиим попущением строил тайно свои козни и наконец открыл явную войну против пекущегося всею душою своею о спасении сестер старца. Однажды мать и дочь Васильевы, — сколько ни старались скрывать свое любоначалие, свою зависть и немирное настроение против старца, — обвинив отца Зосиму в самых нелепых преступлениях, оклеветав его перед епархиальной властью и горожанами, возбудили смуту с целью стать во главе управления монастыря.

Они обходились со старцем с презрением, а сестер старались ласками привлечь к себе. Однако сестры, в горести и слезах, еще более прилеплялись к своему смиренному отцу. Но этим не кончилось. Советница Васильева начала часто ездить в город, завела знакомство с господами и купцами; как она, так и дочь ее стали принимать в келлии не только гостей, но и заказы на златошвейные работы и иметь собственность; высказывали всевозможные укоризны и оскорбления старцу и приверженным к нему сестрам, употребляли все средства, чтобы вредить, мешать всем его начинаниям. Отец Зосима, тоскуя душой о таком нестроении в обители, начал думать, что, видно, не угодно Богу это его служение; видно, тут можно усмотреть причину, чтобы оставить все и удалиться в пустыню. Преданные ему сестры горько плакали и говорили, что они нигде от него не отстанут. Тогда отец Зосима написал два прошения почти одинакового содержания: одно — к Тобольскому Преосвященному владыке, другое — в Синод. В том и другом он просил увольнения от должности попечителя и свободы вернуться в пустыню. Если же не соизволят на его увольнение, то просил удалить из обители тех, кто возмущает спокойствие и препятствует завести образ жизни по общежительным правилам святителя Василия Великого. Через какое-то время в монастырь приехали три духовных лица: член Тобольской духовной консистории, протоиерей из Тюмени и благочинный Туринска. Они прошли в церковь и приказали старцу-попечителю и всем сестрам без исключения собраться в церкви. Когда все собрались, был зачитан указ, в коем сказано, что Святейший Синод предписывает Тобольскому Преосвященному расследовать дело Туринского монастыря и представить в Синод. По этому указу назначенные владыкою и прибывшие в монастырь лица начали производить следствие. Проводившие его представляли Преосвященному события так, как хотелось Васильевым, с которыми они были в сговоре.

Старец приказывал сестрам как можно миролюбивее обходиться с возмутителями спокойствия и не отказывать им ни в чем и всегда твердил сестрам: «Помните Христову заповедь: лю-

*бите враги ваша*¹. И не только словами, но делом подавал им собою в том пример; и не только внешне старался блюсти тишину, но и в сердце не имел ни на кого негодования. Допрос учинили и девяностолетнему старцу Василиску, проведенному семьдесят лет своего монашества во внутренней пустыне, в глубоком безмолвии. Его спрашивали по совести и о старце Зосиме, и вот был его ответ: «Сорок лет мы живем вместе, я не видел в нем никакого порока».

Казалось, всё и все, кроме старца Василиска, преданных сестер и немногих посторонних, восстали на отца Зосиму. Только иногда слышались от него слова: «Я знаю одну Матерь Божию; когда Ей угодно, то Она откроет всю справедливость; если же Ей угодно, чтобы я терпел оскорбления, то мне ли сметь сопротивляться судьбам Божиим?» Указом Преосвященного старец был отстранен от управления монастырем, а Васильева-мать назначалась смотрительницей монастыря. Старцу запрещено было под любым предлогом посещать обитель и иметь разговоры с сестрами.

Васильева-младшая, в монашестве получившая имя Рахиль, раскаялась в содеянном. Мучения совести терзали ее до того, что она слегла в постель. И архимандрит, производивший следствие, понял, что отец Зосима ни в чем не виноват. Он видел во сне чудное явление: почтенный старец, незнакомый ему, но вида благолепного, предстал перед ним и строгим и убедительным голосом увещевал его в пользу гонимого отца Зосимы: «Оправдай моего старца — он неповинен!» Потрясенный до глубины души священным видом и словами незнакомого, но дивного старца, архимандрит пробудился и велел позвать к себе благочинного, которому рассказал свой сон, прибавив: «Мне кажется, что это должен быть старец Василиск; непременно желаю его видеть и сам поеду в его пустыньку. Не хотите ли и вы ехать со мною?» Благочинный охотно согласился, признавшись, что в эту ночь имел то же видение. Увидев старца Василиска, он с благоговением вступил с ним в разговор, во время коего отец Василиск весьма смиренно и мало говорил и не сказал ни слова в оправдание отца Зосимы. Архимандрит, возвратясь от старца, приметно переменил свои мнения и действия. Монахиня Рахиль тем временем покаялась перед сестрами во всех своих преступлениях и сожалела о содеянном.

Все обстоятельства расследования в итоге совершенно оправдали отца Зосиму. Архимандрит, казалось, принимал уже его сторону и стал всем говорить в его оправдание, благочинный же

¹ Мф. 5, 44.

непритворно просил у старца прощения и совестился даже смотреть на него, а в городе все уже неліцемерно сожалели о нем.

Архимандрит получил от владыки частное письмо, которое показывал старцу. Преосвященный писал к нему: «Внушите от меня отцу Зосиме, что гораздо лучше он сделает, если на сие время удалится из Туринска». После сего старец уже решился ехать в Тюмень вместе с племянницами. За день до отъезда своего отец Зосима с племянницами ездил прощаться к старцу Василиску, и тот благословил их. При прощании отец Зосима зарыдал и пал ему в ноги, а потом стал пред ним на колени. Отец Зосима говорил: «Как решится дело мое, куда Бог управит меня, я приду за тобою, не покину тебя; куда сам, туда и тебя возьму с собою». А отец Василиск отвечал: «Хотя как буду слаб, но, пока жив, не отстану от тебя». И так они расстались. Но отец Зосима в разлуке со старцем тосковал о нем, точно предчувствуя, что расстался с ним до вечности.

Сам Преосвященный прежними доносами был сильно преубежден против старца. Узнав правду, он очень расстроился, более потому, что уже послал в Синод донесение следователей не в пользу старца. Некоторые сестры, по малодушию, стали роптать и говорили: «Зачем же архиерей Божий несправедливо делает?» Отец Зосима сильно воспретил такое роптание, вразумляя их: «Боже вас сохрани и в помыслах сложиться против святителя Христова! Вспомните, кто был великий Константин, не святой ли и равноапостольный царь? И кто был Афанасий, патриарх Александрийский, — не столп ли церковный, не великий ли святой угодник Божий? Но Константин изгнал его! И все-таки оба остались святыми! Кто был Златоуст и кто Епифаний Кипрский? Оба великие святые! Но Епифаний приехал на неправедный собор судить Златоуста... А я не Афанасий Великий, не Златоуст, но непотребный грешник; удивительно ли, что против грешного возвели гонения? Вас смущают несправедливости, козни, клеветы, кои, вы знаете, безвинно на меня вознесены, но верьте, что это по воле Божией: это сокровенный Промысл Его, спасительный для нас...»

В то время как старец с сестрами готовились к отъезду из Тюмени в Тобольск, неожиданно пришло печальное известие о кончине старца Василиска. Это известие поразило отца Зосиму, но и здесь он покорился судьбам Божиим, ибо и в горести своей не переставал благодарить Бога. Вместе со всеми находящимися при нем сестрами он немедленно отправился в Туринск на погребение своего учителя. Болел отец Василиск одну только неделю и, по причине зимнего холода, находился тогда в келлии отца Зосимы в монастыре. Накануне своей смерти он исповедался,

причастился Святых Таин и соборовался, и заранее предсказал о своем исходе.

Вскоре после возвращения отца Зосимы в Tobольск, был получен из Синода указ, который определил уволить отца Зосиму от должности попечителя, а Император Александр Павлович подписал: «... и удалиться ему из Туринского монастыря». Однако Духовная консистория не отпускала его из Tobольска, пока не обязала подпискою не заезжать в Туринск и не возмущать сестер. Получив желанную свободу, отец Зосима немедленно устремился бы в пустынные леса, но его связывала святая любовь приверженных к нему сестер, претерпевших столько скорбей и гонений из преданности к нему и из желания служить Господу под его руководством. Обремененный священной заботой устроить их, где Господь укажет, он решился ехать на почтовых наперед один в Москву, чтобы приготовить им какое-нибудь пристанище.

Когда отец Зосима добрался до Москвы, то прежде всего явился к святителю Филарету — неизменному своему покровителю. Боголюбивый и милосердый архипастырь принял его отечески и дал ему спокойное убежище в Чудове монастыре. Здесь старец получил письмо от сестер из Казани и обрадовался, что ни увещания, ни угрозы, ни скорби, ни притеснения, которые они перенесли в Туринске, ни трудности дальнего пути не изменили их волю ехать за ним в Москву. Но огорчился тем, что не знал, куда их пристроить. В этом огорчении пошел он из Чудова монастыря в Симонов, где архимандрит и все монахи любили его; и всю дорогу от Чудова до Симонова монастыря он плакал и просил Царицу Небесную не презреть его стада. Началась литургия. Вдруг после Херувимской песни архимандрит Герасим бежит к нему со словами: «Старец Божий, я нашел сестрам твоим место, я вспомнил, что у меня есть знакомая госпожа, и у нее один дом пустой, поедem к ней». Отец Зосима ничего не мог более отвечать, как только со слезами сказал: «Да наградит вас Господь Бог». После службы отправились они к той самой госпоже — Бахметевой. Та, как только услышала, что речь идет о девицах, то даже очень обрадовалась; смиренный вид старца, печального пустытника, сильно тронул ее сердце, и она со слезами и радостью, ничего не рассуждая и не спрашивая, согласилась их принять.

Сестры прибыли в Москву в начале февраля 1826 года, и старец вместе с ними воздавал благодарение Господу, что после стольких скорбей и препятствий Промысл Божий соединил единомысленные души.

Боголюбивая благодетельница приняла их, как мать, и успокоила в своем доме, а затем — в подмосковном своем имении в

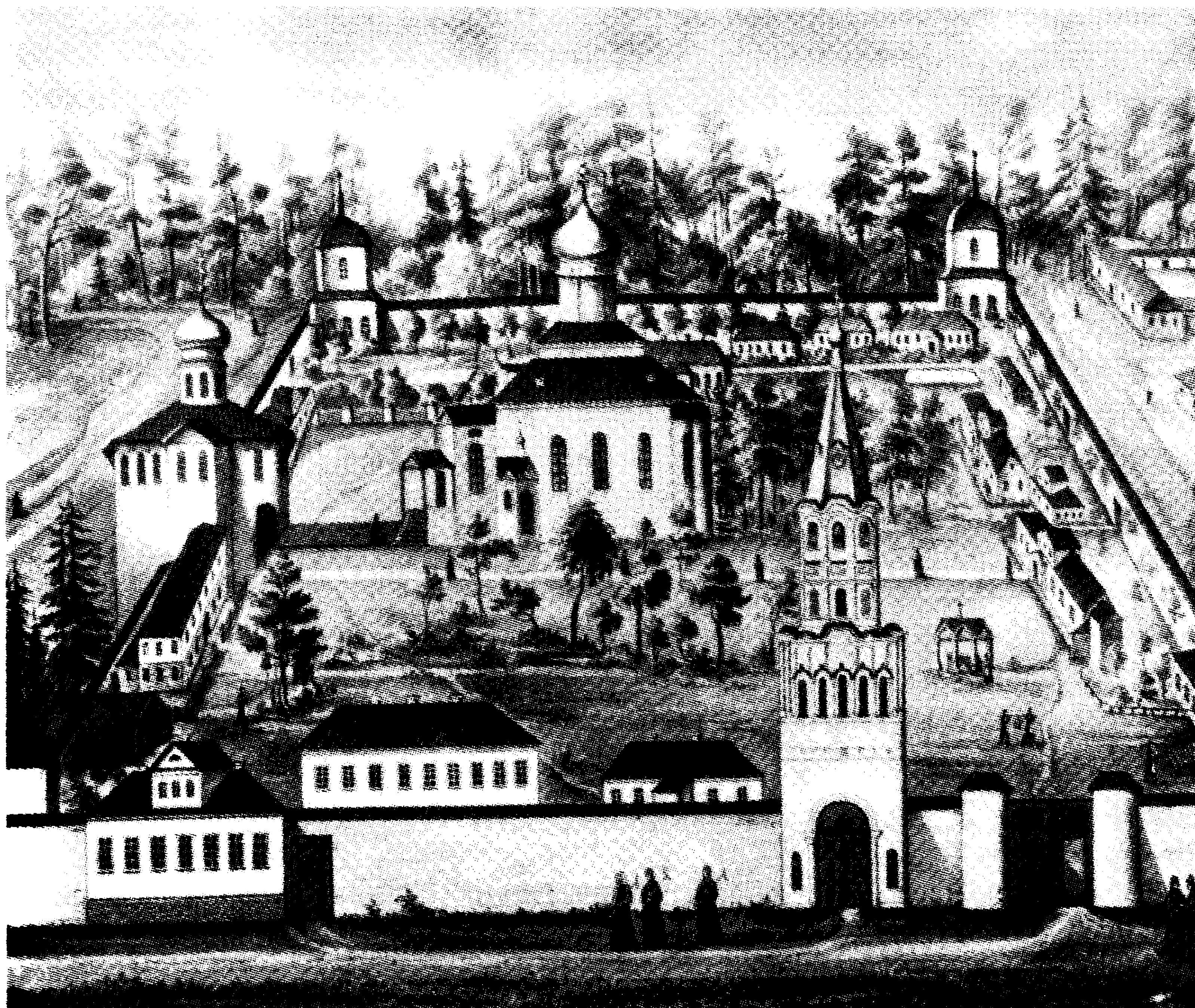
Верейском уезде. Отеческое расположение московского владыки к отцу Зосиме, его милостивое покровительство и архипастырское благословение на устройство обители в его епархии и сердечная духовная преданность старца к сему великому святителю Христову, а также усердные пособия некоторых благодетелей решились намерение отца Зосимы не удаляться от Москвы и не искать никакого другого приюта своим сестрам. Однако некоторые из них малодушествовали и весьма унывали, видя место болотистое, лесное, мрачное, ничего не имеющее к отраде житейской, удаленное от церкви и от всех селений. «Возлюбленные сестры! — говорил им отец Зосима. — Посмотрите, не самое ли безмолвное, пустынное житие дарует нам Господь Бог? Хотя, конечно, труды, скудость, неудобства предстоят здесь, но зато какая тишина и уединение! Возблагодарим Господа, возлюбленные, и Он поможет нам во всем, и в духовном и в житейском, и прославит имя Свое, и удивит милость Свою на нас, недостойных». Слово старца было всегда живо и действенно, и потому с согласия сестер старец, испросив благословения владыки и помощь у благодетелей, начал устраивать обитель.

При трудном устройстве обители отец Зосима не упускал из виду духовно заботиться об ученицах своих, но даже более, чем когда-либо, имел о том попечение. Утрени, вечерни, келейные правила исполнялись неотложно, а в долгие зимние вечера чтение и списывание святых духовных книг и рукоделие было их занятием. Отец Зосима всегда старался утверждать в ученицах молчание, любовь к уединению, простоту, смирение, взаимную любовь и послушание. «Не гонитесь за одним постом, — говорил старец сестрам. — Бог нигде не сказал: *еще постницы*, то Мои ученицы, но: *еще любовь имате между собою*¹. И диавол никогда не ест и не спит, но все он диавол. Без любви и смирения, от одного поста и бдения, из человека сделаешься, пожалуй, бесом».

С верою и усердием, как бы из уст Божиих, принимали сестры каждое его слово и ревностно исполняли все послушания. По праздникам все ходили в приходскую церковь для причащения Святых Таин. Имея великую веру и любовь к Матери Божией, старец назвал новоустроенную в 1826 году обитель Одигитриевской², ибо, будучи сам уроженцем Смоленской губернии, где Смоленская чудотворная икона «Одигитрия» пользуется особым почитанием, пожелал, чтобы сие божественное имя с родины его отзывалось и в его пустынной обители.

¹ Ин. 13, 35.

² Одигитрия (греч.) — путеводительница, наставница в пути.

Троице-Одигитриевский монастырь. Литография 1870-х гг.

Три года отец Зосима неусыпно трудился в устройении новой пустыньки. Часто ездил в Москву, сам ходил по благодетелям, испрашивая помощь, сам всегда покупал все нужное для сестер и для обители. Боголюбивый московский купец Семен Лонгинович Лепешкин и его добродетельная супруга приняли горячее участие в девичьей обители, снабжая ее всем необходимым. Тогда, видя, что помощью Божией все приведено в надлежащее устройство, старец Зосима исполнил свою мечту о безмолвии и выстроил себе келлийку в трех верстах от монастыря, где пребывал по пять дней в неделю, а на субботу и воскресенье приходил к сестрам. В это время посетили его два старца-пустынника из Орловской губернии, и он принял келейно великий образ схимы.

Праздники старец также проводил с сестрами, и это было для них время самое назидательное и утешительное. Какие наставления, какие ответы на вопросы, какая любовь отеческая, какое смирение, какое внимание к каждой порознь, какое попечение о немощах, какое врачевание душевных болезней, какое долготерпение в исправлении, какая негневливость и соблезнование

в неисправностях! Поистине только благодать Святого Духа могла дать сестрам такого отца. С радостью и слезами все бежали ему навстречу, когда он приходил к ним из своего уединения. В благоговейном молчании сидели они на полу или на траве вокруг старца, когда тот говорил наставления, а иногда пел божественные гимны, и все тихо пели вместе с ним. Иногда ходил он вместе с сестрами за грибами, или на сенокос, или очищать лес, и, принимая во внимание их усталость, понимая, что по возвращении от трудов тяжело им будет исполнить вечерние правила, он дорогою, идя вместе с ними домой, читал вслух каноны, и акафисты, и все вечернее правило наизусть, а сестры пели. Иногда, беседуя с сестрами о безмолвии пустынном, он не мог сдержать слез своих и говорил с чувством: «О возлюбленная моя пустыня! Хотя бы один годочек перед смертью мне пожить еще в пустыне!»

Такие чувства и мысли более и более усиливались в нем, когда старец осознавал, что силы телесные покидают его. День ото дня он стал более и более ослабевать здоровьем, однако сколько мог, он скрывал это от сестер. Вскоре сказал им, что имеет желание идти пешком в Соловецкий монастырь, умоляя их не препятствовать ему и обещая через год к ним возвратиться. Воля его была для них свята, но глаза их не просыхали от слез. Все вдруг изменилось; все сделались печальны, бродили, как потерянные, в молчании. Сам любвеобильный отец не мог удержать слез своих, но наконец решился отправиться сначала в Москву, ибо из Москвы уже хотел пешком идти с котомкою на Соловки.

Святая любовь и святое смирение — плоды единой благодати — теперь странно противостояли друг другу. Любовь преклоняла его к состраданию, сожалению о сестрах и убеждала не оставлять горьких сирот, ему преданных; смирение внушало, что он недостоин такой веры, уважения, любви и служения, и увлекало его в страну неизвестную, чтобы убежать от славы и умереть странником, чтобы никто не знал и гроба его; ибо известовался уже в духе, что недолго оставалось ему жить на земле.

Погруженный в такие размышления, недоумения и борения, он хотел только узнать, что угодно Господу и в чем Его святая воля. Тогда пришла ему мысль последовать совету Иоанна Лествичника — спросить с верою и молитвою у человека духовного и принять слова его, как из уст Божиих. Митрополита Филарета тогда не было в Москве. И смиренный Зосима обратился за решением своего недоумения в Новоспасский монастырь к старцу Филарету, чью духовную мудрость и многолетнюю опытность знал и уважал. Тот, не размышляя долго, решительно и с твердостью сказал: «Бога ради не делай этого, не оставляй врученные тебе души — возвратись. Их любовь и вера и послушание

тебе — им в пользу, а тебе не во вред. Неизвестность о их спасении и пребывании может возмутить последние минуты твоей жизни, а кончина твоя и даже твой гроб могут быть полезны и назидательны для твоего стада».

Не медля долго в Москве, отец Зосима вернулся к сестрам. И какая радость, какое утешение разлились тогда во всей обители! Но радость сестер облакалась часто в печаль при виде того, как постепенно изнемогал и ослабевал здоровьем отец их, как таяли подобно воску силы его; и уже в беседах с ними и в поучениях своих он более всего говорил со слезами о часе смертном, о вечности, о предсмертном извещении.

Однажды старец Зосима один на тележке приехал к сестрам на сенокос навестить их. Одна из них сказала: «Отче, я сложу на телегу сено; свези его лошадям на ночь». И он, как смиренный послушник, хотел исполнить это, но только стал садиться на воз с сеном, как лошадь вдруг дернула, и он упал с воза и так жестоко ушибся, что едва мог подняться. При всем том он не огорчился, не застонал, а еще и утешал испуганных сестер. С того времени он начал чувствовать сильную боль под ложечкой, как будто что у него внутри оборвалось. Через некоторое время он засобирався в Москву, и хотя не знали сестры причины, зачем он ехал, однако Вера и Маргарита (племянницы старца Зосимы) не отпустили его одного в такой слабости, а поехали и сами с ним. Только после кончины старца сестры узнали, что он ездил прощаться с боголюбивыми благодетелями своими и просил их не оставлять обитель и сирот его.

Вскоре болезнь его усилилась так, что он совсем слег. Как бы в забытии читал он вслух молитву Господню «Отче наш» или молитву Иисусову, или Пресвятой Богородице. Маргарита, замечая, что старец с каждой минутой все более и более слабеет, помыслила, как бы он не умер без исполнения христианского долга, но, узнав ее мысли, старец успокоил ее. Накануне кончины он велел позвать священника с причтом, исповедался, причастился Святых Таин и пособоровался. Потом велел прийти всем сестрам прощаться. Когда все вошли, он сделал последнее краткое наставление, чтобы они жили в любви и смирении, и пророчески заключил речь словами: «Не расходитесь по моему исходе; Господь даст, что и церковь у вас будет, и обитель утвердится. Матерь Божия, Коей я вручал вас и всю обитель, прославит имя Свое на месте сем и удивит на вас милость Свою». За час до кончины он подал знак Маргарите, чтобы она к нему наклонилась, и тихо сказал ей: «В надежде умираю!» — «Вы получили извещение, мой отче?» — «Я уже сказал, что больше?»

Маргарита по мановению его поднесла к нему Казанскую икону Божией Матери (ею благословил его, вместе со старцем Василиском, духовный отец их, старец Адриан, в схиме Алексей), и отец Зосима, прижав крепко к устам своим святую икону и склонив голову на плечо Маргариты, испустил последний вздох, предав святую душу как бы в руки Пресвятой Заступницы своей. Это было в день празднования иконе Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», 24 октября (6 ноября) 1833 года, на шестьдесят пятом году жизни старца. Погребли отца Зосиму, по его завещанию, возле часовни на шестой день по преставлении, после вечерни.

Святейшим Синодом впоследствии было дозволено построить в обители церковь. За разрешением вопроса, где строить, обратились к святителю Московскому Филарету. Он сказал: «Старец Зосима указал место» — и благословил строить церковь во имя Святой Троицы над гробом основателя обители, который, когда еще был жив, в беседах с сестрами говорил: «Если даст вам Господь храм, то первый престол чтобы был посвящен Живоначалной Троице. А если Господь устроит второй престол, то — во имя "Одигитрии", Смоленской иконы Владычицы». Могила схимонаха Зосимы находилась в правой части центрального алтаря Троицкого храма, возле стены.

И после смерти старец Зосима оставался духом со своими духовными чадами и устроенной им обителью. Сохранилось свидетельство о чуде, бывшем от воды из колодца, вырытого старцем Зосимой около его пустынноческой келлии, в трех верстах от обители. Свидетельство об этом сохранилось в письме зосимовской монахини Марии к оптинскому старцу преподобному Антонию (Путилову) от 20 июля 1856 года: «С чувством умиления слушал Владыка (святитель Филарет) рассказ игумении и просьбу, чтобы почистить колодец отца Зосимы и поставить над ним крест, ибо пошли частые исцеления от этого колодца... Недавно одна женщина ближнего селения, умывшись этой водою, исцелилась от рака на лице. Этот колодезь находится в трех верстах от нашей пустыни, вырыт самим святым старцем. Там была и келлия его, где он, однако, жил не более года или еще несколько и менее, но любовь его переселила оттуда к любящим и преданным ему сестрам его».

* * *

Пустынька, основанная старцем, постепенно набрала силу и в 1856 году была возведена в степень монастыря с наименованием Троице-Одигитриевского. Первой игуменией монастыря сподоби-

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ
АЛЕКСИЙ

« 11 » 8 1999 г.
№ 5005

119034 Москва, Чистый пер. 5

ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕМУ ЮВЕНАЛИЮ,
МИТРОПОЛИТУ КРУТИЦКОМУ И КОЛОМЕНСКОМУ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СИНОДАЛЬНОЙ КОМИССИИ
ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ

Ваше Высокопреосвященство!

Внимательно рассмотрел переданные Вами материалы о жизни и почитании схимонаха Троице-Одигитриевой пустыни Московской епархии Зосимы (Верховского).

Исходя из благочестивой подвижнической жизни старца Зосимы, исполненной высоких христианских добродетелей смирения, поста и послушания, и учитывая непрекращающееся народное почитание этого достойного подвижника веры, не видится никаких препятствий к его канонизации в лике местночтимых святых Московской епархии.

Вам направляются тексты Жития и Деяния о канонизации.

Да поможет молитвенное предстательство преподобного Зосимы всем, кто с верою и любовью будет притекать к нему!

С любовью о Господе,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

лась стать племянница старца, монахиня Вера, а сестра ее Маргарита стала первой схимонахиней в обители.

Впоследствии на месте отшельничества старца Зосимы была поставлена часовня, и одна из монахинь несла послушание в ней. Местные жители до сих пор помнят, как чтили старики и их родители Отчин колодец и почитали старца Зосиму, как водили и возили туда детей, обязательно умывая водой из колодца. Обитель просуществовала до своего закрытия в конце 1920-х годов. В 1933 году в храме был устроен клуб. На территории монастыря размещались инвалидный дом, а затем детский летний оздоровительный лагерь.

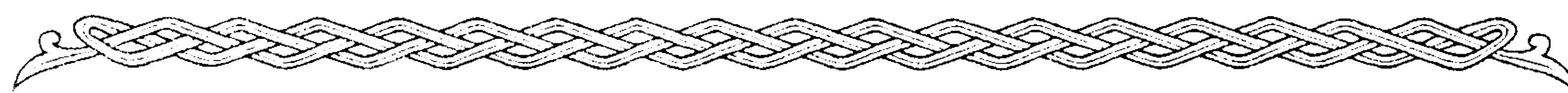
Останки схимонаха Зосимы оказались перезахороненными, предположительно на монастырском кладбище; где они находятся сейчас, точно не известно.

После строительства окружной железной дороги и Бекасовского сортировочного узла в 1967 году колодец старца Зосимы оказался отрезанным от населенных пунктов десятками железнодорожных путей и считался загубленным при строительстве дороги. Но в 1995 году его нашли в чаще леса и обустроили. В канун празднования иконе Божией Матери «Одигитрия», 9 августа 1997 года был отслужен молебен на месте, где собрались восстановить часовню и Отчин колодец. И до сих пор идут к нему люди, хотя обустроить колодец в полной мере пока не представляется возможным: в результате строительства нарушилась природная гидросистема и место стало слишком заболоченным.

С середины 1990-х годов начались труды общины по возобновлению монастыря. По благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, благочинными Наро-Фоминского округа было отслужено несколько молебнов. В 1999 году монашеская жизнь в обители возобновлена, 9 апреля 2000 года обитель утверждена в статусе монастыря.

23 июля 2000 года в Троицком соборе Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни совершилось прославление схимонаха Зосимы Верховского как местночтимого святого Московской епархии. 11 января 2004 года прославлен старец Василиск в лике местночтимых святых Екатеринбургской епархии. 4 октября 2004 года Архиерейский Собор Русской Православной Церкви, заседавший в Троице-Сергиевой Лавре, принял решение об общецерковном прославлении обоих подвижников — преподобных старцев Василиска Сибирского и Зосимы Верховского.

ТВОРЕННЯ И ПИСЬМА
ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА
ЗОСИМЪ
ВЕРХОВСКОГО

**ЖИТИЕ МОНАХА И ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ
ВАСИЛИСКА, ПИСАННОЕ УЧЕНИКОМ ЕГО
ЗОСИМОЮ ВЕРХОВСКИМ**

Автограф неизвестен. Печатается по сохранившемуся списку XIX века — рукописи из собрания Троице-Сергиевой Лавры (уцелел экслибрис: «Свято-Троицкой Сергиевой Лавры дополнительная библиотека. Опись 1906 г. Отдѣлъ 1. № 199»); ныне рукопись хранится в Российской государственной библиотеке (Отдел рукописей, ф. 304/II, № 199). «Житие монаха и пустынножителя Василиска» занимает лл. 2–92 (20,5x17) рукописной книги из 135 лл. в картонном переплете; остальную часть книги составляет написанное другим почерком «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска».

Житие трижды издавалось в XIX веке в переводе на русский язык: Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. М., 1849; Изречения старца схимонаха Зосимы и извлечения из сочинений его, с присовокуплением им же составленных жизнеописаний монаха и пустынножителя Василиска и Петра Алексеевича Мичурина. М., 1863; Житие и подвиги в Бозе почившаго блаженный памяти старца монаха Василиска, сподвижника схимонаха Зосимы Верховского. М., 1899.

Сличение с рукописным вариантом показывает, что в этих изданиях текст Жития изменен редакторскими сокращениями (они отчасти восполнены в издании 1863 г. и повторяющем его издании 1899 г.) и цензурными купюрами: исключены, в частности, фрагмент, где автор повествует о прохождении старцем Василиском умной и сердечной молитвы и ссылается на «особь» написанную им «книжицу» о семидесяти пяти действиях этой молитвы старца, а также упоминание (в одном из заключительных абзацев) о том, что в числе «многих духовных иночествующих отцев» и Высокопреосвященный митрополит Филарет «соизволил рассмотреть» эти молитвенные действия, «и согласно от всех одобрено».

В последнее время Житие издавалось дважды. В 1998 г. издательство «Сполохи» выпустило «Житие блаженного старца Василиска», однако источник текста издателями указан неточно: «Мы приводим практически неадаптированный, "живой" текст издания 1849 года...» (с. 6). Перед нами все же текст издания 1863 года с изменениями: в Житие вставлены в качестве эпизодов отрывки из «Повествования о действиях сердечной молитвы старца Василиска», кое-где церковнославянские выражения заменены современными оборотами речи. Текст издания 1998 года (но в переводе на старую орфографию, с небольшими сокращениями и с разбиением на главы, снабженные названием) перепеча-

*Преподобный старец Василиск.
Портрет. XIX в.*

тан в журнале «Русский паломник», издаваемом Ва- лаамским обществом Аме- рики и подготовленном к печати игуменом Германом (Подмошенским), в рубрике «Русские исихасты».

Публикуемая нами ру- копись, таким образом, яв- ляется единственным до- шедшим до нас источником полного текста Жития, за- печатлевшим к тому же подлинный язык автора.

Житие не имеет автор- ской датировки. Завершено оно было после кончины старца Василиска († 29 де- кабря 1824 года), но созда- валось, по всей видимости, не сразу, а на протяжении длительного времени и так же, как и «Повествование о действиях сердечной мо- литвы», было делом жизни преподобного Зосимы. Он был «всегдашним и нераз- лучным» свидетелем по- следних четырех десятиле- тий жизни старца Васили-

ска (всего же тот Господу Богу «от юности и в старости и до самого скончания с любовью и простосердечием, смиренномудренно послужи множае 80 лет»). Но ему был досконально известен весь жизненный путь старца от начала до конца. Основным источником необходимых для жизнеописания сведений послужили, надо полагать, исповедаль- ные и учительные беседы сподвижников, «о Бозе живущих в пустыне». Важны были и собственные впечатления и наблюдения преподобного Зосимы: еще в самом начале послушничества Божиим изволением ему пришлось побывать в «месте отечества» старца Василиска — в Каля- зинском уезде Тверской губернии (чтобы получить для старца ежегод- ный «прокормежный пачпорт»). Наделенный зорким вниманием, глу- боким пониманием описываемых событий, даром благоговейной любви о Христе к духовному наставнику и, несомненно, ярким литературным талантом, преподобный писатель Жития создал высокое свидетельст- во о богоугодном пути и аскетическом подвиге преподобного старца- исихаста Василиска.

Первым исследователем «Жития монаха и пустынножителя Васи- лиска» еще до оптинского издания 1849 года был иеромонах Арсений

Троепольский (см. о нем в Предисловии и во вступительной заметке к «Повествованию о действиях сердечной молитвы»). В трактате «Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов», главной частью которого является русский перевод «Повествования о действиях сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска», иеромонах Арсений использовал материалы Жития, в частности, «светлые изречения сего внутреннего молитвенника», описание его характера. Основной текст трактата предваряет «краткий очерк жизни сего доблестного мужа, извлеченный из полного жития его, напечатанного в журнале "Москвитянин" в 1842 году». Эта ссылка на несостоявшуюся публикацию в «Москвитянине» (подробнее о ней см. во вступительной заметке к «Повествованию о действиях сердечной молитвы») может свидетельствовать о том, что иеромонах Арсений пытался напечатать в журнале оба агиографических труда преподобного Зосимы, посвященных старцу Василиску. Очерк же, составленный им на основе полного жития, интересен «хронометрированностью», то есть вычисленными хронологическими указаниями, которые в тексте Жития отсутствуют (за единственным исключением — совершенно точно там обозначена дата кончины преподобного Василиска: «1824 года декабря 29-го дня в 5 часов по полунощи»). Приводим текст очерка по публикации «Памяти о молитвенной жизни старца Василиска», подготовленной А. М. Пентковским¹:

«Родился сей подвижник Василиск, Тверской губернии, Кашинской округи, в Калязинском уезде, около 1743 года. С малых лет имел охоту молиться Богу, слушать проповеди в церквях и духовное чтение, всегда ощущал стремление к пустынноческой жизни. По воле отца своего был женат, но детей не имел, супругу свою наставлял на спасительную жизнь, и сам молитвенного своего правила не оставлял, и иноческой жизни усердно желал. В скором времени, по согласию супруги своей и тестя, оставив дом свой, удалился жить к пустынникам в чувашские леса (37-ми лет). Там много постился, бдел и прилежал к чтению душеполезных книг, выписывая из оных нужнейшее. Трудился и молился внешне, ибо о внутренней молитве тогда еще не знал, полагал много поклонов. Услышав о богоугодной жизни старца Адриана, пришел к нему в пустыню, в Брянские леса. Там им пострижен, наречен вместо Василия Василиском и научен внутренней сердечной молитве во имя Иисуса Христа (43-х лет). С сим старцем Адрианом переместился в Коневскую пустыню, где и жил десять лет (47-ми лет). Отсюда ушел в Сибирскую пустыню (57-ми лет), с учеником своим Зосимою, — Томской губернии, Кузнецкого уезда, где и жил в лесу 24 года. Скончался 1824 года, декабря 29-го в пять часов по полудни² (81 год)».

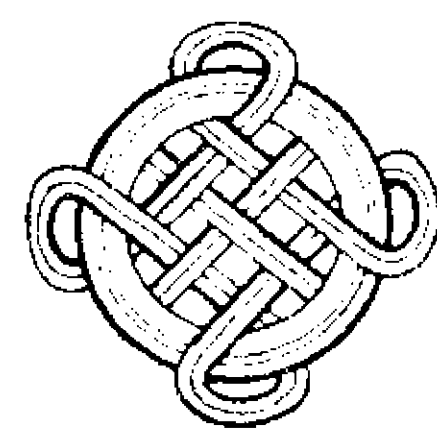
Старец Василиск был похоронен в Туринском монастыре 4 января 1825 года. Сохранилось свидетельство об эпитафии, составленной преподобным Зосимой: «Другъ твой духовный, грѣшный Зосима Вер-

¹ См.: Символ, № 32. Париж, 1994. С. 280.

² У преподобного Зосимы: по полунощи.

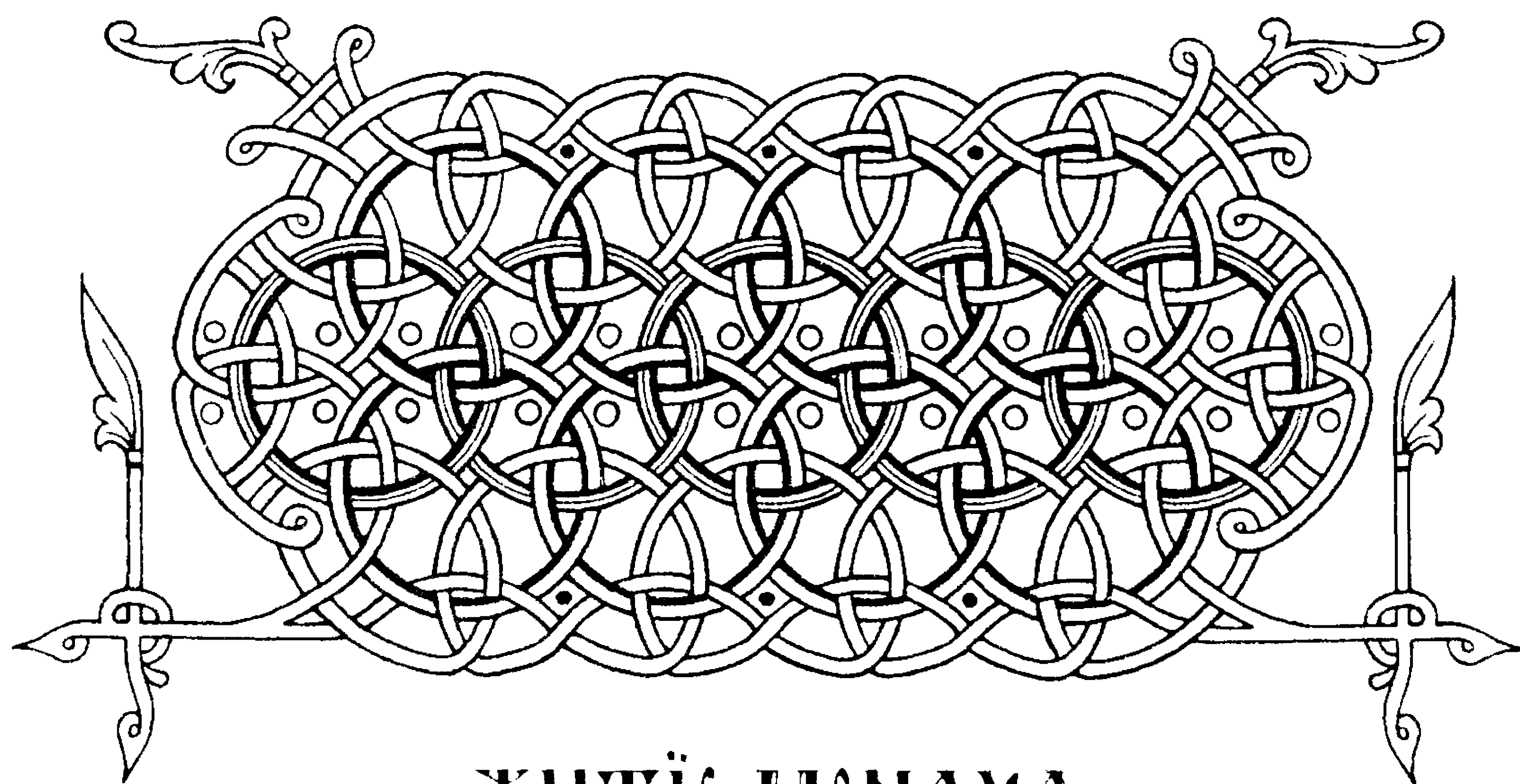
ховскій, бывшій попечитель сего дѣвичьего монастыря, всѣхъ призываетъ на гробъ твой, да Богу возглашаютъ: покой, Господи, раба Своего, монаха Василиска, жившаго въ пустынныхъ предѣлахъ множае 60 лѣтъ, который во свидѣтельство любви своей къ Богу оставилъ до 75 дѣйствій молитвенныхъ, бывшихъ въ сердцѣ его множицу»¹. В 1913 году над могилой подвижника была поставлена часовня во имя мученика Василиска, которая была разрушена при советской власти. В 2000 году мощи старца были обретены и перенесены в Екатеринбургский монастырь во имя Всемиловитого Спаса. 11 января 2004 года в монастыре состоялось прославление старца Василиска. Его посмертный портрет находится в Туринском краеведческом музее².

Текст рукописи печатается без сокращений и изменений, с устранением явных опечаток и разнобоя в написании некоторых слов; пунктуация приближена к современным нормам. Подстрочные примечания сделаны редактором.

¹ См.: Прот. П. Головин. Туринский Николаевский монастырь. Тобольск, 1892. С. 8.

² См.: Православная энциклопедия. Т. VII. С. 222–223.

ЖИТІЕ МОНАХА
И ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ ВАСИЛСКА,
ПИСАННОЕ УЧЕНИКОМЪ ЕГО ЗОСИМОЮ
ВЕРХОВСКИМЪ

Господь Богъ, съ высоты величества престола Своего призирая на смиренныя, призрѣ и на смиреннаго Старца Своего Василиска, емуже соизволи, да отъ юности и до старости чрезъ все житіе пребудетъ во смиреніи. Тако о немъ Господь устрояя и якобы особеннымъ промысломъ убѣждая его, да въ юности невольною нищетою смиренный отрокъ пребудетъ, да научится поспѣшествомъ нищеты содѣлати свое сердце естественнѣ смиренномудреннымъ и кроткимъ, да потомъ, наполненное богатствомъ благодати, не превратится на страну мнѣнія, возносящаго до небесъ и низвергающаго до бездны. Сего ради во все житіе свое, страшая, убѣгаяше и охраняше себя отъ всѣхъ случаевъ и вещей возносящихъ, и до толико отъ великаго своего смиренія вкорени въ своемъ сердцѣ, яко вконецъ ему возношеніе бѣ не свойственно, но однако всегда помышляше, яко не возмоги ему своимъ охраненіемъ устояти во всегдашнемъ смиреніи и еже бы не снити въ возношеніе. Того ради всегда о семъ моли Господа Бога, да Самъ его отъ сего діавольскаго содѣйствія соблюдетъ.

Страна отечества его бѣ въ Тверской губерніи Кашинской округи Колязинскаго уѣзда деревни Иванишъ¹. Родитель бѣ его

¹ Деревня Иванищи Калязинского уезда Тверской губернии, в 8-ми верстах

экономическій крестьянинъ¹ Гавріиль: великъ ростомъ и могученъ тѣломъ, и добронравенъ душою; подобна ему въ добродѣтеляхъ была и мать его Стефанида; иже праведными своими разными крестьянскими промыслами и работами нажили полный кувшинъ сребренниковъ, и тако живше исправно во своемъ крестьянскомъ званіи, и за добронравіе были отъ всѣхъ сосѣдовъ и знаемыхъ любимы и уважаемы; къ сему же и дѣтей своихъ воспитоваху богоугоднѣ, внушающе имъ страхъ Божій и добродѣтельное житіе, а наипаче ежебы снести обиды и отнюдь не ссориться, и бранныя словеса возбраняху и жестоко за сіе наказоваху. И тако родители его, жительствуя съ надѣяніемъ на силу и промыслы своя, такожде и на нажитые своя сребренники, за вѣрное полагали во старости спокойно съ чадами пожити при всякомъ довольствѣ.

Но Господь, вѣдая, яко хотящимъ спастися довлѣетъ быти въ нищетѣ, а не въ богатствѣ, во скорби, а не во отрадѣ, въ лишеніи, а не въ изобиліи, и не можно Богу работати и маммонѣ, а имѣя излишественное богатство, не удобно внити въ Царствіе Небесное, а наипаче онымъ, ихже предъувѣде Господь, яко могутъ быть прилежнѣйшими Ему служителями. Таковымъ всѣмъ благоволилъ Господь, да въ лишеніи всѣхъ земныхъ благъ служатъ Ему, да умъ, ничемъ будучи не обдержимъ, страстно возможетъ свободно и неотторжно присѣдѣти при Господѣ Бозѣ богомысліемъ; негли сего ради и попусти Господь онымъ сребренникомъ похищеннымъ быти татьми, да чада ихъ, въ юности навѣкши жити въ нищетѣ, научатся добльственнѣ все претерпѣвати и пребудутъ во смиреніи, уповая на единого Бога; да видя себя окруженныхъ недостаточествомъ и нуждами, прибѣгнутъ къ единому Богу и да возжелаютъ лучше издати себе на богослуженіе и трудиться въ постническихъ подвигахъ, чрезъ что некрадомое духовное благодатное богатство пріобрѣтается, еже не отымется никогда, нежели о такомъ неизвѣстномъ и непостоянномъ и неудержимомъ тщаніе полагать, которое, хотя на мало у нѣкоторыхъ и удерживается, но при смерти неминуемо оставить должно будетъ. И тако по лишеніи сребренниковъ содѣлались родители его скудны и недостаточны, потомъ вскорѣ и мати его умрѣ, и осяся родитель единъ съ тремя сынами своими малыми; ихъ же единъ не могій воспитывати, по нуждѣ вторую жену

от Калязина. См.: Тверская губернія. Список населенныхъ местъ по сведениямъ 1859 г. СПб., 1862.

¹ Экономические крестьяне — крестьяне, некогда (до 1764 г.) бывшие монастырскими, попавшие затемъ въ веденіе коллегии экономии духовныхъ имений; позднее (1786 г.) слились съ государственными.

въ супружество поялъ, и тако живя въ великомъ недостаточествѣ, на послѣдокъ прииде въ крайнюю нищету, и за старость свою уже не могъ трудиться и успѣшно промысли, нача просить милостыню. Многого же ради недостаточества отдаде большаго брата инымъ въ прокормленіе, а другаго брата посылаше милостыню собирать. Старецъ же тогда былъ еще малымъ отрокомъ, и часто единъ оставляемъ былъ дома, и тако оставшись единъ весь день, плача и вопія, токмо единого отца да мать плачуши призываше, и никто изъ сосѣдей не можаше его утѣшити и утолити его печаль и плачь, понеже никого тако не любилъ, какъ родителя своего и сію мнимую мать, которая была ему мачехою; но и она, хотя и не родная была ему мать, но за кротость и покорность его весьма его любила и не менѣ родной матери берегла его. Но будучи въ великой бѣдности, даже и соли довольно не имѣша, того ради соль съ мукою смѣшивающе, якобы едину соль ему подаваху, тако его утѣшающе, ибо единъ хлѣбъ безъ соли дающимъ ему печаленъ бываше. И такъ едина соль была для него вмѣсто всѣхъ утѣшеній и, радуясь, доволенъ бываше хлѣбомъ, видя на немъ довольно соли, не зная, яко есть смѣшана съ мукою; естли же когда родитель его, пришедши изъ града, и ему калачикъ дастъ, то сіе за величайшее утѣшеніе имѣлъ. И тако, мало подростше, нача самъ ходити испрашивать милостыни, и естли кто подастъ деньгу или копейку, радуется, что есть чемъ купить калачикъ; приходя же къ лавкѣ нѣкоего купца, не смѣетъ просить, но стоя, только единымъ умиленнымъ отроческимъ взоромъ изъясняетъ свою бѣдность и ожидаетъ милостыни, и ежели который дастъ деньгу или полушку, за того весь день отъ всего сердца умнѣ молить Бога и, купя калачикъ, весь той день яко торжественной тако себѣ вмѣняетъ. Единою у купца разбися горшокъ съ медомъ и пометаше ему скрыля (черепя) медовыя, онъ же, обсасывая и отирая рукою, радъ бысть и тако утѣшися, благодаря Бога, яко далъ ему познать и медовую сладость. Въ таковыхъ же младыхъ лѣтахъ часто размышляше о небеси и како бы тамо возлетѣти, и видя на образахъ святыхъ Ангеловъ съ крыльями изображенныхъ, мнѣлъ, яко крылья взявши можетъ и онъ летати, и тако, въ обоихъ рукахъ держа крылья и много большаго перья, взлазывалъ на возвышенные мѣста и, руками махая, опускался внизъ, но не могъ полетѣти; тогда узналъ на опытъ, что не крылья нужны изъ перьевъ, но нужно Богу угодити и возлюбити Его отъ всея души и болѣе жизни своея по подобію всѣхъ угодниковъ Божіихъ, ничемъ въ мірѣ семъ не прельщатися, но вся за уметы¹ вмѣнати, о

¹ Уметы — сор, помет. См.: Флп. 3, 8.

единомъ токмо богоугожденіи пещися. И тако, слыша отъ родителя своего и отъ прочихъ, что кротостію и смиреніемъ, и послушаніемъ Богу всѣ святые угодили, сего ради и онъ сталъ наипаче предъ всеми смирятися и всякія огорченія терпѣливо переносить. Смотри же часто на монастырь, въ которомъ почиваютъ мощи преподобнаго Макарія Колязинскаго Чудотворца, и наслышався о немъ, что онъ былъ изъ благородныхъ и многое богатство имѣлъ и все Бога ради оставилъ, и оставилъ міръ, поиде въ монашество; узнавши же таковое о преподобномъ Макарії, сталъ помышлять о себѣ, что ему спасену быть невозможно за бѣдность великую его, ибо не имѣлъ что, ежебы моглъ, Бога ради оставить, и тако печалую сталъ всещательно искать кладъ, единственно для того, чтобы нашедши оставить, чрезъ что, помышлялъ, будетъ и онъ на степени спасенномъ, яко и онъ оставилъ богатство по подобію преподобнаго Макарія, ибо онъ думалъ, что бѣднымъ не можно спасеннымъ быть. Крайне же желалъ послушати поученія отъ святыхъ книгъ и поученій, сказуемыхъ во святой церкви, того ради всегда въ церковь ходилъ, но мало удавалось слышати за утѣсненіе отъ народа и тако, ово за худость своя одежды, ово за малость свою и за безсиліе, не могій приближаться къ глаголющему проповѣдь; весьма о семъ печаловалъ, а наипаче когда самъ архимандритъ Гавріилъ, въ оное время бывшій въ монастырь, проповѣди сказывалъ, котораго вси люди похвалами превозносили его поученіе, который былъ потомъ въ Петербургъ митрополитомъ; но ему за множествомъ народа не можно было приблизитися къ слушанію, и тако исходя изъ церкви со многимъ огорченіемъ, и молилъ Бога, самъ не зная, чего просить, но токмо расположеніемъ всего себя предавалъ Богу.

Подростшу же ему, отдаде его отецъ его внаймы пасти скоть, тогда много онъ претерпѣвалъ отъ хлада и зноя, и отъ дождей и слякоты, и тщательно оберегалъ скоть, дабы не зашелъ въ хлѣбъ или въ сѣнокосные луга и чтобы какъ-нибудь не утратилася и не потерялася какая-нибудь скотина. Одежду имѣлъ недостаточную и вѣтхую, пища — токмо единъ хлѣбъ сухой, но и пригнавши скоть въ дома, не смѣяше у хозяевъ просити, чтобы чимъ-нибудь лучшимъ накормили, но которые добрые хозяева, тѣ сами, видя его такъ старательна и смиренна, изъ жалости представляли ему пищу добрейшую.

И дондеже въ простотѣ сердца своего съ призываніемъ Божіа помощи пасяше нѣколико лѣтъ, не труднъ, но еще и со увеселеніемъ, ибо все стадо, яко само о себѣ, бысть пасомо совокупно, отнюдь не разбродимо и отъ волковъ не похищаемо, ни единыя скотины не утратися, ниже кая возболъ, до толико, что уже не

печашеся ихъ назирати и пасти, но оставляше ихъ едины быти, а самъ въ молитвѣ пребываше. И сему вельми удивлялися, како ему врученной скоть, аки отличной нѣкой, тако мирно и спокойно пасется, яко не нужно показовашеся и пастушескаго ему блюденія, и тако безтруднѣ, въ радованіи духовномъ провождалъ всѣ годы лѣтняго времени, дондеже опасно хранилъ себя отъ всякихъ погрѣшностей. Егда же яко чловѣкъ и по младоумію своему разлѣнися и остави свое опасное храненіе и страхъ Божій, тогда все стадо аки измѣнилось, стало бродить во всѣ страны, едва со многимъ трудомъ и многимъ бѣганіемъ возмогалъ воедино собирать, а коихъ не успѣваше возвратити, оныя были волками растерзаны, а иныхъ многими денми едва возмогалъ отыскати, и отъ сего ясно позналъ, яко вина таковому въ скотствѣ измѣненію — его безстрашіе къ Богу. И тако позналъ свои предъ Богомъ погрѣшности, нача, болѣзнуя въ сердцѣ, множае смиратися, и яко не могущій уже болѣе добрѣ паствити, отказался отъ пастушества, но во иныя промыслы и труды себя издалъ.

Пришедшимъ же имъ всѣмъ тремъ братіямъ въ совершенный возрастъ, тогда они всѣ три истинно отъ всего сердца возжелали единому Богу служить, того ради и отрекошася отъ супружества и провождаху житіе свое въ трудахъ и работахъ со всякимъ опасствомъ и цѣломудренно, лѣтомъ на баркахъ плаваху, а зимою крестьянскими работами занимахуся, родитель же изъ сожалѣнія отдале сего меньшаго сына Василія въ доброй и исправной домъ въ зяти, и тамъ онъ, живя въ супружествѣ, часто оттуда приходяше къ братіямъ своимъ, вѣдая ихъ цѣломудренное и смиренное житіе о Бозѣ, и всегда завидовалъ онѣхъ братій безсупружному житію, и тако, самъ хотя и былъ женатъ, но молитвенное правило, яковое бѣ у братіи, сие и онъ содержалъ, и сродственно ихъ житію свое житіе провождалъ, вкупѣ съ братьями своими всякое лѣто ходилъ на барки въ работники, получая же наемныя деньги, едва можаху между собою раздѣлити, понеже братія тако къ нему глаголаху: «Васильюшка (такъ бѣ имя его), ты свѣтской, возми всѣ деньги себѣ, ибо у тебя жена, и нужно тебѣ съ большею добычею въ домъ къ тестю возвратиться». Онъ же отвѣщаваше: «Ни, но вамъ на житіе взять, чтобъ вамъ довольно было на содержаніе свое, дабы вы, имѣя довольно на содержаніе свое, менѣе бы были въ суетныхъ трудахъ, а болѣе бы молитвѣ и безмолвію прилежали, и вашими молитвами благословитъ Богъ домъ тестя моего». И тако надолзѣ споря, едва согласятся поровну раздѣлить. Но братъ его старшій до толико къ любви Божіей себе привяза, что не могъ болѣе работами мірскими суетными заниматься, но рѣшился по подобію свя-

тыхъ отецъ, оставя все, единому Богу служить, духовными дѣлы Богу угождать: нищетнымъ житіемъ, моленіемъ, чтеніемъ, пощеніемъ. И тако нача сказовати головѣ и старостамъ и всѣмъ крестьянамъ: «Что хотите со мной дѣлайте, а я не могу болѣе себя принудити на добытіе во уплату податей, потому что не могу службу церковную и собственные мои правила молитвенные упущать». Сіе услышавъ отъ него, весь народъ волостной призвали отца его въ волостной судъ, вопрошали, почто дѣтямъ своимъ тако попустилъ жить ослабно, что не могутъ придобыть на подати. Онъ же отвѣщавалъ: «Я ихъ никогда не училъ, чтобы податей не платили, а что они всею душою за Бога взялися, за сіе я ихъ бранить не могу и возбранять богослуженія не хочу, но самого его о семъ спросите, ибо онъ уже не малолѣтней, но совершенный возрастъ имѣетъ». Зная же вси у сего сына его Кузмы великое смиренство и Богу усердное его служеніе, не смѣли никогда возбраняти тако ему по Бозѣ свое житіе провождати. Но голова, слыша отъ многихъ негодование за упущеніе податей и наущаемъ бывъ отъ многихъ невѣжествующихъ и злобныхъ людей, да ранами и біеніемъ накажетъ за сіе ихъ родителя, почто тако попустилъ своихъ дѣтей жити, и тако по принужденію безжалостныхъ людей, повергъ отца ихъ на землю, хотя сѣщи, но сей его сынъ Кузма отнюдь не даяше бити, сказуя: «Отецъ мой не виноватъ, но я виноватъ, меня бѣйте, а не отца моего». И тако самъ ляже и простресе, но отца своего не дая бити. Разъярився же, голова и съ нимъ всѣ присутствующіе старосты и выборные единогласно сказаша: «Если онъ отца жалѣетъ, то самого его гораздо надо выстегать». И тако снемши съ него верхнюю одежду, и тогда увидѣли вси едва не всю рубашку его въ крови и въ гнои, ужаснулись, узрѣвши на голомъ его тѣлѣ власяницу, содѣланную изъ волосъ хвоста и гривы лошадей, и подъ власяницею вериги изъ цѣпей желѣзныхъ, которые втиснулись въ тѣло его, и многія раны подъ ними согнившія, окровавленные. Тогда всѣ зрители единогласно сказали: «Лучше намъ свѣчи Богу не поставитъ, нежели таковому воспретитъ Богу служить, всего намъ достанется копейки по двѣ на душу за него платить». И тако оставили его безъ наказанія, ослабили его отъ всѣхъ податей и дали ему свободу. Потомъ не въ долгомъ времени и другому брату увольненіе даровали, видя и его равное къ Богу простертіе. Сей же третій братъ Василій, живши въ дому тестя своего, день отъ дня распаляшеся на богослуженіе, нача учитися грамматъ и увѣщавати свою жену, дабы и она возжелала въ чистотѣ единому Богу работати, на что она вскорѣ согласилася, и тако совѣщалися искусити себе, аще возмогутъ жити житіемъ безсупружнымъ цѣломудренно, и тогда уже разлучатся другъ

отъ друга навсегда. И тако три года себе искусиша; и всегодно отпускаше его тестъ въ работы наниматься въ дальнія страны, онъ же, изшедши изъ дому, хождаше и проживаше не на работахъ, но по разнымъ монастырямъ срокъ, означенный въ паспортъ. Возвращаяся же и не имѣя заработныхъ денегъ, всякими неправдами оправдывался предъ тестемъ, единственно для того, чтобы опять отпускалъ, ибо тестъ, видя, что безъ всякаго пріобрѣтенія возвращается, не хотѣлъ болѣе отпускать, но однако сильнымъ умоленіемъ былъ отпускаемъ, хотя и безъ всякаго пріобрѣтенія; онъ же, довольно насмотрясь въ разныхъ монастыряхъ и отъ многихъ разсудительныхъ и подвижныхъ¹ монашествующихъ отцевъ и братій наслышавшись душеспасительныхъ наставленій и наипаче о пустынномъ пребываніи, непремѣнное воспріялъ намѣреніе оставить свою супругу и изыти изъ дому тестя своего и вселиться къ пустынножителемъ, но не имѣя увольненія, съ которымъ бы можно было ему вездѣ житьствовати, того ради оставилъ свою жену и домъ тестя своего, пріиде къ старшему брату своему Козмѣ въ сожитіе, сказуя женѣ и тестю своему, что онъ уже рѣшительно воспріялъ единому Богу служить. Они, вѣдая его твердое намѣреніе, не смѣли ему противиться и отпустили съ мирною совѣстію. И тако онъ, живя у брата, но многократно предпринималъ оставить и брата и пойти въ пустынное житіе или въ монастырь въ послушаніе. Но братъ Козма всячески воспрещаль, не отпускаше, сказуя: угоднѣе для Бога, да ему болящему паче да послужить, нежели его единаго да больнаго оставить и постнически будетъ въ пустынь или въ монастырь подвизаться. И тако, увѣщавая, глагола ему: «Потерпи, дастъ ти Богъ и пріидетъ время таковое, что и можно будетъ тебѣ меня немощнаго оставить». Но онъ, будучи влекомъ желаніемъ въ монашеское житіе и весьма желая между монашествующихъ отцевъ житіе свое провождати, умысли тайно изыти, но, не имѣя у себя увольнительнаго вида, то взялъ его вѣчное увольненіе, хотя братнимъ именемъ именоватися, и тако оставя брата единаго, поиде утаенно и взыде на перевозное судно, зовомое самолетъ², еже бы въ намѣренный путь пойти, но самолетъ, отдаляся токмо отъ берега до половины рѣки (рѣка же тамъ Волга), и остановился, отнюдъ на другую сторону не поиде, о чемъ всѣ находящіеся на суднѣ въ великомъ удивленіи быша и недоумѣвахуся, всячески помогали насильно веслами гребуще, но

¹ Подвижныхъ — живущих подвижнически.

² Самолетъ — паром, у которого дно устроено откосом против течения, так что течение переносит его с одного берега на другой (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV).

ничтоже успѣша, и тако взадъ возвратишася. Старецъ же, смотря на таковое чудо, въ помышленіи своемъ извѣствовавшееся въ совѣсти своей, что его ради остановися на срединѣ рѣки самолетъ, яко не благоволилъ Богъ ему тайно отъ брата уходить, и тако приставше изыде отъ судна, оставшійся же народъ съ возами паки пустишася, хотяще извѣдати, возмогутъ ли преплыти, — тогда самолетъ поиде обычно, стройно, безъ всякія остановки. Тогда братъ Козма сказа ему: «Вотъ, брате Василиѣ, видишь моя словеса, что погрѣшно для тебя тако болящаго меня оставить, но потерпи, дастъ Богъ тебѣ свободу». И тако втай взятое увольненіе братнее хотѣлъ на первое мѣсто положить и узрѣ, яко не братнее увольненіе бралъ, но свой старый негодящій видъ. По таковѣмъ же опыту, покаяся волю Божіей, не смущаяся уже жилъ у брата, отправляя все молитвенное служеніе и поклонное правило и вседневно въ церковь на службу ходя. Тогда онъ, живя у брата, научился читать и писать, неутомимое же имѣя желаніе пустыннаго житія; того ради переписи много изъ разныхъ книгъ, разныя отеческія словеса и повѣсти, дабы имѣть съ собою въ пустынь, ибо бѣдности ради не имѣяше ни единыя собственныя книги; егдаже въ дому тестя своего живяше, для промысленія дѣлаше скудельныя сосуды, преселившись же ко брату, свѣчи восковыя сучаше для церкви, и тѣмъ себе содержаху, такожде отъ благотворителей подаемую имъ милостыню пріемляху, ибо любимы были не токмо отъ простаго народа, но и отъ господъ за богоугодное и смиренное ихъ житіе, того ради и зовомы были отъ всѣхъ богомолы; многіе же, взирая на ихъ доброе житіе и послушая ихъ совѣтовъ, исправишася и начаша жити добрѣ, пьянствующіе стали уклоняться отъ пьянства, молодые — отъ пиршествъ и гуляній, скупствующіе начаша подавать милостыню, развращенно живущіе на цѣломудренное житіе предложишася, гнѣвные и досадители любовны и кротки сотворишася, лѣнливѣи и удаляющіися отъ Божіяго служенія приходяху послушати Святаго Писанія, и вкупѣ съ ними моляхуся; единымъ словомъ, всѣхъ по приличію наставляху, того ради и жены и дѣвицы многія отъ нихъ наставляхуся, града же того дѣвицы, дщери купеческія, по ихъ совѣту изшедше изъ домовъ своихъ, поставиша себѣ келью на уединеніе, и живяху подъ наставленіемъ брата его Козмы, наподобіе затворницъ, никуда не исхождаху, точію лѣтомъ хождаху въ нѣкоторыя поля и рощи за лѣсными и полевыми плодами вкупѣ съ симъ братомъ Василиемъ, то есть со Старцемъ, съ величайшимъ опаствомъ, цѣломудренно, съ молчаніемъ и многимъ другъ ко другу благоговѣніемъ и почитаніемъ.

Не праведно же будетъ умолчати и о Божіемъ благоволеніи, еже бѣ къ нимъ, а особенно къ его брату Козмѣ. Сей Козма, бывшу ему еще въ отроческихъ лѣтахъ, егда подходѣше къ нѣкоему дому просить милостыни, то гласъ его особенно необычно преклонялъ хозяевъ къ подаванію ему оной, понеже возлюбленъ былъ для всѣхъ, и много болѣе подаваху ему, нежели инымъ просящимъ. Въ совершенномъ же бывшу ему возрастъ тогда много обхождаше по разнымъ монастырямъ и святымъ мѣстамъ для богомоленія и наученія, како могль бы богоугождати, богоугоднѣ жити. И прилучися ему быти у Игуменѣи Новгородской, имя ей Павла, которая была весьма нищелюбива и страннопріимна; онъ всегда къ ней захождаше и много отъ нея милостыни получаше. Единою, отпуская его, даде ему во благословеніе не болѣе трехъ вершковъ величиною образъ Божіа Матери, именуемый «Взысканіе погибшихъ»; онъ же съ величайшею вѣрою, любовію и благодареніемъ отъ нея пріялъ и имѣлъ у себя сей образъ въ великомъ почитаніи. Живъ же долгое время сей братъ его Козма, не имѣя своего жилища, а желаніе имѣлъ всегда ко святымъ церквамъ хожденіе имѣть, а наипаче усердствовалъ къ монастырю преподобнаго Макарія Колязинскаго Чудотворца. Того ради восхотѣ поселитися въ самомъ городѣ Колязинѣ, и помощію благодѣтелей выстроилъ себѣ келлію въ городѣ Колязинѣ, и тако живуще, егда услышатъ въ церквахъ благовѣстъ, тогда, все руководіе и всякое занятіе свое оставляюще, хождяху въ церковь на богомоленіе, глаголюще сами себѣ: «Богъ намъ помощникъ, болѣе поможетъ намъ и подастъ намъ къ житію потребная, естли службы Его оставлять не будемъ». И ни для какихъ житейскихъ потребъ прежде окончанія службы не исхождаху изъ церкви. Единою идущимъ имъ въ церковь посла едина нарочитѣйшая¹ госпожа въ слѣдъ его зовущи его возвратитися къ ней, проѣзжающей, для пріятія милостыни и нужду имать бесѣдовать съ нимъ. Онъ же отвѣща посланному: «Скажи госпожѣ твоей, аще нужду имать бесѣдовать со мною, то пусть дождется, а я не могу для нее возвратитися, ибо зовутъ меня благовѣстомъ, да иду на служеніе къ Небесному Царю». И тако пріобидѣ лице ея почтенное и презрѣ ея благотвореніе, еже хотѣше ему подати. И тако живущимъ безпечно и нестяжательно, егда прилучашеся нѣчто имѣть излишнее, подаваху оное требующимъ; многіе же стали къ нимъ приходить, иные хотяху помолитися вкупѣ съ ними, иные желающе ихъ совѣтовъ, иные помощи требуя, ибо не токмо всѣ градскіе жители, но и господа окружныя любляху его брата Козму и уважаху.

¹ Нарочитѣйшая — здесь: весьма знатная, именитая.

Видѣвъше же голова и все волостное общество сицевое ихъ по Божъ нелестное постничество, смиренное житіе, уволили и другаго брата его Максима и отпустиша въ сожитіе къ брату его Козмъ, и за сіе общахуся: никакихъ уже съ нихъ податей не имутъ требовати и всякія крестьянскія повинности за нихъ исправлять; поручили оному брату Максиму, да ходитъ три года съ образомъ, собирая на церковное строеніе. Въ то время сей старшій братъ Кузма болящій сказа сему меньшему Василю: «Вотъ теперъ, естли желаешь пойти въ монастырь или на пустынное житіе, то гряди съ Богомъ, ибо братъ Максимъ на мѣсто тебя прииде послужити мнѣ немощному». И тако отпусти его съ миромъ и благословеніемъ, но онъ, не имѣя вѣчнаго увольненія, взимаше ежегодно плакатной¹ прокормежной пачпортъ и съ такимъ хождаше и жительствоваше у разныхъ подвижныхъ и уважительныхъ отцевъ монашествующихъ, иже совѣтоваху ему, да идетъ жительствовати къ пустынножителямъ, понеже по прошествіи пачпортнаго срока не имутъ его держати въ монастырѣ. Прииде же въ монастырь Введенской, который за 80-ть верстъ отстоитъ отъ Москвы, и видя тамо зѣло подвижно старцевъ живущихъ, и нача проситися, да примутъ его въ сожительство. Тогда самъ настоятель поиде съ нимъ единъ за ограду къ езеру, а въ ту ночь бѣ мразъ и замерзло езеро, и рече ему настоятель Клеопа, искушая его: «Побѣгай по льду — крѣпокъ ли», — зная, что невозможно подъяти льду за едину ночь токмо замерзшему. Онъ же, нимало не противурѣче ни помысли, что не подыметъ ледъ, но потече, хотя взыти на ледъ; тогда возбрани ему, глаголя: «Добро ти будетъ и предъспѣеши въ монашествѣ, аще всегда тако послушливъ ко отцемъ духовнымъ будеши». И тако напутствова его любезнѣ, благослови и отпусти, да идетъ на безмолвное пустынное житіе. Слышавъ же о многихъ пустынножителяхъ, иже жительствоуютъ въ дачахъ господскихъ, усумнися ко онымъ идти ради маловременнаго своего пачпорта, но поиде въ казенная мѣста къ селеніямъ чувашскимъ. И прииде къ тамо живущимъ пустынножителямъ Павлу книжному и Іоанну безграмотному, иже бѣ кротокъ и смиренъ нравомъ и простъ сердцемъ. Павелъ же яко книгочтецъ жительствова въ самъ о себѣ, не имѣя наставляющаго ниже совѣтующаго ему, надѣяся на ся, яко былъ многокниженъ и житіемъ жилъ подвижнымъ, но вспылчивъ былъ нравомъ и самонравенъ, того ради сожительствовавшихъ близъ его негодованіями своими оскорбляше, сего же

¹ Плакатъ — паспорт для людей податного сословія (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. III).

Василія Старца весьма любяше за послушной его нравъ и незлобное сердце и смиренно-бoguоудное его житіе.

Господь, хотя, дабы онъ Павелъ во смиреніи пребывалъ, не жели сомнѣніемъ подвижное житіе провождалъ, того ради попускаше и не помогаше ему Богъ брань преодолевати, но побѣждаше; сего ради умысли себѣ руку отсѣщи яко виновную такового паденія, и многократно о семъ объявляше сему Василію (Старцу моему), умоляя, чтобы онъ тогда его не покинулъ, но онъ Василій отнюдь не согласова ему, глаголя: «Поистиннѣ тогда покину тя и отчуждуся отъ тебе», — и сколько могъ всегда ему сопротивлялся и увѣщаваше, да отторгнетъ отъ себе сиевое предпріятіе богопротивное. Единою же приде, сказуя: «Аще я отсѣку руку, то ты тогда убери топоры и ножи: негли будетъ мнѣ нестерпимо, то чтобы я себя совсѣмъ не погубилъ». И тако отъиде. И въ ту ночь негли паде и тако изъ отчаянія возьмъ топоръ и положи руку на обрубъ, то есть на кладу¹, и крѣпкимъ ударомъ прочъ отсѣче свою руку; тогда, испугався вельми, пойде поспѣшно ко Старцу Василію и внезапно глаголя: «Брате Василій, завяжи мнѣ руку». Онъ же, испугався, вскочи и абіе въ лице его брыски крови свистяще изъ руки его, изъ жилъ летяху прямо въ лице ему. Тогда ухвати платъ и крѣпко завяза ему руку. Каковое же онъ Павелъ претерпѣлъ тогда мученіе, безпамятство, крикъ и стenanіe, невозможно изреци, едва не всю седмицу не яде ниже усну, ниже на малъ часъ отлетѣ отъ него лютость болѣзни. Увѣдавъ же отецъ Назарій, игуменъ Валаамскій, яко сей постриженецъ его Павелъ отсѣче себѣ руку, по времени взялъ къ себѣ въ монастырь на Валаамъ, и тамо скончася.

Видя же Старецъ мой Василій предпомянутаго отца Іоанна зѣло престарела и слѣпа, но богомысліемъ просвѣщенна и боголюбіемъ объята, кротостію и терпѣніемъ и смиренномудріемъ удобренна и велію вѣру къ Богу имуща, ибо когда уже и ослѣпе, но не восхотѣ оставить своего пустыннаго житія, глаголя: «Аще благоволитъ Богъ, то силенъ не оставить меня слѣпаго». И тако изъ лыкъ протяну вервь отъ келліи своя до дороги, проложенная въ лѣсъ, и тамо на своемъ костылѣ повѣси кошницу; провѣзжающіе же люди, знающе, что повѣшена отъ отца Іоанна, влагаху ему по усердію своему хлѣбъ и прочее на пропитаніе, и тако, хватаяся за вервь, самъ хождаше до кошницы, и что обрѣташе, онымъ и питашеся. Христілюбивые же люди во время посѣщенія своего дровъ ему насѣкаху и одежду подаваху; единымъ словомъ, съ береженіемъ любляху его. Сичѣ живяше онъ до пришествія еще къ нимъ въ сожитіе Старца моего Василія.

¹ Кладу — колоду.

Полезно же объявити и о кротости и безгнѣви сего отца Іоанна, ибо чрезъ всю свою жизнь Старецъ мой Василискъ воспоминаше его безгнѣвіе, незлобіе и терпѣніе. Единою прилучися: долго никто не посѣти его, онъ слѣпъ, не видя, гдѣ обрѣсти дровъ, и тако три дни зимою печи не истопи и едва въ третій день не замерзъ; и отъ великаго холода грѣяше себе, толча пестомъ въ ступъ, и тако мучаше себя, но старости ради ослабѣваше до зѣла, не могій болѣе тако себе толченіемъ нагрѣвати, отчаяся живъ быти, и естли бъ въ той день не пришли посѣщающіе его, обрѣли бы его мертва. Многажды же былъ озлобляемъ и досаждаемъ, но никогда не прогнѣвался на обижающихъ его. Единою приидоша во множество народа — мужей, юношей и дѣвокъ — къ его кельи по обычаю своему вѣнки на деревьяхъ завивать, и тако предъ окнами его поюще и пляшуще и всякія нелѣпости дѣюще, отнюдъ не уважающе¹ его, но онъ ниже мало что досадительно изрече имъ, ниже пожаловался на нихъ кому, но тако кротце въ молчаніи претерпѣ. Къ сему же еще и отъ соживущихъ съ нимъ, сирѣчь сосѣдствующихъ ему, отцевъ много непріятнаго и огорчительнаго претерпѣ. Сіе все слыша и самолично видя, Старецъ Василій, сицевое его богоугодное, нестяжательное и смиренномудренное житіе, возлюбилъ его и восхотѣ принять до кончины ему послужити яко угоднику Божію, и не обмануся, но и кончина его явно сотвори и показа, яко угоди Богу добръ до конца, ибо когда онъ возболѣ, тогда глагола ему Старецъ мой Василій: «Хощеши ли, да иду ко священнику, да исповѣдуетъ тебя, яко худъ еси и зѣло заболѣлъ?» Онъ же рече ему: «Ни, не ходи, мнѣ егда приидетъ день умрѣти, тогда болѣти не имамъ, еще года полтора проживу». И тако оздраве. Прешедшу же полтора года призва къ себѣ Старца моего, сказуя ему, да идетъ по священника. Старецъ же рече ему: «Скоро приидетъ постъ, и тогда призовемъ и для всѣхъ насъ», то есть и для нихъ двухъ служащихъ ему. Онъ же глагола: «Ни, но теперъ иди и умоли пріити, ибо не доживу до поста». И тако поиде за священникомъ. Тогда отецъ Іоаннъ самъ приготовися, умыся и въ бѣлую срачицу одѣяся, и тако сѣдѣше въ радостномъ духѣ, и лице бѣ ему обрадованно и видяшеся, яко Ангелъ Божій; лице имѣ блѣдное, худое и умиленное, власы на главѣ и брадѣ бѣлыя, и одѣся во одѣяніе бѣлое, и тако ожидаше священника, духовнаго своего отца, и егда по исповѣди причастися Святыхъ Таинъ, болѣе возвеселился и обрадованнымъ показовашеся о извѣщеніи своего къ Богу отшествія. По отпускѣ же священника сказа Старцу моему, да пусть и опочіетъ за трудъ хожденія своего. Ос-

¹ Не уважающе — здесь: не замечая, не обращая вниманія.

тася же при немъ другій братъ, живущій съ нимъ; тогда онъ пріиде аки въ восторгъ, много благодарныхъ и любительныхъ молитвъ простосердечныхъ къ Богу изрече съ крестнымъ знаменіемъ, и тако въ богомыслии сѣдѣше, въ совершенномъ разумѣ и здравіи показавшеся, потомъ вскорѣ рече: «Простите!» — и, сіе рекши, прекрестися, ляже на правую страну и испусти душу свою.

Отъ сихъ двухъ отцевъ, Павла, руку отсѣкшаго, и сего Іоанна, тако богоугодно пожившаго, и отъ бывшихъ съ ними произшествій много воспользовался мой Старець, ибо крайне сталъ опасаться на себе вознадѣяться или слѣдовати своему мнѣнію, видя таковаго мужа сего Павла: разумнаго, книгочетца и подвижнаго, но за непріятіе усердныхъ совѣтовъ въ таковое лютое безумство низведшагося и тако прельстившагося; напротиву же сего отца Іоанна — смиренно пожившаго и того ради тако блаженно и свято скончавшагося. Того ради вседушнѣ возжелалъ быти у нѣкоего разсудительна отца въ повиновеніи.

Живущу же ему у помянутыхъ отцевъ зѣло желаше подвижную жизнь провожати, того ради на продолжительное моленіе и всенощное бдѣніе себя издаваше, и Божією помощію понуждалъ себя во всемъ на трудное и скорбное, отъ прихотныхъ же пожеланій и всякаго сладостного и многоястія и питія и многосонія наипаче воздерживалъ себе, и излишнихъ одеждъ, ниже денегъ пріемляше, но отъ всего излишественнаго опасно себе храняше, днемъ во чтеніи святыхъ книгъ и рукодѣліемъ занимаешеся, а нощію въ молитвахъ, а наипаче во Псалтири чтенія и богомысліемъ углубляясь и поклонное правило отправляя, болѣе же всего на всенощное бдѣніе себе издаваше, а наипаче на святыхъ празднествахъ подвизашеся сонъ преодолевати и отметати, и будучи единъ, не имѣя, сообщника согласующаго ему на бдѣніе, понеже отецъ Іоаннъ бѣ зѣло старъ и вѣтъхъ силою, а отецъ Павелъ самъ не соизволяше, однако Старцу моему не возбраняше; и тако труждашеся, провождая нощи празднественныя безъ сна, съ великимъ трудомъ и изнеможеніемъ, ибо тогда еще не вѣдѣше о умномъ въ сердцѣ молитвенномъ вниманіи, того ради наипаче въ осеннія и зимнія долгія нощи съ великимъ насиліемъ, всячески себя ободряя и разбивая нападеніе сонное стояніемъ, чтеніемъ, пѣніемъ, поклонами, изхожденіемъ на хладъ, приношеніемъ дровъ и воды на потребу дневную, приготовлѣніемъ снѣди, а егда крѣпцѣ томяшеся отъ сна, тогда печь возжигаше и нѣкоего рукодѣлія касашеся, всячески ухитряшеся преодолевати сладость сонную. И тако съ того времени чрезъ всю жизнь свою на празднествахъ бдѣніе совершаше и не оставляше, кромѣ великія болѣзни.

По лишеніи же обоихъ сихъ пустынножительныхъ отцевъ живяше единъ, жители же тоя страны, именуемые чуваша, весьма любляху и почитаху его за благоразуміе и кротостнолюбной его нравъ, и приношаху ему всякое потребное и нужное для житія его, но чтобъ своимъ приходомъ не стужать, того ради принесенное у дверей полагаху съ наложеніемъ изъ нѣкотораго деревца крестообразно на оное, — сіе дѣлаху для того, да несумненно возметъ, и тако принеши и положивши, отхождаху отъ него. Сіце живяше тамо со всякимъ довольствомъ и успокоеніемъ. Прихождаху же къ нему изъ разныхъ странъ братія монашествующіе и бѣльцы¹; ихъ же любезнѣ всегда пріимаше и по три дни яко гостей успокоеваше. Естли же который начинаше проситися, да пріять будетъ въ сожитіе, то на сіе не соизволяше, сказуя себе быти грѣшна и въ нерадѣніи злѣ живуща и имутъ соблазнитися; и тако отнюдь не соглашашеся; еще же сказуя тако себе обѣщавшася, да единъ о себѣ жительствоуетъ. Егда же видитъ нѣкоего съ великимъ убѣжденіемъ и моленіемъ просящагося, дабы былъ пріять съ нимъ въ сожительство, тогда Старецъ отвѣщаваеъ ему благопріятно и любовно, глаголя: «Сего никакъ невозможно, чтобы пріяти въ совокупное сожительство, но ежели тебѣ, брате, желательно по подобію моему пустыннаго житія, то вотъ тебѣ келлія моя готовая со всякимъ имуществомъ, а я пойду на ино мѣсто и устрою себе Божіею помощію». Сіе услышавши, просящійся братъ и отъ совѣсти возбраняемъ отъяти у Старца келлію, того ради самъ отхождаше отъ Старца.

Вопрошаемъ же бываше Старецъ въ нѣкая времена отъ духовныхъ мужей, равно и отъ меня, подруга его: «Како бы чувствовалъ себе, аще бы просящійся братъ водворился во твою келлію, и вправду ли сіце брату извѣствовалъ, что готовъ ему уступить свою келлію, а самъ его ради преселиться на ино мѣсто?» Старецъ же по сущей справедливости увѣряше, яко готовъ быше всегда уступить, еще же и желаше сего, дабы нѣкоторый братъ вселился въ келлію его, ибо весьма тужаше духомъ, что не можетъ утаенно отъ всѣхъ безмолвнѣ наединѣ и въ скудости пожити, ибо какъ гдѣ токмо начнетъ жить, то вскорѣ узнаютъ о немъ, и видѣвше его неисходна и безъ всякаго имущества и тако въ скудости терпяща, вскорѣ возлюбленъ дѣлается всѣмъ посѣщающимъ, и абіе всякую его потребу и много излишняго приношаху и, усиленно убѣждающе, ему оставляху, и наипаче господа бояра помѣщики тако щедро ему подаваху безъ всякаго его прошенія, желаяще чимъ-нибудь сподобиться ему послужити и угодити, тако былъ возжеленъ для всѣхъ за благоразуміе и смиреніе его, еже на всемъ житіи его едино токмо богоугодное показовашеся.

¹ Бѣльцы — миряне.

Не имѣя же Старецъ вѣчнаго увольненія, того ради всѣгда во опасности живя, да не будетъ истязуемъ отъ исправника или нѣкихъ начальниковъ; того ради возвратися къ братіямъ своимъ и живяше у нихъ тайно и сокровенно, пока новой возметъ пашпортъ, и тако паки отхождаше отъ братій на пустынное житіе. Немирствоваше же духомъ, яко самъ собою управляетъ, и о семъ тужаше, желая быть въ повиновеніи у нѣкоего добраго отца. Услышавъ же, что въ Брянскихъ лѣсахъ жительствоуютъ іеромонахъ Адріанъ въ пустынѣ со учениками, иже потомъ бысть строителемъ¹ въ монастырѣ Коневцѣ, и претавися схіеромонахомъ въ Симоновъ монастырѣ, поиде къ нему и, видя въ немъ простоту его нрава и смиренное его мудрованіе, вельми возлюбилъ его и возжела при немъ жити, и просия, да прииметъ его во ученики себѣ. Бывшу же ему пріятю въ сожитіе, не утомляшеся въ немъ желаніе на уединенное житіе, и зѣло скорбяше о семъ, яко долженъ ежегодно возвращатися восвоеся для перемѣны пашпорта, вѣчнаго увольненія не надѣяся никогда получить за бѣдность и бездержновеніе свое.

Живяше же и другой старецъ простой — Варнава монахъ, не въ дальнемъ растояніи отъ іеромонаха Адріана; бѣ же и у отца Варнавы ученикъ Иларіонъ. Во едину ночь придоша разбойники прежде ко отцу Варнавѣ, требующе у него денегъ, но онъ не имѣ ни единыя мѣдницы, они же, не вѣруючи, биша его безъ милости, едва жива оставиша, ученикъ же его бѣжа къ іеромонаху Адріану возвѣститъ о нападеніи разбойниковъ. Услышавши же ученики отца Адріана разбѣгошася, ови въ село возвѣститъ, а иные скрышася въ лѣсу. Пришедше же ко отцу Адріану, разбойницы также требоваху денегъ, ибо помышляху, яко онъ іеромонахъ беретъ отъ бояръ пенязи за исповѣдь, но онъ ни отъ кого денегъ не принималъ, а бралъ только что нужно для жительства — снѣдное и на одѣяніе, но они сему вѣры не емляху, биша и мучиша его безчеловѣчно; видѣвше же, яко не обрѣтаяся денегъ у нихъ, тогда, обравше всю одежду, отъидоша, оставльше тоже и отца Адріана еле жива; возвращшеся же ученицы и видѣвше своихъ отцевъ, безъ милости избитыхъ всѣхъ, въ крови и ранахъ, крѣпче измученныхъ, восплакашеся горько, и съ того времени во всякую ночь весьма бояхуся вторичнаго ихъ нашествія. Отъ лютыхъ же побоевъ отецъ Варнава не могъ оздравѣти, но умрѣ, и тамо въ пустынѣ погребоша его; отецъ Адріанъ чрезъ долгое время едва оздравѣ.

Видѣвъ же отецъ Адріанъ Старца моего, тогда еще зовомаго Василиемъ, весьма богоугоднѣ живуща, превосходнѣе паче всѣхъ

¹ Строителемъ — здесь: настоятелем.

его учениковъ и въ постническихъ дѣлахъ преуспѣва, а наипаче за повиновеніе и кроткій его нравъ, и за благоразумное смиренномудренное его разсужденіе, того ради постриже его въ малую схиму, сирѣчь въ мантию, съ таковымъ завѣщаніемъ и его собственнымъ обѣщаніемъ: чтобъ чрезъ всю жизнь провождалъ житіе свое въ пустынныхъ предѣлахъ, и на постриженіе даде ему имя Василискъ. Съ того времени болѣе возжелалъ уединеннаго пустыннаго житія, и часто просился, да отпустить его единого жити, но онъ Адріанъ, хотя и видѣлъ его смиренна нравомъ и могуща о себѣ въ безмолвіи жити, но не отпускаше отъ себе, а обѣщая вскорѣ отпустить; и сиевое удерживаніе весьма прискорбно Старцу бѣше, но не смѣяше нагло¹ оставить, бояся Божіяго негодованія.

Имѣяше же великое негодованіе на отца Адріана тоя страны окружные священники за исповѣданіе господъ: мняшеся имъ, яко беретъ великіе дары отъ господъ и деньги. И таковое отецъ Адріанъ видя на себе негодованіе отъ священниковъ, за лучшее почелъ удалиться отъ тоя страны.

Въ оное время желаніе имѣлъ азъ, грѣшный Зосима, ученикъ Старца Василиска, пойти во иноческое званіе; читая же въ Четіяхъ Минеяхъ житія святыхъ отецъ, много удивляхся, како святые отцы едины жительствоваху во отдаленныхъ внутреннихъ пустыняхъ; того ради изъ любопытства прибылъ къ сему пустынножителю Адріану. Онъ же встрѣте мя весьма обрадованно и благопріятнѣ, тогда единъ взоръ на него во изумленіе мя приведе, ибо былъ онъ въ худомъ раздранномъ платьѣ, самъ былъ худъ и блѣдъ, тонокъ и худъ тѣломъ и возвышенъ ростомъ, единъ видъ его въ великое удивленіе приведе. И пребыхъ у него два дни, на всѣ поступки и вѣщи и дѣла ихъ много удивляхся, видя все у нихъ бѣдное, простое и неубранное, точію нужду ихъ удовлетворяющее, и како нощію, возбуждающе, вставаху на богомоленіе. На трапезѣ же всѣмъ поровну подавашеся, брашно было простое, не бѣ у нихъ млечныхъ снѣдей, ни хмѣльнаго питія, но пустынные и огородные снѣди, а питіе — вода и квасъ. И какъ самъ отецъ Адріанъ, сие и вси соживущіе съ нимъ были кротки, молчаливы и послушны; и прочее все бывшее у нихъ и отъ самихъ показуемое мнѣ заставляло меня недоумѣваться и удивляться, а наипаче когда не взя отъ меня даемыхъ денегъ. Сіе меня столь чрезмѣрно удивило, что не стерпѣвая сказалъ: «О диво! человѣцы таковыя находятся, коимъ не надо деньги, и о временномъ нерадѣть, — сиевою провождаютъ жизнь, къ которой невозможно пристрастія имѣть и за что другъ

¹ Нагло — здесь: скоро, тотчас.

на друга оскорбляться и негодовать, у всѣхъ токмо одинъ Богъ и попеченіе о спасеніи, ибо како можно имъ къ чesому пристрастіе имѣть, ничего собственнаго не имуще? По видимому хотя нѣчто и имѣется у нихъ, но почитается все якобы отца ихъ Адріана. Онъ, еще что и пріемлетъ отъ благотворителей, но пріемлетъ и блюдетъ не себе ради, но ради соживущихъ съ нимъ братій, а потому и не присвоиваетъ себѣ, но почитается все общее; по волѣ и желанію своему ничего не дѣлающе, но управляемы были и повиновались непрекословно во всемъ отцу Адріану. У всѣхъ равеность, и никто ничего своимъ собственнымъ не признаваше, того ради былъ между ими миръ и тишина, въ совѣсти любовь и простосердечіе, у всѣхъ яко едина душа и едино хотѣніе; достохвальнѣе же всего, что другъ ко другу имѣли непритворное усердіе и безъ лести другъ друга почитающе и уважающе благоговѣйно. Сіе все самолично видѣхъ азъ, ибо многократно потомъ посѣщахъ ихъ, и тако вразумяся и наставився отъ нихъ, помыслихъ азъ о себѣ, како не прещастливѣйшій азъ буду, естли сподоблюся таковую подобную имъ жизнь, безпечальную, спокойную и токмо ко угожденію и служенію единому Богу безпрепятственную проводить? И тако сложихся въ сердцѣ моемъ твердостнымъ намѣреніемъ къ нимъ вселитися въ сожитіе. Того ради поспѣвшихъ вхаты въ Петербургъ для полученія отъ полка отставки, ежебы воспріяти жизнь монашескую. Тогда отъѣзжающу мнѣ даде письмо отецъ Адріанъ, ибо вѣдалъ: его духовный сынъ Іоасафъ въ Петербургъ архимандритомъ и намѣстникомъ въ Кіевскомъ монастырѣ; отписа къ нему все подробно о себѣ, онъ же, получа отъ мене таковое письмо, весьма обрадовался и абіе возвѣсти митрополиту Гавріилу о немъ; митрополитъ же вскорѣ посла письмо, приглашая его, да пріедетъ къ нему въ Петербургъ, и по пріѣздѣ отпусти его житьствовать въ монастырь Коневецъ, повелѣвъ строителю монастыря во всемъ упокоевати его.

Егда же уѣхалъ отецъ Адріанъ въ Петербургъ, тогда, отъѣзжая, даде Старцу моему Василиску благословеніе жити на томъ же мѣстѣ и въ коей восхощетъ келліи, въ его ли или отца Варнавы, ибо всѣ келліи запусътили; тогда глаголалъ самъ себѣ Старецъ: «Вотъ, Богъ исполнилъ твое желаніе, теперь потребно подвижно жити». И тако, оставшися одинъ, живяше подвижнымъ житіемъ, претерпѣвающе разныя боренія и искушенія, и мучилищныя сны съ привидѣніями бѣсовскими разнообразными, въ ужасной страхъ приводящими; возбуждашеся отъ сна, таковыя слыша отъ нихъ: «Ты здѣсь одинъ, а насъ много, всячески погубимъ тебя». И тако многожды отъ нестерпимаго ужаса изнемогаше и унываше зѣло, тоскуя, дондеже свѣта дождется; наступаю-

«Ров Монашеский» в Рославльском лесу. Сохранилась могила старца Никиты († 1793 г.), сотаинника преподобного Василиска

щу же нощному времени находить и скука, ужасъ и тоска, и бояшеся зѣло, да не паки тако нощію страдати будетъ, и тако яко чловѣкъ малодушествова, недоумѣваше, что творити. Къ семуже естествомъ немощенъ и болѣзными одержимъ былъ. Пищею [питался] простою, не усладительною и болѣе вкушаше суровую и сухопищную, млечныхъ не ядыше и сихъ не имѣаше, отъ сладостной же пищи, снѣди, какъто меду, воздержавашеся, питіемъ нѣкоимъ травнымъ [подобнымъ] чаю, ниже на празднества себя не утѣшаше; сонъ имѣлъ неупокоительный, на твердолеганіи и деревяное бѣ возглавіе; по случаю присылаемыя добротныя снѣди инымъ раздаяше. Велію же вѣру и любовь имѣаше къ нему многіе, такожде и архимандритъ Геннадій, иже и посѣщаше его по временамъ и присылалъ ему холстъ, медъ и добрыя рыбы. И, получа таковая, самъ добровиднаго не ядыше, но по обычаю раздавалъ посѣщающимъ его братіямъ, точію малую часть у себе оставляше, но и онаго мало оставленнаго самъ единъ не ядыше, но вкупѣ съ посѣщающими мало причащашеся; медъ же, малой сосудецъ, иногда стояше у него года по два и по три безъ употребленія, ибо токмо посѣщающимъ представляше, а самъ единъ, аще бы когда и возболѣ, то нѣкимъ жидѣйшимъ отъ ястій вареніемъ вмѣсто чая себе удовлетворяше. Для потребъ

же своихъ или скуки ради въ села или деревни никогда не хождаше, но на Божій Промыслъ уповаше. Во единъ годъ оскудѣ у него мука и всякое снѣдное, и ни оставляющіе и пекущіеся о немъ крестьяне не посѣтиша съ начала зимы, онъ же не иде въ деревню, глаголаше самъ себѣ: «Аще Господь не вложи имъ въ сердцѣ навѣдати мене, то довлѣтъ и мнѣ покаяться благоволенію Божію, и за грѣхи моя терпѣти и питатися онымъ, еже имамъ». И тако всю зиму проводи, питаяся единымъ картофелемъ.

Толикоже былъ отъ бояръ уважаемъ, яко многажды взимаху у него обычный его хлѣбъ и, въ домъ возвратяся, раздаяху своему семейству, такожде и получающе отъ него его рукодѣлія — ложку или трость простыя работы, ибо онъ не былъ въ семъ искусенъ, еже бы добротнѣ дѣлать, но однако за оное ему подаваху несравненно болѣе для potreбы его нужное ему, нежели инымъ пустынножителямъ, хотя онѣхъ и весьма изрядно было содѣлано; ибо онъ за простой свой нравъ и кроткое обхожденіе и опасное не токмо отъ господъ, но и отъ священнаго чина и отъ всѣхъ крестьянъ, а наипаче отъ своей братіи монашествующихъ и всѣхъ пустынножителей, тамо живущихъ, весьма былъ почитаемъ, любимъ и уважаемъ.

Сего ради и онъ посѣщаше ихъ по временамъ: къ дальнимъ хождаше и по мѣсяцу у нихъ гостяше, и поблизу живущіе очередно другъ ко другу на празднества схождахуся и вкупѣ всенощное совершаху моленіе ко Господу Богу, и пришедши вси собравшеся вкупѣ ничимъ инымъ не занимахуся во вѣсь день, только чтеніями и духовными разсужденіями и обрадовательнымъ между собою обхожденіемъ, отнюдь не нарушая благоговѣинства своего. И хозяинъ единъ уже печашеся о трапезномъ устроеніи и приличное еже на угощеніе, естли же у котораго хозяина не обрѣташеся потребнаго на учрежденіе, къ таковому съ собою приношаху иніи яже на потребу нужное.

И тако святой праздникъ провождаху въ дружелюбномъ между собою обхожденіи, прохаживаяся по лѣсу и по рощамъ и долинамъ пустыннымъ съ духовнымъ разглагольствіемъ, и естли который отецъ или братъ, или ученикъ что недоумѣваетъ или двусмысленное находить во Святомъ Писаніи, тогда, оное предлагая на соборъ, общимъ разсужденіемъ разрѣшаху недоумѣнное, и всякой по силѣ своего понятія подая свое мнѣніе. Принуждаемъ же бываше прошеніемъ и Старецъ мой Василискъ, да и онъ речетъ на оное неудоборазумительное или двусмысленное, тогда Старецъ, да не явится упорнымъ и непокоривымъ, зане зѣло отъ сихъ пороковъ соблюдалъ себе опасно, сего ради за послушаніе съ великимъ смиреніемъ истинны извѣствуя себе быти

невѣжду: «Точію понужденія ради реку». И тако сказуетъ къ нимъ; услышавше же его разсужденіе и толкованіе, обрѣташеся многажды совершенно, истинственно и разрѣшительно его изъясненіе, тогда преждедеченныхъ отцевъ слова обличалися или неясственны, или недостаточными; и за таковое въ немъ тонкое и нравственное разсужденіе былъ отъ всѣхъ уважаемъ не токмо отъ соживущихъ близъ его, но и во многихъ монастыряхъ и лаврахъ отъ само богоподвижныхъ и духовныхъ отцевъ въ похвалѣ и уваженіи. И тако всѣ истинно пекущіеся о своемъ спасеніи имѣяху его непогрѣшительнаго совѣтника, и посему и повиновалися ему, и всякой знающій его усердно всегда тщашеся послужити ему и всѣ нужды его удовлетворити. Сиче были къ нему усердны, яко бы были преданные ему въ повиновеніе. Толико же былъ милостивъ и жалостливъ, и сострадательнъ, что не могъ даже и лошадь лѣнящуюся ударомъ поне¹ легкимъ подогнать, но токмо гласомъ и ласковыми любительными словами понуждаше; но лошадь гласа его не слушаше, и тако самага себя повиную, да лучше самъ претерпитъ продолжительной путь, нежели нетерпѣніемъ содѣлается бійцею, сего ради на удержаніе самага себя глаголаше къ себѣ: «Монашествующіе обязаны никого не обидѣти». Единою путешествующу ему близъ рѣки узрѣ змїю, которая, убоявшись его, бросилась въ рѣку, но — утонула ли, или естественно нырнула — токмо болѣе не узрѣ ея плывущую, и сіе весьма его опечалило, и яко губителя тако себя поносилъ и укорялъ, и чрезъ многія лѣта всегда себя за оное обвинялъ, почто не обошелъ ея мимо и спокойно ея не оставилъ на своемъ ея мѣстѣ. Никогда не могъ видѣть бываемаго повиннымъ наказанія, но ниже скотовъ или овецъ, или птицъ убиваемыхъ, или смотрѣть на заколеніе оныхъ, ниже на рыбу трепещущую можаше равнодушнѣ зрѣти, и живую отнюдь не можаше очищать, того ради и ловити оную уклоняшеся, ибо пойманную взимаше въ руки своя и, любяся, смотря на ню, не яко ясти ея хотя, но о красотѣ и добротѣ ея благопріятнаго вида прославляше Создателя Бога, яко такову изрядну сотвори; потомъ аки бы отъ нея испущаемыя слова глаголаше: «Пусти меня, да и я еще поживу тако свободно по твоей милости, якоже и ты; я только тѣмъ повинная, яко не имѣю рукъ изъяти себя отъ мрежи, уловившія мя, но болю такожде и хочу жить, якоже и ты, и свободна быти, пусти меня, пусти, аще милостивъ еси!» И тако побѣждашеся милостію и сострадательствомъ, опускаше или удаляшеся, еже бы не видѣти живыхъ и трепещущихъ.

¹ Поне — по крайней мере.

Не держаше Старець въ соблюденіи млечныхъ снѣдей для разговѣнія или для Пасхи, Воскресенія Христова или Рождества Христова, понеже вѣдѣше, яко Господь во оны дни о всѣхъ промышляетъ. Приближающуся же празднику Свѣтлаго Христова Воскресенія дню, прииде ко старцу сосѣдствующій братъ пустынножитель, хотя пригласити, да идетъ съ нимъ въ село, да тамо во святой церкви помолятся, и приличнымъ брашномъ на таковой великой праздникъ разговѣтися и, отъ благотворителей напутствовавшихся таковыми снѣдьми, возвратятся вскорѣ. Но Старець мой не согласился, сказуя: «Мы умерли міру, и Бога ради удалилися отъ міра, и уже мы не потребны міру, ибо съ нами намъ ликовать не годится; то естли брашна ради пойти къ міряномъ, то не оправдимся предъ Богомъ, и Богу пріятнѣе здѣшнее наше уединенное моленіе и въ лишеніи и недостаточествѣ всякаго утѣшенія сего ради таковое наше празднованіе. Но силенъ Господь и постное наше предложеніе преложить якоже манну, а горькую воду — въ сладостное ястіе и питіе, и утѣшити насъ духовнымъ веселіемъ и утѣшеніемъ паче всѣхъ мірянъ пирующихъ и ликующихъ, и веселящихся въ таковыя великолѣпныя божественныя дни. Кольми паче въ Свѣтлое Христово Воскресеніе подобаетъ намъ уважити, и чѣмъ мы инымъ уважимъ, естли не тѣмъ, что препроводимъ оныя дни неразвлеченнѣ, умнѣ присѣдя при Господѣ, то есть во чтеніи Священнаго Писанія и въ богомысленныхъ размышленіяхъ? Аще же унываемъ и терпѣти скуки не хотимъ, то како речемъ: *«Терпя потерпѣхъ Господа, и внятъ ми, и услыша молитву мою»*¹? Къ тому же не столь удалено мы живемъ отъ мірскихъ селеній, и живутъ не варвары, но народъ православной, всячески Богъ нѣкотораго подвигнетъ, естли намъ на пользу, къ намъ пойти и донести намъ на сіи дни праздника на утѣшеніе». Но братъ не хотѣше старца моего послушати, глаголя: «Кто къ намъ пойти въ таковой день восхоцетъ? И тако будемъ въ скукѣ безъ всякаго утѣшенія; но пойду и тебѣ принесу разговѣтсѣ, и тако будемъ всю сію Свѣтлую седмицу празднственно ясти». И тако не послуша Старца моего, поиде съ надеждою на многихъ христолюбцевъ и пріятелей своихъ, иже прежде никогда не оставляху и всякія potreбы подаваху. Пришедшу же ему въ село обрѣтъ всѣхъ въ церкви, а еже въ домахъ хозяева, то всѣ въ великихъ суетахъ готовяше и пріуготовляше приличествующее на празднество, единогласно отреклися всѣ заниматься съ нимъ и бесѣдовать, сказующе не праздныхъ себе и не свободныхъ. По окончаніи же Святой Литургіи лучшіи его благотворители поидоша въ кабакъ,

¹ Пс. 39, 2.

и изъ кабака идоша великими партіями другъ ко другу, отнюдь не внимающе пришествію братнему, ниже который знакомецъ пригласи его поне на трапезу къ себѣ разговѣться. Единымъ словомъ, отъ всѣхъ былъ презрѣнъ и забытъ, а отъ нѣкоторыхъ еще и насмѣхаемъ былъ, яко и онъ пустынножитель между пьянствующихъ обрѣтается; и тако гладный возвратися ко Старцу, сказуя все случившееся съ нимъ. Старецъ же, видя его гладна и ничто съ собою не принеся, представи ему трапезу таковую, для каковой онъ съ великимъ потщаніемъ ходилъ, но не вкусилъ. Тогда братъ зѣло раскаявашеся о своемъ неповиновеніи и малодушіи, и тако яде отъ Старца предложенное съ зазрѣніемъ своей совѣсти, тогда Старецъ паки глагола ему, какъ Богъ о всѣхъ промышляетъ, яко и его недостойнаго, уповающаго на Его благодать не презрѣ, но подвигнулъ самаго его духовнаго отца священника, да прежде всѣхъ къ нему отнесена будетъ, и присла ему довольно пшеничныхъ пироговъ, сковраднaго печенія, яицъ, рыбы, масла и млека; а оному отходящему брату того ради не посла ничеcоже, уповая, что онъ самъ, бывши въ селѣ, напроситъ еще болѣе у благотворителей.

Теперь реку о себѣ. Азъ, именуемый его ученикъ, недостойный Зосима, егда еще бѣхъ въ свѣтскомъ званіи и посѣщаль общаго нашего духовнаго отца пустынножителя Адріана (иже потомъ схимникомъ умрѣ въ Симоновѣ монастырѣ), тогда много отъ соживущихъ съ нимъ слышахся о Старцѣ Васиискѣ, яко есть Старецъ богоугодный, искусной и подвижнѣйшій паче всѣхъ пустынножителей, потому и уважателенъ отъ всѣхъ за кротость и благонравіе его. Того ради и совѣтоваху мнѣ, да ежели желаю пустыннаго житія, то чтобъ не къ иному кому, но съ нимъ бы сподобитися пожити, и добро бы было, глаголаше мнѣ, еcтльи бы онъ преклонился пріяти тебя въ сожитіе или поне жити близъ его подъ его управленіемъ и насмотрѣніемъ; и паки отчаяваху меня, сказующе, что многіе усильно проcиша его о семъ, но не преклонися на ихъ прошеніе, не пріемлетъ никого къ себѣ въ сожитіе. Таковая слышавшись о немъ, множае распалися во мнѣ усердіе и вѣра къ нему, и любовь къ нему велію возчувствовахъ и за неременное сложихся въ сердцѣ моемъ ни съ кимъ не жить, кромѣ его.

Единою бывши мнѣ у него объяви онъ мнѣ, яко пачпорту его срокъ пройде; азъ же радостнымъ духомъ общахъ ему новой достать, и тако нарочно его ради поидохъ весною въ самый расторопъ, пѣшеходомъ много пути идохъ, понеже распутія ради невозможно было на лошадяхъ ѣхать весь путь. И, доставши новой пашпортъ, возвратихся къ нему, болѣзнію одержимой. Тогда онъ, видя меня отъ таковаго труднаго пути въ болѣзнь вѣпадша-

го и чистосердечное къ нему таковое мое усердіе, преклонися пріяти мя къ себѣ въ сожитіе, сказую мнѣ и совѣтуя, да поне мало первѣе искусившись и навыкнувши въ монастырскомъ житіи, потомъ да пріиду къ нему. И съ таковою надеждою разлучихся съ нимъ. Онъ же по прошествіи года не имѣ случая, кто бы ему пашпортъ новой добылъ, того ради и поиде самъ восвояси. Пришедшу же ему ко братіямъ своимъ не хотяше, да кто увѣсть о немъ, того ради, никому не показуясь, живяше у брата въ неводной его кельѣ, неисходно ожидая, дондеже братъ его пашпортъ ему поне на годъ постарается перемѣнить, понеже вѣчнаго увольненія отнюдъ не надѣяся получить. Ибо почиташе себя уничиженна и небрегома, и ничего не значуща, а потому и не имѣлъ таковаго смѣлаго духа, ежебы кого уважительнаго просити о исходатайствованіи вѣчнаго ему увольненія.

Но въ той годъ прежде пришествія его яви Божія Матерь особенное Свое благоволеніе къ его братіямъ: отъ святыя иконы оной, юже даде прежде помянутая игуменья новгородская Духова монастыря Павла Стефановна его брату Козьмъ, именуемая «Взысканіе погибшихъ», стали бывать многія чудеса и исцѣленія различныя многимъ больнымъ. Сама Божія Матерь, молящимъ христіанамъ являющися во снѣ, сказоваше имъ: «Что Сама Я у нихъ живу? Да идутъ больные и всякими печальми одержимые и получаютъ отъ иконы оной, яже у нихъ, всѣмъ своимъ печалемъ облегченіе и исцѣленіе». И дотолико прославилась оная святая икона, что во время торговаго дня толикое стеченіе, множество народа приходяше къ нимъ, даже не вмѣщашеся въ келліи, но на дворъ стояху, пережидаяще другъ друга, и сего ради призываху священника служить молебствія. Получающіе же исцѣленія прилагаху по силѣ своей приклады¹ и на свѣщи деньги подаваху и прочее для нужды ихъ, а на украшеніе святыя иконы — жемчугъ. Сіе видѣ градской протоіерей, нача негодовати, именуя ихъ льстецами и раскольниками, и возбрани священникомъ приходить, да молебствуютъ. Но таковымъ безславіемъ не возможе возбранить и удержать народъ, къ нимъ приходящій, понеже градолюбивой начальникъ заступаше ихъ, вѣдая о Бозѣ ихъ живущихъ, ибо сами акафистъ прочитающе и бываше исцѣленіе. Тогда донесъ на нихъ Преосвященному, и по повелѣнію его взяша у нихъ всѣ иконы. Но самой чудотворной образъ не взяша, ибо сокрыша и не показаша, и тако вмѣсто того списанную иную взяша и внесши въ Макарьевской Колязинской монастырь, да тамо молятся желающіи по повелѣнію

¹ Прикладъ (в церковь, на монастырь) — внос, подарок, жертва, приношение, дар (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. III).

Преосвященнаго, а не въ дому у нихъ. Собраніемъ же разныхъ прикладовъ содѣлаше иконоставъ¹ въ новоустроенную церковь.

По семъ въ недолгомъ времени у градскаго купца неизвѣстно гдѣ дѣвался сынъ его, тогда по просьбѣ его повелѣ городничій всѣ дома обыскать, не укрывается ли гдѣ, и доидоша осмотромъ и до братій старцевыхъ, и егда нашли сего моего Старца въ особенной келліи сѣдящаго, и мнѣвши искатели, яко онъ есть сынъ купеческой или нѣкой бѣглою, взяша его въ полицію, и узнавши отъ него, что онъ сынъ крестьянской округи сего города Колязина, но не могли увѣровать единымъ его словесамъ; того ради отослаша его въ земской судъ ко исправнику и надѣша на него оковы, яко на бѣглеца. Тогда Старецъ, хотя по плоти и малодушествовалъ отъ боязни, но духомъ благодаряше Бога, что сподобилъ его быти узникомъ. Приведену же бывшу ему в судъ предъ исправника, и не вѣроваша его словесамъ, повелѣ исправникъ кошками² его сѣщи, тогда услыша его не исправника моляща, но ко Господу Богу взывающа умильными словесы, такъ что всѣхъ вокругъ его стоящихъ приведе въ сожалѣніе. Тогда познавъ исправникъ, яко неповинна его обидѣвъ, абіе призвавъ волостнаго голову и старостъ и сказа имъ: «Почто такового, хотящаго Богу служить, удерживаютъ и не даютъ увольненія?» И повелѣ немедленно дати ему вѣчное увольненіе, сказуя: «Естьли обществомъ не пріимете за него дани платить, то я буду за него вносить». И тако тогда же даша ему увольнительной видъ, и самъ исправникъ засвидѣтельствовалъ и отпусти его съ напутствіемъ, прося, да проститъ его, въ невѣдѣніи тако его наказавшаго, и да молитъ о немъ Бога. Равно и Старецъ отъ всего сердца благодари его за таковую сдѣланную ему велию милость, обѣщая за него молитъ Бога. Получа же Старецъ увольненіе, недолго еще поживъ у братій, скучая отъ много посѣщающихъ, поиде поспѣшно въ пустынный своя предѣлы, хваля и благодаря Бога съ удивленіемъ Его Промыслу, како изъ скорбнаго вдругъ предлагаетъ на радостное! Достигшу же ему своего пустыннаго обиталища нача въ мирномъ духѣ жити, мало рукодѣліемъ занимашеся, понеже все время провождаше въ чтеніи святыхъ книгъ и выписуя изъ оныхъ слагаемыя съ его совѣстію, и молитвенное служеніе имѣ продолжительное: сверхъ каноновъ и положеннаго правила читаше по десяти кафисмъ, читаше же неспѣшно, такъ что едва три часа выходило ему въ суткахъ на рукодѣліе. Тако самъ себѣ глагола: «Нынѣ не имаша извиненія, аще не молиши-

¹ Иконоставъ — переименованная форма слова «иконостаѣ».

² Кошка — плетъ о несколькихъ концахъ, или хвостахъ (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусскаго языка. Т. II).

ся Богу, ибо получилъ увольненіе не работы ради, но моленія ради». Того ради зѣло любимъ отъ самаго господина, на его даче живяше, и отъ всѣхъ знаемыхъ, яко не изхождаше никуда изъ пустыни, ниже просяше что для пожеланія своего, но терпяше, всю надежду возложи на Бога.

Тогда азъ, ученикъ его, по благоволенію его уѣхалъ въ Санктъ-Петербургскую епархію въ монастырь, именуемый Коневецъ, и, живя въ ономъ, былъ въ повиновеніи у помянутаго отца нашего духовнаго пустынножителя Адріана, который скоро и поставленъ былъ отъ митрополита Гавріила строителемъ въ ономъ монастырь. Онъ же за нелестное мое къ нему повиновеніе любяше мя много, но мнѣ зѣло желалася пустыннаго житія и ежебы жити вкупѣ со Старцомъ Василискомъ, и многократно просихся, да отпустить мя къ нему, но отецъ Адріанъ всячески уговаривалъ мя потерпѣти, сказуя испроситися для сбора въ тамошнюю страну: «Тогда и его возьмемъ изъ пустыни, и тебя отпущу съ нимъ жити во отшельствіи».

И тако по прошествіи года быхомъ въ той странѣ и посѣтихомъ всѣхъ пустынножителей. Бывши же у Старца Василиска, нача звати его отецъ Адріанъ, да пріидетъ къ нему на житіе въ монастырь Коневецъ, обѣщая болѣе его успокоити, нежели въ пустынномъ житіи, единъ жительствова, претерпѣвати различныя случающіяся искушенія и нужды; да и Богу угоднѣе, аще при отцѣ духовномъ восхоцетъ жительствовати, обѣщая ему въ отдаленности монастыря по желанію его въ лѣсу келлію поставить для обоихъ въ близу другъ отъ друга, и меня вруčiti, да всегда съ нимъ буду во отшельствіи жити, всякіе потребности отъ монастыря получать; точію по празднествамъ, аще восхоцемъ, будемъ ко всенощному служенію приходити и по отслушаніи Святыя Литургіи возвращатися имамы во свое отшельствіе. Приходяще же въ монастырь, возможемъ съ духовными разсудительными старцами духовными бесѣды пользоваться. И таковыми многими увѣщаніями убѣждая его, но онъ никакъ не соглашался, сказуя, что онъ совершенно успокоенъ и всѣмъ доволенъ, и тоже имѣетъ аще и не близъ сосѣдствующихъ пустынножителей, весьма его любящихъ и готовыхъ во всемъ ему вспомоцествовати; а наипаче за сіе не хоцетъ онаго пустыннаго мѣста оставить, яко никто ему не препятствуетъ и не смущаетъ, то есть близъ его живущаго тогда не имѣлось. Таковую его непреклонность видя, отецъ Адріанъ сказа ему: «Естьли не послушаеши меня, то отнынѣ нѣси мой сынъ духовной и не пріемлю тя на духъ, и да будеши связанъ отъ меня яко преслушавый своего духовнаго отца», — ибо постригъ его въ мантию. Тогда восплакася Старецъ Василискъ и даде обѣщаніе ѣхать съ нимъ. Мы же всѣ услышали

такое его преклоненіе, возрадовались, но понеже еще нужно было у нѣкоторыхъ благотворителей побывать отцу Адріану, того ради оставихомъ его, да приуготовится къ отъѣзду. Видя же онъ мое веліе чистосердечное усердіе и любовь къ нему и желаніе, еже бы мнѣ жити съ нимъ или паче близъ его, для сего Старецъ болѣе убѣдися послушати, да при немъ и азъ буду жителствуя навикати пустыннаго житія уединеннаго, и радовася сицевому моему къ нему приглашенію, яко симъ послѣ мнѣ открыся, ска-зую, яко много у Бога проси послати ему единомудушнаго брата въ сожитіе, ибо много скорбнаго и печальнаго и разныхъ искушеній недоумѣнныхъ претерпѣ, и многая таковая нечаянно нахождаху ему жителствующу единому о себѣ. И на опытѣ позна, сколь нуженъ братъ духовный единомудушный, съ нимъ же бы всякое та-ковое случающееся могъ совѣтоватися и во время несносныхъ ску-ки раздѣлять, и сумнительныя помыслы вообще разсуждать. Видя же Старецъ меня тако къ нему привязавшагося, не смѣяше отказати мнѣ, помышляя, негли Божіимъ благоволеніемъ азъ къ нему въ сожителство наставленъ.

И тако, исправившись, пріѣхалъ азъ къ нему, да по обѣщанію своему ѣдетъ съ нами. И во оное время не прилучися гос-подину быти въ дому своемъ, у котораго на дачѣ сожителствова Старецъ; и сіе намъ явнымъ знаменіемъ было Божіаго благово-ленія и споспѣшествованія на выѣздъ его, ибо господинъ отнюдь не согласился бы отпустить и растатися со Старцомъ, но, какъ самъ рече, взялъ бы Старца во свои покои, пока я не уѣхалъ об-ратно, понеже толико крѣпко любяше Старца, что когда возвра-тися домой и услышавъ, яко уѣхалъ Старецъ, весьма тужаше о немъ и много плакаше и скорбяше о лишеніи таковаго Старца. И не токмо самъ содержавшій его господинъ тако печаловаше о немъ, но и вси сосѣдствующие бояре сожальша о отъѣздѣ его. Яковое же было провожаніе отъ всѣхъ пустынножителей, кои не токмо съ хлипаніемъ плакаху о немъ, но и рыдаху неутѣшно, ибо во всѣ дни приуготовленія его къ отъѣзду всѣ пустынножите-ли, и самъ Старецъ, видя ихъ безмѣрную любовь къ нему, быша въ печали, вси посупленно и сѣтованно хождаху, ни у единаго видѣся лица обрадованнаго, но и якобы на всѣхъ найде нѣкое ве-ликое нещастіе и неизбѣжная бѣда. Тако о его разлукѣ печало-вахуся. Егда же послѣднее сотвориша цѣлованіе и изыдоша вси провождающе, тогда отъ нестерпѣнія начаша нѣкоторые гласити и вопити, такъ что гласъ плача-воплѣствія ихъ разглашашеся по всему пространству пустынному; казалось, что и самое то мѣсто оплакивало свое сиротство, и всѣ дерева своимъ зыбленіемъ и прегибаніемъ аки поклоняхуся, и шумъ деревьевъ отъ вѣтра, аки стенаніе, показовашеся, все намъ плачевно являлося. Шествуя

же, таковая глаголаху сопровождающіи: «Увы намъ! Не узримъ болѣе друга нашего духовнаго! Къ кому безъ него идемъ? Кому возвѣстимъ сокровенности наши? Кто дастъ намъ отнынѣ совѣтъ добръ? Видно, мы недостойны твоего сожитія!» Таковая и многая подобная сему глаголаху съ пролітіемъ самотекущихъ слезъ, прося, поне да помнитъ ихъ любовь и да не забываетъ ихъ во своихъ молитвахъ. И тако едва расташеся, долгой путь проводивше, и мы уже изъ виду ихъ удалившеся, но еще слышашеся гласъ плачевнаго вопитія.

Но какъ тамо на мѣстѣ жительства его отъ растающихся съ нимъ было плачевное и рыдательное провожаніе, тако, пріѣхавши намъ къ отцу Адріану, отъ всей братіи, бывшихъ съ нимъ, встрѣчающихъ насъ, было встрѣтеніе съ несказаннымъ радovanіемъ. Но азъ болѣе всѣхъ радовахся, яко получилъ таковаго богодухновеннаго отца, егоже возлюби душа моя! И отъ него равно оказася любовь ко мнѣ, ибо онъ поистиннѣ открыся мнѣ, скажуя, что естли бѣ не мене ради, то бы не покинулъ своего пустыннаго жилища и таковыхъ любительныхъ пустынножителей, тако его сожалѣющихъ и тужащихъ о разлукѣ съ нимъ, ибо не видеса благословныя вины оставить таковое мирное совершенно безмолвное житіе, точію едина моя таковая къ нему привязанность. Съ того времени азъ, совершенно отвергши всякое сумнѣніе, положихъ въ сердцѣ моемъ до гроба моего неразлучно жити при немъ и быть въ его повиновеніи, видя его тако ко мнѣ Бога ради преклоненна и взаимною любовію расположенна и сожалѣюща меня оставить за младость мою, да не совращенъ буду отъ нѣкоего брата, не по Бозѣ живуща; ибо, увѣщавая его, глагола ему отецъ Адріанъ, что онъ будетъ отвѣщать за мою душу, аще не воспріиметъ меня въ свое попеченіе. И съ того времени содѣлася я ему всегдашнимъ и неразлучнымъ сожителемъ и ученикомъ его сталъ именоваться, хотя онъ и не принималъ меня въ степень ученической или сына духовнаго, или быти ему преданну, ибо всегда глагола въ великаго своего смиренія тако: «Мнѣ ли иныхъ спасать и наставлять, сицевому невѣжи?» Но азъ самолично видѣхъ, сколь братія вси къ нему любовію расположены, то и азъ всегда его почитахъ яко отъ Бога даннаго мнѣ во отца, и уважахъ яко добраго наставника, любихъ же яко друга духовнаго, и благоговѣяхъ яко ко истинному угоднику Божію, и всегда былъ послушливъ къ его совѣтамъ и хотѣнію его. Толико же онъ былъ тихъ, обходителенъ и добронравенъ, что насильно и аки бы невольно привлекалъ душу мою, такъ что я всегда жаждалъ его присутствія и никогда не могъ онымъ толико насытитися, елико мое сердце желало, ибо желаніе сіе мое столь было неограничено, что, казалось, хотя бы день и ночь находилъ

ся при немъ, но и тогда едва удовлетворилъ ли бы оному! Всѣ слова и дѣла его были для меня сладки и возжеланны. Не видѣхъ его когда гнѣвомъ одержима; а когда потребно было гдѣ негодование оказать ему или гнѣвъ явить, то показываша изъ внутренняго возмущенія. Ястіе было его безстрастное, паче же къ простому, небрегомому, то есть, суровому и черствому, множае изъ былія и травъ самородныхъ и лѣсныхъ пустынныхъ плодовъ, удобъ обрѣтаемыхъ. Егда же гдѣ прилучашеся предлагаемое сладкое брашно ясти, то мало прикасашеся по нуждѣ и по принужденію, то есть или за почесть празднества, или на возраженіе еретичествующихъ, или во угожденіе хозяину. Единымъ словомъ, прилежавъ и горѣлъ духомъ къ скудному и недрагоцѣнному, къ удобъ снискиваемому. Во все мое сорокъ лѣтънее съ нимъ сожитіе не восхотѣ собственныхъ ни единыхъ мѣдницы имѣти, кольми паче не склоненъ былъ стяжати сребренники въ запасъ хранить. Ничего имѣющагося у себя не щадѣлъ для просящихъ, ко всякому человѣку, а напаче къ правотѣрному, истинною любовію прилежалъ, всякому тщался услужить и для пользы спасительныя, еже ко благоугожденію Божію, для всякаго готовъ былъ на все себе издать, отъ всѣхъ не согласующихъ иночеству удалялся, и отвращался отъ не единомудрствующихъ со святою нашею Греко-Россійскою Церковію. Всѣ ночи видѣхъ его встающаго и тайно особъ молящагося. Никогда не видѣхъ его праздна сѣдящаго, но или нѣкое рукодѣліе дѣлающа, или книгу читающа, или духовными бесѣдами занимающагося. Аще прилучашеся когда-нибудь по неосторожности нѣкоего брата до негодованія довести, тогда все тѣсаніе полагаше примирити брата, и всегда предваряше прошеніемъ у него прощенія. Былъ же и доброприветливъ ко всякому и благосклоненъ до толико, что иногда, самъ уже въ великомъ изнеможеніи находясь, но такъ любовенъ бываше и совѣстенъ и уважителенъ ко всякому, что насильственно себя показоваше могущественна и обрадованна къ нему, и дотолъ съ нимъ занимашеся, пока самъ отхождаше отъ него. Но, таковыя его дѣла и поступки зря, азъ радовахся и себя щастливѣйшимъ признавалъ, яко сподобихся съ нимъ спознаться.

Достигшу же намъ въ монастырь Коневецъ, отпусти насъ отецъ Адріанъ строитель при ономъ монастырѣ 10 лѣтъ во отшельствіи жити въ трехъ верстахъ отъ монастыря, якоже о ономъ нашемъ отшельственномъ житіи изъясленно и въ книжицѣ, именуемой «Историческое описаніе Коневскаго монастыря», печатано въ Санктъ-Петербургѣ по дозволенію Святѣйшаго Синода. Въ великая же празднества приходили въ монастырь къ самому настоятелю и у него нощенствовавомъ съ откровеніемъ

всѣхъ нашихъ размышленій и дѣяній и всего съ нами случившагося; и тако проводши время праздничное, ово съ самимъ настоятелемъ, ово со иными отцами, въ духовныхъ разглагольствіяхъ и чтеніи, и естли что нѣкому брату прилучилося чести неудобъ-разумѣваемое, или нѣкое предпріятіе, или что сумнительное, таковое все общимъ разсужденіемъ разсмотрѣваху. И послѣ трапезы, прежде же вечерняго времени возвращахомся во свое уединенное житіе, будучи напутствованы яже намъ на потребу.

Егда же Старецъ мой увѣдѣ о умномъ сердечномъ вниманіи молитвы, о коей прежде тояже обители отецъ Силверстъ возвѣсти мнѣ, вельми о семъ возрадовался: таковымъ вниманіемъ умъ отъ паренія удерживается и чистѣйшее къ Богу простертіе можно имѣти. Сего ради нача продолжительно, со усердіемъ неослабно себя въ ономъ вниманіи углубляти съ надѣяніемъ на Божіе вспомоществованіе, уповая по словеси святыхъ отецъ Григорія Синаита, Симеона Новаго Богослова, Климента и Игнатія и прочихъ, яко таковымъ вниманіемъ скорѣе возможетъ преуспѣть въ любовь Божію. Того ради продолжительно претерпѣваше во вниманіи своихъ умныхъ молитвенныхъ словесъ въ сердцѣ, ежебы кромѣ всякихъ помыслъ производить оную чистъ въ своемъ сердцѣ, и до толико понуждашеся, яко приходити ему даже до величайшаго изнеможенія, такъ что голова разболѣвашеся и сердце уже болѣе не стерпѣваше, и всѣмъ тѣломъ разслабѣвашеся, и тако востая отъ сѣдалища и падале для воспріятія отдохновенія. Видя же чрезъ сие продолжительное пребываніе во вниманіи сердечномъ опущеніе своего положеннаго во чтеніи моленія, недоумѣвашеся, угодно ли Богу сіе новое внимательное сердечное моленіе, крѣпцѣ о семъ сумняшеся и того ради въ печали бѣ, ибо не имѣ инаго тако съ нимъ единодушно содружественна, точію мене одинаго, а инаго дѣлателя искусна и преуспѣваща въ сей молитвѣ не обрѣташеся. Азъ же, видя въ немъ отъ сего вниманія множайшую возрастающую любовь и страхъ къ Богу, и память, и мысль всю его, устремляющуюся на едино Божіе призываніе, сколь могъ съ нимъ во обще разсматривая Святое Писаніе, подкрѣплялъ его, да не престаесть отъ сего умнаго дѣланія, еже зримъ во Святомъ Писаніи преданное и сие съ похвалами одобрено. И тако онъ не единою о семъ молився усерднѣ ко Господу Богу, но многажды еще особнѣ о семъ моленіе творя, приложихъ еще и великое воздержаніе въ пици и во снѣ.

И по семъ бысть во единъ день сѣдѣ и по обычаю нача внимати молитвѣ, и абіе внезапно изліяся въ его сердце неизреченная сладость и любовь воспалися къ единому Богу, и забывъ вся вѣка сего, тогда вельми удивися о семъ необычномъ утѣшеніи, якоже самъ послѣжде повѣда ми недостойному. «Толико, — рече, —

быхъ весь улаждаемъ и утѣшаемъ, яко не мнѣхъ болѣе быти во Царствіи Небесномъ». И оттолъ бысть ему чистая молитва съ разными чудными чувствами и дѣйствы, якоже о томъ особѣ книжицу написахъ до 75 дѣйствій; всякое мною написанное дѣйствіе было ему отъ меня прочитываемо, хотя онъ къ написыванію оныхъ и не соизволялъ, и многажды не совѣтывалъ, сказуя: Богъ вѣсть, отъ Бога ли бываютъ ему таковыя чувства и дѣйствія. И тако, смиряся, глаголахъ: «Негли и прелестъ». Но я молихъ его не возбраняти ми, сказуя и обѣщая ему, дондеже въ житіи семъ пребудетъ никому вѣдомо. И паки глаголахъ ему: «Негли нѣкогда Господь дастъ мнѣ или иному кому брату какіе-нибудь дѣйствія, тогда, сравнивая съ твоими, будемъ распознавать, отъ Бога ли у насъ или отъ прелести. Да и для тебя самага нужно записывать — для показанія духовнымъ отцамъ, кои вѣдаютъ и сами упражняются во вниманіи сердечныя молитвы, дабы отъ нихъ несумнѣнно возможемъ узнать, отъ благодати ли или ни бываемое съ тобою». И тако согласися и не возбраняше написывати; и гдѣ несходственно написывахъ, тако онъ самъ исправляше.

Живущу¹ же намъ въ Коневцѣ при монастырѣ въ отшельствіи, особенно уважительно почитаху его братія. Но, вѣдая преискреннюю духовную связь его со мною, коея ради и ко мнѣ подобно любовь и уваженіе имѣли, такъ что когда идущимъ намъ изъ своего отшельства въ монастырь прилучашеся, что братія тогда бываху на нѣкоемъ послушаніи и, увидѣвши насъ, оставляху свое дѣло и радостною душею встрѣчаху и цѣловаху насъ. Или, егда нѣкому брату прилучашеся въ нѣкое прегрѣшеніе внити или чимъ уважительнымъ и недоумѣвательнымъ одержатися, то къ намъ прежде прихождаху и открываху всѣ таинства о себѣ чистосердечно. Но не токмо отъ братій монастырскихъ сие были любимы и почитаемы, но и отъ мірскихъ боголюбцевъ не менѣе, ибо многіе благодѣатели, слыша о Старцѣ моемъ и о его по Бозѣ постническомъ подвижномъ житіи, усугубляли его ради подаваніе въ монастырь. И пріѣзжающіе на память преподобнаго отца нашего Арсенія², егоже во ономъ монастырѣ почиваютъ мощи, нарочно прихождаху, да и Старца посѣтятъ, и попользоваться его духовными и спасительными бесѣдами, а нѣкоторые, знающе старцево нестяжаніе, яко ничего не беретъ, полагаху на праге³ кельи его деньги, желая, да поне невольнѣ возметъ и чрезъ его руки въ монастырь отдано будетъ или, куда восхождеть, употребитъ оныя.

¹ Так в рукописи.

² Преподобный Арсений Коневский, основатель Коневского Рождественского монастыря. † 1447 г. Память 12/25 июня.

³ На праге — на пороге.

И сіе удивленіа достойно, яко безъ присутствія старцева хотя и собирахуся братія къ нѣкоторому брату или иногда къ самому строителю на посѣдніе во дни празднственныя, но не бываху тако удовольствованна, какъ когда обрѣтается между ими Старець мой, ибо при немъ братія отлично радовательны пользуются и всякіе вопросы недоумѣнные разрѣшаются, такъ что многажды оставляху нѣкоторыя сужденія до пришествія старцева.

Сицевое отъ братіи и отъ посѣщающихъ видя Старець къ себѣ почитаніе, зѣло скорбяше о семъ, почитая себя недостойна, и многажды онъ со мною вкупѣ просихомся у настоятеля, да отпустить насъ, еже бы намъ по желанію нашему уйти въ отдаленную и незнаемую страну, а болѣе желательно намъ было вселитися во Святую Афонскую Гору или въ Молдавскіе пустынные предѣлы, или на нѣкій морской островъ ненасельной. Но строитель былъ намъ отцемъ духовнымъ и уже тогда былъ отъ старости слабъ, и любилъ насъ по премногу, того ради никакъ не преклонялся отпустить насъ; и убѣдительные его прошеніи и наша взаимная къ нему любовь удерживала насъ жити еще при немъ, ибо боялися такового любовнаго отца преслушати, вѣдая заподлинно: гдѣ любовь, тамо Богъ, и послушаніе пріятнѣе Богу паче поста и молитвы, по глаголу святыхъ отецъ. Къ тому же извѣщены были отъ Священнаго Писанія, како многіе, не послушавъ своихъ отцевъ духовныхъ, по Божъ живущихъ, [отъ] бѣды и прелести пострадаша. Сего ради не смяхомъ насильно изыти и тако ожидахомъ благоволенія и судебъ Божіихъ, сице разсуждаючи: егда будетъ время Божіяго благоволенія, тогда будетъ и не возбраненіе, но еще и вспоможеніе.

И тако живущимъ намъ во отшельствіи по силѣ нашей дѣлахомъ руководія и собирахомъ разные ягоды и грибы и все оное отношахомъ въ монастырь, а для себя потребное взымахомъ изъ монастыря. Единою рѣхъ азъ Старцу моему: «Почто мы тако много занимаемся руководіемъ, а наипаче сбираніемъ ягодъ? Ежели намъ Богъ даде жизнь отшельственную, то и должны болѣе моленіемъ, чтеніемъ и богомысліемъ заниматься. Братія и безъ нашего руководія, и безъ нашихъ промышленій довольны во всемъ, и кромѣ насъ находятся таковыя, которые собираютъ и приносятъ на трапезу братіямъ грибовъ и ягодъ довольно». На сіе Старець мнѣ отвѣщаваше, глаголя: «Весьма много и то для насъ, что мы по любви братіи къ намъ не въ молвѣ, но въ тишинѣ живемъ, и все намъ готовое отъ монастыря потребное подается; то и намъ надо поне малостію отслуживать, къ тому же мои молитвы не тако Богу угодны, якоже братскіе, и егда принесу нѣчто и онъ на трапезѣ покушаютъ моихъ трудовъ и молятъ за мя Бога, то азъ вѣрую, что ихъ ради молитвъ Господь

болѣе мя послушаетъ». И тако Старецъ всеневно хождаше соби-рати ягоды и грибы и на воскресной день отношаше въ мона-стырь, за что всѣ братія много его благодарствовали; азъ же мысленно его осуждахъ, почто сие суетится, а не безмолвству-етъ, и часто за сие въ лицѣ его укоряхъ, онъ же паки отвѣщава-ше ми, глаголя: «Можно съ Божіею помощію и ягоды собирая, и память молитвенную къ Богу и богомыслие имѣть, ибо тоже уе-диненъ, не съ народомъ, но такоже, какъ и въ кельѣ, единъ есмь и, посбирая, для отдохновенія можно състи во вниманіи сердеч-ныхъ молитвы». И подобнымъ сему много мнѣ совѣтоваша, да не высоко мню о своемъ успѣяніи и да не надѣюся на ся, но паче на братскіе молитвы, сказуя паки: «По мѣсту должно и вѣсти свое житіе, ибо здѣсь общее житіе, обще и должны трудиться: они монастырскими потребами насъ снабдѣвають, а мы должны пус-тынными трудами имъ отплачивать; къ тому же здѣсь близъ насъ во множествѣ ягодъ имѣется, то естли мы не будемъ брать, то тако и останутся небраны, ибо братіи далеко семо хо-дить, да и недосужно, понеже другими монастырскими дѣлами заняты суть. Отъ молвы нужно удалиться, а не уединеннаго по-слушанія отметатися». Но я, вопреки ему, вѣровахъ болѣе сво-ему мнѣнію, нежели старцеву разсужденію, и тако оставихъ его единого ходити за ягодами, а самъ, оставаяся въ келліи моей, вмѣсто того начахъ множае поститься и молиться продолжи-тельнѣе. Что же мнѣ за таковое несогласіе и сопротивленіе по-слѣдовало въ чувствіи сердца моего? Ничто иное, какъ только совершенное ожесточеніе, досада, негодованіе, разстройство въ мысляхъ, осужденіе, якобы отчужденіе от Старца, томленіе и тягота въ совѣсти, и напоследокъ, зря себя таковымъ объята, начахъ приходити въ отчаяніе. И ежели бы Божіею милостію не познахъ мое заблужденіе, въ совершенную бы снидохъ прелесть. И тако начахъ окаявать себя съ признаніемъ, сколь гибельно, живя въ повиновеніи у Старца, и не слѣдовати по его разсуж-денію. И тако пришедшу Старцу ко мнѣ, падохъ азъ ему на нозъ, прося прощенія, тогда Старецъ обрадованно мя о Бозѣ и прости, со словомъ прощенія его всѣ оныя сопротивныя чувст-вія, томящія мя, исчезоша во мнѣ, и тогда же возчувствовалъ са-маго себя въ прежнемъ обычномъ моемъ устроеніи, то есть мир-на, радостна, любовна и покорна ко Старцу.

Жительствова же тамо, Старецъ ношаше сокровенно жестокою власяницу по нагу тѣлу своему, сотканную изъ власовъ гривы и хвоста.

По прожитіи намъ 10-ти лѣтъ тамо при монастырь во отшель-ствіи, во оное время отказася отъ строительства отецъ нашъ Ад-ріанъ, желая въ Москвѣ въ Симоновомъ монастырь воспріяти

великой образъ схимы; тогда, выѣзжая изъ монастыря, подаде благословеніе, и совѣтова намъ пойти въ Сибирскія предѣлы, сказуя о тамошнемъ великомъ пустомъ пространствѣ, еже есть ненаселенное, но намъ болѣе желательно было вселиться во Афонскую Гору; и три раза отпускалися въ путь ко Афонской Горѣ, и отъ многихъ благодѣтелей, а наипаче отъ боголюбиваго благодѣтеля Афанасія Ивановича Долгова, были снабждаемы денежною суммою, но не допусти Господь тамо намъ побывать, хотя и со многими усиліемъ тщалися. И тако, возвращаясь обратно, возвращали и деньги благодѣтелямъ, данные намъ, сказуя, что намъ нынѣ, возвратившимся обратно, уже не нужны, а вы можете другимъ отдать, кои нужду въ нихъ имѣютъ, и за сіе послѣдуетъ вамъ отъ Бога сугубое вознагражденіе, ибо вѣнчится вамъ, якобы отъ насъ не взяли, ибо по принужденію нашему отъ насъ берете обратно и онымъ отдадите, то какъ за насъ, такъ и за тѣхъ будетъ вамъ воздаяніе. И за таковою Старца моего поступокъ совершенно у всѣхъ благодѣтелей былъ любимъ и почитаемъ, сказующе ему въ лице: «Еще никто обратно не отдавалъ, точію вы едины». Однако еще у насъ неугасимо было желаніе ко Афонской Горѣ.

Егда же воцарился блаженный памяти Императоръ Павелъ Петровичъ, тогда послѣдовало запрещеніе, чтобы безъ доклада Его Императорскому Величеству за границу никого не отпускать. Тогда мы еще прошеніемъ просились, но Высочайшимъ его повелѣніемъ повелѣно было намъ отказать. И такъ мы познали совершенно, яко не благоволитъ намъ Господь вселиться во Святой Афонской Горѣ, естли толико кратъ были на границахъ, но и нынѣ Господь Богъ самимъ Государемъ возвратилъ насъ, то по что еще хотели опиратися противу судьбъ Божіихъ? А наипаче не видя никакого препятствія, но еще и всякое вспоможеніе и удобство удалитися въ Сибирскіе предѣлы, и тамо, возложася на Божію помощь и промыслъ Его, пустилися въ путь къ Сибири, будучи напутствованы благословеніемъ отца нашего духовнаго Адріана, еже бысть послѣ схиіеромонахъ въ Симоновъ монастырь, и его благословеніемъ. Онъ, отпуская насъ, даде намъ въ напутіе любимой свой тропарь къ Казанской Божіей Матери: «Заступнице усердная», — сказуя намъ, да читаемъ вседневно и будемъ благополучны въ пути и вездѣ. Но намъ болѣе желательно было гдѣ-нибудь въ теплѣйшихъ и отраднѣйшихъ странахъ вселиться, ибо слышались, что въ Сибири хладъ величайшій и народъ дикой, и весьма опасно, чтобъ можно было житіе пустынное проводить, а наипаче потому, чтобъ ходящіе за промысломъ не убили. Но Старецъ мой отвѣтствовалъ: «Сподоби сего, Господи, ибо коего болѣе можетъ быть щастія, естли невинно

насъ убиваютъ; ибо живуще надо многое подвижничество проходить, а естѣли убьютъ, то вѣрное спасеніе и скорое». Однако мы не прямо въ Сибирь устремились, но, обольщаяся надеждою сыскать мѣсто въ теплѣйшихъ странахъ, того ради рѣшились первѣе страну теплѣйшую осмотреть, и тако достигли Кіева и милостію Митрополита два мѣсяца были въ Лаврѣ успокоены. Потомъ отправились въ Крымъ, и тамо горы и дебри обходили, но по совѣсти не нашедше, въ разсужденіи многихъ иноземцовъ, тамо живущихъ. Прибыли въ Моздокъ, и тамо опасности ради изъ-за границы наѣздовъ не остались; тутъ насъ за конвоемъ опасности ради изъ сожалѣнія господинъ городничій повелѣлъ проводить. И тако прибыли въ Таганърогъ, но и тамо по желанію не пріобрѣли. Пріѣхали въ Астрахань; тутъ мы рѣшились, чтобъ болѣе съ попутчиками и при обозахъ не ѣхать, во обще дабы большее спокойствіе имѣть, того ради купили лошадей. Сіе было зимою, и тако едины, сами о себѣ поѣхали, признавши, яко не индѣ, но въ Сибири благоволитъ Богъ намъ жить; и проѣзжали весьма благополучно опасныя мѣста, доѣхавши же до такого мѣста, гдѣ нужно было намъ ѣхать не большею дорогою, но проселочною, и многіе намъ совѣтовали единымъ не ѣхать, ради опасности отъ злыхъ людей нападенія; и такъ бывши мы въ недоумѣніи, тогда сверхъ чаянія проѣзжающіе съ обозомъ хозяева сказали: «Неизвѣстно намъ, гдѣ съ большимъ барышомъ товаръ нашъ продадимъ, но поѣдемъ для сихъ странныхъ и проводимъ ихъ сіе опасное и лѣсное мѣсто, а Богъ ихъ ради намъ лучше поможетъ продать». И тако, оставя свой предпріятый путь, и насъ ради нашимъ трактомъ поѣхали и болѣе двухсотъ верстъ насъ проводили, охраняя и питая насъ. Егда же мы растались съ ними и одни уже поѣхали пространною степью, и ночь насъ постигла и пришли двѣ дороги, тутъ мы не знали, которою дорогою ѣхать, лѣсу же никакого не было, чтобъ огонь возможно было развести. Тогда не знали, что дѣлать, остановились и обозрѣвали на всѣ стороны. Только видѣлась пространная ровная степь, и тако бывши въ недоумѣніи говорили: «Господи, не знаемъ, куда ѣхать, а ночь находитъ». И вдругъ узрѣли къ намъ пріѣхавшаго человѣка, и сказалъ намъ, коею дорогою ѣхать и куда, и едва только успѣли мы съѣсти и оглянулись назадъ посмотрѣть, куда онъ поѣдетъ, но не стало его, и болѣе уже его не видѣли. Тутъ мы удивились о Божіей милости надъ нами и сіе приписали Его промыслу, тако изволившему насъ помиловать, и оттолъ ѣхали благополучно до самаго Тобольска. И тамо Преосвященный Варлаамъ пріялъ насъ весьма благопріятно, далъ намъ жити въ Ивановскомъ монастырѣ и довольное содержаніе.

Доживши же до весны и до просухи, тогда далъ намъ отъ Духовной консисторіи видъ своего къ намъ благоволенія жить намъ въ его епархіи, гдѣ изберемъ себѣ по совѣсти мѣсто. А господинъ губернаторъ далъ отъ себя билетъ, да по всей Тобольской епархіи свободный намъ имѣть проѣздъ и въ желаемыхъ намъ мѣстахъ для обозрѣнія давать проводниковъ. И съ таковымъ напутіемъ проѣзжали мы и проходили по разнымъ пустыннымъ мѣстамъ и были въ округахъ Тарской¹, Каинской², Томской, Енисейской и Красноярской и въ Кузнецкой, гдѣ и постигла насъ зима. И мы, желая уединенно и безмолвно зиму прожить, того ради удалились отъ деревни за 40 верстъ и въ величайшемъ лѣсу содѣлали себѣ землянку, и одинъ крестьянинъ общалъ весною оттуда насъ вывести. Живуще же тамо и видя у себя мало на хлѣбъ муки, того ради примѣшивали изъ древа пивты³ кору и тако питались, понеже ничего другаго промыслить невозможно было; рыбы мало уловляхомъ, понеже зима бѣ. Но егда уже бы и рыба перестала уловлятися, мука же и харчъ почти весь вышелъ, снѣгъ же выпалъ глубокий, а потому помянутой крестьянинъ до хижины нашея везенной запасъ довести не могъ, но оставилъ отъ насъ въ дальнемъ растояніи, сказуя, да сами его слѣдомъ возможемъ тамо дойти и принесемъ къ себѣ. Мы же, будучи тощіе, едва могли дойти до показаннаго мѣста и, увидѣвши запасъ, простите, весьма обрадовались, ибо не ядши дошли, не имуще же никакого сосуда, въ немъ же бы замѣшать муку, тогда ухитрися мой Старецъ: снявъ съ себя верхнюю одежду (балахонъ) и насыпа муки, и полагая снѣгъ, и тако предъ огнемъ тая и мѣшая муку, и на жару напекохомъ опрѣсноковъ, и ядше укрѣпихомся. Переносивше же оной харчъ, жили спокойно до весны, надѣяся на обѣщаніе помянутаго крестьянина придти весною вывести ихъ. Старецъ обычно множайше время провождаше, углубляясь въ сердечномъ внимательномъ моленіи, и многія молитвенныя дѣйствія происходили съ нимъ, изъ коихъ едино, яко уважительнѣйшее, вписано въ особенной книжицѣ, написанной о его дѣйствіяхъ.

Сколько же оживительно по долгомъ времени яденія отъ скуднаго брашна единовиднаго и потомъ — вкусити иное! Сіе мы на опытъ познали, егда отъ принесеннаго намъ луку вкусили: онъ столь показался вкуснымъ и пріятнымъ намъ, что даже почувствовали великое въ себѣ оживленіе и силу, чему много удивлялися. Но и сіе умолчать несправедно, еже явствуетъ нѣкое

¹ В изд. 1863 г.: Ишанской; в «Житии старца Зосимы»: Ишимском (округе).

² В изд. 1863 г.: Калиской.

³ Пивты — пихты.

таинственно бываемое особеннымъ благоволеніемъ Божиимъ, ибо столь усладительно покажется простое брашно, яко мнѣти точно предлагатися ему во ино качество, не свойственное ему, еже ощущахомъ не токмо тамо живуще въ скудости, но и чрезъ все время житія нашего въ пустынныхъ предѣлахъ: никогда не яли, чтобъ не чувствовать отличной, особенной нѣкоей или многой пріятности во всѣхъ нашихъ брашнахъ, хотя иногда бываше и самое суровѣйшее и скудное представляемо, чему мы многократно со удивленіемъ другъ ко другу глаголали, яко ниже на пиршествѣ въ богатыхъ домѣхъ таковая обрѣтается усладительная снѣдь! И тако разсуждающе въ бесѣдахъ нашихъ между собою, аки начнемъ сумнитися о своемъ спасеніи, сказующе: «За что намъ чаяти отъ Бога по смерти воздаянія, ежели въ сей жизни столь облагодѣтельствованы о Его благодати? Ибо зримъ себя во всякомъ спокойствіи и услажденіи, мирнымъ духомъ радуемся, отъ всего будучи свободны; и въ таковомъ находимся устроеніи, что не потребно намъ и доброе одѣяніе, ибо сіе рубищное удовлетворяетъ нужду нашу; ниже желательно усладительныхъ брашенъ, ибо сіи простые и самородные пустынные снѣди аки предлагаются въ лучшіе, а ощущаемъ въ нихъ вкусъ наипріятнѣйшій. А чуднѣе всего, за что едва не всѣ живущіе на свѣтѣ семъ люди страждутъ, трудятся, усиливаются и всякіе хитрости и средства изобрѣтаютъ, во дни и въ нощи не дающе себѣ покоя, старающиеся о придобытіи себѣ богатства, денегъ, но намъ теперь, въ пустынь живуще, отнюдь не потребны и не надобны, но естли бы и были, то болѣе бы отягощалися оными; надъ всѣмъ же симъ отъ знаемыхъ токмо есмы почитаемы, что всякой христіанской челоувѣкъ усерднѣ готовъ нужды наши выполнять; блаженнѣе же паче всего, что мы между собою таковымъ духовнымъ дружелюбіемъ, единомысліемъ и неразномысліемъ связаны о Христѣ до толика, что всякой совѣтъ бываетъ у насъ неразрешимъ и послушаніе охотнѣйшее со уваженіемъ между нами водружено выполняется. Къ тому же нѣсть въ пустынномъ пребываніи нашемъ сичеваго, что бы возбраняло или отвлекало отъ богослуженія, и нѣсть, что бы удерживало или помѣшательство дѣлало заниматься чтеніемъ Святаго Писанія и питатися углубленіемъ въ богомысліи. Но еще всякой случай и вещь аки понуждаетъ и заставляютъ къ Богу простиратися, зря себе окруженна дремучимъ лѣсомъ, точію къ небеси чистѣйшій и незагражденный показуется взоръ, привлекающій ежебы сподобитися преселитися въ тамошнее блаженство. Паки гласъ птицъ поющихъ возбуждаетъ, да вкупѣ съ ними и отъ насъ славословіе Творцу Богу приносится. Всякой случай, всякая вещь, однимъ словомъ, все зримое и слышимое воставляетъ на размышленіе о всемогу-

ществъ, премудрости и благодати Божіей! Како всему созданному во всей твари даровалъ свойственное довольствіе, успокоеніе и увеселеніе, ибо естли бъ не было все сотворенное совершенно удовольствованно, то бы не было и успокоено и никогда бы не увеселились, но вмѣсто сего зримъ: деревья и всякое произрастеніе отъ удовольствованія и успокоенія растутъ, зеленѣютъ, цвѣтутъ и даже отъ избытка довольства и плоды израстаютъ; также равно и звѣри, и скоты, и птицы, и всякое животное между свойственными себѣ любятъ, утѣшаются и распложаются, и отъ удовольствія многого всякое оживотворенное по естеству своему аки благодареніе гласомъ своимъ гласитъ къ Богу, со-творшему ихъ, а отъ всего ясно видится благосердный Промысль Божій, проливающейся на всю тварь. Естли же земля Божією мудростію и Его благоволеніемъ таковымъ существомъ удобрена, что всю тварь довольствуетъ, сама родитъ деревья и травы, и сама влажностію и тучностію своею раститъ, украшаетъ и цвѣсти заставляетъ; звѣремъ же и птицамъ и всѣмъ жизненнымъ и одушевленнымъ и всему роду человѣческому издаетъ всѣмъ приличествуя на потребу, и жилища, и пищу, и даже невѣдущимъ Бога и заблуждающимъ во благочестіи, но еще и развращеннымъ и досаждающимъ Богу».

И отъ такового умозрительнаго разсужденія привлечется душа къ Самому Создателю Богу, размышляя въ себѣ: «Естли Господь Богъ земли и прочимъ стихіямъ далъ сиевое существо, довлѣющее всѣмъ до доволства, даже и съ преизлишествомъ, то чего Самъ Господь Богъ не даруетъ Своимъ рабомъ, единому Ему издавшимъ себя и тщащимся о угожденіи Ему? Ежели же уже Самъ Богъ Отецъ Свое сердце, то есть Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа отпустилъ за насъ грѣшныхъ на толикое лютое и горестное мученіе и на поносную смерть, то уже како сумнѣться можно, чтобъ не помиловалъ всѣхъ кающихся грѣшниковъ и къ Нему простирающихся и не даровалъ бы имъ вѣчнаго небеснаго житія? А посему и намъ грѣшнымъ почто отчаяваться въ Божіи къ намъ милосердіи? Только потщимся просить Его, теперишнюю нашу свободу и безпрепятственность помогъ бы намъ чрезъ всю нашу жизнь удержать и провождать во упражненіи богоугодномъ». Ибо отъ таковыхъ размышленій дѣлается душа отъ всего созданнаго отдѣленна, яко несвойственнаго ей, ко всѣмъ вещемъ пристрастіе увядаетъ, всякія прихотныя желанія, яко уже умерщвленны, зрятъ непривлекательны и недѣйственны бывають, но все денно-нощное время объемлетъ и проходитъ въ самораждающихся въ размыслахъ привлекательныхъ къ Богу, и чемъ множае въ таковыхъ размышленіяхъ углубляется, тѣмъ болѣе прозябають и умножаются разсужденія,

и самые оные размышленіи умнѣ разсмотрѣя, множае и множае распаляютъ и влекутъ въ любовь и желаніе къ единому Богу! И заставляютъ опасно назирати себя и блюсти отъ всего развлекательнаго умную тишину, и даже восхитительнымъ чувствіемъ объемлемы бывали, и сицевая познавая и разглагольствуя, на поощреніе сами себѣ сказуя: «Нужно и намъ хранить себя, чтобъ не отвлечь намъ ума своего суетнаго излишествомъ отъ Бога, потщимся точію самонужнѣйшее за нужду тѣла нашего промышлять».

И таковыми между собою утвердительными разглагольствіями вразумляюще другъ друга, познаемъ, сколь отъ народа удаленное и уединенное пустынное житіе спомоществуетъ къ нестяжанію и безстрастію, и къ тому же еще ясно видя, что все бываемое на семъ свѣтѣ есть преходящее, тлѣнное и не удержимо, даже мы сами человѣцы — не сего свѣта жители.

Отъ такового познанія совершенно вконецъ иногда чувствуется въ душе умертвіе ко всему, еже есть на семъ свѣтѣ, а иногда печалію объемлется сердце, что доселѣ не разумѣли, каковое о Бозѣ живущимъ въ пустынѣ дается радостно-печальное житіе и просвѣщеніе въ размыслахъ, ибо иногда бываетъ совокупное дѣйство въ душѣ: радуется духомъ, яко сподобилася успокоенно безпрепятственно и неотвлечимо единому Богу жити, а печаль поражаетъ неизвѣстностію о прощеніи своихъ грѣховъ. И по таковыхъ разговорахъ и разсужденіяхъ доходимъ и до угодниковъ Божіихъ, яко недивно, естли они о всѣхъ міролюбцахъ рыдатель[но] плакали, видя ихъ тако неотторжно пристрастныхъ къ сему свѣту, съ нимъ же неминуемо надобно растатися и все нажитое и обладаемое оставить, но не хотятъ, хотя и упрямудрены разумніемъ своимъ до толико, что даже высокіе и тонкіе разсужденія и понятія имѣютъ, не хотятъ вседушнѣ прострети къ Богу.

И такъ по таковыхъ разглагольствіяхъ паки другъ друга подкрѣпляюще охраняли себя Божіею помощію отъ всего излишественнаго, дабы занятіемъ суетнымъ по подобію мірянъ не затмитъ къ Богу своего желанія. И такъ когда сойдемся вкупѣ, тогда отъ всего сердца любовнѣ другъ о другъ радуемся и ликуемся; сицевую же любовь, возрастшую между нами, можно и праведно приписать силѣ, дѣйствію пустынному, ибо двои мы только живуще, аки естественнѣ привлекались быть единѣ другому откровенны, и другъ друга поощряюще къ богоугожденію и укрѣпляюще въ бываемыхъ искушеніяхъ и охраняюще другъ друга, яко свою жизнь, того ради истинною любовію другъ ко другу о Бозѣ пламенѣли, ибо почти во всѣхъ разглагольствіяхъ Старца всегда слышахъ отъ него: «Како бы подвигнуться, ежебы поне мало

сподобитися по подобію святихъ отецъ пустынножителей Богу послужити?» И поистиннѣ видѣхъ азъ во Старцѣ моемъ исполненіе онаго поемаго антифона: «Пустыннымъ непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущимъ суетнаго кромѣ...»¹ Но како возможно въ точности описать всѣ оныя внутреннія духовныя чувствія таковыя, иже во извѣщеніи тако въ себѣ утвердительнѣ чувствуются и поразумѣваются, что никакое благополучнѣйшее царствованіе не порадуетъ тако и не успокоитъ, какъ пустынное житіе, ибо не видя, не слыша и не разглагольствуя, но въ совершенномъ мирѣ и спокойствіи находится и естественнѣ возьмется весь умъ къ единому Богу, а чрезъ то, по глаголу святаго Ісаака: «Святіи наши отцы, отъ благодати умудрившеся, облекошася въ нестяжаніи и идоша въ пустыню, и естли бѣ когда пришло имъ ослабѣти, но удаленіемъ отъ селеній мірскихъ и лишеніемъ вещей, подвижущихъ страсти, удобно побѣждаютъ своя страсти, того ради ищущимъ и помогающимъ умныя чистоты вящшаго безмолвія желается, такъ что отнюдь не хотѣли ниже поспѣтителей каковыхъ, а наипаче иже суетная и свѣтская, и не-полезная повѣствованія приносятъ».

Проживши зиму, надѣялися пришествія онаго крестьянина, иже обѣщаль къ намъ пріити весною и вывести прежде разлитія водъ въ свое селеніе, но онъ по обязанности крестьянской былъ несвободенъ пріити къ намъ, мы же, видя, яко уже рѣки начали разливаться, отчаяли его пришествія; зная же, яко пищи малое количество имѣется, а потому остатися до лѣта усумнились, къ тому же помышляли, яко лѣтомъ неперемѣнно надлежитъ изыти для пріисканія такового мѣста, на немъ же бы на всегдашнее житіе вселитися. Того ради рѣшилися едины изыти, надѣющеся оное сорокъверстное растояніе двумя или тремя деньми пройти и выдти въ нѣкое селеніе, и тако добрѣ все на путь исправивше, взяли всѣ бывшіе съ нами вѣщи и вѣсь снѣдной запасъ, хотяще наутрѣ изыти. И въ ту ночь видѣхъ азъ сонъ, яко полны карманы мои денегъ серебрянныхъ и нѣсколько золотыхъ; слышавъ же азъ отъ многихъ отцевъ, яко сребренныя деньги знаменуютъ слезы, а золотыя радость, но мы презрѣли, не хотяще сну вѣровати, и, отправя все должное моленіе, зажгли свою келью, спасающеся, да не вселился бы въ ню нѣкто бѣглою, чрезъ что можетъ послѣдовать слѣдствіе, кто строилъ келлію; а мы какъ странныя боялись такового случая, и тако смотря на пламенеющую свою хижину, уже принуждены были оставить ея и пойти, боялися же, дабы на другую страну хребта горъ не зайти, понеже въ ту страну болѣе двухъ сотъ верстъ нѣтъ селеній, и такового

¹ 1-я степенна 1-го гласа.

ради сумнѣнія, какъ послѣ узнали отъ знающихъ, шествіе наше было вдоль горъ, находящихся около рѣки Томи.

Егда же три дни прошедши и видя непроходимые лѣса и горы высочайшіе, тогда усумнились и, опасаяся, начали пищи менѣе ясти, помышляюще, негли долго будемъ заблуждать и тогда вконѣцъ нечего будетъ вкусити; и тако, весь день не ядши, достигаемъ вечера, и первѣе всего, пока еще свѣтло, припасахомъ дрова, съ великимъ изнеможеніемъ сѣкуще и таскающе, и тогда уже, огонь разведше, варимъ имѣющееся нѣкое снѣдное. Прошедшу же седмицу дней и видя себя совершенно заблудшими и въ которую страну идти не знающе, понеже облаками покрылися небеса, и бысть снѣгъ и вѣтръ, и солнце отнюдь не являшеся; тогда мы, на древеся смотря, шествіе свое продолжали, ибо на осино-выхъ деревьяхъ на корѣ съ полунощной стороны очернѣвшій и мрачный видъ показуется, а съ полуденной — свѣтлой и чистой. И тако нѣсколько пошедши, стали еще менѣе ясти, уже мало муки или сухарей положи въ воду и разваря и такового варенія безъ прикуски поядоша; съ тѣмъ и возлегали уснуть, ибо уже никоего болѣе снѣднаго не имѣлося, но точію мало муки и сухарей, того ради Старецъ нача воздержнѣе за меня ясти, мнѣ же, шествуя гдѣ случится узрѣть на древахъ изсохшую или согнившую рябину, то и оную съ великимъ аппетитомъ яли; но весьма мало и рѣдко попадалося, понеже была уже весна.

У Старца моего лыжи были безъ кисовыхъ подволокъ¹, того ради весьма трудно было ему на горы восходить, многократно вскальзывался внизъ; азъ же запасъ и прочіе вѣщи тащилъ, того ради лыжи съ подволоками были у меня. Видя же азъ Старца изнемогающа и жалѣя его, плакалъ въ слѣдъ его идуще, но онъ, обращая ко мнѣ, уговаривалъ меня, глаголя: «Не можетъ быть, чтобъ Господь Богъ насъ здѣсь голодомъ уморилъ, развѣ чемъ другимъ накажетъ за наши грѣхи, а голодомъ не уморитъ, ибо естѣли неблагодарной народъ израильской въ пустыни прокормилъ, то насъ ли двоихъ теперь не пропитаетъ? Можетъ и малымъ симъ нашимъ запасомъ провести и подати намъ силу на путешествіе». Азъ же отчаявахся, чтобъ еще въ живыхъ остаться, но и до днесъ недоумѣваю, отъ чего сичевое отчаятельное чувство на меня тогда нападало, что естѣли не выйдемъ и заблуждая умру, то осужденъ буду отъ Бога за то, почто своимъ дарованіемъ инымъ не послужилъ во спасеніе. И тако невольнѣ слагахъся къ Богу въ душѣ моей: «Естѣли изыщемъ и остануся въ живыхъ, то кого наставиши ко мнѣ, Господи, въ сожитіе, то

¹ Кисовые подволоки — подбитый под лыжи мех с оленьих (лосиных и др.) ног.

попекуся отъ всея души о ихъ спасеніи въ слѣдство жизни и разсужденія Старца моего». Въ таковыхъ чувствахъ нѣсколько дней шедше, плакахъ много и сѣтуя — ово о Старцѣ, жалѣя его изнемогающаго, ово о бесполезности прошедшаго моего житія, яко не послуживый инымъ ко спасенію, тако умираю.

Бысть же во единъ день сильной вѣтръ со многимъ снѣгомъ и мразомъ до толико, что едва могли идти отъ великой вьюги и метели снѣжной; путь же нашъ былъ по горамъ и долинамъ, не имущимъ лѣсу большаго, ниже дровъ довольно. И уже наступилъ вечеръ, мы же, на горѣ стоя, разсматривали, гдѣ бы лучше отъ вѣтра отишѣ имѣть и тамо бы ночевать. Но вдругъ у Старца на лыжахъ порвалися путцы¹, а потому и пойти болѣе невозможно было: исправить на такомъ мразномъ вихрѣ отнюдь не можно было, къ тому жъ уже и отемнѣли², и тако, подошедши къ малымъ кустамъ ельнику, принуждены были при немъ остановиться и ночевать. И едва могли мало тонкихъ дровецъ назбирать, да поне мало обогрѣться, понеже платье уже на насъ ово ободралось, ово обгорѣло и отъ снѣжныхъ бури обмокло и обмерзло, такожде и обувь на ногахъ была мокра и вѣтха. Но однако, разведше малой огонь, не ядше легли близъ самага огня, поне мало бы уснуть, но невозможно было, ибо вѣтръ сильной со снѣгомъ тушилъ огонь и дымъ, тако что насъ лѣжащихъ скоро снѣгомъ засыпало, и тако въ великомъ безпокойствіи проводя ту ночь, почили безъ лыжъ поверхъ снѣгу, ибо великой мразъ былъ, такъ что и разлившіяся рѣчки позамерзли крѣпко. Пришедши же къ единой рѣчки, которая уже была въ полныхъ берегахъ воды и въ ту ночь замерзла, намъ же непременно должно идти было чрезъ нее, тогда Старецъ, вступя на лыжи и, яко легчайшій, поиде впередъ и перешедъ благополучно, потомъ и я такожде на лыжахъ въ слѣдъ его поидохъ и едва возмогъ средину прейти, но подъ бременемъ вдругъ погрузился въ рѣку до самыхъ персей моихъ. Тогда уже вконецъ отчаялся быти въ живыхъ, ибо въ лыжахъ были ноги мои, отъ путцовъ держимы, и самы лыжи въ рѣкѣ во льду и снѣгѣ увязли, того ради отнюдь не возможно было мнѣ подняться и излѣзти на брегъ, нагнутися же и рукою достати — воды и льда ради невозможно. Видя же Старецъ тако мя до персей увязшаго и недоумѣя, како помощи, тогда мы къ Богу и Божіей Матери тако вzywали: «Теперь Тебѣ, Владычице, Пресвятая Богородице, помогать!» И просихъ азъ Старца, да подастъ мнѣ свою руку, сказуя ему: «Негли какъ-нибудь, придерживаяся за тебя, не изыду ли, аще же не изыду, то единъ умру, а тебя къ себѣ не

¹ Путцы — ремни.

² Отемнѣли — перестали видеть.

потащу, но отпущу твою руку». О чудо Божіей Матери! Я тако легко и скоро излѣзъ на брегъ къ нему, яко мнѣ мнится, что легче, нежели бы я былъ простъ и не погрязшій. И како мои нозѣ вышли изъ лыжъ, держимые ременными опутинами, — весьма удивительно и невѣроятно, точію Господь Богъ ради Владычицы нашея Пресвятыя Богородицы восхотѣлъ даровати мнѣ еще жизнь и явити, сколь облагодатствованъ мой Старецъ, ибо какую бы онъ мнѣ могъ подать помощь своею рукою — увязшему до персей во льду и снѣгу и крѣпцѣ въ путцахъ держимому ногами, такъ что не иначе можно было вынуть ногу изъ лыжи, естли прежде назадъ ногу не обратишь. Слѣдовательно, ради старцева сожалѣнія тако чуднѣ Господь даде ми изыти: ибо такъ крѣпко былъ погруженъ, что послѣ едва крюкомъ возмогли лыжи и[зъ] леду и изъ снѣгу вытащить, а одну даже и на полы переломили. Тутъ болѣе мы уже не могли пойти, къ щастію же нашему, находилися тамо сухія стоящія деревья, и, оныя рубя, произвели огонь довольной. И еще благодареніе Богу, что трутъ и огниво было у Старца, а не на моемъ возу, но какъ вся одежда на мнѣ смочена, а потому и дрова рубить мнѣ было не способно; того ради принужденъ былъ снять съ себя одежду и въ одной свиткѣ, бѣгая и погрѣваясь, рубить дрова. Тамо проведши день, обсушиваяся, дѣлая и исправляя лыжи, обнощевали. Старецъ же день отъ дня болѣе и болѣе не можаше идти, и пища тоже вся уже исходила, но и азъ же въ безсиліе приходилъ, сего ради всѣ наши вещи: святыя иконы и книги, и лишнюю одежду — все сіе везомое на саночкахъ оставили, повѣся подъ древомъ, надѣяся: выйдемъ въ деревню и, услыша отъ насъ примѣты мѣсту, найти будетъ можно, но однако посланные не могли сыскать. Взяли же съ собою: печатное въ маломъ видѣ Святое Евангеліе да книгу святого Ісаака Сирина яко нужнѣйшую для безмолвствующихъ, да котликъ и сухари, и все сіе понесъ на себѣ.

Будучи же безнадежны выдти и отчаянны въ жизни своей, умыслили сотворить предъ Богомъ обѣщаніе не ясти млечныхъ брашенъ во всю нашу жизнь, точію на Святыхъ седмицахъ разрѣшать на таковыя. Сиче разсудивше, яко уже намъ, согласуя совѣсти нашея, никогда не жити въ монастыряхъ; хотя и выйдемъ въ селеніе, но не останемся жителствовать нигдѣ, точію въ пространствѣ пустынномъ, въ пустынномъ же обитаніи млечныхъ снѣдей не имѣется, а посему, хотя и неуважительно показуется сіе наше предпріятіе, но Господь Богъ по благодати Своя, можетъ быть, и малаго ради нашего, незначущаго обѣта изведетъ насъ изъ сего заблужденія. И сичѣ усовѣтовавшись, помолившеся Богу, завѣщали самихъ себя, яко бы предъ лицомъ Божіимъ, не ясти млечныхъ снѣдей, точію ясти на всеядныхъ седмицахъ,

дабы не различествовали со святыми отцы, иже предаша во оныя седмицы на вся разрѣшати, ово въ честь и славу великознаменитыхъ празднествъ, ово на возраженіе еретичествующихъ.

Но в той же день, еже сотворихомъ обѣщаніе, мало подошедши, вышли на лѣсную дорогу. Здѣсь мы обрадовалися, но не знали, въ которую страну пойти. Старець же мой вконецъ изнемогаше, не можаше далѣе идти, совѣтовалъ мнѣ, да единъ пойду, его оставя, глаголя: «Сею дорогою пойдеши, а оттуда за мною пошлешь; ибо сихъ немного имѣющихся сухарей единому тебѣ дня на два довольно будетъ, а вкупѣ со мною, измождалымъ и ослабѣвшимъ, гораздо должае пройдемъ и ясти обоимъ нечего будетъ. Но я, оставшись на мѣстѣ семь, не трудяся, дровъ имѣя довольно, возмогу Божіею помощію и не явши еще два дня или три въ живыхъ быти». Но я, слыша сицевыя умиленные его словеса, никакъ не могъ рѣшиться его единого безъ пищи оставить, ибо онъ глаголахъ: «Поне ты единъ живъ выйдешь». Но я ему отвѣщалъ: «Лучше вкупѣ съ тобою умру, а тебе единого не оставлю. Что мнѣ въ моей жизни безъ тебе?» И тако, отдохнувши мало, поидохомъ вмѣстѣ и вскорѣ узрѣли слѣдъ песій; тутъ еще болѣе обрадовалися, надѣяся кого-нибудь увидѣти. Но, шедше далѣе, вышли на рѣку Томъ, и тамо обрѣли слѣды человѣческія, но уже растаявшія, а потому и не могли распознать, въ которую страну пойти. Однако прилежно разсматривающе, коекакъ вышли на дорогу лѣтнюю, протаявшую. Тутъ мы тако обрадовалися, яко бы изъ мертвыхъ ожили, и благодаря Бога подкрѣпилися малымъ яденіемъ, надѣющесе въ нѣкое селеніе оною дорогою выдти. Но дорога та бѣ лѣтняя, зимою не ѣзженная, а потому гдѣ не протаяло до земли, тамо и дороги не видно, того ради многократно теряя дорогу, путалися, сшибаяся въ стороны, и тако съ великимъ затрудненіемъ прошедши нѣсколько верстъ, узрѣли въ дальности деревню. О! Какъ много мы тогда обрадовалися! Изреци того невозможно. Вдругъ сами слезы неудержимо, яко источники самотекущія, тако полилися, и къ Богу умиленные самослагательныя отъ души благодаренія приносили. И на томъ же мѣстѣ съдохомъ и долго отдохновеніе пріемлюще и другъ ко другу чувствительныя бесѣды простирающе: сказующе, како Господь Богъ отечески наказалъ, но смерти не предалъ, и таинственно умнѣ извѣствовалъ въ милостивомъ Своемъ благоволеніи къ намъ, яко смотрительное сіе бѣ на насъ попущеніе въ обученіе и познаніе самихъ себе. А болѣе всего благодарили Бога съ внутреннимъ совѣсти радованіемъ, что во всѣхъ бывшихъ намъ прискорбіяхъ не попусти намъ Господь зѣло печаловати и удержа отъ вознегодованія, ниже остави когда отчаятися въ Его помилованіи, хотя бы заблуждая умерли, понеже естли бѣ еще

одинъ день намъ сѣмо не выдти, то бы въ живыхъ невозможно остатися, ибо Старцу вконецъ изнемогшу и пищи не имуще, такъ что и въ видѣ уже имѣя деревню и подкрѣпившеся яденіемъ, но едва-едва съ насиліемъ возмогли дойти до нея. И тако Божіею помощію пришли въ деревню. Жители же оной деревни слышали о насъ, что остались въ отдаленномъ растояніи отъ селенія зимнее время прожити; того ради и не почли насъ ниже за бѣглыхъ, ниже за бродягъ шатающихся и скитающихся, видя же насъ до крайности изнемогшихъ, худыхъ и тощихъ, обгорѣлыхъ и обкоптѣлыхъ, и раздрано-разваленныя на насъ одежды, сего ради два дни насъ упокоивали, подающе намъ изъ любви и изъ жалости добрую снѣдь и питіе, и отправиша на подводѣ въ волостное правленіе, давши намъ теплую одежду для проѣзда. Въ той же волости знаемы были мы писмоводителю, и онъ, увидя тако насъ изнемогшихъ, также всячески насъ угостилъ и отпустилъ на подводѣ до города Кузнецка. Всякой же человѣкъ, смотря на насъ, сожалѣлъ, видя тако насъ вконецъ изнемогшихъ, до толико, что Старецъ болѣе двухъ месяцевъ былъ, яко разслабленный, не могъ обычно ниже ясти, ниже пити, ниже ходити, и отнюдь ничего не можаше дѣлати; но и азъ болѣе мѣсяца въ такомъ же изнеможеніи былъ; и до таковаго поразительнаго предѣла были доведены, что какъ токмо станемъ воспоминать, разглагольствуя о нашемъ въ горахъ заблужденіи, тогда въ той же часъ чувствуется во внутренности тоска и отчаятельность, и сицевая ощущается въ сердцѣ унылость и тяжесть, яко бы принужденныя были ко смерти; и таковымъ огорчительствомъ близъ года были одержимы при воспоминаніи и разглагольствіи о случившемся съ нами.

Проживши нѣсколько времени въ городѣ Кузнецкѣ и пришедше мало въ силу, видя же многихъ усердствующихъ и благопріятствующихъ къ намъ какъ градскихъ, такъ и сельскихъ жителей, сего ради рѣшились въ тамошней Кузнецкой округѣ остатися навсегда проживати; того ради отдали въ сохраненіе виды наши въ земской судъ господину исправнику, но не могли въ скорѣ въ началѣ въ точности добрѣ о всѣхъ мѣстахъ извѣститься и самому обозрѣти, а потому въ началѣ и поселились близъ рѣки быстротекущія, именуемая Среднія Терса; но видя многія неудобности, ово ради змѣй, тамо много живущихъ, ово часто ради отъ приходящихъ за промысломъ татаръ, стуженія, и трудности плаванія быстрины ради рѣчныя, того ради преселились на ино мѣсто, отстоящее отъ города Кузнецка 50 верстъ, а отъ деревни 30 верстъ, за проливы, именуемая Трикурьи. Тамо пособіемъ благотворителей устроили себѣ келліи надъ озерами въ близу другъ отъ друга, не для отдаленія или нѣкоего несогласія,

но дабы единъ другому не препятствовать въ безмолвномъ упражненіи. И оное мѣсто, гдѣ жилище себѣ устроили, было окружено лѣсомъ, долгими озерами, при коихъ наши келліи находились, и оныя озера рыбами изобиловали, земля для огородныхъ сѣяній добродородна, ягодъ же смородины, и черемхи, и калины находилоя въ близу во многомъ множествѣ, но и кедровыя орехи не въ дальнемъ состояніи, также и хмѣлю самороднаго во множествѣ родится. Но намъ не было нужды въ деньгахъ, а потому и небрегли о нихъ, но занятія ради времени Старецъ мой дѣлалъ скудельную посуду, и за оную всякую потребу намъ подавали, къ тому же и благотворители не оставляли въ нужномъ для насъ, а потому ни отъ кого денегъ не взымали. Единымъ словомъ, было мѣсто совершенно по совѣсти и по желанію нашему.

Для избавленія же себя отъ тяжелоноснаго ношенія отъ пролива до келліи, яже было состояніемъ болѣе версты, [решили] прокопать канаву отъ пролива до озера нашего, которую мы во едино лѣто прокопали, и тамъ, когда намъ потребно будетъ ѣхать за нѣкоторыми нуждами, тогда, пустя запертую воду изъ озеръ нашихъ, выплывали оною нашею прокопанною канавою въ проливъ, соединенный съ рѣкою Томью; исправивше же потребу, обратно тою же канавою ладію нагруженную къ себѣ во озеро къ самой келліи приводили. И на ономъ мѣстѣ прожили двадцать четыре года.

Былъ же между нами таковъ уставъ, чтобъ нощію другъ друга возбуждать, да хотя и не вмѣстѣ тѣломъ, но молитву да сотворимъ во обще. Сего ради вервь отъ его келліи до моей келліи протягну[ту]ю имѣли, еюже ударяюще въ стѣну привязанною чуркою, таковымъ стукомъ нощію другъ друга возбуждали, и узнавши о здоровіи единъ другаго, ибо возбужденной такожде стучаніемъ объ стѣну келліи своя дастъ знать, что возбудился и здоровъ есть. Понеже удерживались до субботы не ходить другъ ко другу, а наипаче въ среду и пятокъ уединенно въ безмолвіи быти, а на воскресеніе же и всенощныя празднества вкупѣ сходились, и той день вмѣстѣ провождали во чтеніи святыхъ книгъ, и духовными дружескими бесѣдами занимались и прохаживались по пустыннымъ окружающимъ насъ мѣстамъ, а наипаче весною, когда еще травы невелики, недѣли по двѣ не возвращаясь, ходихомъ по разнымъ пустыннымъ лѣснымъ мѣстамъ, по горамъ и долинамъ, взявши съ собою огниво, котликъ и сухарей хлѣбныхъ. Егда же пріидетъ время обѣдать, тогда, набравши самородныя травы, двояко называемыя: колбою и черемшею (растетъ она стебельками, а вкусомъ подобная смѣшеннаго луку съ чеснокомъ, варенная же дѣлается по подобію луку, и тамошнія жители всю весну ея вседневно на своихъ трапезахъ ядятъ, но и

для зимы по подобію капусты запасаютъ, и оную траву сырую и варенную на обѣдъ нашемъ имѣхомъ). Въ хожденіи же нашемъ часто случалось находить и встрѣчаться съ сохатыми, лосями, оленями, козами, а иногда съ медвѣдями, понеже въ той странѣ довольно ихъ имѣется, даже и на огородно наше селеніе приходяху и, катаяся по грядамъ, гряды и сѣянія повреждаху. Егда случится увидѣти идущаго его на гряды, тогда Старецъ, взявъ доску и стуча въ нея, смѣло къ нему идяше и тако его прогоняше. Единою хождаху намъ за орѣхами кедровыми и тамъ обрѣли величайшаго медвѣдя, онъ же, увидя насъ, поднялся на заднія ноги, и обложи я на пень, мы же, усмотря его и будучи слышаны отъ промысленныхъ татаръ, чтобъ отнюдь не робѣть, но смѣло и прямо на его идти, а естли отъ него удаляться, то онъ яко на боящихся его самъ небоязненно нападаетъ на человѣка. И тако, видя насъ въ древо стучащихъ и къ нему приближающихся, бросился со пня и скорымъ бѣгомъ ушелъ отъ насъ.

Многажды въ бесѣдахъ нашихъ глаголали, яко мало тамо заблуждающихъ насъ въ горахъ наказалъ Господь въ сравненіи теперешняго нашего на семъ мѣстѣ добраго успокоенія, якоже даровалъ намъ Господь на толикая многая лѣта, тако что отнюдь не находится вины, чрезъ что бы на иное мѣсто нужно было переселиться.

Для исповѣди же и причастія Святыхъ Таинъ ежегодно бывалъ къ намъ священникъ со Святими Дарами, понеже изнемогаше и по слабости своей не можаше столь дальнее растояніе Старецъ мой ходить во время своего говѣнія.

Не имѣли же мы въ соблюденіи никакихъ утѣшительныхъ снѣдей, приличествующихъ для всегдашнихъ разрѣшенныхъ седмицъ. Наступающе же само-величайшему Празднеству Свѣтлому Христову Воскресенію, и будучи въ ненадѣянніи, чтобъ на самой Праздникъ могли поне разговѣтися млечными снѣдьми, въ разсужденіи чотыредесяти верстъ отдаленности отъ селенія мірскаго, къ тому еще и не имѣли никого изъ жителей, явно содружественнаго намъ. Но единъ боголюбивой крестьянинъ, имя его Тимофей, сокровеннымъ сердечнымъ любленіемъ былъ къ намъ расположенъ до толико, что противу всѣхъ, насъ оглаголющихъ, сопротивлялся, возражая противу ихъ на насъ хуленія; ибо нѣкоторые недоброжелательствующія намъ называли насъ предтечами антихристовыми, а иныя иначе злословили; но онъ Тимофей вопреки имъ глаголахъ, яко прежде придутъ святыя пророки Ілія и Енохъ, кои будутъ утверждать православныхъ христіанъ и весь народъ, да будутъ тверды и непоколебимы въ вѣрѣ ко Христу Господу Богу, а не отъ Христа отвращаютъ, но паче ко Христу убѣждаютъ своими обѣщаніями, а посему лучше

признавать ихъ пророковъ Ілію и Еноха, а не за беззаконныхъ нѣкихъ развратниковъ или предтечей антихристовыхъ. Сей самой добродѣтельной боголюбивой крестьянинъ не стерпѣлъ, на таковой величественной Праздникъ чтобъ насъ не посѣтитъ, и пріиде къ намъ къ самому празднеству, къ началу празднественному служенію, и принесъ намъ на плечахъ своихъ масла кравія¹, яицъ и нѣсколько млечнаго и здобнаго печенія; до толико же онъ благоговѣя къ намъ и уважая насъ, и чтобы не отяготити насъ своимъ у насъ присутствіемъ, того ради по окончаніи утренняго моленія, оставя намъ все принесенное и самъ не ядши, поиде обратно; но по отшествіи его много мы на самихъ себя скорбѣли, почто не удержали его съ нами трапезовать, и отъ таковаго его поступка познали его быти истиннаго служителя Божіаго, и оттолъ бысть онъ до скончанія своего вѣрнѣйшій о Бозѣ намъ другъ духовный. Мы же по отшествіи его, предлагая и вкушая принесенное отъ него брашно, ощущали нѣкое несказанное и душевное усладительное радованіе, разглагольствуя о благодати Божіей, яко Господь Богъ, яко Отецъ сердобольной и чадолубивой, промышляетъ о Своемъ созданіи. Не презрѣлъ и насъ грѣшныхъ и не стерпѣлъ оставить нас, быти намъ въ сѣтованіи въ Свѣтлое Его Воскресеніе, въ день всеобщей радости Ангеловъ и человѣкъ, и поистиннѣ велія радости и утѣшенія возчувствовали сердца наша, зря и къ намъ толикій Божій промыслъ.

По нѣколичихъ лѣтѣхъ пріяли къ себѣ въ сожитіе въ сосѣдство, по убѣдительной просьбѣ, мѣщанина старика таковаго, иже вседневно до безчувствія пѣнствова, общающе живя при насъ ниже когда прикоснутися вину; мы же, слыша таковое его обѣщаніе, помыслили: ежели его не пріяти и естли отъ пьянства умреть, и на насъ душа его взыщется. И чтобъ не препятствовать намъ, особъ келлію себѣ онъ построилъ. Господь Богъ до толико укрѣпи его — во все время сожитія съ нами и даже до кончины своея ниже мало вкуси вина. Потомъ вскорѣ и другаго старика пріяли — купца, которой и въ дому своемъ жилъ богоугодно, при насъ же живя, еще воздержнѣе свое житіе провождалъ, многжды говѣя, пятидневное неяденіе претерпѣвалъ, къ тому жъ былъ смиренъ, послушливъ и благопріятственъ, и мы радовалися о его житіи съ нами. Видя же мы, яко ихъ ради уже нѣколько молвистѣе житіе наше содѣлалось, того ради, по согласію Старца моего, азъ отъидохъ отъ нихъ и построихъ келлію за пять верстъ отъ нихъ въ таковомъ мѣстѣ, кое отъ всѣхъ странъ было неудобовосходное. Старецъ же мой Васиискъ остана при нихъ жити, ежебы управити ихъ по иноческимъ правиламъ, къ тому же и

¹ Кравія — коровьего.

Старець мой старости ради своея былъ слабъ и немощенъ. Сего ради я изъ моего удаленнаго мѣста прихождахъ къ нимъ на празднества, но и Старець иногда прихождаше ко мнѣ; но сколь желательно и любезно, и уважительно для меня его посѣщеніе, въ точности описать не могу, ибо онаго назначеннаго дня ожидаю яко нѣкоего торжественнаго дне, встрѣчаю съ радостными слезами, объемляся по благодареніи Богу преискренно дружественнымъ объятіемъ, словеса его сладятъ сердце мое, всѣ его предлагаемыя совѣты непреложными почитаю; сего ради всѣ мои предпріятіи и всякія мнѣніи предаю въ его разсужденіе, и что въ прошедшія дни происходило съ нимъ, такожде и со мною, другъ другу въ точности объясняемъ, и потомъ, усовѣтуясь на будущія дни, како и въ чемъ соблюли себе и коимъ руководѣіемъ заниматься, и каковое учрежденіе въ трапезѣ наблюдать. И тако онъ утвердя меня, провождахомъ время въ нѣкоемъ занятіи, и по отправленіи обычнаго богомоленія по приличію дня во обще трапезовахомъ; пришедшу же оному часу ко отхожденію ему отъ меня, тогда такожде съ самолющимися слезами провождаю его съ истиннымъ сердечнымъ печалованіемъ дальнее растояніе, разлучившеся же съ нимъ и возвратно идуще, не могу идти просто обычно, но отъ любви и вѣры моя къ нему убѣждаю ся, да моими недостойными ногами не ступаю по его слѣду, вѣруя, яко бы онемъ будетъ мнѣ на вспоможеніе. Возвратившися и вшедши въ келлію мою, тогда кои вещи держимы были его руками, цѣлую оныя, возводя мысленно къ нему мою горящую о Бозѣ любовь.

Множицею нощію спящу ми, якобы самъ онъ возбуждаше мя, и наиболѣе въ оныя часы, егда долженствуетъ на богомысліе воставать, и до толико явственно, яко слышу и шествіе его, голосъ же показуется точно его, самочистѣйшій и внятнѣй, гласно и явственно глаголя молитву сію: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ». Азъ же, слышавше таковой его голосъ, тако вдругъ пробуждаюся и бодрственъ дѣлаюся, якобы въ оное время былъ не спавшій, такъ что многажды отвѣтствую «Аминь», думая поистиннѣ его пришедша и стоящаго внѣ келліи. И многажды хотящу ми пойти, да дверь отворю ему, но послушавъ, вижу, яко нѣсть никого, и тако почти всегда во излишественномъ моемъ спаніи и егда въ должное время самъ не пробуждаюся, его молитвеннымъ гласомъ былъ возбуждаемъ, и до толико уже азъ привыкъ къ таковому подобнаго его голоса возбужденію, что когда возбужденъ буду, то самъ себѣ глаголю: «Не Старець мой прииде, но Ангелъ его возбуждающій есть въ таковомъ дружелюбіи». Азъ мое съ нимъ житіе провождахъ множае тридцати лѣтъ.

Дважды же было таковое на обоихъ насъ искушеніе, что вмалѣ единъ отъ другаго не разлучились навсегда. Первѣе сами недоумѣвали, отъ чего стали другъ со другомъ не согласны, и обои не находили праведныя и уважительныя между собою вины, еяже ради довѣло бы разлучитися другъ отъ друга, и оба познавахомъ сицевое наважденіе отъ непріязненнаго духа происходить. Сіе уразумевше, и Божіею помощію потщавшася другъ друга предпочитати, глаголюще другъ другу: «Ты оставайся на семъ мѣстѣ, азъ же во ину страну преселюся, да ты чрезъ то примиришися и будеши спокоенъ». И такового ради отъ обоихъ сторонъ единъ ко другому уваженія нашего и смиренія, вскорѣ преложилися на первое истинное усердіе и любовь другъ ко другу, и послѣ онаго несогласія многія лѣта проводили въ совершенно неразноственномъ согласіи.

Егда же я отъ нихъ преселился разстояніемъ на пять верстъ на ино мѣсто, тогда Старецъ мой сложился въ сердцѣ своемъ, еже бы ему млечныхъ снѣдей ниже рыбы не ясти никогда. И до толико за сіе со мною не согласовася, что даже низведеса въ великое негодованіе на мене, и навсегда хотѣлъ меня оставить и удалитися во ину страну, понеже я не благоволилъ къ таковому его предпріятію, разсмотрѣвая, яко чрезъ таковое его неяденіе можетъ всегдашнее происходить между нами преніе и несогласіе. Того ради, отъ житій и словесъ святыхъ заимствуя, предлагалъ ему увѣщаніи, глаголя, [стараясь] удержать его отъ сиеваго предпріятія, и Божіею помощію на всѣ его словеса и мнѣнія болѣе 3-хъ отвѣтовъ для незабвенія написахъ доказательныхъ о не полезномъ его предпріятіи и ему на разсмотрѣніе предлагахъ, многажды сказуя ему, что за малое вкушеніе млечныхъ и рыбныхъ брашенъ не будетъ осужденъ, и управляя себя неразноственно съ умствованіемъ и съ преданіемъ святыхъ отецъ, угоди́те есть Господу Богу, нежели не согласовать и намъ между себе и разноствовать отъ устава церковнаго положенія, яже предано ясти млечное брашно, ово въ честь и славу величественнаго праздника, ово на возраженіе и въ сопротивленіе еретическующимъ; и тако Божіею помощію склонилъ его съ совершеннымъ умирненіемъ совѣсти не разноствovati со мною. И сиево смущеніе и преніе продолжалоса между нами должае полугода; и послѣ сего поможе намъ Господь Богъ во все житіе наше и до кончины его пребыти другъ со другомъ въ неразноственномъ, единодушномъ, чистосердечномъ дружелюбіи.

Тако тамо намъ живуще и бывшу мнѣ во градъ Кузнецкѣ, одна вдова мѣщанка Онисія Конюхова, не знаю по какому, съ великимъ усердіемъ усердствовала ко мнѣ, прося, чтобъ я попеклся о ея спасеніи, сказующе: въ здѣшней странѣ монастырей

нѣсть, а въ Россію ей ѣхать далеко; обѣщая не препятствовать моему житію пустынному, но токмо дати ей правило, чтобъ по временамъ, посѣщая ея, вразумлять о иноческомъ пребываніи. Таковая словеса отъ нея услышавши, отвѣщаль ей о неудобности посѣщать ее въ городѣ живущую, и сказалъ ей о семъ: «Я со Старцемъ моимъ посовѣтуюсь». Онъ же, любовенъ будучи и желательствуя всѣмъ спастися, рече ко мнѣ: «Слава Богу, что такая находится, помогающая о спасеніи своемъ; можетъ быть, и иныя присовокупятся къ ней въ богоугодномъ ея намѣреніи, а наипаче посему, что въ сей странѣ нѣсть таковыхъ, чтобъ безмолвно о Бозѣ иночески жительствоваали». И повелѣ мнѣ рещи ей, чтобъ преселилася изъ града въ ближнюю деревню, стоящую при рѣкѣ Томъ, и потому будетъ удобно не пешеходно, но ладією ихъ посѣщать. Сіе она услышавши, охотно согласилася, потомъ же вскорѣ по предреченію старцеву, узнавши, другія дѣвицы къ ней присоединилися. Хотящу же мнѣ строити для жительства ихъ домъ, возвѣстихъ о семъ окрестнымъ жителямъ, и снисходясь множае чотыредесяти человекъ, и въ тойже самой въ единъ день построили и покрыли безъ всякаго платежа; такоже для обнесенія оградю болѣе тридесати человекъ приде и также въ единъ день оградю оградилъ безъ платежа.

Живущимъ же сестрамъ во устроенномъ домѣ, Старецъ же мой, разсмотрѣвая, за нужное призналъ, чтобы чаще ихъ посѣщать, ово нужно ради для нихъ строенія, ово для внушенія, како жительствовати имъ въ сходство правилъ иноческихъ. Сего ради отпускаше Старецъ меня къ нимъ по временамъ, напутствуя меня наставленіемъ и время назначая медленію пребыть у нихъ иногда на два или на три дни. Единою бывшу мнѣ у нихъ нужно было для нѣкоторыхъ потребъ пойти отъ нихъ ко Старцу и паки вскорѣ къ нимъ возвратитися; время же было хотя и зимнее, но погода воздушная была теплая, для скорѣйшаго же возвращенія испросихъ у пріятствующаго къ намъ жителя лошадь. И премѣнилася погода, и бысть хладъ и мразъ великій; возвращаяся же отъ Старца къ сестрамъ, узрѣхъ въ ономъ проливѣ, чрезъ которой былъ проѣздъ, умножившуюся воду отъ теплыя погоды, равно съ берегами наполнено водою и въ ту только ночь отъ сильнаго мраза крѣпко замерзло. Тутъ я много размышляхъ и сумнѣвахся переѣхать, но пробуя ледъ, показывался довольно толстъ и крѣпокъ, и тако, возлагаяся на благословеніе и молитвы Старца моего и сестръ моихъ, снисдохъ съ воза, чтобы было легчае, и поидохъ создади воза. И, не болѣе двухъ сажень отъ берега отъѣхавши, проломилась лошадь, и возъ на водѣ всплылъ, такоже и я обрушился весь въ воду. Тогда ухватился за возъ и не зналъ, что дѣлать, совершенно отчаялся жизни моя, понеже

обратиться взадъ невозможно ради окруженнаго льда, къ то-мужъ и боялся изъ рукъ моихъ отпустить возъ, не надѣяся но-гами дна достать, смотря на лошадь, всю до главы погруженную въ водъ, а далѣе идти ей или плыть не могущую ради цѣльнаго и крѣпкаго льда предъ нею неразломаннаго. Тутъ я сталъ себя ободрять, чтобъ не оробѣть, и дабы робостію не лишить себя жизни, началъ помышлять, яко Бога ради поѣхалъ во служеніе сестрамъ, и тако, аки бывши внѣ себя, сицевая размышляя и держася за возъ, ожидалъ, какой конецъ послѣдуетъ, не надѣяся въ живыхъ быти. Но вдругъ сверхъ чаянія лошадь сама собою, не терпя болѣе, поднялась на дыбы, и вдругъ на ледъ предъ со-бою бросилась, и тако своимъ паденіемъ разломывала предъ со-бою стоящій ледъ, хотя сама и вся погружалася въ воду и объ ледъ больно ударялася, но видя она успѣхъ свой, что подается впередъ, стала дерзновеннѣе и чаще подыматися и бросатися на ледъ. И тако отъ начала берега до другаго весь проливъ пролома-ла болѣе 30 сажень и на берегъ выльзла. Тутъ я отъ всего сердца моего благодарилъ Господа Бога, что еще не далъ мнѣ погибнути потопленіемъ и вразумилъ держаться за возъ, ибо естли бѣ от-сталъ отъ воза, а ногами не достая дна, неизбѣжно долженъ бы былъ погрузитися весь въ водъ и остатися подъ льдомъ. Видя же какъ себе, равно и лошадь, отъ хлада дрожащихъ, того ради не медля поѣхалъ, самъ же бѣжа за возомъ, но все платье стало на мнѣ замерзать и сдѣлалось какъ деревянное, а потому болѣе пѣшеходно идти невозможно было, и тако съдохъ на возъ и пріѣхалъ къ сестрамъ, нимало отъ мраза и хладнаго вѣтра не озябъ, понеже вѣтеръ и хладъ сквозъ обледенѣвшее платье не могъ продувать, и благодатію Божіею не токмо не поскорбѣлъ, но и чувствовалъ радованіе мирное въ сердцѣ моемъ, что таковое сестръ ради подъялъ.

Разсмотрѣвая же многія неудобности для нихъ жительства во ономъ мѣстѣ, за нужное почли въ какой-нибудь странѣ въ упраздненной монастырь переселитися. Того ради дали они мнѣ написанное отъ нихъ прошеніе приличествующее ко всѣмъ Преосвященнымъ, и съ онымъ прошеніемъ я во-первыхъ явился къ Tobольскому Архіепископу. Онъ же, благосклонно выслушавъ отъ меня объясненіе, согласился дать во своей епархіи въ городѣ Туринскѣ заштатной опустѣлой монастырь; но какъ онъ почи-тался мужескимъ, и того ради Преосвященный и совѣтовалъ мнѣ самому просить во Святѣйшемъ Синодѣ, объявляя на то со-зволеніе его Архипастырства. И съ таковымъ напутствіемъ отъ Преосвященнаго пріѣхалъ въ Санктъ-Петербургъ, явился ко всѣмъ членамъ Святѣйшаго Синода, и отъ всѣхъ ихъ на то полу-чилъ согласіе. Министръ же духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ

пріялъ весьма благопріятственно и обнадежилъ непременно оной монастырь превратить въ женской и по желанію сестръ отдать въ мое управленіе. И тако по докладу Его Императорскому Величеству, указомъ изъ Святѣйшаго Сѣнода обращенъ въ женской монастырь, и отдаша въ мое попеченіе и насмотрѣніе.

Такое же безпримѣрное мнѣ врученіе и уваженіе ко Старцу моему сотворено, понеже добродѣтельное и о Бозѣ подвижное постническое Старца моего житіе, и извѣстно было многимъ; и елико онъ смирялся и укрывался въ лѣсахъ и пустыняхъ, тѣмъ болѣе былъ вождельнъ для всѣхъ, и имя его было славно и похваляемо для всѣхъ. А посему и князь Голицынъ, бывшій тогда Министромъ духовныхъ дѣлъ, наслышанъ будучи о богоугодномъ его житіи, уважалъ и любилъ моего Старца, хотя лично и не зналъ его. Видя же, что многія лѣта живу при немъ неотлучно и единодушно, имѣя его своимъ наставникомъ, а онъ имѣетъ меня другомъ преискреннимъ, посему князь являлъ и мнѣ особенную благосклонность и довѣренность, ибо когда я, объясняя, просилъ для жительства сестрамъ моимъ сего монастыря, а сестры просили о врученіи мнѣ попеченіе и управленіе надъ онымъ, то князь спросилъ только, живъ ли мой Старецъ и благоволитъ ли онъ на сіе дѣло. И какъ только я показалъ ему на берестѣ Старца моего рукою написанное мнѣ свое благословеніе стараться о семъ дѣлѣ и что онъ не только благоволитъ на оное, но даже и просить Бога о успѣхѣ, князь же, взявши отъ меня сію написанную отъ старца бересту и прочтя, сказал, что все будетъ сдѣлано. Также и всѣ благотворители вспомошествовали и снабждали меня потому болѣе, что со Старцомъ живу толико лѣтъ и Старецъ мой благоволитъ мнѣ на сіе богоугодное заведеніе для спасенія сестръ; и не только благоволитъ, но и убѣждалъ меня на сіе — пецися о сестрахъ; а сестръ всѣхъ увѣщевалъ и утверждалъ не отставать отъ мене. Всѣ же мои обѣты, сотворяемыя съ сестрами, и всякія распоряженія и заведенія были съ совѣтомъ и по соизволенію Старца моего.

Егда же долженствовало мнѣ преселиться съ сестрами въ данной имъ монастырь, и ради устроенія монастырскаго, и при нихъ житьствовати, тогда, хотя и весьма Старцу моему было прискорбно растатися со своимъ пустыннымъ спокойнымъ житіемъ, но зная мою къ нему вѣру и любовь и видя возложенную на меня трудную обязанность, и нужно мнѣ его вспомошествованіе, того ради рѣшился неразлучно быть со мною; къ тому жъ, видя и сестръ, усердственно къ нему расположенныхъ, и всѣ совѣты и наставленія его съ вѣрою и благопріятственно принимали, много пользовались оными и утверждалися, и былъ любимъ и уважаемъ не токмо отъ сестръ, но и отъ мірянъ, иже и келлію для не-

го за семь верстъ отъ монастыря состроиша; и тамо уединенно живущу ему, сестры, вмѣстѣ со мною посѣщая его, со мною духовною пользою возвращались отъ него.

Но понеже весьма уже дряхль и немощенъ и ослабленъ старости ради своея, того ради двѣ зимы преселился для жительства въ монастырь, и первоначальная сестра Онисія служила ему.

Егда же сотворились крамола и несогласіе въ монастырь, тогда онъ Старецъ Василискъ много увѣщевалъ крамолствующихъ и недоброжелательствующихъ, а мирствующихъ утверждалъ пребыти непоколебимыми въ своихъ обѣтахъ. О произшествіи же крамолы и о разлукѣ моей со Старцомъ, о семь въ точности описано въ книжицѣ, составленной отъ дѣвицы Вѣры, именуемой Варвары Верховской.

И такъ, когда долженъ я былъ отъ монастыря удалиться и съ моимъ Старцомъ растатися, тогда пріидохъ къ нему, въ отшельствіи находящемся, и былъ многими словесы его увѣщаемъ и подкрѣпляемъ, и тако слезно, съ сердечнымъ общимъ печалованіемъ далъ мнѣ благословеніе, назнаменовалъ мене крестнымъ знаменіемъ, изъ обѣтій своихъ отпусти мене. Сиче разлучихся съ нимъ, оставихъ его уединенна единого. И по отъѣздѣ моемъ взяша его въ монастырь, и мало поживъ, возболъ, и предрече свою кончину. Каковы же въ немъ были чувства и дѣйствія молитвенныя по разлукѣ моей съ нимъ, а наипаче предъ самою кончиною и въ часъ его скончанія, азъ недостойный не сподобихся самолично отъ него слышати, понеже бывшего ради на меня доношенія, азъ отъ должности попечительскія отказался, и монастырь снятъ съ мене, и я, уклоняясь отъ большихъ непріятностей и уѣхалъ въ городъ Тюмень разстояніемъ за 260 верстъ. И тамо живущаго меня возвѣстили о кончинѣ его, и я поспѣшно прибылъ къ нему и обычно иноческое сотворилъ ему погребеніе, съ печалованіемъ и радованіемъ духа моего: скорбѣлъ и тужилъ, яко такового любимаго моего отца, наставника и друга духовнаго лишился; а радовался о вѣчномъ его блаженствѣ, зная извѣстно несумнѣнное его богоугодное житіе. Удивленія же достойно: безъ всякаго возвѣщенія почти весь народъ градской снидеся къ его погребенію.

При кончинѣ же его послужившій ему боголюбивой крестьянинъ сказа мнѣ о немъ сичевое: что во время его болѣзни и близъ кончины своей воспоминаше меня недостойнаго; незадолго же предъ скончаніемъ былъ яко отъ нѣкихъ истязуемъ, однако не печалаяшеся, ниже отчаяся, но благодушно надѣяся на милость Божію; былъ въ совершенной памяти и вкупѣ съ молитвою испусти духъ свой ко Господу Богу, Ему же отъ юности и въ

*Свято-Николаевский женский монастырь в г. Туринске.
У алтаря — часовня над могилой старца Василиска*

старости и до самаго скончанія съ любовію и простосердечіемъ, смиренномудренно послужи множае 80 лѣтъ.

При самомъ же скончаніи въ памятствѣ совершенномъ находился, а посему вѣроятно, яко былъ объятъ нѣкимъ великимъ дѣйствиемъ, ибо вконецъ уже изнемогшу ему, тогда помянутой крестьянинъ, служившій ему, крестилъ его, его же рукою, понеже Старецъ только самъ подымалъ, а отъ слабости не могъ уже до плеча доводить; того ради помаваніемъ заставлялъ, да руку его обноситъ на немъ крестообразно. Крестя же его рукою, видѣлъ перси его воздымающися и трепещущіе колебаніемъ необычно сильно; того ради приложилъ руку свою къ его персямъ и ощутилъ сердце въ немъ, столь сильно біющеея и метающеея во всѣ страны, чему весьма удивлялся сей служитель. И до самаго послѣдняго вдохновенія былъ въ устной и умной молитвѣ, и съ молитвою «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій» испусти

духъ тако, аки уснувъ, но по изшествіи духа еще долго сердцемъ трепеталъ, и по смерти своей оставилъ руку свою правую въ показаніе вѣмъ своего благочестія въ вѣръ: якоже крестился, сице и оставилъ сложенные три первыя персты большія вкупѣ сложенны, а послѣднія два меньшія пригнуты къ длани. Будучи же въ живыхъ, отнюдь не даде видъ свой шарами¹ изобразить отъ великаго смиренія. То уже послѣ кончины тако, какъ лежаше во гробѣ, совершенно сходственно написанъ, и съ сложенною его рукою.

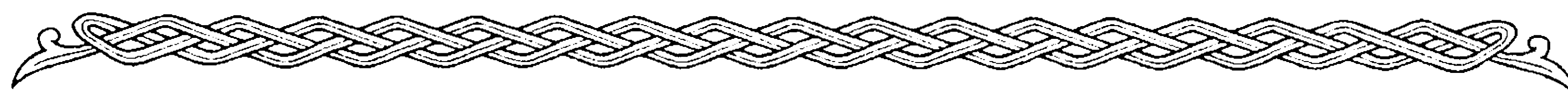
Преставился въ Tobольской губерніи въ городѣ Туринскѣ, во Свято-Николаевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ 1824-го года декабря 29-го дня въ 5 часовъ по полунощи, и погребенъ въ томъ же монастырѣ близъ соборнаго олтаря на северной странѣ, со множествомъ народа, по усердію къ нему сшедшимся.

Свидѣтельствуютъ же о его богоугодномъ житіи и облагодатствованной его душѣ самыя бывшія въ немъ молитвенныя дѣйствія, особенно[ю] книжицею написанныя въ 75 дѣйствіяхъ, которыя многими духовными иночествующими отцы разсматриваемы были еще при жизни его, такожде и по кончинѣ его, даже и Высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ Московскій соизволилъ разсмотрѣть, и согласно отъ всѣхъ одобрено.

Еще свидѣтельствуетъ житіе ученика его юноши Петра Алексеева, прозываемаго Мичурина, который его наставленіемъ и примѣромъ, великимъ постничествомъ и подвижно жизнь свою скончалъ, якоже въ особенной книжицѣ — его житіи — изъяслено.

Часто старецъ мой Василискъ подкрѣплялъ себя и прочихъ сицевыми благонадежными словесы: «Богъ есть премудръ, всемогущъ, богатъ и милостивъ, то что ни дѣлаетъ — уже не ошибется, но добръ творить; и понеже всемогущъ, то уже никто воли Его воспротивитися не можетъ; и понеже многомилостивъ есть, то помилуетъ и мене грѣшнаго; имѣя же богатства многа, то дастъ и мнѣ». И во все тридцатилѣтнее время моего съ нимъ житія не слышахъ отъ него самохвальныхъ словесъ, ежебы вознадѣяться ему отъ своихъ дѣлъ помилованія, но всегда надѣялся точію по единой Божіей милости быти помилованну. Егда сами пользующіися отъ его ублажаху его хвалами, онъ отвѣщаваше имъ: «Дай Боже, чтобъ мною пользовались, ибо Господу Богу слава и хвала, естли Онъ иныхъ мною пользуется; а мене ибо я заподлинно знаю себя многогрѣшна и ничего добраго отъ себе не имѣю».

¹ Шаръ — краска, цвет.

**МОЛИТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ СТАРЦА ВАСИЛИСКА
(ПОВЕСТВОВАНИЕ О ДЕЙСТВИЯХ СЕРДЕЧНОЙ МОЛИТВЫ
СТАРЦА ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ ВАСИЛИСКА)**

Автограф неизвестен. Печатается по рукописи середины XIX в. из собрания Троице-Сергиевой Лавры (эксlibрис: «Свято-Троицкой Сергиевой Лавры дополнительная библиотека. Опись 1906 г. Отдѣлъ 1. № 183»), хранящейся ныне в Отделе рукописей РГБ (ф. 304/II, № 183). Публикуемый список занимает листы 42–59 об. рукописной книги (22,5x18; переплет картонный), его предваряет «шмуцтитул»: «Молитвенные дѣйствія старца Василиска»; текст озаглавлен: «Повѣствованіе ученика Зосимы о старце Василиске, то есть о духовномъ его наставникѣ, безмолвствовавшихъ [так в рукописи] во отшельническихъ келіяхъ въ Сибирскихъ лесахъ»; в начале книги (лл. 1–41) помещено жизнеописание старца Адриана (Блинского), в схеме Алексія, духовного отца преподобных Зосимы и Василиска: «Жизнь блаженной памяти Спасо-Симонова монастыря схи-іеромонаха Алексія».

В Отделе рукописей РГБ в том же фонде хранится еще один список «Повествования» XIX в. из собрания Троице-Сергиевой Лавры (ф. 304/II, № 199; эксlibрис: «Свято-Троицкой Сергиевой Лавры дополнительная библиотека. Опись 1906 г. Отдѣлъ 1. № 199») — на лл. 93–135 об. рукописной книги (первые 92 листа книги занимает «Житіе монаха и пустынножителя Василиска, писанное ученикомъ его Зосимою Верховскимъ», публикуемое в настоящем издании).

Там же хранятся и два оптинских списка: 1) середины XIX в. (бумага 1839 г.) на 36 листах (20,7x16,9) под заглавием «Повѣствованіе о дѣйствіяхъ сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска, списанное его ученикомъ З. В.» (ф. 214, № 450; старый штамп: «Библиотека Козельск. Введенск. Оптиной пустыни отд. 1 № 45 главной описи»); 2) идентичный первому список, относящийся ко второй половине XIX в. (ф. 214, № 409; «Библиотека Скита Оптиной пустыни. Отдѣленіе 1. № 237»); в конце текста добавлено: «Прочетшему сію рукопись необходимо прочесть и слѣдующее примѣчаніе, написанное старцемъ Макаріемъ. Въ связи съ сею рукописью оно имѣетъ весьма большое значеніе»; далее на лл. 42–61 помещено «Предостереженіе читающимъ духовныя отеческія книги и желающимъ проходить умную Иисусову молитву» с припиской в конце: «Сіе предостереженіе составлено Великимъ Старцемъ Оптиной Пустыни Іеросхимонахомъ О. Макаріемъ и помѣщено въ приложеніи къ 1-му тому писемъ сего Старца къ монашествующимъ. Москва. Изданіе 1862 года, стр. 358 и 380».

Еще два списка «Повествования» находятся в Отделе рукописей Государственного Исторического музея: Епархиальное собрание, № 874 а–б (в Епархиальное собрание эти рукописи включены в 1931 году в

составе коллекции Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, поступившей в ГИМ в 1927 году). Первый список (№ 874а), озаглавленный «Повѣствованіе о дѣйствіяхъ сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска, списанная [так в рукописи] его ученикомъ Зосимой схимонахомъ Верховскимъ», помещается на лл. 1–47 (21,5x17) рукописной книги иеромонаха Парфения (Агеева; 1807–1878), строителя Берлюковской Николаевской пустыни (1856–1858), основателя и игумена Спасо-Преображенского Гуслицкого монастыря (1858–1872); на титульном листе запись: «Библиотеки строителя іеромонаха Пароенія № 69»; за «Повествованием» на лл. 48–56 следует написанное той же скорописью «Наставленіе старца Василиска пустынножителя», публикуемое в настоящем издании. Второй список под тем же названием, что и первый (с изменением лишь формы имени автора: «его ученикомъ Зосимомъ...»), содержится в составе рукописного сборника, включающего также: «О покаяніи. Симона блаженнаго архієпископа Оессалоникійскаго (глава 261)» (со ссылкой на источник: «Воскресное чтеніе 1856/7 г.»), «Иже во святыхъ отца нашего Іоанна Златоустаго архієпископа Константинопольскаго. Толкованія на Дѣянія святыхъ апостоловъ», «Хрисанфа блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго бесѣды». Список занимает лл. 1–55 (18x11), на последнем листе запись: «Конецъ повѣствованію. Окончено 30 сентября 1858 г. во обители Берлюковской–Моск.»; возможно, для библиотеки пустыни переписан из упомянутой книги иеромонаха Парфения.

«Повествование» в 40-е годы XIX в. стало предметом специального аскетического трактата, также распространявшегося в списках: «Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов». Анонимный составитель включил в текст своего сочинения «Повествование» в переводе на русский язык, сопроводив своими комментариями описание 75-ти молитвенных действий — как «верный образец созерцательной жизни, явившийся в нашем времени, совершенно подобный внутренним упражнениям древних духоносных отцев». Недавняя публикация «Памяти о молитвенной жизни старца Василиска» по машинописной копии из Парижской Славянской библиотеки, подготовленная А. М. Пентковским, стала, таким образом, первой публикацией «Повествования» (правда, с сокращениями и местами не в переводе, а в свободном изложении)¹. А. М. Пентковский установил, что составителем трактата был иеромонах Арсений (Троепольский; 1801–1870), принадлежавший к «кругу друзей» святителя Игнатия Брянчанинова и следовавший литературно-аскетической традиции, связанной с именем святителя. Трактат «Память о молитвенной жизни старца Василиска» и был той «рукописью неизвестного писателя», которая побудила преподобного Макария Оптинского написать «Предостережение читающим духовные отеческие книги и желающим

¹ См.: А. М. Пентковский. Кто же составил Оптинскую редакцию рассказов странника? // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. Декабрь 1994 г. № 32. С. 259–340.

проходить умную Иисусову молитву»: именно в нем приведены «доказательства, приспособленные из книг отеческих» (тогда как «опасная сторона по сему предмету умолчана»); составленное же преподобным Зосимой «Повествование о старце Василиске» таких доказательств не содержало, но сводилось лишь к описанию 75-ти действий молитвы.

В начале своего сочинения Арсений Троицкий привел краткий очерк жизни старца Василиска (см. вводную заметку к «Житию монаха и пустынножителя Василиска», с. 101 настоящего издания), извлеченный, как он пишет, «из полного жития его, напечатанного в журнале «Москвитянин» в 1842 году». Но ни в 1842 году, ни в предшествующие и последующие годы такой публикации в «Москвитянине», как оказалось, не было. Чем же тогда объяснить упомянутую ссылку у Арсения Троицкого? В Центральном историческом архиве Москвы в фонде «Московская духовная цензура» сохранилось «Дело о неодобрении к напечатанию рукописи “Повествование ученика о старце Василиске, бывшем в Сибирской пустыне”, поступившей из Московского Комитета гражданской цензуры. 30 апреля–5 мая 1842 года» (ф. 2393, оп. 1, д. 1824). Как явствует из документов дела, эта рукопись, «назначаемая для помещения в литературном журнале “Москвитянин”, содержала «Повествование о действиях сердечной молитвы старца Василиска» (тогда как о Житии старца в деле не упоминается). Рукопись поступила в Московский комитет для цензуры духовных книг уже в корректурных листах под заглавием: «Психология. Повествование ученика о старце Василиске, бывшем в Сибирской пустыне» и была передана (без указания имени автора) на рассмотрение наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Антонию (Медведеву). Архимандрит Антоний знал и раньше труд преподобного Зосимы: «Полученные 75 глав сходны с написанными старцем Зосимой», — пишет он в своем заключении о рукописи, адресованном члену комитета протоиерею Петру Делицыну. И все же архимандрит Антоний не рекомендовал печатать «Повествование» в литературном журнале, мотивируя свое мнение тем, что «читателей светских, не знакомых с подобными упражнениями и действиями» лучше «не вводить в грех неправого суждения о действии Благодати Божией» (лл. 3–4). Вслед за тем 5 мая 1842 года комитет вынес решение о неодобрении к напечатанию рукописи в «Москвитянине».

Ссылка у Арсения Троицкого на несостоявшуюся публикацию в журнале «Москвитянин», таким образом, дает основание датировать его трактат «Память о молитвенной жизни старца Василиска» временем, когда он еще не знал об отрицательном решении цензурного комитета и, напротив, был совершенно уверен в том, что труд преподобного Зосимы увидит свет в журнале в 1842 году, — то есть временем до 1842 года (а не 50-ми годами, как предполагал А. М. Пентковский). О предстоящей публикации в «Москвитянине» Арсений Троицкий мог знать (и даже видеть корректурные листы) как заинтересованный читатель, если не предположить большее — что он так или иначе был причастен к делу ее издания. Если труд преподобного Зосимы намеревались издать в подлиннике, то возможно, что именно он, как фило-

лог, готовил его к печати. Но вполне вероятно предположить, что он выполнил для «Москвитянина» перевод сочинения старца на русский язык (и с тем бóльшим основанием включил его затем в текст своего трактата). Во всяком случае в этот период иеромонах Арсений находился в Москве: с 1837 года он состоял в братстве Заиконоспасского монастыря, затем — в Московском комитете для разбора просящих милостыни, где служил в церкви и преподавал призирающимся духовные поучения «с отличной ревностью и благим успехом», а как раз с 1842 года (по 1847-й) он исправлял должность наместника в Симоновом ставропигиальном монастыре¹.

В Симоновом монастыре хранился список «Повествования о действиях сердечной молитвы старца Василиска», несомненно, связанный с изложенным выше. Приводим полностью его описание, относящееся к 1910 году:

«№ XXXVI. Повествование о старце Василиске Сибирском, на 35 лл., рз. 21,2x17, в один столб., пис. скорописью XIX в., в папке с зол. обрез.; на папке шестиугольный ярлычок с назв. книги.

л. 1^а. *Повествование ученика о старце (и помельче, по-видимому, другой рукой) Василиске, бывшем в Сибирской пустыни.* Выше титула скорописью в левом угле: «*перед статьею Г. Баршева*» и правее карандашом: «*наука психологии*», а внизу листов 1^а и 1^б также карандашом: «*Редактор получил эту статью от одной достопочтенной особы, при следующем письме: Вы поместили в № 3 Моск... известий о подвигах старца Серафима. Полагаю, что для Ваших читателей приятно будет, особенно в теперешнее... время, прочесть описание одного из примечательных состояний души, посвятившей себя Богу, приятно не только в смысле духовном, но и антропологическом*». Карандашные приписи как будто руки Филарета, митрополита Московского.

В 75 рубриках изображены действия молитвы на сердце старца Василиска, преимущественно ее сладость»².

(Далее для примера полностью процитировано описание 51-го действия, приведены сведения о месте погребения старца Василиска и в конце добавлено: «*Наш ученик Василиска — Зосима Верховский*».)

Список этот, к сожалению, утрачен (из каталога коллекции Симонова монастыря, хранящейся в Отделе рукописей Государственного Исторического музея, рукопись была исключена 20 мая 1955 г., ордер № 582; неясно, однако, что именно удостоверялось тем самым — отсутствие рукописи на месте или ее изъятие из фонда), но можно с уверенностью полагать, что как раз по этому списку были набраны поступившие в цензурный комитет корректурные листы — судя по тому, что в них повторено заглавие списка, причем с указанием той же журнальной рубрики, которая обозначена на титульном листе списка («наука

¹ См.: А. М. Пентковский. Указ. соч. С. 263.

² Н. Попов. Собрание рукописей московского Симонова монастыря. М., 1910. С. 53–54.

психологии»): «Психология. Повествование ученика о старце Василиске, бывшем в Сибирской пустыне». В таком случае, доверяя, безусловно, мнению Н. Попова, узнавшего в «карандашных приписях» симоновского списка руку митрополита Филарета, остается следующим образом представить предпринятую в 1842 году попытку опубликовать «Повествование ученика о старце Василиске» в «Москвитянине». Редактор журнала М. П. Погодин (или кто-то из его помощников, например И. В. Киреевский) передал поступившую в редакцию рукопись на отзыв митрополиту Филарету — зная, что тот покровительствовал старцу Зосиме и еще при жизни последнего читал (и одобрил) его сочинение (о чем, как мы знаем, сам старец написал в «Житии монаха и пустынножителя Василиска»: «Свидетельствуют же о его богоугодном житии и обласканный его душе самые бывшие в нем молитвенные действия, особенно книжицею написанные в 75 действиях, которых многими иночествующими отцы рассматриваемы были еще при жизни его, также и по кончине его, даже и Высокопреосвященный Митрополит Филарет Московский соизволил рассмотреть, и согласно от всех одобрено», см. с. 157 настоящего издания). Святитель, приняв рукопись, сделал для памяти запись карандашом на лл. 1^а и 1^б («Редактор получил эту статью от одной достопочтенной особы при следующем письме...» — см. выше) и по рассмотрении уже знакомой ему работы вернул рукопись в журнал с рекомендацией к печати, наметив карандашом на титуле рубрику, которой она, по его мнению, соответствовала: «наука психологии». Рукопись была набрана и заняла свое место в журнале, определенное редакторской пометкой на титуле: «Перед статьей Г. Баршева». Московский комитет гражданской цензуры, куда поступил подготовленный номер журнала, препроводил сочинение преподобного Зосимы в корректурных листах «на уважение Духовной цензуры». Там, вероятно, было известно об одобрении митрополита Филарета, и рукопись в корректурных листах сочли нужным направить на рецензию архимандриту Антонию. 5 мая 1842 года три авторитетнейших члена Московского комитета для цензуры духовных книг — Вифанской семинарии ректор архимандрит Агапит, профессор философии протоиерей Феодор Голубинский и профессор математики протоиерей Петр Делицын — приняли решение о неодобрении к напечатанию рукописи в «Москвитянине», положив в основу составленного ими заключения слова из отзыва архимандрита Антония (Журнал заседаний Московского комитета для цензуры духовных книг за 1842 год. — ЦИАМ ф. 2393, оп. 1, д. 51, лл. 39–40). «Достопочтенной особой», предложившей опубликовать в журнале «Повествование ученика о старце Василиска» был, конечно же, Арсений Троепольский. В 1842 году он стал наместником Симонова монастыря и, прочитав в № 3 за этот год «Москвитянина» (с. 201–205) одобрительную заметку о только что вышедшем «Сказании о жизни и подвигах блаженных памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника» (М., 1841), решил предложить журналу рукопись из монастырского собрания, которая затем, со знаменательными пометками, снова вернулась в обитель.

По списку, недавно обнаруженному экспедицией по собиранию памятников православной книжности и литературы Польши (в границах 1918–1939 гг., то есть на территории современной Польши, западных областей Беларуси и Украины), это сочинение старца Зосимы опубликовано в книге: Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская. Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. М., 1999. С. 114–139. Список относится к окружению Леснинского женского монастыря, датируется межвоенным временем, но восходит, как подчеркивают публикаторы, непосредственно к авторскому рукописному оригиналу. Текст ближе всего к публикуемой нами лаврской рукописи № 183, но озаглавлен иначе: «Сказание о дивных случаях монаха Василиска при прохождении внутренней Иисусовой молитвы, писанных в оное время учеником его — монахом Зосимой».

В 2000 году в журнале «Русский паломник» (№ 21–22, с. 35–41), издаваемом игуменом Германом Подмошенским, был опубликован еще один, неполный, список «Повествования», хранившийся у афонского старца схимонаха Никодима. Этот список был сделан в мае 1931 года иеромонахом Софронием (Сахаровым) с рукописи, которая в конце имела запись: «По случаю переписка этой рукописи окончилась 48-м действием, а подлинная рукопись заключает в себе 75 различных благодатных действий, которые испытывал старец Василиск во время умно-сердечной молитвы. Св. Афон. Августа 1-го дня 1899 г.». Неизвестно, кому — отцу Софронию или предыдущим переписчикам — принадлежат примечания к действиям и русский перевод текста (отличные от комментариев и перевода иеромонаха Арсения Троепольского).

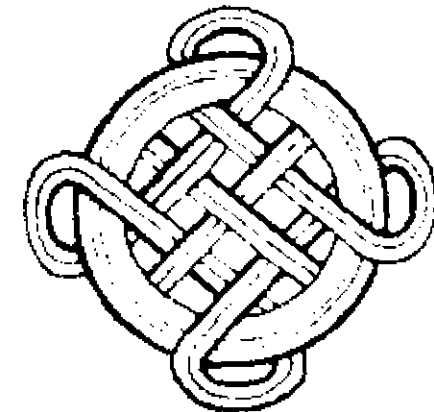
Наконец, в самое последнее время русский перевод («адаптация к современному русскому языку», как сказано в предисловии к публикации) «Повествования», выполненный сестрами Ново-Тихвинского женского монастыря по рукописи из собрания Оптиной пустыни (Отдел рукописей РГБ ф. 214, № 409), издан в сборнике «Ключ разумения. Русские подвижники благочестия о молитве Иисусовой» (Москва–Екатеринбург, 2003. С. 268–299).

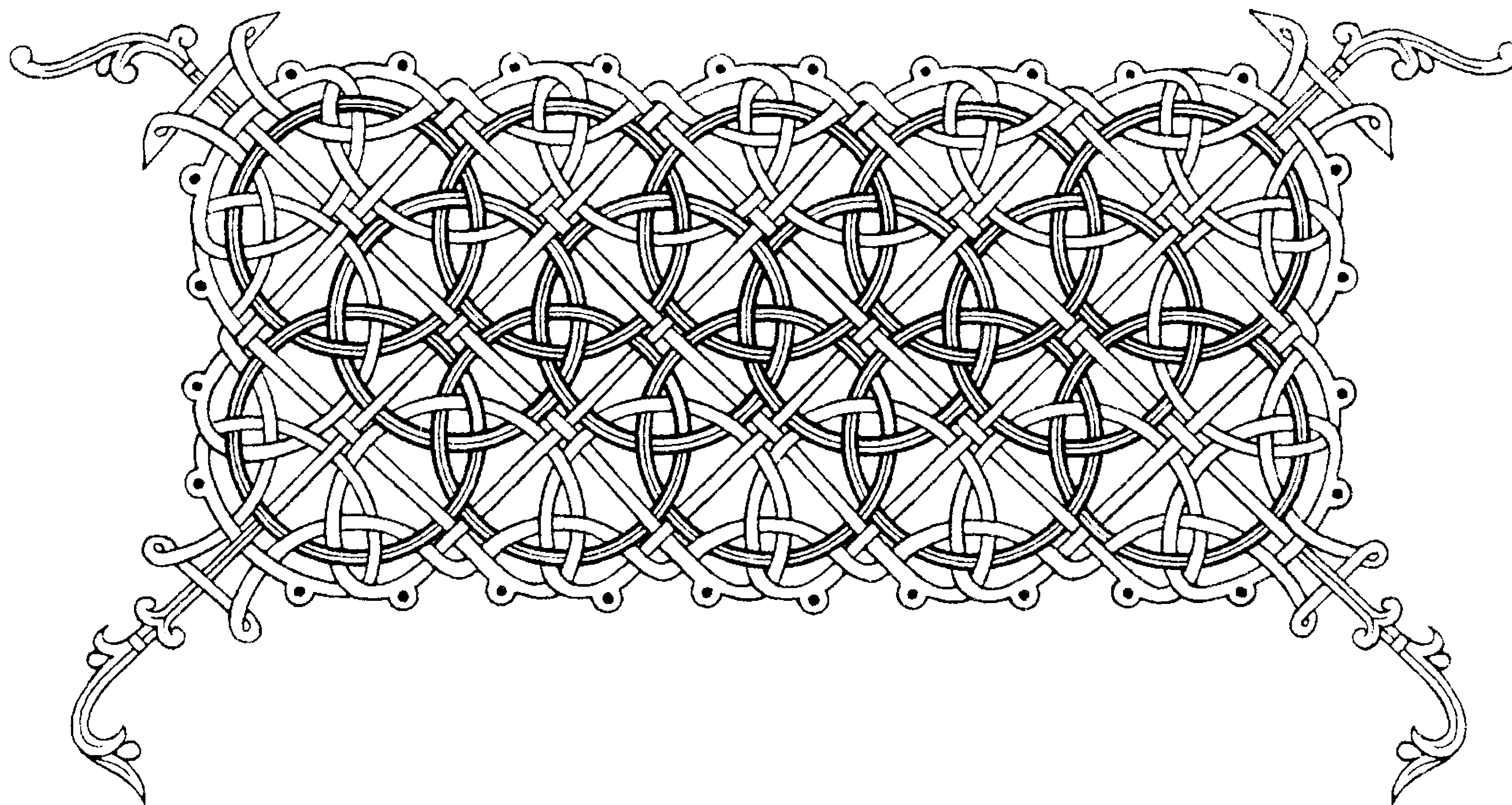
О том, как и когда создавалось «Повествование ученика о старце Василиске», отец Зосима подробно написал в «Житии монаха и пустынножителя Василиска» (см. с. 132 настоящего издания): старец Василиск, «не утаевая», открывал ему, сподвижнику и ученику своему, «о действиях, бывающих с ним во время умной сердечной молитвы», сам прочитывал и поправлял записи его, но просил держать их в тайне, «дондеже пребудет в житии сем», что отец Зосима и исполнил. К работе над текстом «Повествования» преподобный Зосима возвращался и незадолго до своей кончины. Об этом есть свидетельство в описании 58-го действия: он пишет, что может теперь открыть имя упоминаемого там богодухновенного великого старца, поскольку тот уже скончался, — речь идет о Василии Белобережском, умершем в 1831 году.

Текст рукописи публикуется без сокращений и изменений, сохранена орфография списка — в частности письмо без *ѣ*; обозначение мягкости *ч* перед *у* и *а* (*чувствуетъ, полчяса, до плеча, почаству, воскричя*,

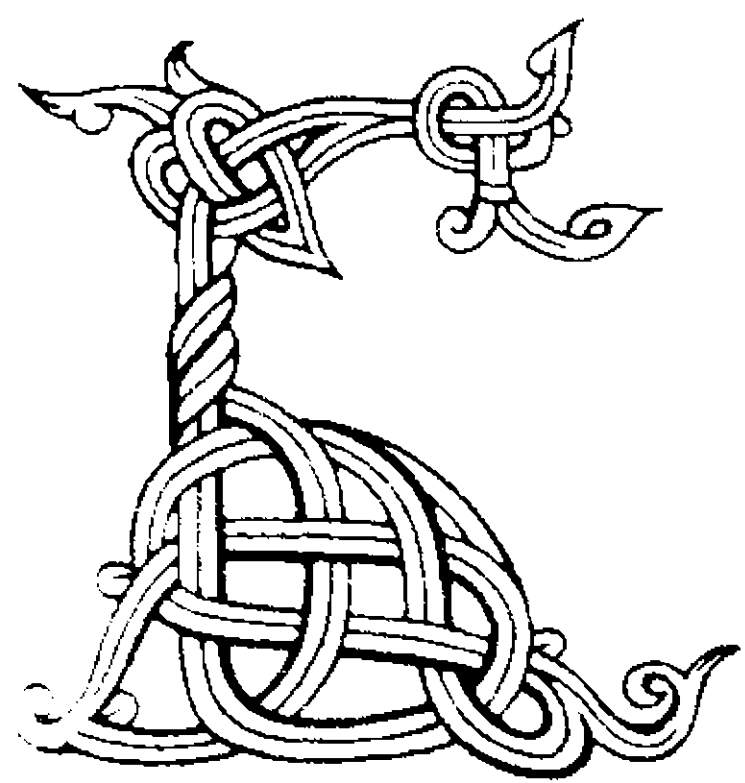
умоляхъ, начять, скончаіи и под.). Под строкой приводятся некоторые значимые разночтения по списку из оптинского рукописного собрания (ф. 214, № 409) — *Опт.*, другому списку из лаврского собрания — *Л 199*, опубликованному леснинскому списку — *Лесн.* К последнему списку — из Леснинского монастыря — публикуемый лаврский список обнаруживает наибольшую близость (и среди прочего — по наличию характерных архаизмов, присущих живому говору старца: *размысль*, *жадати*, *частея* «чаще» и др.). Заметим, что начертанием некоторых букв (в частности, *ж*, *т*, *е*) скоропись публикуемого списка напоминает почерк преподобного Зосимы.

Примечания сделаны редактором.

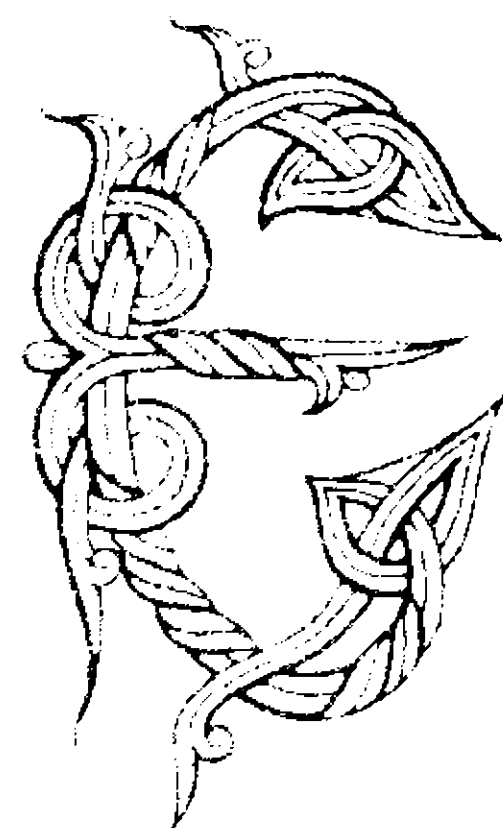

МОЛНТВЕННІЕ ДѢЙСТВІЯ
СТАРЦА ВАСИЛНСКА.
ПОВѢСТВОВАНІЕ УЧЕНИКА ЗОСИМЫ
О СТАРЦЕ ВАСИЛНСКЕ, ТО ЕСТЬ
О ДУХОВНОМЪ ЕГО НАСТАВНИКЕ,
БЕЗМОЛВСТВОВАВШНХЪ
ВО ОТШЕЛЬНИЧЕСКНХЪ КЕЛІЯХЪ
ВЪ СИБИРСКНХЪ ЛЕСАХЪ

лагословеніемъ и благодатію, и человеколюбі-
емъ Господа нашего Іисуса Христа, сподобихся
азъ грешный отъ устъ Старца моего слышати,
еже онъ любве ради моя къ нему, не утаева
открывалъ ми грешному о дѣйствіяхъ, съ нимъ
бывающихъ во время сердечной молитвы, въ
нейже онъ предъусе о Господе нашемъ.

О ПЕРВЫХ ДЕЙСТВІИ 1)

гда онъ мой Старецъ, познавъ о сей сердечной молитве, зане прежде о ней не веде, порадовася яко таковое вниманіе есть средство удержати умъ въ молитве, и въ единыхъ Божіихъ размыслехъ¹ коснети. И тако начя въ ней подвизатися, дотолико яко многаши въ великое изнеможеніе отъ долгаго въ ней понужденія приходити ему. И чрезъ то наводя сердцу болѣзнь велію, дотолика, что уже невозмогая боліе не токмо въ сердце производити молитву, но ниже ходити, ниже стояти, ниже сидети, отъ неслосныхъ болѣзни сердца. Но долго время лежа на одре, едва болѣзнь отъ него отхождаше, и пришедши паки мало въ силу, ²паки въ ней сердечной молитве упражняшеся, зельне нудяся². И видя чрезъ то упущеніе чтенію, и пенію псалмовъ³, и недоумеваяся: угодно ли сіе Богу таковое его моленіе въ седеніи. И велми о семъ смущашеся, зане не имель другаго стаинника, съ нимже бы имель о семъ разсужденіе, токмо единого мя грешнаго. Приложилъ великое воздержаніе въ пици, и сне, и усердно помолився о семъ, дея паки по обычаю. И абіе изліяся внезапно въ его сердце неизреченная сладость и любовь къ единому Богу, и забылъ вся века сего. И велми о семъ необычномъ утешеніи онъ удивился, яко самъ поведи ми недостойному. Толико, рече, быхъ услаждаемъ и утешаемъ, яко не мнѣхъ быти что боліе какъ въ Царствіи Небеснемъ. И отътоле бысть ему разныя действія, и чистая молитва.

2) Иногда при чистой молитве яко что весма хорошее ястъ.

3) Иногда яко что изливается изъ сердца вонъ со сладостію.

4) Иногда кипитъ въ сердце отъ чрезмерной сладости.

5) Иногда чувствуетъ себе тако легка, яко воздушна, и якобы летающа утешно.

6) Иногда, разсуждая о сладости и утешеніи яже бывають ему, и непщева⁴, яко самъ себе толко утешаетъ, а не Богу молится, зане умъ его въ сердце, а не въ небесахъ предъ Богомъ предстоить. И абіе восхоте умъ къ Богу вознести, и се зритъ умъ свой яко облакъ подобіемъ, и возлетающъ на небо къ Богу. И тогда въ сердце уже не ста молитвы⁵, дондеже умъ возвращаея паки въ сердце внидетъ. Но точію едина сладость утешителна въ сердце ощущалася.

¹ размышленіяхъ *Опт.*

²⁻² паки усильно углубляя себя во умномъ вниманіи сердечныхъ молитвы *Опт.*

³ Псалтыря и Канонов *Опт.*

⁴ помышляетъ *Опт.*

⁵ молиться *Опт.*

7) Иногда, разсуждая и размышляя о словахъ Господнихъ во Евангеліи, яже жене самаряныне глагола: *Иже несть отъ воды, юже Азъ дамъ ему... будетъ въ немъ источникъ воды текущъ въ животъ вечный*¹. И отъ сего размышленія сладость велія изливашеся² въ сердце его.

8) Иногда и отъ другихъ во Евангеліи повествуемыхъ словахъ размышляя ощущалъ подобныя же сладостныя действія. И потому ради множества оныхъ и сходственности не записывалъ.

9) Иногда чувствуетъ всего себя во молитве, то есть во всехъ удесехъ и частехъ, и членахъ молитву саму о себе творящуюся. И внимая действию оному, не отъторженъ былъ отъ простертія къ Богу, и о семъ удивляясь утешался. И таковое действе бывало съ нимъ неоднократно.

10) Иногда, сидя долгое время въ единой точію молитве углубленне яко часа четыре и должае, и абіе внезапно возчувствуетъ непреуподобленную сладость³, услаждающую, такову что уже боліе и молитва не творится, но только чрезмерною любовію ко Христу пламенеитъ.

11) Иногда отъ великаго внутреннего духовнаго о Бозе радованія и многія чувствуемая въ сердце сладости и любве безмерныя, чувствуемая ко Христу, недоумеваетъ, кѣими словесы именовать Господа нашего Иисуса Христа. Ибо сею молитвою, глаголемою Иисусовою, мнится ему мало именовать тако, и о семъ жалея и болезнуя, яко невестъ како именовать, бываетъ безъ молитвы, то есть глаголы молитвенныя утаеваются, и не видятся; а только едина сладость зелье кипитъ, и обуреваютъ внутри сердца его, и отъ чрезмернаго вренія⁴ преизливается вонъ изъ сердца, подобіемъ аки рекою.

12) Иногда потщится вообразити Христа Господа младенцемъ, и абіе весь сладостію исполняется.

13) Иногда отъ великія молитвенныя сладости, и за утешеніе многое, пребываетъ сидя во вниманіи умнаго чистаго моленія до шести часовъ и боліе.

14) Иногда отъ чрезмерной любви ко Господу Богу, и свое помышляя недостойнство, сами изъ очій слезы умилителныя точются.

15) Иногда, нестерпемая многія внутреннія сладости, и аки оживотворителныя ⁵некія силы и духовныя радости⁵ внутри сердца, слезы испускаются обильно.

¹ См.: Ин. 4, 14.

² разливается .Л 199

³ радость *Опт.*

⁴ вренія — кипения.

⁵⁻⁵ некія духовныя радости *Опт.*

16) Иногда приходитъ сицевая сладость, не токмо сердце наполняетъ, но и все члены и составы преисполняетъ, и во всей крови аки кипитъ, и несть того места, въ немже бы не чувствовалася таковая чуднодействующаяся непостижная сладость, до толико, что сердце отъ нестерпенія делается трепетно.

17) Иногда не токмо сердце трепещетъ отъ таковыя умноженныя безмерно неизреченныя и нестерпимыя сладости, радости и распаленныя любви къ Богу, но и все тело трепещетъ и колеблется подобіемъ именуемая трясавичныя и лихорадочныя болезни, но безболезненно; и такъ сильно колеблется всемъ теломъ, что едва сидети можетъ.

18) Иногда при таковой вышесказанной утешительной сладости и трепете сердца и всего тела, уже не имеютъ молитвы, ниже силы молиться, или власти ее производить, колми паче тогда отрешенъ отъ всехъ помышленийъ века сего. И бываетъ уже безъ всего, токмо единою утешительною сладостію весь аки обліянъ или погруженъ. И тако весь чисте привзять и углубленъ въ любовь Божію.

19) Иногда самъ дремля или обычно спя, но молитва сама собою въ сердце усладительно действуется, и явственнo, сиречь, чисто въ сердце гласитъ.

20) Иногда съ иными разглаголюя, и разсуждается некое уважительное, такожде когда ястъ, и піетъ, сидитъ, или ходитъ, а молитва непрестанно услаждая въ сердце сама творитъ.

21) Аще когда вопрошахъ Старца: како иматъ молитву? И извѣстоваше тако, сказуя: ныне не вемъ, аще бы когда молитва въ сердце не творилася.

22) Толико ему отъ Бога сія молитва даровася, яко единойды восхоте искуситися и пребыти въ ней двенатцать часовъ, не востая и не претавая бодрсвенно, не толко не отягчися, ниже ызнеможе, ниже стужи си; но сладость молитвенная можетъ быть еще продолжаяся удержавала бы его доліе, естлибъ я не прервалъ ему приходомъ моимъ. И видехъ его лицемъ измененна, умиленна и обрадованна.

23) Иногда толикая радовательная сладость и утешеніе палящее любовію Божіею въпадаетъ въ его сердце, тако, что недоумеваетъ, какими словесы изъявить или къ чему превменить¹; потому и утаенно отъ мене недостойнаго.

24) Иногда наивеличайшею любовію ко Христу и сладостію объять будучи отъ силнаго онаго действія, ощутително чувствуетъ, яко самага Христа Господа во образе младенца въ сердце

¹ примѣнить *Опт.*, привмѣнить *Л* 199

своемъ, Его же умне обзирая, объемлется умилителне радовательнымъ утешеніемъ.

25) Иногда отъ великія любви ко Христу, и отъ неизреченныя сладости, радости со утешеніемъ, и отъ такового совокупленнаго изъ сихъ сильныхъ ощущеній действія уже не младенствующаго, но въ совершенномъ возрасте, яковъ пребывалъ на земли, чувственно¹ объемлетъ въ сердце, яко друга, Христа Господа. И сіе действіе находитъ не отъ воображенія: ибо онъ, будучи весма смиренъ, никогда не дерзалъ помышлять о семъ, чтобы ему явился Христосъ Господь Богъ.

26) Иногда изъ всехъ жилъ и составовъ и костей зело ощути-тельно и явственно, яко некія источники безмерной сладости текутъ въ сердце, со извещеніемъ: яко сіе ему отъ благодати милостію Божіею. И хотя отъ великаго своего смиренія не принималъ, но и отвергалъ оное, но и невольно ощущалъ таковое извещеніе.

27) Иногда изъ сердца подобнымъ образомъ изливается таковая же сладость, съ таковымъ же ощущеніемъ, во вся члены, жилы и составы.

28) Иногда, сидя углубляясь въ молитве, побеждается естественнымъ изнеможеніемъ. И усыпаетъ тонкимъ сномъ, бываетъ въ виденіяхъ различныхъ духовныхъ, отъ нихъ же изъ многихъ сіи памяти достойныя.

Зритъ, яко носитъ младенствующаго Господа нашего Іисуса Христа, и повелевается ему едино сіе имети дело, еже носити Христа, дондеже возрастетъ, то есть во всю жизнь до смерти, хотя и пріяти имать Его ради поношеніе, но Онъ Господь Самъ охранитъ его. И тако пробудясь, отъ радости любви и благодарности къ Богу, многія надолзе проливаетъ слезы.

Иногда созерцаетъ яко рай, то есть утешительныя несказанныя красоты жилища, и дома, и места и, возбудившись, уми-лительнейше много слезъ испускаетъ.

Такожде иногда видитъ страшныя разнovidныя позорища², и мучительныя места³, и муки, и возбуждъ отъ сего сокрушенно печалуетъ и надолзе плачетъ.

Въ таковыхъ сонныхъ виденіяхъ иногда зритъ аки отъкровеніемъ будущая, быти имущая грешнымъ и праведнымъ воздаянія. Но обоя оная недоумя изъяснить, сказуя: неисповедима та быти — грешнымъ за страшную ужась и нестерпимую мучительною лютость, а праведныхъ за превосходную⁴ славу и неизречен-

¹ чувствительно *Опт.*

² позорища — зрелища.

³ мучительныя места — места мучения (грешников).

⁴ пречудную *Опт., Леси.*

ную сладость. Иногда же предъзнавал и некоторыя перемены въ своей жизни и другихъ отцевъ, которыя по времени исполнились.

29) Иногда отъ долгаго сѣденія возболитъ сердце, и самъ весь изнеможетъ, и уже не чая получить некоего дѣйствія, бываемаго отъ молитвы, ниже возмогая даліе молитву продолжать. И се вдругъ нечаятельно нападаетъ дѣйствія молитвы съ неизреченными утешеніями, и ту абіе вся болѣзнь изъчезаетъ и бываетъ здоровъ въ сердце, и мужественъ во всемъ теле, и молитва чистѣйшая истекаетъ, съ яснымъ выраженіемъ молитвенныхъ словъ.

30) Иногда весма жадаеть¹ и крайне тщится изъобрести сицевое некое божественное размышленіе, имже бы возмоглъ произвести въ себе молитвенное дѣйствіе и размышленіе. И того ради усиленнымъ вниманіемъ чистѣйше внемлетъ умне простертіемъ къ Богу внутрь сердца своего. Но все таковыя усилія свои видя тщетными, известуется, что бываемыя съ нимъ дѣйствія происходятъ наипаче какъ по милости Божіей.

31) Бысть единожды, яко светъ осеялъ надъ главою его, и распространялся простираясь къ небесамъ, а по оному свету аки цветы являлися наподобіе прекрасныхъ маковыхъ цветовъ. Ибо не вѣсть, чему оныя преуподобити, и не возможе отнюдь тогда молитвы производить, но отъ чрезмерно усугубленной² сладости, аки сильно вреющейся и кипящей въ сердце и во всемъ теле, и отъ нестерпенія великія сжиманія творить. И не стерпевая оной сладости множества, аки во изступленіе пріиде, ожидая, что после сего последуетъ. И начя утихати и умятися виденіе света. И по утишіи всего света, паки аки во время мраза, не стерпевая иной нападшей сладости на все тело, и въ сердце также крепкія сжиманія производилъ. И се вѣще и вѣще начя услаждать умножаясь, и сердце аки бы распространилось въ подобіе великаго горна, и наполнилось аки жара огненнаго. Чему удивляясь и недоумевая, что творити, приложилъ перстъ правыя руки къ сердцу. И абіе перстъ приложенной опалися весма болезненно, того ради отъявъ руку прочь. И размышляше въ себѣ, что будетъ даліе, и думая о семъ, абіе аки облако мрачное нача около онаго жара находить. И се видя тако помышляшеся ему: видно, уже боліе мне отъ милости Божіа ничего не дастся, и отнято все отъ мене грешнаго, и тако стала боліе умножатися темность, и по семъ все изчезло и молитва со сладостію преста, и долго сѣдя не творилась молитва. И едва паки пошла по обы-

¹ жаждаеть *Опт.*, жадаеть *Лесн.*

² углубленной *Опт.*

чаю, но и по востаніи отъ молитвы несколько времени дней чувствовалъ болѣзнь въ персте подобіемъ отъ опаленія, бываемаго отъ приложенія къ чему-нибудь разжевленному.

Но не токмо бывшей въ семъ дѣйстви сладости отменной, къ чему невозможно приуподобити или какъ изъяснить и наименовать, но и въ протчихъ дѣйствіяхъ бываемыя услажденія иначе изъяснить не можетъ, какъ толко именуетъ: сладость.

32) Во время услаждающей молитвы, чувствуетъ иногда аки некое благовоніе, хотя и тупое обоняніе имѣить по естеству. Но во время молитвы ощущаетъ весьма благоуханно, наподобіе некихъ благовонныхъ духовъ ароматныхъ, и цветовъ, и яготъ, или благовоннаго ладона¹. И еще явственнее хотѣлъ бы изъяснить ощущаемое имъ благовоніе, но не вѣсть къ чему преуподобить. Ибо показуется ему душистее и пріятнее многоценнаго мвра, и сіе почасту ему бываетъ.

33) Толико дадеся ему отъ Бога въ сердце дѣйствоватися сей молитве, тако что почти все время въ нощи и во дни въ ней препровождаетъ, того ради и всякое рукодѣліе остави и умали.

34) Иногда потребы ради некія востаетъ отъ седалища, хотя окончити свое моленіе обычнымъ малымъ чтеніемъ, и тщія вниманіемъ умъ свой удержати во глаголахъ прочитоваемаго, но не можетъ. Понеже сама собою молитва *Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грешнаго*, говорится внутри сердца явственно, аки неволне отводя память отъ чтомаго имъ, влечетъ ко вниманію своему.

35) Иногда бываетъ празденъ, и стоя думаетъ, кое бы дело делать, и абіе чувствующуюся въ сердце со услажденіемъ молитву, и аки влекущую ея единою заниматься.

36) Бысть единожды, пожела отъ любви мученъ быти за Христа и во оное время на седеніи въ молитве воздремавъ, и видѣть, яко сего довлеить ему, аще будетъ плакати и скорбѣти.

37) Иногда таковой бываетъ во всемъ телеси, а наипаче въ сердце, трепетъ, отъ великаго кипенія въ сердце и во всемъ теле аки волнующейся сладости, такъ что едва отъ силнаго колебанія возмогаетъ сидѣти на своемъ седалищи. И дотолѣ умучится чрезмернымъ колебленнымъ трепетаніемъ, дѣйствующимся отъ несказанной оной сладости и радости и утешенія, происходящія отъ любви наичувствительнейшія ко Христу, и отъ иныхъ недоуменныхъ новыхъ чудныхъ и уму непостижныхъ и не вмѣстительныхъ услажденій, тако что уже и главы своея не въ силахъ содержать на выи своей обычно, также равно руце и нозе отъ слабости по престатіи трепета имать опущенныя. Глава же аки

¹ меда *Лесн.*

привязанная и лишенная собственныя силы, отнюдь не может быть утверждена¹ въ своемъ положеніи, но отъ слабости на все страны опускается. Но по утишии вскоре и аки вдругъ отходитъ слабость оная отъ него и делается во обычномъ положеніи своя сила и крепости.

38) Иногда, будучи одержимъ безмерною сладчайшею любовію ко Христу, ощущаетъ аки чувственно Самаго Господа нашего Иисуса Христа въ подобіи человечествомъ во своемъ распространенномъ сердце, и аки Его лобзаніемъ утешается и темъ прохлаждаетъ страждущее необычною сладостію сердце свое.

39) Иногда бываетъ аки пораженъ нестерпимою сладостію, такъ что не ведая, каковыми словесы изъяснить свое страданіе, рече: якобы копіе² было пронзенное сердце. Сколко же несносна таковая болезнь и нестерпима, всемъ извесна: столь нестерпимую сладость, и радость самоутешительною ощущаетъ онъ во своемъ сердце. Отчего и приходит во оное время вне себя.

40) Единожды, лежа на обычномъ своемъ прискорбномъ одре, со вниманіемъ по обычаю своему производимой отъ него молитвы, и внезапно вдругъ возчувствовалъ въ сердце, и во всемъ себе паче всехъ прежде бывшихъ ему сладостей сладчайшую сладость, отъ чего и усумневаяся отъ³ таковой необычной сладости и сие стремительно во множестве нападшей на него, того ради воста на седеніе, но сидя не ощущалъ таковой.

41) Иногда, будучи привязъ обычнымъ утешеніемъ въ сладости, зреть яко два источника текущія сладости, единъ въ сердце отъ правыя страны текущій, а другій изъ сердца ліющійся, наподобіе желтаго чистаго меда, и аки бы подъ оный исходящій изъ сердца источникъ подставляемъ былъ стаканъ; и по наполненіи онаго сею сладостію, подобствуемою желтому меду, другія стаканы были подставляемы, прменясь единъ по единому, и прочь отъставляемы сами о себе. На все же сие онъ умне, съ трезвенностію смотря со удивленіемъ, былъ духомъ въ благодарности ко Господу Богу и утешался.

42) Сначала сиденія его въ⁴ часъ единъ времени, ощущалъ онъ разнообразныя движенія и действія со обычной сладости мѣрою. Но потомъ пріиде множайшая сладость и утешеніе, и уже не онъ молитву соблюдалъ, но въ несказанной сладости сама молитва его держаше со отъятіемъ отъ него всехъ света сего помысленій. И таковая умноженная сладость продолжается яко

¹ утвердительно *Опт.*

² копіемъ *Опт., Лесн.*

³ о *Опт.*

⁴ съ *Опт.*

на часъ. И по утишіи оной и молитва начатъ преставать, и сладость умалилась, по престати же всего, аки дыханіе некое, или воздуха подобіе напыхивало на сердце.

43) Иногда, сидя и внимая молитве, и все сильно понудится заключить внимателне умъ свой углубляя внутрь единого сердца своего. И тако держа его неослабно, отнюдъ не попуская ему парити, ниже изыти изъ сердца. Отчего сердце не стерпевая начнетъ аки трепетати, и колебаться, и метаться во все страны. И отъ такового великаго возмущенія, аки обливается сердце зеленою сладостію. И по семъ нападаетъ, аки вреющее кипеніе, иная, необычная, уму недоуменная, и ко изъявленію неизъясняемая, и недомысленная. А по сему и именована тако: точію необычною сладостію, съ которою столко же и пламенель любовію къ Богу.

44) Единожды бысть тако: долгое время сидя и восхоте уже востати для посещенія своего ученика, содружественнаго съ нимъ. Но внезапно возчувствова необычное въ безмерной сладости подвиженіе во всемъ себе и наипаче въ сердце, и молитву необычно чюствителну и весма ясно¹ творящуюся, чего ради и сталъ наипаче внимати. И се вскоре начя являтися въ сердце множае сладости, которая аки крепко съгущенная, по коемуждо изреченію въ сердце молитвы: *Господи Іисусе*, рассыпалася внутрь сердца, и долго смотря на сіе со удивленіемъ и утешеніемъ, ощущалъ боліе увеличивающуюся въ немъ оную необычную сладость, отчего и простирался весь горящею любовію ко Господу Богу. И размышляше въ себе, чему бы уподобить оную рассыпающуюся сладость, но не найде сходственнаго уподобленія, но тако рече ми: якобы наподобіе ореховаго ядра, отъ кусанія рассыпающагося. Тогда же, егда оная сладость рассыпашеся, и сердце еще боліе распространяшеся, и около молитвы аки бы светъ сталъ находить и умножаться, сердце же еще пространнее распространяшеся, и толико усладиша его сіе странное действе, яко бы привело его въ забытіе, и не уведе, како и самъ весь вшелъ въ сердце и въ светъ оный. Ибо сердце его чрезмерно пространеннымъ ему показалось.

45) Иногда сидя сонъ одолеваше его, такъ что и молитва утаится, пробудясь же зреть паки молитву о себе гласящуюся (идущу) со услажденіемъ обычнымъ.

46) Бываетъ иногда тако: что вдругъ молитва умолкнетъ, и сердце утишится, и толико утаится сердце, аки бы вовсе его нетъ, даже и естественное его біеніе престанетъ. И тако умне въ сердце смотря, хочетъ молитву произвести, но несть молитвы, не

¹ явственно *Опт., Лесн.*

показывается и не чувствуется, точію единою сладостію бываетъ весь объять.

47) Единожды, аки болезни подобнаго при великомъ трепете чувствовалъ кипеніе сладости во своемъ сердце. Но вскоре — вдругъ остановилось оное трепетное движеніе, и молитва, и сердцу трепеть преста и утихъ: наподобіе аки бы кто въ ладѣ, на гребляхъ плывя, вдругъ грести престанетъ, по утоленіи же всехъ, то есть молитвы, сладости и трепета, начя аки пламень некій охватывать сердце непостижною сладостію, или аки некакой воздухъ напыхивалъ, то есть надувалъ сею неизреченною и недомысленною утешительною о Бозе сладостію, отчего и все тело сильно разтеплелось, дотолико, что даже и на все тело потъ многій найде.

48) Сидя долгое время со тщаніемъ понуждаяся и ища внимательнейше великой молитвы, и се начя умножатися, и являтися боліе и боліе, и вскоре объять действіе съ сильнымъ трепетомъ и колебаніемъ всего тела, и съ неизглаголанною радостію¹, а наипаче въ сердце и персяхъ сильное чувствовалъ аки терзаніе. Но ни малаго не принося оскорбленія, и никоего возболенія отъ таковаго сильнаго трясенія персей, равно и протчимъ членамъ тела не нанося ни малейшаго стуженія или ослабленія. Якоже бываше иногда по великомъ трепете, всемъ теломъ быти въ изнеможеніи и разслабленіи, но здраво, легко и радостно услаждая новымъ утешеніемъ. Но вдругъ остановясь, стало разделятися наполь въ теле его: то есть въ одной половине правой стороны, головы, персей и руки, и протчее даже до ноги мало чувствовалось сладости. Напротивъ же сего, въ левой стране тела, негли отъ сильнаго въ оной стране трепета сердечнаго, наипаче усугублялось² чрезмерное аки обореваніе и волненіе, тако трепеть найде. Въ сердце же умножалось дотолика, аки бы нестерпимое рваніе и терзаніе, и сосецъ дотолико начятъ двигатися отъ онаго сладкоутешительнаго о Бозе радованія, наподобіе какъ бы рукою его хватая, хотя прочь отъторгнуть. И по семъ начя уменьшатися, мало помалу. И сіе действіе должае всехъ прежде помянутыхъ продолжалось съ нимъ, отъ разсветія даже до трапезнаго времени.

49) Толикое бываетъ иногда сильное движеніе сердцу отъ произнесенія словесъ молитвенныхъ со сладостію въ радованіи о Господе Бозе, такъ что сердце уже аки нестерпевая, хотя тело не двизается; но оно толико отъ сладости оныя трепетно мятется и мечется, и толкается біеніемъ великимъ въ перси, отчего вся грудь какъ окруженная зрится, и отъ сильнаго двизанія сердца

¹ сладостію *Опт., Лесн.*

² углубилось *Лесн.*

необычно вздымается, такъ что рукою сильно прижимаетъ, хотя удержати, но не можетъ. Ибо якобы прочь отъделяется, тако грудь высоко вздымается, и дотолико усиливается не попускать, что даже и кожу яже на персяхъ имать въ руке сжатую.

50) По прошествіи некоего времени, еще мне объяви недостойному, понеже любовенъ бе, и азъ любимъ ему быхъ. И сего ради не утай отъ мене, глаголя тако: ныне совсемъ¹ изменилась, но иная во мне молитва. Ибо въ начале и прежде теперешнего времени действовала боліе со услажденіемъ. А ныне, при усугубленномъ услажденіи, и трепеть всегда бываетъ. Азъ же вопрошихъ его: въ которой чувствуетъ боліе превосходства? Онъ же сказа мне, глаголя: несравненно которая съ трепетомъ чувствительнее и умиленнее, хотя и безъ слезъ; но сладость несказанная и по престатіи трепета бываетъ. И сердце сладостію обливается аки некимъ масломъ, или мвромъ, и весь пламенею, аки таю, съ неизреченнымъ чувствованіемъ великія любви ко Господу Богу нашему Иисусу Христу.

51) Бысть неколико разовъ таковое действе, что сидя съ чистейшею молитвою, весь умне въперень къ Богу въ сладчайшей сладости, и трепетомъ сильнымъ весь одержимъ, и светомъ некимъ весь окруженъ. И тако во свете сидя, зреть по левую страну Создателя своего Господа нашего Иисуса Христа, на кресте висяща, и предъ Нимъ предстоящую Матерь Его Пресвятую Владычицу нашу Богородицу. Зря же сіе, сильно воспламеняется несказаннымъ желаніемъ и горящею любовію самъ весь ко Христу Господу Богу нашему, но скорбитъ и болезнуетъ, яко тако въ отдаленности отъ него зрится: зане крайне желаетъ поклониться Ему, и лобызати пречистыя язвы Его. И тако объять будучи симъ великимъ и нестерпимымъ желаніемъ, не вестъ и самъ, како приближается къ Нему, и осмеливается прикоснуться пресвятымъ и животворящимъ язвамъ Его, едину по единой ощущая, объемля и лобызая, яже въ руку Его и ногу; а яже въ пречистомъ Его ребре, уже не рукою осязаетъ, и не устнами прикасается, но сердце свое къ язве Его прилагаетъ. И егда² прикоснется сердцемъ своимъ къ язве Его, яже въ пречистомъ ребре Его, и абіе нестерпимо закипитъ и возчувствуетъ сильнейшую недоуменно действующуюся сладость зелну и возвреющуюся въ сердце, аки пронзающую оное, и бываетъ уже тогда вне себе, аки изумленной въ чувствіи точію единыя своя чрезмерныя любви ко Христу. Но видя яко чрезъ свое дерзновенное ко Христу приближеніе, яже бысть приложенія ради своего сердца къ животворя-

¹ во всемъ *Опт.*

² едва *Опт.*

щей Его язве, яже въ пречистомъ Его ребре, Божію Матерь позади себе стоящую, и сего ради болезненно опечалися, яко онъ сему притчиною, еже не стояти Ей предъ лицомъ Христовымъ. И отъ таковаго размысла и соболезнованія начнетъ приходити мало-помалу въ память; и зритъ паки во отъдаленности на кресте висящаго Господа, дондеже совсем утихнетъ и отъидетъ сіе действіе. Сіе несколько кратъ съ нимъ бывало въ непродолжительномъ времени.

52) Бысть еще по некоемъ времени, подобнымъ же действіемъ будучи объять¹, такожде и чувствуетъ и зритъ все по всему подобно, какъ предъ симъ изъявлено. Но толко во время прикосновенія, то есть приложенія сердца своего къ язве Христовой, яже въ пресвятомъ Его ребре. Тогда, о чудо, ощутильно чувствуетъ и видится ему, яко бы некій источникъ струй благодати, истекающій изъ Христова сердца, лился въ его сердце, и егда уже сію струю, паче же рещи милость Божію, ощути въшедшую въ его сердце; тогда поистине бываетъ вне себе и не весть, како изъявитъ и къ чему приуподобитъ бывающую ему тогда радость, съ протчими непостижимыми и неизглаголанними утешеніями.

53) Иногда, размышляя и удивляясь неизреченному и непостижимому Божіему къ человеку благоволенію, яко отъ страшныхъ Своея славы и величества восхоте быти насъ ради человекъ, и таковая лютая въ страданіи Своемъ претерпелъ насъ ради, а наипаче ужасашеся, видя Его, Создателя нашего, дотолико къ намъ Своею любовію простершагося, яко уже не имея что болше у Себе, еже бы даровати намъ, да возлюбимъ Его, предаде божественное тело Свое ясти, и святую кровь Его пити, и яко Агнца всему міру предложи Себе въ снѣдь вернымъ, да всячески будетъ съ нами совокупно и безконечно на веки безконечныя. И отъ сиевыхъ размысловъ и чисто, сильно действующей молитвы, со всеми прежде сказанными действами, и зря себе по подобію прежняго светомъ окруженнаго, и отъ нестерпенія преждеписанныхъ оныхъ пречудныхъ и недоуменныхъ, равно обуревательныхъ великихъ ощущеній въ трепете действуемая сладости Божіаго любленія, приходитъ аки въ забытіе на себе. И тако уже бывши безъ всякаго помысла, паки зритъ Спасителя нашего Господа Іисуса Христа предъ собою на кресте висяща, видомъ зело умиленна, отъ сего возчувствовалъ во всемъ себе сильно въспламененую ко Христу любовь, и устремился съ крайнимъ желаніемъ, еже бы такожде съ поклоненіемъ любезне лобызати пречистыя Его язвы. И лобызая и распростре и себе предъ Нимъ — кресто-

¹ одержимъ *Опт.*

образно, и тако прилагаетъ себя самаго къ Спасителю. Чтожъ чрезъ сіе последовало по семъ? О! чудо благодати Божіей и Его снисхожденія! Зрится ему весма явственно и чувствуемо, аки въ точности осязаемо. И помале непостижно совокупленна съ собою и абіе зрится весь вмещающимся въ Немъ, и уже не ста Его на кресте, но съ собою всего совокупленна и смешена. И тогда что таковое объяло его утешеніе; и каковая во всемъ своемъ аки въ разженномъ телеси и въ сердце, и во всей внутренности чувствовалъ действующія сладости; воистинну неизглаголанна, и непостижимы, и недоуменны, чудныя обуревали въ немъ утешенія! И сіе поведалъ ми грешному тако краткоглагольными словесы.

54) Иногда сидя и весь простертъ молитвеннымъ умнымъ вниманіемъ и взываніемъ со услажденіемъ къ Богу, и вдругъ охватить его множайшая сладость съ стремленіемъ во внутренность. Отчего всю внутренность превращенную аки възволненную чувствуетъ.

55) По некоемъ времени откры мне: яко уже ныне въ немъ не таковымъ подобіемъ, и не прежнимъ обычаемъ молитва действуетъ, то есть прежде иногда просто съ малымъ услажденіемъ бываше, иногда съ величайшимъ ощущеніемъ сладости бываше. Но теперь бываетъ другимъ действомъ, съ непрерывнымъ трепетомъ, и не токмо сердце трепещетъ, но и тело все всегда бываетъ колебленное и трепещущее, хотя бы и весма малое ощущалъ действие, но сердце и тело и отъ такового бываетъ трепетно.

56) Иногда прилучишася ему быти съ протчію братією посещающихъ его, или съ некоторыми въ беседе, и не возмогая скрыти трепещущаго своего тела, подобнаго колебанію, а наипаче колебаніе главы, ибо якобы волнуемой молитвенною сладостію, отчего неволне тако колеблется, того ради при таковыхъ случаяхъ, многократно тщится пресекать и удержать самую о себе действующуюся непрестанно молитву. Но и тако не возмощаетъ совсемъ удержать и утолити любительнаго своего простертія, отъ коего бываетъ въ немъ сей сладостной трепеть, словесъ же сихъ молитвенныхъ: *Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя грешнаго*, въ сердце гласящіяся, отнюдъ не можетъ удержать, чего ради и умысли къ вопрошающимъ сице отвещевать: якобы онъ ныне ослабе главою, тоже и во всемъ теле чувствуетъ ослабленіе, и мне заповеда, да тако всемъ сказую о немъ.

57) Разглаголствующимъ некогда со отцы о действіяхъ молитвы, и некоторый изъ отцевъ поведа ему о себе: яко бываетъ ему молитва тихая, и мирная, кроме помыслъ и всякихъ действій, услаждающая и къ любви Божіей влекущая. И о семъ Старець мой похвали Бога, и ублажи, и одобри поведавшаго онаго отца, признавая его пріуспевша о Господе; и по разлученіи со

отцы, и самъ потщася моля Бога, да сподобить его познати ону. И тако сидя сталъ внимати единой тишине и миру помыслъ, яже вскоре подаде ему Господь познати, и почувствовати ю. Но извести мне, глаголя: яко не ощущалъ толико распаленной ко Господу любви и сицевой сладости въ оной тихой и мирной молитве, якою объять бываетъ во время молитвы трепетномъ действии. Ибо сію тихомирную Старець мой производилъ, крайне не внимая сердцу отъ всехъ чувствъ съ великимъ усердіемъ. Но трепетная именуемая великая не инако нападаетъ, какъ толко отъ крайнейшаго понужденія, не точію умнаго къ Богу простертія, но и отъ всехъ чувствъ, яко же рещи душевныхъ и телесныхъ, и отъ многаго озлобленія и небреженія о своемъ теле. Ибо онъ не внимаетъ тогда и боленію главы своея, и раменъ, и всякому бываемому телесному озлобленію. И когда съ таковымъ понужденіемъ станетъ творити, тогда уже мирная и тихая отходитъ, а наступаетъ трепеть, не разрушая мира и тишины. Но съ неисповедимыми действиями, влекущими всю душу въ любовь къ Небесному Отцу, и отъ нестерпимаго жара таковыя пронзающія вся чувства, желаетъ въ немъ душа аки вонъ отъ тела изыти.

58) Единожды прилучися ему быти вкупе со мною во обители богодохновеннаго отца, его же имя повеле ми утаити, понеже тако изволеся оному отцу. (Зане еще въ семъ житіи обреташеся.) Но ныне азъ открываю о немъ: бе онъ отецъ Василій въ монастыре, именуемомъ Бѣлыя Берега, строитель, иже отъ любви и со живущимъ въ немъ Святымъ Духомъ много ко спасенію души намъ изрекъ. Объяви же прикритно о себе, тако сказы: вемъ таковаго, у него же бываетъ сицевая любовь божественная, паче же страданіе любовное ко Господу Богу, яко мнитъ въ той часъ всего себя истаеваемая, и вмае не разлучающуюся душу отъ тела. Еще и сіе не утай, глаголя: во время великаго действия молитвы весь воскриленъ бываетъ къ Богу, и зритъ себе явственно стояща возвышенна на воздусе, яко на лакоть высоту отъ земли.

Сей боголюбивый авва услыша, что Старець мой действуетъ молитву крайне тихо, то есть неспешно, усумнеся о семъ мало, и начя Старца моего любезне учить по обычаю, дабы мало поспешніе произносилъ глаголы молитвенныя, сказы: яко чрез то не имать быти вмещеніе суетныхъ помыслъ, но и находящія на ны отражаются отъ мысли нашея и безъ вести погибають. И тако свою руку прилагая къ сердцу моего Старца, внималъ біенію и движенію его сердца, въ произношеніи словесъ молитвенныхъ: *Господи Іисусе Христе*. Но ничтоже могъ ощутити. Потомъ повелевъ Старцу моему, дабы по своему навыку сталъ производить молитву, и абіе воскипе сладость благодати въ сердце, и востре-

пета сердце біеніємъ во все страны, яже ощути той старецъ, и похвали о семъ Бога, глаголя Старцу моему: блаженъ еси, отче, добре твори и подвизай тако, якоже ти Господь Богъ дарова. Мне же наедине открь: яко Старецъ мой предъуспе въ молитве, и достиглъ въ миръ помысловъ, и блаженнымъ мя нарекъ, яко такового у себя имамъ отца и наставника духовнаго, и смиренномудраго. Но мне повеле, ради помысловъ, мало поспешнее творити словеса молитвенная: *Господи Іисусе Христе*, дондеже во успєяніе прїиду, и сподоблюся отъ благодати чистыя молитвы.

59) ¹Паки прилучися отцу моему въ некое время быти въ Москве, и пребывати у духовнаго отца своего старца Адріана, которой принялъ после схиму, нареченъ бысть Алексіємъ и умре въ Симонове монастыре. И живе же той отецъ Адріанъ въ тоє время въ Москве для монастырскихъ нуждъ, въ дому христолюбцевъ, благодетелей своихъ, понеже любимъ бе ими, и служаху ему жены¹. Яже виде мой отецъ, начя смущатися, яко неподобно иноческому житію онъ жителствуетъ, и зелніи помыслы одолевати начаша его о семъ, дотолико, яко и молитвенной сладости начятъ лишатися, но Божією помощію понудися противовещати помысломъ, глаголя: мне не подобаетъ о семъ судити, Господь Сердцеведецъ зритъ, яко сей отецъ преуспе о Господе, и достигъ верхъ совершенства и безстрастія. И будущее ощущаетъ блаженство; якоже Господь во Евангеліи яви, глаголя: въ будущемъ веце будутъ яко Ангели на небеси². Также и Апостолъ: несть мужескъ полъ, и женскъ, но нова тварь о Христе³, и протчіими вещаніями противу отъ божественнаго Писанія отрази, и посрами сей находящій хулный и смущенный помысль. И бысть ему тишина по семъ, миръ и радость въ души, и молитва прїиде съ зелнымъ действомъ, всего изменяя въ божественную любовь, благоуханіе же, необычно сладящее душу и вся чувства, яковаго еще не бысть ему прежде николи.

60) Нестерпевая мой Старецъ почитаній и славы, удалился со мною въ Сибирскія пределы, и озимехомъ мы во внутренней пустыни во единой келейке, и правило вкупє совершахомъ, азъ читалъ, а онъ стоя слушалъ. Единою воспрянувши отъ сна, прїиде ему великое действе отъ молитвы, и бывъ аки вне себе съ чуднымъ дыханіємъ, и презелнымъ трепетомъ всего тела. И тако онъ пребывалъ, азъ же ждахъ долгое время, слушая и внимая

¹⁻¹ Находясь Старецъ мой въ Москвѣ и обитая у отца своего духовнаго, который во оное время для монастырскихъ нуждъ былъ въ Москвѣ, квартируя у христолюбивыхъ благодѣтелей, и боголюбивыя жены служаху ему *Опт.*

² См.: Мк. 12, 25.

³ См.: Гал. 3, 28.

необычному действию двизанія и трепещущаго его тела и дыханія, подобне страждущаго, яже происходило ему отъ нестерпимыя сладости, съ несказаннымъ о Бозе утешеніемъ, во всемъ теле его и во всей его внутренности, якоже самъ мне после поведѣ. И въ таковомъ действиіи по мнозехъ часехъ, едва возмогъ рещи ко мне: отъправляй единъ правило¹; и уже день наста. Сіе бысть въ іануаріи месеце въ начале прибытія нашего въ Сибирь. И едва возмогохъ разлучитися съ симъ молитвеннымъ действомъ, кое онъ тогда почувствовалъ, что якобы мало уменьшилось, и потому онъ едва всталъ отъ седалища; азъ же, воззревъ на него, видехъ его лицемъ измененна велми, аки изнемогша и увядша, съ неболшимъ червлененіемъ.

61) Паки живяхомъ въ той же стране на иномъ месте въ особыхъ келіяхъ, и въ неделю, то есть воскресенье, для слушанія часовъ прииде ко мне Старець, и по целованіи седокомъ вкупѣ на единой дскѣ, разглаголющуя о знаемыхъ нами иночествующихъ отцахъ, како они подвизаются; а наипаче о томъ великомъ отце, делатели умной молитвы, иже предпомянутъ въ 58 действии. И въ таковомъ разглаголющии между нами нападе на моего Старца действе молитвы, пачеже благодать Божія, и уже не возмогъ боліе къ тому со мною грешнымъ беседовати, но умолчѣ. И абіе пріять его молитва съ зелнымъ трепетомъ, тако, яко онаѣ дска, на нейже седокомъ, вся двизашеся, купно же и азъ сидя на ней двизахся, и удивляяся внезапному премененію Старца моего, и таковому силному действию яже бысть въ немъ. И абіе отъ нестерпенія зелной сладости, яже ощущалъ, гласомъ воскрича, и помалѣ паки возмычѣ. И бысть ему сіе яко часъ единъ времени, азъ же вопрошахъ его по семъ: где былъ, отче, теперъ? Онъ же отвеща: прости, тебе соблазнихъ, но не могъ стерпеть, ибо Божіе нестерпимо. Азъ же благодарихъ Бога, яко сподобилъ мя самолично узрети, въ каковой благодати мой Старець обретається.

62) Такожде² жителствуя, въ разныя времена поведѣ мне овогда улыбаяся, паки жалуясь, яко въ сію ноць въ тонкомъ сне беси его озлобляху, разнообразно устрашая, а иногда нестерпимо хватая за ребра, и щекотѣ, иногда ножемъ заколоты хотѣ. Овогда зрѣть подобно преставленіе света. И протчіе разнovidное во умиленіе приводящее и слезы. Съ симъ же поведѣ ми, глаголя: Егда ты отошелъ отъ меня по утреннемъ пеніи, азъ же седохъ, да поне мало пребуду въ молитвѣ. Абіе начѣ некое опасеніе нападати на мя, дабы ты не пресекъ приходомъ своимъ моеѣ

¹ моленіе *Опт.*

² Тамо же *Опт.*

молитвы. И помале содеяся¹ въ несказанномъ дѣйствіи молитва, распространяющаяся необычною божественною сладостію аки во всехъ персяхъ, и аки наполняющая некою безмерно сладостною и горячею пищею съ благоуханіемъ, велми чувственно услаждающемъ. И мнѣхъ, рече, азъ яко таковое долго пребудеть, но въ мале и преста! И тако къ тебе пришедъ для слушанія часовъ. Сіе бысть въ неделю, сиречь въ воскресенье.

63) Паки не по мнозехъ седмицехъ прииде въ неделю Старець мой ко мнѣ по обычаю, и по окончаніи утренни седоухомъ, и еще разглаголющуя между собою, уже возчувствовалъ въ себѣ пламень любви къ Богу, а въ сердце яко молитвенныя зренія пламене сладость. Сіе самъ послѣдѣ поведѣ ми. И всеми силами, рече, тщахся удержатися и утаитися, но не возмогахъ. Ибо абіе отъ нестерпенія, аки пораженный, воскрича гласомъ подобно болѣзнующему. И о семъ азъ грѣшный въстревожился, поелику возмнѣхъ, не болѣзнь ли кая поразила его, и вопросы его, глаголя: отче, что необычно и тако странно въскричалъ? Но онъ не могъ ми возотвѣствовать, того ради и азъ умолчахъ и начахъ внимати ему. И видѣхъ многое волненіе, сиречь колебаніе во всемъ теле его. И слышахъ, дыханіе его было подобно ужаснымъ страхомъ объятому. И еще двократно прерывно, тихогласно возгласилъ умилно, зане не могій совсемъ удержатися. И тогда азъ разумѣхъ, яко отъ дѣйствія молитвы и отъ нестерпенія яже отъ благодати и божественныя сладости тако воскричалъ. И бысть сіе ему яко полчѣся, посемъ нача паки со мной глаголати. Азъ же вопросихъ его паки: почто тако внезапно воскричалъ? Тогда онъ ми исповеда, глаголя: какъ токмо седоухъ, то и возчувствовалъ, аки некая стена или облакъ, тако зженіе любви ко Спасителю и утешительныя сладости привалило къ сердцу, и всячески хотѣлъ удержатися, и дотолико крепихся, яко вкупе съ симъ моимъ вскричаніемъ гласа, абіе аки звезда облистала предо мною. И посемъ уже не могахъ возобладати собою и утаитися въ себѣ.

64) Еще рече ми Старець мой, глаголя: яко въ той же день по вечеру бысть мнѣ наподобіе таковаго же сладостнаго и любительнаго ко Господу распаленія. И мнѣхъ, яко такожде имать возобладати мною, отъ нестерпенія коего начну такожде кричать. И много нудихся, дабы стяжати сіе, но не получилъ и абіе преста, и уразумѣхъ, яко то дѣйствіе тебе ради Господь ми даде. Но сіе реклъ Старець мой отъ глубокаго смиренія своего.

65) Въ той день, егда обуреваемъ бе страстными помысли, и по отъгнаніи оныхъ и утишіи плотскаго движенія, приспе время отцу моему правило поклонное отъправлять, но немощь и прене-

¹ поиде *Отт.*

моганіе нападе на него и сугубымъ противоположнымъ помысломъ одержимъ бе. Единъ помысль представлялъ ему, яко немощенъ и не можетъ отъправляти. А фторой обличалъ, яко болше отъ лености. И нудимъ бе отъ помысла благаго изведать свою немощь поне немногими поклонами. И тако повинувся, начя класти земныя по совершеніи поясныхъ, и абіе по первомъ поклоне почувствовалъ сладость въ своемъ сердце, и по фторомъ боліе, а по третьемъ еще множае, и толико сладяща и облегчающа его всего, яко забыватися ему и правилу внимати, и Богородичныя уставленныя между поклонами молитвы пропускати и аки летающаго ¹онъ себе¹ чувствовалъ ²отъ сладости и радости, и легкости, бываемыя отъ великаго къ Богу простертія². И со удивленіемъ благодарилъ за сіе Бога, понеже никогда прежде сего не чувствовалъ сердечнаго услажденія во время поклоннаго правила. А поутру ему бысть таковое же услажденіе, и легкость при поясныхъ поклонахъ, равно и при земныхъ. И чудихся, рече, яко внезапно претворяетъ благодать Божія, по лености въ бодрость, и съ тягости въ легкость, и изъ немощи въ крепость, а къ тому еще и во утешеніе и радость о Господе съ безмерною любительною къ Нему сладостію.

66) Паки разглаголтвуй и между протчимъ душеполезнымъ, и сіе рече ми: ныне разумехъ Апостолово слово яко *никтоже можетъ рещи Господа Исуса*, токмо *Духомъ Святымъ*³. Ибо воспоминаніе сего имени ныне никогда не бываетъ во мне безъ действий и услажденій, а наипаче сіе *Исусе*. Ибо съ симъ словомъ аки взрынетъ сердце сладостію, хотя бы и безъ приуготовленія къ молитве былъ или просте былъ воспоминаая. И понеже Старецъ мой всегда во оной памяти пребываше, то действіе всегда бе, отчего и глава его въ безпрестанномъ бе колебаніи.

67) И еще поведи ми, глаголя: егда бываетъ ми обычне сладящая молитва, отъ неяже колебаніе телу бываетъ. И егда удержуся дабы главою и теломъ не двизатися. Тогда бываетъ тихое біеніе сердцу, и молитва, аки некое мвро или пара⁴ сладости собирающаяся и разливается по всему сердцу, понеже не исходитъ оная сладость въ тело; а егда поущу и дамъ ослабу сердцу моему, то абіе оная сладость изъ сердца и во все тело пройдетъ, отчего и бываетъ двизаніе въ жилахъ моихъ, и явственно глава боліе колеблется, и тело аки волнуется, и таковое действіе быва-

¹⁻¹ вне себя *Лесн.*

²⁻² отъ сладостныя радости и чувствуемыя легкости, зря всего себя къ Богу простерта *Опт.*

³ 1 Кор. 12, 3.

⁴ Пара — пар.

етъ чувствительнее и во умиленіе боліе подвижущее, того ради и не удерживаюсь отъ телеснаго колебанія. Егда же прїидетъ сильное действіе, тогда уже не мощно ми удержатися отъ телеснаго трепета, сиречь главы колебанія и протчаго тела движенія, понеже аки обладанъ вне себе бываю.

68) Въ день Великія субботы седшу ему по обычаю на молитву, начя ощущати сладость; и сердце его вкупе съ симъ ощущеніемъ сладости, происходящей отъ зельныя любви ко Господу, начя необычно скоро метатися и трепетати. Но въначале весьма тихообразно, и помалу малу возрастаючи и множащейся сладости, вкупе и сердцу боліе и боліе двизающуся и сильнея трепещущу. И дотолико умножися сладость въ любви Божіей, яко отъ нестерпенія станетъ зельне всемъ теломъ колебаться, но вскоре и аки въдругъ начнетъ сіе¹ уменьшатися, и укрыватися, и аки отъидетъ. Но совсемъ еще не угасши, паки начнетъ происходить таковымъ же точно действіемъ. И сице беспрестанни происходило, то крайне утихая, то зельне умножаяся. И ждахъ, рече, что имать воспослѣдовати даліе, но не могъ, рече, дожидатися совершеннаго конца. Зане уже времени много преїде. И мню, глагола ми, яко двадесять кратъ сице изменялось во мне и тако по² утишіи востахъ.

69) По отшествіи единого отъ насъ брата, на другой день по утреннемъ пеніи, седохъ азъ поблизу Старца моего, и разглаголствуя нечто о житейскомъ, мало умолчяхъ. И абіе внезапно воскрича Старець отъ нестерпенія зельныя сладости, воскипевшей внутри сердца его, и паче меры и крепче действующейся. Ведая же Старець мене близу себе сидяща, всячески тщашеся удержатися, еже бы не двизатися и не колебаться всемъ теломъ сильно. Но не возможе, зане вмале бысть не вне себе отъ зельнаго³ къ Богу простертія и безмерныя сладости, еже бысть въ сердце его. Темже и паки воскрича. Азъ же недостойный сидя много дивихся и радовахся, зря таковое въ немъ дивное и ужасное отъ божественныя любви страданіе. Егда же мало утишися въ немъ таковое действіе съ движеніемъ, паче же рещи страданіе, тогда азъ вопросихъ его, глаголя: отче! отъ коея вины ти бысть таково нечаянное действіе молитвы, понеже разглаголствіе наше бе о житейскомъ? Онъ же, любя мя, не утаевая рече ми: егда престаномъ съ тобою беседовати, не вемъ, како прїиде ми размышляти сице: како все⁴ Божіе дело есть нестерпимо и велико, сиречь

¹ все *Опт.*

² во *Опт.*

³ крайняго *Опт.*

⁴ всякое *Опт., Лесн.*

мразъ нестерпимъ, и огонь нестерпимъ подобне. И отъ сего придохъ въ размышленіе о Божіей великой къ намъ любви, яко насъ ради колико Себе умалилъ! Сделался младенецъ, и ручки и ножки име Себе пеленами связанные. Отчего паки¹ ужаснулся таковому великому Его къ намъ любленію, и дивихся во уме моемъ. И отъ сего размысла абіе воскипе сладость въ сердце и во всемъ теле, и во мгновенія ока поразило² нестерпимостію, зане подобно огню начя со утешеніемъ жеци любовію ко Господу нашему Иисусу Христу въ сердце моемъ, того ради воскричяхъ. И аще бы всею силою моею не удержался, но попустилъ по воле сей сладости сей действия³ въ сердце, то всячески нужда бы была гласити! Зане аки некое жженіе, тако оную сладость ощущалъ во мне и симъ действомъ познахъ: яко въ Бозе все нестерпимо, и неисповедимо, и недомыслимо, и утешеніе и любовь Его къ намъ беспределна. И тако по сичево чудной беседе востахомъ, и мене ради начя старецъ правило поклонное гласно отъправлять, еже есть: *Боже милостивъ*; и не возможе, зане действе въ немъ еще бе, иже паки въ немъ подвижеся, и пресече ему вещаніе гласное молитвъ, и не имеяше силы еже бы удержатися. И паки некако возмычялъ — и умолчяхъ. И тако надолзе стоя безгласенъ, едва возможе паки гласно, но несовершеннымъ гласомъ, глаголати молитвы, и несовершенно оконча правило.

70) По прошествіи многого времени, въ теченіи котораго много было съ нимъ разныхъ и обычныхъ действий и утешеній, коихъ я и не описывалъ⁴, случися единожды во Святую четиредесятницу при наступленіи неделнаго пенія и бденія. Сядящу Старцу моему на молитве, и бе ему молитвенное действе обычное съ трепетнымъ услажденіемъ. И тако надолзе сядя, восхоте ради наступающаго бденія, опочити, и ляже, мысля въ себе: еже бы съ молитвою уснути, темже и лежа внималъ молитве своей. И абіе прекратися обычное трепетаніе, но некое иное неизглаголанное начя происходити действе⁵, ово, за многоумноженную сладость и сильнейшее къ Богу влеченіе. Ибо отворилось ему сердце, и начя тамо светле и чисте созерцати⁶, и явственно видети, понеже въ сердце соделалось якобы некое тело, показующее-

¹ аки *Опт.*, *Лесн.*

² пронзило *Опт.*

³ действовать *Лесн.*

⁴ вписывалъ *Опт.*

⁵ В рукописи после этого слова пропуск; текст восстанавливается по другим спискам: действе безъ трепета, чего ради наипаче потщася во вниманіе углубитися, ово за необычное действе, *Опт.*; действе безъ трепета. Чего ради наипаче потщася во вниманіе вперитися, ово за необычное действе, *Лесн.*

⁶ смотрѣти *Опт.*

ся извне темно, внутри же бело или¹ светло красно и тако боліе делалось действе молитвы, вкупе и сладость приумножилась. И абіе начя изъ онаго тела, показующагося внутрь сердца, аки благовонія духъ испыхивать. Потом же якобы наподобіе меха сжимаемаго брызгъ съ великимъ стремленіемъ исходилъ. Но не вдругъ, а единъ по единому: иной брыскъ ударялъ, паче же рещи поражалъ сладостію во все стороны сердечныя. И отъ таковаго брысканія претворялось въ сердце аки новое брысканіе и обливаніе нестерпимыя сладости,² отъ любви божественныя². И по семъ начя почясту, яко отъ некоего силнаго съжиманія или крепкаго угнетенія, сице изъ онаго тела излетали борзо сладостныя брызги, и пронзали сладостію своею не точію самое сердце, но и всего самага исполняли сладостію. По семъ поиде подымаяся подъ³ перси, и духъ съ дыханіемъ стало захватывать, и удерживать отъ силныя и многія исходящія сладости. И уже не могъ боліе молитвы производить: и абіе оной видъ являемый, аки тело, вкупе съ⁴ подыманіемъ своимъ⁴ прилагаяся⁵ въ пламень, и еще выше подымаяся, и сладость умножи, и охвати все перси, и якобы задави оныя своею пламенною, непостижимою божественною безмерною сладостію, и тогда уже отнюдъ не могъ дышать. И тако безъ дыханія долзе на ту пламенновидную сладость внижительно смотря, едва въ память пришелъ: яко несть дыханія. И начя внимати о своемъ дыханіи, и се истинною зрить, и чувствуетъ, яко не производится дыханіе, и помысли въ себе, яко не дыша умреть. И тако внимая начя привлекати и въводить свое дыханіе, а между симъ оная пламеноявляемая сладость начя со измененіемъ умалятися, и помале въ ничто бысть. И тогда воставши отъ ложа своего, не спя нимало, но дився и недоумеваясь сей непостижимой утешительной сладости и паки недоумеваше, како надолзе бысть безъ дыханія и не задхнуса, и не поскорбе, но паче легко есть. Азъ спросихъ его, глаголя: бысть ли ти, отче, тогда память къ Богу? Онъ же ми рече: памятью Божіею и любовію еже къ Нему сіе и составлялося.

71) Паки во единъ день лежащу ему болезненныя ради своя немощи съ обычнымъ углубленіемъ въ молитву, и абіе по прежнему уподобленію начя въ немъ двизатися сердце и показоватися молитвенное движеніе, и воскипе въ сердце зелная любовь къ Создателю, и сладость, яже испыхивая, потече по всемъ членамъ и жиламъ, и малейшимъ жилкамъ, иже обретаются во всемъ

¹ и *Опт.*

²⁻² предлагающей всего въ Божію любовь *Опт.*

³ надъ *Опт.*, *Лесн.*

⁴⁻⁴ подыманіемъ сладости *Опт.*

⁵ предлагашеся *Опт.*, предлагаяся *Лесн.*

телеси; тогда помысли въ себе: неблагоговейно быти съ такимъ усердно распаленнымъ стремленіемъ къ Богу и съ происходящею сладостію обретатися на лежаніи. Того ради и воста, и седе, и ста крепче внимати, еже бы не лишитися наченшагося действія. Но абіе¹ не бысть ему сидящему оной новоявленной сладости, но поиде обычная молитва обычно сладяща.

72) По прошествіи единыя седмицы отъ вышеупомянутаго действія, паки ради наступающаго неделнаго бденія, возляже еже уснути, зане случися ему въ той день трудиться во исправленіи келейныхъ потребъ, и сиче лежа и внимаше своей молитве. И абіе вскоре и безнадежно, то есть² не ожидаемо соделалось действо въ сердце, не по прежнему подобію, но некимъ инымъ образомъ, якоже рече: въ точности изъяснити отнюдь невозможно, яже бысть со многою сладостію и распаленіемъ въ любовь Божію. И отъ таковой многоусилившейся радостной, утешительной, совокупне и умилительной сладости, начя якобы некій светъ надъ главою облиставати, негли тріекратно или множае, якобы звездою³ блистая. И таковое действіе зря, помысли, еже не востати отъ лежанія, да не паки по прежнему образу не лишитися и сего чуднаго действія; и тако лежаше съ крайнимъ трезвеніемъ и бодростію, и начя помышляти подобне сичевая, умне глаголя: азъ несмъ достоинъ ни единаго утешенія, Господи! А боюся сичевой любви воспаленія, яже бываетъ къ Тебе въ моемъ сердце, съ неизреченною радостію и сладостію, и мирнымъ съ мвроуханнымъ утешеніемъ: восхулити бо не могу, ибо оныя вся не отъ моя силы происходятъ. И паки страшуся оное вероятне яко благодатное пріяти, негли есть недобре. Темже буди, Боже мой! По воли Твоей святой сіе бываемое во мне. И сиче размышляя, абіе начя сіе умножатися паче, и наипаче. И съ сильнымъ усиленіемъ протекла изъ сердца чрезъ все жилы и во все тело недоуменная сладость. И не просте, но аки съ некимъ звончаніемъ, или яко съ некимъ непостижнымъ пеніемъ⁴. Ибо отнюдь есть непостижно къ изъясленію онаго гласящагося. И сіе наипаче чудимо, яко трезвенно чувствовахъ, яко во всехъ членахъ и жилахъ таковое напеваніе⁵, и кличаніе, и звончаніе происходило. А наипаче въ рукахъ, въ нозехъ же не чувствовалось. ⁶И то напеваніе и глашеніе яко звончаніе⁶ чувствовалось совокупне, съ нестерпимою сладостію и радованіемъ о Господе. И дотолико

¹ однако *Опт.*, обаче *Лесн.*

² и *Опт.*

³ звѣздно *Опт.*, *Лесн.*

⁴ глашеніемъ *Опт.*

⁵ глашеніе *Опт.*

⁶⁻⁶ И оное удивительное глашеніе *Опт.*

умножилось сіе, яко все члены при ономъ пеніи¹ тряслися, и паки отъ сего пенія истекала по жиламъ и членамъ, въ телеси расходилось аки некое благовонное масло, зелне и чудне сладящи, и отъ сего самага ощущенія радостной трепетъ бысть во всемъ теле. И паки исповеда ми, глаголя: поистинне нестерпимо страдалъ утешно отъ сей сладости. И толико зелено, яко уже не чаяхъ себе быти въ моемъ естественномъ положеніи, но мнѣхъ, яко будетъ мне некая измена, то есть или сердце расторгнется, или изшетъ, или конецъ жизни будетъ. За симъ дотолико сильно обуревало мя сіе действіе, яко всего мя лежащаго многократно подымало отъ онаго волненія, кипящаго божественною сладостію² въ сердце, и едва на землю не извергало съ ложа моего; сколько же страдало сердце, того и умъ постигнути не можетъ, ибо ово билось, и сжималось, ово распространялось, терзалось, колебалось, металось и ударялось во все стороны, и сиче долзе происходя вдругъ отъиде все. И по семъ востахъ, не чувствуя никакой болезни³, но токмо малое некое ослабленіе. И сдохъ, и едва пойде обычная молитва, и паки оная переменилась во иную некую, смиренною и тихою, съ некоею иною великою радостію и сладостію, влекущую въ любовь божественною, и благоуханіе бысть многое. И сіе такожде надолзе бысть. И въдругъ преста все, и не ста молитвы отнюдь, и тако востахъ и поидохъ къ тебе. Все же сіе происходило три часа⁴.

73) Прешедшу многому времени, не возвещаше мне Старець мой о новыхъ действіяхъ. И азъ помышляхъ въ себе, негли умилилась молитва въ Старце, яко не поведаетъ ми. И во единъ день после моего къ нему посещенія, прииде самъ ко мне звати мя на всенощное пеніе⁵. И тако сидяше со мною, беседующе о нужныхъ житейскихъ потребахъ, и по беседе умолчяхомъ яко на малъ часъ. И абіе услышахъ азъ действующуюся въ немъ молитву. Яже тако начя въ немъ действовать, что даже привеле мя во удивленіе, и недоумеваяся начахъ сумнѣтися: не нападе ли на него болезнь, именуемая родимецъ, еюже николиже не бе одержимъ. Ибо весь не токмо трепетенъ бысть, но и всемъ теломъ колебался, и метался, не могій владети не руками ни ногами. А глава аки бы отъ некоего силнаго ветра, на все страны металася и шаталася, тако, аки прицепленная⁶ колебалася, и всемъ теломъ колебался, и метался, и подымался, и отнюдь не седелъ,

¹ гласъ *Опт.*

² любовію *Опт.*

³ боли *Опт., Лесн.*

⁴ не менѣ трехъ часовъ *Опт.*

⁵ бдѣніе *Опт., Лесн.*

⁶ прицепленная *Опт.*

но какъ бы кто его со всемъ седалищемъ на все стороны металъ, тако онъ едва точію не падалъ на полъ. Дыханіе же въ немъ ово удерживалось, ово тяжелоносно¹ испущалось, и тут же абіе въдругъ весьма слышнымъ дыханми тако чясто сталъ дышать, яко даже и невероятно, и поверити не можно. Подобно якобы малое некое животное гонимое и до крайности утомленное, часто дышетъ, или и того еще частея, и не могій терпети, мычалъ краткими продолжительными гласы, таковымъ тономъ, якобы нестерпимою ²лютостію терзался, и страдало въ немъ сердце², до-толико, что азъ едва удержался, чтобы не подойти къ нему узнать, не болезнь ли какая найде на него? Ибо странно и удивительно тогда было зрети на него, подобно якобы мучится. И видя его въ таковомъ мучительномъ действии, отнюдъ невозможно было поверить, чтобъ можно было ему иметь свое здравіе неповрежденнымъ и все члены неутомленными, или въскоре по семъ пріяти силу. И здороваго имъ отъ сего тако продолжительно и столь неослабно колебать, то бы и таковой здравствующій разслабелъ, и упалъ бы для одъдохновенія, но Старецъ по утишии всего воста здоровъ, и не чувствуя нимало разслабленія ни во главе, ниже во иныхъ членахъ. И наутріе паки сицевымъ же подобіемъ бысть съ нимъ. Каковое же во внутренности его происходило действе? Тако рече ми, глаголя: егда умолчяхомъ отъ беседы, въначале помышляхъ суетная, и за сіе осудихъ себе, по-что ни единой молитве внемлю. И абіе пойде молитва и якобы сердце увеличилось, и соделолась къ сердцу гортанъ; божественной же сладости, бывшей тогда, изреци невозможно, яже бысть въ великомъ множестве и во множественномъ количестве, аки входила гортанъ въ сердце, и сердце, желая вдругъ много поглотить, но отъ множества аки запрется и засядетъ, не могши проглотити. И тутъ уже не могу ни молитвы гласити, но все тело исполняется оною сладостію. И выхожу отъ того изъ терпенія, и тако вырывается гласное мычаніе, его же ты самъ слышалъ, и виделъ моего тела колебаніе. И егда сердце оную сладость проглотить, тогда аки отъдохнетъ, и тако хватаетъ одъдохновеніе, чястыми и краткими дыханми, ихъ же ты слышалъ. И тако паки таковымъ же подобіемъ приходитъ сердцу, аки сквозъ гортанъ. И не могши за великость проглотити, паки такожде обладанъ бываю, якоже ты виделъ и слышалъ. Но сердце како колеблется и мятется во мне, и біется на все страны, тому я и самъ, рече, дивлюся, како не повредится отъ таковаго силнаго

¹ тяжелоисходно *Опт.*

²⁻² лютостію въ немъ поражалось сердце *Опт.*

метанія, сжиманія, распространенія и біенія; умъ чистейше ¹бываетъ къ Богу простертъ во все время сихъ действий¹.

74) Единою услышавъ отъ брата: дабы ради уже ослабевшаго своего зренія, вместо чтенія акафиста и канона къ Богородице, отправлялъ бы въ сердце молитву къ Богородице, еже есть: *Владычице моя Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго*. На что Старець и согласился. И тако ноцію начятъ исправляти, ово ко Господу: *Господи Иисусе*; ово: *Владычице моя Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго*. И творяхуся оныя молитвы съ великимъ ощущеніемъ ко Христу и къ Богородице со умилителнымъ услажденіемъ. И бысть низведенъ въ тонкій сонъ, и зритъ одесную страну образъ Божія Матере, а ошуюю Христа Господа, не яко писанныя, но яко въ теле, несказанныя доброты, якобы за занавесами, ихъ же открывая, зритъ стоящихъ, и молитва къ Обои́мъ творяшеся. Отчего и пробудися, трезвенне имея сердце свое, исполненное духовнаго умиленнаго обрадованія, съ несомненнымъ извещеніемъ, яко есть угодно Богу.

75) Бысть единою сядящу ему, внимая по обычаю молитве, и восчувствовалъ изменяющуюся², того ради внимательнее сталъ съ болшимъ усиленіемъ понуждаться, еже бы и еще отъ себе приложить стараніе, и тако весь умне простресе и воспалися божественною желательностію къ Самому Господу Богу, ибо не доумеитъ, какъ наименовать тогда действующуюся ко Господу любовь, яже бысть въ сердце и во внутренности, и во всемъ теле, отъ радости, сладости и утешаемыя къ Богу любве несказанныя, и отъ таковаго ощущенія дотолико взять былъ ко Господу, что возчувствовалъ всего себе измененна, светла и светомъ объята, и аки изышедша изъ тела. Но како изыде изъ тела, изъявити того не возможно, ибо тогда отъ великія радости о Бозе и радости, всего его объемлющія, не чувствовалъ своего на себе телеси. Но видехъ себе возвышенна на воздусе, сядяща ³кроме тела³ въ совершенномъ памятстве и бодрости; дотолико былъ трезвъ въ памяти, что даже помышлялъ и размышлялъ: како держится на воздусе безъ тела? Ибо бодрственно и явственно видитъ свое тело мертво, бездушно лежащее внизу въ одъдаленности отъ него. И тако надолзе зритъ себе на воздусе одержима, но каковыя въ немъ были къ Богу чувствія — любовь, благодареніе и надеянiе на Его благость — великости ради не могъ мне изъяснить. Но тако рече ми: яко сіи чувства сами собою производилися, одно другаго предъупреждая и препобеждая; и темъ самымъ всего мя

¹⁻¹ имѣхъ простертый къ Богу во время обоихъ сихъ дѣйствій Л 199

² измѣняющуюся въ вѣдѣщую *Опт., Лесн.*

³⁻³ кромѣ тѣла (безъ тѣла) *Опт.*

вземля и распаляя въ желаніе ко Христу, въ любовь и благодареніе съ неизреченною и недоуменною сладостію. И тако во оныхъ сильныхъ ощущеніихъ аки начнетъ забыватися. А потомъ начнетъ мало приходить въ память, и начнетъ паки сумниться: ¹како изыде изъ тела¹. И тако нечувственне и неприметне, съ умаленіемъ къ Богу любленія уменьшится и сладость. И тако уже уразумеитъ себе сядяща и неисшедша изъ тела, но сердце тоскуетъ, аки терзается біеніемъ и метаніемъ на все стороны, почто она великая и непостижимая, тако всего его совосхитившая къ Богу любовь и радованіе сладящее отъиде отъ него? И отъ такихъ размысловъ, опечаляющихъ его сердце, паки воспалится весь къ Богу и темже подобіемъ зритъ себе, светла во свете на воздусе безъ тела, а тело его, о себе мертво лежащее. И все оныя прежде объявленныя действія видитъ и чувствуетъ явственнo и трезвенно въ полномъ уме и бодрости, какъ выше изъясленно.

Каковыя же после сего последняго действія были, а наипаче предъ кончиною и въ часъ скончанія, азъ недостойный не сподобихся отъ него слышати или видети, понеже по некоему случаю неволне съ нимъ былъ разлученъ. Но боголюбивый крестьянинъ, иже послужилъ тогда ему, сказалъ мнѣ тако: что во время болезни и при кончине своей, много кратъ воспоминаше мене недостойнаго. Незадолго же предъ скончаніемъ былъ яко отъ некихъ истязуемъ. Однако не опечаляшеся, ниже отчаявашеся, но благодушно надеяся на Божию милость, былъ въ совершенной памяти, и съ молитвою почи, и отъиде ко Господу, Ему же отъ юности до скончанія съ любовію, со смиреніемъ и простодушіемъ послужилъ.

При самомъ же скончаніи вероятно, яко былъ объять некимъ великимъ действомъ, и въ памятстве совершенномъ, ибо вконецъ уже изнемогшу ему тогда, помянутый служитель крестилъ его, его же рукою. Ибо Старецъ самъ токмо подымалъ, и отъ слабости уже не могъ до плеча доводить, того ради помаваніемъ заставлялъ, да руку его обноситъ. И тако обнося его руку, виделъ перси его вдымающіяся и трепещущія колебаніемъ необычно сильно. Того ради приложилъ руку свою къ его персамъ, и ощутилъ сердце въ немъ столь сильно біющее во все стороны, что даже почудился сей служитель. И до самаго последняго издыханія былъ въ молитве, съ молитвою испустилъ духъ — тихо, аки уснулъ. Но и по изшествіи духа еще долго сердце въ немъ трепеталось. И по смерти своей оставилъ свою правую руку въ показаніе всемъ своего благочестія въ вере:

¹⁻¹ како изыде изъ тѣла и что съ нимъ будетъ, яко изыде изъ тѣла. *Опт.*

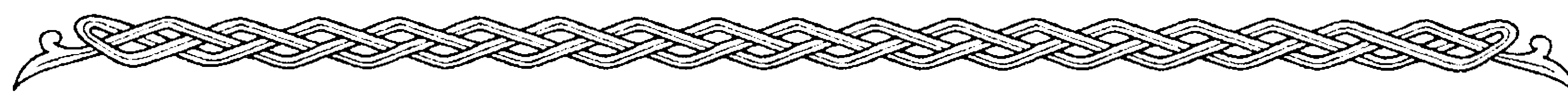

Старецъ Василискъ на смертномъ одре. Литография (ЦИАМ. Ф. 2393
«Московская духовная цензура», оп. 1, д. 4440, л. 143)

якоже крестился, тако и остались сложены три первыя болшія персты вкупѣ сложены, а послѣднія два меншія пригнуты ко длани. Будучи же въ живыхъ отнюдь не далъ съ себе портретъ написать отъ великаго смиренія, то уже после кончины тако, како лежаше во гробѣ, совершенно написанъ сходственно, и съ сложенною рукою.

Преставился въ Tobолской губерніи въ городе Туринске, въ Свято-Николаевскомъ дивичемъ монастырѣ 1824 года, декабря 29-го, то есть въ 5-мъ часу по полуночи, и погребенъ въ томъ же монастырѣ близъ соборнаго олтаря на северной стране.

О ДЕЙСТВИЯХ, БЫВАЕМЫХ ОТ СЕРДЕЧНОЙ МОЛИТВЫ

Публикуется впервые по единственному источнику — рукописи, хранящейся в Российской государственной библиотеке: Отдел рукописей, ф. 213, картон 98, № 15, лл. 1–5 (в составе подборки текстов на 8-ми листах; далее, на лл. 5 об.–8 об., следуют написанные тем же почерком выписки («Изъ книги Кормчей 6-го Собора правило 67», «Молитва на брань блуда», «Молитва, бываемая прежде еже уснути и о искушающемся во сне», «Молитва иная подобна», «Молитва на студныя помыслы»). Рукопись значится как труд и как автограф монаха Оптиной пустыни Порфирия (Григорова; 1803–1851), занимавшегося издательской деятельностью, и датируется приблизительно — [1830-е–1850-е гг.] — временем, к которому относится его пребывание в обители.

Атрибуция, однако, нуждается в уточнении. Возможно, что указанная подборка текстов и в самом деле была переписана рукою отца Порфирия, но протограф рукописи «О действиях, бываемых от сердечных молитв» никак не мог принадлежать ему, так как должен быть датирован временем до его рождения — последним десятилетием XVIII в., когда преподобные Василиск и Зосима жили в отшельничестве близ Коневского Рождественского монастыря. В кратком вступлении к тексту, написанном от лица неназванного подвижника, этот последний сообщает, что в бытность свою «на Коневском острове» он переписал из «малой книжицы» старца Зосимы повествование о действиях непрестанной молитвы старца Василиска.

Кто же был этот безымянный «списатель»? Коневский иеромонах Сильвестр (Петров), по благословению настоятеля старца Адриана присоединившийся «на безмолвие» к отшельникам Василиску и Зосиме, архитектор и строитель нового монастырского собора во имя Рождества Пресвятой Богородицы¹? Иеромонах Иона, келейник старца Адриана, в схиме Алексия, оставивший свои записки о жизни старца, изданные позднее кн. Дмитрием Урусовым²? Неизвестный подвижник из числа коневской братии или из приезжих, стекавшихся к святым пустынникам? Предположения эти гадательны и к тому же не согласуются с тем, что рассказал сам преподобный Зосима об истории своих записей: ведь с самого начала он обещал старцу Василиску хранить втайне записи о «чудных чувствах и действиях» сердечной молитвы старца, пока тот «в житии сем пребудет», и только с этим условием старец «согласился и не возбраняше написывати» все, что чистосердеч-

¹ Рождественский Коневский монастырь. Описание. Сост. архим. Пимен. СПб., 1892. С. 73.

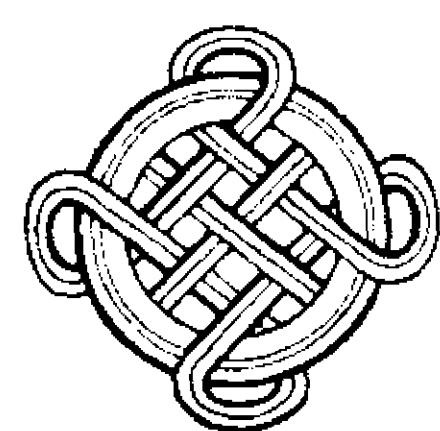
² См.: журнал «Странник». 1861 (март). С. 145–171.

но вверял своему духовному другу (см. «Житие монаха и пустынножителя Василиска», с. 132 настоящего издания).

В таком случае возникает еще одно, может быть, наиболее вероятное предположение: не было ли вступление к тексту, написанное от лица анонима, литературным приемом, к которому прибегнул преподобный Зосима? В сущности это был идеальный вариант краткого «рабочего» предисловия, который позволял без лишних слов перейти к тексту и задавал при этом нужный тон всему повествованию. В пользу авторства преподобного Зосимы говорит несомненная схожесть, по содержанию и по стилю, между анонимным вступлением и тем фрагментом жития старца Василиска, где речь идет о первоначальной записи благодатных действий его молитвы.

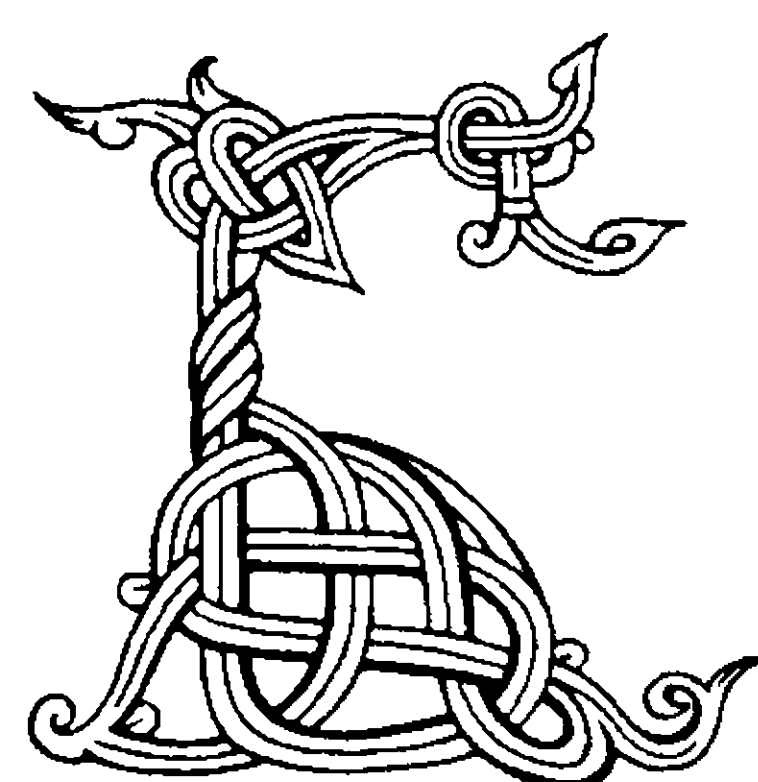
Так или иначе публикуемую рукопись следует рассматривать как первый набросок «Повествования о действиях сердечной молитвы старца Василиска». Здесь еще отсутствует нумерация описываемых действий, введенная впоследствии, а их число образует пока лишь около половины будущего состава.

Рукопись печатается без сокращений и изменений. Цифры в квадратных скобках отсылают к порядковым номерам тех действий в «Повествовании», которые соотносимы с представленными в этой первой редакции.

О ДѢЙСТВІЯХЪ, БЫВАЕМЫХЪ ОТЪ СЕРДЕЧНЫЯ МОЛИТВЫ

ыли некогда въ мою бытность на Коневскомъ острову два иноки пустынножители — одного звали Василиска, а другаго — Зосимой. Василиска былъ постарѣе какъ лѣтами, такъ и въ добродѣтели — Зосима младше и былъ ему ученикомъ.

Сей преподобной отецъ Василиска, будучи отъ многихъ лѣтъ — жительствовавши во уединеніи и пустынныхъ мѣстахъ, — притяжалъ себѣ великій сей отъ Бога даръ — глаголю сердечную молитву, и до толикой постигъ въ ней высоты и устроенія, яко ни руководѣлія дѣлати можаше, ниже псалмовъ когда пѣти; но весь умъ его всегда бываше въ непрестанной молитвѣ и духовныхъ видѣніяхъ; но какъ между ими была великая по Бозѣ любовь и единокровіе, и потому и ничтоже они когда другъ отъ друга что утаеваше, аще разумѣша быти другому на пользу душевную. Сей старецъ Василиска такъ же хотяше и ученика своего симъ даромъ, глаголю молитвою, обогатити, печашеся о немъ и поучая его на оную и сказоваше ему, какъ онъ оную съ великимъ трудомъ себѣ притяжалъ и колико о ней болѣзней подъялъ ради любви Христовы. Зосима же все сіе, елико слышаше, глаголемая отъ устъ своего старца, написоваше въ малую себѣ книжицу памяти ради, отъ котораго и азъ грешный себѣ

такъ же переписахъ, да поне некогда прочитавъ, смирюся и себе укорю али другому кому нѣкую пользу принесу когда. Сей старецъ, глаголаше Зосима, позналъ о сей сердечной молитвѣ, весьма о ней началъ подвизатися до толику — яко многажды въ великое приходилъ изнеможеніе и отъ долгаго въ ней понужденія и сердце великою болѣзнію удручая, такъ что уже невозможная болѣе не токмо въ сердцѣ молиться, но отъ великія боли сердца ниже ходити, ниже стояти, ниже сидѣти, но долгое время лежать на одрѣ. — Егда же болѣзнь его уменьшится и въ силу пришедъ, паки въ ней же сердечной молитвѣ упражнялся, и видя чрезъ то упущеніе чтенія псалмовъ и недоумѣвая о семъ, что угоденъ ли его сей трудъ и моленіе въ сидѣніи, и весьма долго о семъ смущался, потомъ приложилъ великое въ пищи и во всемъ воздержаніе и усердно о семъ помолвися, сълъ паки по обычаю (здѣ первое ему бысть дѣйствіе), и абіе внезапно изліяся въ сердцѣ его неизреченная сладость и во все тело, также и любовь къ Богу, такъ что онъ забылъ вся красная вѣка сего и вельми о семъ необычномъ утешеніи удивился, и толико былъ услаждаемъ и утѣшаемъ — яко отъ радости не мнѣхъ быти болѣе сего въ Царствіи Небесномъ. И оттолъ начаша ему быти различныя дѣйствія и чистая молитва.

Иногда якобы нѣчто хороше ястъ, и иногда подобно кипить въ сердцѣ его отъ чрезмѣрныхъ сладости. [2, 4]

Иногда же яко на воздухѣ летаетъ — утѣшаясь овогда будто что изливается изъ сердца его вонъ со сладостію. [5]

Иногда умъ свой видитъ — яко облако, восходящее на небо, и тогда ужъ въ сердце его молитвы нѣсть. Дондеже паки умъ возвратится въ его сердцѣ, бываетъ точію едина сладость и радость. [6]

Иногда же размышляя о женѣ Самарянынь, со Христомъ разглагольствующую при кладезѣ, и отъ того размышленія бываше великая въ сердцѣ его сладость. Овогда и отъ иныхъ теплыхъ размышленій подобнымъ образомъ дѣйствовала въ сердцѣ его сладость. [7, 8]

Нѣкогда сидя надолзъ — яко часа четыре и болѣе, и абіе внезапно подчюствуетъ безмерную радость и сладость, толикую, что уже и молитва прекратится; и только безмерною любовію ко Христу пламѣнѣетъ и услаждается. [10]

Иногда бываетъ яко весь находится въ молитвѣ тощъ, во всехъ членахъ его сама творится молитва и, отъ сего удивляемъ, утѣшается. [9]

Овогда же видитъ во снѣ, яко Христа носитъ младенствующаго и повелевающаго ему едино сіе дѣло имѣти, то есть носить

всегда Христа, дондеже возрастетъ, и абіе возбудясь отъ радости, многія слезы излія. [28. II]

Иногда бываетъ, что отъ великія радости и сладости и любви къ Богу недомышляется, коими бы словесы или глаголы наименовати Господа нашего Іисуса Христа, ибо сею молитвою Іисусовою, мнитъ, мало Его имяновати и, о семъ жалѣя, что не знаетъ, како Его нареци, бываетъ безъ молитвы, но только едина сладость кипитъ и преливается изъ его сердца аки источникъ. Егда понудится нѣкогда вообразити Христа въ своемъ сердцѣ яко Младенца, исполняется неизреченною сладостію. [11, 12]

Иногда отъ великаго утѣшенія и сладости — сидитъ въ молитвѣ часовъ шесть и болѣе и отъ чрезмѣрныхъ ко Христу любви и отъ помышленія своего недостойнства слезы сами изъ очей изливаются. [13, 14]

Бываетъ иногда, что не стерпѣвая въ сердцѣ своемъ сладости и радости, такъ же слезами весь орошается. [15]

Овогда же нападаетъ на него сладость не токмо въ его сердце, но и во все члены и составы, и во всей мнитъ быти крови и якобы не было такового уже въ немъ мѣста, идеже бы не страдало чрезмерно отъ сладости, такъ что бываетъ трепеть. [16]

Иногда бываетъ трепеть не токмо въ его сердцѣ отъ великія сладости, радости и любви къ Богу, но и все тѣло трепещетъ подобіемъ трясавицы; но токмо безболезненно и сладостно, такъ что едва сидѣть возможно. [17]

Случается иногда съ нимъ, что при великомъ утѣшеніи и трепетѣ уже не имѣетъ молитвы ниже силы молитися или нѣчто помыслити, и бываетъ тогда уже безъ дѣйствія, но токмо единою всей сладостію аки обліянъ. [18]

Иногда случается ему съ кемъ бесѣдовати или ходити или за трапезою сидѣть, ясти и пити; и молитва не прерывается со сладостію твориться. Случается, утрудившись, сидя дремлетъ, а молитва въ сердцѣ его сладитъ и будто чюственно сама о себѣ гласитъ, и почти никогда молитва въ немъ не умолцаетъ. [20, 19]

Толико ему отъ Бога сей великій даръ, молитва глаголю, даровался — яко единожды пребысть въ ней безпрестанно до 12 часовъ. [22]

Иногда толикая радость и сладость впадаетъ въ его сердце, яко не знаетъ, кѣими словесы изъяснити или къ чему уподобить, а потому отъ него о семъ и умолчано. [23]

Иногда съ великою сладостію и любовію яко Самаго Христа во образѣ младенствующаго разумѣетъ быти въ своемъ сердцѣ. [24]

Иногда же отъ великія любви и утѣшенія, якобы Христа объемлетъ яко друга въ своемъ сердцѣ. [25]

Бываетъ и сіе, якобы изъ всехъ жилъ и составовъ его и костей — яко некія рѣки текутъ въ его сердце безмерныя сладости со извѣщеніемъ, яко сіе отъ Божія благодати ему ниспослается. [26]

Иногда сидя во время молитвы — уснетъ и бываетъ въ различныхъ духовныхъ видѣніяхъ, изъ нихъ же быша многія достопамятныя. [28]

Иногда зреть страшныя мѣста, иногда же видитъ Рай, то есть утѣшительныя мѣста и, возбуждась отъ сна, много по семъ плачетъ. [28]

Зреть часто откровенія, нѣкоторыя отъ нихъ имутъ еще збытиса, другія же отъ нихъ тако уже исполнились. [28]

Иногда отъ долгаго сидѣнія и понужденія возболитъ его сердцѣ и симъ весь и уже не надѣясь получить обычнаго дѣйствія, и абіе нечаянно нападаетъ дѣйство молитвы съ неизреченнымъ утѣшеніемъ — и ту абіе болѣзнь его вся погибаетъ и бываетъ весь здоровъ. [29]

Иногда желаетъ и тщится обрести дѣйство молитвы, но не можетъ; и чрезъ то извѣщается яко Божіе съ нимъ есть милосердіе. [30]

Иногда яко свѣтъ разноцветный осенялъ надъ главою его и простирался къ небеси, и невозможно тогда уже было ему молитвы производить отъ чрезмѣрной радости, кипящей въ его сердцѣ и во всемъ телѣ; но былъ аки изумленъ и ожидая, что по семъ послѣдуетъ, и абіе по утишіи сего видѣнія наподобіе аки во время мраза не стерпѣвая отъ великія сладости, нападшей на все тѣло его. [31]

Седя иногда надолзѣ и внимая усердно молитвы, абіе нача вельми услаждатся его сердце и аки бы разпространилось и наполнилось пламенемъ огненнымъ, чему онъ весьма тогда удивляясь и недоумѣваясь, что творити — приложилъ къ сердцу правыя руки перстомъ и абіе аки опалился перстъ, того ради и отнявъ руку прочъ, и размышляя въ себѣ, что будетъ далѣе. — Потомъ нача аки облако мрачное вокругъ пламени находить, и подумалъ онъ, видно уже болѣе мне отъ милости Божія дано не будетъ. И болѣе нача темности умножаться, и потомъ все вдругъ исчезло и молитва потомъ долго не творилась; но паки пошла по обычаю своему. [31]

Во время услажденія бываетъ всегда нѣкое благовоніе, хотя и тупое по естеству имѣетъ обоняніе, однако во время молитвы ощущаетъ наподобіе какъ бы благовонныхъ цвѣтовъ или ладана. [32]

Толико ему дадеся отъ Бога сея въ сердцѣ молитва, что почти все сутки въ ней сиденіе имѣетъ и всякое рукоделіе того ради оставилъ. [33]

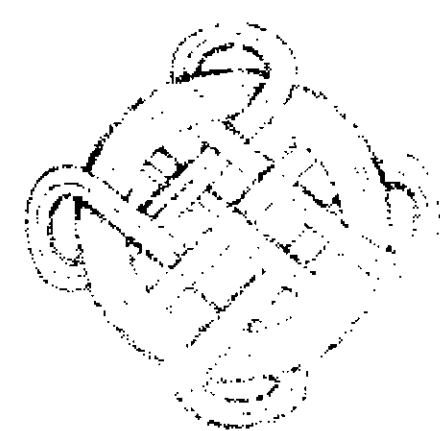
Иногда нѣкоторыя ради potreбы востаетъ и хочетъ окончить обычнымъ малымъ чтеніемъ, и тщится внимати чтенію, но не можетъ, понеже молитва сама по себѣ говорится въ сердцѣ со улажденіемъ. [34]

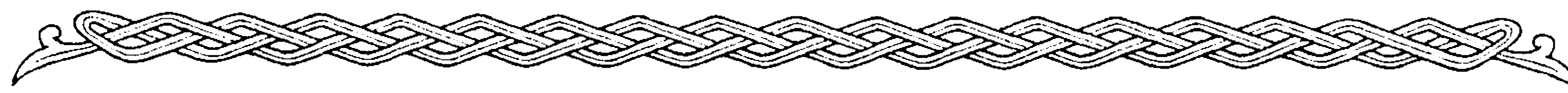
Иногда такой бываетъ трепетъ отъ великаго кипенія со сладостію сердца и во всемъ телѣ, что едва отъ трясенія и колебанія усидѣть можетъ и толико улучшить сладость, радость и любовь съ прочими неизглаголаннми чюствительностями; а наипаче отъ необычнаго толикаго движенія и трепета, что уже и голову аки безчюственную и наподобіе привязанную, опущенную и качающуюся имѣетъ, равно также руцѣ и нозѣ. [37]

Единожды пожелавъ отъ любви быти за Христа мучень и абіе во время молитвы уснулъ, и видитъ и слышитъ, что довлѣетъ ему сего, аще будетъ всегда плакать. [36]

Иногда, будучи привзятъ чрезъмерною сладостію и любовію ко Христу, и аки чувственно Самого Христа въ подобіи челоуѣчествѣмъ въ сердцѣ своемъ зритъ и аки Его лобызаніемъ утѣшаетъ и прохлаждаетъ страждущѣе его сердцѣ отъ неизреченныя сладости. [38]

Конецъ.

НАСТАВЛЕНИЕ СТАРЦА ВАСИЛИСКА, ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ

Автограф неизвестен. Публикуется впервые по единственному известному в настоящее время источнику текста — списку из рукописной книги иеромонаха Парфения (Агеева; 1807–1878), строителя Берлюковской Николаевской пустыни (1856–1858), основателя и игумена Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря (1858–1872). Книга хранится в Отделе рукописей Государственного Исторического музея в Москве: Епархиальное собрание, № 874а (в Епархиальное собрание рукопись включена в 1931 г. в составе коллекции рукописей Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря, которая поступила в ГИМ в 1927 г.).

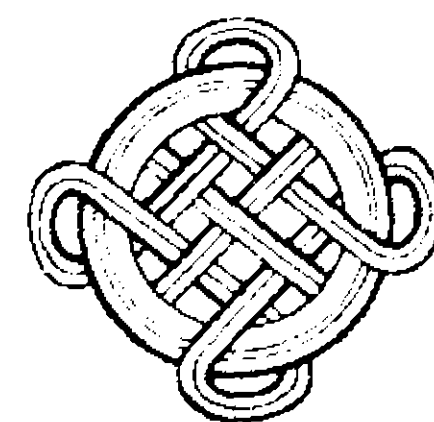
«Наставление» занимает лл. 48–56 (21,5x17); последующие листы книги (большая ее часть) остались чистыми, поэтому нет уверенности, что перед нами законченный текст, а не лишь фрагмент его. «Наставлению» предшествует (лл. 1–47) написанное той же рукой (скорописью) «Повествование о действиях сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска, списанная [так в рукописи] его ученикомъ Зосимой схимонахомъ Верховскимъ». Видимо, по этой причине в тексте следующего за ним «Наставления» нет указания на авторство преподобного Зосимы — здесь оно разумеется само собой. Наставление обнаруживает и внутреннюю — содержательную и текстологическую — связь с писанием преподобного Зосимы. Уже первая тема «Наставления» — о живущем в пустыне отшельнике, «невежде неученом», который отказывается наставлять инок («Кого я могу пользовати? Еще сам себе не научил полезным»), отсылая его вместо «кальной сей лужи» обратиться к «чистым источникам живых вод», то есть к Святому Евангелию, — определенно свидетельствует о том, что текст записан со слов старца Василиска. Основоположной чертой человеческой природы старца, как известно из его «Жития», было истинное смирение, и он точно так же старался всегда уклониться от учительства, «известуя себе быти невежду», так что даже преданного ему младшего сподвижника Зосиму «не принимал в степень ученической или сына духовного»: «Мне ли иных спасать и наставлять, сицевому невежи?» Мнение свое старец Василиск высказывал лишь «за послушание с великим смирением», «точию понуждения ради», и уж если кому и довелось записать его наставления, то только неразлучному с ним Зосиме. Наконец, о принадлежности «Наставления» письменному наследию преподобного Зосимы свидетельствует самый язык памятника, созвучный языку других творений старца.

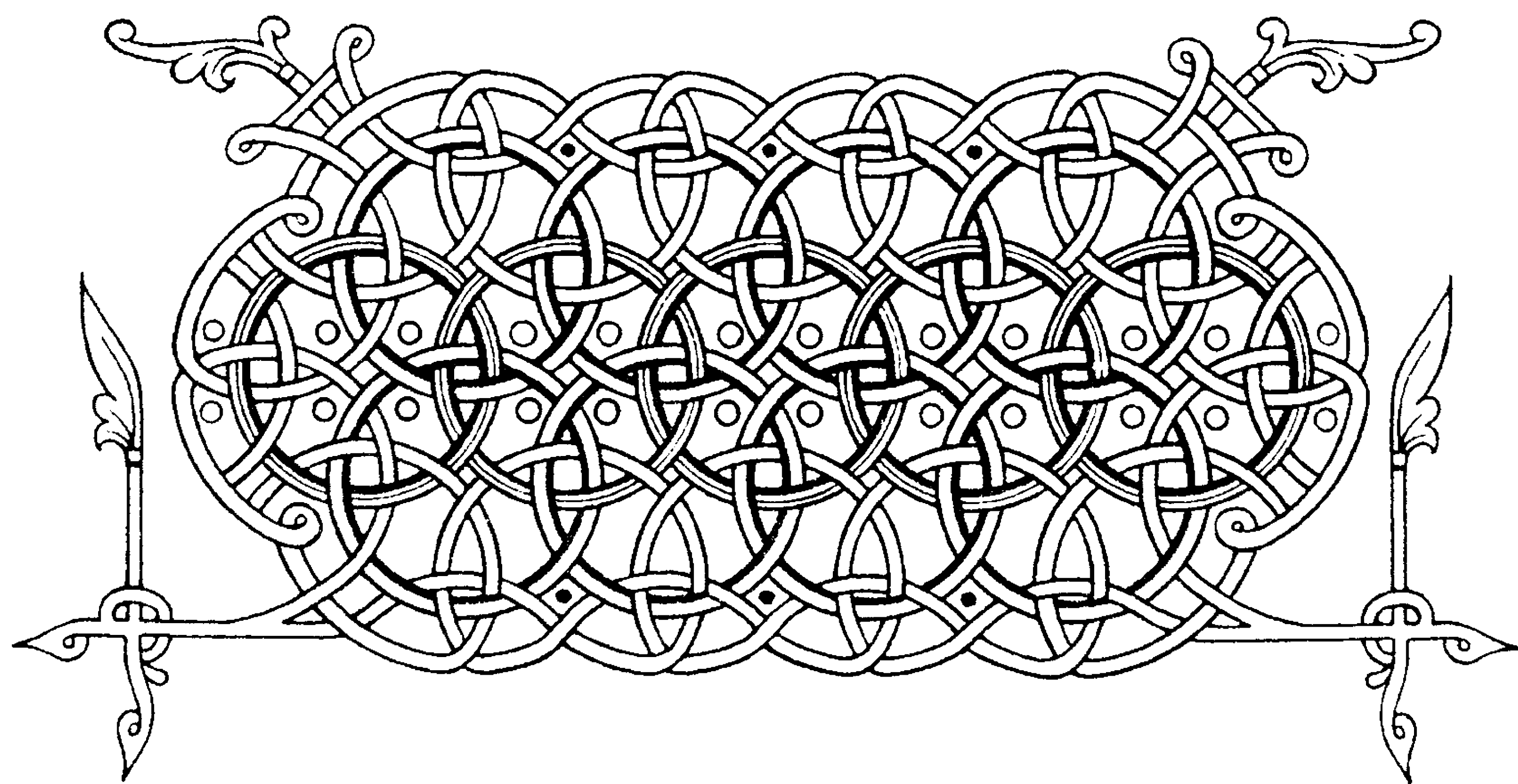
Рукопись не датирована. Та датировка, которая значится в библиографическом описании — 1810 г., — явно ошибочна, уже потому, что в «Повествовании о действиях сердечной молитвы» есть упоминание о

кончине старца Василия Белобережского, последовавшей в 1831 году. По владельческой записи на титульном листе (см. выше) рукопись датируется 1856–1858 гг. — временем, когда иеромонах Парфений был строителем Берлюковской Николаевской пустыни. Заметим, что список «Повествования о действиях сердечной молитвы» в рукописи № 8746 (поступившей в Епархиальное собрание ГИМ с той же Гуслицкой коллекцией) датирован последним годом настоятельства игумена Парфения: «Окончено 30 сентября 1858 г. во обители Берлюковской [так в рукописи] — Моск.» (л. 55).

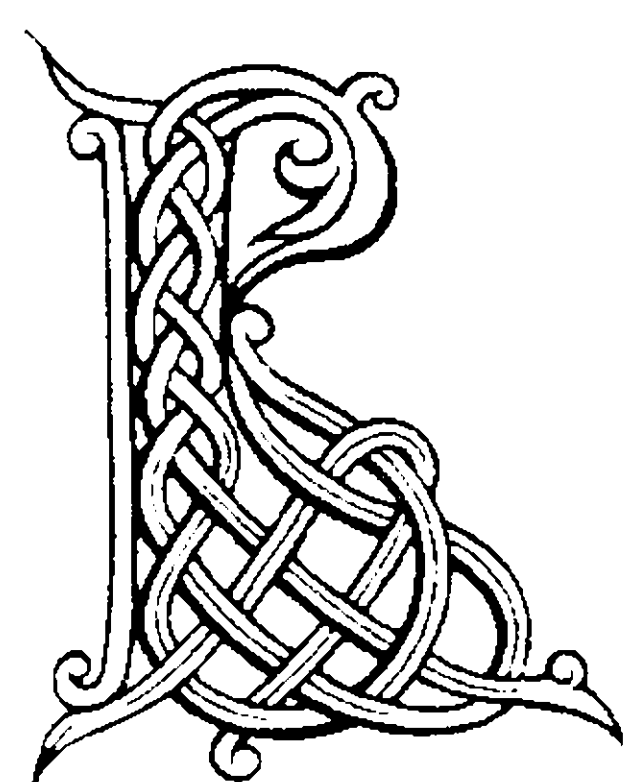
О времени написания «Наставления» преподобным Зосимой остается судить лишь гипотетически, в плане относительной хронологии. «Наставление» могло быть написано раньше других произведений — до жизнеописаний Петра Мичурина и старца Василиска, «Повествования о действиях сердечной молитвы» и, разумеется, до «Поучения о послушании». Естественно предположить, что преподобный Зосима, при его склонности к писанию, стал записывать слова старца Василиска с самых первых встреч и духовных бесед с ним — с 1789 года, когда двадцатилетним юношей «кроткий и послушливый» Захария удалился к пустынникам в Рославльские леса, получив в Санкт-Петербурге увольнение от службы и оставив *миръ и яже въ миръ*. В сущности «Наставление» излагает как раз те воззрения и советы старца Василиска, которые именно на первых порах услышал от него преподобный Зосима и которые определили начало его подвижнической жизни («... отец Василиск, утвердив, наставив и утешив молодого воина Христова, отправил его в полк святой» — в Коневский Рождественский общежительный монастырь).

Текст печатается без сокращений и изменений, пунктуация приближена к современным нормам. Подстрочные примечания сделаны редактором.

НАСТАВЛЕНІЕ СТАРЦА
БАСНАНСКА, ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ,
ИЗЪ ЕГО МНОГНУХЪ ПОУЧЕНІЕ, ЗДЕСЬ
НЕСКОЛЬКО НАПИШУ

Въ нѣкое время въ богоспасаемомъ монастыре единъ инокъ написа хартію и посла ко отшельнику, въ пустыне живущему, пользы ради впадшаго сице во уныніе и во отчаяніе надежды своего спасенія, и спроситъ душеполезнаго подкрѣпленія и обязуя именемъ Божиємъ: «Не презри моленія моего, яко скорблю зѣло».

Тойже отшельникъ, невѣжда неученой, усумнѣся и глагола въ себѣ: «Что сіе, Господи? Кого я могу пользовати? Ещѣ самъ себѣ не научилъ полезнымъ». И глагола себѣ: «Сіе взаимно пошлю обратно просимое сіе письмо со словомъ, глаголя: «Любезне, почто просишь воды напиться отъ кальной сей лужи? Самъ живешь при чистыхъ источникахъ живыхъ водъ, и всегда се почерпаешь и переливаешь, и кто тебѣ возбрани напиться? Сіе же всякой піетъ и жажду утоляетъ, то есть Святое Евангеліе всегда читаетъ, аки живую воду переливаетъ. Почто не познаваешь силы? Ащѣ си хочешь спасенъ быти, тамо услышишь Господа, глаголюща къ тебѣ о всякой се пользѣ. Аще чего недостаетъ къ совершенію спастися, потомъ глагольтъ ти Христосъ — испытай Писаніе и въ немъ обрящещи животъ вѣчный. Егда въ преполовенія праздника возглагола Христосъ: «Жаждай да грядетъ ко

Мнѣ и да піетъ источниче жизни нашея»¹, а иногда глаголетъ: «*Приидитъ ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы*»². Слыше, человекъ Божій, на готовую зоветъ тя Христосъ пользу, ты же ищешь тамо богатства, гдѣ нетъ его ничего, вопрошаеши у человека груба и невѣжды, онъ же самъ себѣ не уполюзова. Еще же ищещи издалека Христа, Онъ же близъ тебя, Писаніе глаголетъ: «Человече, не ищи далеко Христа, Онъ весь сицѣвъ внутрь тебѣ».

А ещѣ есть польза живущему въ скорби и слѣдующему за Христомъ. Хотяще идти на страданіе и на смерть вольную, скорбны были святія апостолы; Христосъ же утешаше ихъ Своими сладкими и мѣдоточивыми словами: «Въ міръ скорбь имѣти будетъ, но скорбь ваша въ радость обратится. Егда раждаетъ жена, скорбитъ, а после веселится, яко отроча въ міръ родися. Тако и вы ещѣ въ скорбяхъ Моихъ пребудетъ, потомъ возрадуется и взыграетъ. Въ той день аки телець отрешенъ будетъ отъ привязанія, тако и вы, Мои любимые, по скорби разрешены будутъ и возрадуется, тогда радость ваша не отымѣтся отъ васъ никогда вѣки»³. Слышалъ, человекъ Божій? Не входятъ отъ радости въ радость, но по скорби покоятся; да и ты хочешь послѣдовать за Христомъ — въ началъ навъкъ терпѣть скорби Христа ради, якоже и Онъ для тебя страда, а послѣдокъ будешь обнадѣженъ вѣннати въ вѣчную радость со Христомъ; глаголя апостолъ: «Аще страждемъ со Христомъ, съ Нимъ и прославимся»⁴. Тако не хочетъ насъ Христосъ иной пищей воспитывать, но какъ Самъ былъ воспитанъ отъ Отца Своего, то есть писано: «*Мнози скорби праведнымъ и отъ вѣхъ ихъ избавитъ я Господь*»⁵, тако глаголетъ Христосъ: «Хочу Моимъ любезнымъ, да въ скорби пребываютъ, а не въ веселіи и радости; въ радости разливаются и отъ Бога удаляются, хотя и нехотя къ плотскимъ страстямъ прилепляются и врагу Божію порабощаются и пленяются ему и вечно погибаютъ», а ещѣ глаголетъ Христосъ: «Аще безъ наказанія есте, еще не сынове, но любодѣйчища: егда отецъ сына любитъ, его же и наказуетъ, біетъ, егоже и пріемлетъ»⁶.

Егда слышимъ, пришли ко Христу мати, братія и сестры, видѣти хотяща и бесѣдовати со Христомъ, со возлюбленнымъ Сыномъ Своимъ, и не можаше видѣти народа ради, и послаша

¹ См.: Откр. 22, 17.

² Мф. 11, 28.

³ См.: Ин. 16, 20–33.

⁴ См.: Рим. 8, 17.

⁵ Пс. 33, 20.

⁶ См.: Евр. 11, 8, 6.

къ Нему чрезъ люди. Слыша Христосъ и согляда окрестъ Себѣ на апостоловъ, и глаголя: «Се, отецъ и мати, братъ и сестра Мнѣ есть, кто сотворитъ волю Отца Моего, Иже есть на небѣси»¹. Сіе прежде писалъ, что есть истинный Христіанинъ, показа тебѣ Христосъ: аще сотвориши волю Божию, и сохраниши заповеди Его, и будешь истинный Христіанинъ. Безъ сего невозможно никому спастися.

Слышимъ и видимъ Богородицу, сколь вѣликой чести и славы удостоилася: бысть Божіею Матеріею и Царицею Небѣси и земли. О семъ писано есть: аще бы и Богородица не сотворила волю Божию, не была бы тако прославлена. Како мы, не имѣя добрыхъ дѣлъ, и спастися хощемъ?

А по семъ по глаголаніи Христосъ о Отцѣ и Матери перенесъ слово на творящихъ волю Божию, некая бы се Свою Матерь уменьшая, но преимущество дая добродѣтели творящимъ.

О томъ, что уже много Христосъ Самъ прошеніемъ симъ стужаетъ, глаголя: «Продаждь имѣніе и даждь нищимъ»². Не скорби о семъ ни для себя, ни для нищихъ. Прошу отъ тебя оное, пачеже для тебя глаголетъ сіе: «Могу питать нищихъ, се моя... вселенная и исполненіе ея»³: аще восхощу хлѣба, изъ снега муку сотворю; аще денегъ восхощу, горы золотыя будутъ и каменіе драгоценно. — И всѣ лѣса плодовитыя, воды мѣдовыя, траву овощемъ сотворю, вездѣ Сый и вся исполню. Не сего бы хочу тлѣннаго имѣнія твоего, но нетленную душу твою въ любовь ко Мнѣ привлеци желаю». Глаголетъ Христосъ: «Больше всего отъ тебе ищу, да любиши Мя, якоже Азъ тя. Что не сотворихъ, все для тебя, да любиши Мя паче всего. Сіе-то есть всемъ любящимъ Мене: Небо и земля для тебя и вся, яже на ней, и душу сію Мою полагаю за тебя. Небесное Царство обѣщаю любящимъ Менѣ и что се Небесное Царство, но плотіею Моею кормить буду и кровію поить». Правда Христова: уже здѣсь любящій Христа плотію его питаются, то есть Тайнъ Святыхъ причащаются. Сіе подобно тому, какъ бы одинъ къ другому другу пришелъ въ гости и отъ радости любовной не можетъ болѣ друга своего угощать, нача рѣзать плоть свою и точить кровь свою, глаголя другу своему: «Яждь плоть мою и пѣй кровь мою, симъ познаешь къ тебѣ любовь мою».

Симъ образомъ и Христосъ содѣла — показа къ намъ безмерною любовь Свою.

¹ См.: Мф. 12, 46–50.

² Мф. 19, 21.

³ См.: Пс. 49, 12.

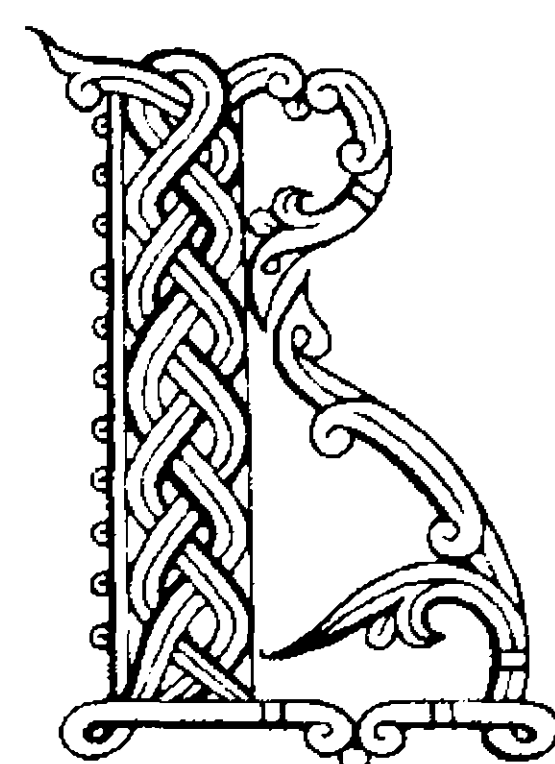
А еще тому же подобно Богородицѣ всехъ родовъ единой избранной быти и Христа носить и родить, и Божіею Матерью быть, и Небесной и земной Царицею быть. Велико чудо сіе, не токмо человеки чудятся, но и ангели¹ — во Успенскомъ акафистѣ глаголетъ: ангели, видевши Успеніе Богородицы, удивившася, како Дѣво восходитъ отъ земли на небо.

Да и вси святіи малымъ чимъ отъ Богородицы отстали, егда глаголя Христосъ сіе ко Отцу Своему: «Отче Святыи, Едино есмы — Азъ въ Тебѣ, а Ты во Мнѣ, да и тѣи се вѣрующіи въ Насъ будутъ, а Мы въ нихъ, да и тѣи святіи будутъ, якоже и Мы святіи»². О! чудо превеликое и предивное — божественная огнепалимая къ намъ любовь! Сице не такъ на небѣ хочетъ Богъ покоитися, какъ въ боголюбивой душѣ человѣческой. О! Крайняго нужно вниманія и праваго разсужденія: Самъ Богъ хочетъ любить насъ и съ толикимъ богатствомъ онымъ, яко океанское море неизчерпаемое, хочетъ съ бѣдною нашею нищетою совокупить и въ безконѣчныя вѣки вкупѣ и нераздѣльно съ нами жить. И святыи Златоустъ поминаетъ еще о прежнихъ благодатехъ, глаголетъ сіе: «Колико пріяли дары отъ Господа, сіе Христовымъ страданіемъ сообщается, безсмертнымъ животомъ Его, аще причащаемся, аще нудимся съ мудрыми дѣвами на сретенія жениха со светлою свѣцею душевною, палимыя любовію: уготовимъ се домъ нашъ любимому гостю; якоже подобаетъ царю прежде входа очищать палаты, сице кольми паче намъ нужно. Хощемъ пріяты Небеснаго Царя въ домъ души нашея — очистимъ прежде прихода Царя нашего Иисуса Христа, очистимъ души страхомъ Божіемъ, вымоемъ водою слезною, оботремъ платомъ, поминая смертный часъ и Страшный Судъ по смерти. Всегда о семъ плачемъ: паче бо всѣхъ добрыхъ дѣлъ любитъ Богъ плачущаго. Чего ради и мать не терпитъ, видя чадо свое плачущее, хватаетъ скорѣе на руки своя и утешаетъ его. Кольми паче Богъ. Писано бо есть еще: таковаго нетъ отца и матери любить своихъ чадъ, якоже Богъ насъ любитъ. Симъ душевный сей домъ нашъ украшается, а постомъ и молитвою, аки кадиломъ, благоухается, и паче же всего горячею любовію ко Христу палимымъ быть, такожде и брата своего любить, якоже самаго себя. Симъ исполняется домъ душевный. И аще таковъ сотв[о]римъ его, прійдетъ Христосъ по обѣщанію Своему въ домъ души твоей со Отцемъ и Пресвятымъ Духомъ и вечеряетъ, и обитаетъ, и будетъ ему ве[се]ліе и радость въ безконѣчныя вѣки со Отцемъ и Сыномъ и Пресвятымъ Духомъ. Аминь.

¹ Так в рукописи.

² См.: Ин. 17, 20–23.

СЛОВО О СПОКОЙСТВІИ ДУШЕВНОМЪ И О ЖИТІИ МОНАШЕСКОМЪ

о Евангеліи, егда глаголя Христосъ къ вопросившему о первой заповѣди, кая бы больше всѣхъ, и паки глаголя Христосъ: «Первая и большая всѣхъ заповѣдь: возлюбиши Господа Бога твоего паче всего»¹. И отвѣща вопросивый: «Сіа вся сохранихъ». И паки глаголя Христосъ: «Аще хочещи совершенъ быти, продаждь имѣніе свое и даждь нищимъ, возми крѣстъ, и гряди въ слѣдъ Менѣ»². Сей аще и не послуша Христа, но потомъ любящии Бога послушали, и послѣдовали житію Христову: имѣніе продали и нищимъ раздали, крестъ взяли, и въ слѣдъ за Христомъ пошли, то есть въ монахи. Кажется бы въ совершенство, и паки глаголетъ Христосъ: «Аще и во-слѣдъ Меня пошелъ, а креста не носитъ, несть Мене достоинъ». То есть, и въ монахи пошелъ, а дѣлъ монашескихъ не творить и нѣтъ и что бы не достало.

И паки глаголетъ Христосъ: *«Приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи... Возмите иго Мое на себе и научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обратятъ покой душамъ вашимъ»*⁴. Вот чего не достало — креста ношенія: въ монахи пошли, а кротости и смиренія не приняли; подобно дѣвамъ юродивымъ многія труды подъяли, а покоя не получали. Подобно сему и здѣсь, въ житіи монашескомъ, сіе по Христову слову: оставили се вся житейскія мятежи и попеченія суетная для спасенія и покоя душевнаго, но не всѣ получаютъ душевный покой: овы покоятся, а овы безпокоятся, немирны и сами, но и живущіи съ ними не имѣютъ покоя. Почто бы сіе? Все равно міръ Христа ради оставили и въ монастырь въ одномъ, и во всѣмъ равенство. Овы спokoятся, овы безпокоятся и на иное мѣсто переходятъ, и тамо безпокоятся, и живущихъ съ ними безпокоятъ. Но сіе не просто ниже прилучися, развѣ недостатокъ разсужденія прежде всего. Всякая вѣщь требуетъ разсужденія и предохраненія, а всего нужнѣя глубокое смиреніе, по Христову слову, ибо глаголетъ: *«Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обратятъ покой душамъ»*. И ащѣ кто по Христову слову не имѣетъ сего душеспасительнаго ига кротости и смиренія, и уже не найдетъ нигдѣ покоя ни на коемъ мѣстѣ не токмо на земли,

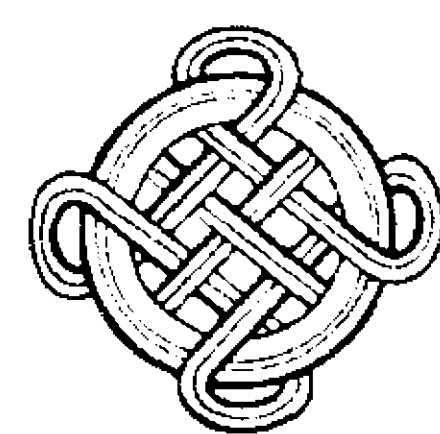
¹ См.: Мф. 22, 36–38.

² См.: Мф. 19, 21; 16, 24.

³ Так в рукописи.

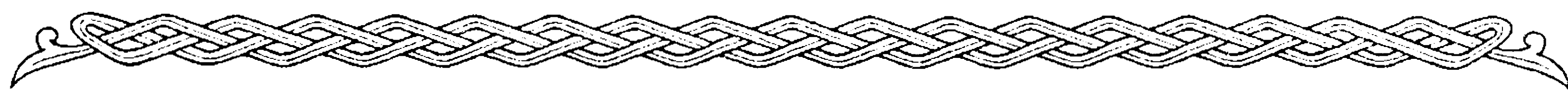
⁴ См.: Мф. 11, 28–29.

но ащебы и на небѣси, и отъ толѣ гордые свержены, вездѣ *гордымъ* Богъ *противится, а смиреннымъ даетъ благодать*¹, понеже Богъ въ смиренныхъ и кроткихъ живетъ и покоится, а потомъ глаголетъ: «Вы естѣ храмы Божіи, вы естѣ дома Божіи, вы естѣ церковь Бога живаго, живущаго въ Немъ Отца и Сына и Духа Святаго, а потому егда сіе глагола Христосъ къ вернымъ: «Аще заповѣди Моя хранитѣ, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ. Самъ прииду къ нему и явлюся ему со Отцемъ Моимъ и Святымъ Духомъ, вѣчеряемъ въ немъ и обитель въ немъ сотворимъ, и будетъ ему вечная радость и веселіе безконечное»². Аминь.

¹ См.: Иак. 4, 6.

² См.: Ин. 14, 21, 23.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА МИЧУРИНА В ПУСТЫНЯХ СИБИРИ

Автограф и списки авторского текста произведения не известны. Оно дошло до нас лишь в переработанном виде: в переводе на русский язык, вместе с «Житием монаха и пустынножителя Василиска», оно было опубликовано в 1849 году монахом Оптиной пустыни Порфирием Григоровым¹. В 1863 году, спустя тридцать лет после кончины преподобного Зосимы, вышло второе издание книги² с незначительными изменениями и дополнениями, которые (как и в «Житии» старца Василиска) частично устраняли редакторскую правку первой публикации и уточняли перевод, приближая его к авторскому тексту — последний, несомненно, был в распоряжении издателя. Издание было повторено в 1899 году³.

Еще один вариант — не перевод, но близкое к тексту изложение — сохранил уже упоминавшийся трактат иеромонаха Арсения Троицкого «Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынножителя Сибирских лесов»⁴, датируемый 40-ми годами XIX века. Трактат содержит два раздела о Петре Мичурине, составленных по образцу предшествующей части, посвященной старцу Василиску: «10) Очерк жизни и научение внутренней молитве ученика старца Петра; 11) Ощущения сего Петра при внутренней молитве». Молитвенные действия блаженного Петра пронумерованы здесь римскими цифрами (I–XX) и даны в несколько иной последовательности, чем в тексте печатного издания. Неясно, что положено в основу этого изложения: оптинское издание 1849 года или список подлинного, авторского, текста? Есть основания полагать, что иеромонах Арсений, работая над трактатом, пользовался именно текстом в его первоначальном виде и излагал «Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина» в собственном переводе, а не по переводу публикации. Вот одно из подтверждений. Фрагменту публикации 1849 года:

¹ Записки о жизни и подвигах Петра Алексеевича Мичурина, монаха и пустынножителя Василиска и некоторые черты из жизни юродивого монаха Ионы. М., 1849. С. 1–18.

² Изречения старца схимонаха Зосимы и извлечения из сочинений его, с присовокуплением им же составленных жизнеописаний монаха и пустынножителя Василиска и Петра Алексеевича Мичурина. М., 1863. С. 148–169.

³ Житие и подвиги в Бозе почившего блаженного памяти старца монаха Василиска, сподвижника схимонаха Зосимы Верховского. М., 1899. С. 67–80.

⁴ См. публикацию А. М. Пентковского: Память о молитвенной жизни старца Василиска, монаха и пустынника Сибирских лесов (Послание) // Символ. № 27. Париж, 1992. С. 314–319.

«Иногда от других духовных впечатлений, которые приводили его в такое настроение, он весь изменялся в любовь и изливался в благодарениях Богу» —

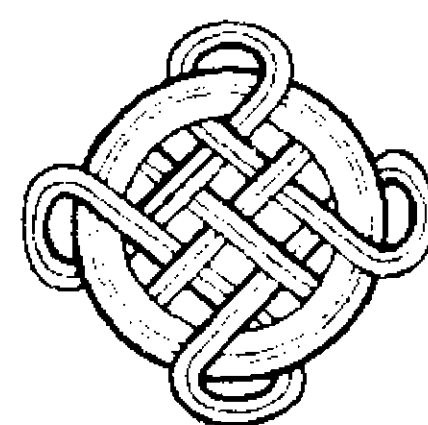
у Арсения Троепольского соответствует V действие молитвы «Сладостное благодарение Богу»:

«Также и от многих других духовных размышлений, которые приводили его в пламенное состояние, он весь предлагался в сладостную любовь и изливался в благодарениях ко Господу».

Текст Арсения Троепольского — не изложение редакции 1849 года, но собственный перевод подлинного текста, более строго следующий ему, в частности, терминологически, — ср. в «Житии монаха и пустынножителя Василиска»: «И такового ради отъ обоихъ сторонъ единъ ко другому уваженіа нашего и смиренія, вскоре преложилися на первое, истинное усердіе и любовь другъ ко другу...»

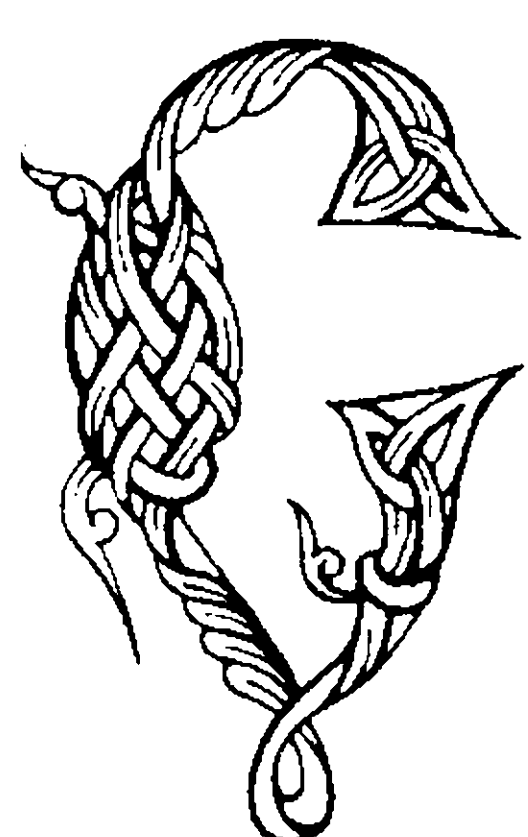
Авторской датировки в тексте нет. В примечании редактора оптинского издания (монаха Порфирия Григорова, по всей вероятности) сказано, что Петр Мичурин «скончался в Сибири прежде своего старца Василиска за несколько лет». Из текста жития следует, что оно написано при жизни старца Василиска († 1824): в нем нет упоминания о кончине старца, в последнем абзаце использована форма настоящего времени («Старец свидетельствует о нем так...»).

Печатается по тексту издания 1849 года с указанием разночтений в издании 1863 года.

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВНА ИЛЮМИНА В ПУСТЫНЯХ СИБИРИ

лава Богу! — Всегда была и есть надежда хотящим спастися; и в нынешнее время явилась благодать Святого Духа. Как виноградная лоза на неплодной земле, в стране Сибирской, Томской губернии, в округе Кузнецка Сарчумьского форпоста, от родителей благочестивых, из дворян, отца Алексея, матери Домникии, родился сей юноша Петр и вырос в добром воспитании в доме родителей своих. Потом находился в военной службе; напоследок предал себя самого на службу Господу Богу во иноческую жизнь, да предстоит как свеча одушевленная пред Богом, в радость и торжество Ангелам, со всеми угодившими Богу. Имея 20 лет от рождения своего, он выполнил Божии заповеди. Воистину желателен для Господа Иисуса Христа такой служитель и много приятнее Ему всяких вещественных даров, приносимых Ему во храмах, хотя и они благоприятны Ему. Хотя Господь знает спастись всех желающих спастися, во всяком звании, со всем тем — как небо разнствует от земли, так мирское обычное супружеское житие отстоит от чистого иноческого пребывания, к которому Христос всех приглашает, глаголя: *«Продаждь имение твое и дай нищим... и гряди вслед Мене»*¹. Но

¹ Мф. 19, 21. В издании 1863 г. после этих слов следует: то есть в цело-

*Преображенский собор в г. Кузнецке.
Слева на заднем плане — крепость. Фотография 1920-х гг.*

мало слушают сего гласа Христова, не распаляются живою верою и любовью ко Христу Спасителю нашему; ослепила очи наши суета века сего более, чем слепорожденных младенцев, хотя мы сами знаем¹ многих великих святых прославленных, которые в иноческом чине Богу служили. О, какое великое благо — пойти вслед Христа и по Его хотению проводить свою жизнь, и по смерти, на бесконечные веки в неизреченной Его славе и радовании, при Нем быть, по глаголу Самого Христа Господа: «хощу, да идеже буду Аз, ту и слуга Мой будет»²! О неопенимое достоинство служить Христу, все достоинства превосходящее! И юноша Петр предъизбрал себе его в здешней стране, один из толикого множества народа, послушав Христа зовущего, и управил житие свое в угождение Христу.

Сам Господь Иисус Христос был послушлив Отцу Своему даже до смерти: выполняя веления Отца Своего, смирил Себя до бесконечного унижения, оставил небеса и небесное богатство,

мудренное равноангельское иноческое житие, дабы за сие сподобиться благодати Святаго Духа.

¹ В издании 1863 г.: сами видим и слышим.

² См.: Ин. 12, 26.

жил на земли в нищете. И блаженный юноша Петр, поревновав святых отец житию, возлюбил единого Христа; для Него, подобно святому апостолу Павлу, *вся уметы быти* вмени¹ и всех своих любезных родных, и отца, и мать, и братьев, и сестер оставил, от друзей и от всего сладкого и красного житейского, прельщающего на сем свете, удалился и вселился в пустынные пределы, по слову преподобного Илариона Великого: «прилепися к пустыне, как бы к матери своей любимой... Мать твоя молоком тебя воспитала, пустыня научит тебя любить Бога всем сердцем и напоит тебя разумом духовным, которым упрямудришься проводить жизнь свою в самобеднейшей нищете и злострадания постническом».

В начале своего намерения оставить мир, Петр, находясь еще в военной службе, оставил мясное и довольствовался постным; жажду едва утолял и много раз целые дни без пищи проводил; а когда готовился к причащению Святых Таин, тогда пять дней ничего не вкушал, побеждая себя непрерывным возношением в сердце своем молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» С великим вниманием и верою читал книги священные; и так был со всеми простодушен и дружелюбен, что все домашние и соседи любили его за нелестное его обхождение. Родители, видя такое в нем стремление к Богу, не возбранили ему оставить их, восприять житие иноческое и прилепиться к пустынножителям. С великой радостью получил он отставку от службы; ничего не потребовав из имения и ничего не имея при себе, как истинный нищий, ушел к пустынножителям и вскоре поручил себя одному из Старцев, именем Василиску, с верою и любовью в нераздумное повиновение и во всякое послушание. И с тех пор вконец отложил о всем потребном для жизни не только попечение, но и самое помышление: все возложил на Бога и на Старца! Начал жить вместе со Старцем и усердно прилежал к наставлениям его, «день ото дня преуспевая в постнических подвигах и распаляясь любовью к Богу».

С благословения Старцева начал умять пищу и питье и воздерживаться от всяких сладких вещей, особливо от тех, которые привлекали его; и до такой степени от них охранялся, и в такой навек пришел, что уже никогда ими не прельщался; избегал излишнего сна, одевался рубищными и небрежными одеждами, на всякое послушание охотно вдавал себя; но отнюдь ничего своему не делал, а все со спроса и с чистою откровенностью; от трех или четырех фунтов обычной своей пищи приучил себя

¹ См.: Флп. 3, 8. Уметы — помет, сор.

довольствоваться одной литрою¹, то есть 3/4 фунта, иногда и менее, хлеба, и малым количеством воды²; да и то не всегда, а чаще один хлеб без соли и без всякого варева, даже и водою не смачивая, вкушал часу в третьем по полудни или близ вечера. Часто в летние жары томил себя жаждою до изнеможения, и все это не самоумно и не самовольно так делал, а по дозволению Старца. Привычку спать на постели совершенно оставил, но во все время своего пребывания, сидя, умиленным дреманием, воспринимал сон, отчего ноги его страдали опухолью; но он и не смотрел на то. Сердечною своею любовью ко всем соживущим братьям вдавался на всякое послушание и вспомоществование охотно. Но Старец, видя возрастающую в нем любовь к Богу и сердечное стремление ко Господу Иисусу, велел ему более безмолвных коленных постнических подвигов держаться и открыл ему о внутренних действиях сердечной молитвы и как проходить оную. Господь же, за нелестное сердце Петра и любовь его к Богу, даровал ему действие чистой молитвы, до такой степени утешая и услаждая его душу и все внутреннее существо, что иногда, как бы в исступлении вне себя бывая, он весь в движении и трепете виделся. До того сгорал он любовью к Богу³, что, не в силах будучи выносить и скрывать, уже громогласно, бывало, вызывает к Богу и умиленно благодарит Его милосердие над ним; иногда же чувствует внутри себя и отвне благоухание, превосходящее всяких ароматов. Но невозможно высказать все происходившие в сердце его действия благодати Божией; и когда Старец спрашивал его: «Зачем так громогласно зовешь и плачешь во время действия молитвенного? Молиться велено втайне, Отец же Небесный, *видяй в тайне, воздаст тебе яве*⁴», — то Петр отвечал Старцу со смирением, чистосердечно открываясь: «Прости мя, отче! Не могу стерпеть, чтоб не кричать, ибо вижу духовными моими очами, как Владыка мой Христос Господь предо мною от жидов неповинно страждет и истязуется: пресвятое тело Его избито, истерзано, как изорванное ветхое вретище, и животворящая кровь Его потоками течет; оттого не могу стерпеть; прости мя, отче».

¹ Литра — мера веса: византийский или римский фунт, 72 золотника (золотник = 4,2 г).

² В издании 1863 г.: да несколько воды.

³ В издании 1863 г.: От волнения и кипения во всем теле благодатной сладости, до того сгорал он любовью к Богу... У Арсения Троицкого: Иногда от волнения и кипения во всем теле его молитвенной сладости, до того пламенел он любовью к Богу.

⁴ Мф. 6, 4.

Иногда от других духовных впечатлений, которые приводили его в такое настроение, он весь изменялся в любовь¹ и изливался в благодарениях к Богу.

Покорность и послушание его нельзя изъяснить и восхвалить достойно: оно всегда в нем было доброхотное, не сомнящееся, усердное, без отговорок, со всяким тщанием и благословением, по первому слову совершаемое. На все с любовью готов он был отдать себя с радостным взором; совершенно возненавидел своеумие, самоуслаждение и самоволие; и свою волю и хотение умертвил и отверг от себя; ни о чем никогда смущением не пороптал, но и за малое, оказанное ему, не только сердечно благодарен и доволен бывал, но еще и малого считал себя недостойным; алкал всегда худшего и противного себе; во всех делах старался сам успевать, только бы не трудился Старец. Он с таким горением духа прилепился к Старцу и такую имел к нему веру и любовь чистосердечную, какие в нынешнее время едва ли слышал кто. Много было великих послушников; и в книге преподобного Иоанна Лествичника много написано о послушниках преуспевших; но они руководимы были великими отцами, сей же брат Петр и не видал никогда святого монастыря, ниже слышал от премудрых великих отцов наставления, но только прилепился к Старцу простого рода, который за простоту свою решительно отказался быть для него отцом духовным, никак не склонялся на умильные его просьбы принять его в такое повиновение, какое требуется от совершенного послушника, и жил с ним, просто имея его как брата духовного; однако он совершенно покорился Старцу, во всем поступая по словам его, и говорил ему: «Хотя ты и отказываешься, а я все-таки предал себя на всю мою жизнь во власть твою, и воли моей над собою не имею. Прости, отче, я так верую и люблю тебя, что для моего спасения довольно только жить с тобою; и хотя бы инде был и чудотворец, я не променял бы тебя на него; с самого начала я получил чрез тебя пользу — и с того времени душа моя уязвилась к тебе любовью; потому, прости, отче, не могу удержаться и не целовать твои ноги и руки; также и братиям, с нами живущим, не могу не кланяться до земли, ибо от всея души моя горю к ним истинною о Христе любовью; да и какое воздам Богу благодарение за то, что Господь удостоил меня в служении Ему с вами пожить и вас целовать, пустынных жителей!»

¹ У Арсения Троицкого: ... и от многих других духовных размышлений, которые приводили его в пламенное состояние, он весь прелагался в сладостную любовь.

Много раз Старец возбранял ему чрезмерное почитание и, зная свое неведение, судил себя недостойным принимать от него честь и уважение; а Петр отвечал на это Старцу: «Прости мя, отче! не могу изъявить тебе, сколько люблю тебя; ей, всего бы тебя вселил внутрь себя, если бы возможно было; и охотно желаю умереть за тебя!» Так-то сильна была его любовь и привязанность к Старцу.

Да и ко всем пламенел он усердием и истинною любовью, был дружелюбен, благоговееен, всегда осуждал и уничижал себя самого, во всем предъизбирал себе худшее и труднейшее, каждому во всем услужить старался и со всеми жил всегда единомушно; однако мысленно располагал по кончине старца непременно пойти в глубину пустыни, ибо неутолимо чувствовал себя распаляема желанием подражать великим отцам Онуфрию и Марку Фрачскому¹ и прочим, в безмолвии и уединении пожившим.

Когда он один, безмолвствуя, занимался каким-либо делом, особливо, когда уединенно сидя внимал внутреннему молитвенному действию, тогда ощущал в себе как бы напечатленными Христовы слова: «*Мария благу часть избра, яже не отыметя от нея*»². И от сего ощущения еще больше возгорался желанием на внутреннее пустынное житие, чтобы, подобно Марии, единому присесть Богу. Но кто не удивится его подвижническому житию, великому терпению и происходившим в сердце его настроениям от Божией благодати? До такой иногда степени обдержался он в Божией любви, что даже и того послушания, какое было назначено ему, к которому и сам прилежал более всего духом своим, иногда и такого послушания не в силах был исполнять, ни уединенно, ни вместе с братией; ибо непрестанно возгоравшаяся в нем любовь ко Христу Господу живо напечатлевала в нем — не воображением или призраком образов, не мыслию или мнением, но живым напечатлением и ощущением в сердце или, лучше, во всем существе его Божией благодати, милосердия и человеколюбия. И сим напечатлением или внушением бывал он так восхищен и пленен радостно, иногда умиленно, что вовсе забывал о повеленном ему деле, ибо весь изменялся невольно и погружался во внутреннее внимание молитвенного действия, неизреченно услаждающего и утешающего, чувствуя в сердце своем чудно вземлема всего себя к Богу. И в таком настроении он, уже не в силах удерживать себя, плакал при всех открыто, слезы лились неудержимо, и он никак не мог повеленного дела ис-

¹ Вероятно, имеются в виду преподобный Онуфрий Великий и Марк Фракийский.

² Лк. 10, 42.

полнить. Поэтому Старец советовал ему не ходить на общие занятия, а келейно делать, сколько может, повеленное ему. В делах же, ему порученных, самые трудные всегда исполнял добродушно и усердно, с великим понуждением и с насилием над самим собой; и хотя бы оно довело его до крайнего изнеможения, он все-таки не щадил себя и, не вникая своему изнеможению, оканчивал свое дело.

От великого пощения и всегдашнего воздержания, от многого терпения жажды, от малого сна и от всеобщих бдений все тело в нем увяло и высохло до того, что все кости его были покрыты одною кожею; он был, как живой мертвец: весь иссохший и бледный, уста от жажды запекшиеся, глаза впалые, лицо и все тело небрежное и неомовенное, ноги от стояний и продолжительного бдения на молитве опухлые, живот истощенный и умаленный, как бы пустой и поджатый, только одни ребра видны были. На руках и коленях и на челе, от правила земных поклонов, кожа ожестела; весь был слаб и малосилен, сколько от внешнего пощения, а более того — от непрестанного внутреннего сгорания любовью безмерною к Богу, к Старцу и к братии.

Имел он дарование благоразумных советов; еще находившись в мире, был учителен: многих увещавал, даже девиц и вдов, к целомудренному житию и отвержению мира. Когда же поселился в пустынном братстве, то не столько дружескими своими беседами, сколько образом жития своего всех убеждал к постническим и молитвенным внутренним подвигам: послушанию, терпению, трезвению, смирению, простосердечному обращению, истинной любви и безмолвному житию; ибо самого его точно знали подвизающимся выше естественных сил своих. Часто, вышедши из келлии, целые ночи простаивал он под открытым небом. Однажды положил себе обет испытать, простоит ли неподвижно, имея руки, поднятые к небу, по подобию юной девицы Евпраксии и прочих, так неуклонно стоявших. И в одну ночь, по обету своему, вышел из келлии на испытание себя; стал на открытом месте, руки поднял к небу и желал так неподвижно пребыть в молитве от вечера до утра. И, конечно, по Божию устройению, в ту ночь случился сильный мороз; руки его, поднятые вверх, обнажились, застыли от великого холода и сильно разболелись; но, жалея оставить самодействующую в сердце его молитву, начал так размышлять: «Если я при первом испытании буду нетерпелив пред Богом, то как сподоблюся любви и милости Его?» — и со слезами стал взывать к Господу. Вскоре мало-помалу начал он сильнее ощущать в сердце своем молитву, усладительно движущуюся. И вдруг пришло великое действие молитвы и воскипело сердце его внутри, как вода от огня; в ту же минуту словно

потоки теплые потекли во все составы и члены тела его, в руки и в ноги, в лицо и во все части, и от сего действия весь он согрелся, и болезнь ознобная прошла, нимало не повредя рук его. Тогда вспомнил он пророческое слово: *«Согрейся сердце... во мне, и в поучении моем о Боге возгорится огонь»*¹. Все же бывающее с ним сказывал Старцу. И так, при особенной помощи Божией, простоял до утра без утомления. И много раз откровенно говорил, что не только непродолжительно показывается ему такое всенощное стояние, но еще как бы неудовольствованный, неохотно, по причине наступления утра, оставлял свое стояние.

Молитва до того ему усвоилась и вкоренена² была в его сердце, разливая действия свои в нем, что сам он сказывал: «Никогда я не перестаю молиться и не бываю без молитвы, даже и тогда, когда память забудет, когда дремлю или сплю: ибо, пробудясь, чувствую ее³ в сердце моем; и никогда она свое действие не оставляет. Подобно как кто любимого друга встречает и провожает, — говорил он, — так и она во дни и в ночи утешительно всего меня в себе объемлет; и делаю ли что, или ем и пью, или с кем разговариваю, или чему прилежно внимаю, — все она со мною, и слышу глубоко в сердце моем живо напечатленный глагол ея: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Даже когда слушаю чтение псалмов и поучительных слов, и тогда не оставляет она своего действия; а часто не попускает внимательно слушать чтение и пение; но непреодолимо влечет на внутреннее глубокое молитвенное действие».

Много чудился⁴ Старец благодати, данной Петру от Бога, и радовался духом богоугодным подвигам, которые тот Христа ради усердно проходил и претерпевал. Вместе с молитвою имел он и дар слезный. Умилительные слезы иногда тихо струились, иногда малыми каплями, иногда лились потоком⁵.

Подобно сему, и молитва не всегда равно действовала в нем: иногда малая, или умеренная, или сильная; но и самая малая с чувством неким улаждающим бывала; он всегда имел движение и колебание головы своей от молитвенного действия, и по этому узнавали, как сильно и непрестанно в нем действовала молитва.

¹ См.: Пс. 38, 4.

² В издании 1863 г.: и словно вкоренена.

³ В издании 1863 г.: и тогда молитва сама собою творится; и, пробудясь, чувствую ее творящуюся.

⁴ Чудился — дивился, приходил в удивление.

⁵ В издании 1863 г. далее следует: а иногда, как град, с пронзительным чувством неудержимо проливались.

Когда молитвенный дух приходит в высшую степень, тогда он как сосуд с водой, от земного огня волнуется и кипит; так сердце в нем мятется во все стороны и, словно страдая, терзается само собой, без всякого понуждения с его стороны. Подобно как бы кто сидя только смотрит, как его везут, так бывает и с ним при великом действии молитвенном. Тогда только духом зрит на непостижимое и неизреченное зрелище, которое само собою происходит от молитвенного действия в сердце, с неведомою сладостью, всего пленяя в любовь к Богу; и пребывает распален до того, что не может: ни пением молиться, ни поклонное правило совершать, ни читать священные книги, ниже идти куда, ниже помышлять что́, — всем духом углублен он в Боге, и весь объемлется от такого действия; кипит сердце в нем сладостно, как от огня, и все тело от невыносимого движения колеблется, как деревцо, а иногда трепещет, как лист от ветра. Всего происходящего с ним от Божией благодати изъяснить невозможно. Когда дух молящегося приходит в восторг, тогда, не в силах будучи терпеть сладчайшего духовного радования, начинает вопить и кричать трогательным голосом, и плачет неутешно, словно по мертвеце любимом, и только взывает: «Господи! что Ти воздам о всех благих, яже мне сотворил еси, и ныне в сердце моем являешь мне?» Этому Старец, глядя на него, много чудился всегда.

Спрашивал он, Богом возлюбленный Петр, у Старца: откуда приходит ему такое сладостное ощущение и благоухание? И Старец отвечал ему: «Об этом не нужно нам ведать и домогаться узнавать Божие строение; пуще всего бойся обмана, чтобы не впасть в гордость и во мнение святости и чрез то не лишиться вспомоществования Божия». И опять говорил ему Старец: не приемли, ниже отметаи, то есть когда ты истинно помышляешь себя недостойным и веруешь, что только по милости Божией такие сладости и благовония ощущаешь, и после всего этого более и более возрастает в тебе смирение, и терпение, и ко всему непристрастие, и в любовь к Богу и ко всем больше возьмешься, то праведно мнение, что этого Божиим смотрением ты сподобился, да на большее благодарение и богоугодное подвижение тебя. Если же от сего благовония и сладостей такого спасительного плода не ощущаешь, но еще услаждаешься ими о себе, тогда прилично ведать, что это от сопротивного приносится.

Однажды нужно было Старцу его пойти на посещение иного старца и оставить Петра одного на несколько дней; тогда поистине дивное зрелище мы видели: ибо до того томилось и смущалось сердце его, что он не знал, как и помочь себе. Хотя и Старец и прочие увещевали его, но не было возможности унять горькие слезы, с которыми вырывались у него чувствования любви к

Старцу: он усерднейше кланялся ему, припадая до земли, руки и ноги старцевы многократно лобызал насильно, и так провожал его на большое расстояние, рыдая. Но когда уже Старец дал ему последнее благословение с целованием, повелевая ему возвратиться, тогда поистине всякой нечувствительный поразился бы жалостию, смотря на него, будто смертною бедою обдержимого: так он едва-едва отстал и, рыдая, долго стоял и просил молитв и благословения; вопиял, звал вслед его, и наконец-то пошел обратно тихими шагами, и, беспрестанно озираясь на Старца, творил ему земные поклоны, хотя Старец и не обращался к нему; и так, едва-едва тот из глаз его удалился, тогда уже Петр пошел к себе и все время разлуки горестно проводил; словно чувствовала его душа скорое его в сем свете разлучение со Старцем.

Когда обветшалый образ Знамения Божией Матери, данный ему от родителя, обновивши, мы принесли к нему, тогда — о, какой радости он исполнился и утешился! Поистине сказать нельзя: весь в лице изменился, припал с радостными слезами к святому образу, поклоняясь и лобызая его; и принесшего Старца многими радостными словами благодарил, кланяясь ему до земли; из этого ясно видна была нам великая его любовь и вера к Божией Матери.

Спустя некоторое время открыл он Старцу желание свое: Бога ради претерпеть без пищи 40 дней в благодарность, что сподобил его Господь такой пустынной жизни. Но Старец, на сие не соглашаясь, так сказал ему: «Брат возлюбленный, не знаю, от Бога ли это желание; но уничтожить и похулить не смею, видя тебя такою к Богу любовью палима; пятидневное неядение много раз ты без ропота выносил, но на 40 дней без откровения Божия дать тебе благословения не смею, да и просить о сем извещения от Бога за недостойнство мое страшуся и за ненужное признаю; да и сам ты не получил от Бога откровения, а только из одной любви и благодарности к Богу столь усердно на такое пощение влечешься. Но ты испытай себя и узнаешь, от Бога ли это. Вот, в сей наступающий пост проговей 10 дней без пищи, и ежели этому благоволит Бог, то и поможет тебе; тогда в другой пост можно будет и на 20 дней решиться; а потом уже, по желанию твоему, и на 40 дней».

Когда пришло время поста, Старец благословил его на десятидневное пощение и отлучился сам от него для нужных дел к другому старцу. Брат же Петр, оставшись один, начал поститься с дозволения Старца, и по двух днях помыслил в себе: «Пока еще я в силе и не изнемог, пойду нарублю дров». Когда же стал рубить, промахнулся и нанес себе в ногу великую рану, множество крови потекло; и он едва мог до келлии дойти. Старец же, воз-

*Памятный крест на месте подвигов святого праведного
Петра Томского на берегу оз. Монашка*

вратясь, видя его в такой беде и кровию истекшего, и к тому еще и не ядущего, весьма сожалел об нем. Но он, и в таком изнеможении и болезни находясь, не отложил своего желания: провел в посте 10 дней не евши. Когда 10 дней его пощения прошли, он сказал Старцу: «О, как благодетельствует мне Христос! И что я воздам Ему?» И говорил Старцу: «Благослови, отче, в благодарность Господу всю эту ночь на молитве простоять пред Ним». Старец отвечал ему: «Если можешь, сотвори, Бог тебе да поможет, только береги свою ногу». Он же паче восхотел последовать словам Христовым: «аще кто любить самого себя паче Христа, несть Его достоинъ», — небрег о своей ноге и простоял всю ночь на ней, как и на другой, пока Старец не позвал его на утреннее пение. По отпении же утрени еще пошел в огород трудиться и не дал себе отрады ни малой до того, что уже начал стонать. Потом уже он не мог и из келлии выходить.

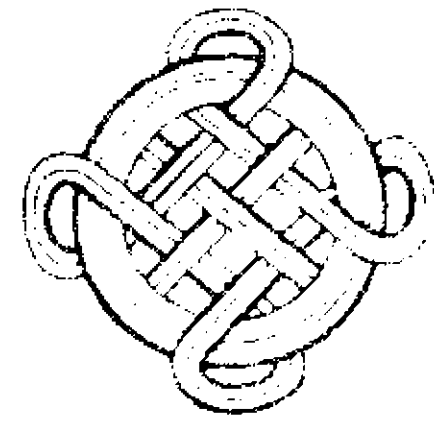
За день до кончины его вдруг отступила болезнь, и в ту ночь он спал покойно. Поутру, восставши от сна, сверх чаяния, стал твердо на обе ноги и умиленно с любовью поглядел на Старца. Старец же говорит ему: «Возлюбленне, береги ногу твою». Он же, тихо улыбнувшись, сказал: «Стою крепко на обеих ногах», — и начал здраво по келлии ходить и, немного побеседовав, сказал: «Испил бы чего-нибудь». Старец отвечал ему: «Можно, только потерпи, ждем священника причастить тебя». Старец, видя такое

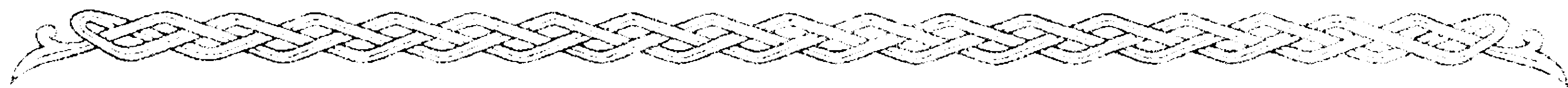
нечаянное изменение его болезни, дивился, славя Бога и благодаря Восстанавливающего мертвых. После сего Петр в лице изменился и, обратясь прямо на восток, на правую сторону посмотрел приятно, а потом на левую поглядел со гневом.

Старец, смотря на него, удивлялся такому его взору; Петр же, опять быстро воззрев на небеса, стал на колена и преклонил голову к столу, словно задремал. Видя это, Старец подумал, что он уснул. Спустя малое время начал его будить, но он уснул уже вечным сном от болезней века сего, на бесконечный покой, славить и превозносить со всеми святыми Отца и Сына и Святаго Духа, единого в Троице покланяемого над всеми Бога, Ему же буди и от нас, грешных, честь, хвала и благодарение и поклонение всегда, ныне и присно, и в бесконечные веки. Аминь.

Старец свидетельствует так о нем: «Много нашего странствия с духовным братом моим сотворили мы, а не нашли нигде подобного раба Божия, такого жестоко-подвижного, смиренномудрого, каков был сей юноша Петр!»

Он скончался в Сибири прежде своего Старца Василиска за несколько лет; а Старец умер 1824 года тоже в Сибири. Списатель же сего жития, монах Зосима, ученик Василиска, скончался 1833 года в сентябре месяце в старости маститой, быв свидетелем сам подвигов Петра.

ПОУЧЕНИЕ О ПОСЛУШАНИИ

«Поучение о послушании» публикуется впервые. Автограф неизвестен. Печатается по рукописи из собрания Троице-Сергиевой Лавры, ныне хранящейся в Российской государственной библиотеке (Отдел рукописей, ф. 304/II, № 231; на переплете зеленый экслибрис: «Свято-Троицкой Сергиевой Лавры дополнительная библиотека. Опись 1906 г. Отдѣлъ 1. № 231»). Это полный список на 124-х листах (22x18), относящийся к середине XIX века; скоропись, почерк писарской; книга в картонном переплете, с надписью на корешке: «Поучение отца Зосимы». Титульного листа нет, л. 1 начинается с «Предисловія къ возлюбленнымъ сестрамъ». После «Предисловія» на л. 6 перед «Словом 1-м» помещено заглавие, данное переписчиком: «Поучение въ Бозѣ почившаго отца нашего схимонаха Зосимы».

В Отделе рукописей РГБ хранится еще один — неполный — список «Поучения о послушании» из библиотеки Скита Оптиной пустыни (ф. 214, № 152, предположительно второй половины XIX века, писанный полууставом, в тетради в бумажном с коленкорovým корешком переплете, на 90 листах (35,5x22). На титульном листе в рисованной пером рамке с элементами растительного орнамента заглавие: «Поучение о послушаніи въ Бозѣ почившаго отца нашего схимонаха и пустынножителя Зосима Верховскаго предавшимъ ему по Бозѣ въ духовное окормление сестрамъ общежительной Троицкой Одегитревой пустыни, устроенной имъ самимъ». В тетрадь вошло менее половины всего текста, включая бóльшую часть главы «О изрядствѣ мѣста и твореніи легкихъ дѣлъ»; текст обрывается на середине предложения («... да не яже хочещи несмысленнымъ сердцемъ»), хотя последний, 91-й, лист тетради остался чистым.

Когда текст публикуемой рукописи был уже набран, обнаружили еще два списка «Поучения о послушании», находящиеся ныне в библиотеке Троице-Сергиевой Лавры (инв. № 890 и № 891), с одинаковыми штампами прежнего хранения: «Библиотека Православного Богословского института Москв.» (инв. № 2004 и № 1230). Оба списка представляют собой рукописные (полуустав) книги одного формата (17,5x26) в картонном переплете, № 890 — с коричневым коленкорovým корешком, № 891 — обтянутом таким же коленкором. Не исключено, что обе рукописи происходят из одного скриптория — вероятно, из Троице-Одигитриевой пустыни. Во всяком случае, в оформлении рукописи № 891 явно угадывается женская рука: красные инициалы старательно украшены цветами, бутонами, листьями, колосьями, гроздьями, напоминающими узоры вышивок; к тому же на титульном листе, разрисованном спиралевидными росчерками, элементами растительного орнамента, под верхней чертой рамки помещен вензель: Ж. Заглавие то же, что в оптинском списке (ф. 214, № 152): «Поучение о

Поучение въ божю похвшаго
отца нашего Симона Осипови.

Вступлєніи въ иночество и о неспудкани
Слово 1^е:

Нонеже поступившю въ житіе иноцкое, и
предавшиица въ повиновѣніе, то правилася иноцкихъ
долженствъ и жити, а не по подобію свѣт-
скихъ людей. — Житіе иноческое есть духовная, то
и подобаетъ токмо, о духовныхъ богатствѣхъ пе-
сид: духовное же богатство вънутрь насъ и мѣстѣ,
по благу Господню: царствіе небесное вънутрь насъ
есть: и тѣмъ егда обратимъ нечестное иноцкое
богатство, то есть возчувствуемъ въ себѣ кротость,
смиреномудріе, безсѣбіе, терпѣніе, милосердіе,
упованіе; не на временное нѣщо, но на Бога жи-
ваго, радованіе вънутреннее о Богу. и творю непо-
колебличу, простосердіе, состраданіе и готови-
ти ко всѣмъ, и пройдемъ плоды духовныя, тогда
и сами свѣтло познаемъ вънутрь насъ наши бога-
тства и духовная сокровища, и со избѣженіемъ
всучувствуемъ свое спасеніе. —

Снистиваетсѣ же таковое богатство и-
жевити дѣла: отверженіемъ міра, и самого себѣ,
то есть: своего нрава и своѣ воли, и вѣсѣи свѣр-

послушаніи въ Бозѣ почившаго отца нашего схимонаха и пустынножителя Зосимы Верховскаго предавшимъ ему по Бозѣ въ духовное окормленіе сестрамъ общежителной Троицкой Одигитревой пустыни, устроенной имъ самимъ». Рукопись № 890 титульного листа не имеет, украшена лишь скромной заставкой с изображением креста, по сторонам которого ветви с цветами и ягодами.

«Поучение о послушании» — собрание поучений преподобного Зосимы. Это название, данное при переписывании, вполне отвечает содержанию сочинения, которое сам старец в заключительном «Слове» определил так: «указанія о истинномъ богоподражательномъ, смиренномудромъ послушаніи и о противномъ самомнительномъ непокорствѣ».

Указанные четыре списка представляют две редакции (варианта?) «Поучения о послушании»: к одной принадлежит публикуемая рукопись и рукопись № 891, к другой — рукопись № 890 и неполный список (ф. 214, № 152). Различия между редакциями не принципиальны, они касаются не состава, но, главным образом, композиции сборника. В публикуемой рукописи и рукописи № 891 собрание поучений преподносится как духовное завещание, дар старца устроенной им сестринской обители: его обрамляют «Предисловие к возлюбленным сестрам» и заключительное «Слово старца схимонаха Зосимы к сестрам его обители». Напротив, в полном списке другой редакции — рукописи № 890 — эти обращенные специально к сестрам слова композиционно никак не выделены и растворены в общем контексте. Так, «Предисловие к возлюбленным сестрам» в этой рукописи и в неполном оптинском списке без какого-либо заглавия помещено во вступительном разделе в слиянии с поучением «О вступлении во иночество и о нестяжании», составляющем «Слово 1-е» публикуемого списка и рукописи № 891 (хотя последовательность изложения в той и другой редакции не всегда совпадает); заключительное слово старца к сестрам обнаруживается, причем в более кратком виде, в середине сборника с названием, не вполне отвечающим содержанию главы («О разлучении старца»).

Предварительные наблюдения позволяют считать эту менее упорядоченную редакцию первичной. Публикуемая же нами рукопись — результат ее обработки: в текст внесены композиционные изменения с целью представить и сохранить это собрание поучений как наставническое наследие, духовное завещание, оставленное старцем Зосимой сестрам Троице-Одигитриевой пустыни. Эти изменения касаются не только вступления и заключения, но в некоторой степени и расположения остального материала; поучения (Слова) здесь пронумерованы, собрание снабжено оглавлением, которое включает 45 Слов, при этом заключительное «Слово старца схимонаха Зосимы к сестрам его обители» в нем не отражено; внесены редакторские исправления, а также некоторые сокращения, затронувшие среди прочего пространные цитаты. Сборник получил в этой редакции соответственное развернутое название. Примечательно, что это же название использовано и в неполном списке, сделанном (по всей видимости, сестрами) для Оптиной пустыни, но представляющем другую — первичную редакцию (оформление этого

Почение о послушани. (Рукопись из библиотеки Троице-Сергиевой
Лавры, № 891, титульный лист.)

сѣ порокоуцѣніи дрѣхъ дрѣхъ. пѣ.

оумъ ноги оученикъмъ , и пострада ,
и оумре за нѣхъ ! Сѣцѣ кѣждо напѣ-
никъ долженствѣтъ не токмо пос-
лужити своимъ оученикъмъ , сѣрѣтъ
потрудѣтисѣ потрѣбѣ нѣхъ ради , но и
животъ свой за дрѣхъ нѣхъ положи-
ти : ꙗкѣже свѣщенно-мѣникъ ѿфино-
генъ , и многѣ дрѣхѣ...

сѣ лицемѣрномъ и правомъ по-
слѣшаніи . и како прѣжде оучѣнцы
приживахъ при сѣцѣхъ.

✠

Въспросѣ любѣмиче и оувѣдай
ѡ всѣхъ прѣжде насъ бывшѣхъ
сѣцѣхъ сѣцѣ : почто сѣни толѣко
многими тысящами собирахъсѣ ко е-
диному нѣкоему сѣцѣ ; нежели не и-
мѣли сѣни сѣцѣхъ книгъ , или довол-
наго познаніѣ и праваго разсѣжденіѣ ;

но

Поучение о послушании. (Рукопись из библиотеки
Троице-Сергиевой Лавры, № 891, л. 81.)

списка, в частности титульного листа, по стилю схоже с рукописью № 891, если не выполнено тою же рукою).

«Поучение о послушании» не датировано. Современный исследователь и публикатор писем из архива Троице-Одигитриевской пустыни относит это сочинение преподобного Зосимы к сибирскому периоду, определяя время работы над ним с точностью до месяца: июль–октябрь 1818 года — октябрь 1823 года, и делает это на том лишь основании, что усматривает в отдельных поучениях (в частности, в Словах 6-м, 9-м, 22-м, 30-м, 45-м) отклик на события внутренней жизни сестринской общины, а в собрании поучений видит своего рода хронику ее духовной жизни¹. Однако предложенную хронологию нельзя считать достаточно обоснованной. Строго говоря, пока с достоверностью можно утверждать лишь одно — что поучения, обращенные специально к сестрам (в публикуемой редакции их три: «Предисловие к возлюбленным сестрам», «О вступлении в иночество и о нестяжании», «Слово старца схимонаха Зосимы к сестрам его обители»), были написаны не ранее второй половины 1818 года. Именно тогда по совету и благословению старца Василиска преподобный Зосима взял на себя попечение о первых сестрах, предавшихся в его руководство и послушание, и, поселив их в ближайшей к месту своего отшельничества деревне Сидоровке, регулярно посещал их, по свидетельству агиографа, «проводил у них по несколько дней, чтобы как можно более утвердить между ними и порядок общежития, и правила молитвенные, и весь образ жизни монашеской». Впрочем, не исключено, что и здесь использовались «заготовки» более ранние: так, о нестяжании преподобный Зосима мог писать еще на Коневце, испытав на себе всю тяжесть этого искушения. Житие содержит рассказ об этом самого старца: «... живя так тихо, спокойно и утешительно, я сам не понимал, отчего тяготит что-то душу мою и не мирна совесть. Думал я, думал, а потом сказал старцу: “Не то ли возмущает мир мой душевный, что у меня есть собственные, мирские мои деньги, хотя я об них никогда и не помышляю? Но, видно, от того такая и самому мне непонятная тягость на совести, что монах-пустынник не должен иметь стяжания; не от сей ли причины не утверждается полное спокойствие моей совести? Я решился уже отдать все деньги нашему начальнику, благословишь ли мне сие, отче?” Старец Василиск с умилением отвечал мне: “Сам Господь вразумляет душу твою. Благословен Бог!” И так я с горячим усердием поверг их все до копейки к ногам старца Адриана, отдал их совершенно в его волю и распоряжение, чтобы я и не знал, куда он употребит их: и тогда точно свет увидел в душе моей, и мир помыслов, и спокойствие совести». Тогда же старец Зосима усердно занимался чтением «книг отеческих», и среди них агиограф упоминает прежде всего «Добротолюбие», а также писания преподобных Нила Сорского и Исаака Сирина. Чтение носило творческий характер: старец «обыкновенно... прочитывал книгу и выписывал из

¹ См.: А. Л. Беглов. «Вечностию неразрушимое единство». Страницы русского старчества XIX века: преподобный Зосима (Верховский) и его духовная семья в 1818–1825 гг. // Альфа и Омега. № 3 (29). М., 2001. С. 208, 238.

ПОУЧЕНІИ :

Въ Бѣтѣ почившаго Оцѣ нашего Схѣ-
Монаха. — ЗОСИМА. Берхѣвскаго :

Ѡ Послѣшаніи.

Вѣ знаете сколько дорого мнѣ стоить безмолвная
жизнь моя, для которой Бѣією помощью оставилъ
мое Ѡтѣчество, и толкъ тысячей странствѣя. Не-
кѣмъ безмолвныя тишины. — Но нынѣ вѣждѣ, какъ
вѣсѣ радѣ бѣдетъ нарушеніе моего безмолвнаго жи-
вѣя, однако же противѣя воли Бѣіей не смѣю оу-
порствовать: — То есть, яже Бѣа далъ мнѣ вѣсѣ,
то ѣгоже помощью, и долженъ ѣсмѣ, Ѡ всеѣ дѣвши
послѣжить вѣмѣ. — Познаю же чрезъ то, яже Ѡ
Бѣа вѣ мнѣ возложенъ, и долженъ мнѣ все-
дѣшно Ѡ вѣсѣ пещѣсь, яже оузрю вѣше чисто-
сердѣчное житѣ Ѡкровеніе и привѣрженность, что еѣтъ
яки

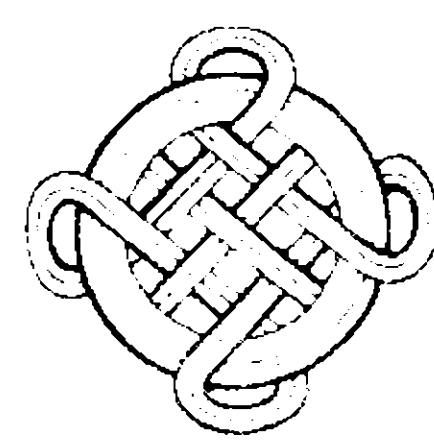
Поучение о послушании. (Рукопись из библиотеки Троице-Сергиевой
Лавры, № 890, титульный лист.)

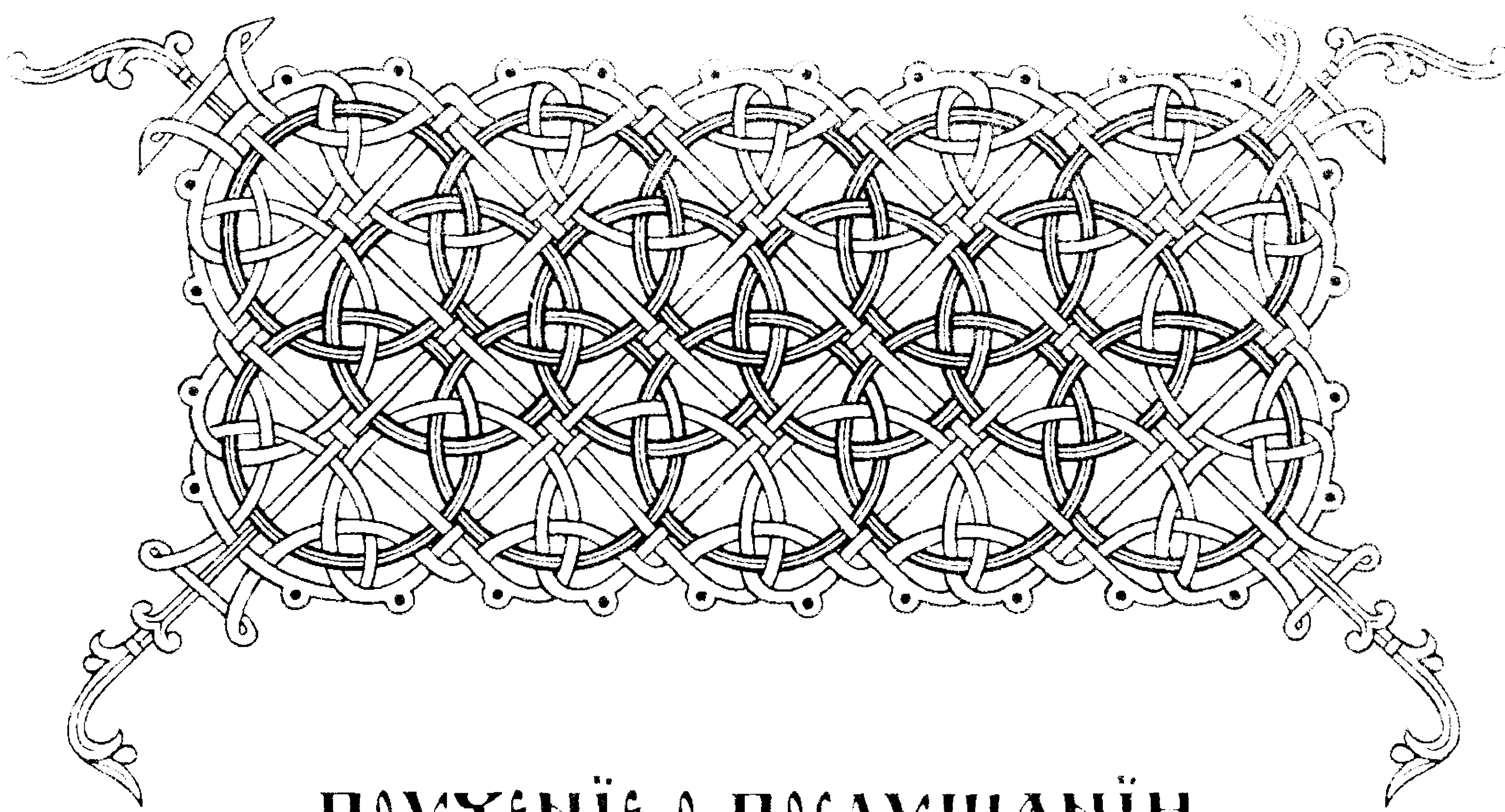
нее, что ему нравилось», и продолжением такого чтения, весьма вероятно, было авторское упорядочение, обобщение и осмысление прочитанного.

Так или иначе, рассматривая вопрос о времени создания «Поучения о послушании», следует принять во внимание, что годы пребывания преподобного Зосимы на острове Коневце были плодотворным временем начала учительной деятельности «младого старца» и что, возможно, к этому периоду восходят истоки его главного наставнического творения. Заметим, что все Слова старца, кроме названных выше трех, адресованы собирательно — к брату, братии, ср. обращения: «возлюбленне брате», «брате и послушнике», «иноче», «послушания рачителю» и др. К работе над своим наставническим сочинением старец, несомненно, обращался и в последние годы, находясь с малым своим стадом на «обетованной земле» — в Троице-Одигитриевой пустыни: агиограф повествует о незабываемых беседах старца, когда он «читал поучения или говорил словесные наставления», из которых «могла бы составиться книга, самая назидательная и утешительная».

«Поучение о послушании» — итог многотрудной подвижнической жизни преподобного Зосимы, многолетнего прилежного изучения творений святых отцов и учителей Церкви, наставников монашеской жизни. Круг его источников наряду со Священным Писанием составили труды святителей Василия Великого и Иоанна Златоуста, преподобных Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Григория Синаита, аввы Дорофея, Симеона Нового Богослова, Каллиста и Игнатия Ксанфопулов, Иоанна Карпафийского, Феодора Едесского и других авторов «Добротолюбия», а также житийная литература.

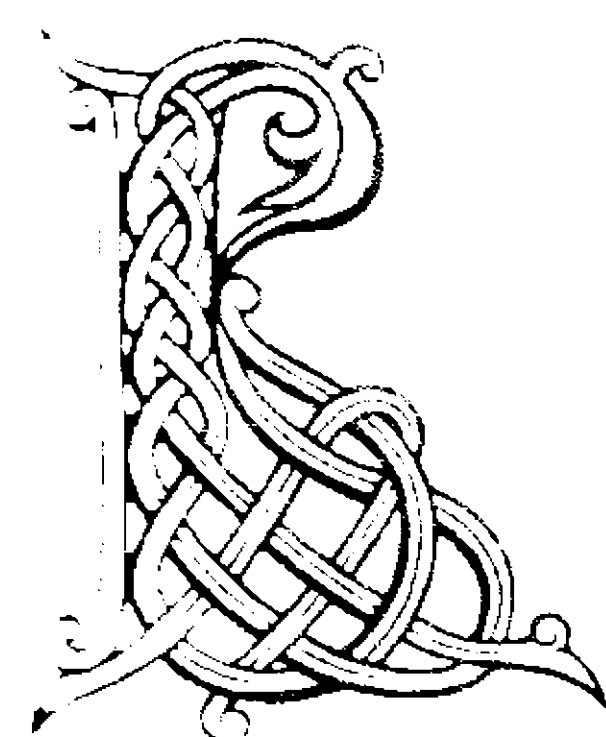
Текст рукописи печатается без сокращений и изменений, с устранением лишь в ряде случаев орфографического разнобоя и приведением пунктуации к современной норме. По идентичному списку — рукописи № 891 — исправлена оплошность, допущенная при переплетении (на протяжении лл. 13–27 нарушен порядок их следования), и восстановлена правильная последовательность листов. Внизу страницы наряду с подстрочными редакторскими примечаниями приводятся наиболее значимые, главным образом, смысловые, разночтения по рукописям из нынешнего собрания Троице-Сергиевой Лавры № 891 (Л) и № 890 (Л'). Дополнения из списка № 890 (установленные по соответствующим разделам этой редакции) даны в тексте в квадратных скобках без буквенного обозначения, а дополнения из списка № 891 (их немного) оговариваются под строкой.

ПОУЧЕНІЕ О ПОСЛУШАНІИ
ВЪ БОЗѢ ПОУЧВШАГО ОТЦА НАШЕГО
СХИМОНАХА И ПУСТЫННОЖИТЕЛЯ
ЗОСИМЫ ВЕРХОВСКАГО ПРЕДАВШИЛСЯ
ЕМУ ПО БОЗѢ ВЪ ДУХОВНОЕ ОКОРПЛЕНІЕ
СЕСТРАМЪ ОБЩЕЖИТЕЛЬНОЙ ТРОИЦКОЙ
ОДНГИТРЕВОЙ ПУСТЫНИ,
УСТРОЕННОЙ НЫНѢ САМННЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ВОЗЛЮБЛЕННЫМЪ СЕСТРАМЪ

ы знаете, сколь дорого мнѣ стоитъ безмолвная жизнь моя, для которой Божіею помощію оставилъ мое отечество и толико тысящей странствуя искалъ безмолвныя тишины; но нынѣ вижду, яко васъ ради будетъ нарушеніе моего безмолвнаго житія, однако же противу воли Божіей не смѣю упорствовать. И аще Богъ далъ мнѣ васъ, то Егоже помощію и долженъ есмь отъ всея души послужити вамъ. Познаю же чрезъ то, аще отъ Бога вы мнѣ возложены, и должно ли мнѣ вседушно о васъ пещися, аще узрю ваше чистосердечное ко мнѣ откровеніе и привержен-

ность: то есть, аки насильно, своимъ желаніемъ влечетея подъ мое управленіе. А естли не тако усердствуете, то явное знаменіе, яко не благоволитъ Богъ мнѣ неразрывнымъ союзомъ связоватися съ вами и прилежати о васъ, яко о отдавшихся въ совершенное повиновеніе, но токмо долженъ по долгу христіанскому яко же ко всѣмъ, тако и къ вамъ усердіемъ прилежати, а не безмолвія себя лишати. Аще кто на непреданную ему должность вступить, то наказанію повиненъ бываетъ; кольми паче мнѣ грѣшному, и самому недобрѣ живущему, достоить отъ васъ отметнутися, аще таковыхъ чувствъ ко мнѣ не имате, еже есть явное знаменіе, яко не моя силы дѣло вами управляти и наставляти. Но негли хочетъ Богъ, да иному наставнику предадитесь, совершеннѣйшему и добрѣ живущему, ибо вѣсть Господь мою немощь и скудоуміе; а сіе дѣло, еже иныхъ души спасать, есть многотрудно, и плачевно, и бѣдственно. Отъ сего бремя и совершенные отцы отметалися и бѣгали, и таковыхъ токмо, бояся Бога, не отметахуся, кои вседушно, со усердіемъ, простосердечно, со всякимъ повиновеніемъ и самоотверженіемъ предавахуся въ руководство ихъ.

Нѣкоторые, приступающе ко иночеству, хотя и желаютъ предатися въ повиновеніе и послушаніе, но хотятъ имѣть такового отца, который управлялъ бы ими въ сходство ихъ прихотныхъ желаній, и дабы не лишитися имъ и своего имущества для удовлетворенія своихъ немощей и удовольствій. А тако истинною, какъ должно и предано отъ святыхъ отецъ иночествующимъ, не хотятъ: то есть еже бы все свое мнѣніе, и рассужденіе, и желаніи, и волю свою уничтожити и презрѣти, и отнюдь никоея собственности не имѣти, ниже малѣйшее что своею волею себѣ присвоивати, но во всемъ съ вѣрою возлагатися на волю и руководство своего отца, емуже по Бозѣ предашася, и на все предлагаемое отъ него соглашатися безпрекословно, аще бы и не по желанію ихъ, и тягостно что казалось, тако вмѣняти и вѣровати, яко Самъ Богъ сице подвижетъ и вразумляетъ отца ихъ ими управляти, и таковое имъ дѣланіе или труды и постничество предавати. Ибо избравши себѣ отца и вѣрующе несомнѣнно, яко отецъ ихъ истинно о Господѣ любитъ и вседушнѣ печется о ихъ спасеніи, то како еще можно рассуждать или назирать, тако ли поступаетъ или обращается съ ними отецъ, ибо естли еще своего рассужденія хотятъ держатися, таковые еще истинною не предашася въ повиновеніе; не предавшеся же совершенно по подобію благопокорныхъ простосердечныхъ послушниковъ въ послушаніе, отнюдь не возможно пріити во смиренномудріе, произрастающее отъ послушанія. Не пришедши же во смиренномудріе и простодушіе, невозможно иныя плоды духовныя стяжати, безъ

нихже невозможно угодными Богу быти. Къ тому же, аще хотя мало въ нѣчесомъ хошуть свою волю и разсужденіе имѣти, то уже не на степени истинныхъ умерщвленныхъ послушниковъ имѣются, и таковыя сами за себя и Богу имуть отвѣщати. Ибо тогда отецъ отвѣщаетъ Богу, егда во всемъ, безъ истязанія, непрекословно, кротостно повинуются отцу.

Естьли же непременно, по глаголу святыхъ отецъ, должно тако съ простосердечіемъ и съ вѣрою, то есть любовнѣ, безъ истязанія повиноватися новоначальнымъ, то како вмѣстимо и не тяжело будетъ для отца съ таковыми самоумцами бороться и ломаться спорами, кои всякое заповѣданіе и повелѣніе его не содѣлываютъ безъ истязанія и противорѣчія?

Святые отцы, вѣдая сіе неудобство, заповѣдаютъ удалятися отъ таковыхъ, кои не слушаютъ отъ единого слова. Понеже когда отецъ можетъ въ спокойствіи и въ тишинѣ пожити, естьли о всякой вещи принужденъ будетъ думать, како оспорить или преклонить и увѣщать ученика, чтобы согласился? Довольно и велико для меня старца и того, аще о таковыхъ попекуся, кои съ вѣрою и любовію повинуются и уважаютъ моя словеса.

Азъ же грѣшный, простите, и самъ еще не достигъ совершенства иноческаго и не живу достолично, по-монашески, за что не малаго чаю себѣ осужденія. Того ради и боюся, дабы не усугубить еще себѣ осужденія отъ Господа, аще иныхъ воспріявши подъ руководство мое, и буду не согласное монашеству попускати.

Но хотя я самъ грѣшный и не живу достолично по-иночески, подобно святымъ преподобнымъ отцамъ, но помощію Божіею желаю вамъ предлагать таковое завѣщаніе и совѣты, о которыхъ совѣсть моя извѣствовала бы меня, что добро и спасительно, и съ совѣтомъ и свидѣтельствомъ моего Старца (Василиска), что есть точно благоугодно Господу, то есть, чтобы мы, подражая Ему, послушны были отцу своему духовному и чистую любовь имѣли между собою и ко всѣмъ людямъ.

Тѣмже, возлюбленніи! Внемлите себѣ и размыслите, и аще о единомъ точію спасеніи все свое тѣсаніе полагаете, то вся красная вѣка сего пренебрежите и, отъ всего отрекшися, управите себе по той стези, еюже ходиша вси святіи преподобніи отцы и матери: то есть аще избираете меня, грѣшнаго старца, и хотите, да руководствую и управляю вами по Бозѣ, то должны вседушнѣ, отвергши въ конецъ всю свою волю и мудрованіе, предати себе въ совершенное повиновеніе и послушаніе, нимало не разсуждая о повелѣніяхъ и завѣщаніяхъ моихъ, ибо вы за оныя истязаны не будете, но азъ. Вы же за то точію будете отвѣщати, аще не будете съ вѣрою въ точности повиноватися. Аще же предадите

себе вседушнѣ въ таковое истинное повиновеніе, то еще не начавши вашего житія иноческаго, а уже по глаголу святыхъ отецъ совершили свое подвижничество и несомнѣнно во спасаемыхъ обрящется.

Естьли бы я желалъ имѣть васъ подѣ моимъ управленіемъ, то всячески лаская и послабляя вамъ, привлекалъ бы, но вмѣсто того глаголю предѣ Господомъ: какъ иго тяжкое и неудобъ носимое пріемлю управленіе вами, не смѣю противитися судьбамъ Божиимъ, но естьли бы вы сами не изъявили вашего непремѣннаго желанія быть подѣ моимъ руководствомъ, или предалися бы моему Старцу или иному какому отцу, то не сталъ бы не только слагать и писать для васъ, но не рѣшился бы и словами предлагать вамъ моихъ совѣтовъ, понеже чувствую себе самага скудоумна и не исправно живуща.

Аще же которая изъ васъ не хочетъ имѣти совершеннаго послушанія и самоотверженія, таковая, слѣдовательно, не хочетъ быти подѣ моимъ управленіемъ, не хочетъ предатися отцу, но желаетъ жити независимо и самочинно; таковаго житія не зрится ни на небеси, ни на земли, ниже въ разбойницѣхъ. То како таковая чаеъ быти спасенна, не послѣдую завѣщанію святыхъ отецъ?

Намъ предано не для свободы иди во иночество, но чтобы наипаче поработити себя и чтобы превзойти мірянъ. То есть: и они, міряне, тоже повинуются, но поневолѣ и нехотя, а намъ, изшедшимъ изъ міра, нужно самовольно, съ любовію, безъ понужденія повиноватися, не за что иное, но токмо Бога ради и ради своего спасенія.

Вы не можете обрѣсти ни единого извѣта¹ предѣ Богомъ, аще не предадите себе въ повиновеніе съ совершеннымъ отверженіемъ своей воли и всего своего имущества, ибо не можете виною² поставить ни знаменитости вашего рода, ни недуговъ тѣлесныхъ, ни старости, почему могли бы имѣть оправданіе, хотя и не предалися бы въ совершенное повиновеніе, но жили бы токмо подѣ совѣтомъ, удерживая и нѣкую собственность ради своихъ недуговъ.

Но вы хотя и предадитесь совершенно мнѣ грѣшному, покаряясь завѣщанію святыхъ отецъ, и во всемъ будете повиноватися безразсудно, но и тогда я не иначе управлю васъ, какъ на моемъ низкомъ и бѣдномъ и слабомъ житіи; ибо я самъ ³грѣшный и слабый³, то како могу ихъ [высоко] руководствовати по по-

¹ Здесь: оправдания.

² Здесь: извинениемъ.

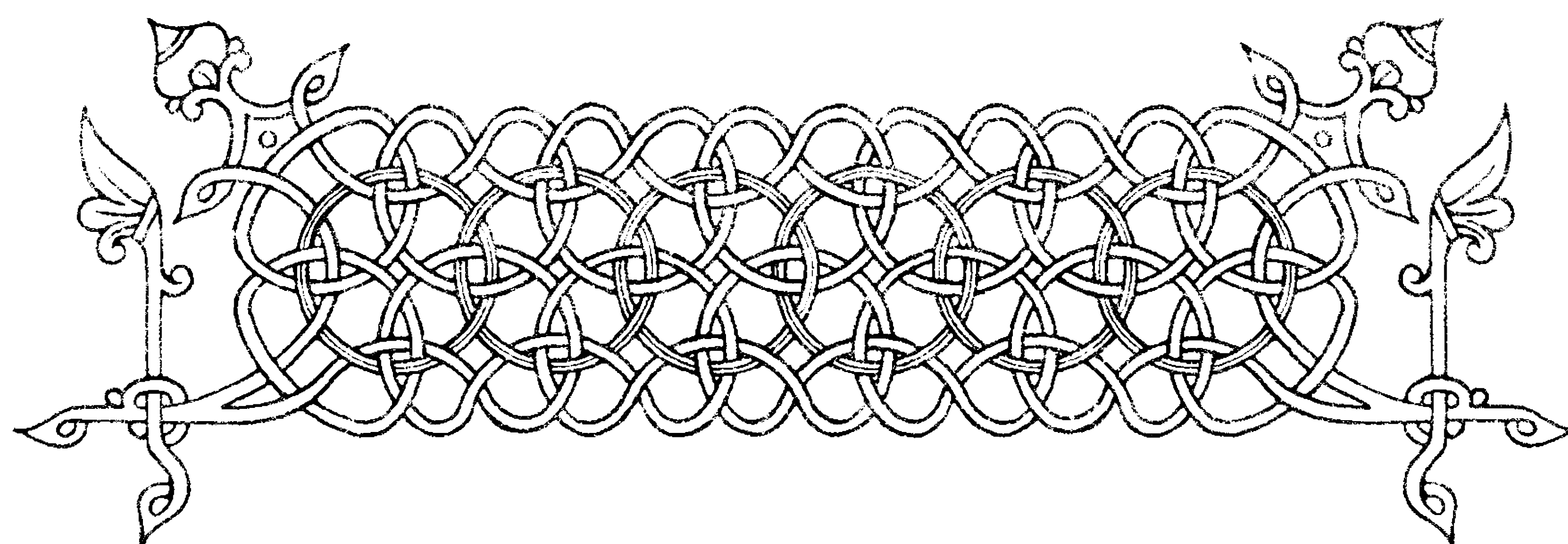
³⁻³ грѣшный слабъ и страстенъ Л'

добію святихъ отецъ? Они подражали святымъ Ангеломъ безстрастіемъ и чистотою, и якоже безтѣлесніи и не на земли живущіи, ни о чемъ земномъ не печахуся и подвизахуся въ жестокихъ подвигахъ неослабно во все житіе свое. Вы же хотя и не понесете подобно имъ жестокихъ подвиговъ, но жребій вашъ съ ними, и васъ причтетъ Господь къ лику преподобныхъ Своихъ, послужившихъ Ему въ самоотверженіи и послушаніи, ибо вы свое исполнили, жили въ повиновеніи и отвергли въ конецъ свою волю. Мнѣ же грѣшному стыдъ и посрамленіе! Но и я грѣшный уповаю на милость Божію, яко не оставитъ и мене Господь, аще буду отъ чистаго сердца о вашемъ спасеніи пещися; да и вы, представше ко Господу, умилюете Его ко мне грѣшному, хотя и никакого труда не имѣлъ бы васъ ради: ибо какой трудъ съ повинующимися добръ? во обоихъ странахъ точію радованіе, любовь и утѣшеніе духовное о Господѣ.

Отъ сего познавайте сами въ себѣ, аще угодно Богу быти вамъ подъ моимъ управленіемъ: ежели отъ моихъ вамъ совѣтовъ и наставленій возрастаетъ въ васъ вящее смиреніе, любовь и вѣра ко мнѣ, и вся моя словеса сладки вамъ показываются, и охотнѣ желаете всегда отъ мене поученій, и съ усердіемъ ожидаете моего посѣщенія, то сіе есть знаменіе, яко должно вамъ держатися мене грѣшнаго, и мнѣ недостойному благоволитъ Богъ, да пекуся о вашемъ спасеніи.

Аще же не имаете сицевыхъ ко мне чувствъ, но паче невѣрно, и сопротивно, и тягостно показуется вамъ мое наставленіе и обхожденіе съ вами, то чрезъ сіе должно за подлинно знати, яко не подобаетъ вамъ мнѣ предаватися въ неразумное повиновеніе; но и мнѣ послѣдуетъ осужденіе, яко не званный отъ Бога дерзаю наставляти васъ, да и Господь не будетъ помогать намъ, и отнюдь не узримъ между собою истинныя любви, тишины и согласія. А по сему беззачинно, яко предъ Самимъ Богомъ, [чисто-сердечно] должны мнѣ открытися о вашемъ ко мнѣ чувствіи.

ПОУЧЕНІЕ ВЪ БОЗѢ ПОУЧВШАГО ОТЦА НАШЕГО СХИМОНА ХА ЗОСНЫ

СЛОВО Ѧ

Ѡ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ИНОЧЕСТВО И О НЕСТЯЖАНІИ

Понеже поступившему въ житіе иноческое и предавшемуся въ повиновеніе по правиламъ иноческимъ долженствуетъ и жити, а не по подобію свѣтскихъ людей, — жизнь иноческая есть духовная, — то и подобаетъ токмо о духовномъ богатствѣ пещися; духовное же богатство внутрь насъ имѣется по глаголу Господню: *Царствіе Небесное внутри васъ есть*¹. И такъ, егда обрѣтемъ неложное иноческое богатство, то есть восчувствуемъ въ себѣ кротость, смиренномудріе, безгнѣвіе, терпѣніе, милосердіе, упованіе не на временное нѣчто, но на Бога живаго, радованіе внутреннее о Бозѣ и вѣру непоколебиму, простосердечіе, состраданіе² и любовь чистую ко всѣмъ и прочія плоды духовныя, тогда и сами свѣтло познаемъ внутрь насъ наше богатство и духовное сокровище, и со извѣщаніемъ восчувствуемъ свое спасеніе.

Снискивается же таковое богатство сицевыми дѣлы: отверженіемъ міра и самаго себя, то есть: своего нрава и своей воли, и всѣхъ своихъ пожеланій; потомъ совершеннымъ повиновеніемъ и по силѣ труды: воздержаніемъ, пощеніемъ, безмолвіемъ, бдѣніемъ, долу и на твердомъ леганіемъ, умаленнымъ сномъ,

¹ Лк. 17, 21.

² сострадательность Л'

продолжительнымъ моленіемъ и поклоны, поученіемъ Священнаго Писанія, къ тому же не малодушествовати, но претерпѣвати скуку и уныніе, небреженіе къ себѣ, неумовеніе, жажду, гладъ и хладъ, руководѣіе по силѣ и нестяжаніе, еще же безчестія и уничиженія любленіе. — Се зримъ, на каковъ трудъ и подвигъ потребно себя издати; сего ради нужно такового отца обрѣсти, который бы на таковыя подвиги своихъ учениковъ возбуждалъ и укрѣплялъ, и къ таковому вельми полезно вседушно и неотторжно прилѣпиться и предати себя въ повиновеніе. А который отецъ послабляетъ и попускаетъ жити съ самовластіемъ, съ своеуміемъ и со своимъ имуществомъ и стяжаніемъ, от такового полезнѣе уклониться, понеже таковъ отецъ до безстрастія и чистоты довести не возможетъ.

Естьли же таковъ опаснаблюдательный старецъ обрѣтается, но ученицы на предлагаемыя отъ него совѣты не согласуются и съ простосердечіемъ, съ сыновнею покорностію и любовію жити не пріемлютъ, отъ таковыхъ праведно старцу отрещися и себе безмолвнаго житія не лишати. Таковымъ лучше не предлагать никакого духовнаго разсужденія, понеже на множайшее послужить осужденіе, ежели будутъ слышать доброе, полезное и богоугодное, но не восхощутъ послѣдовати оному; но и старецъ не безъ вины обрящется, почто глаголалъ и предлагалъ слова спасительная къ неслушающимъ и презирающимъ.

Сколь многое количество обрѣтается духовныхъ священныхъ книгъ и поученій, и все оное къ тому точію насъ склоняетъ, да слушаемъ Бога и творимъ ко благоугожденію Его. Но аще кто восхощетъ самъ собою послѣдовати воли Божіей и жити безъ управленія и совѣтовъ, то крайнѣ опасно, и предприятие таковое дерзостно и безнадежно, понеже нужно таковому имѣти велию осторожность, да не вмѣсто Бога своимъ страstemъ и прихотemъ служить и угождати будетъ. Сея ради вины, повелѣваютъ святые отцы предаватися въ повиновеніе и тогда ¹совершенно угождати ¹Господу Богу, ибо живя въ послушаніи, не можетъ иное сотворити, но токмо что Богу угодно, понеже аще всякое дѣло творить тако, якоже отецъ повелѣваетъ, то сіе есть самое творити ²по воли Божіей, и слушати Самаго Господа, глаголюща: *«Слушай вась, Мене слушаетъ, и отменяйся вась, Мене отменяется»*³.

Послушаніе, именуетъ святой Григорій Синаитъ, — ножъ, единою вся язвы, то есть пороки и страсти, очищаетъ. Ибо,

¹⁻¹ совершенно можно угождати Л

² Слово восстановлено по Л.

³ Лк. 10, 16.

открывши вся своя тайная и страстная отцу своему по Бозѣ, и по глаголу его творя и повинуюся и соблюдая себе, како возможетъ возобладать и господствовать какая-либо страсть порочная?

Многаго порицанія и осужденія отъ Бога повиненъ будетъ отецъ начальствующій, аще попуститъ братіи творити несогласное правиламъ святыхъ отецъ, еже предаша житію иноческому, да и сами ученицы такового отца при смерти своей имутъ обвиняти, яко его небреженіемъ лишишася своего спасенія.

Естьли же отецъ управляетъ въ сходство завѣщанія святыхъ Отецъ, но ученицы не послѣдуютъ его руководству и его завѣщаніямъ, то старецъ не повиненъ будетъ, но сами они осудятся; ибо начальствующему отцу непремѣнно тако должно управлять, да будетъ въ сходство святыхъ отецъ преданія, понеже того ради предашася отцу, да наставитъ ихъ и ведетъ ко спасенію, то самъ отецъ уже яко корень имѣется; естьли же корень гниль, то есть естьли самъ отецъ не сообразно преданію правилъ святыхъ управляетъ, то и вѣтви сухи будутъ, сирѣчь и ученицы его не будутъ благоуспѣшны.

Напротиву же сему, аще отецъ по Бозѣ тщится управити ихъ спасительно и богоугодно, и ученицы, предашіеся ему въ повиновение, соблюдутъ себя въ терпѣніи и въ непрекословномъ послушаніи, то таковыя истинныя послушницы и прежде смерти¹ и по смерти¹ будутъ благословлять и благодарить своего отца какъ споспѣшника и орудіе ихъ вѣрнаго спасенія.

Изслѣдуй и разсмотри все Святое Писаніе и житіе² святыхъ преподобныхъ, но нигдѣ не обрящеши, дабы въ новоначаліи входили въ совѣты со своимъ отцемъ или держалися своего разсуждения, но токмо вседушнѣ повиновалася и радовалася, яко имутъ отца по Бозѣ, управляющаго ими. Да и почто не хотѣти во всемъ въ точности повиноватися, аще истинною домогаются о своемъ спасеніи? Ибо все дѣемое за послушаніе непремѣнно есть свято и богоугодно, понеже отецъ за нихъ истязанъ будетъ отъ Бога и судъ пріиметъ. Напротивъ же сему, упорствующіе и прекословные и ропотливые сами себя удаляютъ отъ совершеннаго спасенія, и житіе свое провождаютъ не сообразно монашеству, [почто таковыя и предаются въ повиновение и въ руководство, если хотятъ держатися своего разсужденія?] и отцу благословно и праведно отрещися таковыхъ.

Не нарекутъ ли такового родителя безумнымъ, который возрастшимъ уже дѣтямъ не возбраняетъ и попускаетъ каломъ³

¹⁻¹ Эти три слова восстановлены по .Л.

² житіи .Л.

³ Каль — грязь, тина, ил.

забавлятися и клѣтки¹ на песць строити, а не понуждаетъ и не принуждаетъ къ дѣламъ благопотребнымъ, нужнымъ и полезнымъ, свойственнымъ ихъ возрасту? То кольми паче отецъ духовный воспріемный безумнѣйшій окажется, паче же отверженъ будетъ отъ Самаго Бога, аще предавшимся ему о Господѣ въ повиновеніе попуститъ о излишественныхъ земныхъ вещехъ пещися или присвоивати нѣкое имущество, а не о единомъ духовномъ дѣланіи и преуспѣяніи пещися.

Вступившимъ въ иночество и предавшимся въ повиновеніе и послушаніе должно въ таковомъ быти нестяжаніи, дабы ниже иглы собственныя не имѣти, но какъ пищу, и одежду, и жилище, и всякое имущество своимъ не признавати, но яко Божіе и общее почитати. Пищу употреблять по уставу, а о правилѣ и о прочемъ безпрекословно повиноватися. Но хотя и на все таковое склонны будутъ, несомнѣнно вѣруя, яко Богъ сице вразумляетъ и подвижетъ отца сице ими управляти, но и тогда отцу не легко и не безбѣдно, и весьма нужно быти опасну, дабы предлагати имъ незаблудное, но спасительное наставленіе. И потому точію отецъ можетъ имѣти надѣяніе на милость Божію, яко помощію Его, еже мнится ему самонаиползнейшее, то заповѣдуетъ ученикомъ своимъ о Господѣ.

Но чтобы собственнымъ своимъ нѣчто признавати или повелѣаемыя отъ отца дѣла прежде хотѣти разсмотрѣвати и изслѣдовати, добрѣ ли заповѣдуетъ отецъ или ни, таковыя почто и предаются въ повиновеніе, аще на свое разсужденіе возлагаются? Таковыя не могутъ быть истинныя смиренныя и кроткія послушницы, но паче надзиратели и судіи отцу своему. Благословно отцу отрещися таковыхъ, ибо непокоряющихся безразсудно отцу своему и не согласующихся жити по положенію иноческаго и святыя великія отцы отвергали и отдаляли отъ себя. Кольми паче мнѣ, самому несовершенному и грѣшному, должно таковыхъ убѣгати и не соединятися духовнымъ союзомъ, дабы и самому вкупѣ съ таковыми непокоривыми и самоумцами не наслѣдовати безконечнаго горя. И увы! Да и почто тамо трудитися, гдѣ не предвидится ни исправленія, ни спасенія?

Еще и потому опасно для отца пріимати подъ руководство свое таковыхъ, кои не желаютъ вседушнѣ вся терпѣти Бога ради, понеже по времени негли покажется имъ, яко не добрѣ отецъ управляетъ и повелѣнія его тяжки; приведши ихъ въ нищету, то есть имѣнія ихъ расточивши, трудно будетъ успокоити ихъ, егда начнутъ роптать и скорбѣть на отца, а не покарытися воли Божіей, вѣруя, яко Самъ Господь содѣйствовалъ и вразумлялъ

¹ Здесь: домики.

отца сице управляти къ пользѣ душъ ихъ и спасенію. Таковаго то¹ несовершенства ихъ и малодушія устрашаться и уклоняться отъ таковыхъ подобаетъ, дондеже не узритъ отецъ ревности и горячности къ высокому житію и совершенныя къ нему вѣры и извѣщания, яко его руководствомъ имутъ несомнѣнно спастися, ибо, аще имѣли бы таковую вѣру ко отцу своему, то не прекословили бы, но отъ единого слова творили бы все повелѣваемое, и всякое свое имущество за уметы² почитали бы, отрицаяся отъ всего, отнюдь ничто своимъ не признавая и по своему мнѣнію не творя, чрезъ что пришли бы во смиренномудріе и безстрастіе, ибо како таковому возможно отъ насилія страстнаго побѣждатися, который отъ всего отметається, ниже когда свою волю въ чемъ-либо сотворити хочетъ?

По глаголу святыхъ отецъ, таковыя токмо могутъ совершенно иночествовати, кои живутъ, почитая себя странными и чуждыми отъ всего земнаго, и потому ничего собственнаго имѣти не хотятъ, повиновеніе же ко отцу и чистоту совѣсти паче жизни своея хранятъ.

И потому, аще которая изъ васъ не вмѣщаетъ до толико во всемъ повиноватися, что хотя бы все имущество повелѣлъ не токмо раздати, но и огнемъ сожещи и самой разлучитися отъ своихъ, ниже свиданія когда съ ними имѣти, ниже съ чады, аще бы которая и имѣла оныя; однимъ словомъ, аще бы что и смертное и весьма трудное и неудобное казалось, и на вся такая аще съ любовію безразсудно покоритися не изволяетъ, такая да живетъ сама о себѣ, якоже хочетъ. Мнѣ же, пріявшему васъ, аще попустити что противное и несогласное съ правилами и завѣщаніями святыхъ отецъ, то и вы не узрите своего спасенія, и азъ осужденъ буду. Ибо тогда токмо бываетъ несомнѣнное и вѣрное спасеніе, егда отъ всего совершенно отрекшися и вся своя предавши отцу своему по Бозъ и самою себя, съ чисто-сердечнымъ откровеніемъ въ точности во всемъ повинуюся ему и сотворяя все по повелѣнію его безразсудно, съ покорностію и простодушіемъ. Тако повинуюся, аще бы нѣкое упущеніе или утрата во внѣшнихъ вещахъ узрѣлася, но за послушаніе вѣчная мзда и вѣнцы отъ Бога умножаются. Не во всемъ же послушая и по повелѣнію отца въ точности не сотворяя, то хотя утраты въ видимыхъ вещахъ и не будетъ, но неизвѣстное будетъ спасеніе.

Такое неповиновеніе происходитъ отъ трехъ винъ: или отъ невѣрія, то есть не чтитъ и не уважаетъ своего отца, но паче вмѣняетъ его не богоугодна; или признаетъ отца неразумна,

¹ Таковаго то ради Л'

² Уметы — помет, сор. См.: Флп. 3, 8.

самаго же себя болѣе свѣдуща; или отъ високоумія и само-мнѣнія, то есть, надѣяся на свой разумъ, не хочетъ творити по повелѣнію отца. [Но изслѣдуйте все Священное Писаніе и нигдѣ не обрящете похвалы за своеуміе и сопротивленіе ко отцу своему. И гдѣ токмо было отъ учениковъ непокореніе и несогласіе со отцемъ, тамо и житіе иноческое богоугодное не составися, но тако коловратно о себѣ живяху. Таковая почто и хочетъ, да буду ея наставникомъ, аще съ самомненіемъ и самовластіемъ своимъ разстатися не хочетъ?] Ибо, предавшеся отцу въ повиновеніе, аще и въ малѣйшемъ нѣчесомъ пребудеть, не послушая его въ точности, то уже не на рукахъ отеческихъ носится, и отецъ за таковую не отвѣщаетъ Богу. Безъ повиновенія же и послушанія можетъ жити и безъ мене, старца грѣшнаго. Разве тако мниши спастися, дабы и внѣшняго, то есть имущества своего, не утратить, и спасенія не лишиться, но сего не возможно. Самъ Господь рекъ, глаголя: «*Иже не отвержется всего своего имѣнія,¹ не можетъ быти Мой ученикъ*» (Лк. 14, 33). Того ради вси хотящіи спастися первѣе всего отрекахуся всего своего имени¹. И самихъ себя, не щадя, предаваху въ истинное послушаніе и повиновеніе; другаго же пути хотящимъ иночествовати не обрѣтается.

Сами вы знаете и отъ Святаго Писанія поучаетесь, яко содѣлавшись азъ отцемъ вашимъ духовнымъ и управителемъ жизни вашей, неминуемо долженъ довести васъ до такой степени, чтобы отнюдь не прекословно повиновались отъ единого слова, по подобію Апостоловъ Господу, или пожившіи при святыхъ отцѣхъ въ послушаніи и совершенномъ нестяжаніи [дабы своимъ собственнымъ отнюдь ничего не признавали]. Ибо естли души ваша [и спасеніе] ввѣряете мнѣ, то кольми паче тлѣнное ваше имущество для пользы же вашей должны на меня возложить, отнюдь не истязуя и не любопытствуя, како или камо употреблю оное.

Чрезъ таковое же добровольное ваше нестяжаніе и нищету Богу, помогающе вамъ, каяжда, претерпѣвая и преуспѣвая въ своемъ подвижничествѣ, сподобитесь отъ благодати безстрастія: то есть, земное и временное приобрѣтая, не возвеселитъ васъ, ниже востужите, лишаясь онаго. Но паче уклонятися восхощете отъ всего, дабы безпрепятственно со свободою, сирѣчь съ неразвлеченною мыслію въ духовномъ дѣланіи упражняться.

Естли же которая соблюдать себе опасно не станетъ, но дерзновенно начнетъ любопытствовать и истязовать меня, камо употребляю, или самохотнѣ совѣты мнѣ преподавати, то многими помыслы одержима и борима будетъ и отнюдь дара смиренно-

¹⁻¹ Эти слова в списке пропущены; восстановлено по Л.

мудрія¹ не сподобится, ниже возможесть простодушно съ вѣрою проходить всякое послушаніе, но всегда будетъ испытывати, по-что тако, почто сіе. А иногда нѣкое заповѣданіе мое не понравится, и начнетъ оглаговати мя и соблазнятися; а отъ сего начнетъ и вѣра ко мнѣ умалятися, и любовь угасати, и прочее измѣнится, и будетъ жити не яко смиренномудрая послушница, но яко судія и совѣтница, и не узритъ мира и покоя въ душѣ своей. Все же сіе произрастаетъ отъ корене діавольскаго презорства и возношенія.

О томъ токмо должны мы² все тѣсаніе свое полагати, да не разслабляетеся въ спасительномъ предложеніи вашемъ, а не о тлѣнныхъ вещахъ пещися. Довлѣетъ вамъ несомнѣнно вѣровати, яко на злое не употреблю имущества вашего, ниже помощію Божіею самъ возобладаю онымъ; а посему, отвергши все земное попеченіе, со свободою души будете упражнятися въ духовномъ дѣланіи, и все ваше попеченіе о томъ лишь полагати, да не отпадете вѣчныхъ благъ и жизни некончаемой.

Естьли всѣ мы будемъ думать о имѣющемся въ общежитіи нашемъ имуществѣ, и всѣ восхоцемъ упражнятися въ тлѣнныхъ вещехъ и попеченіихъ, то чѣмъ окажемся не равными мірянномъ или прежнему нашему [въ мірѣ] жителству и гдѣ будетъ исполненіе иноческихъ обѣтовъ нашихъ? То есть еже возне-радѣти и отрещися всего тлѣннаго и временнаго и вседушнѣ пещися о духовныхъ подвигахъ, о богомысліи и соединеніи съ Богомъ³.

А посему и поставляется на сіе служеніе избранная на то сестра, да печется о всѣхъ нуждахъ въ общежитіи, чрезъ что всѣмъ воспослѣдуетъ спасеніе, оной же будетъ награда [отъ Бога] за послушаніе ея, за исправленіе должности и упокоеніе сестръ; а сестры свободою [своею]⁴ и духовными подвигами спасатися будутъ и за нее имутъ молити Господа. Чрезъ таковое же отверженіе своя воли и повиновеніе и устраненіе отъ всего и преобидѣніе покажется истинное служеніе и любовь къ Богу.

Сіе имѣйте себѣ во знаменіе духовнаго успѣянія вашего: чѣмъ болѣе будете имѣти любви къ Богу, тѣмъ болѣе возлюбите все то, что Ему угодно; а Господу всего любезнѣе тотъ, кто, оставя міръ, воспріиметъ подражати Его нищетѣ, Его послушанію, Его смиренію и кротости.

¹ смиренномудраго *Л*

² вы *Л*

³ Господомъ *Л*

⁴ В квадратных скобках — из *Л*.

Помыслите себѣ, како не безумна окажется та, которая за обиду и несчастіе почтетъ оставить и отвергнуть тлѣнное имущество и воспріять легкое и благое иго, нищету Іисуса Христа, дабы свободно слѣдовать за Нимъ; имѣя же сердце свое одержимо любоимѣніемъ, страстьми и похотьми¹, никогда не узритъ такой свободы. Аще же охотно пожертвуете своимъ имуществомъ [и своею свободою, то есть аще оставя все] и самихъ себя предадите Бога ради въ неразсудное повиновеніе, то абіе обрящете иное богатство, недовѣдомое міру, и иную свободу и наслажденіе, міролюбцами не постигаемое, но безъ сравненія многоцѣннѣ сокровищъ всего міра и самаго земнаго царства, — обрящете Самаго Владыку, а съ Нимъ нескончаемое царство и наслажденіе, аще вседушнѣ послѣдуете стопамъ Его, Иже *послушивъ бѣ Отцу Своему даже до смерти, смерти же крестныя*². Его суть слова сіи: «Хочу, да *идѣже есмь Азъ, ты и слуга Мой будетъ*»³. И такъ, о возлюбленніи Господомъ! Тецйте во слѣдъ Его, оставя все земное попеченіе, послужите Ему въ преподобіи и правдѣ, въ любви нелицемѣрной и истинномъ самоотверженіи и послушаніи.

Всякая тварь подобное и свойственное себѣ любитъ, ищетъ и держится; аще же уклонится къ неподобному и не свойственному, то вреждается. Тако и мы, аще уклонимся отъ свойственнаго душамъ нашимъ, то есть вмѣсто вѣчныхъ небесныхъ благъ будемъ прилѣплятися къ земному и тлѣнному имуществу и наслажденію, то неминуемо постраждемъ бѣду душевную, лишимся вѣчнаго блаженства и Самаго Бога и впадемъ въ некончаемыя муки.

Естьли же вы вознамѣрились искать высочайшаго и честнѣйшаго, то есть Самаго Бога, и самихъ себя принести Ему въ жертву, то есть посвятить все житіе свое ко благоугожденію Его, то не малодушествуйте, оставляя тлѣнное и ничтоже значущее имущество ваше, которое неминуемо и неволею отъ васъ отъимется смертію или инымъ нѣкимъ случаемъ. И не восхощите его ради отпастъ чистаго предъ Богомъ служенія и лицемѣрно во иночествѣ жити, міръ обманывая и самихъ себя погубляя, — то есть по видимому показуясь подражати святымъ Апостоломъ, кои, оставя все, послѣдовали за Господомъ, истинною же уподобляясь Ананіи и женѣ его Сапфирѣ, кои, побѣждаясь любоимѣніемъ, утайша цѣну и не все повергоша къ ногамъ Апостоловъ, якоже сотвориша Варнава и послѣдующіе ему. Но Варнава

¹ прихотьми *Л*

² Флп. 2, 8.

³ Ин. 12, 26.

почтенъ бысть первымъ отъ седмидесяти Апостолъ. А Ананія съ женою смертію поражены быша.

Но естли же вы, предавшеся мнѣ Господа ради, моимъ не-радѣніемъ или послабленіемъ поживете со имѣніемъ вещество-любиво и страстно, а не духовно, въ нестяжаніи и безстрастіи, то и вы, а наипаче азъ осужденъ буду. Того ради, простите, не смѣю иное что рещи вамъ, но точію еже Самъ Господь изрече Своимъ ученикомъ: иже не отречется всего своего имущества, жены и чадъ, и души своея, и не возметъ креста своего, не можетъ быти Его ученикъ¹. Такожде и вы, аще не отвержете отъ себе всего земнаго пристрастія и не уготовите себя на всякое страданіе Христа ради, то не можете быти ученицы Христовы. Но ниже азъ грѣшный (простите) безъ таковаго вашего обѣщанія не могу васъ пріяти.

Естли же все имущество ваше предадите Богу и тако съ не-стяжаніемъ воспріимете жити, то хотя въ нѣчесомъ яко чело-вѣцы и погрѣшите предъ Богомъ, но благодать Его не попуститъ вамъ погибнуть, ибо всякое преткновеніе и погрѣшность вашу будете возвѣщать мнѣ и возлагаться съ вѣрою на мою волю, и чрезъ то оправдаете предъ Господомъ. Но и азъ грѣшный помощію Божіею (и съ совѣтомъ моего Старца) буду возвѣщать вамъ подобающее къ достиженію иноческаго совершенства и несомнѣнному спасенію, чрезъ что вы, какъ истинные послушницы, отвергше все земное и тлѣнное, безбоязненно и свободно преидете отъ временной жизни къ вѣчному блаженству, уготованному Господомъ возлюбившимъ и послужившимъ Ему богоугодно².

Но негли нанесетъ вамъ таковое помышленіе: почто сице предаватися, можно и безъ отца спастися³, и какая большая польза отъ таковаго подобнорабственнаго преданія и повиновенія? Послушайте святаго Лѣстничника, иже глаголетъ: «Яко же на морѣ корабль безъ кормчія, тако хотяй иночествовати безъ наставляющаго, и яко же изъ корабля изскочившему не безбѣдно на дскѣ на край изыти, тако неудобно самому себя управляющему спастися». Святый же Каллистъ глаголетъ, что не предавшіися яко чрезъ канавы скачутъ и много сѣютъ, но увы! Вмѣсто пшеницы плевелы пожинаютъ. А святый Дорофей глаголетъ: «Безъ наставника, яко листвіе падаютъ, а кто всего отвергается и предается въ повиновеніе и послушаніе, таковый дѣлаетъ подражаніе святымъ Апостоломъ, яко же они, оставя все, послѣдовали за Господомъ, во всемъ повинуюся Ему; уподоб-

¹ См.: Лк. 14, 26–27, 33.

² благоугодно *Л*

³ спастися *Л*

ляется и Самому Господу, Иже послушливъ бѣ Отцу Своему даже до креста и смерти, а потому и невозможно, чтобы Христосъ такового не возлюбилъ и не помиловалъ, и не прославилъ, иже подражая Ему, вся оставя, повинуется своему наставнику». Таковой, по глаголу святаго Лѣствичника, не печется отвѣщати Богу за себя, зане спросится отецъ о немъ, ибо дѣлаетъ не свое, но что отецъ повелѣваетъ. Слѣдовательно, отецъ за него и отвѣщати будетъ. А святой Григорій Синаитъ глаголетъ: «Изряднѣйшій и первый врачъ ради немощствующихъ къ заповѣдемъ и мутное потемнѣніе удобно изблевати хотящимъ, ничтоже иное есть, яко неразумное и съ вѣрою во всемъ послушаніе. Врачество бо есть живительно многосложно отъ добродѣтелей піющимъ и ножъ, знаменія язвенныя единою очищающъ, еже послушаніе съ вѣрою и простотою предпочтительнѣе паче всѣхъ дѣйствовати, вся страсти единою отсѣче. И не точію безмолвія достигъ, но уже то и послушаніемъ соверши, обрѣтъ Христа, и подражатель Его и рабъ, и бывъ и глаголемъ». И еще же онъ глаголетъ: «Малая и великая и сокращенная повинующихся лѣствица пять имать степеней, къ совершенству ведущихъ: первый — отверженіе, второй — повиновеніе, третій — послушаніе, четвертый — смиреніе, пятый — Божественная любви, яже есть Богъ. И отверженіе убо отъ ада возводитъ лежащаго, и порабощеннаго отъ вещества свободждаетъ; повиновеніе же Христа обрѣтаетъ, и Тому служитъ, яко же Самъ глаголетъ: *Аще кто Мене служитъ, Мене да послѣдуетъ, и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ*». Гдѣ же есть Христосъ? На Небесѣхъ сѣдитъ одесную Отца. Тѣмъ же тамо подобаетъ быти и слугѣ, идѣже и служимый, возводящій ногу къ восхожденію, или и прежде восхожденія онѣми образы, со Христомъ восходящу и совозидающую. — Послушаніе же, дѣйствуемо заповѣдми, всяко зиждетъ лѣствицу отъ различныхъ добродѣтелей, и сія добродѣтели яко восхожденія въ душѣ полагаетъ, отъ него же послушанія, высокотворное раждается смиреніе, ту объемля и горѣ вознося къ Небеси, царицѣ [добродѣтелей]¹ любви предаетъ, и ко Христу приводя — представляетъ. И тако сокращенною лѣствицею во истиннѣ повинуйся, удобъ на Небо восходитъ». И далѣе его же: «Нѣсть инаго кратчайшаго пути, къ вышнимъ чертогамъ малою лѣствицею добродѣтелей ведущаго, якоже умерщвленіе пяти послушанію сопротивляющихся страстей: преслушанія, глаголю, и прекословія, самоугодія же и оправданія, и пагубнаго мнѣнія. Сія бо суть уди и части непокориваго бѣса, поглощающаго прелюбодѣйчицкихъ послушниковъ и отсылающаго ко змію въ бездну. И преслушаніе убо есть адская

¹ Слово восстановлено по «Добротолубию».

уста; прекословія же — его языкъ яко мечъ остръ; самоугодіе же — изощренніи его зубы; оправданіе же — гортань его; отдыханіе же всепожирающаго чрева его есть мнѣніе, сопровождающее ко аду. Иже убо первое послушаніемъ побѣждаяй, прочая единою отсѣкаетъ, и на Небеса единѣмъ степенемъ быстрѣ востекаетъ! Чудо же воистинну, и отъ неизреченныхъ сущее и непостижимое, егоже и человеколюбець нашъ сотвори Господь, дабы единою добродѣтелию, или паче заповѣдію, некосненно востещи на Небеса, якоже и единымъ преслушаніемъ снисхохомъ и низходимъ во адъ»¹.

Самовластнѣ живуще, покажетесь не токмо не угождающими Богу, но и сопротивляющимися Его воли, ибо по благоволенію Его, и на Небеси и на земли меньшіи бѣльшимъ повинуются, и Самъ Господь образъ оставилъ намъ Своего послушанія. Аще же речете, яко посему, и мірской власти повинуюся, будетъ спасеніе? Будетъ, конечно, спасеніе, аще токмо не противно закону и правиламъ Святой Церкви будетъ повиновеніе.

Аще речете: то почто идти во иночество? Отвѣтъ: того ради, да приближнѣ къ Богу поживете, не печась о земномъ, но весь умъ и все свое тѣсаніе вперяя къ небеснымъ. Аще же не тако поживете, то все будетъ изшествіе ваше изъ міра. Посему то и нужно предатися въ окормленіе таковому отцу, который искоренялъ бы всѣ ваши страсти и прихотныя пожеланія, разрушалъ бы и пресѣцалъ соплетеніе ума вашего земными вещьми и охранялъ бы васъ отъ всякаго діавольскаго плѣненія и обладанія. Аще же страстному вождю себя вручите, то, по глаголу святыхъ отецъ, не Евангельскому, но діавольскому научитесь житію, ибо слѣпецъ слѣпца вода, *оба въ яму впадутъ*². Но прилѣпитесь къ боящемуся Бога, той и васъ научитъ бояться Бога.

Аще поживете сице со смиреніемъ, терпя Господа ради, то истиннѣ причтены будете къ спасаемымъ, и помалѣ пріобыкше къ отсѣченію своей воли, прочее безъ понужденія сами тако возжелаете жити, и мне васъ таковыхъ, склонныхъ къ повиновенію, оставить будетъ непростительно. И Богъ будетъ вами прославлятися, и прочіе многіе, увидя васъ столь любомудренно живущихъ, возбудятся и возжелаютъ сами иноческаго житія. То како Господь Богъ нашъ не будетъ нами, рабами Его, славиться? И како Онъ всеблагій не подастъ намъ вящія силы благодати Своея, дабы пришедшая къ намъ сестра, хотя была бы страстнѣйшая, но, видя васъ тако добрѣ, смиренномудренно, любовнѣ

¹ Иже во святыхъ отца нашего Григорія Синаита «Главы зѣло полезныя» 107, 120, 121 // Добротолюбіе. Часть первая, л. 98, 101–101об.

² Мф. 15, 14.

живущихъ, кротостно и безрассуднѣ повинующихся, и мене, не послабляюща и не попускающа вамъ уклонятися въ самомнѣніе или своеволіе, то и она должна будетъ тако жити, подражая вамъ и терпя отсѣченіе своей воли и всѣхъ своихъ прихотныхъ пожеланий. И тако пришедшая къ вамъ, хотя самая порочнѣйшая и страстнѣйшая, сожителствуя съ вами и усмотрѣвая ваше по Бозѣ подвижничество, содѣлается и сама, какъ Ангелъ Божій, чистая и непорочная.

Сего ради и желаю, при помощи Божіей, васъ первоначальныхъ управляти неослабно, дабы и прочіи, вступающе въ ваше единеніе и сообщество, подражая вамъ, были бы такожде подвижницы и приходили бы въ безстрастіе. Аще же вамъ попусти нѣкія слабости и прихоти, то и другимъ возбранить будетъ не возможно, и тогда устроится не монашеское богоугодное общежитіе, но нѣкое соборище безчинныхъ и своевольныхъ. Но до сего не допусти ми, Господи! Лучше хочу умерети, нежели завести вами житіе, противное Богу и святымъ правиламъ, преданнымъ Его угодниками для желающихъ иночествовати.

Для того то Господь и попустилъ разнымъ житіямъ быти, дабы не могущіи и не желающіи иночествовати въ мірской и супружеской жизни работали Ему и благоугождали различными добродѣтелями, а усерднѣйшіе да вступаютъ во иночество. Совершеннѣйшіе же да вдаются на жесточайшія подвиги или ко-
нечное безмолвіе.

Того ради и паки глаголю, яко не поущу никакихъ прихотей и самочиній, ниже поущу вамъ пріяти въ ваше общежитіе самыхъ ближайшихъ родственницъ, кои не отъ всея души желаютъ подражать вамъ, или юности ради не могутъ, и не понимаютъ, сколь опасно должно жити во иночествѣ. Ибо хочу при помощи Божіей завести вами монашеское общежитіе, а не богадѣльню, но и боюсь осужденія отъ Бога, естли для неусердствующихъ и немогущихъ нарушу преданія святыхъ отецъ и оставлю мое безмолвное житіе.

Таковыхъ міролюбивыхъ и пристрастныхъ къ житейскому за ближнихъ и единокорныхъ признавать не должно, ниже пеци-
ся о нихъ, хотя были бы и родственницы по плоти. Ибо они еще живы, а вы умерли міру: они части мірской, а вы духовной. Таковымъ можно токмо поговорить, наставить и, не удерживая ни-
мало, отпущать, ибо не волящіи и Богу не угодны. Всѣ таковыя еще не зазрили себя и не печалуютъ о грѣсѣхъ своихъ, аще хотятъ жити своевольно и отраднѣ: еще не возлюбили духовное и чистое житіе и цѣломудренное, аще любятъ бесѣды и свиданіе¹

¹ свиданіи *Л* ✓

съ мірскими. Таковыхъ¹, простите, жити съ вами отнюдь не смѣю попустить, ибо вы сами при концѣ житія вашего станете укорять и обвинять меня, аще азъ не буду нынѣ опасно охранять васъ отъ всякихъ винъ и вещей соблазнительныхъ, привлека- тельныхъ на слабость и паденіе.

Кои истинно желаютъ жити вкупѣ съ вами, не должны ни въ чемъ сопротивлятися, но покорятися во всемъ и согласовати въ точности по моему завѣщанію. Естьли же восхощете пріимати родственницъ вашихъ, кои не могутъ или не желаютъ подобно вамъ терпѣть, то како можетъ быти между вами миръ и согласіе въ житіи? Ибо каждая о своей станетъ пещися и дѣлать различ- ныя послабленія и снисхожденія, а чрезъ то неминуемо станете и зазирать одна другую, и разрушится между вами духовное единомысліе. Но и они, малолѣтныя и слабыя, другъ на друга взирая, не возмогутъ навикнути воздержанія и терпѣнія. Сего ради и должно таковымъ позволить токмо посѣщать васъ, дабы они, наслушавшись вашихъ совѣтовъ и наставленій и примѣчая житіе ваше, могли бы прежде по домамъ своимъ пріобучать себе и уготоватися къ житію иноческому, и тогда уже послѣдовати вамъ и соединитися съ вами.

Такое ваше повиновеніе и послушаніе сподобитъ васъ быти подражательницами Господу, Иже послуша Отца Своего даже до смерти крестныя. И Онъ, Господь нашъ, по благи Своей, за сіе рабство ваше, любви Его ради, подастъ вамъ благодать Свою господствовать надъ страстями грѣховными и похотями богопро- тивными и еже бы мощи вамъ преобиждати вся прельщающая въ мірѣ семъ. Единѣмъ словомъ, уподобитесь прежнимъ древ- нимъ святымъ монастырямъ², и въ новой Евангельской благода- ти просіявшимъ. Аще же не восхощете отъ всего отречься и предати себе въ повиновеніе, то подобни будете онѣмъ, о нихъ же мы въ неизвѣстїи, аще угодиша Богу или ни. То не бла- женнѣ ли по извѣстному и надежному пути управлять себя, не- жели пускаться въ неизвѣстный и опасный? Ибо о предавшихся въ повиновеніе единоголосно святїи вси отцы извѣствуютъ, яко незаблуднымъ путемъ идутъ ко Господу, и именуютъ таковыхъ, въ послушанїи терпящихъ, исповѣдниками.

Разсудите сами и помыслите: неужели мнѣ желательно есть надъ вами начальствовать и возобладать вашимъ имуществомъ, не спокойнѣ ли для меня остаться въ моемъ любимомъ безмол- вїи? И что нужно для меня единого? Всякой христіанецъ со- дѣйствіемъ и внушеніемъ Божиимъ не оставитъ мене грѣшнаго,

¹ Таковымъ *Л*

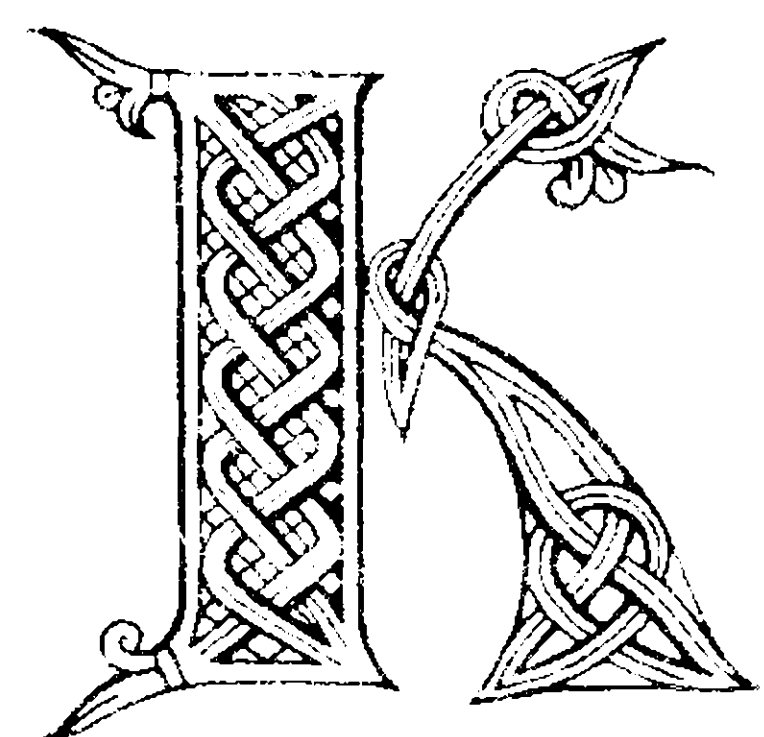
² матерямъ *Л, Л*

како и доселъ было, благодатию Божіею. Слѣдовательно, не убѣжда-
дая и не привлекая васъ къ себѣ, но точію бояся Бога и отъ любви
моея по Бозѣ, совѣтую вамъ идти онымъ путемъ, имже по-
вѣлѣваютъ святіи отцы вступающимъ въ жизнь иноческую, дабы
сподобитися и вамъ быти послѣдователями святыхъ Апостоловъ
и причтенными къ лику учениковъ Христовыхъ! Господь же,
васъ ради, не премѣнитъ Своего опредѣленія, то есть не причтетъ
васъ ко ученикомъ Своимъ, аще не отречетесь всего и не по-
слѣдуете Ему.

Не ужасайтесь, о возлюбленніи, слышавше таковая отъ мене
преданія и подобнорабское повиновеніе. Ибо таковое ваше по
Бозѣ преданіе и повиновеніе мене первѣе при помощи Божіей
преклонить быть вашимъ рабомъ и служителемъ въ должномъ
для вашего пребыванія и спасенія.

СЛОВО КЪ

О ПЕРВОНАЧАЛЬНОМЪ ИНОЧЕСКОМЪ ОСНОВАНІИ

оторый отецъ приѣмлетъ къ себѣ въ сожитіе уче-
никовъ, но не съ таковымъ наблюденіемъ, какъ
поступали святые отцы съ первоначальными, то
отнюдь не узрится истиннаго монашества, но
произойдутъ токмо между аввою и учениками
ломка, споры и всякое несогласіе. Но дабы избѣ-
жать таковой бѣды и напасти, то не долженъ отецъ принимать
брата въ свое управленіе, дондеже братъ окажетъ вѣру свою ко
отцу и усердіе многими моленіями и слезами, еже есть, аще ис-
тинно тако вѣруетъ, яко не собою, но отеческимъ руководствомъ
составится его спасеніе.

Второе: дабы братъ обѣщался отцу быти во всемъ откровен-
ненъ, отнюдь ничего не утаивая. Таковое же истинное его намѣ-
реніе во откровенности познается по сему: аще вся своя добрая и
злая дѣянія, отъ юности сотворенная, безъ всякаго сомнѣнія и
безъ зазора и стыда, со всею истинною откроетъ и расскажетъ.

Третіе: естли отъ всея души со всякою истинною и усердіемъ
желаетъ отцу предатися и обѣщаніе твердое давати будетъ предъ
Богомъ, дабы во всемъ несомнѣнно слушати и повиноватися.
Безъ сихъ же священныхъ обязательствъ поистиннѣ обѣ страны,
сирѣчь отецъ и братія, токмо могутъ однѣ бѣды, скорби и сму-
щенія претерпѣвати другъ отъ друга, а Богъ вѣсть, достигнуть
ли своего спасенія.

Когда же отецъ поступаетъ по предпоянутому закону и свя-
тыхъ отецъ преданію, то какъ самъ отецъ, такъ и братія имутъ

наслаждатися немятежнымъ спокойствіемъ и многими духовными плодами въ святой любви и единомушіи.

Естьли братъ вѣруеть, яко добръ и богоугоденъ есть отецъ, то уже несомнѣнно будетъ и любить его. Открывшемуся же во всемъ и объявившему своя тайная не желательно уже будетъ въ меньшихъ бываемыхъ погрѣшностяхъ таитися отъ отца, а также, общавши во всемъ повиноватися, невозможно уже въ чемъ-либо сопротивлятися или дѣяти что-либо незаповѣданное отцемъ, но и не восхощетъ побѣждатися своими пожеланіями или послѣдовати своему разсужденію; и тако начальствующему отцу было бы не трудно, и брату, предавшемуся въ повиновеніе, не падательно.

Но естьли и едино отъ тріехъ оскудѣтъ, то прочіими двумя не можно достигнути до чистоты внутрення и безстрастія. Какъ наprimѣръ: хотя и имѣтъ толику вѣру ко отцу, яко мнитъ его свята, и второе — повинуется въ точности съ любовію и охотно, безъ прекословія, но естьли третьяго не имать, сіестъ живетъ безъ откровенія. То како возможно быти отцу со ученикомъ во едину душу? И како сие скрытнаго ученика признавать [возможно] за искренняго и не сомнѣваться о немъ? Таковъ послушникъ не повинуется и Господу, еже бы быти во едино. И¹ какъ онъ можетъ быти едино со отцемъ, аще отецъ не вѣдаетъ яже въ немъ? Слѣдовательно, сиевый братъ живетъ самъ собою, а не отцемъ, еже есть сопротивно закону иноческому.

Или хотя во всемъ будетъ откровененъ и вѣру будетъ имѣти ко отцу, но не повинуется въ точности творити вся по повелѣнному, то и тогда не воспользуется, ибо не возможетъ побѣдити своя страсти и презорства, дѣлая по-своему, ибо сіе самое есть презорство, ежели презирать волю и повелѣніе отца; а потому убо нѣстъ уже подражатель Христовъ, Иже быстъ послушливъ Отцу Своему даже до смерти крестныя.

Или, хотя въ точности и неразсудно и неистязуемо послушливъ, и не прекословно ко всему повелѣваемому готовъ оказываетъ, и откровененъ во всѣхъ дѣлѣхъ своихъ и помышленіяхъ, но естьли не имѣтъ крепкія и непоколебимыя ко отцу своему вѣры, то не крѣпко будетъ его повиновеніе, и легко можетъ отпасть отъ послушанія и снити въ небреженіе и презорство ко отцу, ибо безъ вѣры все заповѣдуемое отцемъ будетъ тягостно и непріятно для него.

Но аще речеши, яко откровенну быти и повиноватися, негли состоитъ въ нашей власти, но дабы стяжати вѣру ко отцу и имѣти его свята, весьма трудно. На сіе азъ и отвѣтствую тебѣ:

¹ Ибо *Л*

яко поистиннѣ весьма трудно и негли невозможно презорливому, високоумному и самомнительному, зане мнитъ себя разумнѣйша паче отца и праводѣюща. А потому и повелѣвають святыя отцы таковымъ, иже одержимы суть отъ презорства, да идутъ не къ таковому отцу, иже за кротость свою достоинъ вѣры, но къ таковому, который можетъ благоразумною строгостію, аки свирѣпствомъ умучити въ нихъ духъ презорства, дмѣнія и високоумія. А иже со смиреніемъ печется о своемъ спасеніи, сему не трудно склониться и воспочтити отца своего за святаго, и съ вѣрою повиноватися во всемъ повелѣваемомъ и глаголемомъ отъ него, аще точію увидитъ отца любовію къ нему расположена, и слышати будетъ отъ него благіе совѣты со свидѣтельствомъ Святаго Писанія. Большая святости и не требуетъ, и сими добродѣтелями отца своего совершенно удовлетворяется и мирствуетъ, и весь вседушнѣ предается отцу; и пригвождается искреннею любовію, и безъ сомнѣнія во всемъ покоряется, яко Божію угоднику. И тако увѣровавши, желаетъ лучше лишиться жизни, нежели оставить или отлучиться отъ таковаго любимаго отца, пекущагося о немъ. И таковой благонравный ученикъ вкупѣ со отцемъ вся дни своя мирно и спокойно, и радостно провождаютъ, зря другъ ко другу любовь нелицемѣрную.

Но и строгій и не послабляющій отецъ не менѣе достоинъ почитаться за свята и богоугодна: ибо аще не бы былъ святъ и богоугоденъ, то не бы старался о исправленіи своихъ учениковъ, дабы изъ надмѣнныхъ и презоривыхъ содѣлать смиренными, кроткими и благонравными. Слѣдовательно, всякій отецъ, который наставляетъ на доброе и богоугодное, хотя самъ и слабо живетъ, но должно помышлять, яко слабость имать по человѣческой немощи и тѣлеснымъ недугамъ, но душею весь взятъ горѣ, и есть богоугоденъ. Той точію отецъ недостоинъ вѣры и почитанія, который нерадитъ о духовномъ житіи, презираетъ и небрежетъ о преданіяхъ святыхъ отецъ, и какъ самъ предается слабостямъ и сладострастіямъ, такъ и учениковъ своихъ увлекаетъ въ суетныя и мірскія развлеченія и пристрастія, таковаго подобаетъ паче бѣгать и удалятися отъ него, а не предаватися отнюдь таковому.

Якоже хлѣбъ составляется отъ муки, воды и огня, и аще единого чего отъ сихъ тріехъ не будетъ, не можетъ совершиться хлѣбъ; сиче и хотѣй иночествовати: аще единого отъ помянутыхъ тріехъ добродѣтелей (сирѣчь, вѣры, откровенія и повиновенія) не имать, то не воспользуется, живя во иночествѣ.

Хотящій безъ откровенія жити много боримъ бываетъ отъ осужденія, негодованія, и раждаются въ немъ разнovidные суетныя помыслы и страсти. Якоже лоза непосѣкаемая многія

прозябають отрасли, сице и братъ, аще не открываетъ отцу на посѣченіе всѣхъ помышленій и дѣяній, то множае боримъ бываетъ, и плодятся въ немъ [нелѣпыя мысли и разрастаются] и укрѣпляются страсти. Вѣдая же врагъ, яко многое таковое пагубное произрастаетъ въ живущемъ съ неоткровеніемъ, того ради зѣльно его бореть и нудить, да живетъ безъ откровенія. Сложився же съ таковымъ вражіимъ всѣяніемъ, заблуждаетъ душею и мнитъ право и безгрѣшно жити при отцѣ сице не истинствуя, и того ради не хочетъ дати обѣщаніе, еже бо¹ быти во всемъ откровенну.

Равно и того, иже боится дати обѣщаніе, дабы во всемъ имѣти послушаніе ко отцу, уловляетъ врагъ и понуждаетъ, еже бы отай отца по своей воли творити, или не тако, яко заповѣдано отъ отца, и токмо въ томъ доброхотенъ послушникъ показуется, егда что согласно съ его желаніемъ повелѣно будетъ или сходствуетъ съ его мнѣніемъ, къ прочему же всему упоренъ, прекословенъ и не послушенъ. Ибо тоже лститъ себѣ, помышляя, яко не обѣщавшемуся и не предавшему себя въ сицевое безразсудное повиновеніе, безгрѣшно и не во всемъ въ точности повиноватися.

Иной же живетъ при отцѣ, но не имѣетъ къ нему вѣры, яко святъ и угоденъ есть Богу, часто увлекается въ пагубное презорство и уничижаетъ отца, яко простаго и чуждаго благодати, не уважаетъ ни совѣтовъ, ни повелѣній его, и не страшится отъити и оставить его, помышляя, яко не сотворилъ ни обѣта, ни преданія; того ради и не вмѣняетъ себѣ въ грѣхъ, еже бы оставить его.

Но хотя и мнятъ таковыя самочинныя, непокоривыя и безстрашныя, яко² имъ не столь погрѣшно жити безъ вѣры и преданія, безъ откровенія и послушанія, [повиновенія] яко же тому, иже искренно и вседушнѣ предается³ отцу своему въ безразсудное повиновеніе съ вѣрою и любовію, по сходству Святаго Писанія и завѣщанія святыхъ отецъ, ⁴и аще сей преткнется въ чемъ и погрѣшитъ, подлежитъ большому осужденію; но таковыя ошибаются и прельщаютъ сами себе, помышляя, яко они менѣе судимы будутъ⁴. Но возможно ли, дабы Господь строже судилъ тѣхъ, кои страха ради и благоговѣя къ завѣщаніямъ святыхъ

¹ бы *Л*

² яко бы *Л* ´

³ предадеса во всемъ *Л* ´

^{4,4} и аще въ нѣчесомъ преткнется и погрѣшитъ. Но таковыя ошибаются, и прельщаютъ сами себе, помышляя, яко равныя сотворши погрѣшности, но подлѣжатъ болшему осужденію, что тѣ, кои сотворили преданіе отцу всходство завѣщанія святыхъ, а они менее судимы будутъ, потому что не давали обѣщанія. *Л* ´

отецъ, повинули себе и со смиреніемъ предалися отцу, а посему и грѣхопаденія ихъ происходятъ не отъ гордости и самочинія, но отъ немощи человѣческія, и всегда готовы къ востанію помощію и заступленіемъ молитвъ отеческихъ.

Напротивъ же, оныя, кои не повинуются преданію святыхъ, не повинуются, слѣдовательно, Самому Богу, рекшему: «*Слушайи васъ, Мене слушаетъ*». Такъ за сіе ли самое они менѣе будутъ судимы, яко остались непреклонны и порабощены духомъ презорства, самочинія, непокорства и самомнѣнія? Не паче ли за сіе самое сами себе лишаютъ вѣрнаго спасенія, и удаляются отъ Бога, ибо на кого милостивнѣ призираетъ Господь? На кроткихъ, на смиренныхъ и трепещущихъ словесъ Его¹; гордымъ же противится и лишаетъ Своей благодати².

И такъ, не подвергаетъ ли тотъ самъ себе подъ гнѣвъ Божій съ погубленіемъ своего спасенія, аще держится того, отъ чего бываютъ грѣси его предъ Богомъ ненавистны, а не слагается съ тѣмъ, чрезъ что грѣхи бываютъ умаленными и удобъ простительны и пріятны предъ Господомъ? Яко же глаголетъ Іоаннъ Карпаційскій: «Аще таковъ смиренномудръ еси, лучше есть твое, о иное! прегрѣшеніе правдъ мірскихъ и нужднѣйши твоя скверны, паче великаго житейскихъ очищенія»³. Ибо каждому извѣстно, яко крайне ненавистно предъ очесы Божиими презорство сродное гордости. И аще который братъ не восхощетъ предатися Отцу въ неразумное послушаніе и повиновеніе, то кое можетъ быть большее знаменіе презорства и небреженія къ воленію Божію, иже благоволитъ, да бываетъ житіе наше монашеское подобно небесному, яко же глаголетъ святой Василій Великій въ подвижническихъ уставахъ (глава 18). «Во-первыхъ, убо на тое, что по естеству добро есть, они возвращаются, содружество и купножителство пріемлюще. Содружество же совершеннѣйшее житіе я нарицаю, изъ котораго стяжанія особенность исключена есть, неединодушіе истрѣблено, [всякое смущеніе, любопрѣніе]⁴ распри изъ среды ихъ изъяты суть. Обща же вся: души, мысли, тѣлеса и тое, чѣмъ тѣлеса питаются и подкрѣпляются: общій Богъ, общая благочестія купля, общее спасеніе, общіе подвиги, общіе труды, общіе вѣнцы, единъ многій и единъ не единъ, но во многихъ.

Что можетъ жителству таковому быть равное, что блаженнѣе, что сего содружества и соединенія совершеннѣе, что сего

¹ См.: Ис. 66, 2.

² См.: Иак. 4, 6.

³ Блаженнаго Іоанна Карпаційскаго «Слово постническо» // Добротолюбіе. Часть четвертая, л. 17об.

⁴ В квадратных скобках — из .Л.

нравовъ и душъ согласія пріятнѣе? Человѣцы изъ разныхъ народовъ и странъ сошедшіися, въ толикое согласіе такъ соединяются, что едина душа во многихъ тѣлахъ видится, и многія тѣла единыя мысли орудіями показуются. Кто немощенъ тѣломъ, многихъ имѣетъ орудіемъ¹ соболѣзнующихъ. Недугующій и душею падающій многихъ имѣетъ врачующихъ и воставляющихъ себе. Другъ другу равніи рабы, другъ другу господа, и въ ненарушимой свободѣ совершеннѣйшее другъ другу показываютъ рабство, котораго необходимая случая нужда, великую собираемымъ наносящая скорбь, насильно не содѣлала, но разумъ самопроизволяющій съ радостію произвелъ, любви свободныхъ, другъ другу подчиняющей и произволению свободу хранящей. Таковымъ намъ отъ начала Богъ быти благоволилъ и того ради насъ создалъ. Сіи то востановляютъ древнее добро, праотца Адама грѣхъ покрывающе. Ибо раздѣленія, несогласія и брани не было бы въ человѣкахъ, естли бы грѣхъ естества не раздѣлилъ. Сіи то суть истинніи подражатели Спасителевы и житія Его, во плоти бывшаго. Яко же бо Онъ, собравъ ликъ учениковъ, вся обща, и Себе Самаго общаго Апостоломъ даде, тако и сіи, предводителю повинующеся, естли только добръ правило житія хранятъ, житію Апостоловъ и Господа истинно подражаютъ. Сіи ангельскому ревнуютъ жительству, содружество яко же тіи ненарушимо храняще. Нѣсть бо Ангеламъ рвенія, ниже любопренія, ниже сопротивленія: но кійждо вся имѣетъ и вси всецѣлая у себе благая содержатъ. Ибо ангельское богатство нѣсть вещество описанное, ниже требующее стѣчения, когда бы оное многимъ раздѣлять надобно было; но невещественное есть ихъ стяжаніе и умное богатство.

И того ради всецѣлая у всѣхъ пребывающая благая всѣхъ равно дѣлаетъ богатыми, безъ сопротивленія и безъ брани стяжаніе свое имъ подавающе. Ибо созерцаніе высочайшаго добра и яснѣйшее добродѣтелей понятіе есть ангельское сокровище, на которая всѣмъ зрѣти невозбранно есть, всецѣлое оныхъ познаніе и стяжаніе каждому содержащу. Таковыи суть истинные подвижники, не земная стяжавающіи, но небесныхъ взыскующіи и нераздѣльными раздаяніями вси таяжде и всякъ себѣ всецѣлая сокровиществующіи, добродѣтели бо стяжаніе есть и исправленій богатство и похвальное многоимѣніе, безслезное похищеніе и несытость, вѣнцемъ облагаемая, и кто себе не нудитъ, повиненъ бываетъ. Все похищаютъ, и ни единъ не обижается, и сего ради миръ богатство сіе раздаетъ. Сіи обѣщаннаго Царствія благая предвосхищаютъ, изыщное свое жительство и сообщество въ

¹ усердіемъ .Л

истинное подражаніе вышняго пребыванія и состояніе представляюще.

Сіи нестяжаніе совершенно исправляютъ, ничего собственнаго не имуще, но вся другъ другу общая. Коликихъ намъ благъ Спасителево вочеловѣченіе виновно бысть? Ясно сіи челоуѣческому роду показываютъ сотренное челоуѣческое естество и на безчисленныя части расторгшееся, сколько возможно имъ, паки приводяще къ себѣ самимъ и къ Богу. Сіе есть главная вина¹ Спасителя по плоти смотрѣнія, да челоуѣческое естество въ себѣ самое и къ себѣ соберетъ и, истребивъ злое разсѣченіе, въ первое призоветъ соединеніе, якоже врачъ нѣкій искусный, на многія части раздробленное тѣло цѣлительными лѣкарствами воедино совокупляющій.

Что бо можетъ найтися подобное въ разсужденіи сего блага? Господь бо есть Единъ Отецъ, подражающій Вышнему Отцу; а многіи сыны, любовію къ начальнику другъ друга побѣдитъ тщасіяся, сыны глаголю, между собою единомудрствующіи и отцу добродѣтельными дѣлами послѣдующіи, не естество соединенія виною поставляющіи, но твердѣйшій отъ естества разумъ за предводителя и хранителя своего согласія почитающіи и союзомъ Духа Святаго себе связующіи. Кій убо образъ земныхъ вещей можетъ представить исправленія того добродѣтель? Но во истинну ни единъ изъ земныхъ, единый только Вышній остается безстрастный, Вышній Отецъ; и сей безъ пристрастія есть, разумомъ всѣхъ наставляющій. Непорочные сыны суть Отца Вышняго. Непорочность и сихъ усыновляетъ, любовь связуетъ вышняя; любовь и сихъ другъ ко другу соединяетъ. Поистиннѣ и самъ діаволъ о сицевомъ полчище отчаявается. Не могій стать противъ таковыхъ подвижниковъ, такъ непоколебимо и стройно противу его воющихъ, и толикою другъ ко другу связуемыхъ любовію и ограждаемыхъ духомъ, что ни малѣйшаго какого вхожденія стрѣлы его имѣти не могутъ»².

Аще же кто не пріемлетъ покорити себе воли Божіей, тому поистиннѣ лучше не касатися монашества, нежели со своеуміемъ и презорствомъ жити между святою братією. Понеже якоже отъ бѣса, тако отъ самочиннаго и не слѣдующаго по преданію происходятъ всему братству соблазны, молва и смущеніе, ибо таковой хотя и тщится, и хочетъ мирно и добрѣ съ братією пожити, но не можетъ, понеже отъ всякаго послушника, иже вѣры, откровенія и повиновенія не показываетъ, благодать Божія отступаетъ и своихъ дѣйствій, то есть мира, любве, радости, долго-

¹ Вина — здесь: причина.

² В Л'данная цитата отсутствует.

терпѣнія, кротости, смиренномудрія и прочихъ тому подобныхъ, лишаетъ, дондеже со смиреніемъ не обратится и раскается въ своемъ заблужденіи. Аще же пребудетъ упоренъ въ своемъ ожесточеніи, то и невольнѣ бѣсовская дѣла творить, сирѣчь: бунты, смущеніе, прекословіе, осужденіе, роптаніе и прочая враждебная и сопротивная иночеству. Како и отецъ избѣжитъ суда, аще такового сопротивнаго восхощетъ пріяти въ братство? Ибо равно яко волка во стадо овецъ впустить, тако и не хотящаго слѣдовать правиламъ и завѣщанію святыхъ отецъ пріяти въ сожителство богобоязнаго братства.

Живущій достолично подѣ управленіемъ отца отъ всякихъ своихъ погрѣшностей и преткновеній удобно себе очищаетъ и исправляетъ, ово своимъ собственнымъ раскаяніемъ и печалованіемъ, ово откровеніемъ отцу; а отецъ налагаемыми пластырями, сирѣчь или порицаніемъ, или отлученіемъ, или нѣкимъ озлобленіемъ, и излишними подвиги, всяко очищаетъ его душу. А той непокоривый и самочинный хотя и болѣе тоскуетъ и тужить, и раскаивается, и плачетъ, и постится, и молится, и бдитъ, и всячески озлобляетъ себя о своихъ грѣсѣхъ, но помилованія, и прощенія, и спасенія извѣстно надѣяться не можетъ, понеже всякихъ трудовъ и озлобленій отвращается. Богъ и не пріемлетъ отъ такового, иже отъ сихъ тріехъ первоначальныхъ основныхъ иноческихъ обязательствъ отметається, яже Самъ Духъ Святой установилъ чрезъ богоноснаго Великаго Василія и прочихъ, да хотящіи иночествововати не иначе, но тако да управляются, якоже о семъ добрѣ изъясни святѣйшій патріархъ Каллистъ со Игнатіемъ: «Вонми тѣмъ, яже глаголемъ и искреннѣ совѣтуемъ. Прежде всѣхъ изъбери себѣ съ совершеннымъ, по священному тайноученію, отреченіемъ и повиновеніе непритворное и совершенное, сирѣчь потщися обрѣсти наставника и учителя непрелестна, непрелестность же сего да будетъ въ томъ, чтобы представляти свидѣтельство, о нихже глаголетъ, отъ Священныхъ Писаній и духоносныхъ мужей словесемъ имуща жителство согласно, высока разумомъ, смиренна же мудрованіемъ, и инѣми нравы блага. И якова глаголютъ быти богопреданная словеса, по Христу учителя. И обрѣтъ, оному яко отцу родному сынъ отцелюбивый прилѣпився, весь тѣломъ и духомъ пребывай отъ того времени, ходя по повелѣніемъ онаго, взирая на него яко на Самаго Христа, а не яко на чловѣка, всякое невѣріе и сумнѣніе далече отъ себе повергши, еще же и мудрованіе, и волю съ хотѣніемъ. Сице буди простъ и нелюбопытливъ, ходя въ слѣдъ учителя, яко нѣкое зеркало имѣя совѣсть свою, во извѣствованіе ясное несумнѣннаго и совершеннаго къ тайноучи-

телю послушанія. Аще же когда и всѣваетъ нѣчто отъ сопротивныхъ отай въ твою мысль, враждуяй на благая, діаволъ, яко отъ блуда и огня отскочи къ самому себѣ и къ подмещему прелестнику премудрѣ противовѣщая: яко не ученикъ учителя, но учитель ученика наставляетъ, и не азъ отца, но онъ мой судъ воспріять, и не азъ оному, но той судія ми бысть, и симъ подобная. Ничтоже бо паче такового пребыванія, сирѣчь повиновенія, искреннѣйше есть изволившему безпрекословно раздрати рукописанія своихъ согрѣшеній, вписану же быти въ Божественную книгу спасаемыхъ. Аще бо Сынъ Божій и Богъ нашъ Господь Иисусъ Христосъ по намъ насъ ради бывъ, и Отеческое благоволеніе зѣло премудрѣ строя, таковымъ, якоже видимо бысть, течаше путемъ, имже и за благоугожденіе по чловѣчеству Отческаго сподобися возвѣщенія: *смириль бо, глаголетъ, Себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя. Тѣмже и Богъ Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени*¹, и прочая. Ктожъ убо дерзостнѣ надѣется, да не реку несмысленнѣ, получить славу Господа² и Спаса² Иисуса Христа, и отеческія почести, не избравъ тоюжде стезею ходити съ наставникомъ и учителемъ нашимъ Иисусъ Христомъ? Подобаеть бо и ученику, аще печется сей быти яко учитель, яко на изображеніе и началообразіе наилучшее, тако всею силою души взирати неуклонно на житіе пѣстуново, и обученія его, и тщатися ему по всякъ день ревновати. Таже и о Самѣмъ Господѣ Иисусѣ Христѣ писано есть сіе: И бѣ повинуюся Отцу и Матери Своей³. Иже хоцетъ жити инако, сирѣчь самоугоднѣ и самовластнѣ и безъ наставника, таковъ мнится ли, яко можетъ онъ ходити, по слову, Божественнымъ житіемъ? Никакоже отнюдь, якоже чрезъ копанная мѣста скачай. И глаголетъ Лѣствичникъ: якоже не имый наставника, удобъ въ пути заблуждаетъ, тако и самовластнѣ иноческимъ путемъ ходяй удобъ погибаетъ, аще и всяку премудрость міра сего вѣсть. Сего ради и мнози, да не реку вси, неповинующіися и не съ совѣтомъ ходящіи, съ трудомъ и потомъ сновидяще сѣютъ множайшая, истиною же жнутъ вельми малѣйшая; нѣцыи же и вмѣсто пшеницы собирають, увы, плевелы, якоже ходящіи, по глаголу, своечиніемъ и самоугоднымъ мудрованіемъ, егоже ничтоже есть горше. И сему свидѣтель Лѣствичникъ, тако пиша: елицы къ поприщу умнаго исповѣданія совлещися воспріясте; елицы иго Христова на выю свою взяти хоцете; елицы бремя

¹ Флп. 2, 8–9.

²⁻² и Бога и Спаса Л

³ См.: Лк. 2, 51.

свое на выю иного возложить тщитесь; елицы самихъ себе въ неволю предати спѣшите, да вмѣсто оныя свободу пріимете; елицы руками другихъ возвышаеми, и пловуще великую сію преплаваете пучину, увѣдите, яко краткимъ нѣкимъ и жестокимъ путемъ ходити воспріаєте, едину токмо прелесть на себѣ имущимъ, сія же нарицается своечиніе. Сего бо во всемъ отвергійся, яже возмнитъ быти благая, и духовная и богоугодная, въ сія прежде даже не поиде, достиже: послушаніе бо есть, еже не вѣровати себѣ во всѣхъ благихъ, до конца живота¹. ... Подобаеть и знаменія показати тебѣ, яже и содержа, яко правило и вервь древодѣльную непогрѣшну, непорочнѣ будещи жителъствовати. И убо глаголемъ сія: подобаеть истинному послушнику, якоже намъ мнится, хранити пять сіи добродѣтели по всяцѣй нуждѣ; и первѣе вѣру, сирѣчь, имѣти ему чисту и нелестну вѣру къ настоятелю своему, до толика, яко мнѣти Самаго видѣти Христа, и повиноватися, якоже глаголетъ Господь Іисусъ: *«Слушай вась, Мене слушаетъ, и отъметаясь вась, Мене отъмечается, отъметаясь же Мене, отъмечается Пославшаго Мя»*², и *«всяко же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть»*³. Вторую добродѣтель, истину, сирѣчь, истинствовати ему въ дѣлѣ и словѣ, и совершеннѣмъ исповѣданіи помысловъ: начало бо, писано есть, *словесъ Твоихъ истина*⁴, и истины взыскуеть Господь. И Христосъ же глаголетъ: *«Азъ есмь... истина»*⁵, но убо и самоистина наречеся. Третію добродѣтель, еже не творити своея воли; тщета бо есть, глаголетъ послушнику, еже творити свою волю, но присно отсѣкати ю вольнѣ, сирѣчь, не понуждаему отъ своего отца. Четвертую добродѣтель, еже отнюдь не прекословити и любопрѣтися, понеже прекословіе и любопрѣніе нѣсть дѣло благочестивыхъ. Пишетъ бо священнѣйшій Павелъ: *«Аще ли кто мнитъ спорливъ быти, мы такового обычая не имамы, ниже церкви Божіа»*⁶. Аще ли же сице простѣ и обще всѣмъ христіаномъ возбраняются таковая, много паче инокомъ, да еще Господа ради общающимся повиноватися совершеннѣ: прекословіе бо и любопрѣніе бываетъ отъ разсужденія съ невѣріемъ и высокоумдріемъ живуща, якоже речеся: высокоумдрѣ иннокъ прекословитъ сильнѣ. Якоже и напротивъ, сирѣчь еже не прекословити и не любопрѣтися, происходитъ отъ вѣрна и смиренномудра завѣщанія. И пятую же добродѣтель подобаеть хранити сему, еже имѣ-

¹ Лѣствица. Слово 4, гл. 5.

² Лк. 10, 16.

³ Рим. 14, 23.

⁴ Пс. 118, 160.

⁵ Ин. 14, 6.

⁶ 1 Кор. 11, 16.

ти совершенное и чистое къ предстоятелю исповѣданіе, якоже и на постриженіи, яко предъ страшнымъ предстояще престоломъ Христовымъ, предъ Богомъ и святыми Ангелы дахомъ общаніе, еже имѣти намъ начало и конецъ со инѣми нашими ко Господу объты и согласіи, и исповѣданіе тайныхъ сердца. Рече и блаженный Давидъ: *«Рѣхъ: "исповѣмъ на мя беззаконіе мое Господеву", и Ты оставилъ еси нечестіе сердца моего»*¹. И Лѣствичникъ: «Язвы являемы не предуспѣютъ на горшее, но исцѣлѣютъ». Сіе пѣтеричное показанныхъ добродѣтелей исчисленіе премудрѣ и разумнѣ соблюдая, несумнѣнно да вѣсть, яко отсюду получить праведныхъ, яко по обрученію, блаженство. И сія убо суть достопамятнаго послушанія свойства, и аки корень и основаніе»².

Сколь же гибельно и Богу противно безъ сихъ основныхъ добродѣтелей вѣры, послушанія и чистаго откровения проходить житіе иноческое, отъ сего можно познати, ибо глаголетъ пророкъ Іеремій: *«Проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ»*³. И Царепророкъ Давидъ рече: *«Проклятъ уклоняющійся отъ заповѣдѣй Твоихъ»*⁴. Но мы, [поступая во иночество, предаемъ себе на служеніе Господу]⁵ преступая же и презирая завѣщанія и преданія святыхъ отецъ, презираемъ повелѣніе Самаго Господа, Иже рече во Святомъ Своемъ Евангеліи: *«Слушай васъ, Мене слушаетъ»*. А посему и заслуживаютъ неминуемо проклятія тіи, иже небрегутъ о преданіяхъ святыхъ отецъ. Таковаго и грѣхи не прощаются, и подобенъ есть сущимъ во адѣ, иже стонутъ, рыдаютъ, каются, зовутъ, но не услышаны бывають, понеже удалены отъ Бога и заключены во адѣ. Тако и тіи, иже сами себе удаляютъ отъ Бога и Святой Его благодати, — заключается въ бездну погибели, обложенъ, якоже оковами, пагубнымъ мнѣніемъ, самочиніемъ, непокорствомъ и разными своевольными прихотями и страстьми; таковой, хотя и изнуряетъ себе постомъ, бдѣніемъ и различными подвиги, молится, рыдаетъ и вопиетъ денно-нощно, но неуповательно услышану быти отъ Бога, ибо глаголетъ Апостоль: *«Аще кто и мученъ будетъ, но не законно, то не вѣнчается»*⁶.

Святые же отцы единогласно повелѣвають съ самаго начала хотящему законно и незаблудно иночествовати, прежде всего

¹ Пс. 31, 5.

² Инокъ Калліста и Ігнатія «О безмолвіи и молитвѣ». Гл. 14, 15 // Добротолюбіе. Часть вторая, лл. 58–60об.

³ Иер. 48, 10.

⁴ Пс. 118, 21.

⁵ В квадратных скобках — из Л.

⁶ См.: 2 Тим. 2, 5.

искати отца, добръ умѣющаго руководствовать грядущихъ къ Богу, и обрѣтши таковаго, вседушнѣ предатися ему, отвергши въ конецъ свою волю и мудрованіе. Противящихся же сему, самочинныхъ и непокоривыхъ святые отцы именуютъ чадами гнѣва.

Что въ нашемъ иночествѣ, аще таковою обдержимся гибелью? Первое: за небреженіе и уклоненіе отъ правилъ святыхъ отецъ, проклятію будемъ достойны. Второе: за нетвореніе воли Отца Небеснаго не внемлетъ Богъ молитвамъ нашимъ. Третіе: не внидемъ въ Царство Небесное. Четвертое: яко не законно управляемъ себе, то и не будемъ увѣнчаны. И, наконецъ, пятое: яко не слушаемъ святыхъ отецъ и отщемся отъ повелѣннаго ими, окажемся яко отметники отъ Христа и Отца Его. Все же таковое злое происходитъ отъ того самаго, яко не ¹хочетъ жити¹ при отцѣ съ вѣрою достоительно, то есть вѣровати, яко все глаголемое отъ него свято и праведно есть, и повиноватися, творити все повелѣваемое имъ въ точности, отнюдь ни болѣе ни менѣе, и съ чистосердечнымъ откровеніемъ и исповѣданіемъ всѣхъ своихъ дѣяній, чувствъ и самыхъ помышлений.

Аще же кто не точію самъ не хочетъ жити съ откровеніемъ, но и скорбитъ на тѣхъ, кои возвѣщаютъ о немъ отцу, таковой не повинуется Василию Великому, иже глаголетъ въ своихъ правилахъ: «Всякъ грѣхъ долженъ есть объявленъ быти настоятелю, либо отъ самаго согрѣшившаго, либо отъ имѣющихъ свѣдѣніе объ ономъ, умолчанное бо зло есть сокрытая въ души болѣзнь. Якоже бо не нареку благодѣтелемъ того, который въ тѣлѣ вредъ затворяетъ, но того наипаче, который жестокимъ чувствованіемъ болѣзни и разсѣченіемъ вреда на внѣшность оную болѣзнь выводитъ, дабы или рвотою вредъ изверженъ былъ, или конечно чрезъ объявленіе болѣзни вѣдомъ былъ способъ врачеванія; тако и утаеніе грѣха недугующему смерть уготовляетъ, жало бо, рече, смерти — грѣхъ. Лучше обличенія откровенна тайныя любви. Сего ради да никтоже сокрываетъ грѣхъ другаго брата, да не братоубійцею вмѣсто братолюбца будетъ, ниже самъ своего. Но исцѣляй бо, рече, себе во своихъ дѣлѣхъ, братъ есть погубляющему себе самаго».

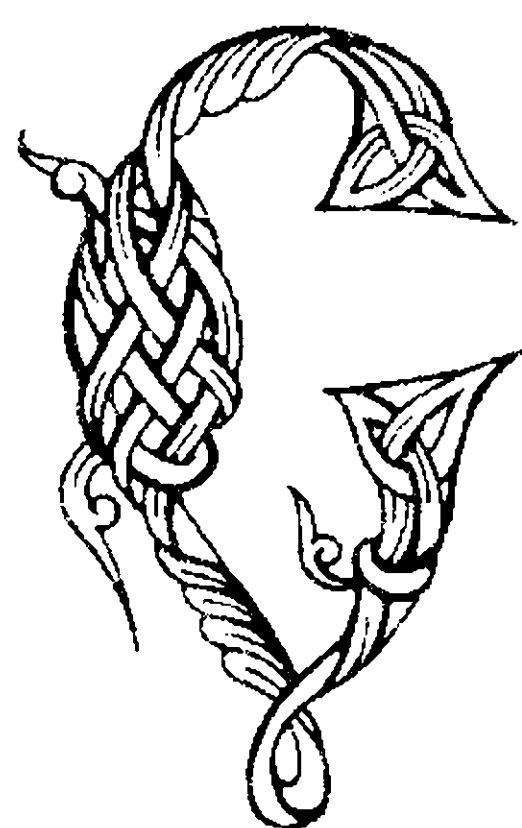
Въ монашествѣ не столько нужно всякое изнуреніе и подвиги, какъ чистое сердце и безстрастіе. А какъ очистится, какъ уврачуется и прійдетъ въ безстрастіе той, иже не открываетъ своихъ язвъ и не пріемлетъ врачеванія? Посему какъ Василій Великій, такъ и прочіе святые отцы заповѣдаютъ вседневно вся своя тайности отцу открывать, ибо живуще сие съ откровенностію, всячески будетъ имѣть опасеніе, еже бы не безчинствовать,

¹⁻¹ хотимъ пожити //

понеже вѣдаетъ, яко по прошествіи дня неминуемо долженъ отдать отчетъ отцу своему, якоже Самому Богу, и пріяти отъ него судъ за всѣ свои дѣйствія, чувства и помышленія. А потому таковой истинный сынъ и послушникъ ни смерти, ни суда Божія не боится, ибо вѣруетъ и извѣствуется благодатію Божіею, яко не онъ самъ, но отецъ его имать за него отвѣщати. О таковомъ послушницѣ самъ діаволь отчаявается, ибо всѣ козни его разрушаются единымъ чистымъ откровеніемъ.

СЛОВО Г

О СМІРЕНІИ И ПОСЛУШАНІИ

овершенное смиреніе всегда помышляетъ, яко вся его мнѣнія неправы суть, а точію то за право почитаетъ, еже святыя отцы глаголютъ и Священное Писаніе показываетъ. Также и послушаніе совершенное не речетъ: тако и тако подобаетъ, но слушаетъ токмо и повелѣнное исполняетъ, повинуюся во всемъ, не истязуя, почто тако, почто сие. Единѣмъ словомъ, глаголютъ ему: сіе твори, а сего не твори; и послушаетъ съ любовію, покарается кротцѣ, безъ разсужденія. Аще же нѣкогда яко челоуѣкъ въ чемъ преткнется, тогда яко уязвленный съ великимъ больніемъ сердца, съ совершеннымъ смиреніемъ и раскаяніемъ, падая на нозѣ отца своего, испрашиваетъ прощенія и молитвъ. И о сиевомъ послушницѣ крѣпцѣ утверждаютъ святыя отцы, яко не онъ самъ, но отецъ его имать за него отвѣщати предъ Богомъ.

Внемли, о Богомъ возлюбленне послушанія рачителю! яже ти возглаголю съ помощію Божіею, испытай себе прилѣжнѣ и познай, яко далече отстоиши еще отъ совершеннаго послушанія; и тогда, егда вся заповѣданная ти отъ отца твоего, согласная съ правилами и преданіями святыхъ отецъ и Святыя Церкви, пріемлещи, и тщишися исполнити, и аще таковая не пріялъ бы, то осужденъ бы еси былъ не токмо за преслушаніе и непокорность ко отцу твоему, но и къ святымъ правиламъ и уставамъ Церкви. Истинные же дѣлатели послушанія повиновались не точію въ заповѣданіяхъ, согласныхъ съ преданіями святыхъ, но и на жесточайшія съ ревностію подвизались. Ибо духовнаго отца и наставника повелѣнія¹ бываютъ тягчайшія и неудобъ носимыя. Напримѣръ: безъ противорѣчія по пятидневномъ неяденіи дѣлать

¹ заповѣданіи и повелѣніи Л

рукодѣліе, и еще не пріемля пищи, тожде паки передѣловати безропотно и непрекословно; или многая своя рукодѣлія сожигати; или нѣкія одежды и вещи и снѣди во огнь и въ воду пометати; или кореніями вверхъ садити; или сухой колъ поливати; или столпъ бездушный бити; или нуждники братскіе голыми руками очищати; иногда же безвинное изгнаніе, руганіе, біеніе, трапезы лишеніе, и всякое уничиженіе доброхотнѣ терпѣти; или у вратъ стоя всѣмъ кланятися; или обличеніе всѣхъ своихъ злыхъ предъ всѣмъ братствомъ со смиреніемъ терпѣти; или сына утопити; или во огнь и пламенную печь внити; или на воды пойти. Единѣмъ словомъ, аще въ смерть, аще въ животъ, ни отъ чего не отрекатися, но въ точности, яко угодно отцу, тако повиноватися, ибо все таковое зримъ во Святомъ Писаніи, яко предаемо¹ бѣ отъ святыхъ отецъ послушникомъ.

И тако зриши ли, въ сколь высокой мѣрѣ и неудобносною заключается истинное послушаніе? А чрезъ сіе навикни и поразумей себе, о послушнике! Едва ли и тѣнь достодолжнаго иноческаго послушанія ко отцу твоему показуеши; понеже аще ниже ко удобнымъ дѣламъ иноческой жизни охотнѣ прилѣжати не тщишися, то како возможно обольщати себе, яко въ совершенномъ находишися послушаніи, аще и за то, яже отъ Святой Церкви предано, ропщещи и противорѣчиши? Поистиннѣ лучше смириться и сознаться, яко ниже начало положилъ еси достодолжнаго повиновенія, но всеу провождаеши дни своя во иночествѣ, съ нерадѣніемъ, самонравіемъ и своеугодіемъ. Сего ради не токмо ко отцу своему истиннаго повиновенія оказать и во всемъ на его волю отдатися не можеши, но ко всѣмъ иноческимъ дѣламъ обрѣтаешися неслагателенъ, и всякое тѣсаніе и ухищреніе вымышляеши, дабы исполнить свою волю и прихоти, оспорить и взять верхъ надъ своимъ отцемъ, и за сіе самое непокорство и сопротивленіе мниши себе быти въ преуспѣяніи, яже явная есть прелесть и знаменіе презориваго сердца.

Нѣкоторые же отъ неразумія почитаютъ за истинное и совершенное послушаніе то токмо, еже бы всякія труды, работы и рукодѣлія исполняти непрекословно и въ точности, якоже отецъ заповѣдуетъ. А естли когда услышитъ о нѣкоемъ духовномъ дѣланіи, то есть или о самоотверженіи, о нестяжаніи, о истинномъ и чистосердечномъ откровеніи, о молчаніи, о смиреніи, о терпѣніи и непрекословіи, и о вѣщихъ подвижническихъ дѣлѣхъ, кои превосходятъ уставное положеніе, на примѣръ: сверхъ узаконенныхъ Святою Церковію постовъ, еще во иные дни или седь-

¹ предаваемо .Л

мицы поститися, или бдѣнія творити, или поклоны умножити, или отнюдь молчати, или со знаемыми не бесѣдовати, и о мірскихъ дѣлахъ не любопытствовати, или съ родными не видатися, или жажду терпѣти, или со сномъ боротися и спати неупокоительно и¹ сидя, праздну никогда не быти, ниже безъ вопрошенія что творити, безъ вины наказуему и уничижаему быти и не оправдаватися отнюдь, но вся со смиреніемъ терпѣти, — отъ всего такового отめщутся и безъ усрамленія съ дерзостію отрицаются и бѣгутъ, ниже послушати терпятъ, а посему такихъ недостойтъ не токмо послушниками, но ниже въ братство причислити².

А иные паки не навикше еще смиренномудреннаго повиновенія, но абіе съ самага первовступленія своего во иночество спѣшатъ и ретятся³ на жесточайшія и продолжительныя посты, поклоны и бдѣнія, на отшельничества и затворы, вериги и власяницы, и на всякія изнуренія. Къ тому же еще своехотно, безъ повелѣнія на всякія труды и послуженія братскія себе издають. И чрезъ то помышляютъ о себѣ, якобы совершенно иночествуютъ, умершвляють себе, не обладаютъ страстьми и вождельніями, не побѣждаемы слабостями, и мнятъ, якобы отъ Божія благодати подвижнутся на таковая великосвятостныя дѣла и подвижничество. Но не разумѣють того, яко отъ тщеславія и возношенія на таковая устремляются. Понеже аще начнетъ отецъ начальствующій отъ такихъ своевольно предпріятыхъ постничествъ и трудовъ возбраняти имъ, и вопреки тому начнетъ совѣтовати и понуждати, да паче первѣе взыскуютъ кротостное не испытуемое повиновеніе, да тщатся паче отсѣкать предъ отцемъ ихъ волю свою, и для сломленія своего ради возношенія повинуются паче по уставу и по преданіямъ Святыя Церкви себе управлять, глаголя имъ тако: «Искуситесь и обучитесь прежде по преданнымъ пожити, и аще не трудна и удобоносна вамъ суть сія, къ тому же аще и возношеніемъ не побѣждаетесь, тогда во смиренномъ мудрованіи, на совѣтъ и волю отца своего возлагающеся, праведно будетъ вамъ пріяти благословеніе и на таковая высочайшая простиратися». Они же, услышавше сицевые совѣты, абіе негодуютъ и смущаются, и много наставляющему ихъ отцу противословятъ и, отшедши, уничижаютъ его и ропщутъ, гордостно глаголя: «Самъ не можетъ высоко жити, и равныхъ себѣ и насъ тщится устроить». И вносятъ въ души своя многая

¹ или *Л*

² причисляти *Л*

³ Здесь: стремятся.

на отца осужденія и уничиженія, а себе отправдывая и непорочны творя. И тако чрезъ сіе явно есть, яко не отъ Божія благодати и вспомошествованія сицевое у нихъ желаніе и ревность на жестокіе и трудныя подвиги, понеже во иночествѣ безъ послушанія и повиновенія, безъ смиренія и любви ни едино дѣло не благопріятно Богу.

И паки иные упрашиваютъ и убѣждаютъ отца своего, да попуститъ имъ жити въ безмолвіи и уединеніи, и мнятъ, яко сицевое ихъ безмолвіе вмѣнится имъ въ послушаніе, понеже испросиша на то благословеніе; но и здѣ паки не зрится истиннаго повиновенія, но паче самопроизвольное отшельничество, понеже не по повелѣнію отца, но за усильное ихъ прошеніе попусти имъ отецъ. Истинное же незаблудное и правомудрствующее иноческое послушаніе убѣждаетъ, да паче хранятъ любовь и вѣру ко отцу своему, а не за безмолвіемъ гонятся, глаголюще себѣ тако: «Азъ желаю въ безмолвіи присѣдѣти и поучатися о Господѣ, но не вѣмъ, аще на успѣхъ мнѣ послужитъ сіе или на тщету, того ради небрегу о моемъ хотѣніи, но молю Господа и вѣрую благодати Его, яко Онъ внушитъ отцу моему и извѣститъ его, да повелитъ мнѣ отъити на безмолвіе, аще сіе полезно будетъ для души моей».

Благоразумный рачитель послушанія, слышавъ гласъ Господа своего: «*Не творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца*»¹, — и симъ Божественнымъ гласомъ, яко стрѣлою желанія, уязвившеся къ послушанію, къ тому прочее жити инако не терпитъ, но весь вседушнѣ предается отцу, по подобію Θεодосія Печерскаго, предавшагося Антонію, и прочихъ святыхъ, угодившихъ Господу послушаніемъ. И сице глаголетъ отцу, повергаясь къ стопамъ его: «Се, отъ нынѣ, отче, пріими Бога ради душу мою, предаю тебѣ всю жизнь мою; всю мою волю, хотѣніе и разумъ отвергаю яко ничтоже сущій, и яко Самому Господу вѣрую, яко не инако могу получить спасеніе, точію твоимъ окормленіемъ».

Старецъ же, слышавъ таковое братнее доброе разсужденіе и видѣвъ въ немъ горячее произволеніе идти путемъ незаблуднаго послушанія, тако отвѣщаетъ ему: «Чадѣ, Богъ да утвердитъ душу твою во благомъ произволеніи, но дабы положить твердое основаніе твоему предпріятію, подобаетъ прежде всего имѣти крѣпкую вѣру въ томъ, что послушаніе пріятнѣе Богу молитвы и постовъ, и яко послушаніемъ несомнѣнно обрѣтается спасеніе души. Второе, подобаетъ ко отцу быти расположенну вѣрою до толико, яко все повелѣваемое отъ отца слыша, вѣровати, яко

¹ См.: Ин. 6, 38.

точно по Божію изволенію и отъ благодати тако глаголетъ. Къ сему же вѣдая и то, яко отецъ уже долженъ будетъ предстать за тебя на Судъ Божій, то ты за сіе самое такою любовію долженствуешь прилѣпитися къ нему, дабы душа твоя неотторжна была отъ его души, якоже Христосъ отъ Отца Своего. И не имѣти уже къ тому ни въ чемъ своя воля, якоже Господь нашъ во всемъ образъ намъ Собою¹ давъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, рече: придохъ, *не да творю волю Мою*, но волю Отца Моего. За таковое же наше къ Нему послушаніе и послѣдованіе, и Самъ Онъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ повинется прошенію и хотѣнію нашему, еже быти Ему между нами, очиститъ и проститъ всѣ согрѣшенія наша, и въ грядущемъ вѣцѣ совокупитъ и насъ со благоугодившими Ему. Но и здѣ, аще будемъ искать единого точію Царствія Небеснаго, то по Божественному Своему обѣщанію послужитъ намъ Своимъ Промысломъ, питая, одѣвая, утѣшая, радостотворя и облегчаяя труды и болѣзни нашего подвижничества».

Ученикъ же даетъ предъ Господомъ обѣщаніе, еже бы въ конецъ отринуть свою волю и во всемъ послѣдовати Его отеческой воли и велѣніямъ, и глаголетъ тако ко отцу своему: «Вѣждь, Отецъ, яко отъ нынѣ николиже съ Божією помощію ниже прикоснуся къ коему-либо дѣлу безъ твоего повелѣнія». Сего ради и самъ отецъ принужденъ бываетъ послушати своего ученика и рещи о своемъ хотѣніи, дабы не оставити его сидѣти праздна. И тако между ими у обоихъ видится другъ ко другу любовное послушаніе: отецъ, послушая ученика своего и исполняя его волю и желаніе, наставляетъ его и сказуетъ ему, что́ подобаетъ творити, а ученикъ воли и повелѣніямъ отеческимъ повинуется радостно; и за таковое ихъ согласное и любовное другъ ко другу повиновеніе и Самъ Христосъ обитаетъ между ними и исполняетъ души ихъ благодатію.

Сколь же превеличественно, достохвально и преблаженно быти подражателемъ своему Господу, поистиннѣ никоимъ словомъ представить не возможно, понеже по Апостолу: аще кто со Христомъ страждетъ, то съ Нимъ и прославится². Прославленіе же со Христомъ како возможно изъяснити и по достоинству восхвалити и ублажити? Сами Ангели желаютъ приникнути во славу, юже уготова Богъ любящимъ Его. И паки слышимъ отъ Апостола, яко Богъ Отецъ за послушаніе возлюбленнаго Сына Своего Господа нашего Иисуса Христа превознесе имя Его *паче всякаго*

¹ Себя *Л*

² См.: Рим. 8, 17.

*имене*¹. То оставить ли Христосъ неувѣнчанна и непревознесенна таковаго послушника, который отъ любви къ Нему чрезъ всю свою жизнь по силѣ своей неуклонно пребысть въ послушаніи, подражая Ему? И естли чловѣколюбецъ Господь за преслушавшаго Его соизволилъ пострадати и умрети, то како подражавшаго и послѣдовавшаго Ему не поиметъ къ Себе и не прославить съ Собою? Понеже Самъ рече Своимъ ученикомъ: *хочу, да иждже... Азъ, ты и слуга Мой будетъ*². И аще служащій Ему при Немъ будеть, кольми паче подражатель Его!

Сіе самое уразумѣвши, братъ обноситъ вкорененно и утвержденно въ своей душѣ, яко всего спасительнѣе и угоднѣе Христу Богу нашему, еже быти Ему подражателемъ и, по подобію Его, не творити волю свою. Того ради отнюдь не хочетъ самъ предъизбрати что или сотворити по своему хотѣнію, но все да будетъ по отеческой волѣ и повелѣнію, дабы ни малаго не послѣдовало ущерба въ его повиновеніи, но да явится непорочно служеніе его предъ лицомъ Христовымъ.

И тако зри, возлюбленне брате! иже носиши токмо именованіе послушника, каковаго духовнаго сокровища лишаеши себе, послѣдую своей воли [и своему мнѣнію]? Самъ себе лишаеши свободнаго къ Богу возшествія, стяжаемаго безразсуднымъ послушаніемъ. Ибо съ дерзновеніемъ бы предсталъ предъ лицомъ Господа своего, понеже не ты, но отецъ твой, имѣвый тя въ повиновеніи, предстоялъ бы отвѣщающъ за тя, ты же послушанія ради обрѣлся бы въ высочайшемъ достоинствѣ паче самохотныхъ безмолвниковъ.

Возшедшіе же на верхъ истиннаго послушанія не токмо не отвлекаются желаніемъ къ безмолвію, но и посылаемые отъ отца своего за послушаніе на³ отшельничество да безмолвствуютъ, обаче тоскуютъ, дряхлствуютъ, печалуютъ разлученія ради со отцемъ своимъ. А иные въ конецъ ниже слышати стерпѣваютъ словесъ таковыхъ отъ отца своего, но рѣшительно съ дерзновеніемъ отрицаются повинутися ему въ ономъ, и глаголютъ ко отцу сице: «Лучше умоли Бога, да возметъ животъ отъ мене, неже мнѣ воспріяти жити кромѣ тебе». И за таковое сопротивленіе и борьбу и прекословіе ко отцу снисходитъ на послушника богатство благодати Божія, и даруетъ ему Господь вѣнецъ, не отъ пустыннаго терпѣнія содѣланный, но отъ евангельской любви и единенія соплетенный.

¹ Флп. 2, 9.

² Ин. 12, 26.

³ во Л

Таковъй послушникъ истинно подражаетъ и послѣдуетъ примѣру Самаго Христа Господа своего, Иже не точію творилъ вся по волѣ Отца Своего, но даже и умрети на крестѣ не отречеса, отлученія и раздѣленія отъ Отца не претерпѣ ниже на одну минуту. Но и въ страданіи Своемъ, и на крестѣ, и во гробѣ, и сойдя во адъ душею, пребысть не отлученъ отъ нѣдръ Отца Своего, по исполненіи же чловѣколюбнаго смотрѣнія и послушанія ко Отцу, паки быстро вознесся на небо, съ пречистою плотію Своею къ любимому Своему Отцу въ видѣ всѣхъ учениковъ и апостоловъ съ небесною славою въ неразлучное и безконечное съ Нимъ сосѣдствіе и соцарствованіе! Сиде истинный послушникъ, подражая Христу, хотя по случаю иногда ради послушанія и отлучается на нѣкое время отъ отца своего, но любовію и духомъ неразлученъ съ нимъ бываетъ. По исполненіи же и окончаніи повелѣннаго ему послушанія, быстрою ногою возвращается къ лицу любимаго отца своего, и ни животоу ни смертію невозможно таковаго ученика отъяти и отлучити отъ отца его. И только крѣпцѣ связася и горитъ ко отцу любовію о Господѣ, яко ниже въ Царство Небесное желаетъ внити безъ отца, но молить Бога, дабы и тамъ быти со отцемъ своимъ неразлучно.

Надъ таковыми съ любовію и вѣрою повинующимися учениками хотя по видимому и начальствуетъ отецъ духовный, но въ душѣ своей не признаетъ ихъ за учениковъ своихъ, но говѣетъ къ нимъ, яко къ Ангеламъ Божиимъ, посланнымъ ему въ сожителство, да чрезъ нихъ содѣловается и его спасеніе. Того ради и самъ отецъ обдержится къ нимъ зѣльною любовію о Господѣ, почитая себе самаго недостойнымъ ниже рабомъ быти таковыхъ равноангельныхъ послушниковъ, и аще бы было возможно, то и жизнь и душу свою положить за нихъ не отрекся бы. Чрезъ таковое же согласное сожитіе и евангельское любовію Христовою другъ ко другу единеніе, не токмо прославляемы и удивляемы бываютъ отъ всѣхъ, но и святы и праведны и преблаженны¹, и сущіи ученицы Христовы, и равноапостольны обрящутся предъ Богомъ.

Аще же таковому ученику, сиде привязанному ко отцу своему любовію, прилучится по нѣкоей богоугодной винѣ на нѣкое время удалитися и разлучитися, тогда поистиннѣ умиленное представляется зрѣлище, и явна всѣмъ дѣлается разжженная между ними о Господѣ любовь, ибо неудержимыя бываютъ сердечныя воздыханія, слезное теченіе, продолжительныя объятія, пламенныя другъ за друга моленія, и непоступное къ разлукѣ

¹ преблаженны *Л*

рѣшеніе, и наконецъ не возмогли бы отнюдь разлучитися другъ отъ друга, аще не грозило бы имъ Божіе на то благоволеніе. Емуже не дерзая противитися, разлучаются съ сладчайшею плачевоплъственною любовію и со благою надеждою предаются въ волю Божію, и разлучаются не духомъ, но точію тѣлесно, духовнымъ же союзомъ нераздѣльны остаются до гроба, паче же навѣки.

Опасаюсь я описывати тую внутреннюю сладость и утѣшеніе, паче же отъ Божія благодати бываемыя дѣйствія, яже ощущаютъ онѣи, привязавшіися истинною любовію ко отцу своему, да не како вмѣсто объясненія, множае покрою моимъ невѣжествомъ. Того ради предпосылаю къ самымъ онимъ дѣлателямъ такового совершеннаго евангельскаго послушанія, да отъ нихъ познаютъ и извѣстятся о той небесной благодати, яже обитаетъ во святыхъ душахъ ихъ. Азъ же сіе токмо утверждаю, яко аще бы и ни каковыя духовныя сладости и радованія не обрѣталося бы на семъ пути (истиннаго послушанія), но обаче довѣтъ и такового возмездія, какъ увѣряютъ вси святіи и богоносные отцы, яко истинный послушникъ безъ всякаго сомнѣнія обрѣтается на совершенно спасительномъ пути, и совершися уже его спасеніе. Того ради съ несомнѣнною надеждою и упованіемъ радуясь, отходитъ ко Господу, не имѣя за что отвѣщавати и страшитися, яко истинный рабъ Его и подражатель, творившій до смерти волю и повелѣніе любимаго отца своего.

И тако, кои сие ревностнѣ, простодушнѣ и съ чистосердечіемъ предавшеся отцу, претерпѣваху съ непрекословнымъ повиновеніемъ и творяху безразсудно все повелѣваемое отъ отца, таковыхъ всѣхъ зримъ отъ Божія благодати преисполненныхъ духовными дарованіями, и иныя изъ нихъ возводимы быша на высокія достоинства, и житія великая и смотрительная, и иныхъ быша спасителие и окормители въ Небесное Царствіе, и память ихъ во Святой Церкви и святыми прославляется. А кои, живя во иночествѣ, и вкупѣ съ повиновеніемъ послѣдоваху и своей воли и разсужденію, таковыя всѣ въ неизвѣстїи имѣются, прїяты ли ихъ труды и подвиги отъ Бога, или ни. То не лучше ли извѣстнаго и вѣрнаго держатися, нежели предавати себе въ сомнительное, опасное, а негли обманчивое, заблудное и гибельное шествіе?

Самочинные послушники во устахъ точію носятъ послушаніе, а съ каковою умною опасностію проходити оное, о томъ ниже вѣдаютъ, и како имѣти истинное повиновеніе, о томъ ниже научиться, ниже слышати терпятъ. Не точію же таковыя, но и подвижающимся и пекущимся неусыпно о своемъ спасеніи, и та-

ковымъ не безтрудно подклонитися въ точности подъ иго истиннаго послушанія, ибо великую подобаетъ имѣти ревность и пламенѣющее сердце любовію Божественною, дабы сверхъ всѣхъ правилъ и преданій и уставоположенія Святыя Церкви готову быти исполнити всякое повелѣніе отца своего, аще оное прѣтило бы и самою смертію. Единымъ заключеніемъ: отнюдь не радѣти о сей временной жизни, ниже въ чесомъ-либо преклонитися къ своей воли и мудрованію, но попитати всякое свое хотѣніе, и разсужденіе, и волю, и оправданіе, но точію внимати и творити волю Божию и волю по Бозѣ отца своего, и быти всегда кротку, смиренну, простодушну, ко всѣмъ любовну, и послушливу даже до смерти по подобію Самаго Господа.

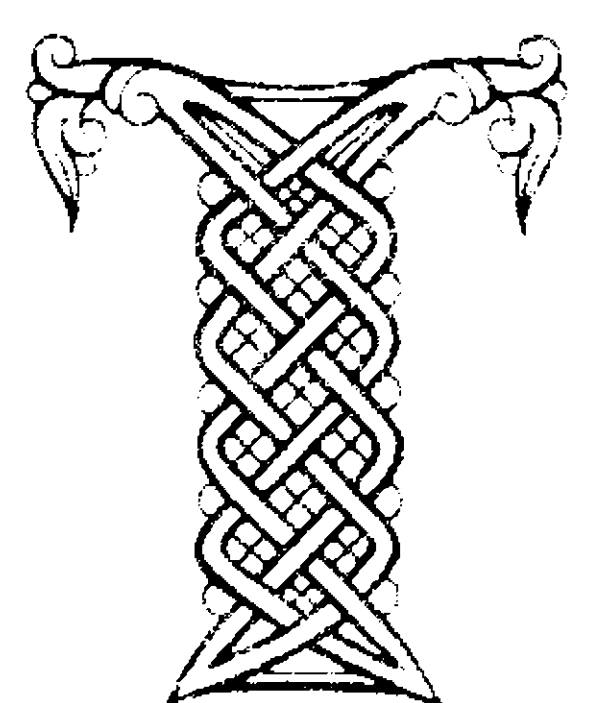
Духовный отецъ точію вспомооществуетъ, сирѣчь поучаетъ, совѣтуетъ, поощряетъ и убѣждаетъ къ подвигамъ и трудамъ. А Богъ по мѣрѣ его усерднаго дѣланія, то есть смиренія, чистосердечнаго повиновенія, любви и согласія, вознаграждаетъ его духовными дарами, и радостна творитъ, и утѣшаетъ и помогаетъ, и облегчаетъ труды его, и всякое стропотство предъ нимъ улаживаетъ.

Для истиннаго послушника не можетъ быть большаго благополучія и пользы, какъ находится всегда неотлучно отъ отца искуснаго и смиренномудраго: ибо какъ желѣзо, во огнѣ держимое, предлагается и само въ подобіе огня и делается изъ жесткаго мягкимъ и удоботворнымъ, такъ и рачительный послушникъ, живя при отцѣ въ повиновеніи, удобно приходитъ въ преуспѣяніе, ибо какъ огнемъ, такъ присутствіемъ отца испепеляются всѣ его грѣховныи обычаи и страсти, и, какъ чистою водою, такъ наблюденіемъ и ученіемъ отеческимъ очищается душа его, согрѣвается и просвѣщается благодатію Божіею. Таковаго послушника отнюдь не можетъ уловити діаволъ, ибо онъ [послушник. — *Ред.*], находяся всегда предъ лицемъ отца своего, объявляетъ ему чистосердечно всѣ свои дѣяніи, и желаніи, и помышленіи; и какъ бы младенецъ, носимый безбѣдно на рукахъ отеческихъ, каждодневно приходитъ отъ силы въ силу, и скоро достигаетъ въ мужа совершенна чистотою, безстрастіемъ и всѣми преуспѣяніями возраста духовнаго.

Напротивъ же сего, самочинный послушникъ, кромѣ того, что лишаетъ самъ себе мирнаго и спокойнаго безбѣднаго устроенія, дабы не пещися самому, какъ жизнь провождати, какіе добродѣтели проходить и блюсти себя опасно, дабы не заблудити и не снiti въ прелесть, то есть вмѣсто богослужителя не содѣлаться служителемъ діавола, еже весьма часто прилучается самочиннымъ и находящимся безъ окормленія.

СЛОВО Д

О РАЗЛИЧНЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ПОСЛУШАНІЯ

воритъ дѣло съ негодованіемъ, роптаніемъ и прекословіемъ. Таковъ какъ самъ, такъ и дѣло его достойно отверженія.

2ое. Творитъ повелѣнное неохотнѣ, съ противностію, насилуя себе съ молчаніемъ. И сего непріятно.

3^{іе}. Творитъ также неохотнѣ, съ противностію. Нудитъ же себе творити охотнѣ, и молчати о своемъ неудовольствіи. Таковъ, хотя насилуетъ и преклоняетъ себя повиноватися, и симъ самымъ сопротивоборствуетъ врагу, однако внутри обдержится діавольскимъ недугомъ, понеже не печалуетъ о таковомъ своемъ страстномъ обдержаніи. Еще и сіе есть знаменіе недуга душевреднаго, аще не признаетъ себе повиннымъ.

4ое. Творитъ не Бога ради, но ради тщеславія и похвалы. Таковъ прельстися.

5ое. Творитъ, дабы быть любиму отцемъ и братіями, не помышляя о благоугожденіи Господу. Таковъ чловѣкоугодникъ, а не Божій угодникъ, и чуждъ Божія воздаянія.

6ое. Творитъ повелѣнное просто, безъ всякаго разума. Таковъ уподобляется скоту тихому, смиренному и не имущему разума, и остается безъ награды, а негли еще и осудится, аще есть научаемъ и вразумляемъ отъ отца и отъ Святаго Писанія, съ каковымъ мудрованіемъ должны¹ повиноватися: то есть или грѣхъ ради и страшася муки вѣчныя, или подражая Ангеламъ и святымъ, паче же Самому Господу Іисусу Христу, послушавшему Отца Своего до смерти крестныя. Аще ничесоже отъ сихъ не имѣя въ разумѣ, просто творитъ повелѣваемое, то яко вѣдущему доброе и не творящему, въ грѣхъ ему будетъ.

7ое. Творитъ повелѣнное тоже неохотнѣ и съ противностію, но порицаетъ самъ себе и скорбитъ, почто тако сопротивна зритъ себе къ повиновенію, и нудитъ себе, еже бы благосклонно и въ точности творити повелѣнное. Таковъ, хотя и боримъ отъ врага и не очищенъ отъ страстей, но обаче уподобляется оболченному во броня и не побѣждающемуся отъ стрѣлъ вражїихъ.

8ое. Творитъ охотнѣ и въ разумѣ, слушая и повинуюся во всемъ, ово за грѣхи своя, ово желая угодить Господу, и таковъ есть богоугоденъ.

9ое. Услаждается и утѣшается самоотверженіемъ, и любитъ все то, что сопротивно его воли и желаніямъ. Таковъ есть близокъ къ безстрастію.

¹ должны¹ Л

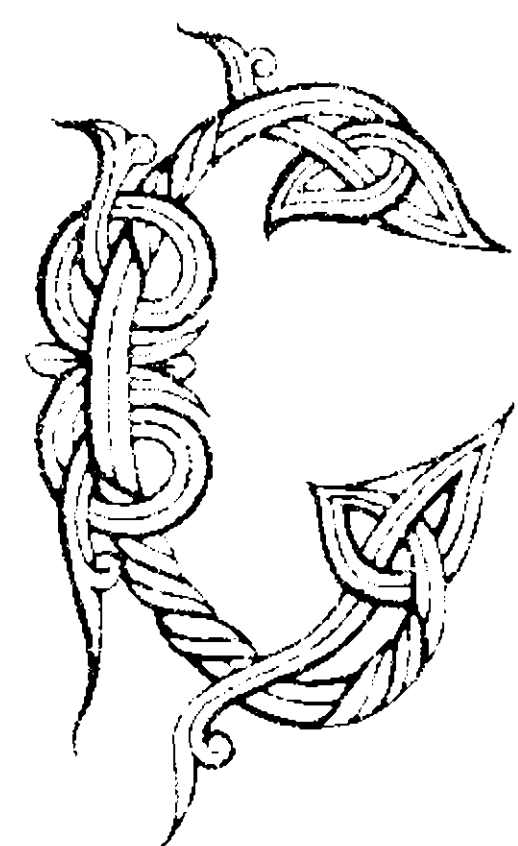
10^{oe}. Слыша безчестіе и укореніе, но не скорбитъ и творитъ охотно и тщательно, и многотрудное до изнеможенія, и по исполненіи паки слышитъ укоры и поношеніе, но терпитъ безъ смущенія, съ благодушіемъ, и готовъ ко всякому послушанію. Сей дѣлатель есть и достиже безстрастія.

11^{oe}. Все таковое же терпя, и всячески безчестуемый, пріемый съ радостію всякое поношеніе, а негли и біеніе и безвинное наказаніе, и все таковое, вѣщею любовію ко отцу распаляется, яко къ ходатаю его спасенія, и привязуется къ нему всѣмъ сердцемъ въ неразлучное сожитіе. Сей страстотерпѣцъ и рачитель любви.

12^{oe}. На вся готовъ, аще въ смерть, аще въ животъ; отнюдь не сомнѣвается ничесоже о отцѣ своемъ. Не испытуетъ ничесоже, но все повелѣнное отъ отца творитъ охотнѣ, съ вѣрою и любовію, и нерасторжнымъ житіемъ пригвождается толико ко отцу, яко ниже въ Царство Небесное хочетъ безъ отца внити; сей превзыде всѣхъ, и совершился въ любви, и есть безстрастенъ.

СЛОВО Ѳ

Ѡ ЕДИНОДУШІИ И НЕРАЗДѢЛЬНОСТИ

обравшимся и соединившимся о Бозѣ и связавшимся между собою благодатію Божіею союзомъ святой любви и единокупіа не подобаетъ ни въ чемъ имѣти раздѣла: ни въ пици, ни въ одѣянніи, ни во иныхъ коихъ вещахъ, ниже да появляется когда-либо пекуль¹ лукаваго, еже есть: твое и мое. Паче подобаетъ тѣшиться, дабы и спасеніе, и грѣси были общіи, чрезъ что, прилежа другъ ко другу истинною любовію, якоже о своемъ тако и о братнѣмъ исправленіи и успѣянніи вседушнѣ будутъ прилежати. И никто не можетъ побѣдиться ни высокоуміемъ, усматривая себе выше другихъ подвижающихся, ни пасти малодушіемъ и безнадежіемъ, изнемогая и отставая въ подвигахъ, ибо подвижающіися должны помышлять и вѣровать, яко всѣ добрые дѣла и труды ихъ содѣлываются вспомошествованіемъ братскихъ молитвъ, паче же предстательствомъ и помощію духовнаго отца, а посему и награда предлежитъ всѣмъ общая. Изнемогающій же, видя себе отстающимъ и падающимъ, не отъ лѣности и нерадѣнія, но отъ безсилія и немощи лишеннымъ великихъ и высокихъ дѣлъ, смиряется и сокрушается сердцемъ.

¹ Пекуль (пеколъ, пекль) — смола; ад.

Истинное же смиреніе и безъ дѣлъ велико есть предъ Богомъ, а посему и они не лишаются общаго воздаяніа и спасенія, по подобію, иже пріяша равную награду, трудяся токмо единъ часъ, якоже и чрезъ весь день работавшіи¹.

Всѣ же грѣхи и преткновеніи раздѣляются и дѣлаются общими сичевымъ образомъ. Достигшіи безстрастіа и чистоты и усовершенствовавшіеся въ любви болѣзнуютъ, вопія ко Господу о согрѣшающемъ и изнемогающемъ, сиче глаголя: «Господи! аще его помилуеши, помилуй; аще ли ни, то и насъ съ нимъ погуби». И паки: «На насъ взыщи, Господи, его паденіе, брата же немощнаго помилуй и не истязуй!» Того ради прилагають труды ко трудомъ, и подвиги къ подвигамъ, всячески озлобляя² и изнуряя себе за погрѣшности брата, и всенощными бдѣніями, слезами умилоствляютъ Бога о отпущеніи его согрѣшеній, испрашивая ему помощи [и исправленія] отъ благодати Божіа. Братъ же, согрѣшающій и неисправный, видя себя истинною согрѣшающею и много отстающею отъ иноческихъ обязанностей, тоскуетъ, болѣзнуетъ, печалится и припадаетъ со смиреніемъ ко отцу и къ братіи, дабы не оставили его; проситъ братію, да наблюдаютъ за нимъ, да нещадно обличаютъ и поучаютъ его, да возвѣщаютъ о немъ отцу, и да совѣтуютъ о его исправленіи. Отецъ же и братія, вся таковая его усердная прошенія пріемлюще, неусыпное попеченіе о немъ подъемлютъ. Онъ же паки за то множае почитаетъ ихъ и благоговѣтъ къ нимъ яко къ споспѣшникомъ его спасенія, и за таковое о немъ стараніе горитъ къ нимъ зѣльною любовію, и лучше желаетъ живота своего лишиться, нежели разлучиться отъ таковыхъ любодружественныхъ братій.

И Самъ Господь нашъ вельми веселится о таковыхъ единокорныхъ, связавшихся между собой неразрывною духовною любовію, смиреніемъ же другъ друга предпочитаютъ, и другъ друга угождающе, а себе уничижающе. И на таковыхъ милостивно призираетъ и грѣхи ихъ прощаетъ, и Самъ Своею благодатію неотлучно отъ нихъ пребываетъ. Ибо Самъ рече: *«Идѣже ... два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь Азъ, посреде ихъ»*³. — Кольми паче многое число собравшихся и соединившихся единокоріемъ безъ сомнѣнія имѣють посреде ихъ неотлучно Самаго Господа, и таковыми какъ Самъ Онъ, Господь Богъ нашъ, познавается и прославляется, тако и онѣхъ прославляетъ и являетъ. Якоже Самъ изъяви, глаголя ко Отцу Своему: «Отче, о семъ познають вси, яко Ты Мя послалъ еси, аще сіи едино суть»⁴. И паки: *«О семъ*

¹ См.: Мф. 20, 1–16.

² Здесь: мучая, укоряя.

³ Мф. 18, 20.

⁴ См.: Ин. 17, 21–23.

познають вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»¹. И паки: «Вы друзи Мои есте»². Помыслите же, возлюбленніи, что́ можетъ бытьъ выше, блаженнѣе, славнѣе не токмо на земли, но и на небеси, какъ бытьъ присными Господу нашему Иисусу Христу? Поистиннѣ въ сію то славу Ангели желаютъ приникнути, юже уготова Богъ любящимъ Его!

Богословъ же, возлюбленный другъ и ученикъ Христовъ, глаголетъ: «Богъ любви есть, и пребывая въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ»³. Мы же познаемъ соприсутствующа Его съ нами, и Божественную благодать Его въ насъ содѣйствующу, аще нынѣ живуще во иночествѣ, вмѣсто злобы и ненависти, пребываемъ въ любви и согласіи; вмѣсто холодности, жестокости и унынія, обрѣтаемся въ духовномъ радованіи о другъ другъ и о Господѣ Бозѣ своемъ, богатѣя и прочими плодами Святаго Духа.

СЛОВО Ѣ

О ИНОЦѢХЪ, ПОДОБАЩНХЪ ДІАВОЛУ

Нѣкоторые же послушники, хотя и слушаютъ отца своего, но съ негодованіемъ, съ огорченіемъ, съ прекословіемъ, съ роптаніемъ, безъ любви, безъ вѣры, безъ усердія. Таковыя будутъ подобны бѣсу, ибо и діаволъ также неволею повинуется Богу и святымъ Его угодникомъ, какъ видимъ во многихъ житіяхъ святыхъ: отъ иныхъ бѣжитъ повелѣніемъ Божиимъ, инымъ же работаетъ, иныхъ возитъ на себѣ, какъ Іоанна Новгородскаго въ Іерусалимъ, на иныхъ работаетъ: мелеть муку, носитъ камни, стережетъ огороды и сады, и во многихъ случаяхъ силою Божіею повинуется повелѣнію святыхъ отецъ; служитъ и труждается діаволъ, но безъ пользы, ибо лучшій отъ того не бываетъ, и покаряется святымъ по неволѣ. Сиче и послушникъ, хотя и много будетъ трудиться и поститься и изнуряться по повелѣнію отца своего, но аще безъ вѣры и усердія и не доброхотнѣ, то тщетны будутъ всѣ труды его и не принесутъ ему ни коей пользы. Паче же тѣмъ самымъ прогнѣвляеть Бога и губить свое спасеніе, яко повинуется не ради Бога, но по подобію діавола, по неволѣ, то есть: или не имѣетъ инаго пристанища и не имѣетъ воли, или по нищетѣ боится, дабы не отосла-

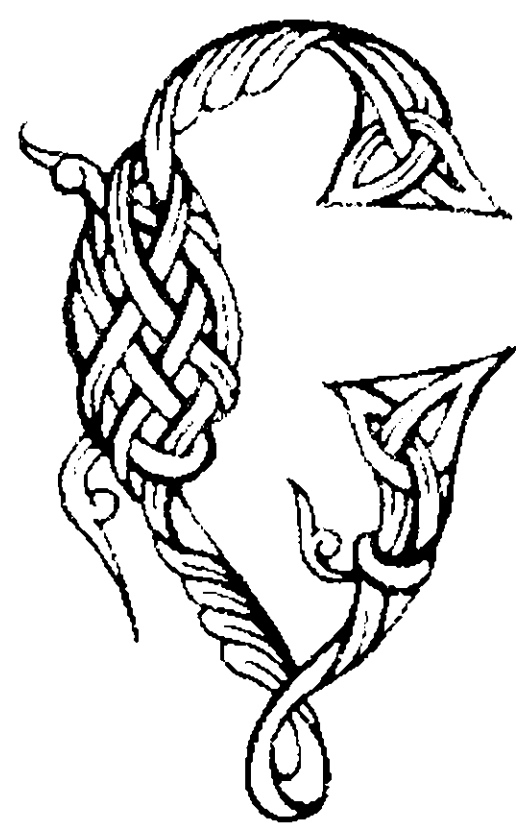
¹ Ин. 13, 35.

² Ин. 15, 14.

³ 1 Ин. 4, 16.

ли и не изгнали, и того ради трудится и дѣлаетъ повелѣнное съ роптою и негодованіемъ, со злобою и ненавистію, а посему и уподобляется онымъ бѣсамъ, кои также покаряхуся по неволѣ повелѣнію святыхъ отецъ. И тако и оныя послушники, хотя и трудятся, но вмѣсто награды большее пріимуть осужденіе, ибо жизнь иноческая долженствуетъ быть равноангельная, то есть: вступившій во иночество долженъ подражать Ангеломъ чистотою, смиреніемъ, любовію, покорностію, которую они имутъ ко Господу. А оныя непокоривые, напротивъ, дѣлаются подражатели діавола своею злобою, возношеніемъ, роптаніемъ, негодованіемъ и прочими діавольскими свойство, коими оскверняются и ругаются благодати Божіей и челоуколюбію, призвавшему ихъ, за что неизбѣжно вмѣстѣ съ діаволами пріимуть и осужденіе и отлученіе отъ Бога и отъ святыхъ, благоугодившихъ Ему.

СЛОВО Z О ИНОЦѢХЪ РАВНОАНГЕЛЬНЫХЪ

коль блаженны и преблаженны суть, иже въ повиновеніи съ вѣрою и любовію при отцѣ жительствають! И отъ таковыхъ, яко отъ самихъ Ангеловъ Божіихъ, и на другихъ изливается просвѣщеніе и вразумленіе, ибо и они, якоже Ангели Божіи, горятъ ко всѣмъ любовію, желаютъ всѣмъ спастися, ревнуютъ о славѣ Божіей и тщатся о исправленіи и успѣяніи братнемъ, якоже о своемъ собственномъ; того ради и преподають всѣмъ душеполезныя совѣты, внушающе всякія добродѣтели, а болѣе всего утверждающе въ равноангельномъ дѣланіи, сирѣчь въ послушаніи, смиренномудреннѣ глаголюще къ слушающимъ ихъ братіямъ: потщимся, о братіе, подражати святымъ Ангеламъ, иже неотторжнѣ держатся своего Царя¹, и безпрекословно со всею любовію повинуются Ему. Сиче да держимся и мы отца нашего, посланнаго намъ благодатию Божіею, и повинuemся ему, яко Самъ Господь Собою образъ даде намъ, бывъ послушливъ Отцу Своему даже до смерти. Сами же они все бываемое по волѣ и разсужденію отца своего пріемлютъ съ радостію, якоже отъ Самаго Господа. О всемъ благодарны и довольны, не пекутся и не печалуютъ о временномъ, точію о спасеніи своемъ внемлюще, и діаволъ ни коими лщеніями не можетъ уловити ихъ, понеже все чистосердечно исповѣдуютъ отцу и живутъ мирно, яко на не-

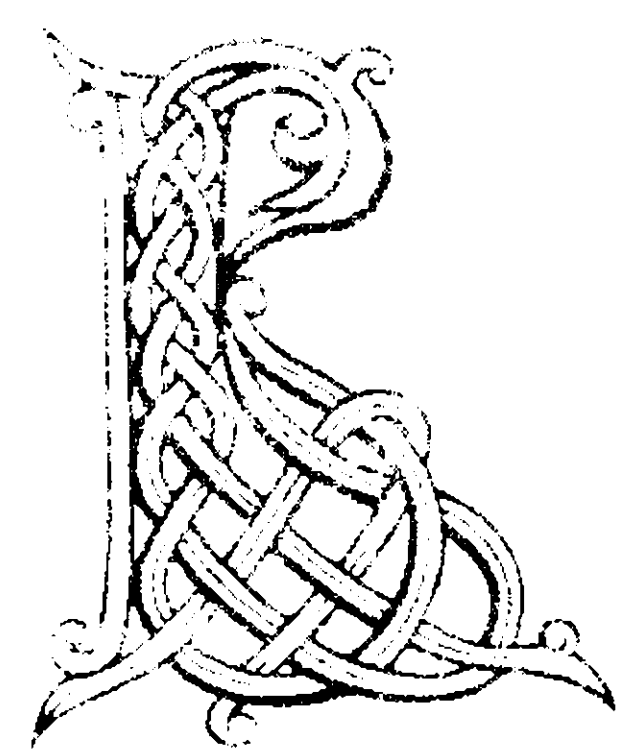
¹ Господа Л

беси, не страшатся смерти, ни будущего суда, ни муки вѣчныя, ниже, подобно прочимъ, Самаго Бога, понеже любятъ Его безмѣрно и во всемъ повинуются Его святой волѣ.

И тако зрите, коликое различіе показуется между истинными, Богу угодными послушниками и непокоривыми, самонравными и безъ вѣры живущими. То почто самимъ себе лишать такового равноангельнаго пребыванія, еже составляется послушаніемъ и отеческимъ наставленіемъ и управленіемъ? О нечувствія нашего! Господь не щадитъ для насъ и за наше спасеніе изливаетъ пресвятую кровь Свою; а мы за свое спасеніе не хотимъ оставить свои прихоти и премѣнити злые нравы, дабы богоугоднѣ во иночествѣ пожити и чрезъ то вѣчно наслаждаться небесною славою со всѣми избранными и благоугодившими Господу отъ вѣка.

СЛОВО ІІ

О ПОСЛУШАНІИ И БЕЗСТРАСТІИ

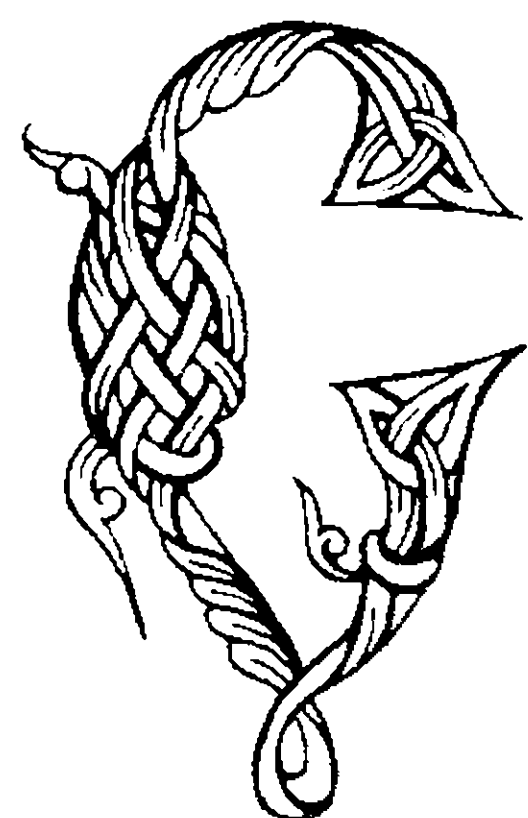
ступая въ монашество, прежде всего предаются въ руководство, отвергаютъ свою волю и даютъ обѣщаніе сохранять повиновеніе и послушаніе безразсудно. Творятъ же сіе не для иной цѣли, [но]¹ токмо еже бы достигнуть чистоты душевной и безстрастія, ибо безъ сего и иночество не поможетъ намъ, паче же все и на осужденіе будемъ носить на себѣ наименованіе монашеское, аще не потщимся дѣлами исправить и оправдать оное. Дѣла же и исправленіе иноческое состоитъ въ истинномъ самоумерщвленіи и отверженіи всѣхъ своихъ прихотей, желаній, наклонностей, пороковъ и страстей, дабы все то, что прежде было намъ вожделѣнно, дорого и любимо, Бога ради презрѣть, попрасть, и въ конецъ отринуть свою волю, свое мудрованіе, самомнѣніе и самолюбіе, отнюдь ни къ чему земному не прилѣплятися, вся за уметы вмѣняти Христа ради; ко всему приключающемуся быти благодушну, всѣхъ любить и почитать выше себе, самому же истинною смиренномудрствовать и любить уничиженіе и поношеніе. Въ таковое устроеніе dospѣвый, поистиннѣ носить на себѣ знаменіе своего иночества, и неволею почитаемъ бываетъ отъ всѣхъ яко земный Ангелъ. Тогда ему самою вещію все то, что прежде было любимо и желательно, дѣлается отвратительнымъ и тягостнымъ, какъ то: всякая житейская слава, покой и наслажденіе. Вожделѣнны же нищета, простота и смиреніе Христово.

¹ В квадратных скобках — из Л.

Естьли же мы, вступая во иночество и небрежемъ, не внимаемъ и не тщимся о достиженіи безстрастія и чистоты душевной, то почто и вступаемъ въ монашество? Молитися, поститися, творити милостыню и прочіе богоугодныя дѣла можно творити и въ міръ живуще. Вступивше же въ монашество и не исполняя дѣлъ или обязанностей иноческихъ, значитъ служить токмо соблазномъ всему братству и давати вину къ поношенію и порицанію [богоугоднаго] иноческаго житія. А потому не больше ли чрезъ то заслужить себѣ осужденія и наказанія отъ Бога, зане всему братству причиняетъ непрестанно скорби и смущеніе? Слѣдовательно, отраднѣе и простительнѣе будетъ таковому, аще не имать склонности къ иноческимъ подвигамъ и обязанностямъ, да идетъ¹ и удалится отъ совокупленія и селеній иноческихъ, ибо соизыдетъ съ нимъ вкупѣ смущеніе и смятеніе, и останется миръ, спокойствіе и радованіе духовное, еже даруется достигшимъ чистоты, безстрастія и любви, еже есть Самъ Богъ.

СЛОВО ✠

КЪ РАЗВРАЩЕННОМУ ПОСЛУШНИКУ

Въ самовластіемъ, съ самомнѣніемъ и противорѣчіемъ подобаетъ въ дому своемъ жити, ибо тамо могутъ подвластные ему и слушати его, и по его хотѣнію вся творити. Вступя же во иночество, долженъ самъ повиноватися, смирится и терпѣти вся съ кротостію и покорностію, дабы угодити Христу. Помысли, аще бы ты одѣялся, — якоже глаголетъ святой Златоустъ въ бесѣдахъ Апостольскихъ, — въ каменіе, въ древеся и инструменты, въ горцы, колеса и въ прочая нелѣпая, то не сталъ ли бы чудовищемъ и посмѣяніемъ всѣхъ? Тако и нынѣ показуешися чудовищемъ и заслуживаешь отъ всѣхъ презрѣніе, ибо живя въ монашествѣ, а облеченъ въ сопротивное монашеству, то есть: въ чудовищное роптаніе, смущеніе, непокорность, прекословіе, лжеоправданіе и въ пагубное о себѣ мнѣніе, въ лѣность, небреженіе, лживость, пустословіе и срамословіе, въ чревное пресыщеніе, многосоніе и въ прочая сопротивная иночеству. И паки: аще бы облекли тебя въ царскую одежду, ты же поверьхъ оной надѣлъ бы гнусное рубище, то вкупѣ съ безобразіемъ не пріялъ ли бы и муки за безчестіе и поруганіе царской² ризы? То како помышляеши и надѣешися избѣжати гнѣва и праведнаго наказанія

¹ отидеть *Л*

² царевой *Л*

Царя Небеснаго, Иже челоуѣколюбіемъ Своимъ и благостію сподобилъ облещи тебя иноческимъ равноангельнымъ образомъ, ты же покрываешь оный гусною бѣсовскою утварью [то есть: самоуниженіемъ и высокоуміемъ, презорствомъ, самочиніемъ, непокорствомъ ко отцу, противурѣчіемъ, смущеніемъ и раздоромъ во всѣмъ братствѣ]?]

Аще разумомъ и волею отца твоего будешь связанъ здѣ, то будешь разрѣшенъ тамо, на Небеси. Аще же своимъ униженіемъ и волею связуешь себе здѣ, то и тамо, въ вѣчности, по руку и ногу связанъ будешь. Почто самъ себя большую муку готовиши? Аще самъ своему разуму слѣдуешь, то и себе смущаешь, и все братство приводиши въ разстройство и немирствіе. Гдѣ же нѣтъ мира, тамъ нѣтъ Христа.

Почто же паче изволяешь обносить діавольскую утварь и въкупъ съ діаволами наслѣдовати вѣчную муку, а не желаешь и не тщишься подобитися Христу и украсить душу свою Его Божественными свойствами: смиреніемъ, послушаніемъ, кротостію, терпѣніемъ и любовію, и въкупъ со Христомъ быти прославлену, и наслаждаться вѣчныхъ благъ въ Небесномъ Царствіи?

Хочешь ли явитися на Небесѣхъ со Ангелы и всеми святыми — буди подражатель ихъ здѣсь, буди миренъ, кротокъ, простодушенъ и послушливъ. Безъ сихъ же свойствъ, аще бы и на Небеси былъ, то и оттуда будешь низверженъ по подобію бѣсовъ, зане не восхотѣша быти послушны и покорны Богу, того ради и свержены съ Неба.

Хочешь ли имѣти сокровище небесное внутри себе — то трудися, взыскуй, и стяжавай оное иноческими подвиги. Аще же зриши себе не имуща силъ и крѣпости къ подвигамъ, то прилѣпись вседушнѣ ко отцу твоему по Божѣ вѣрою и любовію, и онаго молитвою и пособіемъ пріимеши и ты богатство, уготованное на Небесѣхъ инокамъ.

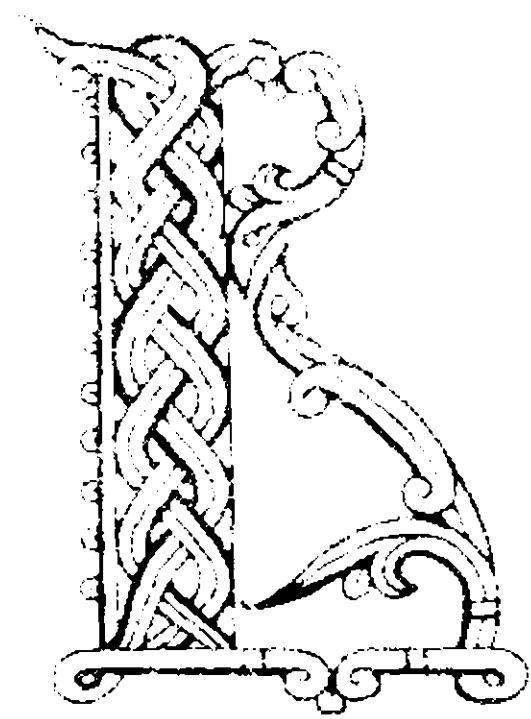
Облечеся иногда сатанаилъ возношеніемъ и неповиновеніемъ, и абіе превратися въ діавола. Облечеся Христосъ смиреніемъ и послушаніемъ, и абіе обожи челоуѣчество, и прославися въкупъ Богъ и челоуѣкъ! — и всѣхъ послѣдующихъ Ему смиреніемъ и послушаніемъ прославить Своею славою, увѣнчаетъ предъ Отцемъ Своимъ, и водворитъ съ Собою въ безконечныя вѣки.

Аще отецъ отъ всего сердца и души хочетъ и тщится спасительно и богоугодно управляти и руководствовати учениковъ своихъ, то глаголы его и заповѣданіи бывають точно по изволенію Божію, ибо онъ поучаетъ, глаголетъ и заповѣдуетъ не презрительно, не лѣнностно, не своего ища упокоенія или удовлетворенія своему хотѣнію, но яко Богу назирающе, со многими опасеніемъ, избрѣтая самое лучшее и Богу угодное. А посему и

ученику преслушивати такого отца есть многобѣдно и погрѣшно, понеже не отца преслушиваетъ, но Самаго Бога, Иже сице внушаетъ отцу. Ибо отецъ смиренно всего себе возлагаетъ во управленіе Божіей силѣ и Ему угодная творити хочетъ, и такая точію заповѣдуетъ ученику, еже духъ его въ немъ свидѣтельствуется, яко по Божію есть изволенію; и аще извѣствуется отецъ о своемъ мнѣніи таинственно, то уже безъ сомнѣнія есть Богу угодно, ибо не возможно, дабы Господь собравшихся во имя Его и на Него возлагающихся оставилъ бы и невидимо благодатію Своею не соприсутствовалъ бы съ ними, а наипаче оставитъ ли отца безъ Своего содѣйствія и вразумленія въ такомъ важномъ дѣлѣ? То не равно ли будетъ, яко Самаго Бога, тако и отца преслушати, а наипаче, аще отецъ показываетъ свидѣтельство отъ Святаго Писанія, еже бы незаблуднѣ управляти и наставляти ко спасенію ввѣрившіися ему души?

СЛОВО І

О НАСТАВНИКАХЪ

Всякой начальникъ или игумень, поставленный званіемъ Божіимъ и властію начальства, пріявши жребій такого богослуженія, долженъ сносить и терпѣть немощи братій. Старцемъ же, особно живущимъ и немощнымъ, святыя отцы повелѣваютъ отъ непокоривыхъ скорѣ отлучатися и глаголати: спасаю, спасай свою душу. Отъ слушающихъ и повинующихся убѣждаютъ не отметатися.

Начальствующій же отецъ, аще не терпитъ брату падающему и кающемуся и не прощаетъ ему, аще бы было и до семьдесятъ кратъ седмицею, по заповѣданію Христову, то и самъ, падая и погрѣшая предъ Богомъ, да не чааетъ себѣ прощенія и отпущенія. Долженствуетъ же паче брата падающаго поддерживать, увѣщавать и воспламенять душу его къ раскаянію, сокрушенію и подвигамъ, а не отметать и не отдалять отъ себе, понеже аще самъ братъ не отбѣгаетъ, но держится отца, то, слѣдовательно, хочетъ спастися. И такого душу възыщетъ Господь отъ отца, и горе ему, аще не прилагаетъ всевозможнаго старанія о братнемъ спасеніи.

Блаженъ отецъ и начальникъ, иже терпитъ братіи до конца и вседушнѣ печется о ихъ исправленіи и спасеніи. Таковъ самъ и безъ великихъ подвиговъ пріиметъ вѣнецъ жизни и дерзновенно речетъ ко Христу: «Господи, азъ тмоякратно былъ оскорбляемъ и

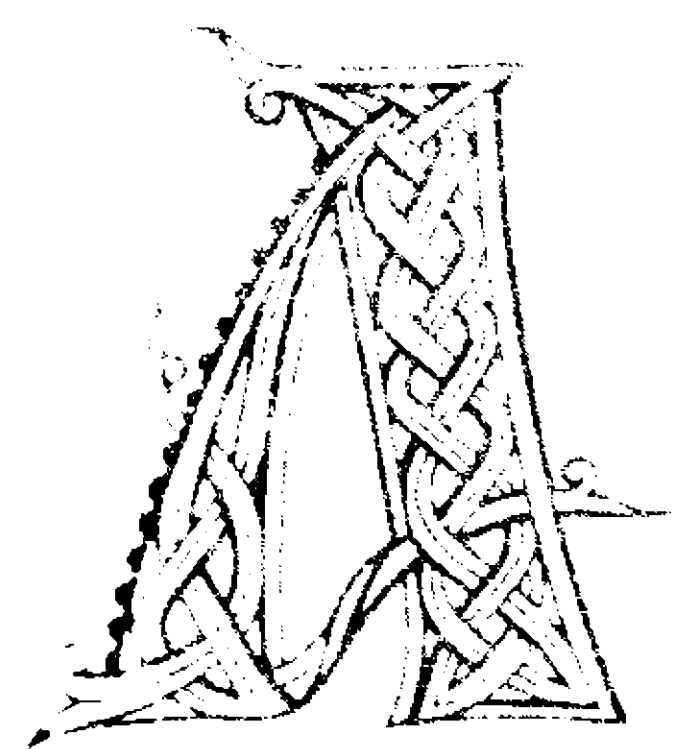
смущаемъ отъ братій, но, покаяся повелѣнію Твоему, прощаль и не отвергалъ ихъ отъ себе, тѣмже и мене, безчисленно согрѣшивша, оскорбивша и прогнѣвавши Твою благостыню, не отрини и помилуй».

Да и нѣсть никоей праведной вины, еже бы отцу смущатися на брата, ибо аще падаетъ и погрѣшаетъ, то погрѣшаетъ предъ Богомъ; отцу же худымъ и слабымъ житіемъ своимъ не можетъ нанести никоего вреда, точію мзду за терпѣніе. Аще же самъ отецъ чрезъ него вреждается, то да познаетъ и восчувствуетъ, яко самъ еще недугуетъ, и да молить Господа ниспослати ему свыше благодать Свою и милость; самъ же не долженъ отлучатися и отдалятися отъ братій. А также и живущаго при немъ ученика и послушника отнюдь не долженъ отдалять и отвергать, аще бы и различные причинялъ ему досады и оскорбленіи, по примѣру онаго философа¹, иже поя себѣ жену негодную и зло-нравную, и къ вопрошающимъ его, почто сиевую поялъ и держитъ, отвѣтствовалъ: дабы научиться терпѣнію.

Ты же, о пастырю и наставниче! Не долженствуеши ли паче долготерпѣти и все тѣхание прилагати о исправленіи и спасеніи каждаго брата? Ибо Господь нашъ *милости* хочетъ, а не жертвы², а потому за постъ, бдѣніе и изнуреніе и прочіе пустынные [добровольные] подвиги судимъ и пореченъ не будеши, но за братство, ввѣренное отъ Бога, аще вознерадиши, то пріимеши судъ и осужденіе.

СЛОВО ХІ

КЪ НАСТАВНИКУ, ДА НЕ ОСКОРБАЕТСЯ НА ПОСЛУШНИКА

Аще братъ или ученикъ предлагаетъ отцу о нѣкоей вещи съ желаніемъ и намѣреніемъ добрымъ, по мнѣнію своему, избрѣтая лучшая, самъ же не вѣруетъ своему разуму, но возлагается на волю и хотѣніе отца своего и желаетъ токмо показать свое усердіе, то не праведно отцу на таковаго ученика негодovati, аще бы онъ и не право что предложилъ, но должно съ отеческою любовію исправить его неправое мнѣніе и внушити о его ошибкѣ; усердія же его не отвергати и не связовати его свободы и простосердечія. Ибо аще ученикъ замѣтитъ, яко отецъ не

¹ Речь идет о древнегреческом философе Сократе.

² См.: Мф. 9, 13.

благосклоненъ къ нему бываетъ за словеса его, то будетъ паче бояться и опасаться что-либо возвѣщати; но и горячею вседушною любовію ко отцу за гнѣвъ его привязанъ быть не можетъ, понеже при гнѣвливомъ отцѣ должно брату яко рабу жити и обращаться. Но сие свирѣпо обходитися съ послушникомъ — не отеческія любве знаменіе, но властительства надъ рабами. Но и рабу попускается и довлѣетъ о всемъ извѣщавать. То неужели и рабскія свободы благопокориваго¹ ученика не удостоити? Сие-вое же обхожденіе здравымъ разумомъ не пріемлется.

Сего ради тотъ есть добрый отецъ, иже благосклонностію своею подаетъ ученику дерзновение быти свободну во откровеніи всехъ своихъ чувствъ и помышленій. Благоразумною же своею строгостію отсѣкаетъ въ немъ своеволіе, угашаетъ желаніе его хотѣній и пристрастій, обуздаваетъ излишнюю вольность, возбраняетъ прекословіе, и отеческимъ своимъ вниманіемъ и наблюденіемъ² внушаетъ къ себѣ любовь и уваженіе. Истинный же послушникъ со смиренно-повиновеніемъ, истинствуя, безъ опасения о всемъ извѣщаваетъ, готовъ будучи съ любовію во всемъ повинутися.

Послушникъ, подающій совѣтъ начальнику [или игумену], сие долженъ мнѣти о себѣ, аки бы самый малѣйшій братъ, узрѣвши татей и злодѣевъ, шедъ повѣдалъ бы игумену, указуя и совѣтуя, съ которой стороны [удобнѣе] зайти и одолѣти татей, и радуется о томъ, яко своего любимаго отца и начальника избавилъ отъ опасности [хотящей нанестися ему отъ татей]. Таковаго же ради охраненія, не мню, дабы Игуменъ вознегодовалъ, почто малѣйшій братъ дерзнулъ остережи его и подати совѣтъ, како побѣдiti татей. Чрезъ сіе онъ не можетъ помыслить, яко бы братъ оный хотѣлъ надъ нимъ преимуществовати, но паче обязанъ его возблагодарити и возлюбити за таковое его усердіе и охраненіе. Аще же презритъ и не вѣруетъ³ ему того ради, яко есть малый и неключимый, то не самъ ли своему бѣдствію повиненъ будетъ?

Духовному же отцу должно вся своя тайности открывать вѣрному и усердному ученику. Первое: потому что онъ отцу есть зѣло привязанъ любовію и вѣренъ по всему, и никому не откроетъ. Второе: ученика много будетъ пользоваться, ибо познаетъ чрезъ сіе любовь и благосклонность отца къ себѣ. Третіе: не для того объявлять ученику, дабы послушать и склонну быть на словеса его, но можетъ быть нѣкое и полезное отвѣтствованіе услы-

¹ покорнаго *Л*

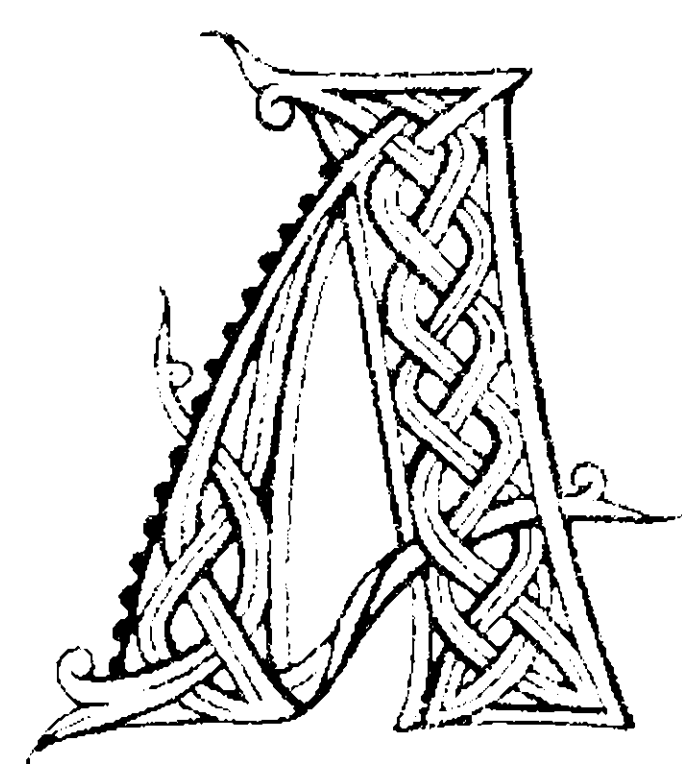
² блюденіемъ *Л* ✓

³ повѣруетъ *Л*

шить отъ ученика на своя глаголы. Аще же узритъ отецъ въ ученикѣ нѣчто несогласное съ его совѣстію, таковое да отметаеъ и чрезъ то въ ученикѣ заблужденіе его исправить. Аще же отецъ, негли за совершенство свое и зря непогрѣшно свое умствованіе, утаевати восхощетъ, то осужденъ будетъ отъ Бога, хотя вся дѣемая и помышляемая его права суть, яко презираетъ и лишаетъ пользы усерднаго брата и ученика, могуща своимъ откровеніемъ вразумлять его малоуміе.

СЛОВО БІ

Ѡ НЕВНИШАНІИ ПОРОКОВЪ ОТЦА

Аще благодатию Божіею притеклъ еси ко иночеству и, послѣдуя правиламъ святыхъ отецъ, предался еси отцу въ повиновеніе, дабы научиться отъ него богоугодныхъ монашескихъ дѣтелей и управитися имъ въ Царствіе Небесное, то потщися все вниманіе и стараніе твое обратити, еже бы отсѣщи въ конецъ свои разумъ и послѣдовати¹ во всемъ мудрованію отца твоего. Блуди себе опасно, еже бы ни въ чемъ никогда не зазирати и не примѣчати пороковъ отца твоего: ибо чрезъ сіе родится въ душѣ твоей негодование, осужденіе, дерзновеніе, презорство, смущеніе, невѣріе, и наконецъ лишеніе любви и покорности; и потомъ съ дерзновеніемъ начнеши укоряти его и поносить. Въ таковое же, сопротивное монашеству, снисходятъ и низвергаются болѣе отъ самолюбія, тщеславія и самомнѣнія. Намъ, иночествующимъ, подобаеъ тщатися, дабы ни отъ чего не вреждатися, негли же Господь попускаеъ наставнику низводитися въ нѣкое погрѣшеніе для того, дабы чрезъ то ученикъ его позналъ свое успѣяніе и внутреннее свое устроеніе, то есть: чувствуетъ ли къ наставнику своему охлажденіе во время содѣланной имъ погрѣшности или тоюжде расположенъ любовію и усердіемъ, осуждаеъ или сожалѣеъ, презираеъ или остается съ неизмѣннымъ уваженіемъ [и покорностію].

Аще при помощи Божіей зриши себе не повреждающася, ни же осуждаеши въ помыслѣ отца твоего, тогда паки праведно помышлять, яко [поистиннѣ] святъ есть отецъ мой, ибо его молитвами, зря пороки его, не повреждаюся. Аще бы онъ былъ грѣшенъ и сіи бы пороки были его, а не попущеніемъ Божіимъ къ моему испытанію, то како бы молитвы его помогли мнѣ, сице немощному и удобоползновенному, не измѣнитися и не повреди-

¹ послѣдуй Л

тисся, зря его не добръ поступающа? Слѣдовательно, погрѣшности его не суть его, но мене ради смотрѣніемъ Божіимъ приключившіеся.

Аще ли же повреждаешися и нисходиши во осужденіе, негодованіе, презорство, невѣріе, неповиновеніе, и наконецъ мниши себе [не хуже, но] исправнѣе быти твоего отца и наставника, то поистиннѣ вѣдай, яко въ конецъ отчуждился еси отъ смиреннаго Духа, и возношенія ради отступи отъ тебе благодать Божія, и уже діаволъ возоблада душею твоею и подвижетъ и увлекаетъ тебе на таковыя богопротивныя и гибельныя свойства; понеже въ сердцахъ смиренномудрыхъ послушниковъ, не отпадшихъ благодати, не можетъ вмѣститься осужденіе, возношеніе, негодование. Но по изреченію Апостола¹: око чисто не зритъ лукаво².

Сіе да вѣдаетъ ученикъ и послушникъ, яко аще самъ себе устроитъ недостойнымъ, то хотя бы къ пророку пошелъ, но и того Богъ обезумитъ ради его недостойнства. Аще съ вѣрою и простоушіемъ будетъ повиноватися и держатися отца своего, тогда Господь Бог, якоже преподобнаго Ефрема женою, и великаго Арсенія [, и] юношею, вопрошающаго [святаго] старца Макарія вразуми, и осломъ Пророка безуміе обличи, — тако и старца вразумитъ полезная предлагати. Того ради да разсмотрѣваетъ себе братъ опасно, и аще за маловажныя нѣкіи вещи смущается, то да вѣдаетъ заподлинно, что не оставилъ еще Христа ради міръ и міролюбиваго своего нрава, и аще о семъ не станетъ себе окаявать и осуждать, то не водворится миръ Божій въ душѣ его, и никогда не можетъ быти спокоенъ, и отъ Духа Святаго утѣшенія благодатнаго не сподобится, и таинственнаго извѣщенія о спасеніи своемъ не ощутитъ. Но всю жизнь свою изнуритъ токмо въ примѣчаніяхъ и осужденіи недостатковъ и пороковъ отца своего; и помалѣ въ конецъ угаснетъ и устынетъ въ душѣ его вѣра, любовь и усердіе ко отцу. И въ послѣднее прійдетъ соблазненіе³ и осужденіе. Но естли, напротивъ, со усердіемъ и неизмѣнно будетъ держатися преданнаго святыми отцами неразсуднаго повиновенія, то отъ всѣхъ запинаній вражїихъ избавится и дерзновенно предстанетъ ко Христу, яко Ему послѣдовавшій и ко своему по Бозѣ отцу послушаніе до смерти сохранившій.

Аще отецъ въ невозвратное и нераскаянное снидетъ злотореніе, тогда праведно отъ таковаго отца отвращатися и разлучитися съ нимъ. Аще ли же въ нѣкое частное и временное поползнется погрѣшеніе, за таковое неправедно будетъ брату

¹ Данное изречение принадлежит преподобному Петру Дамаскину. — *Ред.*

² лукавое *Л*

³ соблазненіе *Л*

смущатися или удалятися отъ отца, понеже и онъ чловѣкъ есть. Писано же: нѣсть чловѣкъ иже не согрѣшитъ, и праведникъ семь кратъ въ день падаетъ¹.

СЛОВО ГІ Ѡ ПОРАБОЩЕНІИ ОТЦА И УЧЕНИКА ДРУГЪ ДРУГУ

Не мни, о послушнике! дабы отецъ твой свободенъ былъ въ отношеніи обязательствъ и порабощенія тебѣ чрезъ то, яко начальствуетъ и управляетъ тобою. Но якоже ты долженствуеши повиноватися отцу твоему и учителю до смерти, то есть еще бы заповѣдуемо было тебѣ сотворити таковое что-либо, въ чемъ же угрожалъ тебѣ и страхъ смерти, не достоинъ тебѣ и отъ такового отметатися, подражая Господу, Иже бѣ послушливъ Отцу Своему даже до смерти крестныя. Таковое же равное подражаніе Самому Господу подлежитъ и отцу твоему, то есть да служить потребамъ души и тѣла твоего; и еще бы предлежало умерети за тя, то да не отречется. Якоже Господь Собою образъ подаде, умы ноги ученикомъ, и пострада и умре за нихъ! Сиче кійждо начальникъ долженствуетъ не токмо послужити своимъ ученикомъ, сирѣчь потрудитися потребѣ ихъ ради, но и животъ свой за души ихъ положить, якоже священномученикъ Аоиногенъ и многіе другіе.

СЛОВО ДІ Ѡ ЛНЦЕПРНОМЪ И ПРАВОМЪ ПОСЛУШАНІИ И КАКО ПРЕЖДЕ УЧЕНИЦЫ ПРИЖИВАХУ ПРИ ОЦЕВЪХЪ

Вопроси, любимче², и увѣдай о всѣхъ прежде насъ бывшихъ святыхъ отецъ: почто они толико многими тысящами собирахуся ко единому нѣкому отцу, неужели не имѣли они святыхъ книгъ или довольнаго познанія и праваго разсужденія? Но видимъ, яко обрѣтахуся между оными многіе

¹ См.: Притч. 24, 16.

² любимиче Л

премудршіи, и превосходили и побѣждали своимъ разумомъ многихъ философовъ и риторовъ, иже потомъ на Архіерейство и Патріаршество возводимы бываху, многіе же изъ оныхъ учениемъ и премудростію превосходили своего отца и наставника. А посему не могли ли они управити сами себе? Но видимъ, что всѣ они прежде всего тщахуся обрѣсти себѣ духовнаго отца, наставника и вождя ко спасенію, и предавахуся, прилѣпляхуся къ нему вседушнѣ, попирая и уничижая въ конецъ свое мудрованіе, съ простодушіемъ и усердіемъ слушали и внимали словесамъ и ученію его, и во всемъ повиновалхуся ему, яко Самому Богу. Многіе же изъ учениковъ таковою любовію плѣняемы и одержимы бываху ко отцу своему, яко еще бы было возможно, то желали бы неотторжно день и ночь присѣдѣти и внимати бесѣдамъ и поученіямъ своего отца, не отягощаяся ни уныніемъ, ни скукою, паче же услаждаяся его бесѣдою, уловляху памятью словеса изъ устъ его, написоваху оныя въ свое назиданіе.

Нынѣ же видимъ приходящихъ во иночество и едиными токмо усты общающихся со всякимъ усердіемъ во всемъ повиноватися и терпѣти. Дѣломъ же не показываютъ ни малаго тщанія и усердія, но пребываютъ въ ожесточеніи, безъ вѣры и любви ко отцу своему, и помалѣ не токмо осуждаютъ, противорѣчатъ, оспариваютъ, но и поучаютъ своего наставника. И еще онѣ повелитъ что или самъ содѣлаетъ не по ихъ желанію, то абіе ропщутъ, негодуютъ, немирствуютъ въ душахъ своихъ, и внутреннею злобою снѣдаются, и прочь бѣжатъ, поученіи же и наставленіи и словеса его ненавидятъ, и обличеніи яко стрѣлы себѣ вмѣняютъ. И тако носяще одежду и наименованіе монашеское, дѣлами же во всемъ поступаютъ противно святымъ преданіямъ.

Иныя же лицемѣрствуютъ предъ отцемъ своимъ, но сіе есть гибельно, то есть: внутренне осуждать, роптать и негодовать на отца, себе же самага оправдывать; внѣшностію же отцу поклонятися, ласкаться, смиряться, угождати и во всемъ подражати, и по подобію его творити; по разлученіи же и отсутствіи отца творити сопротивная. Тогда по Божѣ дѣланіе бываетъ повинующагося, егда никому же зрящу смиряется, недостойна и грѣшна признаетъ себе, и не токмо повелѣнная въ точности творитъ, но и не повелѣнная, еже вѣдаетъ угодно быти отцу, творитъ съ неложнымъ тщаніемъ и усердіемъ; своей же воли и хотѣніямъ и разсужденію въ конецъ сопротивляется. Тако и ты, о послушнике! Еще желаеши быти всегда въ покои и радованіи душевномъ и не бояться осужденія за свое послушническое житіе, то сохрани чисто совѣсть твою, твори всегда равно, якоже предъ лицемъ отца твоего, сице и отсутствуя, съ непреложнымъ усердіемъ и

любовію, и воспріимеши награду, яко бы не отцу, но Самому Богу повинующися и служащи.

СЛОВО ЁІ

Ѡ послушникахъ, спасающихся чрезъ чтеніе святыхъ книгъ

Неудобно таковому брату спастися, иже мнитъ и вѣруетъ научиться всему полезному отъ чтенія или слушанія святыхъ книгъ, словеса же или писаніе отца своего ни во что вмѣняетъ и съ презорствомъ отметаеъ. Не разумѣетъ же того, яко читая святыя книги, негли и въ годъ не дочитается того, что потребно по его устроенію и ко уврачеванію душевныхъ его язвъ, но паче скорѣе, вместо пользы и назиданія, по неразумію и неопытности будетъ поглощать отраву души своей: ибо, не находя и не обрѣтая иногда въ себѣ тѣхъ пороковъ, о коихъ случится ему читать, можетъ снизойти въ высокоуміе, зазирать и осуждать другихъ, свои же душевные язвы и струпы будутъ въ немъ согнивать или останутся небрѣгомы и не открыты. Иногда же, не познавая, что полезнѣе и нужнѣе для него, станетъ избирать по своему хотѣнію и творить, желая подражать святымъ отцемъ, что по его несовершенству можетъ послужить болѣе къ его гибели и обольщенію. Напримѣръ: естли онъ зараженъ и недугуетъ завистію, или злобою, или чревонеистовствомъ и сластолюбіемъ, или высокоуміемъ, а случится ему читать о безмолвіи, о богомыслии, о молитвѣ и о прочемъ тому подобномъ, что для него еще недоступно, онъ же съ обольщеніемъ будетъ стремиться къ сему. А что нужно и полезно по его устроенію, о томъ не только стараться, но и познать не можетъ. Отецъ же духовный и опытный не иначе, но согласно съ его нравомъ и устроеніемъ будетъ учить и управлять жизнію его, когда словесно, когда написавъ для его назиданія, не престанетъ открывать ему его язвы, прилагать врачеваніи отеческимъ своимъ вниманіемъ, стараніемъ и попеченіемъ о спасеніи души его, согласно съ правилами и преданіями святыхъ отецъ. Слѣдовательно, не заблуждаетъ ли бѣдственно таковой, который самъ надѣется своимъ умомъ и чтеніемъ управити себя ко спасенію?

Не видимъ ли и въ Святыхъ Писаніяхъ примѣровъ многихъ послушниковъ, жившихъ у добраго и искуснаго отца, но понеже съ небреженіемъ, и неохотнѣ, и безъ любви и вѣры словесъ его

послушаху, того ради таковыя помалѣ въ ненависть ко отцу приложишася¹, и потомъ начаша вопреки отцу своему дѣяти, и въ непотребственныя [дѣла]² уклонишася, и потомъ, не терпя болѣе, отхождаху отъ отца, и въ конецъ развращахуся и погибашу. А посему каждый послушникъ долженъ чаять тогоже и себѣ, аще не будетъ подражать онѣмъ святымъ, кои съ совершеннымъ повиновеніемъ и послушаніемъ отъ всея души любили и уважали слова своихъ по Божѣмъ отцевъ и наставниковъ. Но почто такому касаться и жизни монашеской, яже прежде всего требуетъ совершеннаго самоотверженія и истиннаго преданія, съ чистосердечнымъ откровеніемъ и повиновеніемъ безусловнымъ?

Аще бы возможно было вступающему во иночество безъ преданія, послушанія и повиновенія спастися, то не понуждали бы святые отцы и не предавали бы правилъ къ повиновенію, но заповѣдали бы точію прилежати чтенію святыхъ книгъ и тѣмъ довлѣтися. Но вмѣсто того вси богоносные и преподобные отцы наши единогласно вѣщаютъ: горе непокоривымъ, ибо падаютъ, яко листвіе, и погибаютъ, уловляемые различнымъ прельщеніемъ, паче же богоненавистною гордостію и высокоуміемъ.

Не полагай за совершенство того, яко изшелъ еси изъ міра монашествовати, и не мни, якобы уже во спасеніи обрѣтаешися, живущи со иночествующими. Ниже за сіе помышляй быти себе богоугодна, яко чтеши и слышиши всегда Святое Писаніе и познаеши чрезъ то, како пожиша святые отцы. Ниже посему равна имѣй себе со угождающими Богу, яко обрѣтаешися и живещи самъ подъ руководствомъ отца, наставляющаго по подобію древнихъ святыхъ отецъ, и такожде посвятилъ еси себя Богу и по силѣ своей подвизаешися; не помышляй, яко сими дѣтелями удовлетворилъ ты за грѣхи своя, и достиглъ уже спасительнаго пристанища. Помяните, яко израильтяне изыдоша изъ Египта и море преидоша, и видяху и слышаху многіе Божіи чудеса и промыслъ о нихъ, и такожде подъ руководствомъ и управленіемъ Моисея быша, и небесною манною питахуся; обаче за роптаніе на Моисея, противорѣчіе, непокорность и нетерпѣніе погибоша и падоша въ пустынь, не достигше земли обѣтованной. А посему и ты, о иноче! долженъ бояться и блюсти себе опасно отъ пагубнаго роптанія, непокорности и нетерпѣнія, дабы, оставя міръ, не пасть и погибнуть въ пустынь, не достигши ³обѣтованнаго блаженства³.

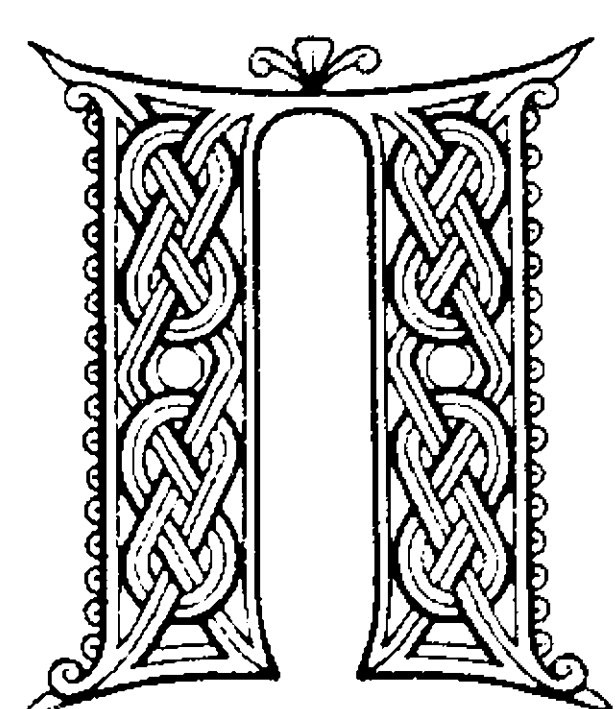
¹ преложишася *Л'*

² В квадратных скобках — из *Л, Л'*

³⁻³ блаженнаго упованія, обѣтованнаго намъ Подвигоположникомъ нашимъ Господомъ Іисусъ Христомъ во Царствіи Его. *Л'*

СЛОВО 31

Ѡ еже не нзнемогати въ служеніи для приходящихъ

омыслите, не достоинъ ли былъ бы осужденія такой, иже обрѣтъ сокровище и, утружденія своего ради, не восхотѣлъ бы подъяти оное? Сиче и онъ братъ, который о должности [своей] небрежетъ утружденія ради, малодушествуетъ и на иныхъ ропшетъ. Того ради и лишаетъ себя воздаянія и приплодія, то есть духовнаго благодатнаго дарованія, и уподобляется онимъ людямъ, упоминаемымъ въ евангельской притчи: иже во время вѣрують и съ радостію приѣмлютъ, во время же печали или гоненія [или напасти] отпадаютъ, соблазняются и не совершаютъ плода.

Что же, аще бы ко оному утружденному и утомленному брату пришелъ самъ царь? Не забылъ ли бы и не презрѣлъ ли бы онъ недугъ свой и изнеможеніе, и не послужилъ ли бы со всякимъ страхомъ, радостію и тщаніемъ? Но вмѣсто онаго, вкупѣ съ приходящими къ нему странными, посѣщаетъ его Самъ Царь царей, Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ. Онъ же, оказывая негодованіе и роптаніе свое на приходящихъ, простираетъ оное и на Самаго Христа, а посему коего долженъ чаяти себѣ осужденія!

Аще на простаго и невѣжду изрещи нѣчто презрительное достойно есть осужденія, кольми паче бѣдственно и многогрѣшно показуется негодовать и презирать таковыхъ, кои раченіемъ любви Божіей влекущеся, посѣщаютъ насъ, ища и желая не временнаго и тлѣннаго, но спасительнаго и полезнаго душамъ своимъ.

И чудо поистиннѣ, самовольнѣ и самохотнѣ желаетъ изнурять и утруждать себя разными подвигами и озлобленіями Бога ради; а когда Самъ Богъ Промысломъ Своимъ посылаетъ ему трудъ и служеніе, еже не достоинъ ниже наименовать озлобленіемъ легкости ради, тогда ропшетъ, негодуетъ, дряхлствуетъ и ни малейшаго не показываетъ терпѣнія. То кая польза тому отъ самовольнаго постничества и озлобленія, аще посылаемаго ему труда смотрѣніемъ Божіимъ не приѣмлетъ и не терпитъ? А посему, не паче ли нужно таковому очистить себе отъ гнева и самоволія покореніемъ и послушаніемъ, нежели безъ внутренняго смиренія и кротости надѣяться на дѣла тѣлесныя, подвижныя и трудныя?

Аще паки оправдываетъ себя таковой немощію и недугами, но Господь не вѣдаетъ ли состоянія души его и тѣла, и не возмoglъ ли бы управити или удержати посѣщающихъ до того времени, когда онъ обрѣтался бы въ силѣ, въ крѣпости и въ свобод-

номъ досугъ? Но еще всевъдуцій Господь, видя желаніе его къ подвигамъ и тѣлесному удрученію, соизволилъ, вящшаго ради труда и подвига, послать ихъ къ нему во время его изнеможенія, да по достоинству сугубо и свѣтлѣ увѣнчанъ будетъ.

Довлѣло бы паче оному брату возрадоватися о такомъ прилучаи, въ коемъ возмоглъ бы своимъ благодушнымъ терпѣніемъ истинное свое служеніе, усердіе и любовь къ Богу оказать, ибо не въ отрадѣ и благоденствіи, но въ злключеніи и терпѣніи вѣра наша и усердіе къ Богу показуется. Онъ же вмѣсто покорности къ Богу и послушанія своего къ настоятелю, сугубо возропта, то есть и на пришедшихъ, и на братіи, не помогающихъ ему. Отъ сего же да познаетъ, яко внѣшностію токмо единою служитъ Богу, ибо тогда токмо усерднѣ и охотнѣ творитъ свое послушаніе, когда здоровъ и силенъ или по его хотѣнію бывають посѣщающіи. Въ противномъ же случаѣ дряхлствуетъ и смущается.

Но какъ бы онъ отъ служенія своего утружденъ ни былъ, но все не болѣе онаго болящаго старца, иже на одинъ вопросъ брата о сѣкирѣ абіе воста съ великою немоцію отъ одра своего и нача искати того сѣчива, ¹егоже не видѣ, ниже положи¹.

Да воспомянетъ и праведнаго Дорофея, какъ чрезъ всю ночь приходящимъ и отходящимъ трапезу и угощеніе и упокоеніе подаяше; самъ же до толико обрѣташеся въ утружденіи, яко отъ великаго изнеможенія бываше аки изумленный. И въ такомъ будучи трудѣ, еще проси братію, да возбуждаютъ его на пѣніе, и на пѣніи паки да не оставляють его дремати. Да помянетъ же паки онаго старца, иже отъ великаго недосуга имѣяше на нозѣхъ своихъ во обуви проращшіе зерна.

Прилично здѣ воспомянути и преподобную Евпраксію, како во время лютыя болѣзни и крови многой, изъ ноги текущей, не остави своего служенія.

И такъ чрезъ сіе ясно показуется, яко въ служеніи и послушаніи брата онаго ропщущаго не тѣлесная немоць столь люто его угнѣтаетъ и разслабляетъ, но недоброе расположеніе души къ ближнему, крыющееся въ его сердцѣ. Ибо естли къ приходящимъ не показывать подобающаго радушія и любви, но просто съ холодностію и въ молчаніи служить имъ, точію за послушаніе, то и таковое пріятіе останется безъ великой награды и пріобрѣтенія, кольми паче съ негодованіемъ, роптаніемъ и смущеніемъ, коего не можетъ даже утаити, но въ явь съ укореніемъ износитъ, — таковое устроеніе поистиннѣ нѣсть монашескаго обычая.

¹⁻¹ его же ни вѣдѣ, ниже положи когда. Л'

Самъ братъ долженъ сознаться, яко приходящїи и посѣщающїи Бога ради никоего зла нанести ему не могутъ, но паче какъ они, такъ и братїя, не помогающїи ему въ служенїи, болѣе пользуют его, ибо вся полная награда отъ Бога останется ему единому.

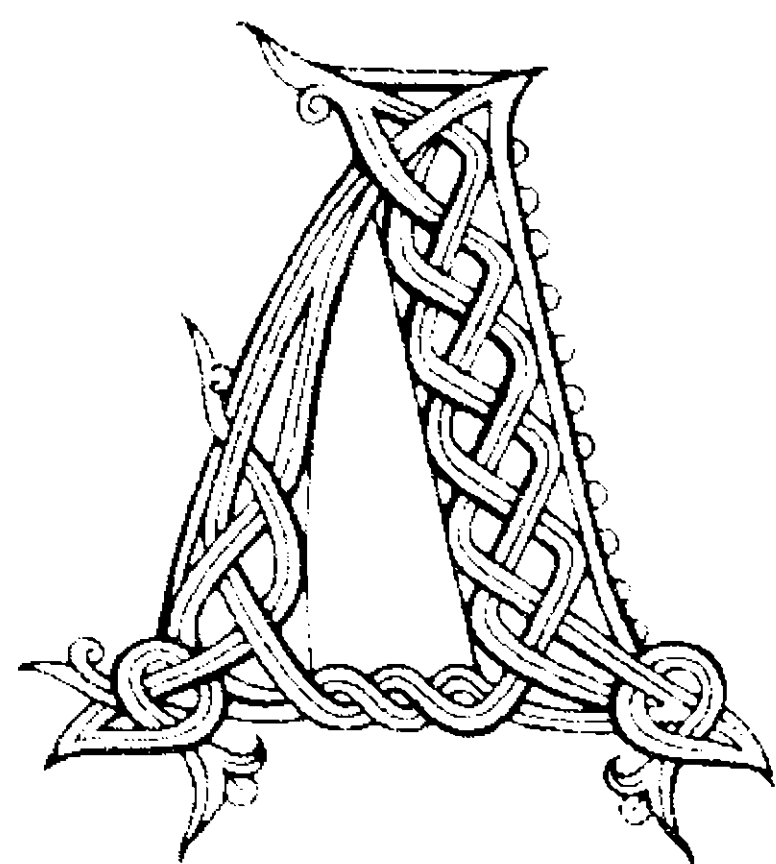
Аще бы справедливо былъ онъ зѣльно изнемогшїй, то и съ понужденїемъ и насилуванїемъ себя не возмоглъ бы отъ одра востати, и не только для пришедшихъ, но ниже для самага себя не возмоглъ бы ничего приготовить, и безъ послуженїя иныхъ остался бы и самъ не ядущи.

Аще же и самъ яде, и для посѣтителей учрежденїе сотвори, слѣдовательно, имѣяше силу и возможность отправить служенїе свое и безъ пособїя братїи. Подобаеть же Бога ради и на невозможная и превышающая силы подвизатися; слѣдовательно, достоить ему самага себя укоряти и печаловати о томъ, яко не сподобися благодати Божїей и вспомошествованїя, еже бы добръ, съ любовїю и радостною душею служити за послушанїе посѣщающимъ и всему братству, паче же Самому Господу, рекшему: «Яже сотвористе братїи Моей меньшей, то *Мнѣ сотвористе*»¹.

Глаголють же святые отцы, яко ищущїи себѣ ослабы и покоя заблуждаютъ отъ правыхъ и спасительныхъ стези. И того ради радуйся, о трудниче! а не дряхлствуй о приключающихся тебѣ трудностяхъ: аще обычно и ослабно поживеши, то обычно и умреши безъ извѣщенїя о спасенїи своемъ. Аще же въ трудѣхъ, трудяся претруднѣ и безгнѣвно, съ любовїю повинуюся въ послушанїи, то и Господь возлюбитъ тя и преселитъ, водворитъ душу твою къ преподобнымъ и всѣмъ святымъ, благоугодившимъ Ему въ трудѣхъ и злостраданїяхъ, въ вѣчной покой и наслажденїе и въ соцарствованїе съ Нимъ² во вѣки вѣковъ². Аминь.

СЛОВО 31

КЪ НАСТАВНИКОМЪ И УЧЕНИКОМЪ

А для того ли вступаемъ мы въ монашество, дабы законоположенїи иноческїи превратить и претолковать по своему хотѣнїю и мудрованїю? Или возможно есть помыслить, дабы въ уставленномъ и преданномъ отъ святыхъ отецъ могло что быть не правое и не полезное? Аще же вѣровати всѣму преданному — быти богоугодну, не по-

¹ См.: Мф. 25, 40.

²⁻² безконечное на Небесѣхъ. Л

слѣдовати же оному, и живуще и поступаю инако, како возможно чаяти спастися? Поистиннѣ за сіе большее предстоитъ наказаніе, яко вѣдущему добро творити и не творящему.

А посему, аще кто приходитъ ко иночеству и не оставляетъ своего мірскаго нрава и мудрованія, но хочетъ и тщится со иноческими подвигами совокупити свое мірское мудрованіе, привычки и наклонности, таковой бываетъ ни инокъ, ни мірянинъ, якоже глагола¹ о нѣкоемъ святой Василій: яко и княжество потерялъ, и монашества не получилъ.

Отцу же и начальнику, или самовластно и о себѣ живущему, вѣщающая предстоитъ опасность, нежели ученику, предавшемуся въ повиновеніе. Понеже ученика преступленіе и вина бываетъ къ человеку, то есть ко отцу своему, хотя святыя отцы и въ равной мѣрѣ поставляютъ [что]² къ Богу согрѣшити, что къ отцу своему, ему же предастся душою. Однако для уврачеванія и востанія его довлѣетъ токмо припасть со смиреніемъ ко отцу и рещи вседушнѣ: «Прости, отче!» А отецъ воставляетъ уже его и прощаетъ и врачуетъ, и самъ за него отвѣщаетъ Богу, хотя бы когда и предъ Богомъ³ согрѣшилъ, но вѣрованія ради, яко отецъ умолитъ Бога о немъ, пріемлетъ прощеніе.

Отецъ же и всякій самовластный не имать о себѣ ходатая и толико удобнаго врачеванія своимъ паденіемъ, токмо едино упованіе на милосердіе Божіе. Къ тому же и вѣщающее видится погрѣшеніе отца, нежели ученика, ибо приражается Самому Богу. Аще не послѣдуетъ преданнымъ правиламъ или аще вознерадитъ, и чрезъ то ученицы его останутся безъ успѣванія, то и оныхъ души взыщутся отъ него. А потому самовластну сущу и отцу подобаетъ неуклонно наблюдать уставоположеніе и повиноватися во всемъ Священному Писанію, и со всякимъ тщаніемъ старатися искоренити [и отсѣкати всякія] страсти и богопротивныя наклонности учениковъ своихъ.

Всякой же ученикъ и послушникъ долженъ убѣдиться и твердо вѣровати, яко не можетъ быть толикой пользы въ жизни монашеской ни отъ поста, ни отъ безмолвія и моленія, ни отъ нищеты и отъ разнообразныхъ подвиговъ, яко отъ узаконеннаго неразумнаго послушанія. Аще не можетъ имѣть безусловнаго послушанія, то ето ни отъ чего болѣе, какъ токмо потому, яко не почитаетъ за святаго своего наставника; ибо естли бы кто изъ прославленныхъ Богомъ святыхъ повелѣлъ ему нѣчто сотворити, то не сталъ бы противорѣчить и сомнѣваться о заповѣданіи.

¹ возглагола *Л*

² В квадратных скобках — из *Л, Л'*

³ Господомъ *Л*

Нынѣ же всѣ святые и богоносные отцы повелѣваютъ не токмо за святаго признавать своего отца, но яко Самаго Христа слушать и почитать. Слѣдовательно, аще въ чемъ противорѣчитъ и преслушиваетъ своего отца, то не мнитъ его быти свята, себе же считаетъ болѣе свѣдущимъ или мудрѣйшимъ. А съ такимъ самомнительнымъ порокомъ како можетъ придти въ хриstopодражательное отеческое смиреніе? Не стяжавши же истиннаго смиренія, како можно быти спасенну? Не зрите ли, колико царей, князей и великихъ земли, оставившихъ суетную славу и величіе и притекшихъ ко иночеству, повинующихся вседушнѣ Святому Писанію и заповѣданіямъ отеческимъ, предавшихъ себе въ неразумное и безусловное послушаніе, совершенно вознебрегшихъ о себѣ, и въ ничесомъ не покаряющихся своему разуму и разсужденію? И чрезъ то въ маломъ времени благопоспѣшествомъ благодати Божіей, исполнивъ всѣ мѣры уставоположеній и быстро протекши всѣ степени послушанія и смиренія, вознесошася на самый верхъ добродѣтелей, еже есть любви, и оною обрѣтоша и совокупишася съ Самимъ Богомъ, обоженные Его осіяніемъ и небесною славою.

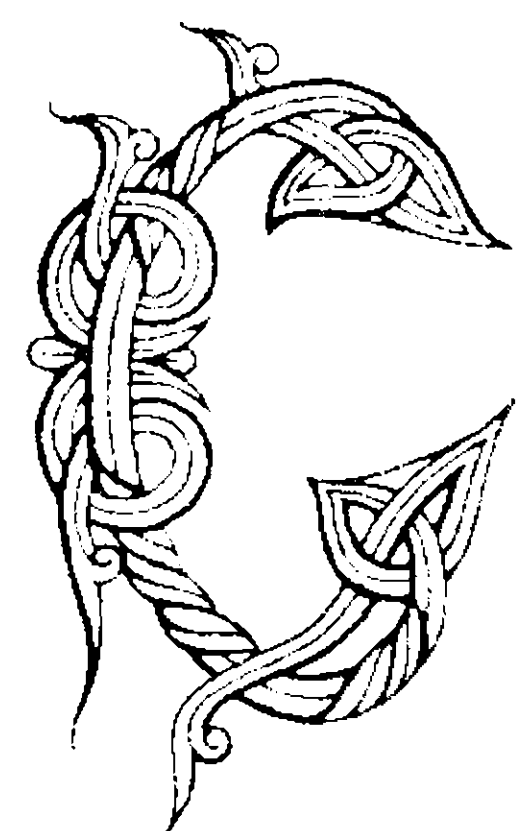
Сколь же невыносимо житіе самонравнаго и самомнительнаго послушника, и описать невозможно! Ибо всякое послушаніе и повелѣніе дѣлаетъ съ негодованіемъ и отягощеніемъ, съ роптаніемъ и прекословіемъ; и въ такомъ своемъ обуреваніи и возмущеніи и самъ въ скорби находится, къ тому же и отъ отца зѣлнѣ обличаемъ и наказуемъ, и отъ всѣхъ братій соживущихъ подѣмлетъ негодованіе, а иногда и уничиженіе. И тако безутѣшно и всеу проживши вся дни своя, потомъ и на вѣчное мученіе переселитися имать! Аще же отецъ яко чловѣкъ возмалодушествуетъ и, отягчившись непрестаннымъ бореніемъ съ онымъ непокоривымъ, престанетъ тщательно исправлять его увѣщаніями, наказаніями, уничиженіями и оставитъ его небрежна, и тако аще случится оному брату приблизитися ко исходу души, тогда не только съ негодованіемъ востанетъ на своего наставника, но и многія будетъ изрыгать хулы, роптанія и проклятія, укоряя его съ отчаяніемъ и изступленіемъ: яко твоего ради, глаголя, нерадѣнія и послабленія отхожду въ муку вѣчную! Но и отцу предстоитъ неминуемо истязаніе и осужденіе отъ Бога, аще небреженіемъ его утратится душа брата, искупленная пречистою кровію Самаго Господа Іисуса Христа. А потому отецъ долженъ до конца, невзирая на оскорбленіи и негодованіи брата, учить, обличать, наказывать и вседушнѣ стараться о его исправленіи. И тогда необязненно можетъ рещи: «Господи, азъ, Твоего ради страха и любви, не преставаѣ вседушнѣ пещися о его исправ-

леніи, но онъ не восхотѣлъ меня слушати и того ради самъ о себѣ да отвѣщаетъ».

Полезнѣе же и много лучше безбѣдно и благословно отцу съ непокоривымъ и своенравнымъ отнюдь не связываться въ сожитіе, якоже святые отцы повелѣвають, глаголюще: нѣсть намъ къ таковымъ ни единаго слова. Кая польза и радованіе отцу отъ такового брата, аще на всякъ день видитъ и слышитъ его противорѣчіи, негодованіе и роптаніе? Къ тому же отецъ и отъ Бога имать быти осужденъ за удержаніе при себѣ такового непокориваго, ибо онъ, отверженный и изгнанный, негли возчувствуетъ и познаетъ свой вредоносный губительный нравъ и обычай и предастся иному, искуснѣйшему отцу, или иными каковыми судьбами Божіими обрящетъ себѣ спасеніе. Всѣму же братству, чрезъ удаленіе ¹его, послѣдуетъ миръ и спокойствіе¹.

СЛОВО III

О ПОСЛУШАНІИ И БЕЗГРЕДНОСТИ СЕБЪТЕКАНІИ

Вамомнительный братъ важнѣйшее самое и полезнѣйшее и легкое содѣлываетъ для себя тягостнымъ и безполезнымъ. Аще бы съ простодушіемъ и вѣрою принималъ послушаніе и творилъ бы все повелѣнное безразсудно, то безъ малѣйшаго затрудненія и скорби извѣствовался бы о своемъ спасеніи и радовался бы душою. Онъ же высокоуміемъ своимъ и своенравіемъ ко всякому послушанію, повелѣнію или наставленію отца прилагаетъ свое разсужденіе и разсмотрѣніе, и чрезъ то лишается духовнаго мира и спасительныхъ плодовъ, и хотя совершаетъ повелѣнное, но безъ вѣры, съ негодованіемъ и роптаніемъ. А посему, какъ самъ онъ, такъ и каждое дѣло, творимое имъ, не благопріятно Богу.

Да разсуждаетъ же самъ таковой, гдѣ и въ чемъ обрѣтается его послушаніе, не паче ли равенство и братство; истиннѣе же наглое взятіе преимущества предъ отцемъ своимъ. И бываетъ гордый наставникъ своему по Бозѣ отцу и наставнику. И вмѣсто того, чтобы со смиреніемъ отъ единаго слова слушать и повиноватися, онъ дерзостно противорѣчитъ и самовластно подаетъ совѣты, яко мудрѣйшій и искуснѣйшій своего отца.

¹⁻¹ такового строптиваго, имать воспослѣдовати тишина, миръ и спокойствіе. Л

Отець же глаголетъ таковому: «Брате, азъ не яко наставникъ тебѣ глаголю, но яко братъ¹, нужная токмо объявляю, ты же яко обладатель и судія разсмотрѣваешь и рассуждаешь, добръ ли будетъ или ни; то гдѣ въ тебѣ поне² воня смиренія, и кроткое монашеское послушаніе и терпѣніе, и како сице оскверненное послушаніе почитать [или именовать] истиннымъ послушаніемъ?»

Благоразумный отецъ долженъ отъ таковаго высокоумнаго и непокориваго ученика и послушника умалчивать и скрывать нѣкоторые дѣла, дабы менѣе было ему осужденія: ибо отецъ, какъ только начинаетъ при немъ объявлять или повелѣвать что-либо, какъ онъ въ ту же минуту дѣлается дерзкимъ судіею и совѣтникомъ, а не послушникомъ. Слѣдовательно, всякое отеческое заповѣданіе и глаголаніе бываетъ брату въ грѣхъ и осужденіе.

О брате и послушнике! Како можеша и уповаеша благоугодити Господу, аще живеша со отцемъ твоимъ совершенно противно Божественной его воле и ученію? Самъ отецъ твой долженъ опасаться и ухищряться творити или глаголати что, дабы было въ угодность твою, чтобы чрезъ то избѣгать немирствія твоего и крамолы. И тако ты несогласіемъ своимъ и непокоривымъ нравомъ связуеша отца твоего? Како же связанный тобою отецъ можетъ освободити и разрѣшити, и отъяти отъ тебя твои страсти и пороки? Но отцу поистиннѣ лучше самому быти связану и не глаголати и не обличати тя, нежели доводити до негодованія и противорѣчія, и чрезъ то множайшему подвергати осужденію.

Но и самому отцу — непрестанная болѣзнь и печаль, аще ученикъ живетъ по своему разуму, не слагаясь съ его волею и ученіемъ. Како же пріиметъ цѣльбу себѣ таковой братъ, аще не уважаетъ словесъ своего отца и всегда отягощается его поученіемъ? Поистиннѣ, аще не имѣетъ вѣры ко отцу своему и наставнику, то все и безъ пользы протекають дни его, и обоимъ, ему и наставнику, непрестанное огорченіе и томленіе. Лучше таковому брату удалитися и пойти ко иному, искуснѣйшему, емуже возможетъ покорити разумъ свой и волю.

Подобаетъ новонаначальному брату съ самаго вступленія своего съ опасностію прилежно испытывать и разсмотрѣвать, да не крыется нѣкоего еретическаго нечестія у онаго отца, къ нему же намѣренъ прилѣпитися въ сожительство, или не бываетъ ли столь злобенъ, яко быти ему не примирительну отнюдь, и къ таковому да не предается, ибо не безбѣдственно есть для ученика оставить и удалитися отъ отца, емуже по Бозѣ предадеся. И отъ единого токмо нечестія еретическаго безгрѣшно есть оставить и удалитися.

¹ рабъ Л

² поне — хотя бы, по крайней мере.

Аще же благодатию Божіею отъ сего чистъ и свободенъ есть отецъ, то все прочіи всякіи его повелѣніи и распоряженіи подобаетъ пріимати съ простотою и послушаніемъ, хотя бы что казалось и не добрѣ.

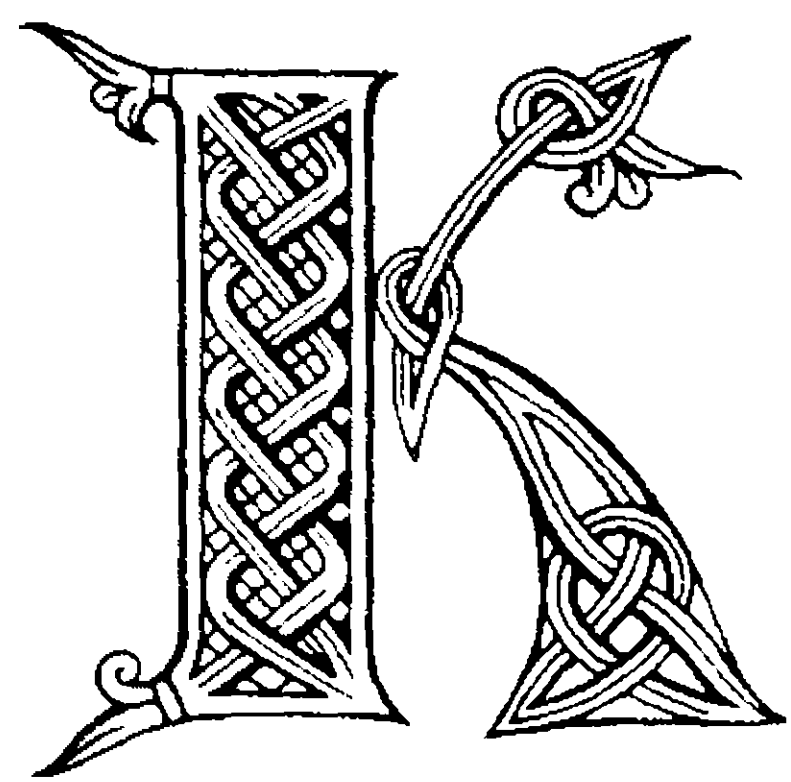
Подобаетъ памятовать всегда, яко не за добрыя и искусныя дѣла и работы уготована награда монашествующимъ, но за ¹смиреніе, послушаніе¹ и терпѣніе. А иже возмалодушествуетъ и не восхощетъ терпѣти, и оставитъ отца своего и братство безъ справедливой и благосклонной на то вины, такового святыя и богоносныя отцы уподобляютъ Іудѣ предателю, и сказуютъ быти мертва душею и лишена Божіей благодати.

Братству же всему подобаетъ съ таковымъ, иже противится и не покарается отцу своему, отнюдь не сообщатися, но бѣгати и удалятися, яко отъ прокаженнаго, понеже святыя отцы и тѣхъ равно отлучаютъ и отвергаютъ, кои съ таковыми сообщаются.

Аще игуменъ или іерей кого отлучитъ, то съ таковымъ не должно никому имѣти сообщенія. Кольми паче, кого всѣ вселенскіе соборы и святой Василій Великій и прочіе богоносныя отцы ово проклинаятъ, ово отвергаютъ, ово отлучаютъ и окаиваютъ, — не подобаетъ съ таковыми сообщатися. Равно и святой Златоустъ повелѣваетъ отъ такового всѣму братству отвращатися, ибо аще одинъ отецъ его отвергнетъ, а братія дружественно будутъ съ нимъ обращаться, то не возмнитъ ли онъ, яко по неразумію или по злобѣ отецъ отвергаетъ его, и утвердится во мнѣніи, яко аще бы онъ былъ не правъ и виновенъ, то и все братство вкупѣ со отцемъ отвортилось бы отъ него. А потому и останется не исправенъ въ своемъ ожесточеніи и нечувствіи. Неисправленіе же его и погибель душевную взыщеть Богъ на тѣхъ, кои благопріятствоваху ему и не вспомошествоваху, не единоклестествоваху со отцемъ.

СЛОВО Ѡ

О НЗРАДѢИ МѢСТА И ТВОРЕНІИ ЛЕГКНУХЪ ДѢЛЪ

Н олько удобно и благопоспѣшно благодать Божія устроила пребываніе наше на мѣсте семъ, гдѣ пресѣчены всѣ вины къ великимъ грѣхопадєніямъ, какъ то: сребролюбствовати нѣсть potreбы, враждовать съ кѣмъ-либо не имѣется вины, излишественнаго и роскошественнаго не обрѣтаетъ.

¹⁻¹ за смиренное послушаніе и терпѣніе. Л

ся, піанство, блудодѣянiе и чародѣянiя и подобныя смертоносныя грѣхи не должны ствуютъ между нами и воспоминаются. Сихъ всѣхъ и прочихъ избежали мы не своимъ тѣнiемъ или заслугами, но единою токмо благодатию Божіею. Оставлено же намъ точію едино малѣйшее бореніе — да не въ конецъ будемъ праздно отъ духовнаго подвига, какъ то: ясти подобаетъ съ воздержаніемъ, отметати въ неразрѣшенное время сластопитаніе, хранитися отъ роптанiя, не погружаться въ многосоніе, по силѣ понуждати себе во бдѣнiи, тѣтатися о чистомъ сердечномъ моленiи, не пещися о суетныхъ и излишественныхъ потребахъ, съ мiрiяны не много разглагольствовать и не испытывать о ихъ дѣлахъ, о всякой вещи благословлятися, съ непритворнымъ смиреніемъ просить прощеніе, на всякое повелѣніе быти готову и непреслушну, и прочая сицевая приличествующая жителъству монашескому.

Аще же сихъ легчайшихъ подвиговъ не потѣмимъ исполнити, то въ чемъ окажется предъ Богомъ достодолжная отъ насъ покорность, боязнь, любовь и благодареніе? И въ чемъ возможемъ разнствовать отъ безсловесныхъ скотовъ, аще по прiятiи толикой Божіей благодати иждивемъ всѣ дни наши, токмо насыщаяся и покояся? За сіе, по глаголу святаго Пророка, неминуемо изъ чести, еже даде намъ Богъ, еже быти чадами Его, приложимся скотомъ несмысленнымъ и уподобимся имъ¹.

Во иноческихъ добродѣтельхъ ухищряется діаволь и обманомъ уловляетъ слабыхъ и унылыхъ, показуя имъ неудобство, трудъ и тяготу, идѣже отнюдь не имѣется никакого неудобства, ни труда, ни излишней тяготы, паче же множайшій покой и отрада, неже въ мiрскомъ пребыванiи. Онъ же прельщаетъ равнымъ образомъ, якобы показуя мечтаніемъ страшилища, идѣже истинною нѣсть ничесоже.

Кое затрудненіе или оскорбленіе отметати обьяденіе и довѣтатися умѣреннымъ яденіемъ? Кая тягота не вдаватися во излишественный и безвременный сонъ? Не паче ли отъ сего получаемъ умное трезвеніе, но и здравіе тѣлесное сохраняется паче отъ умѣреннаго сна и пищи. И паки: кое неудобство отсѣкати свою волю, не быти ропотливу и блюстися отъ прекословія, пребывать же въ покорности и послушанiи? Какой стыдъ быти искренно откровенну своему по Бозѣ отцу и обладателю? Какой трудъ преодолѣти праздность, лѣность и нерадѣніе? Какое неудобство можетъ воспретить, ежебы отринути, Бога ради, свои прихоти, своенравіе и, согласуя со Святымъ Писаніемъ, вдатися въ покореніе и послушаніе, и возложитися во всемъ на волю и мудро-

¹ См.: Пс. 48, 13.

ваніе отца своего, а чрезъ то обрѣтатися во всегдашнемъ мирѣ и покоѣ и безпечаліи, и извѣстну быти о своемъ спасеніи?

Аще же спросите, почто иные во иночествѣ многіе лѣта изживше, всегда отягчаются, унывають, изнемогають и потомъ впадаютъ въ великія преступленія?

Святый Златоустъ глаголетъ: яко таковыи страждутъ отъ лѣности и небреженія, или въ новоначаліи своемъ нерадиша, или потомъ начаху жити ослабно и небрежно и безъ окормленія. Понеже во иночествѣ трудъ хотя обрѣтается, но для усердныхъ и тщаливыхъ сей трудъ бываетъ не тягостный, пачеже утѣшительный. Лѣнивый же и на ложѣ своемъ тяготится обращаться. То како таковому возможно уразумѣть и восчувствовать легкость и услажденіе во иноческихъ подвижѣхъ, а посему не отъ унылыхъ и лѣнивыхъ восхоште навикнути, но взирайте на подвижавшихся усердно, тѣи увѣряють и свидѣтельствуютъ житіемъ своимъ, яко поистиннѣ легко есть и сладостно иго Христово: ибо зримъ изъ оныхъ много богатыхъ и царей, кои отъ самыхъ пленъ до вступленія во иночество пожиша во всякой отрадѣ, наслажденіи и покоѣ, потомъ же, аки не чувствуя труда, тако доброхотнѣ, съ теплотою и радованіемъ духа подвижахуся.

Діаволъ наводитъ тяжкія и великія искушенія или несносныя скорби и бѣды, и напасти на таковыхъ, кои въ малыхъ и легкихъ искушеніяхъ не побѣждаются. Какъ видимъ праведнаго Іова, богоугодно и непорочно поживша и потомъ лютъ отъ діавола пострадавша, такожде и святыхъ мучениковъ, страшныя муки претерпѣвшихъ и невыносимыя страданія, въ коихъ и не дивно бы побѣдиться, аще бы душевная твердость и мужество не укрѣпляло ихъ тѣлесныя немощи благодатію и помощію Божіею. Ибо всего тѣла уязвленіе, раны гноеніе, лютость огня, жилъ исторганія, кожи одиранія, глада и жажды томленіе, и иная тому подобная, кто не вѣдаетъ, сколь люто есть терпѣти? Но обаче угодники Божіи не токмо наносимая отъ мучителей имъ страданія претерпѣша, но и сами чрезъ себя за любовь ко Господу подобное тому страждуще претерпѣваху. Якоже святой Варлаамъ мученикъ, самъ держа руку свою надъ нечестивымъ жертвенникомъ и не отпусти, дондеже со огнемъ вкупѣ отпаде и рука его. Подобнѣ и святой Мартиніанъ хвастіемъ себе опали и въ морѣ вверже. Инъ же персты своя сожже, инъ языкъ зубами отсѣче, борясь противъ блудныя сласти. Иныя постомъ, бдѣніемъ и жаждою себя томяху. Иные же на столпѣхъ, и во гробѣхъ, и въ затворѣхъ неисходно пожиша, и хладъ, и жаръ, и всякую нужду Христа ради мужественно претерпѣваху, ибо лучше изволиша лишитися живота, нежели что неугодное Господу содѣяти. Намъ же нынѣ предлежатъ иноческія токмо обязанности испол-

нити, и претерпѣвати легкія и посильныя труды и подвиги, но еще и въ оныхъ окажемся нерадивы и невнимательны ко своему спасенію, то како благодать Божія возведетъ насъ на вящшее преуспѣяніе и безстрастіе?

Почто діаволъ не боретъ зѣльно иноковъ на великія грѣхи и беззаконія, како то: на прелюбодѣяніе, убійство, чародѣяніе, сребролюбіе или на отверженіе Христа, но паче прельщаетъ и боретъ, по мнѣнію, невеликими и маловажными грѣхами, какъ то: сластолюбіемъ, объяденіемъ, лѣнностію, праздностію, смѣхомъ и кощунствомъ, непокорностію, роптаніемъ, осужденіемъ, своеволіемъ и подобнымъ тому? Того ради, яко не за велико почитающе сія, безъ опасенія преклоняются и, скверняся въ оныхъ, мнятъ быти безпорочны и не подлежати осужденію. Діаволъ же ухищряется и тщится, да чрезъ оныя въ большее ввергнетъ осужденіе и погибель, ибо вѣдаетъ, яко противу малыхъ искушеній и подвига не требуется великаго. Намъ же сущимъ многогрѣшнымъ надлежало бы не отметатися и отъ великихъ подвиговъ и трудовъ, но вмѣсто того, еще и въ малыхъ и нетрудныхъ бореніяхъ и искушеніяхъ его удобно побѣждаемся и творимъ безпечно его волю; прогнѣвляемъ же и оскорбляемъ Спасителя и Икупителя нашего Господа Іисуса Христа, Иже страданіе и Крестъ претерпѣ нашего ради спасенія. А мы и малыхъ лишеній и отсѣченія своихъ страстей и прихотей не хотимъ потерпѣть для угожденія Ему и во удовлетвореніе за тяжкія грѣхи наша. То коего не подымѣмъ осужденія, еще и во иноческой жизни не престанемъ творить волю исконнаго врага нашего діавола, якоже рече единъ отъ святыхъ: иже волею не повинуется волѣ Божіей, таковой и неволею повинется діаволу.

Тогда инокомъ нѣкія погрѣшности бывають отъ благодати Божіей простительны, еще претыкаются и падають не отъ нерадѣнія, ниже отъ лѣнности, но опасно блюдуще себе и неусыпно борющесе, но немоцію побѣждаются и невольнѣ увлекаются. Почему и собственная совѣсть не укоряетъ такового, ибо по силѣ своей оказа подвигъ и тщаніе, но яко чловѣкъ немоцію преклонися. Еще же собственная совѣсть извѣствуетъ и обличаетъ, яко не по немоци и безсилію, но по нерадѣнію и безстрашію живетъ противно иночеству, то есть не по слабости и немоци, но по чревоугодію сластно пресыщается, лѣнности ради скучаетъ на молитвѣ, погружается во многосоніе неупражненія ради во Святомъ Писаніи, ожесточается ко всѣмъ добрымъ дѣламъ и приходитъ въ безстрашіе, невниманіемъ и небреженіемъ низвергается во всякія страсти и пороки, и тогда яко смертныя вмѣняются таковому его согрѣшенію. Якоже рече святой Ісаакъ Сирскій о нерадивыхъ: еще и тяжело имъ быти со грѣхомъ, но тяжкое

ожидаетъ ихъ и мученіе. И индѣ: *въдущему... добро творити и не творящему, грѣхъ ему есть*¹.

Неужели за то оправдятся иноки, яко жительствоуютъ во обителяхъ святыхъ, идѣже не обрѣтается винъ къ смертнымъ грѣхамъ и беззаконіямъ? Азъ же мню, яко Сердцевѣдецъ будетъ судить cadaго по наклонности душевной, какъ мірянина за мірскія согрѣшенія, такъ и инока за иноческія преступленія. Паче же иноки осудятся болѣе за то, яко Богъ предпочте ихъ, и отлучи отъ міра и отъ всѣхъ мѣстъ и случаевъ, могущихъ служить имъ преподною къ достиженію душевной чистоты и безстрастія, приведетъ же ихъ въ житіе равноангельное, гдѣ они могли бы удобно возвышаться къ Нему умомъ и чистыми душами, и подобно ангеламъ денно-нощно приносить Ему хвалу и славословіе. А потому и огради ихъ всякимъ упокоеніемъ, свободою и безпечаліемъ, и весь міръ маніемъ Своимъ подвижетъ, да служитъ и исполняетъ нужды иноковъ; они же да пребываютъ неотторжны отъ служенія Ему дѣланіемъ иноческихъ добродѣтелей, то есть: отверженіемъ міра и своихъ воль, повинovenіемъ, послушаніемъ, безмолвіемъ, молитвою, сердечнымъ вниманіемъ, простотою, смиреніемъ, и чистымъ откровеніемъ, и прочими иноческими исправленіями. Къ сему же дарова имъ вспомошествованіе, охраненіе и огражденіе отъ отца духовнаго, отъ единокрушныхъ братій, отъ уединеннаго мѣстопребыванія, отъ Священнаго Писанія, и отъ самаго уставоположенія и общихъ правилъ. И Самъ благодатію Своею вспомошествоуетъ тайно, посѣщаетъ, облегчааетъ ихъ подвиги, услаждаетъ и радостны творить ихъ во всѣхъ трудахъ ихъ и болѣзняхъ, по подобію святыхъ мученикъ, иже чѣмъ болѣе претерпѣваху страданій, тѣмъ паче отъ благодати Божіей быша укрѣпляемы и утѣшаемы. И тако видите, яко и во временной жизни сей Господь изливаетъ уже благодать Свою на терпящихъ Его ради. Кольми паче въ будущемъ вѣцѣ, во славѣ Божества Своего, прославить и упокоить оныхъ.

Мірянамъ, ищущимъ спасенія, поистиннѣ подлежатъ многіе преграды, затрудненія, соблазны и многовидные искушенія, къ тому же обязаны творить различные добродѣтели, то есть: отъ имуществъ своихъ творить милостыни, принимать странныхъ, посѣщать и снабждать больныхъ, пецися о домѣхъ и семействахъ и о рабѣхъ, и среди всѣхъ соблазновъ блюсти себя опасно отъ грѣхопаденій. Но и тогда не могутъ столько быть благоугодны Господу, якоже иноцы, вседушнѣ отвергшіися міра и усвоившіися Ему, и чрезъ то содѣлываются возлюбленными Его учениками и послѣдователями. О семъ пишетъ и свидѣтельствуетъ

¹ Иак. 4, 17.

святый Іоаннъ Карпаѳійскій сице: «Никогдаже да восхощеши паче инока мірянина ублажити, имуща жену и дѣти и радующа-ся за еже благотворити многѣмъ и изобильно милостыню дѣла-ти, и отнюдѣ ниже отъ бѣсовъ искушатися, вмѣняя себе отъ она-го быти меньша во благоугожденіи Божіи. Ниже окаявай себе яко погибающъ. Не глаголю бо, яко непорочно живещи, терпя во иноцѣхъ, но аще и зѣло грѣшенъ еси, скорбь души твоея и зло-страданіе честнѣйше есть у Бога, превосходящія житейскаго доб-родѣтели. Печаль твоя многая и жалѣніе, и воздыханія, и сѣто-ваніе, и слезы, и мучительство совѣсти, и недоумѣніе помысла, и еже осуждатися мыслію, и рыданіе, и плачь ума, и плачево-плъствіе сердца, и сокрушеніе, и смущеніе, и окаеваніе, и дрях-лость и уничиженіе — сія вся и таковая, яже множицею слу-чаются въ желѣзную печь искушеній ввергаемымъ, честнша и благопріятнша по превосхожденію отъ благоугожденія міряни-нова. [Внемли убо, да не подпадещи по реченію глаголющаго Бо-жественнаго Писанія отъ лица твоего (Марка гл. 3, ст. 4). Яко что бо пользовахомся молитвенницы шедше предъ Господемъ, и въ дому Его пребывающе присно. Явѣ же яко всякъ рабъ близъ сый дому Владыки, овогда и біенія приѣмлетъ, и заушенія, и укоризны, и поношенія. Внѣ же сущіи прочее далече суть отъ язвъ, яко чужди или таимнчищни¹, или небрегоми. Что убо пользовахомся, глаголють, мы убо въ скорбна впадающе душею же и тѣломъ, иже всегда молящіяся же и поющія; тіи же ни мо-лящіяся, ни бдящія радуются и веселятся, и благопоспѣшни суть, и благодушно производятъ житіе. И якоже глаголетъ про-рокъ: Се созидаются дома чужди, и мы блажимъ чуждыхъ. И наводитъ, глаголя: Сія рекоша раби Божіи, имущіи разумъ (Мар. гл.: 3, ст. 15, 16). Но обаче подобаетъ вѣдѣти, яко ничтоже странно страждутъ оскорбляеми и различно опечаляеми, яже Владыки своего терпящи многими искушеньми.] Слышыши бо Господа, глаголюща во Евангеліи: *Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачется и возрыдаете вы, ближніи мои, а міръ возрадуется*², еще мало, и посѣщу вы Утѣшителемъ, и иждену уныніе ваше, и возвеселю вы помыслы небеснаго житія, и упокоенія, и слезами сладкими, ихже малы дни лишени бысте искушаеми, и воздамъ вамъ мзду благодати Моея, якоже мать младенцу плачущему, и укрѣплю вы яже свыше силою, изнемогшыя за еже внемати ра-товатися. И услажду вы огорченныя, якоже глаголетъ Іеремія въ плачѣ о тайнемъ своемъ Іерусалимъ; *и узрю вы, и возрадуется сердце ваше тайнымъ посѣщеніемъ, и скорбь ваша въ радость*

¹ Таимнчищни — незаконны.

² См.: Ин. 16, 20.

предложится, и радости вашей никтоже возметъ отъ васъ¹. Да не убо сомжимъ, ниже возслѣпотствуимъ, ублажающе паче насъ мірянъ; но въдая различіе истыхъ сыновъ и прелюбодѣищъ, паче возлюбимъ мнимое иноковъ злостраданіе же и зѣльное удрученіе, егоже конецъ въ животъ вѣчный сбывается и въ неувядаемый славы Господни вѣнецъ. Пріимемъ мнящихся грѣшныхъ постникъ, да не глаголю праведныхъ злостраданіе. И еже приметатися въ дому Божіи, сирѣчь въ чинѣ работающихъ непрестанно Христови, а не жити въ селеніихъ грѣшничихъ, или соображаться съ мірскими, аще и великія творятъ правды. Глаголетъ бо къ тебѣ, о иноче! Отецъ твой Небесный, прелюбяй тя, и оскорбляяй, и удручаяй тя различными искушеніями: «Добрѣ вѣждь, иноче терпѣливе, зане якоже чрезъ пророка глаголахъ: буду тебѣ наказатель², и срящу тя на пути Египетстѣ, скорбными тя обучая, и пути порочныя загражду терніемъ Моего Промысла, бодый³ напастми нечаянными и возбраняя, да не яже хоцещи несмысленнымъ сердцемъ, сія всяко и въ дѣло производиши⁴. И загражду море страстей твоихъ враты щедротъ Моихъ. И буду тебѣ яко паноирь⁵, поядая тя помыслы пореченія, и зазрѣнія и раскаянія въ совѣсти неувѣдѣнныхъ тобою. Сія же вся скорбная, величайшая есть благодать Божія. Не токмо же паноирь, но и остень⁶ тебѣ буду, помыслы умиленія уязвляя тя и болѣзными сердечными. И не оскудѣетъ болѣзнь отъ дому твоего, сирѣчь отъ души и тѣла, добрѣ и полезнѣ стружемыхъ Божіими сладкими воистинну и медоискапательными мучительствы. Конецъ же мученій, и болѣзней, и смятенія, и срама, и страховъ, и отчаяваній приключатися обыкшихъ, постничествовати предложившимъ, сихъ всѣхъ печальныхъ конецъ: радость есть небесная, и наслажденіе несказанно, и сладость неизглаголанна, и радование непрестанное. Сего бо ради, оскорбихъ тя, глаголетъ, да напитаю тя манною разума, и голодомъ придавихъ тя, да благосотворю тебѣ напоследокъ, и въ Горнѣ Царство введу тя. Тогда бо възиграете, смиренніи иноцы, якоже тельцы, разрѣшенніи отъ узъ, отъ страстей плоти и отъ искушенія враговъ, и тогда поперете беззаконныя бѣсы, нынѣ васъ попирающыя, и будутъ яко пепелъ подъ ногама вашима. Аще бо благочестивъ и смиренномудръ еси, не превозношаяся суетнымъ дменіемъ, ниже про-

¹ См.: Ин. 16, 20, 22.

² См.: Ос. 5, 2.

³ Бодый — колющий, пронзающий.

⁴ изводиши *Л'*

⁵ Паноирь (греч. *πανθηρ*) — пантера; барс; львица.

⁶ Остенъ — жало.

дерзая, но сокрушенъ сердцемъ, и вмѣняя себе неключима раба быти, и сокрушенъ духомъ. Аще таковъ смиренномудръ еси, лучше есть твое, о иное, прегрѣшеніе правды мірскихъ, и нужднѣйшы твоя скверны паче великаго житейскихъ очищенія. [Что бо есть, егоже ради скорбиши? Всяко порокъ есть приключившся. Но виждь нѣкоего человека, осмолившася руками, малымъ елеемъ очистившася: много убо паче ты можеши очиститися милостію Божіею. Якоже бо тебѣ нѣсть неудобно омыти твою ризу, тако много паче нѣсть неудобно Господеву омыти тя отъ всякаго порока, аще и на всякъ день; якоже подобно есть, приключается отъ нужды искушеній.] Внегда бо глаголати тебѣ: согрѣшихъ Господеву! — Отвѣтъ дается: *отпущаются ти грѣси твои*¹. Азъ есмь изглаждаю, и не помяну. [Елико бо отстоятъ востоцы отъ западъ, удалилъ отъ тебе грѣхи твоя (Пс. 102, ст. 12) и якоже щедритъ отецъ сыны,] Азъ ущедряю тя, точію ты да не отступиши, ниже отскочиши Избравшаго тя, во еже пѣти и молитися. [Но прилѣпился къ Нему во всемъ животъ твоимъ, или дерзновеніемъ чистымъ, или безстудіемъ благочестивымъ и крѣпкимъ Тому исповѣдаяся, и Той тя очищаетъ Своимъ маніемъ. Яже бо Богъ хотѣніемъ Своимъ очищаетъ, ниже самъ Петръ Верховный осквернити возможетъ, или осудити. Речеса бо къ нему: *яже Богъ очистилъ есть*, ты не оскверни (Дѣян. гл. 10, ст. 15). Аще бо Богъ есть, Иже Своимъ человеколюбіемъ оправдивый насъ, кто есть осуждая ны (Рим. гл. 8, ст. 34)?] Призывающимъ бо намъ имя Господа нашего Иисуса Христа удобъ очищается совѣсть наша. И ничтоже раздѣляетъ между нами же и Пророки и прочіими святыми: не бо положилъ есть насъ Богъ во гнѣвъ, но во снабдѣніе Господемъ нашимъ Иисусъ Христомъ, умершимъ за ны. Да аще бодрствуемъ въ добродѣтеляхъ, аще спимъ по нѣкому обстоянію, яко же подобно есть въ нѣкихъ умаленіяхъ, вкупѣ со Христомъ жи́ви будемъ, къ Нему взирающе съ великими стенаніи, и плачущеся непрестанно, и Того воздышуще. Облечемся убо въ броню вѣры и воспріимемъ шлемъ, надежду спасенія, да не обрящутъ привхода стрѣлы отчаянія и безнадеждія. Но ты глаголеши, яко гнѣваюсь и лютѣ распыхаюсь, егда вижу ничимже искушаемыхъ мірянъ. Но вѣждь, возлюбленне, яко potreбы не имать сатана искушати самоискушаемыхъ и присно на дольняя влекомыхъ житейскими вещьми. Вѣждь же и сіе, яко искушаемымъ почести отлагаются и вѣнцы, не бо не пекущимся о Бозѣ, и взнакъ лежащимъ и храплющимъ міряномъ. [Но азъ, глаголеши, много зѣло искушаемъ есмь, и лядвія моя наполняются поруганій, якоже глаго-

¹ Мф. 9, 2.

летъ Пророкъ¹, и страданіе есть и сляченіе, и нѣсть во плотѣхъ исцѣленія и прилѣжанія о костѣхъ. Но убо близъ великій томимыхъ Врачъ присудствуетъ, понесый немощи наша, и язвою Своею исцѣливый насъ и исцѣляяй, присутствуетъ и нынѣ, наложивъ спасительныя лѣчы. Азъ бо, глаголетъ, поразихъ оставленіемъ, Азъ и исцѣлю: убо да не убоишися, егда бо гнѣвъ ярости Моея уканетъ², паки исцѣлю. [Якоже бо не забудетъ жена еще помиловати исчадіе чрева своего, тако ниже Азъ забуду тебе, глаголетъ Господь (Исаи гл. 49, ст. 15).] Аще бо утробы птицы изливаются къ птенцемъ ея, и на всякъ часъ посѣщаютъ я, и приглашается къ нимъ, и пищу усты тѣмъ подаваетъ; много паче щедроты Моя изливаются на созданія Моя, и много множае утробы Моя на тя изливаются, и посѣщаю тя отай, и бесѣдую къ тебѣ въ умъ, и пищу мысли влагаю, зинувшей яко малой ластовицѣ: пищу бо тебѣ подаю страха лутшаго, и пищу желанія небесна, и пищу воздыханій утѣшенія, и пищу умиленія, и пищу пѣснопѣнія, и пищу разума глубочайша, и пищу Божественныхъ нѣкихъ таинъ; сія глаголя тебѣ Владыка твой и Отецъ, обличаю и заступаю». Сія убо Господь намъ присно бесѣдуетъ помышленіи. Азъ же сего ради многа написахъ, да прочее не къ тому мірянина, но самѣхъ себе точію да ублажаютъ иноцы, иже безъ всякаго прекословія лучшы суть діадимы на главѣ носящихъ, и свѣтлѣйшы и славнѣйшы, яко Богу присно присѣдѣюще³.

Зрите, о возлюбленніи! Коего блаженства сподоби ны Господь, коею любовію возлюби насъ, како возвеличи и превознесе насъ паче всѣхъ мірянъ! Потщимся же убо достойно проходити званіе наше, отвергшися своихъ волей и всѣхъ пристрастій, пожремъ Ему сердца и души наша, прилѣпимся Ему всѣмъ существомъ нашимъ, послужимъ Ему благоугодно, во смиреніи, въ простотѣ и любви нелицемѣрной!

Аще же кто, вознерадивъ о толикой Его благодати, и останется непреклоннымъ въ богопротивныхъ наклонностяхъ своихъ, то есть: аще не восхощетъ по преданію святыхъ отецъ достолично вдатися въ повиновеніе и послушаніе, аще возмалодушествуетъ и не восхощетъ въ легкихъ и удобныхъ иноческихъ дѣлѣхъ трудитися и претерпѣвати, но начнетъ лѣбно, самовластно, противообразно монашеству жителствовати, то како не осудится равно съ оными мірянами, иже безстрашія ради къ Богу, небрежно и развратно живуще, впадаютъ во всякое злочестіе.

¹ См.: Пс. 37.

² Уканути — истечь, излиться

³ Блаженного Іоанна Карпаційскаго «Слово постническо» // Добротолюбіе. Часть четвертая, лл. 16об.–19.

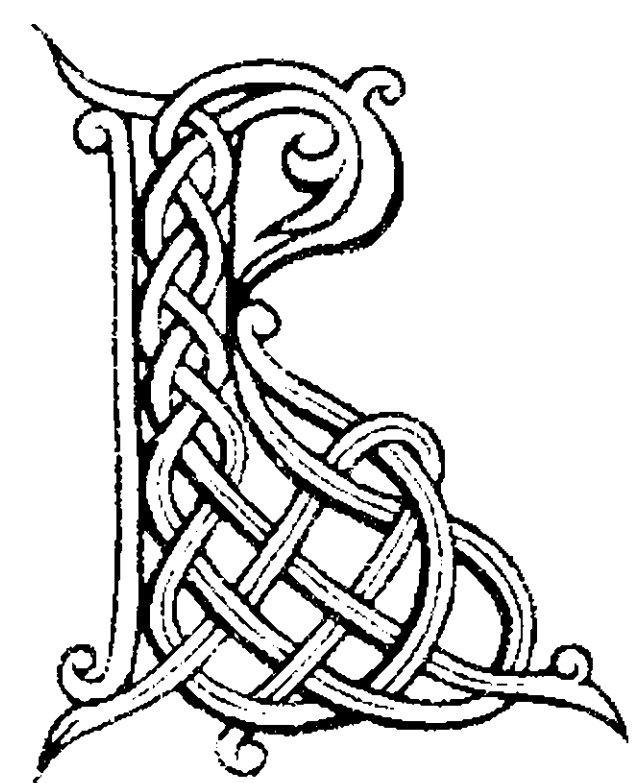
Понеже отъ Бога послѣдуетъ наказаніе не по величеству грѣховъ, но по мѣрѣ душевнаго развращенія: ибо видимъ нѣкоторыхъ и отъ святыхъ, сотворшихъ блуды и убійства и иная злостя, даже со отверженіемъ Самаго Господа Іисуса Христа, но понеже души ихъ не бѣша развращенни, того ради вскорѣ отъ зла отвратившися, восташа и оказаша исправленіе паче паденія, и отъ благодати Божіей въ конецъ не отпадоша и спасошася. Тѣ же, кои, низведшися въ лютая паденія и злочестія, не восхотѣша востати и исправитися, таковыхъ равное показуется безстрашіе, нечувствіе и безстудіе предъ Богомъ, якоже въ мірянинѣ развратномъ и грѣхолобивомъ, паче же мнѣ мнится, яко несравненно болѣе наслѣдуетъ осужденіе и наказаніе инокъ, ибо его нечувствіе и безстрашіе еще болѣе мірянина.

Падать и сокрушатися, и потоплятися на стрѣмнинахъ, въ обуреваніяхъ и въ пучинѣхъ не есть дивно. Тако во многмятежномъ мірѣ живущіи обуреваются, яко въ пучинѣхъ или на стрѣмнинахъ, всякими пестровидными соблазнами, искушеніями и страстями. Иноцы же благоволеніемъ и благодатію Божіею избѣжаша всѣхъ житейскихъ волненій и потопленій, достигше мирнаго пристанища во оградѣ смиренныхъ овецъ Христовыхъ. Аще начнутъ безчинствовать и увлекаться своевольно въ богоненавистныя страсти, пороки и заблужденія, то какое могутъ принести оправданіе и какое улучшить помилованіе?

Аще ли речете, почто такового діаволъ паки не возвращаетъ въ міръ? Того ради, яко въ мірѣ много обрѣтается таковыхъ, имиже, яко орудіями своими, дѣйствуетъ и наноситъ всякіе соблазны, злобы, раздоры, бѣды и смятенія. Во иноцѣхъ же весьма рѣдко обрѣтается таковыхъ безстрашныхъ и развращенныхъ. Къ тому же и вящшую злобу и ненависть имать діаволъ ко инокамъ, яко выну борющимся и сопротивляющимся и побѣждающимъ его; того ради такового безстуднаго и самонравнаго послушника или монаха не прельщаетъ діаволъ обратитися паки на мірское житіе, да пребывая во иночествѣ, вспомошествоуетъ ему въ бореніяхъ, то есть: да смущаетъ міръ, тишину и спокойствіе, да причиняетъ раздоры и пренія, да осуждаетъ, укоряетъ и оскорбляетъ наставниковъ и духовнаго отца своего, да разоряетъ и разрушаетъ порядокъ и уставоположеніе. Таковыхъ ради винъ, оставляетъ и укрѣпляетъ его жити между иноки. А потому, вѣдая сіе, преподобные и богоносные отцы наши и повелѣваютъ таковыхъ, иже не предаются въ повиновеніе и одержимы високоуміемъ, прекословіемъ и самоволіемъ, вскорѣ отлучати и изгоняти отъ обителей, да не вреждаются оными немощнѣйшіи братія.

Егда же узрите инока, во обители злѣ и развращеннѣ, и нерадиво живуща, въ мірскихъ же селеніяхъ и во градѣхъ показующа себе строгаго и непадательнаго подвижника и постника, о такомъ вѣдати подобаетъ, яко уловленъ и объятъ есть бѣсомъ тщеславія и высокоуміи, ибо тщится являти себя предъ мірянами яко безстрастна и благоговѣйна, да почитаютъ и величаютъ его, яко свята и праведна. Таковъ поистиннѣ прельстился есть и влечется прямо въ погибель, яко рабъ и слуга тщеславнаго и гордаго бѣса.

СЛОВО КЪ О ДІАВОЛЬСКОМЪ БОРЕНІИ И О ВСПОМОЩСТВОВАНІИ БОЖІЕЙ БЛАГОДАТИ

рабъ душъ нашихъ діаволъ не столько веселится, нанося намъ тяжкіе и неудобостерпимые мученіи, яко еще въ малыхъ и легкихъ побѣждаетъ насъ. Того ради и тщится прежде малыми [и легкими] прихотми, возжелѣніями и пристрастіями насъ бороти; еще же въ сихъ не побѣдитъ, тогда уже, яко отчаявся, по нуждѣ и неохотнѣ начнетъ наносить всякія неисповѣдимыя лютости, бѣды и печали, да поне оными возможетъ насъ низринуть. Ибо вѣдаетъ извѣстно, яко еще кто окажется въ маломъ и легкомъ нерадивѣ, то никогда не сподобится помощи и благодати Божіей. А иже понуждаетъ себя Бога ради на терпѣніе и тщится противоборствовать врагу, на таковаго Господь ни посылаетъ великую Свою благодать и помощь, да пребываетъ во всѣхъ искушеніяхъ непоколебимъ и силенъ творити всякую добродѣтель. Сего то ради діаволъ, съ самаго вступленія во иночество всякое тщаніе полагаетъ, всякую кознь ухищряетъ, дабы мы нерадивы были и невнимательны къ маловажнымъ согрѣшеніямъ, и чрезъ то обрѣтались бы недостойны къ пріятію помощи и благодати Божіей.

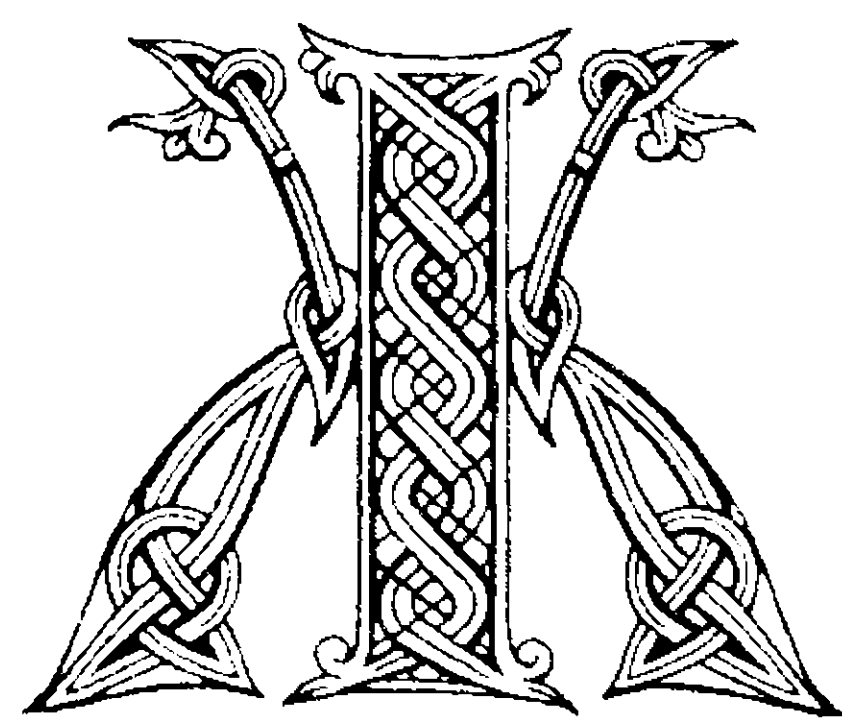
Аще бы Господь не лишалъ Своей благодати и являлъ помощь Свою какъ тщащимся, такъ и нерадивымъ, и всѣхъ спасалъ бы единымъ Своимъ человеколюбіемъ, то что возбранило бы Ему всѣхъ нечестивыхъ срацынъ, іудеевъ¹ и развращенныхъ помиловать туне и ввести въ Царство Небесное? Но такъ какъ Онъ создалъ человека преимущественно отъ всѣхъ животныхъ,

¹ жидовъ Л'

по образу Своему и подобію, то и одарилъ его разумомъ и свободою, а потому и спасаетъ и удостоиваетъ Своей благодати токмо тѣхъ, кои сами вседушнѣ пекутся о своемъ спасеніи и все тщаніе и усердіе показываютъ во благоугожденіи Ему. А кои суть ни теплы, ни студены, таковыхъ имать изблевати, тѣмъ болѣе — ругателей и презрителей Его Божественныхъ велѣній. И Богоматерь Пречистая Богородица воспѣваетъ, [яко]¹ алчущихъ токмо исполняетъ благъ. Того ради вси угодники Божіи не токмо оказывали себе алчущими и горячими, но и въ конецъ истаяша и испепелиша себе во страданіяхъ отъ зѣльно палительныхъ своея къ Богу любви! Якоже святой Златоустъ, ублажая ихъ мученія, глаголетъ: «Не блажи тѣхъ, иже обогашени суть, но тѣхъ блажи, иже мученія претерпѣвають; не тѣхъ, иже въ сладостѣхъ², но иже на сковрадѣхъ обращаются; не тѣхъ, иже обильной трапезѣ присѣдять, но онѣхъ, иже въ конобѣхъ³ кипятъ; не тѣхъ, иже въ плотоугодныхъ баняхъ, но онѣхъ, иже въ лютыхъ пещяхъ; не тѣхъ, иже благоухаютъ ароматы, но онѣхъ, иже дымъ и смрадъ, жегоми суще, отъ ранъ испущаютъ». И якоже Святые мученицы ради лютыхъ своихъ страданій за любовь Божію претлаженни и святости исполненны, сице не терпящии во иночествѣ и безстудно, безстрашно попирающіи смотрѣніе и волю Божію, не терпящи ни малыхъ лишеній и отсѣченій своихъ волей и пристрастій, помраченни и окаянни суть, и не имутъ узрѣти или причаститися славы Божіей.

СЛОВО КЪ

О ЖИЗНИ ИНОЧЕСКОЙ

изнь иноческая есть жизнь покаянія. Но аще дѣлѣ иноческихъ не творимъ, то не творимъ и покаянія, а по сему показуется, яко безъ пользы живемъ во иночествѣ.

Како нежалостно и недостойно плача и рыданія, аще кто, лиша самъ себе всѣхъ житейскихъ сластей, имуществъ, славы и наслажденій, отъ нераденія же своего и отъ непотцанія, погубитъ Царство Небесное и облечется навѣки въ нищету адскую, идѣже не обрѣтается никого ни отъ кого же вспоможенія, или отрады, или ослабленія, но

¹ В квадратных скобках — из Л.

² сладостѣхъ Л

³ Конобъ — горшок, котел.

вѣчное мученіе и рыданіе! И кого же станетъ обвинять таковой о своемъ злополучіи? Господь человѣколюбіемъ Своимъ призва его, и тмы талантъ грѣхопаденій его отъ юности отпусти ему; онъ же вознебрегъ о толикой Божіей благодати и не преста исполняти свою злую волю и домогаться о снисканіи и удовольствіи своихъ прихотей и пристрастій, противяся иноческимъ правиламъ и чрезъ то оскорбляя все братство и отца своего духовнаго. То како не прииметъ вящаго осужденія и наказанія, подобно оному злему рабу, коего повелѣлъ Господь, связавше руцѣ и нозѣ, вовесть въ темницу, дондеже воздастъ послѣдній кодрантъ¹, занеже онъ, воспріявши отъ Бога великое отпущеніе долговъ, не остави еже взыскати своя худая и малая, и тѣмъ озлобляти ближняго. Сиче и отъ такового нечувствительнаго взыщутся не токмо монашескіи грѣхопаденія, но и всѣ прежнія творимыя имъ отъ юности, за презрѣніе благодати Божіей и иноческаго званія.

Святіи же отцы наши не тако, но во всемъ житіи своемъ оказываху вышеестественныя подвиги. Мы же негли въ концѣ жизни уже обрѣтаемся, но и тутъ еще нерадимъ и отъ легкихъ и удобныхъ дѣлъ отрицаемся. Они за любовь Божію питахуся безотрадно суровѣйшими снѣдьми и точію въ нѣкая благословная времена касавшася мало чесого сладкихъ. Въ прочее же время постихася и ²претерпѣваху дотолѣ², дондеже въ конецъ изнемогутъ, и кромѣ воды иного питія не вкушаху³ во всю седмицу. Къ тому же еще труждахуся во всеобщихъ бдѣніяхъ, оскорбляхуся въ долудеганіяхъ, утомляхуся въ продолжительномъ моленіи. Единымъ словомъ, вся законы иноческія съ превосхожденіемъ совершиша, понеже отъ распаленія любви и горячаго раченія своего къ Богу, вся за уметы вмѣниша и нерадиша о плоти своей. Такожде и въ послушаніи терпяху безразсудно; яко скоти, на всякое служеніе издавахуся безъ прекословія, и творяху, яко раби, ни болѣе ни менѣе заповѣданнаго. О томъ точію все тщаніе полагаву, дабы творити все въ угодность и по волѣ духовнаго отца своего, понеже вѣроваху, яко бываемое послушаніе ко отцу вмѣняется, яко повинуется Самому Господу Іисусу Христу по Божественному Его гласу: *слушайъ васъ, Мене слушаетъ*. Того ради по повелѣнію отца безъ сомнѣнія и во огонь и въ воду ввергахуся, и къ дивіимъ звѣремъ неустрашимо хождаху, и въ многихъ неподобныхъ заповѣданіяхъ отнюдь не противорѣча творя-

¹ Кодрантъ — медная римская монета, равна двум лептам.

²⁻² претерпѣваху безъ пищи съ понедѣльника до субботы, жажду претерпѣваху до толѣ, *Л'*

³ В *Л'* этим словомъ кончается предложение.

ху, как то: сухій колъ поливаху, вервь многократно расплетаху, столпы въ церкви прегихаху, инїи же паки ниже ясти прошаху, дондеже самъ отецъ извѣстится и повелить ясти или пити. Понеже единою предавши отцу свою душу и тѣло, къ тому прочее, сами надъ собою уже не имѣяху власти, ниже своимъ мнѣніямъ послѣдоваху. Того ради въ конецъ умерщвленна бѣ въ нихъ своя воля и разсужденіе, и всѣ прихоти, страсти и пожеланїи.

Но какъ всѣ таковыя спасительныя и вышеестественныя подвиги, совершаемыя отъ пламенныя любви и горячаго усердія и вѣры къ Богу, суть поистиннѣ многотрудны и жестоки, понеже превосходятъ преданїи и уставы святыхъ отецъ и могутъ быть выносимы токмо помощію и содѣйствіемъ Божіей благодати, — сице и наважденіемъ діавола творимая вся злая не безтрудна и не безболѣзненна, хотя вмѣстѣ и пагубна. Ибо чрезъ самомнѣніе, презорство и преслушаніе послѣдуетъ скорбь, смущеніе, досада, печаль, вражда, ненависть, равно и отъ невоздержанїя, сладострастія и объяденїя погубляется тѣлесное здравіе, и претерпѣваютъ многоразличныя болѣзни, тяготу, лишеніе силъ, помраченіе ума, трезвеніе¹ совѣсти. Единымъ словомъ, не держащихся преданїй святыхъ отецъ вся жизнь бываетъ исполнена скорбей, туги, унынїя, бѣдъ и отчаянїя. Но какъ подвижающимся и терпящимъ Бога ради уготовася отъ Бога величайшая награда и наслѣдіе Небеснаго Царствїя, тако и по діавольскому обольщенію и влеченію творящимъ злая и грѣховная, по скончанїи жизни со многими бѣдствїями, уготовано вѣчное жесточайшее адское мученіе. [А иже со смиреніемъ, по уставу, сирѣчь глаголемымъ царскимъ путемъ шествуютъ съ неуклоннымъ повиновеніемъ и отсѣченіемъ своей воли, сіи безбѣдно прейдутъ путь житїя сего и милость Божію обрящутъ.

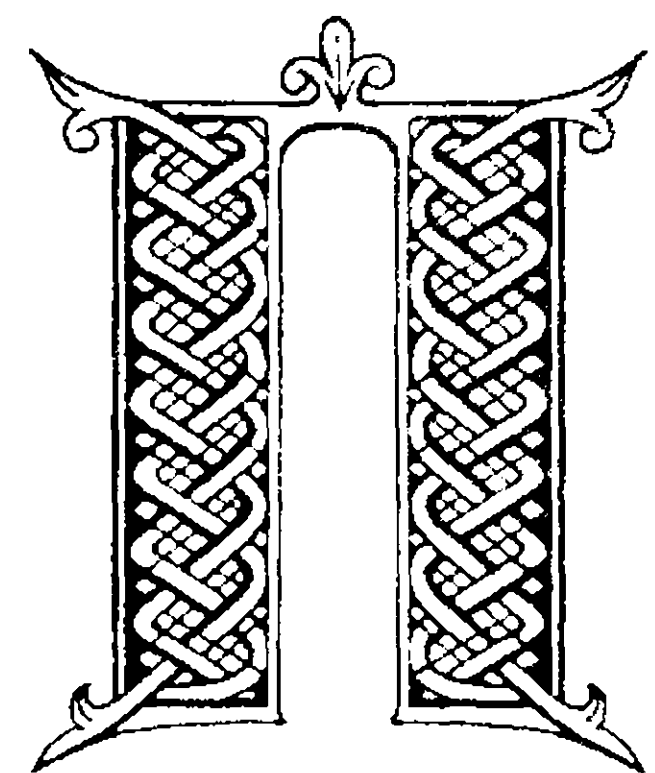
Но и таковыя должны быть внимательны, истязующе строго самихъ себя, — аще не удручены немощію и слабостію сил, да блюдутъ себе — опасно, дабы не прїяти осужденїя за то, яко милостію Божією, пользуясь здравіемъ и крѣпостію тѣлесныхъ сил, не воспостирахуся на вящшія подвиги. Ибо вси святїи, благоугодившіе Господу, въ житїи семъ претерпѣваху разнovidныя скорби, напасти и болѣзни, иные мученичествомъ внидоша въ жизнь вѣчную, въ мирныя же времена жительствовавшїе сами себе удручаху безъ пощаденїя трудами, изнуренїями и различными подвигами, сраспинаша себе Христу въ житїи семъ, дабы прославиться съ Нимъ славою вѣчною въ наслажденїи Его божественной любви.]

¹ терзаніе Л. Л.

Помыслите, возлюбленніи, можемъ ли мы оправдитися не токмо предъ Богомъ и святыми Его, но и сами въ своей совѣсти, аще имѣя силу и крѣпость, не послѣдуемъ стопамъ преподобныхъ отецъ нашихъ, но въ безстрашіи будемъ предаваться лѣности, нѣгѣ и нерадѣнію? Ни, любимицы мои! потщимся и мы при помощи Божіей, не щадя грѣхολюбивой плоти своей, подражать святымъ преподобнымъ отцемъ нашимъ. Будемъ трудолюбнѣ подвизатися въ иноческихъ исправленіяхъ, да и мы во извѣстіи будемъ нашего спасенія, и вкупѣ съ оными сподобимся внити въ вѣчное блаженство.

СЛОВО КЪ

КЪ ПРЕСТАРѢЛЫМЪ ПОБУЖДЕНІЕ КЪ ПОДВИГАМЪ ИНОЧЕСКИМЪ

рестарѣлый, проведши все житіе свое въ суетахъ и попеченіяхъ житейскихъ, а негли въ порочныхъ страстяхъ и грѣхопаденіяхъ, вступая во иночество, не долженъ обмановать и прельщать самого себя, яко довлѣетъ ему единого преселения отъ міра къ удовлетворенію за прежнее житіе, аще и слабо поживетъ, имѣя силы уже изнуренныя и немощи умножившіися.

Азъ же мню, яко не оправдится таковой, аще бы и воспріялъ жити богоугоднѣ, вступивъ въ монашество, ¹и не обвеселится благою надеждою¹, но неминуемо будетъ ощущать въ душѣ своей угрызеніе совѣсти и стыдъ возрѣти на Создателя за утраченіе прежнихъ дней житія своего. Ибо что можетъ воздати Богу за прежде бывшую свою лѣность и небреженіе? Зане аще нынѣ и начнетъ добрѣ жити, то выполнить токмо достодолжное, а никакоже удовлетворить за прошедшее и за всѣ прежде бывшіи грѣхопаденіи, имиже преогорчевалъ и прогнѣвлялъ Господа своего, отъ юности до старости. Аще ли же и въ старости милостію Божіею вступивши во иночество, вознебрежетъ о Его долготерпѣніи и чловѣколюбіи, и такожде пребудетъ нерадивъ, и не восхощетъ понудитися сопротивоборствовать своему мірскому нраву и прихотемъ, и будетъ поступать въ противность чину иноческому, то како не повиненъ будетъ² множайшему осужденію и мученію? Негли уже послѣдний годъ имѣя житія своего, но аще и

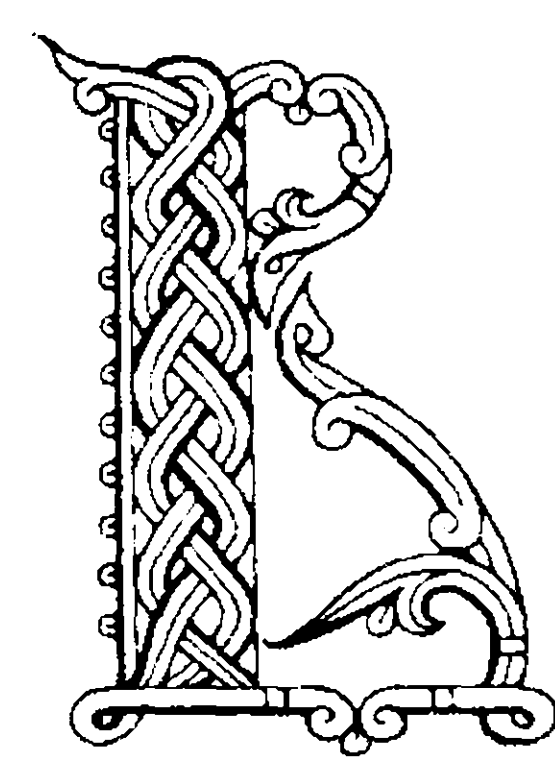
¹⁻¹ не возможно надеждою благою обвеселитися Л '

² обрящется Л

сіе время жизни своей не восхощетъ провести достодолжно [сообразно иноческому званію], како возможетъ чаяти получитьи оставленіе всѣхъ грѣховъ своихъ и вѣнецъ живота вѣчнаго, аще не потерпитъ ничего иноческаго, то есть: ни смиренія, ни кротости, ни согласія, ни безмолвія, ни соборныхъ общихъ правилъ и моленія, ни чтенія и поученія, ни покорности и повиновенія, ни трапезнаго уставнаго учрежденія. Не будетъ ли таковой самъ для себя врагомъ и навѣтникомъ, и не станетъ ли при смерти самъ себя терзать стыдомъ и отчаяніемъ за нечувствіе и ожесточеніе свое, яко за малое оставшееся уже время жизни, ежебы вседушнѣ послужити Господу, своимъ нерадѣніемъ лиши самага себя вѣчной жизни и наслажденія, и низвергается въ пропасти адскіи и безконечное мученіе?

СЛОВО КЪ

О НЕБРЕЖНОМЪ И СТРАСТНОМЪ ЖИТІИ И О ПРЕБЫВАНІИ СВЯТЫХЪ И ПОСЛѢДОВАНІИ ОНѢМЪ

Внемлите, любимицы мои, кое зло наслѣдуетъ таковой, иже, вступивши во иночество, противится правиламъ и преданіямъ святыхъ отецъ, и слѣдуетъ своей волѣ и разсужденію, и предается всякимъ слабостямъ и нерадѣнію. Таковой самое гибельное проводитъ житіе, не обращая къ Богу ни ума своего, ни сердца, но якоже безсловесное животное порабощается чреву, и все свое тщаніе полагаетъ о снисканіи и стяжаніи тлѣнныхъ земныхъ благъ и упокоеніи плоти и сладострастіи. Таковой, вставая отъ одра своего, абіе прежде всего всѣмъ умомъ своимъ низводится къ вымышленію качествъ брашеннаго наслажденія, потомъ и самымъ дѣломъ трудится и тщится уготовати сладостное и тучное брашно, дабы угодити своему чревонеистовству. Чего ради и на утреннихъ моленіяхъ, обѣдняхъ и вечерняхъ стоя, бываетъ аки истуканъ, безъ сокрушенія, безъ страха, безъ умиленія: понеже память о пищи отъемлетъ и изгоняетъ изъ сердца его память Божію. По обѣдѣ же и отягощеніи отъ брашенъ, тщится къ сонному упокоенію. Воставши, аще не имать своего довольнаго имущества, то спѣшитъ къ руководѣлію и до толико въ немъ труждается, яко едва вечернее моленіе возмогаетъ испра-

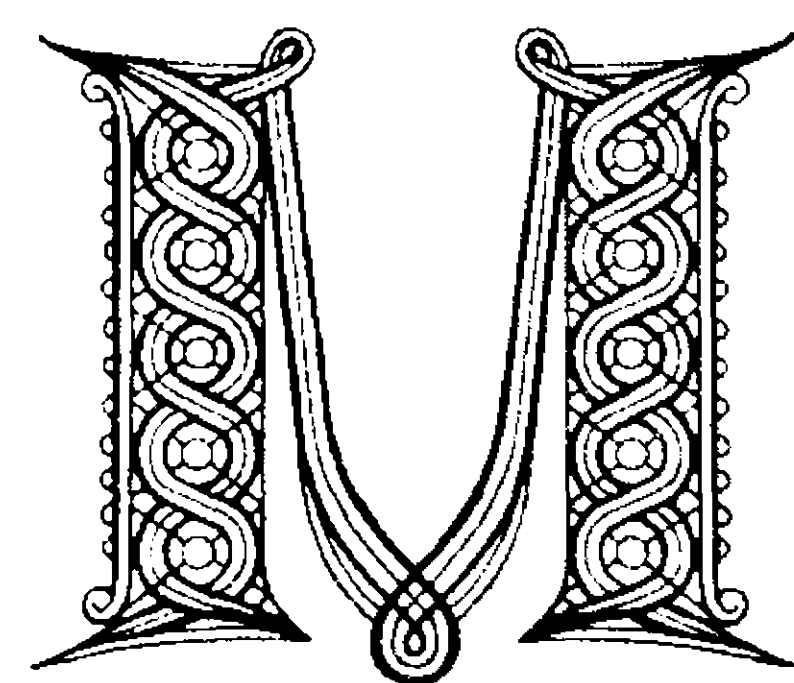
вити, не чувствуя отнюдь ни страха Божія, ни умиленія. Идуще же на нощное свое упокоеніе, абіе съ трезвостію размышляетъ, кое руководѣліе которому родственнику или знакомцу послать, дабы получить удовлетворительную плату. И тако во всѣ сутки не обрѣтается ему времени, еже бы помыслити о мукѣ вѣчной, о грѣсѣхъ своихъ, о судѣ Божіимъ и Царствіи Небесномъ. Равно и святое чтеніе или поученіе слушаетъ съ отягощеніемъ, безъ вниманія, паче же съ негодованіемъ, и вмѣсто пользы, вящшій адъ¹ вливаетъ въ душу свою: ибо не пріемлетъ и не покоряется совѣтомъ и наказаніямъ отца своего, и совершенно попираетъ монашескіи обѣты, [иже суть: о отверженіи своей воли и разума, о нестяжаніи и послушаніи] исполняетъ же съ безстрашіемъ и ожесточеніемъ всѣ свои гибельныи стремленія. Къ тому же еще изнуряетъ время въ суетловіи, въ кощунствахъ, въ осужденіи иныхъ и самага наставника отца своего. Въ таковое же растлѣнное житіе низводится потому, яко увлекается духомъ презорства, тщеславія и славолубія, желаетъ хвалимъ быти, прилежитъ сердцемъ къ домашнимъ и родственникамъ, и хочетъ угождати мірянѣмъ и знаемымъ, поработися чревобѣсію, паче же гортанобѣсію и сладострастію. И сие живуще въ противность преданія святыхъ отецъ, како возможно надѣяться спасеніе уллучити? Како ощутити сладость, уготованную намъ въ Царствіи Божіемъ? Или како поне стяжати страхъ муки вѣчной? Како Господь пріидетъ къ таковому и обитель у него сотворитъ со Отцемъ Своимъ и Духомъ, аще нѣсть въ душѣ онаго ни малѣйшаго мѣста къ Его упокоенію; но весь вседушнѣ пригвоздися, ово къ міролюбцамъ и празднымъ бесѣдамъ, ово излишественною и безгодною любовію къ сродникамъ, ово къ сластолюбію, къ стяжанію и сребролюбію, ово ко упокоенію плоти, къ нѣгѣ и праздности. Господу же Богу своему не хочетъ посвятити ни единого часа во все деннонощное время! Святые же отцы наши чрезъ всю жизнь свою вседушнѣ умомъ и сердцемъ пригвожены быша любовію ко Господу, и не токмо о домашнихъ и сродницѣхъ не помышляху и не творяху никоего промышленія, но аще когда невольно низведошася памятію о нихъ или о чемъ-либо житейскомъ, то вельми о томъ печаловаху, окаяваху и оскорбляху себе. Самое необходимое для жизни своей послуженіе творяху со отягощеніемъ, умомъ и сердцемъ непрестанно и вседушнѣ простиралися къ богомыслію и горнему своему званію. Но и тако опасно охраняюще себе, извѣствуютъ насъ, яко едва

¹ ядъ Л'

возможно достигнути небеснаго блаженства. А потому, еще [и]¹ мы не потщимся вседушнѣ послѣдовати стопамъ ихъ, то гдѣ обрящемся?

Въ нынѣшнемъ же нашемъ житіи гдѣ видится опасность и строгое поведеніе, где вѣра и истинная любовь и преданіе, гдѣ повиновеніе и совершенное послушаніе, гдѣ смиреніе и къ Богу священный страхъ и благоговѣніе? Еще же болѣе наслѣдуемъ осужденія за то самое, яко благодатію Его жительствоуемъ въ такомъ удобномъ мѣстѣ, способствующемъ къ нашему спасенію и удаленномъ отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ. — Тѣмже молю васъ, возлюбленніи, потщитесь вседушнѣ благоугождати Господу во всѣхъ путехъ вашихъ, да внидете съ мудрыми дѣвами въ небесный чертогъ Его и пріимете ²неувядаемый вѣнецъ² отъ руки Самаго Господа, возлюбившаго васъ, избравшаго отъ міра и усвоившаго Себѣ обрученіемъ святаго иноческаго, паче же ангельскаго образа. Не нерадите о толикой Его благодати. Возлюбите и вы Его вседушнѣ! И якоже со свѣтильниками, съ пламенѣющими сердцами грядите къ горнему званію, уповая на всеильную Его помощь, ввѣряся покрову и заступленію Пренепорочной и Премилосердой Его Матери — Пречистѣй Дѣвѣ Богородицѣ.

СЛОВО КЪ О ТЩАТЕЛЬНОМЪ ЖИТІИ И ОТКРОВЕНІИ СОВѢСТИ

Многіе идутъ въ монашество, дабы избѣжати точію дѣйствительныхъ грѣховъ и соблазновъ, то есть: сребролюбія, блуда, піанства, хищенія и подобныхъ сему. Иные же отъ должностей бѣгутъ, ³отъ трудовъ³ хотяще быти свободну и спокойнѣйшее имѣти житіе. И тако пришедши во иночество, безпечно жительствоуютъ, яко достигшіи своего желанія. Нерадятъ ни о подвигахъ иноческихъ, ни о томъ, дабы стяжати чистоту сердца и достигнути безстрастія.

Вступившій во иночество не на твердомъ показуется основаніи, аще не тщится домогаться о стяжаніи иноческихъ добро-

¹ В квадратных скобках — из Л.

²⁻² неувядаемые вѣнцы Л'

³⁻³ отъ податей, отъ трудовъ и работъ Л'

дѣтелей, иже суть смиренномудріе, любовь и безстрастіе, и еще не хочетъ скорбное житіе провождати, паче же еще жительствоетъ сокровеннѣ и утаеннѣ отъ отца своего. Гдѣ у такового преданіи святыхъ отецъ, кои заповѣдуютъ всѣ тайны сердца и дѣла, бываемыя ежедневно, открывать отцу? Како же возможно случающіяся нынѣ погрѣшности чистѣ открывать, еще прежде бывшихъ не объявилъ? Жительствова же столь скрытно отъ отца и опираясь на свой разумъ, явно показываетъ, яко нерадитъ о исполненіи монашескихъ обязанностей, кои состоятъ въ чистомъ откровеніи и повиновеніи ко отцу и въ душевномъ преданіи.

Сего ради и самъ отецъ имѣетъ такового брата яко нѣкоего сосѣда или судію, судящаго и зазирающаго всѣхъ и самаго отца; а потому не тако и отецъ привязанъ къ таковому духовною о Бозѣ любовію, какъ достоинъ къ ученику и духовному сыну. Къ истинному ученику и послушнику непрестанно изъясняются¹ отъ отца совѣты и наставленіи, и день со дня возрастаетъ и утверждается духовная о Бозѣ любовь и единоклюбіе: ибо ученикъ, видя отца своего толико о немъ пекущагося, вседушнѣ предается ему съ чистымъ откровеніемъ въ безразсудное повиновеніе. Отецъ же, зря ученика своего сиче къ нему любовна, вѣрна, послушна, откровенна и во всемъ истинствующа, любитъ его какъ сына, паче же имать его яко свое сердце.

Того ради часто происходятъ между братіями неудовольствіи, немирствіи, зависти, ссоры, роптаніи другъ на друга и на самаго Отца, видя его отеческую горячую любовь къ оному, а къ нимъ холодность. Но какъ возможно отцу быть единоклюбну съ такими, кои сами не склонны къ нему и не откровенны и противоборственны? Той же, яко истинный ученикъ и исполнитель отеческихъ преданій и иноческихъ правилъ, обнаживъ всѣ тайны сердца своего отъ самой юности, и чистою любовію и вѣрою вседушнѣ предался и прилѣпился отцу своему неотторжнѣ, съ совершеннымъ самоотверженіемъ.

Къ таковымъ же и святой Василій Великій повелѣваетъ быть вящше благосклонну. И Самъ Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, во всемъ Собою подавая намъ образъ, да подражаемъ и послѣдуемъ Ему, не всѣхъ учениковъ Своихъ имѣяше въ равной любви и приближеніи. Тако и отцу невозможно и не подобаетъ равну быть съ онѣми, кои не пріемлютъ и не любятъ его обличеній, и не покорны и не откровенны къ нему.

¹ изливаются *Л, Л'*

СЛОВО КѢ

О СЛУЩЕНІИ БРАТА ЗА ЛЮБОВЬ ОТЦА КЪ ИСКРЕННЕМУ СВОЕМУ УЧЕНИКУ

Разсмотримъ братнюю откровенность, паче же недугъ его душевный, еже онъ яви о себѣ, глаголя, яко скорбитъ и смущается о томъ, почто старецъ столь любитъ и уважаетъ преданнаго ему ученика и сына духовнаго, иже и сожительствуетъ съ нимъ.

Въ таковое негодование, паче же наругованіе¹ діавольское снисходитъ потому, яко самъ живетъ, слѣдуя своему разуму, презирая совѣты и поученіи старца, и не хочетъ предатися въ истинное повиновеніе, того ради и неволею поддается діаволамъ и ихъ лщенію [повинуется]. Ибо они, аще увидятъ Ангела Хранителя, отдалившагося ради презорства и зависти и братоненавидѣнія онаго, тогда собравши весь свой гибельный ядъ, напаяютъ его и сотворяютъ подобна себѣ, яко бѣсна, а потому и не можетъ братъ терпѣти того, еже есть богоугодно и паче всего любезно, то есть: еже бы жити отцу со ученикомъ во истинной любви и единомушіи.

Кажется, во всемъ мірѣ не видится, дабы кто негодовалъ за то, яко Божіе благоволеніе исполняется. Онъ же скорбитъ, почто отецъ съ братомъ живутъ въ сходство завѣщанія Евангельскаго, и терзается, мятется о томъ, почто старецъ не измѣняется и не предлагается отъ богоугодной любви и смиренномудрія въ противное Богу презорство, почто не пренебрегаетъ преданнаго ему брата и не взимается надъ нимъ властно, но смиряется и приѣмлетъ его совѣты, по подобію Апостола Павла, иже хотя самъ и совершенъ бѣ, но съ меньшими его Апостолы совѣтова и поучися отъ Ананіи.

О злоумне! Отъ сего самаго познай, яко ты держишися² во власти вражіей², ибо самъ чувствуешь свою неправость и знаешь точно, что зависть таковая отъ врага. То о семъ ли гибельномъ пороку небрежетъ и не содрагается, который поистиннѣ уподобляется Каину, возненавидѣвшему своего брата Авеля за то едино, яко вседушною любовію преданъ бѣ Господу и самое лучшее приношеніе принесе Ему въ жертву, чего ради и самъ любимъ бысть отъ Бога, и жертва его бѣ Ему благопріятна. Каинъ же, напротивъ, не восхотѣ самъ подражати брату своему и до толико

¹ Наругованіе — глумление, оскорбление.

^{2,2} во области вражіей Л; во области врага Л'

низведеса завистию и злобою на него, яко и убити его не уст-
рашися.

Да внемлетъ братъ сему примѣру и да блюдетъ себе опасно,
дабы не низвестися злобою и завистию до погибели. Ибо за что и
онъ терзается, мучится, свирѣпствуетъ, и ни день ни ночь не об-
рѣтаетъ покоя, якоже самъ возвѣсти о себѣ, точію о томъ, почто
Отець не отвращается отъ брата, но любитъ и отечески печется
о душѣ его, и утѣшается его любовію и истиннымъ преданіемъ,
паче же подражаніемъ его святымъ Апостоламъ и Самому Господу,
послушливу бывшу Своему Отцу Небесному. Онъ же злобный
и завистливый братъ, видя таковое равноангельное согласіе Отца
съ ученикомъ, до толико предается свирѣпству и смущенію, яко
мертвымъ желалъ бы узрѣти его, аще бы было возможно. А по-
тому, да трепещетъ о душѣ своей, дабы не вмѣнился сей недугъ
его, подобно первому братоубійцѣ Каину.

Поистиннѣ страшно и вельми жалостно устроеніе, паче же
низведеніе въ бѣснованіе души таковаго брата, и достоитъ какъ
Старцу, такожде и всему братству молитися о немъ. Но да раз-
смотримъ и разсудимъ самъ братъ, сколь лють и безчеловѣченъ
сей его недугъ и злоба, и сколь великъ врагъ и непріятель есть
онъ брату тому, яко не щадя собственного спасенія и души,
тщится и домогается о томъ, дабы лишить смиреннаго того оте-
ческой любви и попеченія, которое дороже для него самой жиз-
ни. Понеже чесо ради онъ толикою любовію привязался къ отцу,
яко удалися отъ всѣхъ своихъ родныхъ и близкихъ, и ниже
ищетъ духовныхъ содружествъ, но весь душею прилѣпился отцу
своему, въ немже полагаетъ и свое спасеніе. И до толико доро-
житъ имъ, яко ниже на Небеси хочетъ безъ своего отца¹ пребы-
вати, но молить Господа, дабы не точію здѣсь, но и въ вѣчности
быти неразлучну со отцемъ. И послѣ таковаго преданія, естли
бы возмоглъ онъ злонравный братъ лишить его любви отчей,
то не паче ли самой смерти нанесъ ему ударъ? Но, хотя при по-
мощи Божіей до толико не возможетъ воздѣйствовать вражіе ко-
варство и злоба, но все страшно, дабы не вмѣнилось ему отъ Бога
въ самое дѣло, судящаго и по намѣренію.

Аще же братъ речетъ, яко жестоко азъ написахъ сіе, то да
внемлетъ еще къ оному и слова святаго Златоуста: «Толико есть
благо миръ и любовь, яко Сыномъ Божіимъ нарицается, того
Творцемъ и Создателемъ. Въ лѣпоту, зане и Сынъ Божій сего ра-
ди прииде на землю, еже примирити, миръ сотворити хотяй яже
на земли и яже на небесѣхъ. Аще же миротворцы сынове суть
Божіи, убо враждотворцы суть сынове діавола. (Что глаголеши,

¹ старца Л

распри и рати влагаеши? И кто сие окаяненъ, рече) суть бо мнози радующіи о злыхъ и тѣло Христово растерзающіи паче, неже воины копіемъ пресѣкоша или Іудеи гвоздми прободоша. Оное сего есть меньшее зло; онѣи пресѣчени бывши уди, паки совокупишася; сѣи же отторгшеся, аще здѣ не совокупятся, но пребываютъ исполненія внѣ».

И такъ сей, завистію и самочиніемъ одержимый, да зритъ нынѣ самъ себе, во что и въ каковую діавольскую гибель низводится, яко и самыхъ жидовъ-распинателей ненавистнѣе есть предъ Богомъ. Ибо Христосъ страдалъ по волѣ Своей, дабы привести всѣхъ ко отцу и соединить миромъ и любовію. Онъ же враждуетъ на любовь и согласіе. Но аще бы убоялся столь страшнаго осужденія и премѣнился бы самъ, то и самъ соединился бы любовію со отцемъ и съ братомъ, и восчувствовалъ бы въ себѣ яко обновленіе и просвѣщеніе благодатію Христовою. И не токмо здѣсь, пребылъ бы прочее въ мирѣ и радованіи, но и при кончинѣ безбоязненно предалъ бы душу свою въ руцѣ Распявшагося за любовь къ міру.

СЛОВО КЪ

О ОТКРОВЕНІИ ЧУЖДЫХЪ ГРѢХОВЪ И О НАКАЗАНІИ¹

Почто, о послушнике! боишися отеческаго наказанія, и того ради хочещи пребывать безъ откровенія, не возвѣщая ему съ истинною тайностей твоего сердца? Возлагаемая отъ отца епитимія или канонъ не муку, но милость вѣчную у Бога ходатайствуютъ. Который больной не радуется о цѣлебныхъ врачествахъ, но всѣ, кои не объявляютъ врачу своихъ язвъ, не получаютъ отъ него и исцѣленія. Помысли, каковыя ради выгоды отецъ твой сие печалію снѣдается и томится заботою о тебѣ: не того ли ради, дабы ты сподобился внити въ Царство Небесное? Не того ли ради и удручаетъ тебя епитиміями и наказаніями, дабы очистить душу твою отъ богоненавистныхъ страстей и пороковъ? Не туне отъ Святыя Церкви установлены епитиміи, отлученіи и каноны, но для нашего спасенія и очищенія. Естьли же отъ отца твоего налагаемыя на тебя епитиміи² не пріимеши, и

¹ О откровеніи и наказаніи *Л'*

² наказанія *Л'*

совѣтовъ и обличеній отмещишися, творити же сопротивное не престаеши, то како хочещи спасенъ быти?

Ты страшишися пріяти отъ отца епитимію, спасенія ходатайственную; отецъ же самъ тмokratно болѣе страшится, облагая тебя оною, дабы не поступить съ тобою безразсудно и не подпасть за то самому подъ гнѣвъ Божій. А потому съ крайнимъ опасеніемъ, призывая въ помощь Самаго Бога, разсуждаетъ первѣе, и когда извѣстится въ душѣ своей, тогда уже по неволѣ, съ великимъ нехотѣніемъ и страхомъ облагаетъ тебя нѣкимъ озлобленіемъ и наказаніемъ, яко предъ Самимъ Богомъ, истязующимъ сердца, и твою душу [взыскующимъ] отъ руки Его. Ты же, видя отца твоего, сице тебе ради бѣдствующаго, печалующаго и трепещущаго, дабы самому за тебя не быть отвержену отъ Бога, не страшишися и еще къ тому самъ на него разсвирѣпѣть, прекословить, роптать за наказаніи, и пребывать безъ откровенія. [Како не трепещи самъ?]

Како мниши явитися суду Божію, аще съ толикою любовію пекущагося о тебѣ отца презираеши и сопротивнѣ, небрежнѣ и чуждѣ съ нимъ жительствуеши? Посему то и не пользуютъ таковаго брата епитиміи, ниже самое отлученіе отъ братства и лишеніе общихъ молитвъ, но паче умножаютъ недугъ и увеличивается зло, понеже о запрещеніи и негодованіи отца своего не печалуетъ, ниже о разлученіи духовнаго братскаго союза болѣзнуетъ, ниже въ чувство раскаятельное приходитъ, но токмо стыда ради отъ зрящихъ скорбитъ и боится, дабы поста или труда нѣкоего не возложили на него. А за отлученіе отъ братства негли еще радуется, хотяще имѣти болѣе свободы къ исполненію своей воли. Къ тому же не внемлетъ, яко отлученный, аще пребываетъ въ своемъ упорствѣ, то бываетъ отлученъ отъ Христа и обнажается Божіей благодати, и въ конецъ подрученъ дѣлается врагу. Напротивъ же, аще со смиреніемъ и всякою покорностію и раскаяніемъ и съ сокрушеніемъ исполняетъ обложенный канонъ или отлученіе, то сподобляется не точію прощенія, но и многую Божію благодать привлекаетъ въ свою душу.

Нѣсть и не можетъ быти лютѣйшаго недуга во инокѣ, аще отцу не открываетъ своихъ пороковъ. Лютѣе же еще и того, аще оскорбляется на тѣхъ, кои ово отъ соболѣзнованія и усерднаго къ нему расположенія, ово страшася гнѣва Божія за нестараніе охранить брата отъ гибели, ово же повинуюся повелѣнію святыхъ отецъ, дабы объявлять отцу о порокахъ брата, того ради и возвѣщаютъ о немъ отцу. И надлежало бы таковыхъ любить и уважать яко благодѣтелей и споспѣшниковъ его спасенія, но онъ вмѣсто того ненавидитъ, ропщетъ и негодуетъ на таковыхъ, яко на враговъ своихъ.

Но не должно отнюдь уважать¹ и опасаться такового его безразсуднаго негодованія и чрезъ то молчать и не объявлять отцу о его порокахъ, ибо хотя бы тмokratно злословилъ, ропталъ и возненавидѣлъ за попеченіе о его исправленіи и спасеніи, но чрезъ таковое его нечувствіе еще болѣе отъ Бога награда пекущимся о немъ яко истиннымъ богоподражателемъ, ибо и Богъ ненавидящихъ Его и хулящихъ не оставилъ безъ Отческаго Своего Промысла и попеченія, но ово законами, ово пророками наказывалъ и поучалъ, и наконецъ Самъ принесъ Себе въ жертву за спасеніе погибающихъ. И чрезъ то многіе, познавъ Его Божественное человѣколюбное смотрѣніе, просвѣтились душою и уязвились Божественною Его любовію, и вседушнѣ, всѣмъ существомъ своимъ предались Ему яко Творцу и Богу.

Сице и сей братъ, одержимый лютымъ недугованіемъ, ненавидитъ и враждуетъ на тѣхъ, кои пекутся о его спасеніи и охраняютъ его со отцемъ вкупѣ. Когда же очуствуется и вразумится, тогда искреннѣ возблагодаритъ за то, что его не оставили въ такомъ недузѣ совершенно погибнути. Аще же онъ и неисцѣленъ пребудетъ навсегда, то пекущіеся о немъ неповинни обрящутся и воспримутъ отъ Господа мзду за любовь и терпѣніе.

Кто же истинно желаетъ спастися, тотъ не токмо не будетъ негодовать, но и самъ со смиреніемъ умоляетъ все братство, дабы замѣчали пороки его и возвѣщали отцу. Но и самъ не утаиваетъ погрѣшностей и пороковъ своихъ, зане вѣруетъ, яко живетъ съ братіями благоговѣйными и богобоящимися. А посему не опасаяся возлагается на ихъ совѣты и испрашиваетъ со усердіемъ ихъ [святыхъ] молитвъ, ибо чѣмъ болѣе имѣть будетъ молитвенниковъ и помощниковъ спасенія, тѣмъ тверже и сильнѣе содѣлается самъ противъ всѣхъ борющихся его пороковъ и страстей.

Того ради аввы и отцы духовные повелѣваютъ иногда, дабы самъ братъ открывалъ всему братству о всѣхъ своихъ грѣхопаденіяхъ. Иногда же сами отцы предъ всѣмъ братствомъ изобличаютъ его, дабы временнымъ стыдомъ избавить душу его отъ вѣчнаго стыда. Еще же и для того, дабы внушить всему братству сожалѣніе о душѣ его, да вкупѣ единодушно со отцемъ воспомоществовали его спасенію и своими молитвами умилоствовали бы о немъ Господа.

Кто можетъ самъ себе толико охранити и воспользовати, елико духовное и единодушное братство? Къ тому же любовь и простосердечіе тогда токмо истинно познавается, егда желаетъ и тщится жити съ братією единодушно и ничего не имѣть скрыт-

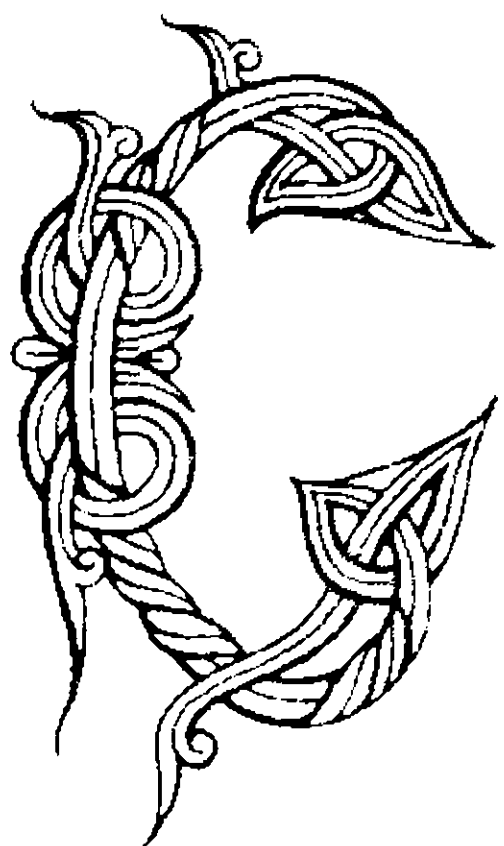
¹ Здесь: уважать — принимать во внимание (*диалектн.*).

наго, то есть ни добродѣтелей, ни пороковъ [своихъ не утаеваетъ]. Аще же хотя въ малѣйшѣмъ чемъ-либо не истинствуетъ предъ отцемъ своимъ духовнымъ и братіею, то отъ сего ясно показуется, яко не привязался къ нимъ истинною о Господѣ любовію, но паче обладанъ есть духомъ презорства, иже и подвижетъ его на злобу и на ненависть къ тѣмъ, кои пекутся о его исправленіи и спасеніи, къ тому же дѣлаетъ его самомнительнымъ и самонадѣтельнымъ.

Единодушные же братіи и связанные союзомъ святой любви, охраняютъ и остерегаютъ другъ друга отъ всякихъ пороковъ и слабостей, и братнее исправленіе или паденіе имѣютъ какъ свое, а потому и тщатся вседушнѣ вспомошествовать другъ другу. Который же, видя погрѣшность или порокъ брата, и оставляетъ безъ вниманія, ни самъ его не увѣщавая, ни отцу не возвѣщая, таковой осудится яко виновный его погибели, какъ пишетъ святой Василій Великій [въ правилахъ иноческихъ]: «Всякій грѣхъ долженъ быть объявленъ настоятелю, либо отъ самаго согрѣшившаго, либо отъ имѣющаго свѣдѣніе объ ономъ. Утаеніе грѣха недугующему смерть уготовляетъ, жало бо, рече, смерти — грѣхъ. Лучше обличенія откровенна тайныя любви. Сего ради да никтоже сокрываетъ грѣха другаго брата, да не братоубійцею вмѣсто братолюбца будетъ, ниже самъ своихъ. Не исцѣляяй бо, рече, себе въ своихъ дѣлѣхъ братъ есть погубляющему себе самаго».

А посему, какъ послушнику бесполезно и безуспѣшно жити при отцѣ безъ преданія и чистосердечнаго откровенія, сие и отцу невозможно и бѣдственно имѣть такового въ своемъ окормленіи, ибо не вѣдая ни пристрастій, ни склонностей, ни свойствъ брата, како возможетъ безошибочно исправляти его пороки и искореняти въ немъ страсти и обычаи, коихъ не вѣдаетъ, а потому легко можетъ въ невѣдѣніи самъ питать его страсти и чесать его струпы. Отъ Бога же неминуемо долженъ быть истязанъ за душу брата, аще удержитъ его при себѣ. А потому, если самъ братъ не отходитъ отъ отца, но и не покоряется святымъ правиламъ и пребываетъ упоренъ и не исправленъ, тогда отцу благословно самому отдалити и отчуждити отъ себя такового. Ибо всѣ ученики, кои вѣрою и любовію о Бозѣ преданы отцу своему, то сами не терпятъ, дабы имѣть что-либо утаенное отъ него, зане твердо вѣрують быти въ руцѣ пастыря своего животу и смерти ихъ. Таковой, по глаголу Симеона Новаго Богослова, никогдаже противуречетъ, но во всемъ вседушнѣ повинуется ему. Азъ же паки глаголю всякому послушнику, да не тратитъ всеу времени своего житія, аще не хочетъ во всемъ покарятися и согласно съ преданіями святыхъ отецъ жити.

СЛОВО КЪ О ЕПИТІИЯХЪ САМОВОЛЬНЫХЪ

колько велико есть заблужденіе тѣхъ, кои мнятъ быти притрудно и неудобъ носимо иго послушанія и преданія отцу! Надѣются же самовольно безъ самоотверженія достигнути вѣчнаго блаженства и благоугодити Господу, но не помыслятъ того, аще истиннымъ и смиреннымъ послушникомъ налагаются отъ отцевъ разнovidные наказанія и епитиміи за погрѣшности для конечнаго¹ ихъ очищенія и безстрастія. То кольми паче самомнительные и непокоривые не могутъ уллучити прощенія грѣховъ своихъ и достигнути спасенія, аще не удручатъ себе произвольно тяжчайшими озлобленіями и подвигами. Но и тогда останутся безъ извѣщенія, аще удовлетворится оными правосудіе Божіе. Одно непокорство и сопротивленіе преданіямъ и правиламъ преподобныхъ отецъ, благоугодившихъ Ему, болѣе осудитъ ихъ, нежели всѣ человѣческіи грѣхопаденія и немощи покорныхъ и смиренныхъ послушниковъ, кои, предавшеся отцу съ вѣрою безразсудно, исполняя все заповѣдаемое имъ, безбѣдно отходятъ отъ житія сего и съ извѣщеніемъ предають души своя въ руцѣ Господа, не бояся грозныхъ испытаній Страшнаго Суда Его. Сохранивъ вѣру и послушаніе ко отцу своему до смерти, пріемлють отъ него въ напутствіе благую надежду и упованіе милости Божіей, вѣчнаго покоя и наслажденія.

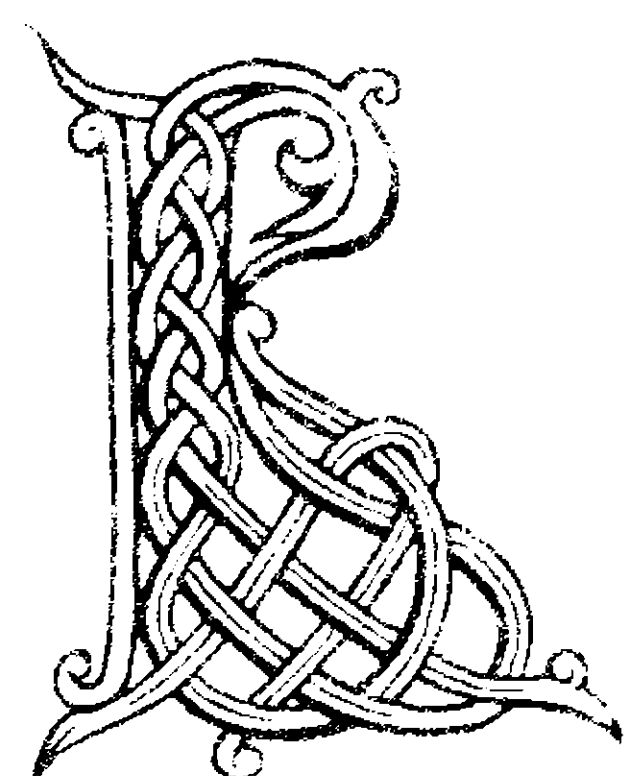
Сего блаженства, то есть извѣщенія при исходѣ души, неуповательно, дабы могъ достигнуть самомнительный и самовольный инокъ, ибо жительствова слабо и нерадиво, пользуясь свободою, не поработая себя никому и во всемъ исполняя свои прихоти и пристрастіи, неминуемо осудится паче мірянъ за искаженіе монашескихъ правилъ и уставовъ, и нанося собою соблазнъ не токмо соживущимъ съ нимъ братіямъ, но и міряномъ. Аще же и воспріять бы житіе подвижническое, озлобляя и изнуряя себе тяжкими подвигами, но и тогда сомнительно и не безбѣдно будетъ его спасеніе, ибо къ самочинію и самомнѣнію удобно вкрадается діавольская лѣсть и окраденіе, а паче за то, яко жительствова съ братіями покорными и послушными, не восхотѣ подражати² смиренной ихъ жизни, но воспріять иной путь, самонадѣянный, многотрудный, опасный, и безызвѣстный².

¹ совершеннаго Л'

²⁻² смиренному и богоугодному ихъ жительству, но самонадѣятельно уклонился и воспріять иной путь, о которомъ вси святіи отцы извѣствуютъ, яко есть многотруденъ, опасенъ и безызвѣстенъ. Л'

СЛОВО КН

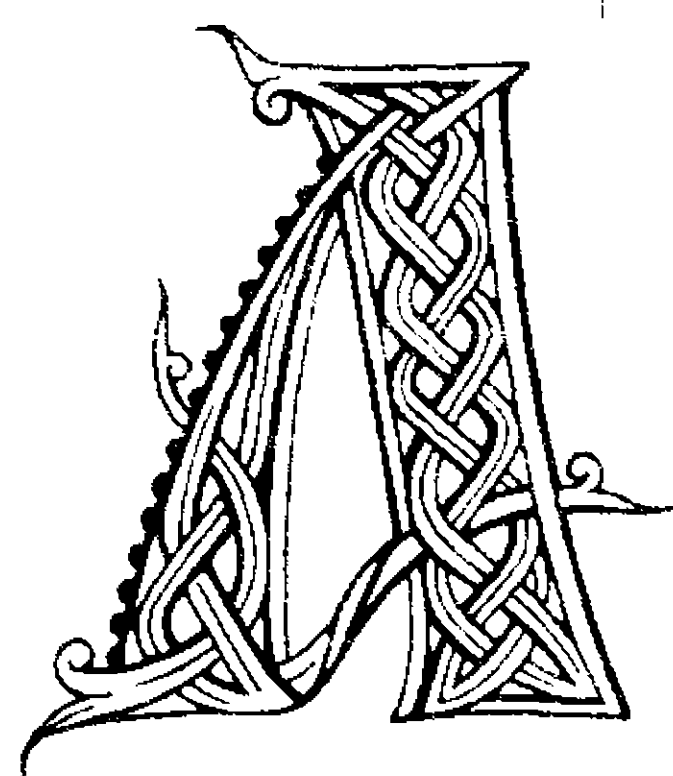
О ЕЖЕ НЕ ОПРАВДОВАТИ СЕБЕ И НЕ ЛЮБОПРѢТИСЯ

Всякіе пороки злы суть и душевредны, но паче люто и губительно есть самооправданіе и любопрѣніе. Рцы, кая тебѣ польза, аще оспориши Отца твоего и оправдишися предѣ братією? Сіе не исходатайствуетъ тебѣ Небеснаго Царствія, но паче вѣчною мукою угрожаетъ. Аще ты предѣ людьми ищешь себѣ оправданія, то како претерпишь отъ Бога обличеніе и осужденіе предѣ всѣми Святыми и предѣ Ангелы Его, егда станетъ по правосудію Своему объявлять твои грѣхи и истязывать¹ добрыхъ дѣяній? Аще же претерпишь доблѣстvenно здѣ въ жизни твоей и обличеніи, и осужденіи, и скорби, праведно и неправедно тебѣ наносимыя, тогда съ дерзновеніемъ речеши ко Господу: «Боже мой, хотя и не подвизался я въ жестокихъ подвигахъ за мои беззаконіи и грѣхопаденіи, но имене ради Твоего, и исполняя обѣты иноческіи, не искалъ отъ чловѣкъ себѣ оправданія, но терпѣлъ всѣ наносимыя мнѣ обиды и неправды. Тѣмже и Ты, Господи, чловѣколюбно прости всѣ мои [неправды и] грѣхопаденіи, коими я озлоблялъ Твое долготерпѣніе и благость!» Тѣмже паче всего діаволъ нудитъ иноковъ любопрѣтися въ самооправданіи, ибо вѣдаетъ, яко аще претерпятъ и отринуть отъ себе самооправданіе, то отъ Бога будутъ оправданы.

СЛОВО К-Ф

О ЛЮБОПРѢНІИ НЕПОВИННЫХЪ И ПОГРѢШНЫХЪ

Аще братъ будетъ тцатися и испытovati и якобы любопрѣтися со отцемъ не того ради, дабы свое мнѣніе утвердити, но дабы обрѣсти незаблудное разсужденіе, сицевое тцаніе добро есть и похвально. Аще же усиліе свое полагаетъ въ любопрѣніи, дабы чрезъ то явиться преимущественнѣе разумомъ и вѣдѣніемъ предѣ отцемъ своимъ и преимѣти себе паче братій, таковый никогда правдѣ Божіей, то есть уставу иноческому, не повинется и праваго разсужденія не сподобится, но постраждетъ подобно жидамъ, о нихже Апостолъ Павелъ рече: *свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася*². Ибо и

¹ Здесь: узнавать, исследовать.

² Рим. 10, 3.

книжницы фарисеи быша премудри, но своего ради киченія отъ праваго разума отпадоша.

Тѣмже аще хочетъ братъ быти премудръ, то да жительствуетъ въ незлобіи, простотѣ и смиренномудріи, подобствуя младенцамъ. И за то пріиметъ отъ Бога премудрость и откровеніе, по глаголу Христову, ко Отцу своему: *яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ*¹. Таково есть и нынѣ благоволѣніе Божіе: отъемлетъ отъ гордыхъ и самомнительныхъ Божественную благодать Свою и ниспосылаетъ оную смиреннымъ, кроткимъ и трепещущимъ Божественныхъ словесъ Его, исполняющимъ святую всеблагую волю Его, и покаряющимся правиламъ и преданіямъ святыхъ отецъ.

СЛОВО Л

О ЛГУЩИХЪ ПРОТИВУ СВОЕГО СПАСЕНІЯ²

Ногда вступающій во иночество предается отцу въ повиновеніе, обѣщаетъ выполнять всѣ правила уставоположенія, показываетъ горячее предложеніе и усердіе ко всѣмъ трудностямъ и подвигамъ. Однимъ словомъ, убѣждаетъ отца поступать съ нимъ по примѣру упоминаемаго въ «Лѣствицѣ», иже рече къ своему отцу: «Якоже желѣзо въ руку ковача, тако и азъ въ руку твоею предаюся, куй, якоже хочеши»³. По маломъ же времени забываетъ свое предложеніе и не токмо не терпитъ коватися, но ниже и малѣйшаго оскорбленія пріемлетъ, ни выносить общаго житія и правилъ: тяготится послушаніями, не хочетъ удовлетворяться братскою трапезою, отвращается отъ единокущія, и яко нѣкій ратникъ непримиримый, всѣхъ тревожитъ и оскорбляетъ, и о томъ токмо домогается, дабы во всемъ исполнялась его воля и хотѣніи; аще же не получаетъ по своему желанію, тогда со смущеніемъ и роптою самага наставника въ лице поносить дерзаетъ и заочно жалуется, ропщетъ, все братство наваждаетъ, дабы уничижительно поносить отца своего. И тщится со всѣмъ усиліемъ, дабы всѣ его разсужденію повиновались, дабы и самъ отецъ принималъ его совѣты. Но аще бы отецъ по снисхожденію въ нѣчесомъ и послушалъ бы его, то сіе паки будетъ поводомъ къ вѣщшей гордости его и возношенію. Аще же

¹ Мф. 11, 25.

² О лгущихъ противъ своего обѣщанія Л'

³ Слово 4, гл. 23.

станетъ отъметать совѣты его и разсужденіе и не слушать и не уважать его, яко буйяго и строптиваго, то сіе будетъ невыносимо не только ему, но трудно и самому отцу, иже хочетъ, дабы ученицы жили при немъ въ любви, а не въ боязни, и повиновались бы ему Бога ради со смиреніемъ и кротостію, и доброхотнѣ за любовь Божію исполняли бы всѣ правила и уставоположенія обители. Недужный же и немощствующій долженствуетъ извѣствовать со всею истинною, якоже Самому Богу, тако и отцу своему, о болѣзняхъ своихъ и немощахъ и принимать съ вѣрою, аще повелитъ претерпѣвати Бога ради или попуститъ нѣкую ослабу противъ общежительнаго уставоположенія. Но и тогда таковой, то есть немощный, со страхомъ и опасностію долженъ пользоваться отеческимъ снисхожденіемъ и молити Бога, да не отлучитъ его въ вѣчности отъ единомушнихъ братій, исполняющихъ вѣрно и неуклонно свои обѣты и подвиги иноческіи. А за слабое свое житіе долженъ смиряться и съ чистою любовію и благоговѣніемъ пребывать ко отцу и ко всѣмъ братіямъ, и молити ихъ яко стяжавшихъ дерзновение предъ Господѣмъ своими трудами и подвижническимъ житіемъ, да ходатайствуютъ о немъ, слабомъ и немощномъ. И за таковое его смиреніе благодать Божія восполняетъ его немощи и даруетъ ему равную часть въ достояніи праведныхъ.

Аще же, невзирая на немощи и недуги, повелитъ отецъ претерпѣвати болѣзненно и не уклоняться отъ правилъ общежительныхъ, тогда, покаявша вседушнѣ и вѣруя несумнѣнно, яко извѣствуемый Самимъ Богомъ отецъ тако заповѣдуетъ ему, и безъ скорби и смущенія съ вѣрою и любовію претерпѣвати до конца, аще бы тѣмъ самымъ сокращалось и житіе его, и уповати, яко Господь за молитвы и предстательство отца пріиметъ его яко мученика и упокоитъ во Царствіи Своемъ. Таковой поистиннѣ, яко желѣзо въ руку ковача или яко злато въ горнилѣ, тако и онъ очищенною душею возсіяетъ во Царствіи Небесномъ!

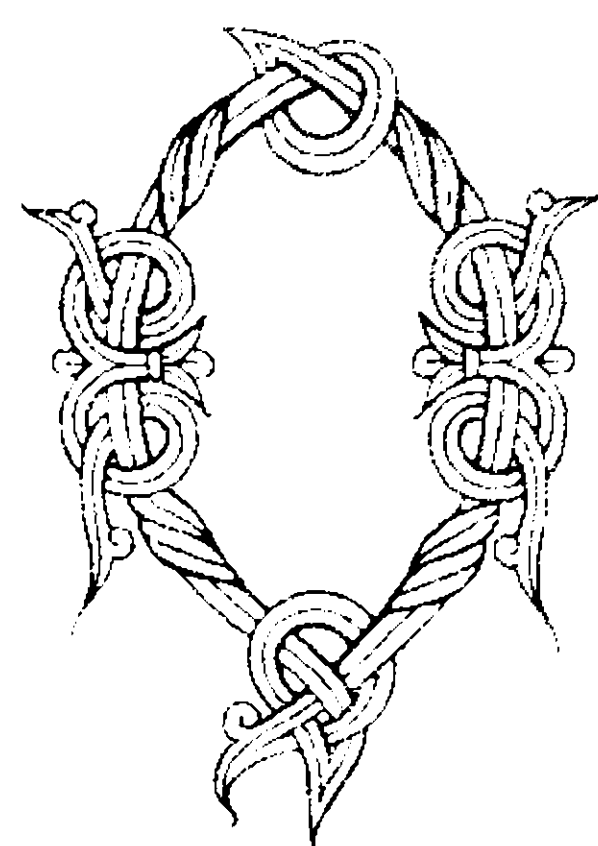
Онъ же строптивый братъ самъ извѣствуетъ, яко не одержимъ ни болѣзнями, ни немощами тѣлесными, но во всей крѣпости и силѣ тако неистовствуетъ и злобится, не токмо не желая самъ покаятися правиламъ общежитія, но негодуетъ и злобствуетъ на тѣхъ, кои съ усерднымъ произволеніемъ воздерживаются и подвизаются Бога ради. Иныхъ же слабыхъ и малодушныхъ тщится соблазнять и совращати съ правого пути, да будутъ общники страстей и слабостей его, невоздержанію и всѣмъ его сопротивленіямъ и буйству.

Таковой аще самъ не отъидетъ и не отлучится отъ братства, то пріиметъ осужденіе съ діаволомъ, смущающимъ и разоряющимъ мирное и согласное братское содружество и единеніе.

Таковаго и неволею заповѣдуютъ святыя отцы изгоняти, глаголя: изгони смущающаго, да изыдетъ съ нимъ и смущеніе.

СЛОВО ЛА

О ОСТАВЛЕНІИ И НЕОСТАВЛЕНІИ БРАТСТВА ¹

оставити братію и не оставити, во обоемъ зрится великій грѣхъ: то есть, аще братія пребываютъ благопокорны, смиренны и любовны, неропотливы, ко всякому повелѣнію готовы и склонны, тогда невозможно отъ такого братства ни брату нѣкому, ни самому отцу другъ отъ друга разлучитися, но неминуюемо должны всѣ неразторжнымъ союзомъ Христовымъ связаны быти до конца своей жизни точію для вѣщаго богомыслия. Праведно показуется разлучитися другъ отъ друга въ особствование, еже есть въ уединеніе для безмолвія, по волѣ и благословенію отца.

Но и тогда таковыя, аще и будутъ разлучатися на нѣкое опредѣленное время, но духомъ и согласіемъ, и мнѣніемъ, и дѣлами, и вещами будутъ нераздѣльны. То есть во всѣхъ единъ нравъ, едино хотѣніе, едино тѣсаніе, едино уставоположеніе, нѣсть различія ни въ пищи, ни въ одѣянніи, ни въ стяжаніи, ни въ руководѣліи, но всѣ и во всемъ являютъ совершенное послушаніе и отверженіе въ конецъ своей воли. Отъ всего такого отвращаются, еже нѣкако преимуществуетъ [паче] братій, или не сходствуетъ уставоположенію обители, или негодно показуется начальствующему ими отцу, и дѣлаетъ раздоръ и несогласіе.

Аще ли же сопротивно сему братія будутъ жити, самонравно, прекословно, не уважая и не слушая наставленій отца своего, тогда отъ таковыхъ аще не удалится отецъ, то сугубъ вредъ составляетъ: первое, самага себя лишаетъ отецъ мирныя внутреннія тишины и спокойствія умнаго, труждаяся и томяся въ тщетныхъ и бесполезныхъ размышленіяхъ, понеже труждается и печется о исправленіи и спасеніи таковыхъ, кои попираютъ свою совѣсть и отвращаютъ, небрегутъ о пользѣ, внушаемой имъ, чрезъ что сугубъ грѣхъ и осужденіе наслѣдуютъ.

Егда же въ братствѣ обрѣтается единъ тако непокоривый и самочинный, и не будетъ отверженъ, то никогда не возможетъ исправитися и не познаетъ, не возчувствуетъ своего злаго устройства, никогда не возможетъ стяжати смиренія: ибо живя съ

¹ О оставленіи и неоставленіи, то есть о разлученіи Л'

такою діавольскою дерзостію, презорствомъ, прекословіємъ и съ неоткровеніємъ, не возможесть познати, ниже восчувствовати такового своего душегубительнаго обдержанія, но якоже самъ умовреднымъ своимъ лщеніємъ согниваетъ, сице и немощнѣйшихъ братій къ тому влечетъ. Происходящій же вредъ взыщется на наставникъ, почто не отринулъ такового, ибо чрезъ изгнаніе или отдаленіе негли смирился бы и восчувствовалъ и притеклъ бы съ обращеніємъ и раскаяніємъ, и пожилъ бы прочее съ кротостію и согласіємъ, во всемъ повинуюся и покаяряся отцу своему и смиряяся предъ братствомъ.

Аще же отверженный и въ запрещеніи находяся, не восхощетъ восчувствовати своего окаянства и обратиться съ истиннымъ покаяніємъ къ духовному отцу своему, но воспріиметъ самъ себе управляти, то да въдаеть, яко неминуемо долженъ прилагати величайшіи подвиги и пощеніе, и самоуничижительное во всемъ смиреніе, осуждая самага себя, и болѣзненно окайвая, да негли за смиренножестокое пребываніе и удрученіе Господь помилуетъ его.

Обаче и тогда вельми опасно, дабы постъ его и жестокое удрученіе, бдѣніи, долугеганіи, вретіще и нищетское пребываніе, и всякіи разнovidніи подвиги и труды да не будутъ споспѣшествомъ бѣсовскимъ, понеже діаволь, вящшее отъявше отъ него, еже есть корень и глава, и основаніе, и совершенство — сіе есть хриstopодражательное послушаніе, любовь и смиреніе, — прочее даетъ охоту ему на всякіи и неумѣстные подвиги, да живя самъ о себѣ и претерпѣвая въ жестокомъ постничестве, возмнитъ себе быти свята и высокоподвижна, и чрезъ то погрузитъ въ пагубное діавольское мнѣніе, гордыню, тщеславіе и презорство.

Господь по чelовѣколюбію и благи Своей не узаконopожилъ намъ жестокаго пощенія, ни зѣльнаго удрученія и изнуренія, но реклъ: соблюдай заповѣди Моя, *той есть любяй Мя*¹. Главное же заповѣданіе Божіе состоитъ въ томъ: да жительствуемъ въ мирѣ, любви и согласіи. Несовершенные и юные должны съ кротостію и смиреніємъ пребывать въ повиновеніи и послушаніи у духовныхъ отцевъ и старцевъ, якоже чада богобоязныя и боголюбивыя. Совершенные же да повинуются правиламъ и уставамъ Святыя Церкви по Божественному заповѣданію: *слушай васъ, Мене слушаетъ*, а иже не повинуется Церкви, будетъ яко язычникъ и мытарь. Все же святыя отцы единогласно утверждаютъ, яко живущимъ во иночествѣ, кромѣ послушанія, безнадежно достигнути спасенія. Слѣдовательно, той, иже отпадетъ отъ послушанія и вознебрегши о отцѣ своемъ, хотя уда-

¹ Ин. 14, 21.

вится отъ подвиговъ и истаеъ отъ поста, но аще не обратится ко отцу и не воспріиметъ жити въ повиновеніи съ вѣрою, съ откровеніемъ и смиреніемъ, то отчаятельно его спасеніе, и всеу иждиваетъ дни своя.

Чего же¹ достоинъ той, иже ради своихъ страстей и прихотей и самоугодія оставляетъ духовное братство и отца своего, и попираетъ всѣ правила и преданіи святыхъ отецъ? Ибо сказано: аще кромѣ благословныя вины кто отступитъ отъ братства и отъ духовнаго отца своего, то за сіе бываетъ подобенъ Іудѣ предателю, отлучившемуся отъ Христа и отъ ученикъ Его. Что можетъ еще быть страшнѣе и ужаснѣе сего изреченія? И како таковой мнитъ предстати на Страшномъ Судѣ предъ Господомъ, кіими очесы узритъ Христа, поругавшись Его Божественному благоволенію и поправши правила и заповѣданіи святыхъ Его угодниковъ, учителей и свѣтильниковъ всего міра? Къ нимже Самъ Господь глаголетъ во Святомъ Евангеліи: *вы есте свѣтъ міра*² и *слушай васъ, Мене слушаетъ, и отменяяся васъ, Мене отменяется*³. А посему всякъ, иже хочетъ спастися и благоугодити Господу, неотложно долженъ держатися заповѣданій святыхъ отецъ и неуклонно слѣдовать ихъ правиламъ.

СЛОВО ЛВ

О БЕЗГОДНОСТИ И ВРЕДНОСТИ СОДРУЖЕСТВЪ

Истинному послушнику не долженствуетъ прилѣплятися душею ни къ чему вѣнѣшнему и земному. Аще ли же еще къ чему прилѣпляется, то еще не умеръ, но живетъ міру. И естли возлагается на свое мудрованіе, а отца своего презираетъ, то отчаятельно такового спасеніе. Всему такому развращенію часто виновны бываютъ у новоначальных потаенныя междоусобныя содружества и бесѣды: ибо другъ друга поучаютъ и совѣтуютъ, како жити, въ чемъ повиноватися и въ чемъ сопротивлятися, и втайнѣ поносятъ и пересуживаютъ отца своего и благоговѣйную братію, и бѣгаютъ, отдаляются оныхъ.

Духовные отцы и богобоязныя братія и истинные послушники охраняютъ другъ друга отъ всякія вражія лести и козни. И аще видятъ брата малодушествовающаго и унывающаго, то вси

¹ Исправлено по Л' (в рукописи ошибочно: не).

² Мф. 5, 14.

³ Лк. 10, 16.

единодушно увѣщаваютъ, и на терпѣніе и подвижничество поощряютъ и укрѣпляютъ.

Напротивъ же сего, не предающіися въ повиновеніе отцу неминуемо уловляются и впадаютъ въ сѣти діавола. Дружащися самовольно подъ видомъ духовныя любви, вольностію своею необузданною самихъ себя низводятъ до послѣднія бездны погибели! Надѣясь другъ на друга, начинаютъ первѣе нерадѣти о отцѣ своемъ и учителѣ, и презирати наставленіи и повелѣніи его. И прочее вознебрегше о послушаніи, въ тягость уже содѣлывается для таковыхъ самое присутствіе отца, и болѣе съ нимъ не терпятъ жити. А потомъ, удалившись и оставивъ своего по Божѣ отца [и наставника], неудержимо влекутся въ погибель, исполняя свободно всѣ страстныи свои стремленіи и хотѣніи.

Доколѣ пребываетъ единъ, не имущи никого себѣ единомысленна и содружественна, то хотя по самонравію и самолюбію своему ¹негодовалъ и отягощался¹ бы его поученіями, но негли хотя съ насиліемъ себѣ и по неволѣ повиновался бы и не отлучался отъ отца и отъ всего братства. А чрезъ таковое его нуждное и свободное терпѣніе, негли предъ благодатію Божіею оказался бы яко нуждникъ Царствія Небеснаго.

Чрезъ содружество же и соединеніе съ другимъ отторгается отъ отца и предается вкупѣ своей необузданной волѣ и желаніямъ, за что неминуемо пріиметъ осужденіе отъ Бога. Онъ съ нимъ подружившійся, яко бывшій причиною разврата его и погибели, еще же и на себе самага навлекаетъ клятву святыхъ соборныхъ отецъ, ибо они въ кормчей книгѣ глаголютъ: «Кто пріобщается съ отлученными, той самъ да будетъ отлученъ. А съ проклятыми, да будетъ проклятъ». И потому онъ за свое соединеніе и содружество, вмѣсто спасенія, находится подъ клятвою и отлученіемъ святыхъ отецъ.

Аще бы и самъ старецъ, бояся угрожений Святаго Писанія, отметнулся отъ онаго брата, благословныхъ ради винъ, то есть ради его непокорства и самомнѣнія, то довѣло бы оному другому брату не сообщаться съ нимъ, по глаголу святыхъ отецъ и святаго Іоанна Златоуста, дабы призналъ свой душевредный презоривый нравъ. Но вмѣсто того чрезъ содружественное съ нимъ сожитіе путь подаде ему къ вящему [презорству и] непокорству и не попусти ему прійти въ познаніе своего недуга и раскаяніе.

Но негли и сей другой братъ того ради присоединился къ оному прежде упомянутому въ сожитіе, яко и самъ такожде не хочетъ разстатися съ своею волею, и такожде тщится исполняти свои прихотныя и страстныя пожеланія и наклонности, и сово-

¹⁻¹ негодовалъ, и не любилъ бы отца своего, и отягощался *Л*

купно хочуть управлятися своимъ разумомъ, а не слѣдовати преданнымъ отъ святыхъ правиламъ, но таковыхъ всѣхъ, яко блудящихъ и безпристанищныхъ, удобъ прельщаетъ и уловляетъ врагъ. Понеже своя воля, по глаголу преподобнаго Пимена, — яко стѣна мѣдяная между Богомъ и человѣкомъ. И паки: «Иже добровольнѣ не покоряется волѣ Божіей, таковой и неволею покоряется врагу». [Живущихъ во иночествѣ при отцѣ и хотящихъ быти самовластными, таковыхъ всѣхъ иноческое любомудріе отвергаетъ, понеже уподобляются онѣмъ и сопричитаются области того и собору, иже за непокорность и сопротивление Богу сверженны съ небесъ. Якоже глаголетъ Іоаннъ Лѣствичникъ: «Всякой непокоривый и презоривый не требуетъ бѣса, понеже самъ себѣ бѣсъ и ратникъ!»

Подобно сему глаголетъ Симеонъ Новый Богословъ во гл. 42: «Впадая въ прекословіе и невѣріе, еже къ духовному отцу своему и учителю, въ сѣть и глубину адову, еще живъ сый, окаяннѣ низводится, и домъ сатанинъ и всякія его силы, бываетъ яко непокоривъ и сынъ погибели».

Напротивъ же сего, о послушаніи глаголетъ Григорій Синаитъ во гл. 106: «Послушаніе съ вѣрою и простотою предпочтительнѣе всѣхъ действовать, всѣ страсти единою отсѣче: и не точію безмолвія достигъ, но уже то и послушаніемъ соверши, и обрѣтъ Христа, и подражатель Его и рабъ, и бывъ и глаголемъ».

То како не лучше держатися преданнаго спасительнаго пути? То есть жити подъ управленіемъ, съ покорностію и повиновеніемъ? Ибо токмо самъ врагъ діаволъ влагаетъ и подущаетъ, ежебы безъ благословныя вины отмѣтатися отъ отца и отъ смиреннаго послушанія и, съ высокоуміемъ вознадѣявшееся на себе, по своей волѣ жити, и чрезъ то предъ очесы Божіими оказатися гнусными и презрительными, якоже самъ сатана. По глаголу святаго Григорія Синаита во гл. 121: «Преслушаніе — адская уста; прекословіе же — языкъ его, яко мечъ остръ; самоугодіе же — изощренніи зубы его; оправданіе же — гортань его; отдыханіе же всепожирающаго чрева его есть мнѣніе, сопровождающее ко аду». То аще и не отступая отъ отца, таковыхъ ради пороковъ, столь ненавистными, паче же гибельными, себе устрояютъ. То каковаго осужденія достойны будутъ тѣи, кои съ таковыми пороками, но еще и вовсе отторгнутся отъ отца? Ибо непообладаннымъ отъ таковыхъ пороковъ невозможно, и безумно есть оставить отца и братію. И такъ подобаетъ таковымъ помыслити и почувствоватися, въ каковую пропасть низводятъ они сами себе отъ своего своеумія и самонадѣянія.

Ей, возлюбленніи! Тяжко и невмѣстимо зрѣти таковыхъ, самовольно хотящихъ погрузити себе въ сицевую явную погибель!

Помыслите и вразумитесь отъ сего: аще Апостолъ Павелъ, отъ Самаго Господа призванный, и сосудъ избранный нареченный, но и того посла Самъ Господь ко Ананіи, да наставится и просвѣтитъ отъ него. Но и всѣ святіи апостоли, святіи преподобніи и сами ангели обрѣтаются въ повиновеніи и послушаніи. Къ тому же еще и Самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ явилъ Свое послушаніе, не токмо Небесному Отцу Своему и Пречистой, Истинной Матери Своей по плоти, но и мнимому отцу Своему Іосифу. Яко же речено есть во святомъ Евангеліи: *«И бѣ повинуюся има»*¹. То намъ ли многострастнымъ можно чаяти спастися и угодити Господу, отскочивши отъ повиновенія и руководства отеческаго? Ей, возлюбленніи, страшно, дабы не послѣдовало съ таковыми по подобію онаго, еже описа преподобный авва Дорофей: иже первѣ нача презирати старца Зосима, потомъ иныхъ святыхъ отецъ, потомъ святыхъ апостолъ, и тако пріиде въ совершенную гордыню, и въ хуленіе на Самаго Бога, и наконецъ изъ ума изступи. Тако не остатися бы и онимъ въ обладаніи діавола; ибо безъ наставника, по глаголу преподобнаго аввы Дорофея, яко листъ падаетъ. И по глаголу святаго Каллиста: *«Хотя и многая постническая и подвижническая дѣла будемъ сѣяти, но увы! Вмѣсто пшеницы, плевелы пожнемъ»*. И паки: *«Безъ наставника — яко чрезъ канавы имамы скакати»*. И паки глаголетъ: *«Хотяй дерзностно безъ наставника жити, отъ Бога и Небеснаго свѣтлаго наслѣдія, и соборныя Апостольскія Цѣркве отторгатися и отлучатися, и во тму и огнь отсылатися тайнонауцаемся и вѣруемъ»*. И паки: *«Что же, восхоцетъ ли кто прилучившагося пути коснутися безъ наставника непрелѣстна, не у² познавъ онаго? Еще же и пучины морскія безъ искуснаго кормчаго, подобнѣ же и каковыя либо хитрости и художества — безъ учителя непогрѣшна? Хитрости же хитростей, и художества художествъ, и ко Богу ведущія стези, и безмѣрныя мысленныя пучины, сирѣчь жительства, еже уподобися ангельскому житію, смѣетъ ли кто начинати обучатися? И конецъ сего вѣруетъ ли себѣ получитьи безъ наставника и кормчаго, и искуснаго и истиннаго учителя? Таковой воистинну, каковъ бы ни былъ, умомъ себе прельщаетъ, и прежде, еже положить начало, умомъ прельстися, яко не по закону обучаяйся, якоже и напротивъ, отеческимъ повинуюся положеніямъ, прежде даже не пойде, конца достиже»*. Якоже глаголетъ святой Лѣстничникъ: *«Ниже падая отходи отъ послушанія, тогда бо паче врача множае требуемъ. Иже съ помощію о камень ногу преткнувый, безъ помощи сый, не преткнутися*

¹ Лк. 2, 51.

² Здесь: еще.

точію, но и умрети хотяше всяко. Аще бо кто, рече, съ наставникомъ искуснымъ грѣховную рану подымаше, и съ окормителемъ истопленіе пострадаше, но не погибаше совершеннѣ. Не имый же того, и совершеннѣ хотяше погибнути». И паки: «Лишай слѣпаго — вождя, и паству — пастыря, скитающагося — наставника, младенца — отца его, недугующаго — врача, корабля — кормчія, всѣмъ бо бѣду исходатайствуетъ. Безъ помощи сый и противу духовъ братися начинай, умаряется отъ нихъ». Чудо же, по глаголу Григорія Синаита, воистинну, и отъ неизреченныхъ сущее, и непостижимое, егоже сотвори Господь: дабы единою добродѣтелію, сирѣчь послушаніемъ, не косненно востещи на небеса, якоже и единымъ преслушаніемъ — снисхономъ и нисходимъ во адъ». Сего ради и глаголетъ Θεодоръ Едесскій: «Со отцемъ духовнымъ вселився, и пользу ощутивъ отъ него, никтоже тя да отлучитъ отъ любви его и совокупленія, ... понеже назнаменовавше разумѣхомъ и ясно научихомся, яко въ покореніи отечествѣмъ пребывающимъ зѣло завидятъ врази живота нашего бѣси, скрежещуще зубы своими на ня, и всякія ухитряюще козни, еже отступити имъ, и лишитися отеческихъ нѣдръ. И вины показываютъ имъ яко благословныя, въ раздраженіе приводятъ, ненависть на отца возставаютъ, того наказанія яко блядословія являютъ, обличенія же, яко стрѣлы изощренны, подтыкаютъ»¹. Тебѣ же, въ покореніи отчи сущу, вражія борющая тя леть да не утаится, ни обѣщанія своего, яже къ Богу, забывай, но Владычнее въ сердце положивъ слово: яко *претерпѣвый... до конца, той спасенъ будетъ*².]

Се, зрите, сколь погрѣшно и безразсудно таковыя поступаютъ, кои благосклонно обращаются, паче же дружатся и соединяются съ таковымъ, на коего отецъ праведнѣ негодуетъ или отмещетъ отъ себе. Таковыя главнѣйшими подстрекателями къ вящему разстройству бываютъ и паче множае погрѣшаютъ, неже самый оный братъ, во злѣ живущий, понеже сей развращенный негли и во исправленіе подвиглся бы чрезъ тщательное о немъ отеческое стараніе. Видя же нѣкоторыхъ братій къ нему благосклонныхъ, еще же и содружественныхъ, уже не мнитъ себе быти повинна, но паче порицаетъ отца и благоговѣйныхъ братій и утверждаетъ во злѣ, глаголя въ себѣ: «Аще бы азъ повиненъ быхъ, то все братство вкупѣ со отцемъ вознегодовало бы на меня, но се, сіи со мною суть». И тако дружество и безгодная къ нему пріязнь и любовь препоною бываютъ онаго исправленію, и

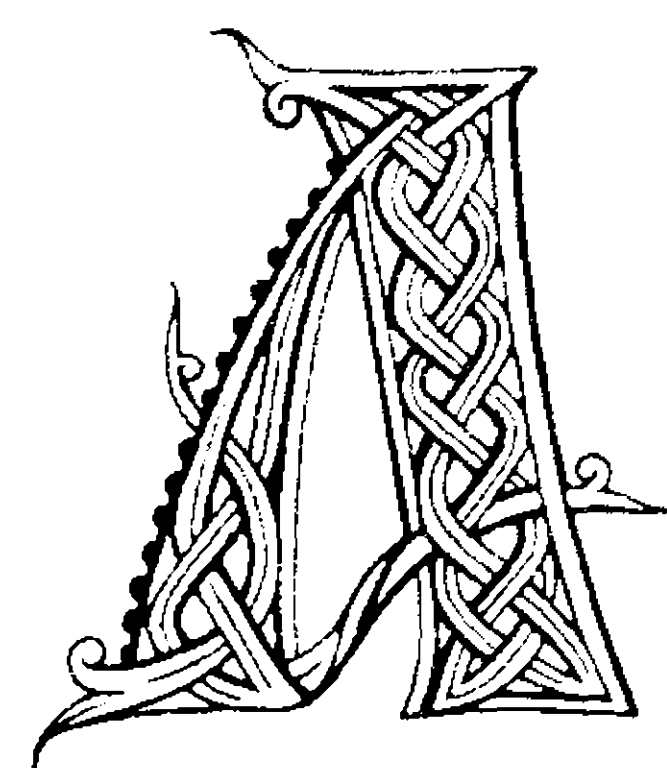
¹ Главы дѣтельныя преподобнаго отца нашего Θεодора Едесскаго. 40, 44 // Добротолубіе. Часть четвертая, л. 155об.

² Мф. 10, 22.

отеческое о немъ стараніе остается тщетнымъ. А посему содружествующіи съ запрещеннымъ или отлученнымъ обрѣтаются истыми его врагами, не попускающими ему пріити во исправленіе. Имущій язву удобно можетъ исцѣлится; возбраняющій же и не допускающій врачевства смерть наноситъ. Слѣдовательно, болѣе достойнъ ненависти возбраняющій врачевать, нежели имущій язву. Тако болѣе достойнъ осужденія ласкающій порочнаго, нежели ¹онъ самъ¹.

СЛОВО АГ

О ИСТИННОМЪ И ПРЕЛЪЩЕННОМЪ ПОСЛУШАНІИ

Аще послушникъ претерпитъ три года въ неразумномъ повиновеніи у отца духовнаго со всякимъ покореніемъ, самоотверженіемъ и смиреніемъ, тогда благословно и праведно почитать таковаго въ чину духовнаго брата, и ему негли неблаженно и благоугодно будетъ оставить слабо живущаго отца и воспріяти высочайшую и подвижнѣйшую жизнь или, живуще вообще, преподавати совѣты къ вящему подвижничеству и воздержанію.

Аще же, не бывши въ совершенномъ повиновеніи, восхоцетъ жити при отцѣ въ чину совѣтническомъ, еже происходитъ отъ високоумія и гордыни, то таковой никогда отнюдь не сподобится пріяти и восчувствовать таинственнаго утѣшенія, ниспосылаемаго отъ благодати Божіей за кроткое, смиренномудрое и неистязуемое² послушаніе. Проведши же многая лѣта въ чисто-сердечномъ [и истинномъ] послушаніи, преуспѣваютъ и дѣлаются, благодатию Божіею, истиннии смиренномудрыи нестяжатели, истиннии любители и духовные любомудрцы, таинники и сообщники отцу своему и не прелестные совѣтники всякому человеку. [Аще же который братъ, прежде времени, то есть, прежде, нежели пріидетъ въ совершенное безстрастіе, восхоцетъ быть совѣтникомъ, то воистинну таковой прельстися, и никогда не возможетъ обрѣсти ни спокойствія, ни мира душевнаго, но во всякой вещи, во всякомъ своемъ служеніи, не престанетъ испытывать: почто сіе, почто тако? Паче же начнетъ продерзостно оспоривать каждаго брата и противорѣчить, окрадая себе лукавымъ мнѣніемъ, яко тщится содѣлать лучше и полезнѣе. Но

¹⁻¹ самъ порочный. Л'

² Неистязуемое — здесь: непрекаемое, нерассуждающее.

забываетъ таковой, яко прииде во иночество не того ради, дабы тщатися о собраніи земныхъ сокровищъ и богатства или довольства и покоя тѣлеснаго, но дабы очиститъ душу и содѣлать оную благоугодною обителью Святому Духу. Пачеже, дабы всеневно, елико возможно, тщатися сраспинати себе, за любовь къ распеншемуся Господу Іисусу, нашего ради спасенія. Дабы не токмо воспріять крестъ свой, но и пригвоздити на немъ всѣ свои страсти, склонности и желанія. Единымъ словомъ, быть мертву ко всему земному, дабы жить со Христомъ на небесѣхъ. Таковое же самоумерщвленіе не инымъ чемъ исполняется, точію нелестнымъ и безусловнымъ повиновеніемъ и самоотверженіемъ.]

Таковое же преуспѣяніе совершается единымъ нелестнымъ безусловнымъ повиновеніемъ и самоотверженіемъ. И тако, о возлюбленніи рачители послушанія! Паче же реку, рачители Самаго сладчайшаго и возжелѣннаго Господа Іисуса, молю васъ, отриньте отъ себе далече всякое сомнѣніе, противорѣчіе и непокорство. Ей, всего міра сокровища и богатство не достойны и малѣйшей части того наслажденія, каковое уготовалъ Господь любящимъ Его. Не забывайте предложенія вашего, помните, для чего вы оставили міръ и воспріали на себя благое иго иночества; несите крестъ свой съ терпѣніемъ! Когда же врагъ діаволь начнетъ окрадать, прельщать и преклонять васъ къ непокоренію, нанося помыслы, яко то и то не добръ [и худо] повелѣваетъ отецъ, [то и то было бы лучше и полезнѣе] отменяйте и отражайте таковыя помыслы и прилоги безъ закоснѣнія, и спѣшите очищать души ваши искреннимъ исповѣданіемъ, и со смиреніемъ испрашивайте прощеніе. Сами же въ себѣ глаголите кійждо: «Мнѣ, во иноческую жизнь пришедшему на покаяніе и обѣщавшемуся быти въ повиновеніи, все прочее не нужно, нужно точію одно послушаніе и терпѣніе. Аще же возглаголю и воспротиворѣчу невопрошаемый, то содѣлаюся яко продержатель и испаду отъ кроткаго и молчаливаго духа и отъ смиреннаго о Христѣ послушанія. И за таковую дерзость сотворюся не инокъ, но испытатель, и наставнику моему наставникъ и совѣтникъ. Сіи же степени чужды суть смиренномудрыхъ послушниковъ; азъ же за грѣхи моя предахся отцу въ повиновеніе и всему братству во служеніе. Вещи же вси — не мои суть, но ввѣрены отъ Бога отцу моему. Азъ бо ради Господа всего отрекохся, и како благоволитъ отецъ, тако и да управляетъ и распоряжаетъ всѣмъ. Къ тому же несомнѣнно вѣрую, яко отецъ мой святъ и облагодатствованъ отъ Бога: слѣдовательно, что ни заповѣдуетъ, то по извѣщенію Божію есть. Мнѣ ли грѣшному испытывать и противорѣчить?» [И такъ кромѣ всякаго испытанія и истязанія твори все повелѣнное ти въ простотѣ сердца.

Аще же зрится тебѣ, яко повелѣваемое отъ отца отнюдѣ не добро и многую тщету и уронъ приносить, и яко не можеши самъ побѣдити и отразити такового помысла; и по любви сыновней, не терпиши протчее молчаніемъ покрыти, тогда вопросы со смиреніемъ, глаголя: «Прости ми, отче, азъ готовъ есмь съ помощію Божіею повелѣнное тобою [исполнити]¹, но се зрю тщету и уронъ въ вещи сей». И аще повелитъ, рцы мнѣніе твое со всею искренностію, и приими съ полною вѣрою волю отца твоего, аще приметъ предложеніе твое. Аще же не приметъ, не дерзай противорѣчить, но покори воли его не токмо дѣло твое, но и самое мудрованіе твое. И проси прощенія, глаголя: «Прости ми, отче, яко азъ не хочу исполнити волю мою, и не противорѣчія ради дерзнухъ предложить мое мнѣніе, но дабы научиться твоего разсужденія и да ты, отче, рѣшиши мое недоумѣніе, и умириши мое помышленіе».

Аще ли же мниши, яко не добръ заповѣдаетъ отецъ, но вещь, о нейже глаголетъ ти, есть не уважительна, тогда полезнѣе ти есть, аще съ молчаніемъ и съ любовію содѣлаеши въ точности по повелѣнію.]

И аще сиче братъ поживетъ при отцѣ съ кротостію, непрекословно послушая во всемъ, и въ согласіи, и въ терпѣніи, то благодатію Божіею стяжетъ безстрастіе и чистоту сердца. Паче же Самъ Господь почіетъ въ такомъ послушницѣ.

Аще который братъ токмо уставное и преданное отъ Святаго Писанія будетъ исполнять безъ прекословія по наставленію отца, то таковое житіе нѣсть послушническое, но подъ совѣтомъ. Послушническое житіе сообразуется съ жизнію страсотерпцевъ и исповѣдниковъ, паче же уподобляется Самому Господу, Иже послушливъ бывъ Отцу Своему до смерти крестныя! [За сіе самое отъ святыхъ отецъ наименовано послушническое житіе, не монашеское ниже постническое, но исповѣдническое и страсотерпческое.] Глаголетъ святой Каллистъ: «Хотя и многая постническая и подвижническая дѣла будемъ съяти, но увы! вмѣсто пшеницы, плевелы пожнемъ». И паки: «Безъ наставника яко чрезъ канавы имамы скакати». И паки: «Хотяй дерзостно безъ наставника жити, отъ Бога и Небеснаго свѣтлаго наслѣдія и соборныя Апостольскія Церкви отторгаться и отлучаться и во тму и огнь отсылаться — тайно научаемся и вѣруемъ». И паки глаголетъ святой Θεодоръ Едесскій: «Со отцемъ духовнымъ вселився и пользу ощутивъ отъ него, никтоже тя да отлучитъ отъ любве его и совокупленія, ... понеже назнаменовавше разумѣхомъ, и ясно научихомся, яко въ покореніи отечествѣмъ пребывающимъ зѣло

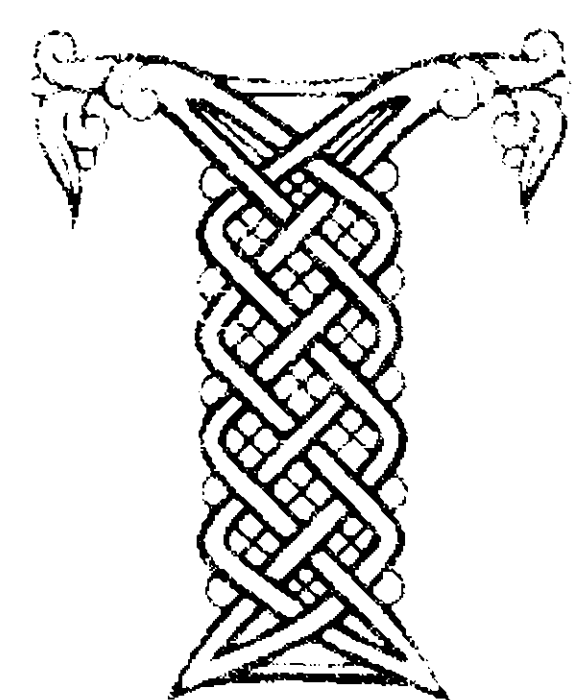
¹ Слово надписано над строкой карандашом.

завидятъ врази живота нашего бѣси, скрежещуще зубы своими на ня, и всякія ухищряюще козни, еже отступити имъ и лишитися отеческихъ нѣдръ. И вины показываютъ имъ аки благословны, раздраженія приводятъ, ненависть на отца возставляютъ, того наказанія яко буесловія являютъ, обличенія же, яко стрѣлы изошренны, подтыкають»¹. Тебѣ же, въ покореніи отчи сущу, вражія борющая тя леств да не утаится, ни обѣщанія своего, яже къ Богу, забывай; но Владычнее въ сердцѣ положивъ слово: *яко претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ*².

А иже мнитъ себе быти въ послушаніи, а ни единого повелѣннаго дѣла не творитъ, аще прежде не изслѣдуетъ, и противорѣчитъ и негодуетъ и огорчается, глаголя: почто не тако, почто не тогда, почто сіе, и тому подобное велерѣчитъ отъ презориваго сердца, — таковое житіе вовсе отчуждено и извержено изъ чина иноческаго. И сицевыхъ самоумцевъ повелѣваютъ отцы святыя отсылати или самому отцу отъ таковыхъ бѣжати, понеже по глаголу ихъ: таковыхъ Единъ Богъ токмо можетъ и силенъ спасти. [Ибо никогда со отцемъ не могутъ мирно и согласно пожити, но всегда будетъ для таковыхъ показоватися всякое дѣло повелѣваемое не добро и не годно. Таковыя именуются продержатели, одержиміи своемнѣніемъ, паче же безстыдствомъ и высокоуміемъ.] Истинное же смиреніе отъ таковыхъ отстоитъ далече, и ниже когда ощутятъ онаго, дондеже не отринутъ отъ себе пагубнаго своего навыка³!

СЛОВО АД

О ПРЕУСПѢВШИХЪ И ПОГУБИВШИХЪ ВСЯ ТЕРПѢНІЯ

ѣ, кои благодатию Божіею могутъ безболѣзненно, съ молчаніемъ, непрекословно всякое трудное послушаніе исполняти, въ малыхъ же и ничтожныхъ вещахъ небрегутъ и не терпятъ благосклонно повиноватися, сего ради за мнимое малое и ничтожное повинны окажутся вящшему осужденію, нежели кто лютая и великая преступленія содѣловаетъ. Ибо той, отъ великаго насилія страственнаго влекомъ, не можетъ устояти, того ради и не дивно таковому побѣдиться. Сіи же легко могутъ помощію Божіею побѣждати и снести труднѣйшая, небреженія же ради

¹ Главы дѣтельныя преподобнаго отца нашего Теодора Едесскаго. 40, 44 // Добротолюбіе. Часть четвертая, л. 155 об.

² Мф. 10, 22.

³ обычая Л'

и невниманія въ маломъ и удобномъ себе низлагають, то како избѣжать осужденія? Истинный и совершенный послушникъ долженъ быть мертвъ ко всякому своему мнѣнію и разсужденію. И ко отцу своему толику имѣти любовь и вѣру, яко не токмо все повелѣнное имъ въ точности исполняти, но, и въ разлукѣ находяся, творити токмо оное, еже вѣдаетъ угодно быти отцу своему и обладателю духовному. Свое же мнѣніе и хотѣніе, негли и добръ казалось бы ему, но аще вѣдаетъ, яко негодно есть отцу его, то долженъ неминуемо отметати.

Якоже младенцу приличествуютъ не тѣ законы, кои совершенному, сице и послушники разнствуютъ между собою въ духовномъ преуспѣяніи; и колико можетъ кто вмѣщати, толико и обязанъ кійждо неослабно подвизатися, не уподобляясь, ниже подражая немощнымъ и немогущимъ; аще же не будетъ тща-тельно соблюдать себе отъ нерадѣнія, то великому будутъ подвержены осужденію.

По исполненіи же всякаго послушанія должны вни-мать себѣ и готовыми быти ко всякому внезапному и безвинному наказанію и нападенію отъ отца, дабы съ благодушіемъ претер-пѣвати по подобію святыхъ мучениковъ. Понеже отцу духов-ному и руководителю неминуемо долженствуетъ на могущихъ благодатію Божіею вся терпѣти въ нѣкое время и безвинно напа-дати, и осуждати, и поношати, и лишати, и изгоняти, отлучати отъ трапезы и отъ братства, и духовными епитиміями томити: то есть, налагати на нихъ ¹поклоны, бдѣніе, излишнее моленіе¹ и постъ, — ово искушая, дабы познати истинно, како ученикъ его подвизается, претерпѣваетъ ли добръ или разслабляется, ово да прочіи, видѣвши безвинное наказаніе, воспользуются его смиренномудрымъ терпѣніемъ и великодушнымъ подвигомъ, и чрезъ то сугубый исплетается² оному вѣнецъ, ово за терпѣніе, ово за пользу братій.

Аще же такого преуспѣваго оставить жити просто, безъ вся-каго испытанія и искушенія, то всѣхъ сихъ вѣнцевъ будетъ ли-шенъ подвижникъ, братія же — пользы, а самъ отецъ пріиметъ осужденіе, яко могущему терпѣти не исходатайствовалъ боль-шихъ вѣнцевъ и награды.

Тѣмже мужайся и крѣпись, подвижнике Христовъ! Вѣдая, яко тебѣ яко воину и ратоборцу предлежитъ великодушно и не-уклонно вся терпѣти, сице и твоему духовному отцу неотмѣнно должно иногда на тебѣ ³строгость явити³. Да чрезъ то какъ тебѣ будетъ часть со святыми стратотерпцами, сице и наставнику

¹⁻¹ то поклоны, то бдѣніе, то излишнее моленіе *Л* ´

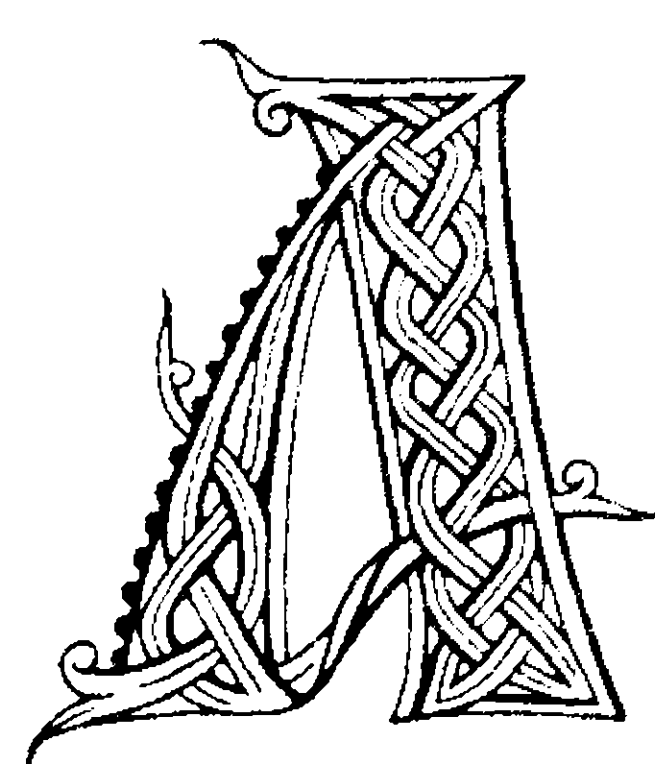
² исплетется *Л*

³⁻³ нападати и поражати *Л* ´

твоему [послѣдуетъ участь съ добрыми и] съ вѣрными рабы Христа Бога нашего, умножившими данный талантъ отъ Господа! А потому чѣмъ болѣе и чаще узриши отца твоего безвинно на тя нападающа и наказующа, тѣмъ самымъ познавай неусыпное его тщаніе о твоёмъ спасеніи и великую по Бозѣ совершенную къ тебѣ отеческую любовь и попеченіе.

СЛОВО ЛЕ

О ИСПОЛНЕНІИ ВНЕШНИХЪ ДѢЛЪ ИНОЧЕСКИХЪ

Аще не творимъ должнаго иночеству и не тщимся о исполненіи нашихъ обязанностей, то како благодать Божія изліется на насъ? Подобнѣ тѣмъ, иже не хотятъ трудиться въ земледѣланіи, како возмугутъ собирати плоды? Мы же къ тому еще и исполнили бо¹ все внѣшнее: то есть нищету, уединеніе, воздержаніе, бдѣніе, продолжительное моленіе, поклоны, долгое поученіе Святаго Писанія, послѣдность и тому подобное, — но вся таковая суть токмо орудія; истиннаго же и спасительнаго плода пусты окажемся, аще къ тому не стяжемъ богоугодныхъ добродѣтелей, сіе есть: совершеннаго самоотверженія, истиннаго смиренія, мира и согласія, духовнаго радованія о Бозѣ и о ближнихъ, умнаго блюденія, чистоты сердечныя, простодушія, милости, состраданія, кротости, долготерпѣнія, безгнѣвія и богоподражательной любви. Сими токмо добродѣтелями душа усвоивается Богу. Однако же преблагій и человеколюбивый Господь, видя трудъ и подвигъ нашъ во внѣшнихъ дѣлѣхъ, даруетъ намъ Своею благодатію и сіи плоды духовныи. А потому долженствуемъ неослабно трудиться и тшаться творити то, что отъ насъ зависитъ. Богъ же милостію Своею, яко благосердъ, облагодатствуетъ и наши души и возраститъ въ насъ плоды духовныи.

Хотя и малое имѣемъ порочное навикновеніе, но аще страстно онымъ обдержимся, то не можемъ быти соединены съ благодатію Божіею. Сіе явно показуется на тѣхъ, кои не тшятся отринути свои малыи порочныи пристрастіи и обычаи, и за то не чувствуютъ въ душахъ своихъ благодатнаго просвѣщенія и духовнаго радованія и остаются въ неизвѣстіи о своемъ спасеніи.

Но аще речеши: како возможно быти человѣку безъ всякихъ пороковъ? На сіе отвѣтствую: яко того ради и предлежитъ намъ всеневное покаяніе, сокрушеніе, осужденіе самихъ себя и тому

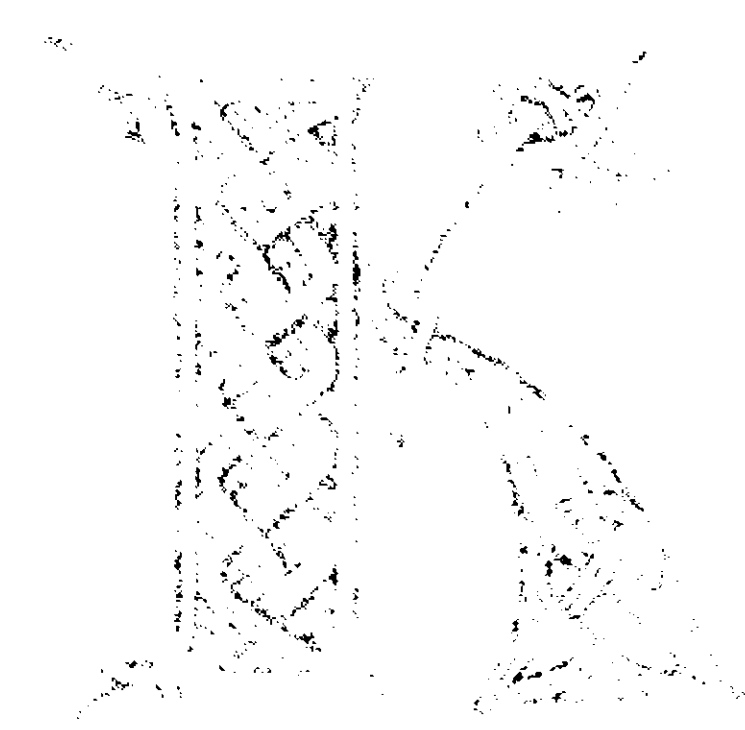
¹ бы л

подобное. И сего ради вступаемъ во иночество, дабы безпрепятственно возмogli тщатися о стяжаніи душевной чистоты истиннымъ смиреннымъ послушаніемъ и самоотверженіемъ. Дабы чрезъ то совершенною ненавистію возненавидѣти всѣ наши страстные обычаи и пороки, отлучающіи насъ отъ Бога и лишающіи Его Божественной благодати. И за таковое добровольное смиренное самоотверженіе и подвигъ Господь благодатію Своею прощаетъ невольныи человѣческіи паденіи и даруетъ имъ Свою Божественную помощь, зря усердное ихъ и неусыпное тщаніе о добродѣтели.

А иже не окаываетъ себе за свои грѣхи и не уважаетъ¹ оныхъ, и не вмѣняетъ въ согрѣшеніе, но еще и оправдываетъ себе — о такихъ что и глаголати! Зане неисцѣльнѣ согниваютъ въ своихъ страстѣхъ и порокахъ, и достойны суть слезъ и рыданій! Ибо како такихъ исцѣлити, аще врачество не пріемлютъ, то есть аще совѣтовъ отца своего не слушаютъ? Паче же возносятся надъ отцемъ, себе мудрѣйшими признающе, пороки свои въ грѣхъ не вмѣняюще: суетная помышленія любяще и въ нихъ углубляющесея, бесѣдъ мірскихъ не уклоняющесея и сопребыванія съ мірскими ищуще, любопоказаніемъ тщеславяся, безмолвія же бѣгающе и уединенія не терпяще, поститися не изволяюще, воздержаніе отметающе, сласти же обожающе, руководства духовнаго и управленія бѣгающе, самовластія же и самоволія не отсѣкающе, о дружелюбномъ единеніи и духовной любви и согласіи съ братіями, соживущими съ нимъ, нерадяще и презирающе, о міролюбцахъ же и своихъ и о чужихъ всячески прилежаше. Сими и подобными пороки одержимому како благодать Божію и извѣщеніе о спасеніи возможно ощути?

СЛОВО 15

О ГРЕХАХЪ И УДАЛЕНІИ ОТЪ БРАТСТВА И БЖЕЖИТІЯ

К ая польза тому отъ безмолвія, иже не стяжа еще плодовъ Святаго Духа? Ибо подвижется и стремится желаніемъ къ оному не отъ любви Божественныя, но отъ немирствія, раздора и несогласія къ братству, ради нетерпѣливаго нрава презорства и закоренелаго обычая. Слѣдовательно, таковое отшествіе нѣсть спасительно и благоугодно предъ Господомъ.

¹ не уважаетъ — здесь: не замечает (диалектн.).

Ибо тогда доброе и Бога ради отлученіе познавается, аще бываетъ по достиженіи безстрастіа, то есть во всемъ единомравіе и согласіе стяжавши, и ни мало отъ пороковъ братій не вреждается.

Того ради нужнѣе прежде, совокупно живуще, домогаться о стяжаніи оныхъ добродѣтелей, ими же страсти побѣждаются, и въ конецъ отъ сердца изъемлются, еже есть: отсѣкати свою волю, гонити во всемъ послѣдностъ, любити уничиженіе, быти послушну и готову на всякое терпѣніе. Отлучившеся же отъ братства, како возможно пріити въ таковое успѣяніе? Не паче ли станеть во всемъ угождать своему нраву, своимъ прихотямъ и желаніямъ? И таковой, хотя мирно будетъ жити, хотя въ жестокое постничество предасть себя, но едиными подвигами и жестокимъ пребываніемъ не стяживаются духовныи добродѣтели, то есть: внутреннее смиреніе, безстрастіе, миръ, любовь и терпѣніе. Паче же таковыхъ, кои безъ сихъ добродѣтелей особно безмолвствуютъ, множае окрадаеть и увлекаеть въ пагубное высокоуміе и самонадѣяніе и презорство.

Аще братъ, одержимый еще всякими пристрастіями, восхощеть удалитися особъ отъ братства и отлучитися отъ отца своего, то како самъ собою пріидеть во исправленіе и како исцѣлятся душевные его недуги? Подобнъ якоже уязвленный и въ струпахъ находящійся, аще удалитися отъ врача, то не люте ли разгноятся и разболятся всѣ язвы? При врачъ же, аще бы и расчесалъ и развредилъ ихъ, но врачъ ¹паки исцѣлитъ¹. Къ тому же еще таковой никогда не можетъ имѣти мирнаго общенія, согласія и единомудренія духовныа о Христѣ любви ко отцу и къ братіи. Въ сицевую же любовь не достигше, аще и ангельскими языки возглаголютъ въ особническомъ своемъ пребываніи, но ни во чтоже вмѣняются, по глаголу Апостола Павла².

Хотящему грѣхи свои загладити и чистоты душевныа сподобитися подобаетъ желательнѣ хотѣти, дабы во всемъ было въ противность его волѣ и съ оскорбленіемъ, съ досажденіемъ его нрава и привычекъ, и выну готову быти претерпѣвати съ незлобіемъ укоризны, брани, поношеніи, и самыя раны, налагаемыя не токмо отъ отца, но и отъ братій. Ибо чрезъ кроткое, тихое съ нимъ обращеніе никогда не возможетъ извѣститися о своемъ преуспѣяніи, которое познавается тогда токмо, аще въ многообразныхъ и частыхъ искушеніяхъ непоколебимъ пребываетъ въ кротости и терпѣніи, въ незлобіи и любви къ поношающимъ и озлобляющимъ его, паче же преклоняется къ онымъ съ благодареніемъ и вящшею любовію, яко къ поспѣшникомъ его спасенія.

¹⁻¹ паки пользуется и исцѣляетъ Л

² См.: 1 Кор. 13, 1.

Во иночество поступати должно не для того токмо¹, дабы навикнути послушанію и отверженію своей воли, но дабы стяжать смиренномудріе и терпѣніе во всякой скорби и злостраданіи, съ совершенною покорностію и самоотверженіемъ. Егоже ради и даруется отъ благодати Божіей духъ безстрастія и чистота сердца. Чистіи же сердцемъ узрятъ Бога².

СЛОВО ѦЗ

Ѡ НЕПОСЛУШАНІИ ВЪ МАЛОВАЖНЫХЪ ВЕЩЕХЪ³

Преступленіе въ маловажныхъ вещехъ происходитъ отъ небреженія, или яко не зѣло уважительнѣ почитаетъ добродѣтель послушанія, или не благоговѣтъ достолично къ наставнику и отцу своему, или не отвергъ еще мірскаго нрава и мудрованія и не стяжалъ еще истинныя кротости, смиренія и простодушія, но обдержится еще високоуміемъ и презорствомъ. Или негли смотрительнѣ попускаетъ Господь въ маловажныхъ и легкихъ дѣлѣхъ претыкаться, да познаваетъ немощь свою и безсиліе и проситъ со смиреніемъ Божіей помощи, и да внемлетъ и блюдетъ себе опасно: ибо аще бы строго и бодрственно внималъ себѣ и своему спасенію, то и къ отцу пребывалъ бы непоколебимъ въ любви и благоговѣніи, со всякою покорностію и послушаніемъ.

Наипаче же таковому, иже благодатию Божіею склоненъ ко всякому послушанію и желаетъ быть въ повиновеніи, и любитъ смиратися и терпѣти уничиженіе, и приверженъ крѣпкою любовію ко отцу своему, таковому малое небреженіе, оказуемое къ послушанію, вмѣняется въ тяжчайшее прегрѣшеніе, ибо происходитъ отъ оставленія опаснаго блюденія своей совѣсти и умнаго трезвенія, чрезъ что преткновеніемъ своимъ въ послушаніи содѣлываетъ отцу своему печаль и болѣзнованіе, врагу же діаволу великое радованіе.

Нѣкоторые отъ братій, яко кровію, сиче болѣзненнѣ противоборствуютъ и подвижаются противъ своего нрава и закоренелыхъ страстныхъ обычаевъ, а посему таковымъ не дивно и претыкаться и падати въ преслушаніе. Сей же, коему не трудно и любимо послушаніе, носимъ суще яко на дланехъ Божіей благодати. Аще вознерадитъ о толикой помощи Божіей и дарованіи, то яко

¹ точію Л, Л'

² См.: Мф. 5, 8.

³ О непослушаніи въ маловажныхъ случаяхъ и вещехъ Л'

вознебрегшій, пачеже яко поругавшійся благодати Божіей, отверженъ будетъ отъ Бога и лишится Его Божественной помощи, по глаголу евангельскому: *и еже не имать*¹, и еже мнится имѣти, *возмется отъ него*². И паки: постъцыте его, ибо всякъ, не творяй по силѣ своей плода, *постъкается и во огнь вметається*³. Плодъ же Богу приносить подобаетъ чистый, безъ скверной примѣси. Ибо вещи хотя ничтожны суть и маловажныя, но онъ, претыкаяся и побѣждаясь въ оныхъ, достоинъ обряцется зѣльнаго осужденія и наказанія, яко малаго и удобнаго не восхотѣлъ сотворити Христа ради, и чрезъ то лишится вѣнца послушническаго, паче же исповѣдническаго. Негли же и осужденіе пріиметь, равное съ онымъ неключимымъ рабомъ, иже талантъ, ввѣренный ему отъ Господа, сокрылъ въ землю и не сотвори пріобрѣтенія, лѣности ради своя и небреженія.

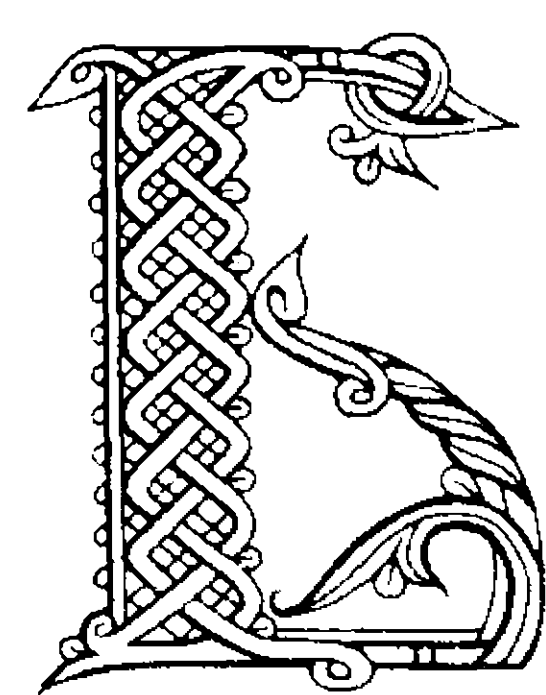
ѠГЪ ПАТѢНКА АЛФАВЪТНАГО

Четыре старца пришли ко аввѣ Памвѣ, оболченны въ кожи. Единъ постышеся много. Вторый нестяжатель бѣ. Третій любовь многу стяжа. Четвертый 22 лѣта сотвори въ послушаніи. И отвѣща авва Памва: ваша добродѣтель велика, но сего послѣдняго больше есть. Кійждо васъ съ добродѣтелію своею волю удержа; сей же свою волю отсѣкъ, инаго волю сотвори. Таковіи исповѣдницы суть.

И паки: постъ ведетъ до полупути спасенія, чистота до небесъ, послушаніе же вводитъ со дерзновеніемъ къ Богу и глаголетъ о Немъ⁴.

СЛОВО ѦН

Ѡ НЕСОГЛАСІИ УЧЕНИКА КО ОТЦУ

ратъ, не имущій ни любви, ни вѣры ко отцу своему, слушаетъ слова его, совѣты и наставленія съ холодностію, съ принужденіемъ и безъ вниманія, а посему и показываются ему оныя тягостны, противны и невыносимы. Отецъ же, видя брата сице ожесточенна и не благоволяща къ совѣтамъ его и поученіямъ, тоже скорбитъ и болитъ душею, и тако самъ въ себѣ помышляетъ: еда

¹ не имать [усердія] Л'

² Мф. 13, 12.

³ См.: Лк. 3, 9.

⁴ В Л' далее следует фрагмент, составляющий последний абзац Слова 38.

како ради¹ моего злаго нрава и неключимости братъ не можетъ исправитися и преклонитися къ любви и согласію? И сице помышляя, недоумѣвая и истязуя себе самага, едва не приходитъ въ отчаяніе, страшася, дабы душа брата не взыскана была на немъ, понеже братъ не отходитъ и не хочетъ удалитися, дѣлами же и словесами сопротивляется; и всѣ совѣты и поученіи, и самое обхожденіе и поступки старца непріятны ему, и на все житіе его смущается, зазираетъ, блазнится и раздражается, и явно изрыгаетъ свою злобу и негодование. А потому отецъ долженъ уже имѣти предъ нимъ великое опасеніе во всѣхъ вещахъ, дѣлахъ и поступкахъ, дабы братъ не приходилъ въ раздраженіе и немирствіе. При таковомъ же принужденномъ и опасномъ обращеніи како возможно пребывати любви и единомушію?

Естьли же отецъ не предвидитъ премѣненія и исправленія брата, аще по толикомъ зѣльномъ стараніи и въ столь продолжительное время не успѣлъ ничего въ немъ исправить, но еще вѣщающее показываетъ нерадѣніе, небреженіе и дерзость, то отнюдь уже будетъ отцу притщетно и безразсудно, аще не престанетъ прилагать своего старанія о таковомъ нечувственномъ, въ немъ же не предвидится ни малѣйшей надежды, дабы оставилъ свое презорство и високоуміе и возлюбилъ бы ²истинну, смиренномудріе², кротость, и послушаніе, согласіе и мирное единомушіе. Но и Господь между таковыми несогласными вложилъ не миръ, но мечъ³, и повелѣ отъ таковыхъ разлучатися, и яко гнилые уды разсѣкати⁴.

Аще старецъ отъ такового непокориваго и високоумнаго или презориваго и строптиваго отчуждается, то не подобаетъ и сему противитися, а отлучитися и удалитися отъ старца тако немирну и несогласну сущу: негли и для души его будетъ полезнѣе и менѣе осужденія, неже жити тако въ противленіе монашеству. Сице живуще неминуемо предстоитъ погибель и осужденіе, ово за свои богопротивные поступки, ово яко братію своимъ нравомъ и роптаніемъ тревожитъ и смущаетъ, и тѣмъ самымъ души братій вреждаетъ. Отшедши же и отлучившися, единъ понесетъ грѣхъ, подобный Іудѣ предателю, якоже онъ не восхотѣ послѣдовати Христу, и отступи отъ Него, и продаде за тридесять сребренниковъ. Сице и онъ не восхотѣ слушати и покорятися отцу своему, но отступи отъ него, и продаде свое монашество за свою развращенную волю, самоумнѣніе и пагубное презорство.

¹ еда како ради — не ради ли.

²⁻² истинное смиренномудріе *Л*´

³ См.: Мф. 10, 34.

⁴ отсѣкати *Л, Л*´

[Аще старецъ отъ такового непокориваго и високоумнаго, или презориваго и строптиваго отчуждается, то подобаетъ и всему братству, по глаголу Златоуста, противу такового вкупѣ со отцемъ вооружитися, и отвращатися отъ него, дабы онъ чрезъ то позналъ свое заблужденіе, и восчувствовалъ свое лишеніе, дабы возненавидѣлъ свой разумъ и киченіе, и дабы со смиреніемъ обратился и положилъ начало своего исправленія. Аще же и по такомъ оставленіи и отчужденіи отъ него всего братства онъ не обратится, и пренебрежетъ отца и братій, и не возчувствуетъ, не окаетъ самага себе и не смирится отъ всея души, то, по глаголу Лѣстничника, Единъ Богъ токмо такового гордаго и презориваго можетъ исправить, и, по глаголу святаго Василія Великаго: таковой упорный и непокоривый будетъ въ снѣдь діаволу.

Самъ таковой високоумный и презоривый да разсудитъ, яко подобаетъ ему тако сущу немирну и несогласну отлучитися и удалитися отъ старца, негли и для души его будетъ полезнѣе и менѣе осужденія, неже жити тако въ противленіе монашеству. Сице живуще неминуемо предстоитъ погибель и осужденіе, ово за свои богопротивные поступки, ово, яко братію своимъ нравомъ и роптаніемъ тревожитъ и смущаетъ, и тѣмъ самымъ души братій вреждаетъ. Отшедши же и отлучившись, единъ понесетъ грѣхъ подобный Іудѣ предателю, якоже онъ не восхотѣлъ послѣдовати Христу, и отступилъ отъ Него, и продалъ за тридесять сребренниковъ. Сице и онъ не восхотѣлъ слушати и покорятися отцу своему, но отступилъ отъ него, и продалъ свое монашество за свою развращенную волю, самомнѣніе и пагубное презорство.]¹

Но и самъ отецъ долженствуетъ неминуемо отпустить отъ себе такового, дабы не подвергнути его большому осужденію и гнѣву Божію за его дерзости и строптивость, съ коими онъ не стыдится и не страшится уничижать и укорять самую жизнь и поступки старца. А посему старецъ, бояся самъ пріяти за него осужденіе, долженъ рещи ему сице: «Прости, брате, аще поступки мои и житіе мое блзнятъ тя, то я не могу быть твоимъ [отцемъ и] наставникомъ, и ты долженъ удалитися отъ мене, дабы не вреждатися болѣе слабымъ моимъ житіемъ».

Въ обителяхъ² прилично держать таковыхъ вмѣсто работниковъ; отцу же безмолвствующу связоватися съ таковыми, кои ни вѣры къ нему, ни усердія не имутъ, будетъ знаменіемъ, яко самъ старецъ обдержится любовластіемъ, понеже смиренномудрымъ и духовнымъ старцамъ страшно показуется пріимать въ сожитіе свое и управленіе и таковыхъ, кои со всею истинною и

¹ В квадратных скобках — из Л' (вместо вышестоящего абзаца).

² Въ монастырѣхъ Л'

нерасторжною любовію и вѣрою вседушнѣ предаются конечнымъ и безусловнымъ самоотверженіемъ. Отъ таковыхъ не смѣютъ отрещися, ибо и безмолвствующимъ о таковыхъ повелѣно пещися, и вельми опасно, еже вознерадѣти о таковыхъ.

Аще бы старецъ безмолвіемъ своимъ, постомъ и всякаго вида подвигами и моленіемъ возшелъ на высоту безстрастія, но, по глаголу Златоуста, не спасется, аще презритъ и оставитъ немощнаго брата, Божіимъ Промысломъ¹ къ нему притекшаго и желающаго имъ спастися. Ибо гдѣ у такового старца покореніе воли Божіей, вѣдая, яко Господу благопріятнѣе всего, аще кто немощнаго и страстнаго исправитъ и спасетъ своимъ тщательнымъ стараніемъ?

Аще же старецъ извѣствуетъ о себѣ, яко немощенъ есть и не можетъ инѣхъ наставляти, — но Богъ невозможнаго не требуетъ, но елико возмoгаетъ, толико ради Господа, и да печется о братѣ. Паденіе же его, случающееся отъ соображенія съ немощнымъ братомъ, прощается благодатію Божіею, любовь же и попеченіе о спасеніи брата пріемлются и вознаграждаются отъ Господа паче безмолвія.

Напротивъ же, предосудительно и крайнѣ опасно лишати себе безмолвнаго и мирнаго житія ради строптивыхъ, непокорныхъ, немирныхъ и высокоумныхъ самолюбцевъ. Таковыя не отъ Бога, но по наущенію завистника спасенія нашего и врага — діавола — приходятъ, дабы нарушить душевный миръ и спокойствіе.

Аще же братъ, хотя и претыкается и часто падаетъ, но умоляетъ отца и братію, еже бы потерпѣти ему, и съ вѣрою хочетъ держатися отца, и хотя насилуя себя, но тщится быти въ повиновеніи, то аще такового отецъ пренебрежетъ и оставитъ безъ старанія о его исправленіи, то и самъ старецъ будетъ оставленъ отъ Бога. Понеже тогда приличествуетъ исполнити реченное: *спасая спасай твою душу*², то есть: егда нѣсть уже надежды исправить брата, и егда отнюдь не слушаетъ и не покоряется, не пріемлетъ совѣтовъ и увѣщаній ни отца, ни брата, тогда праведно старцу оставить такового и пещися о своемъ спасеніи. Слѣдовательно, дондеже въ конецъ не отринетъ братъ желанія ко исправленію, то нужно и всему братству вкупѣ со отцемъ пещися о немъ Бога ради.

Аще же такового страстнаго и неисправленнаго, и высокоумнаго оставить жити о себѣ единаго, яко въ затворѣ, да не смущаетъ иныхъ, то отъ уединенія вящше возгордится и болѣе станетъ высокоумствовать. Сего ради таковымъ ниже слѣда без-

¹ подвиженіемъ Л´

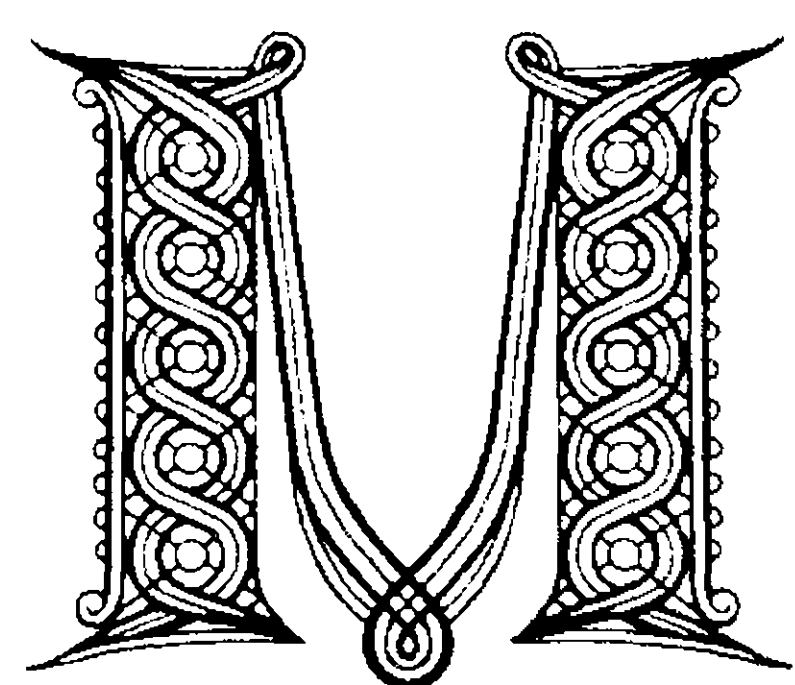
² Быт. 19, 17.

молвія попущено видѣти, да не изъ чловѣка бѣсомъ содѣлается. Полезнае таковому проходити житіе ¹подобно Исидору¹, понеже стыда и скуки ради негли слезу стяжетъ. Къ тому же еще нужно таковаго високоумнаго вчиняти между братій, да будетъ всюду яко послѣдній, дабы чрезъ то содѣлался бездерзновеннымъ. Всѣ собственно² принадлежащія ему вещи отъяти отъ него и истребити, и не попускати ему отнюдь ниоткуда самому, ради своей potreбы добывать [ничего], ниже малѣйшаго³, да⁴ чрезъ нищету тѣлесную содѣлался нищій духомъ. И чрезъ то самое, да навькнетъ и познаетъ, яко отецъ его печется истинною о его спасеніи, а потому и содѣлается благодатію Божіею признательнымъ и благодарнымъ къ старанію о немъ старца и стяжетъ терпеніе къ понесенію всякихъ подвиговъ и уничиженій. И тако, аще въ сихъ дѣяніяхъ восхощетъ съ покорностію повиноватися и претерпѣвати, то всячески милостива къ себѣ узритъ Господа и спасеніе прииметъ.

Глаголютъ всѣ святые отцы, яко нѣсть монаху инаго пути, токмо еже повиноватися и зазирати себе выну, понеже врата Божія — смиреніе. И отцы наши, много досаждаемы, внидоша радующеся въ храмъ Божій! — Братъ нѣкій три лѣта давалъ мзду, да ему досаждаютъ.

СЛОВО ЛѢ

О ПРЕЗОРСТВѢ И ГОРДЫНѢ ⁵

Можетъ ли обитать благодать Божія или являютъ свои спасительныя дѣйствія и силу Божественныя помощи и плодовъ Духа Святаго въ душѣ, зараженной богоненавистнымъ високоуміемъ и презорствомъ? О немъ же глаголетъ святой Лѣстничникъ: «Презоривый самъ себѣ бѣсъ и ратникъ». А посему таковаго душа не можетъ вмѣщати въ себѣ ничего, кромѣ гибельнаго и бѣсовскаго, то есть: злобы, зависти, подозрѣній, хулы, самооправданія, самомнѣнія и пагубнаго возношенія. И аще не потщится таковой смиреніемъ, всякимъ уничиженіемъ и искреннимъ сознаниемъ побѣдiti и отвергнути отъ себе пагубное презорство и високоуміе, то оное до толику возрас-

¹⁻¹ тако, якоже проходилъ преподобный Исидоръ Л'

² собственные Л'

³ самомалѣйшаго Л'

⁴ дабы Л'

⁵ О презорствѣ и гордынѣ Богу ненавистной и душепагубной Л'

тетъ въ немъ и доведетъ до того, яко и онъ начнетъ презирати и хулити не точію отца и соживущихъ съ нимъ братій, но и всѣхъ святыхъ и Самаго Бога, по подобію онаго, егоже описа авва Дорофей.

А посему ищущіи Господа и желающіи усвоитися Ему должны паче всего блюсти себе отъ сего душепагубнаго недуга и не помышляти маловажнымъ и ничтожнымъ, еже побѣждатися онымъ хотя въ маломъ нѣчесомъ, ибо великое ли, малое ли презорство, но все произрастаетъ отъ діавольскаго корене и не можетъ быть не сопряжено съ обидою ближняго. И зараженный симъ недугомъ часто поползается и погрѣшаетъ противъ Самаго Бога чрезъ брата, ибо святые отцы тако глаголютъ: увидѣвый брата твоего, увидѣ Господа твоего¹. Слѣдовательно, кто презрительно и свирѣпо отвѣтствуетъ брату, то не брату, но Самому Господу тако отвѣтствуетъ. И Самъ Господь извѣствуетъ, глаголя: еже сотвористе братіи Моей меньшей, *Мнѣ сотвористе*²; и въ коюже *мѣру мѣрите, возмѣрится вамъ*³.

Наипаче страшно презирати такового, коего Господь по чловѣколюбному смотрѣнію Своему, по⁴ недовѣдомымъ намъ судьбамъ лишилъ какихъ-либо ⁵видимыхъ внѣшнихъ⁵ дарованій, какъ то: разума и премудрости, или способностей, или высокаго званія и имуществъ, или внѣшняго образованія⁶, или тѣлеснаго благообразія, силъ и здравія. Однимъ словомъ, по каковому бы ни было лишеніямъ, сущаго ⁷по Божіему смотрѣнію⁷, убогаго, уничиженнаго и немощнаго, аще дерзаетъ презирать и уничижать или озлоблять, то оскорбляетъ и озлобляетъ въ лице Самаго Бога, Который благоволилъ всѣхъ такихъ наименовать Своею братією и ублажилъ, глаголя: *Блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть Царствіе Небесное*⁸. Мерзокъ же предъ Господомъ всякъ высокосердый, и мѣсто гордымъ и презоривымъ уготовано съ діаволомъ и аггелы его.

Много простибельнѣе пренебречь здраваго и богатаго, нежели недостаточествующаго, или болящаго, или слѣпотствующаго и глухаго. Ибо не богатыхъ и здравыхъ заповѣдалъ Господь призывать и питати, и покоити, но за послуженіе бѣднымъ и больнымъ обѣща воздати во Царствіи Своемъ. То не явно ли, яко

¹ своего *Л*´

² См.: Мф. 25, 40.

³ См.: Мф. 7, 2.

⁴ и *Л*

⁵⁻⁵ видимыхъ или внѣшнихъ *Л*´

⁶ ученія и образованія *Л*´

⁷⁻⁷ по воли Божіей *Л*

⁸ Мф. 5, 3.

противу сего заповѣданія Божія поступаетъ, иже еще за нѣкое недостаточество или неискусство и простоту преобидитъ и презираетъ, а наипаче непростительно, еще живуще во иночествѣ, сице гордъ, звѣрственъ и жестокъ обрѣтается къ соживущимъ и соиночествующимъ съ нимъ братіямъ.

Жизнь иноческая, покаянная, смиренная, равноангельная; слѣдовательно, всякій вступающій во иночество обязанъ прежде всего отринуть всякое возношеніе и гордыню, совлечься совершенно ветхаго человѣка и облечься въ новаго благодатію Божіею и Христоподражательнымъ смиреніемъ, дабы послѣдовать стопамъ Владыки своего, Иже прииде въ рабіемъ зрацъ, не да послужатъ Ему, но послужити Самому.

Посему вступающій во иночество и самымъ наименованіемъ являетъ свою обязанность, то есть: приѣмлетъ именованіе послушника, слѣдовательно, обязанъ быть въ послушаніи и со смиреніемъ благоговѣти ко всякому брату, яко [ко] Ангелу Божію. Безстыдно же и досадительно обращать свои взоры и презрительно отвѣтствовать дерзающему, како возможно чаяти улучшить спасеніе; поистиннѣ таковой гордый досадитель недостойнъ самаго именованія иноческаго, и за самое пребываніе свое во святой обители иночествующихъ умножается таковому казнь и осужденіе за уничиженіе иноческаго образа.

Помысли, о презориве! еще бы ты имѣлъ у себе сына, самъ же сотворился бы немощенъ, глухъ, слѣпъ или убогъ; сынъ же твой за то сталъ бы съ тобою звѣрски и презрительно обращаться, досаждаютъ и отвращатися, то самъ ты не предалъ ли бы таковаго проклятію? Каковаго же ты чаеши себѣ помилованія отъ Бога, еще дерзаеши озлобляти и презирати иночествующаго брата, немощнаго, смиреннаго и вседушнѣ тщащагося о благоугожденіи Господу? Таковой еще и претыкается въ чемъ-либо, еще и падетъ яко человѣкъ, но безропотнымъ терпѣніемъ немощей, убожества, болѣзней заглаждаются всѣ погрѣшности его, и удовлетворяется человѣколюбіе Божіе, и усвоиваетъ таковаго яко возлюбленнаго Своего раба и угодника.

Еще же разсуди, кто достоинъ болѣе поношеній и наказаній: той ли, который нападаетъ на здраваго и борется съ могущимъ оборонитися и отмстити ему, или той, иже нападаетъ, біетъ и уязвляетъ болящаго и немощнаго, который не имѣетъ ни рукъ, ни силъ защитити себе. Сице и той достоинъ есть большаго наказанія и осужденія отъ Господа, иже уязвляетъ и поражаетъ своею дерзостію и презорствомъ убогаго или малоумнаго, или немощнаго.

Единожды презрѣтъ и опечалить брата за великій грѣхъ представляется. А иже многжды и почасту оскорбляетъ и пренебре-

гаеть, коликаго гнѣва и наказанія отъ Бога достоинъ? Наипаче же, аще за таковую свою дерзость и безстыдство не окаяваетъ себе и не вмѣняетъ того въ великое согрѣшеніе. Таковаго неминуемо постигнетъ тяжкое мученіе, ибо аще точію за наименованіе «урода», повиненъ гееннѣ огненной, то кольми паче за презорство вящшее ожидаетъ осужденіе, ибо чрезъ простыя безъ злобы наименованія усердіе другъ ко другу не истребляется, аще потомъ любовію и благопріятно между собою обращаются. Презорство же показуя, всячески любовь угашаетъ и дѣлается тягостнымъ; безъ любви же спастися отчаятельно.

Что можетъ быть погрѣшнѣе и законопреступнѣе того, аще кто прежде, въ мірскомъ званіи пребывая, со всѣми былъ ласковъ, благопріятенъ и почтителенъ, вступивше же во иночество, содѣлался презоривымъ, дерзкимъ, неуважительнымъ, и гдѣ бы таковому довлѣло, вступивши во иночество, наипаче подвигнуться ко смиренію и еже бы были подъ ногами всего братства, якоже научи преподобный Захарій, поправый свой куколь¹, глаголя: «Иже аще кто сие не сотрется, не можетъ быть монахъ». Но вмѣсто того, аще онъ не токмо самъ отъ иныхъ не стирается, но, напротивъ, самъ еще иныхъ стираетъ, приводя въ печаль и уныніе своею дерзостію, пренебреженіемъ и гнѣвнымъ устройеніемъ, да къ тому же еще таковыхъ, кои прежде его вступили во иночество и желали бы² имѣти его содружественна и утѣшиться о Господѣ его любовію и единокупіемъ, вкупѣ иночествующе, — то гдѣ у таковаго совѣсть или страхъ Божій, аще таковыхъ къ нему благопріязненныхъ столь болѣзненно оскорбляетъ холодностію своею и презорствомъ?

Сего ради слыши, о презориве! и усрамяся словесъ святаго Златоуста: «Егда хочещи съ братомъ ополчитися, помысли, яко съ уды Христовыми ополчаешися, и престани отъ неистовства. Что бо аще отверженъ есть, аще худъ, что бо аще удобъ пренебрегомъ; тако рече: нѣсть предъ Отцемъ Моимъ воля, да погибнетъ единъ отъ малыхъ сихъ³. И паки: Ангели ихъ *выну видятъ лице Отца Моего*, Иже на небесѣхъ⁴. Богъ егоже ради и рабъ бывъ, и заклася, а ты ничтоже его быти непщуети. Тѣмже и по сему ратуеши на Бога, противная на Нь износяй отвѣщанія». [до здѣ Златоустъ.]

И тако видимъ, сколь люто презорство и сопротивно ко спасенію. Того ради первѣе всего и паче всего должны молити Гос-

¹ Куколь — черное головное покрывало, принадлежность схимнической одежды.

² весьма желажу *Л'*

³ См.: Мф. 18, 14.

⁴ См.: Мф. 18, 10.

пода и сами прилагати всякое тщаніе, дабы сему гибельному недугу изъятися отъ насъ. Аще же будемъ держатися его, то всю жизнь нашу не узримъ въ себѣ плодовъ Святаго Духа, то есть: любви, радости и мира.

Внемлите же и тому, како врагъ окрадаетъ такового: гдѣ ему подобаетъ оказовати любовь, кротость и благоговѣніе, то есть со живущими и иночествующими съ нимъ отцы и братією, тамо онъ презрителенъ, небреженъ, хладенъ и яко чуждъ обрѣтается. А гдѣ довлѣло бы охранятися и блюсти себе опасно, паче же сколько возможно удалитися и бѣгати, то есть: посѣщающихъ мірянъ, и не суесловити, не слушати, не любопытствовать о житейскихъ упражненіяхъ, ниже о состояніи своихъ домашнихъ, отъ коихъ онъ отдѣлился и умеръ иноческими обѣты, — онъ же, напротивъ, любезнъ и благопріятно съ оными простираетъ свои бесѣды, и присѣдитъ охотнѣ, и со всякимъ прилежаніемъ тщится о угожденіи онымъ, и дѣлаетъ подобно тому, иже, законную свою жену оставя, со иными прелюбодѣйствуетъ. Сиче творящему како Богъ восхощетъ вспомошествовати Своею благодатію, и како возможетъ стяжати умную чистоту и миръ душевный?

О возлюбленне! поистиннѣ порокъ сей презорства ненавистнѣе предъ Господомъ всякихъ иныхъ пороковъ и грѣхопадений, и отнюдь не попускаетъ приблизитися ко исправленію и восчувствовать свое отъ Бога удаленіе: ибо видимъ многихъ великихъ грѣшниковъ, разбойниковъ, чародѣевъ, прелюбодѣевъ, хищниковъ, татей, піаницъ и въ конецъ развращенныхъ, но понеже кои не одержимы были отъ богоненавистнаго и діавольскаго порока высокоумія и презорства, то благодать и человеколюбіе Божіе не отрину ихъ въ конецъ, но вспомошествова имъ отъ таковыхъ уму необъятныхъ беззаконій обратитися, сокрушиться, смириться и достигнути спасенія. Книжницы же и фарисеи, мнящіися быти праведными, судящіи иных, и сами обрѣтаясь чистыми отъ таковыхъ лютыхъ грѣхопадений, но понеже содѣлахуся поработченными славолубіемъ, гордынею и презорствомъ, то въ конецъ ослѣпоша злобою, не возмогша познати своего заблужденія, не восхотѣша увѣровати Христу Господу, осудиша Его на распятіе, сами же чрезъ то наслѣдоваша огнь вѣчный и мученіе.

Помыслите паки, аще за чуждый огонь, внесенный въ жертвенникъ, много прогнѣвася Господь и не пощаде таковая дерзнувшихъ, якоже написано о томъ въ Ветхомъ Завѣтѣ¹. То како помилуетъ того, иже дерзаетъ въ равноангельную иноческую жизнь вносить то, еже сродно точію бѣсомъ и происходитъ отъ діавола, то есть презорство и гордыня? А потому да вѣдаетъ

¹ Законъ *Л* ; см.: Чис. 3, 4.

таковъ, яко вси святїи Ангели съ преподобными отцы ополчатся на него, аще не премѣнится.

Кои же съ помощію Божіею отринуть отъ себе сей діавольскій недугъ, тїи, якоже невинніи отроцы, со всякимъ простосердечіемъ во смиренїи и съ любовію повинуются и покоряются отцу своему. Другъ о другъ радуясь, другъ ко другу единяся святою чистою любовію, предпочитаютъ каждый ближняго и упреждающе своимъ служеніемъ, зрятъ самихъ себя не стужаемыхъ, а тѣмъ болѣе не поработенныхъ¹ отъ страстей, но вседушнѣ, въ чистотѣ сердца, умомъ утвержденныхъ въ Божественномъ познанїи и любви.

Намъ, христїаномъ, паче же иночествующимъ, долженствовало бы паче Ангеловъ тщатися о благоугожденїи Господу смиреніемъ, покорностію и чистою любовію, ибо паче Ангеловъ воспочтены и возвеличены вочеловѣченіемъ и страданіемъ Искупителя нашего Христа Господа. А потому, аще вознерадимъ о толикомъ Его челоуколюбїи и не отринемъ отъ себе въ конецъ сего богопротивнаго и діавольскаго недуга: презорства, высокоумїа и гордыни, — то вси Ангели Божїи [со всѣми святыми] ²осудятъ насъ² предъ Господомъ на Страшномъ и праведномъ Судѣ Его.

Аще же который смиренный и любомудрый братъ, отвращая суетныхъ бесѣдъ и празднословїа, тяготится вопрошающимъ его и вовлекающимъ во многоглаголаніе и пустословіе, таковъ долженъ со смиреніемъ и любовію, паче же съ поклоненіемъ и тихостію отвѣщати тако: «Прости, брате, не могу отвѣщати тебѣ на суетные и неполезные твои бесѣды и вопрошенїи, понеже намъ, инокомъ, правилами святыхъ отецъ заповѣдано хранитися отъ празднословїа и учитися молчанїю: довлѣетъ намъ, яко живя въ мїрѣ, проводили житїе наше суетно и бесполезно, въ молвахъ и праздныхъ бесѣдахъ». Сїце поступая, и себе соблюдетъ безъ вреда, и брата вразумитъ, и Богу благоугодитъ.

Аще который братъ не хочетъ и не тщится перемѣнить своего нрава злаго и раздражительнаго, и не прїемлетъ съ кротостію и смиреніемъ, паче же съ благодареніемъ наказанїе, совѣты и обличенїи, но скорбитъ и раздражается, таковому праведно не глаголати о порокахъ его, и оставить его: како хочетъ, тако да устрояетъ самъ свое спасенїе. Но вельми достоинъ сожаленїа таковъ, ибо сомнительно его исправленїе и безъизвѣстно спасенїе. И како возможетъ прїити въ познанїе своихъ пороковъ и заблужденїй, аще не терпитъ обличенїй и ниже послушати хочетъ совѣтовъ и наказанїй [отъ] отца и духовныхъ единокружныхъ братїй? Таковъ подобенъ онымъ раскольникамъ, кои

¹ поработаемыхъ Л

^{2,2} ополчатся на насъ Л

пребываютъ неисцѣльны, понеже хранятъ заповѣдь сицевую: дабы отнюдь съ православными христіанами о верѣ не глаголати, ниже слушати, ниже чести книгъ, составленныхъ отъ богоугодныхъ пастырей и богоносныхъ отецъ на обличеніе и возраженіе онѣхъ зломудрствований; сего ради ниже познати могутъ своего заблужденія, ниже изъятися тщатся отъ своея пагубы.

Мнѣ мнится, яко лучше во всякихъ порокахъ и грѣхопаденіяхъ умерети, нежели съ гордостію, превозношеніемъ и презорствомъ явитися предъ Богомъ, понеже видимъ во Святомъ Писаніи, яко многихъ попускаетъ Богъ смотрительнѣ впасти въ блудъ и въ многообразная лютая паденія ради смиренія и истребленія богоненавистнаго презорства, высокоумія и гордыни.

А потому еще кто, пообладанный симъ діавольскимъ недугомъ, и не тщится исправитися, то таковой конечно болѣе самаго бѣса пріиметъ осужденіе, ибо, сотворенный по образу и по подобію Божію, добровольно содѣлался подобнымъ и содружественнымъ съ превознесшимся гордынею діаволомъ, и вкупѣ съ нимъ низведется въ преисподнее дно и бездну адову.

То како отцу духовному не печаловать о таковыхъ, кои по причинѣ высокоумія, самомнѣнія своего и гордыни отступили отъ спасительной стези и уклонились на непреданный путь?

Равенъ же или подобенъ діаволу еще здѣсь таковой потому показуется, ибо якоже діаволь исправитися не хочетъ, но непрестанно ненавистная Господу творити тщится, сице и презоривый по подобію діавола о исправленіи небрежетъ, и словесъ и поучений ко обращенію его глаголемыхъ не пріемлетъ, и смиритися или признати себе повинна не терпитъ, паче же не хочетъ, но повсечасно братію, живущую съ нимъ, смущаетъ, соблазняетъ и во всякіе слабости и грѣхи вовлекаетъ. Съ противящимися же ему крамолится и братіи успокоитися не попускаетъ. Настоятелю же и отцу своему неутолимую печаль и неусыпные труды о врачеваніи его содѣлываетъ.

Но еще спросите, како сей недугъ высокоумія уврачевать и како [возможно] отъ онаго избавиться, отвѣтствуетъ на сіе святой Лѣствичникъ: яко отъ человекъ сіе не исцѣльно — то есть, ниже самъ отецъ возможетъ исправить, токмо единъ Богъ силенъ такового уврачевати и исцѣлити. И поистиннѣ трудно и невозможно отцу ученика, обладаннаго высокоуміемъ и презорствомъ, уврачевати, еще не снидетъ особенная помощь Божія; кольми паче безъ отца самому собою измѣнитися отъ сего діавольскаго недуга невозможно.

Сего ради подобаетъ таковому, первѣе всего съ горькимъ стenanіемъ проклиная¹ самаго себя и поношая, и осуждая, болѣз-

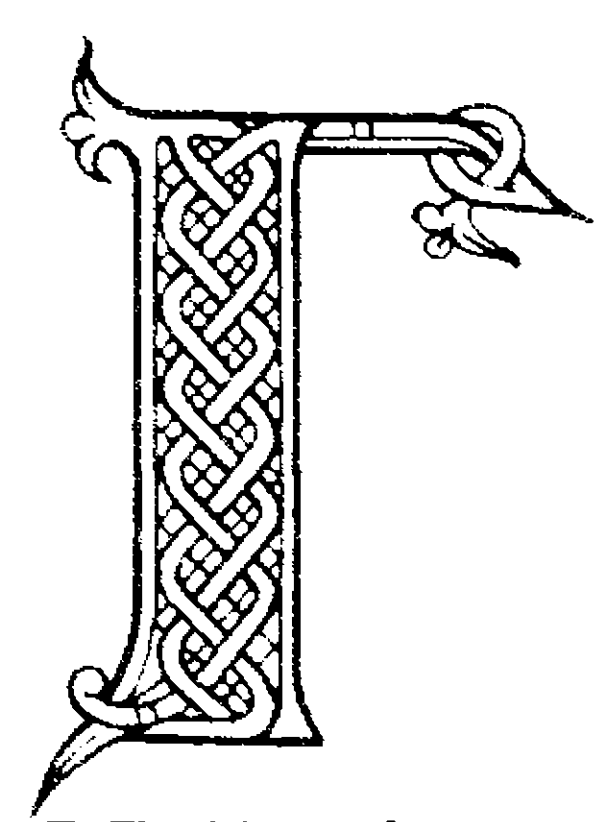
¹ В Л 'это слово зачеркнуто и исправлено на: укоряя.

ненно молити Бога, да умилосердится и избавить его отъ такового ¹неисцѣльнаго недуга¹, егоже ради есть мерзостенъ и нечистъ предъ Святѣйшими и Божественными очесы Его. Къ тому же еще непремѣнно долженствуетъ самаго себя насильно, аки съ кровію, понуждати, вездѣ и во всемъ послѣдность гонити, и на уничиженныя дѣла и послушаніи себя издавати, и отнюдь безъ благословенія и безъ вопрошенія самовольнѣ ничесого не творити, и вседневно открывати свои дѣяніи и помышленіи, заповѣдуемыи епитиміи неотреченно выполнять. Тогда негли помируетъ Господь сиче труждающагося, даруетъ благодать Свою и избавить отъ діавольскаго обладанія.

Аще же и по сичевыхъ самопроизвольныхъ трудѣхъ еще не зритъ себе измѣненна и избавленна въ конецъ ²отъ презорства и гибельной гордыни², тогда неминуемо должно поступити по наставленію преподобнаго Іоанна Савваита, упоминаемаго въ «Лѣствицѣ»: подобаетъ, рече, такому предатися въ повиновеніе чловѣку яростну, напрасливу и немилосерду, да негли у такового, злострадательнѣ претерпѣвая, сотворить бѣжати отъ него ³сему богоненавистному духу³. Или по подобію Исидора, иже всѣхъ моляше съ поклоненіемъ, да просятъ, да молятся о немъ. Ибо несравнительно лучше здѣ всякое злостраданіе, подвижничество и презрѣніе претерпѣвати, нежели ради гордыни и презорства вкупѣ съ бѣсы низриновенну быти въ безконечныя адскія мученія, и лишитися вѣчнаго блаженства и сладкаго лицезрѣнія Божія и славы святыхъ.

СЛОВО ІІ

О НЕПОКОРНОСТИ И ОЗВРАЩАЮЩЕМЪ НИИХЪ, ДА НЕ ПРЕДАЮТСЯ ВЪ ПОВИНОВЕНІЕ

лаголють святые отцы: «Иже Богу не повинуется, таковый и неволею повинется врагу». Тако, возлюбленніи! сіе самое зримъ и познаваемъ надъ оными, кои, вступая во иночество, не хотятъ со истинною покоритися и отめются носить благое иго послушанія Христова, того ради, аки невольно и неудержимо, влекутся на сопротивная и богоненавистная служенія діаволу.

¹⁻¹ неисцѣльнаго діавольскаго недугованія Л'

²⁻² отъ гибельнаго високоумія и презорства Л'

³⁻³ духу презорства и гордыни Л'

Таковъй самъ, поработившись непокоривому бѣсу, тщательно исполняетъ волю его и лестно, аки бы подъ видомъ любви и дружеской любви, прельщаетъ и отвлекаетъ иныхъ отъ спасенія. Паче же самъ наѣтъникъ и врагъ спасенія нашего діаволъ, употребляя онаго яко подручнаго себѣ, и его устами изрыгаетъ свой гибельный ядъ, то есть совѣтуя братіи, да не предаются въ повиновеніе и руководство отцемъ духовнымъ, но да послѣдуютъ и подражаютъ ему. Онъ же, злощастный, да приникнетъ самъ въ свою душу и тогда познаетъ, сколь далече отстоитъ отъ спасительной стези, и како поработится діаволу, и невольно влечетъ тяжкій яремъ его, иже есть: смущеніе, ненависть, злоба, отчаяніе, буря волненій и терзаній, къ тому же уныніе и душевную удаву. Ибо якобы нѣкимъ ядомъ опоевъ, сие вся внутренность и самое тѣло его страждетъ, мятется и мучится, и не имать ослабы и помилованія ни днемъ, ни ночью: ¹но трепещетъ¹ подобно Каину, ибо, содѣлавшись въ конецъ подручнымъ діаволу, не имать уже ни на единъ часъ душевной свободы. Не можетъ ни съ братіею мирно побесѣдовать, ни Богу помолитися дерзаетъ, ни книгъ къ обличенію его послушати хочетъ, ни совѣтовъ и поученій отца своего терпѣти можетъ; но выну и безпрестанно на все скорбитъ, со всеми крѣмолится и вся дни своя провождаетъ со смущеніемъ, негодованіемъ и роптаніемъ. Къ тому же еще увлекается діаволомъ въ различныя прихоти, сладострастіе и грѣховныя вождельнія. При семъ же надмеваетъ его своенравіемъ, непокорствомъ и презорствомъ, и гордынею, и за все сіе въ награду и воздаяніе, яко содружественному и послушнику своему, усвоиваетъ оному вкупѣ съ собою вѣчное мученіе [и геенну огненную].

Довлѣло бы для такового развращеннаго и той погибели, яко самъ не покоряется и презираетъ отца своего, сопротивляется и ругается преданіямъ святыхъ отецъ, за что содѣловается противнымъ Богу и другъ² діаволу; онъ же еще дерзаетъ прельщать неопытныхъ и малодушныхъ братій ³на подражаніе себѣ³. Посему каковаго суда долженъ чаяти себѣ отъ Господа, увлекаая въ погибель искупленныхъ Божественною кровію Христа Спасителя и приведенныхъ Его человеколюбіемъ въ жизнь равноангельную, да служатъ Ему въ мирномъ единеніи, въ чистотѣ, любви и согласіи, со смиреніемъ и послушаніемъ, ⁴за обѣтованное блаженство со всѣми святыми Его⁴.

¹⁻¹ но выну мятется — стелетъ и трепещетъ Л'

² содружественнымъ Л'

³⁻³ да подражаютъ ему Л'

⁴⁻⁴ за что обѣтова имъ жизнь вѣчную и блаженство со всѣми святыми, благоугодившими Ему. Л'

Святїи угодники Божїи за спасенїе ближняго нещадно преда-
ваху души своя, инїи мученїе и смерть подъяша. Святїи Апосто-
ли всю землю обтекоша, якоже крилатїи, взыскуя и обращая ко
Господу. Преподобнїи отцы со всеневными бдѣнїи, посты и под-
виги, и со слезами, и моленїемъ неусыпное старанїе показываху,
и изобрѣтаху всякїи способы для нашего спасенїя, и своимъ при-
мѣромъ тщательно возбуждаху и поощряху на богоугодная дѣя-
нїя. Того ради святые обители, киновїи и монастыри сооружи-
ша, и уставы, и правила, и увѣщательная поученїя издаша, дабы
привлещи насъ къ ревности и усердію послѣдовати примѣру
ихъ, и дабы воспламенити въ любовь ко Господу и въ желанїе къ
презрѣнїю міра и вступленїю въ жизнь иноческую. При томъ же
изъявиша и утвердиша, яко и въ монашествѣ нѣсть никоего пу-
ти лучшаго, удобнѣйшаго, скорѣйшаго, вернѣйшаго и ко Госпо-
ду благоугоднѣйшаго, яко еже всесовершенно отрещися своея во-
ли и со всею истинною искренно предатися въ повиновенїе къ
отцу духовному и жити съ неразсуднымъ послушанїемъ. И тако-
вое житїе наименоваху превыше всякаго инаго житїя, яко хри-
стоподражательное, страсготерпческое, быстро на небо возводя-
щее и небоязненно предъ Богомъ поставляющее.

Естьли же самъ непокоривый братъ будетъ и инымъ совѣто-
вать, да не поддаются въ повиновенїе, глаголя: да не трутся выи
ваши подъ бременемъ смиреннаго послушанїя, — то о коль лютое
послѣдуетъ зло! Аще не ижденется таковой и оставленъ будетъ
между братїй, имѣя споспѣшникомъ себѣ и совѣтникомъ непоко-
риваго бѣса, непрестанно будетъ смущать и развращать немощ-
нѣйшихъ, да не поддаются, да не теряютъ своей свободы и да не
содѣлываются рабами аввы и всѣго братства. И естьли о семъ все-
сокрушенно не раскается, то поистиннѣ бѣдно и отчаянно его
спасенїе, понеже едва ли обрѣтается грѣхъ болѣе сего погрѣше-
нїя. Ибо видимъ, яко многажды случается новоначальнымъ по
нѣкому обстоятельству¹ преслушати и отказатися, и не повину-
тися или не исполнити въ точности по завѣщанїю отца своего или
нѣческаго преданнаго святыми правилами, ово за безсилїе и не-
мощь, ово за нѣкую вину. Обаче грѣхъ такового преслушанїя
близъ милости Божїей имѣется, а наипаче естьли еще таковой
за неисполненїе и неповиновенїе свое скорбитъ и тужитъ, и окая-
ваетъ самага себя. И ради такового сокрушеннаго раскаянїя его,
отъ благодати Божїей, и въ грѣхъ ему не вмѣняется.

Аще же кто добровольнѣ слагается и соутверждается въ душѣ
своей къ непослушанїю и непокорности, и мнитъ себе, яко право

¹ обстоянію Л

и добрѣ содѣловаетъ, то сіе есть діавольское недугованіе: понеже и діаволь со злобою своею и непокорствомъ разстатися не терпитъ. И съ таковымъ зломудрованіемъ живуще, не возможно отнюдь спастися. И къ таковымъ потребно намъ не имѣти ни единого слова.

Таковому послѣдуетъ сугубое осужденіе, аще не покается и не обратится. Первое, за свою злобу и непокорность. Второе же, осужденіе услышитъ и сугубой муцѣ повиненъ будетъ за братнюю погибель. Хотя братія покровеніемъ благодати Божіей и не пріемлютъ и не слагаются съ его умовредными и богоненавистными совѣтами, однако онъ осудится, яко развративый уже братію. Сколь же за сіе ¹нестерпимая мука¹ уготована, о томъ никакой разумъ не можетъ постигнуть. Довлѣло бы поистиннѣ отчаятися таковому, аще бы непобѣдимое человѣколюбіе, долготерпѣніе и милосердіе Божіе не превышало грѣховъ всего міра. А потому, аще и онъ обратится, познаетъ свое заблужденіе, и всѣмъ сердцемъ припадетъ ко Господу съ истиннымъ раскаяніемъ и смиреніемъ, и прибѣгнетъ ко отцу своему и ко всему единомудушному и богоугодному братству, повергаясь съ сокрушеніемъ къ стопамъ ихъ, умоляя искренно простить его и пріять, яко блуднаго сына, то всѣ грѣхи его и злоба погрузятся и потонутъ въ бездну человѣколюбія Божія, и онъ обновится душею и проживетъ прочее въ любви, мирѣ и радости о Дусѣ Святѣ. И по смерти не помянутся грѣхи его, но вкупѣ со всѣми богобоязненными и богоугодными братіями водворится въ вѣчное блаженство. Аще же до конца пребудетъ упоренъ въ своемъ зломудрованіи, то наслѣдуетъ тяжчайшее осужденіе, ибо глаголютъ святые отцы: «Всякъ, кто сопротивная дѣлаетъ Богу, той паки распинаетъ Господа». Якоже и Сама Матерь Божія рекла къ кающемся Оеофилу², глаголя: «Бываемое еже отъ васъ Сыну Моему, озлобленіи и досада, яже творите распинающе Его вторицею грѣхами вашими, сего ни видѣти, ни слышати могу». Потребны же суть таковымъ многіе труды и подвиги, и сокрушеніе сердечное, да возмогутъ умолити благоутробіе Его. Аще бо и вельми милосердъ есть, обаче и Судія есть праведный, и грозенъ мститель, комуждо воздаетъ по дѣломъ его.

И такъ, естли непокоривый не обратится и не престанетъ развращать иныхъ, и покаянію достойныхъ трудовъ не принесетъ, то будетъ и Матерію Божією ненавидимъ, и Самъ Богъ будетъ ему грозный мститель. То куда бѣжитъ и гдѣ укроется таковой отъ гнѣва Божія?

^{1.1} нестерпимая и лютая мука *Л*

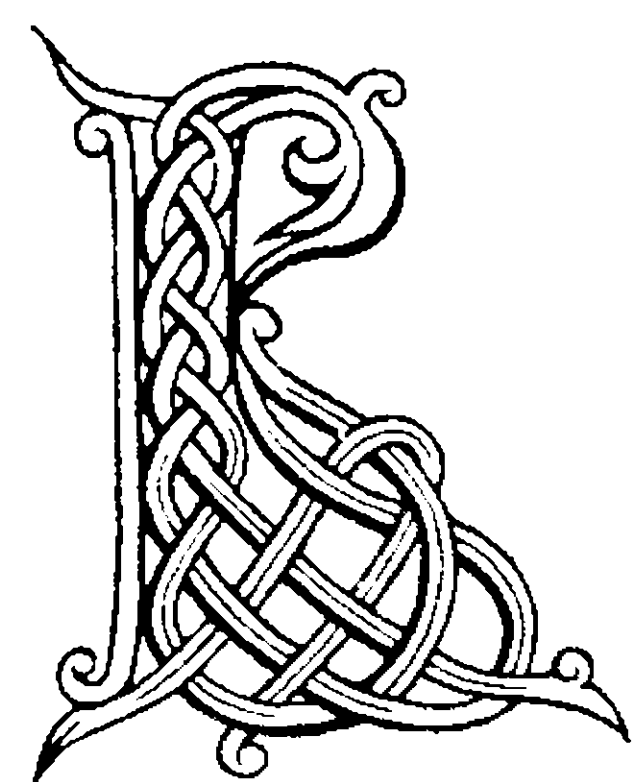
² Оеофилу економу *Л*

Таковъй хотя и оказываеѣтъ любовь и желаніе содружества, но можно ли признать любовію то, гдѣ укрываются сѣти діавола и обольщеніе, дабы уловить и отвлечь отъ спасительной стези? Истинная духовная по Бозѣ любовь въ томъ заключается: да всячески другъ друга подкрѣпляемъ и увѣщаваемъ на богоугодныи труды и постническіи подвиги и самоотверженіе, по подобію, якоже во время гоненія и мученичества многіе творили: то есть, отцы — чадъ, мужи — женъ, и жены — мужей, братъ — брата и всѣ другъ друга увѣщавали и утверждали къ мужественному терпѣнію за Господа. Или по подобію преподобныхъ подвижниковъ, якоже и они вѣщаху другъ ко другу: «Потерпимъ, братіе, до конца, вотъ еще мало, и скончается житіе наше». И прочая.

Небрегущій же и нерадящій о спасеніи и самъ не слушаетъ полезнаго отъ своихъ наставниковъ, и иныхъ поучаетъ, да не поддаются въ повиновеніе¹ отцемъ духовнымъ, чрезъ что и свою и иныхъ погибель устрояетъ.

СЛОВО ПА

КЪ СЛЫШАВШЕМУ НЕДОБРЫЕ СОВѢТЫ ОТЪ РАЗВРАЩЕННАГО БРАТА

Всякій же братъ, слышавшій отъ развращеннаго брата совѣты, поощряющіи и наклоняющіи на слабое житіе и отторгающіи отъ послушанія, не долженъ за сіе негодовать и скорбѣть на него, но паче достоинъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ молиться о немъ и вкупѣ со отцемъ прилагати тщаніе о его исправленіи, дабы и онъ очувствовался и позналъ, сколь далеко заблудился отъ истиннаго пути.

Такожде, слыша сіе написанное обличительное увѣщаніе, не должно соблазняться или вреждатися, или осуждати онаго, ибо и отецъ, аще и къ развращенному брату написа сіе, но вмѣстѣ желая предохранить отъ таковаго заблужденія слушающихъ и прочитавающихъ оно. Ибо той, низводящійся въ таковъй грѣхъ, негли по невѣдѣнію увлекается. Аще же кто по прочтаніи² и слышаніи сего обличенія низведется въ таковыя же богоненавидныя свойства и поступки, то, яко уже вразумленный, несрав-

¹ В Л' после этого слова точка, конец фразы опущен.

² по прочтеніи Л'

ненно болѣе осудится предъ Богомъ и обрящется по всему безотвѣтенъ.

[Аще бы братъ оный не былъ одержимъ такимъ жестокимъ нечувствіемъ, то не нужно было бы излагать столь жестокаго обличенія, ибо и Господь, аще бы жестоко не угрожалъ намъ ожесточеннымъ, то и мы никогда бы не пришли въ страхъ Божій. А ныне не токмо убійство или иное нѣкое смертное погрѣшеніе творить не дерзаемъ, но и уродивымъ нареци или и въ милости отказать опасаемся. И аще бы Павелъ Апостоль не предалъ сатанѣ соблудившаго во изможденіе плоти, то согрѣшившій не пришелъ бы въ раскаяніе.]

Поистиннѣ, возлюбленніи, не просто потщахся столь умноженно написать и столь язвительно порокъ онаго брата изъявити, но понеже Самому Господу нашему Іисусу Христу изволенно бѣ кровь Свою изліяти, и божественную душу Свою положить за спасеніе каждаго. Того ради и азъ грѣшный тщательно гонюся о его обращеніи ко спасенію. Къ тому же страшуся и того, дабы братъ таковой, умирая, не сталъ бы произносить проклятій, взывая къ Богу на мя, яко живуца его со мною лѣнихся наставлять и охранять, того ради онъ и не прииде во исправленіе.]

Нынѣ же вы всѣ слышавшіе оное должны весьма опасно блюсти себе, дабы избѣжать евангельскаго осужденія: *ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него*¹. А о такомъ молитися, да познаетъ свое гибельное заблужденіе и приидетъ во исправленіе.

[Аще таковаго брата разстроеннаго оставить единаго жити аки въ затворѣ, да не смущаетъ иныхъ, то вѣщше возгордится отъ уединенія и начнетъ паче и паче высокоумствовать. Сего ради таковымъ ниже слѣда безмолвія попущено видѣти, да не изъ человека бѣсомъ содѣлается. Но подражати достоитъ такому преподобному Исидору, понеже смиренія ради и уничиженія, негли и слезу стяжетъ. Ктому же таковаго нужно еще вчинити между братій вездѣ аки послѣдняго, дабы чрезъ то содѣлался бездерзновенъ. Аще имать нѣкія собственные или мірскія вещи, то всѣ достоитъ истребить и не попускать ни откуда самому ничесоже изыскивать на свои potreбы и нужды, ниже малѣйшаго, дабы чрезъ нищету тѣлесную содѣлался и духомъ нищій, и чрезъ сіе самое вразумится и познаетъ, яко отецъ его истинно печется о его спасеніи. И тако аще въ сихъ дѣяніяхъ претерпѣваетъ, то всячески Господа милостива къ себѣ стяжетъ и спасеніе улучшить.]

¹ Лк. 12, 48.

СЛОВО ІІВ
КЪ НЕ ХОТАЩЕМУ СЛУШАТИ НАПИСАННАГО
ПОУЧЕНІЯ

Истинно неслыханно, дабы кто, желая быть спасеннымъ, презиралъ бы Святое Писаніе и не хотѣлъ слушать продолжительнаго поученія и наставленія отеческаго. Видимъ, какъ Марія, упоминаемая во Евангеліи, присѣдъ при ногу Іисуса, тщательно слушаая поученій Его, за что самое отъ Господа паче сестры ея Марфы похвалена бысть. И при Апостолѣ Павлѣ всю ночь сѣдяще, слушаху поученій его, аще и отъ сна побѣждахуся, якоже онъ юноша, падый отъ трекровника¹. И пророкъ Давидъ блажитъ тѣхъ, кои поучаются въ законъ Господни день и ночь. Вспоманемъ и того старца, который по вся вечера надолзъ поучалъ ученика своего и, поучая, низведеса сномъ; ученикъ же во всю ночь бѣ предстоя при немъ. И за таковое его терпѣніе семь вѣнцевъ исплетеса ему отъ Господа въ ночь ону. Ожесточенному же брату надлежало бы нудить себя паче оныхъ, тщательно прилежати къ слушанію полезныхъ поученій, дабы и самому приблизитися къ онѣхъ добродѣтели. Но вмѣсто того еще досадуеть, почто его поучаютъ и стараются о его исправленіи.

Всякой нерадивый и не хотящій слушати полезныхъ поученій, хотя и молитъ Бога о помилованіи, но не услышитъ его Богъ и не пріемлетъ моленія его, понеже онъ не слушаетъ отца своего и отвращается отъ его отеческихъ наставленій. Паки помыслите, добро ли возсіавшу солнцу оставатися добровольно во тмѣ. Сиче творитъ тотъ, иже не хочетъ просвѣщатися отъ Святаго Писанія, еже показываетъ ему отецъ, якоже солнце, просвѣщающее и согрѣвающее душу прилежащаго оному.

Вступившему во иночество подобаетъ, по Апостолу Павлу, вся за уметы вмѣняти и гонятися за спасеніемъ. Гонити, а не медлити: то есть вся препятствующая къ богоугожденію, яко уметы, вскорѣ и не малодушествуя отъ себя отметати. Зримъ гонящихся на тризница², съ коликимъ усиліемъ бѣгутъ, ни на кого же зря, всѣхъ возбраняющихъ со многимъ стремленіемъ отрѣвають: и смыслъ, и око, и крѣпость, и душу, и тѣло ни къ чему иному простираютъ, но токмо къ почести и къ подлежаще-

¹ Трекровникъ — третья кровля; третий этаж. См.: Деян. 20, 9.

² Тризница — здесь: состязания.

му концу. Тако подобаетъ усиленно стремиться къ богоугожденію, дабы достигнути спасительнаго чаянія и не лишиться жизни вѣчной. Но развращенный братъ сопротивно поступаетъ, не токмо самъ не прилагаетъ тщанія ко исправленію, но и вспомоществующихъ ему отмещетъ, и болѣе свирѣпствуетъ, и въ ненависть снисходитъ ко отцу и ко всѣмъ богобоящимся братіямъ, пекущимся о немъ и о его спасеніи.

Аще же глаголетъ, яко ¹того ради не терпитъ¹ продолжительнаго чтенія и поученій изъ Святаго Евангелія и святыхъ отецъ, яко не разумѣетъ и не понимаетъ чтоаго. Но таковой долженствовалъ бы еще болѣе оказывать терпѣнія и тщанія, и со смирениемъ умоляти отца и братію, да вразумляютъ его и объясняютъ ему чтемое, ибо безъ усерднаго тщанія и земнаго, и временнаго — ничего невозможно научиться. Кольми паче, Святое Писаніе невозможно безъ усердія и самому собою право уразумѣти.

Сицевая же хладность и отвращеніе къ словесамъ наставника вельми сладка и любезна врагу паче всѣхъ величайшихъ грѣховъ. Понеже всякіи грѣхи, кои сотворяемъ, отъ немощи поползаемся и падаемъ, яко чловѣцы, ово отъ ярости, ово отъ похоти, ово отъ нетерпѣнія побѣждаемся. А еже отвращатися и не терпѣти поученій отеческихъ и Священнаго Писанія, происходитъ ни отъ чего инаго, какъ токмо отъ невѣрія къ наставнику и ожесточенія и презорства къ слову Божію. Божіе же слово столь уважительно, яко довлѣетъ его держатися и предпочитати паче живота своего. Ибо вси святіи апостоли и мученицы восхотѣша лучше страдати и умерети, нежели умолчати и не глаголати слово Божіе ко спасенію иныхъ. Понеже бы умолчали и не возвѣщали словесъ поучительныхъ, то могли бы избѣжать и мучительныхъ страданій, и мы не познали бы истинны и пребывали бы во тмѣ пагубныхъ заблужденій. А посему и у таковаго брата, иже ожесточается, свирѣпствуетъ и отвращается отъ спасительныхъ поученій, видится сердце и духъ таковой же, каковой былъ у оныхъ безбожныхъ тирановъ, иже мучили и убивали святыхъ апостоловъ, мучениковъ и святыхъ отцевъ за поученіе и проповѣданіе слова Божія. И сей, аще бы имѣлъ власть и силу оныхъ, то не токмо сталъ бы молить отца, да сокращаетъ и оставляетъ поученіи, но употребилъ бы власть свою насильно пожещи все написанное къ его обращенію и назиданію.

Хотя таковой братъ въ точности и не безбожникъ, и не варваринъ, но однако дѣлами своими подражаетъ онымъ; понеже не имя христіанское и монашеское спасаетъ, но дѣла иноческія

¹⁻¹ того ради смущается и негодуетъ, и не терпитъ Л'

приводятъ ко Господу. Сице и братъ, аще не слушаетъ Святаго Евангелія, отвращается поученій и наставленій, и живетъ со враждою, со смущеніемъ, тщеславіемъ, славолюбіемъ, презорствомъ и непокорствомъ, не воспользуется отъ наименованія христіанскаго, ниже иноческаго, понеже глаголютъ святыя отцы: аще кто каковыя страсти поработился, то оная ему и богъ. И Апостоль глаголетъ: аще христіанинъ есть сребролюбецъ, то почитается яко идолослужитель¹. А посему также, иже не хочетъ слушати святаго поученія, то волею содѣловается служителемъ діавола и повинуется ему, понеже токмо діавольскимъ служителямъ противны и ненавистны святыи поученіи. То како можно признати такового брата за инока благочестиваго, который управляетъ себя по подобію невѣрныхъ безбожниковъ? Поистиннѣ аще о таковомъ своемъ нечувствіи и окаянствѣ не возопіетъ со стенаніемъ ко Господу, дабы всемогущею Своею десницею подъялъ его и помогль бы ему обратитися и исправитися, то отчаянно его спасеніе.

Естьли бы братъ отвергль отъ себе пагубное высокоуміе съ презорствомъ и гнался бы за смиренномудріемъ, тогда не токмо восхотѣлъ бы запрещать отцу составлять для него продолжительныя поученіи, но и просилъ бы отца умиленно, дабы написанное для него всѣмъ объявлялъ и прочитовалъ въ позоръ о его порочномъ житіи. Ибо со смиреніемъ сопряженный братъ того и желаетъ и тѣмъ паче услаждается, аще его безчестятъ и унижаютъ.

И тако кійждо да испытуетъ самъ себе, аще поистиннѣ признаетъ себя непотребнымъ и любитъ уничиженъ [и поношаемъ] быти. Тогда отъ всей души да благодаритъ Бога, понеже сіе не ложное есть знаменіе, яко вселися въ него Духъ Святой, и благодатію Божіею сподобися дара смиренномудрія.

Отецъ же еще болѣе осудится отъ Бога, аще не будетъ тщательно пещися о исправленіи брата, ово поученіемъ изъ Священнаго Писанія, ово самъ написуя, еже Богъ внушаетъ къ его назиданію. Понеже братъ негли ради страстнаго своего навикновенія, самонравія, высокоумія, аки во мракъ слѣпотствуя и не видитъ, ниже можетъ познати² своя гибели, но вопреки еще самообольщается и мнитъ о себѣ, яко право и благо поступающа. Подобно лишенному ума, который хотя ножемъ режется, хотя самъ себе угрызаетъ, или въ водѣ потопляется, или инымъ чѣмъ себя вреждаетъ или погубляетъ, но все таковое творя, мнитъ, яко добрѣ содѣловаетъ. И аще присѣдѣи при немъ не будутъ

¹ См.: Еф. 5, 5.

² познавати *Л*

его оберегать, то како не большему повинни будутъ грѣху и наказанію, нежели самъ безумный. Тако и братіи, а наипаче отцу неминуемо послѣдуетъ горе и осужденіе, аще вознерадитъ и не будетъ оберегать, вразумлять и удерживать брата отъ душевной гибели; но и самъ братъ при кончинѣ лишится блаженнаго упованія, и въ бѣдственномъ отчаяніи сократится жизнь его.

Оскорбленіи же и негодованіе порочнаго брата за продолжительныи поученіи или писаніе старца къ его душевному назиданію и исправленію касаются не токмо старца, но восходятъ къ хуленію Самаго Бога. Понеже отецъ не отъ себя и не своимъ разумомъ пишетъ и поучаетъ его, но елико Богъ помогаетъ и вразумляетъ, яко же Самъ рече во Евангеліи: *безъ Мене не можете творити ничесоже*¹. То кольми паче безъ Господа и безъ Его всеильной помощи толь много написовати и тщатися о его исправленіи невозможно.

Сего ради, о брате! обозрися на пагубу души своя, аще за трудъ и попеченіе отца ты плотишь ему ненавистію и злобою. Кольми паче жестоко тебѣ спиратися съ Богомъ: ибо аще Господь благоволилъ быти старцу въ семь служеніи, то есть да будетъ попечителемъ и совѣтникомъ къ назиданію и исправленію твоему и другихъ, ты же спиращишься вопреки, да не совѣтуешь, не пишетъ и не предлагаетъ о полезномъ, то симъ самымъ Богу противишися; сопротивляясь же Богу, како можеши быти Ему благоугоденъ?

Вѣстно же всѣмъ, яко другихъ приводитъ ко спасенію и охранять отъ грѣховныхъ дѣяній есть богоугоднѣе и благоприятнѣе паче всѣхъ дѣяній, постовъ и милостыней подаемыхъ. Чего ради не токмо не подобаетъ скорбѣти, но паче благодарити и молити отца, дабы не токмо о единыхъ его порокахъ писалъ и обличалъ, но и самомалѣйшихъ погрѣшностей не утаевалъ бы и не оставлялъ безъ уврачеванія. Дабы слушащіи и прочитывающіи оное пользуются, а чрезъ то коликое послѣдуетъ ему спасеніе, аще токмо самъ восхощетъ премѣниться и исправиться: ибо Господь не токмо проститъ ему, но еще по благи Своей вмѣнитъ ему, яко бы онъ и братіи послужилъ примѣромъ ко исправленію.

Не тако той воинъ дивенъ бываетъ, который, пользуясь здравіемъ и силою, крѣпко сражается и побѣждаетъ, якоже той, иже весь въ ранахъ и въ плѣненіи не поддается и не порабощается, но вырывается и, избѣжавши рукъ непріятельскихъ, укрѣпившись, поражаетъ ихъ самихъ. Тако и порочный, високоумный и самонравный братъ тогда дивенъ будетъ и увѣнчается отъ Бога, аще поборетъ и отринетъ отъ себя богопротивныя свойства:

¹ Ин. 15, 5.

презорства, гордости, злобы, ненависти и пагубнаго високоумія, и облечется, яко щитомъ и бронею, кротостію, смиреніемъ и покорностію ко отцу и къ богобоящимся братіямъ.

Естьли же братъ скорбитъ и не терпитъ того, почто самъ отецъ отъ себя пишетъ и излагаетъ для него поученіи и увѣщаніи, — но таковое его негодование нѣсть праведно, ибо видимъ и въ святыхъ житіяхъ примѣры благопокорныхъ смиренныхъ и даже облагодатствованныхъ учениковъ, кои не токмо отягощались поученіемъ своихъ наставниковъ, но еще сами записовали преподаемыя имъ устныя наставленія. Писанія же вмѣняху яко священное сокровище, и всеусердно тщались и самою жизнію ненарушимо исполнять оное, и по кончинѣ ихъ паки ихъ ученицы воспріимаху оное яко священное наслѣдіе. Видимъ много примѣровъ святыхъ, кои едиными токмо словесами спасали и управляли учениковъ своихъ; видимъ и таковыхъ, кои при словесныхъ поученіяхъ и писаніе свое предлагали въ наставленіе; но кои безъ писанія единими глаголы поучали, то онѣхъ отецъ всѣ рѣчи и наставленія нынѣ намъ не извѣстны, како и о чемъ поучаху своихъ учениковъ. А которые своя поучительныя наставленія писаніемъ оставиша, то и по днесь весь міръ вразумляется и пользуется онымъ.

Аще бы Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ и прочіе святые отцы одними бы только словесы опровергали еретиковъ и обращали отъ заблужденія, и изустнымъ токмо поученіемъ просвѣщали и утверждали въ истинномъ богопознаніи, то мало послѣдовало бы пользы, ибо въ тѣ токмо времена процвѣтало бы благочестіе, и по кончинѣ оныхъ паки возникло бы и усилилось злочестіе и многовидныя ереси. Но нынѣ, благодареніе Богу, хотя и тмами отъ недръ сатаны проистекають плевелы еретическія, но поучаясь и вникая въ премудрое и богодухновенное святыхъ отецъ писаніе, просвѣщаемся и утверждаемся во благочестіи, и всякое ложное и богопротивное ученіе, яко зловоніе и прахъ, помощію Божіею отметаемъ.

Аще же презоривый и високоумный братъ уничижаетъ писаніе отца [своего] яко далеко отстоящее отъ оныхъ премудрыхъ свѣтилъ Вселенныя, но тѣмъ паче таковому старцу, иже и самъ несовершенъ и многонемоощенъ, скудоуменъ и грѣшенъ, подобаетъ болѣе писати, неже глаголати. Ибо, словами поучая, удобно можетъ ошибиться и глаголати погрѣшно; написуя же, со всякимъ опасствомъ внимаетъ, дабы во всемъ сходно было со Священнымъ Писаніемъ. Къ тому же предлагаетъ многажды на разсмотрѣніе богопросвященнымъ отцемъ, и по свидетельству ихъ предлагаетъ и ученикамъ своимъ безъ сомнѣнія.

Но презориваго и ожесточеннаго брата, по глаголу святыхъ отецъ, и святыя книги не могутъ привести въ чувство. Токмо Единъ Богъ силенъ такового исправити. То можетъ ли таковой високоумный принимать и вѣровати простымъ словесамъ старца своего, аще оное съ толикимъ тѣхнѣемъ ¹написанное и избранное¹ изъ святыхъ книгъ и еже вся братія и отцы пріемлютъ и одобряютъ, онъ же яко враждебно почитаетъ, но еще и ругательнѣ глаголетъ, яко самъ діаволъ научаетъ таковая слагати и много написовати. И естли не слушаетъ святаго Лѣствичника, еже бы отъ всякаго подозрѣнія на наставника, яко отъ блуда, отскочити. Онъ же не токмо не отрѣвуетъ таковыхъ хульных мнѣній и подозрѣній, но и правое его писаніе причитаетъ діаволу. И аще просто токмо въ чемъ-либо не соизволитъ или противорѣчитъ наставнику своему, глаголетъ святой Лѣствичникъ, яко зѣло важно и погрѣшно, то чего достоинъ таковой, иже непрестанно негодуетъ, прекословитъ и отвергаетъ управление и ученіе своего старца, именуя оное наущеніемъ діавола и иныхъ разстроивая и къ тому же привлекая.

Послѣ такового хульнаго изреченія довѣло бы ниже часа терпѣти брату, но абіе отъ себе и отъ братства и отъ святой обители отгнати; но понеже Господъ запрѣтилъ самому за себя отмщевати, того ради подобаетъ и старцу терпѣти. И паки повелѣлъ любити враговъ, и добро творити ненавидящимъ. А посему и старецъ всетщательно гонится за его спасеніемъ и неусыпно старается о наслѣдованіи ему вѣчнаго блаженства.

Сего ради праведно есть брату, видя такову старцеву неизмѣнную къ нему любовь и болѣзненное тѣхнѣе о его спасеніи, вѣровати, яко отецъ его предлагаетъ то, въ чемъ самъ долженъ отвѣтъ дати Господу, а потому не иное что, но токмо согласное съ волею Божіею и служащее къ его исправленію. И аще съ таковымъ смиреннымъ помышленіемъ послушаетъ увѣщаній отца своего, то прочее время проживетъ мирно, въ любви и согласіи, и въ радованіи, и пребудетъ любезенъ Богу, старцу и всѣму братству.

Помыслите, что болѣе и достоуважительное — чудо ли нѣкое узрѣти или гласъ и словеса Божія услышати? Всяко речете, яко вельми предпочтительное гласъ и слово Божіе. Но развращенные и чудеса зрѣли, и гласъ съ небесъ слышали, но ни отъ чего не воспользовались. Ибо, зря чудеса, распыхахуся завистію; слыша гласъ, *глаголаху: громъ бысть, и: ангелъ глагола ему*². Нынѣ же не отъ небесъ, но якобы изъ устъ Божіихъ слышимъ Святое

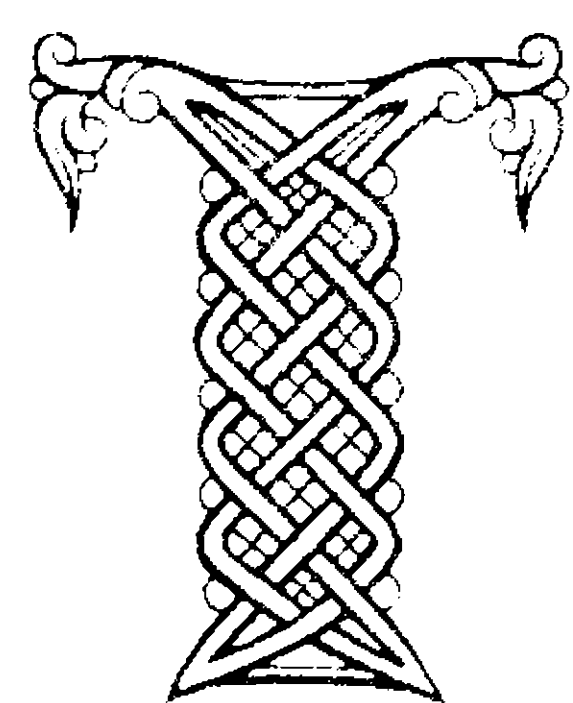
¹⁻¹ пишетъ, избирая Л

² См.: Ин. 12, 29.

Евангеліе, и лицемъ къ лицу предлагаются намъ проповѣданіе святыхъ Апостолъ и святыхъ богоносныхъ отецъ; и кои съ вѣрою и простосердечіемъ пріемлютъ оное, тѣхъ видимъ во спасаемыхъ, и небрегущихъ — далеко заблуждающихъ и отдаляющихся ¹отъ своего Бога и спасенія¹.

СЛОВО ІІГ

къ спящимъ на чтеніи поученія

Т аковыхъ, кои не внимлютъ Святому Писанію, Господь уподобляетъ сѣмени, посѣянному при пути, по притче евангельской (иже слышатъ и не разумѣютъ²), ихже и пообладающихъ³ отъ врага показываетъ, глаголя: приходитъ врагъ и отъемлетъ отъ нихъ слово, да не вѣровавше спасутся. И паки по Господней притчѣ: леть, богатства и житейскіи попеченія подавляютъ слово Божіе, равно отъ печали и гоненія соблазняются. Сонливый же братъ всѣхъ сихъ (то есть, отъ коихъ врагъ отъемлетъ разумѣніе богатства ради, или гоненія, не совершаютъ плода) болѣе недугуетъ, понеже оныя хотя слышатъ, онъ же дреманія ради не удостоенъ и слышанія.

Негли сонливый братъ не за великое погрѣшеніе вмѣняетъ свое дреманіе и того ради низводится въ сонъ, или не уважаетъ достождно словесъ Священнаго Писанія, или маловѣренъ и не твердо вѣруетъ тому, яже во Святомъ Писаніи повѣствуется, яко есть спасительно и отъ Самаго Бога чрезъ Евангеліе или чрезъ святыхъ Его Апостолъ и богоносныхъ отецъ намъ предано. А потому яко бы самое благоволеніе Божіе и заповѣданіе Его презираетъ. Аще кто безъ вѣры и безъ усердія слушаетъ, то возбранено такому предлагать словеса Божія, ибо глаголетъ Господь: не мечите бисера предъ свиніями⁴. То кольми паче для спящихъ нелѣтъ⁵ есть чести Святое Писаніе, зане яко на воздухъ чтется.

Еще же мнится, яко за свинонравныхъ и за невѣрующихъ вѣщше осудится иннокъ спящій и дремлющій на чтеніи, понеже оныхъ не облиста свѣтъ познанія истинны. Иночествующій же, яко богосвѣщенный и призванный благодатію Божіею, и есть

¹⁻¹ отъ Бога и отъ своего спасенія. Л'

² См.: Мф. 13, 13.

³ Здесь в значении: обладаемых; пообладанныхъ Л'

⁴ См.: Мф. 7, 6.

⁵ Нелѣтъ — нельзя.

въ Ангельском чинѣ, и будучи въ таковомъ превознесенномъ достоинствѣ, сномъ своимъ и дреманіемъ лишается вразумленія и пользы, происходящей отъ Священнаго Писанія. Таковъ дремлющій не токмо не удобряетъ и не утучняетъ своея душевныя нивы источниками, проистекающими отъ Святаго Духа чрезъ слово Божіе, но мало помалу увядаетъ и изсыхаетъ въ конецъ въ душѣ его и самое предложеніе и намереніе о стяжаніи спасительныхъ плодовъ, и отъ нерадѣнія всячески приходитъ въ небреженіе, разслабленіе и забвеніе къ заповѣдямъ и правиламъ и преданіямъ святыхъ отецъ. И тако имать паки возвратитися въ свои страстныя наклонности и наконецъ останется въ діавольскомъ обладаніи. Сего ради и во Святомъ Евангеліи речеса о нерадивыхъ: *уже не имать* и еже мнится имѣти, *возмется отъ него*¹. [И паки: *ему же дано... много, много и възыщется отъ него*².] И паки: *вѣдывый*³ и не творивый, *біенъ будетъ много*⁴.

Сонливый братъ самъ отъ себе познавати долженъ, въ какое зло снисходитъ чрезъ сонъ и дреманіе, и паки: чрезъ бодрствованіе и трезвенное поученіе на каковое восходитъ успѣяніе и кого болѣе любитъ и уважаетъ. Аще за брашномъ и за праздными бесѣдами не дремлетъ, а на моленіи, чтеніи и Божественномъ поученіи спитъ и дремлетъ, то уже не Бога любитъ и чтитъ, и не Богу служитъ, а маммонъ и празднымъ бесѣдамъ. А посему таковъ и равенствуетъ идолослужителямъ.

Помыслимъ паки, можно ли что пріобрѣсти или что содѣяти погруженному въ сонъ и нерадѣніе? Кольми паче не возможно пріобрѣсти благодать Божію и сподобиться спасительныхъ плодовъ и улучшить жизнь вѣчную нерадѣющему и безпечно предающемуся сну и нечувственности.

Сего ради, аще хотимъ наше спасеніе устроить, то да тщимся подражати истинно и ревностно взыскующимъ Господа и вседушно служащимъ Ему. Оныя бо всенощное бодрствованіе труждающееся совершаху. И многіе изъ нихъ ниже подъ кровъ вхождаху, но тако на яснѣ⁵ разными видами борющиеся со сномъ, неотторжнѣ держяхуся памяти Господа Бога своего, и деннонощно поучахуся въ Божественныхъ Его словесехъ. То кольми паче погрѣшно и непростительно, воспользовавшись нощнымъ сномъ и упокоеніемъ, обрѣтатися нечувственну и погружатися въ безвременный

¹ См.: Мф. 13, 12.

² См.: Лк. 12, 48.

³ вѣдый *Л'*

⁴ См.: Лк. 12, 47.

⁵ На яснѣ — на открытом месте; под открытым небом.

сонъ и дремоту при слуханіи чтенія и поученія, и чрезъ то лишатся проистекающія отъ онаго пользы. Понеже при чтеніи необходимо нужно имѣти бодрость умную, память трезвую, вниманіе углубленное и разсужденіе незаблудное. Дремлющему же отнюдь сихъ дѣйствій не можно имѣти. Паче же всего страшнѣе, яко симъ самымъ дреманіемъ ясное нерадѣніе и небреженіе къ словесамъ Божиимъ, паче же къ Самому Богу показуется. А чрезъ то и спасенія своего лишается.

Мы знаемъ, что врагъ — лстецъ, тщится всегда чрезъ малыя вины въ величайшія беззаконія низвергати. Что менѣе, какъ на жену воззрѣти? А симъ самымъ и святаго пророка Давида въ тягчайшія потомъ беззаконія врину, и многихъ сие погуби. Тако и сей вражескій недугъ дреманія во время чтенія мнится быти не велико, но отъемлетъ отъ насъ весьма великая благая. Ибо еще бы съ трезвостію слушали святое поученіе, то негли и послѣдовали бы чтому и научились бы, како боротися со страстями и похотми, како послушаніе имѣти, како во общемъ житіи жити и претерпѣвати, како пустынное житіе проходить, како безмолвствовати, како умное блюденіе стяжати, како во смиреніе и любовь достигнути, како на вся труды непрекословно издаватися, како подвизатися соразмѣрно силамъ своимъ. Единымъ словомъ, удобно научились бы, како подражати святымъ, како стерти главу самаго сатаны и Богу угодити. Дремлющему же о всемъ таковомъ услышати и научиться отнюдь не возможно. И тако видимъ, како діаволъ чрезъ малое дреманіе великаго и спасительнаго сокровища насъ лишаетъ и пустыхъ всякаго знанія и буіихъ содѣловаетъ. Господь глаголетъ во Святомъ Евангеліи: *Азъ не сужду, но слово Мое, то судитъ... въ послѣдній день*¹. Слово же Божіе — не одно только то, что проповѣдуютъ на кафедрѣ учителя, кое мы или никогда или очень рѣдко слышимъ. Слово Божіе есть Священное Евангеліе и прочее Божественное Писаніе, такожде и церковное послѣдованіе. Слово Божіе есть жизнь, душою, воскресеніемъ слушающимъ его. Живо бо слово Божіе и дѣйствительно. Мертвъ ли кто — или безбожіемъ или грѣховъ ради — душою своею, кто можетъ его воскресить? Слово Божіе, кое животъ есть. Заблудилъ ли кто во тмѣ ереси или въ пути развращеннаго житія, кто можетъ его просвѣтити? Слово Божіе, кое свѣтъ есть и истинна. Боленъ ли кто душою? Слово Божіе есть исцѣленіе. Жестокъ ли кто сердцемъ? Слово Божіе смягчитъ его. Грѣшникъ ли отчаяваемый?

¹ См.: Ин. 12, 47–48.

Слово Божіе влечетъ его на покаяніе. Живо бо слово Божіе и дѣйствительно. Григорій Богословъ глаголетъ, яко слово Божіе хлѣбъ есть ангельскій, имже питаются души, Бога алчущіи. Евреи въ пустыни питались манною, души же христіанскіи питаются словомъ Божіимъ. И ежели бы тамъ, въ пустыни, не послалъ Богъ манны, что бы было ¹сѣ бѣднымъ языкомъ¹? Такъ ежели не будетъ слова Божія, что будетъ сѣ христіаны? Хуже сего голода и казни наслатъ Божій гнѣвъ не можетъ. Богъ угрожалъ евреямъ устнами пророческими, сие глаголя: Послушайте, о жестокосердіи люди израильстїи! За грѣхи ваши и неправды ваши пошлю Я на васъ голодъ, но [голодъ не въ хлѣбѣ, но] въ словѣ Божіи: то есть что вы возжаждете, взалчете, возжелаете себѣ слово Божіе, но его не услышите. Се, Азъ пошлю на вы гладъ — не гладъ хлѣба, но гладъ, еже не слышати слово Божіе². Не слышатся въ церкви Божіей слову Божію, не находится сей небесной маннѣ, сему хлѣбу ангельскому, имже питаются души, Бога алчущіи, перевестись вовсе съмени евангельской проповѣди: сие такой голодъ, что не тѣла, но души до умирающаго приводитъ, а смерть душевная въ мукѣ состоитъ. Сие такое наказание и явнѣйшій знакъ Божія гнѣва, душамъ погибель, печаль и убытокъ Христу, радость же [и прибытокъ] діаволу.

Еще же показуется, яко лучше во многихъ мерзостяхъ и нечистотахъ валятися, нежели безпечно предаватися сну и дреманію во время чтенія. Понеже блудъ, татѣбы и піанство, и прочіи развращенны дѣла сотворивши, чрезъ услышаніе Святаго Писанія и поученія могутъ перемѣнитися и очиститися благодатію Божіею. Сонливый же братъ лишаетъ самъ себя всякаго познанія, и ниже рассуждати о спасительномъ можетъ, но якоже скотина, не имущая разума, не можетъ ниже возрѣти на небо; тако и онъ безпечный и невнимательный не способенъ и не удостоивается горняго мудрованія, и пусть обрѣтается благодати Божіей.

Тѣмже зѣло потребно не нерадѣти о семъ пагубномъ недугованіи, но молити о помощи свѣше отъ Самаго Господа и тѣтиса ревностно и усерднѣ сопротивоборствовать и сѣ зѣлымъ подвигомъ нудитися противу сна и дреманія, тогда и Господь поможетъ по обѣщанію Своему: *просите, и дастся вамъ*³. И паки: иже

¹⁻¹ сѣ бѣдными евреи *Л*

² См.: Ам. 8, 11.

³ Мф. 7, 7.

имать усердіе, дастся ему, а иже не имать и еже мнится имѣти, и то возмется отъ него¹.

Аще птица нѣкая², по глаголу святаго Исаака, толико своимъ пѣніемъ³ плѣняетъ человѣка, яко отъ сладости ея слышанія забываетъ себе, слѣдуетъ за нею, падаетъ и умираетъ. То кольми паче гласъ Божій во Священномъ Писаніи силенъ былъ бы совосхитити нашу душу и плѣнити сердце во свою Божественную любовь и сладость, аще бы съ достодолжнымъ вниманіемъ, вѣрою и усердіемъ слушали бы и поучалися во Священномъ Писаніи. Таковое благодатное дѣйствие видимъ во многихъ святыхъ, кои отъ сладкихъ словесъ Божіихъ, то есть отъ Евангелія и прочихъ священныхъ поученій и повѣстей, толико плѣнились и увлеклись любовію къ Богу, яко были имъ внѣ себя отъ многія сладости и радованія, забываху и самую пищу и питіе, якоже преподобный Исаакъ и Дорофей повѣствуетъ, и Григорій Синаитъ, разглагольствуя со святымъ Максимомъ. Но даже и самые грѣхлюбивые и развращенные, углубившеся во Священное Писаніе, абіе премѣняхуся отъ скверны грѣховныя во святыню.

Тѣмже, видя толикую пользу и вѣрное спасеніе, проистекающія отъ святыхъ поученій, како не осудится нерадѣщій и безпечно предающійся усыпленію и дреманію?

Вспомынемъ же паки глаголы Самаго Господа, сладчайшаго нашего Іисуса Христа, како Онъ желаетъ и аки молить насъ, да знаемъ и помнимъ заповѣданіе Его, глаголя: *Вы друзи Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ*⁴. Всякой же нерадивый и дремлющій како можетъ познати и помнити, паче же исполнити волю Господа, а потому и далеко отстоять отъ истинныхъ друзей Христовыхъ. Истинныи друзи Божіи, понеже всеусердно слушаху и пріемляху сердцемъ словеса Христовы, того ради толикою любовію къ Нему привязавшася, яко вся вмѣняху за уметы: отступиша отъ сродникъ своихъ, небрежаху о здравіи своемъ, никакія препятствія, никаковыя напасти, ни мученіе, ниже самая смерть возмогла удержати ихъ отъ стремленія къ возлюбленному Господу. И, послѣдуя ученію Его, подражая Его человѣколюбію, и сами толико разжегахуся ревностію по Бозѣ и любовію къ ближнимъ, яко сами жelahу быти жертвою за оныхъ спасеніе, и якоже бо потерянную свою душу взыскающе, обхождаху

¹ См.: Мф. 13, 12.

² У автора на полях примечание: [сиринъ въ баснословіи]. Имеется в виду мифологическая сладкоголосая птица-дева сирин (образ которой восходит к древнегреческим сиренам), завораживающая людей своим пением.

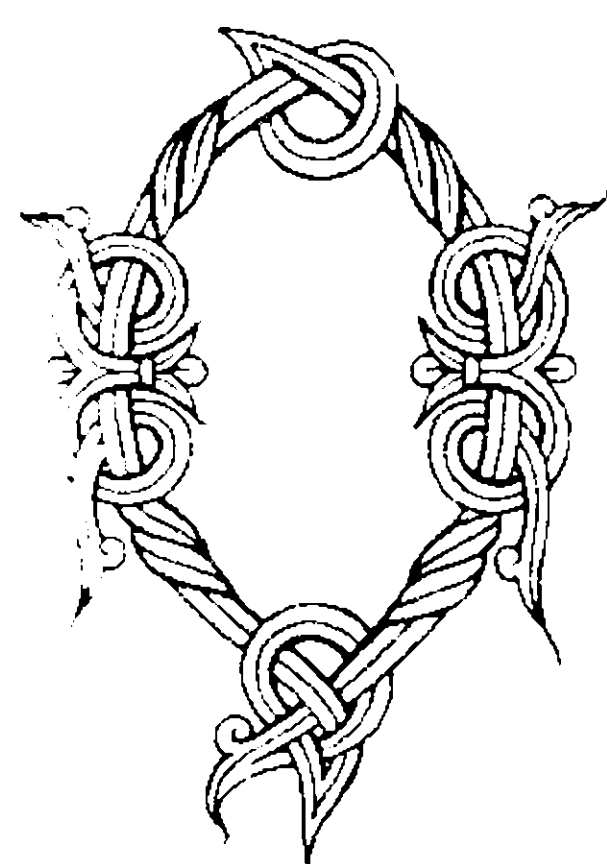
³ пѣсеннымъ гласомъ Л

⁴ Ин. 15, 14.

по Вселенной. Тако состраждаху сердцемъ и тщахуся о спасеніи каждаго человѣка, чего не творяху, какихъ усилій и средствъ не предприимаху, и дѣлами и поученіями, и образъ собою всѣмъ показываху, како должно Богу служить. И яко челолюбивые¹ отцы оставиша намъ на воспоминаніе и вспоможеніе свое спасительное писаніе въ наставленіе, увѣщаніе, толкованіе, поученіе, и правила, догматы, законы, преданія, уставы и обряды — единымъ словомъ, все необходимо нужное и служащее къ вѣрному спасенію. И сами заповѣдуютъ и молятъ насъ, да усердно и трезвенно внимлемъ и управляемъ себя по преданному отъ нихъ, за что и сами ходатайствуютъ за насъ предъ Богомъ. То коликаго осужденія, паче же отверженія отъ Бога и удаленія отъ части спасаемыхъ, достоинъ будетъ презритель нерадящій, паче же ругающійся слову Божію и поученію святыхъ Его! А иже поистиннѣ усердствуютъ угодити Господу и тщатся о своемъ спасеніи, таковыи вся за уметы почитаютъ, и день и ночь поучаются во Священномъ Писаніи.

СЛОВО МД

О ДАРОПОСЫЛАНІИ ПОСЛУШНИКА И БЕЗГОДНОЙ ЛЮБВИ КЪ СРОДНИКАМЪ²

тъ послушника посылаемые дары [и гостинцы] отнюдь воспрещаются отъ святыхъ отецъ, и вмѣсто благословенія вмѣняются въ клятву и огонь, все истребляющій. Василій Великій пишетъ: «Отъ сродниковъ, друзей и родителей произволеніемъ такъ удалятися должно, какъ видимъ мертвыхъ отъ живыхъ разлучающихся. Ибо кто истинно въ воспріятіи подвиговъ о добродѣтели обнажаетъ себе, и кто міра всего и всѣхъ въ мірѣ находящихся вещей отрекается и — да большѣе реку — міру себе распинаетъ, той міру и всѣмъ въ мірѣ сущимъ умираетъ, хотя бы были родители, хотя бы братія, или третій, или четвертый, или дальній какой степень родства съ нимъ имѣли. Естьли же родители изъ міра изыдутъ и къ жителству сыновню пріобщатся, воистинну сродники суть, не родителей, но братіи чинъ имѣющіи. [Естьлиже сродницы прежнее

¹ чадолюбивые Л

² О даропосыланіи послушника и безгодной любви и пристрастіи къ домашнимъ и сродникамъ Л

свое житіе содержать будутъ, часть суть міра, отъ которыхъ мы отдѣлилися, и ни по чему свойственными быть не могутъ намъ, плотскаго человѣка отложившимъ и совлекшимся сродства ихъ; ктоже мірскихъ дружбы усердно ищетъ и съ тѣми завсегда разговаривать желаетъ, той склонности ихъ чрезъ частыя разговоры въ душу свою вселяетъ. И паки, мудрованіемъ мірскимъ наполнивъ умъ, отъ благаго произволенія отпадаетъ, и отъ духовной мудрости удаляется, и душа его на прежнюю блевотину возвращается, и отъ врага уязвляется духовное жительство, плотскимъ сродствомъ возмущающаго.] Истинный бо отецъ есть Первый убо всѣхъ Отецъ. Второй же по Немъ — духовнаго жительства наставникъ. Сродникамъ убо желаемъ лучшихъ, правды, глаголю, и благочестія, и что мы за велико ставимъ. Сихъ бо прилично намъ желати, а онымъ полезно сіи плоды отъ насъ получать, чего ради попеченія и заботы объ оныхъ въ разумахъ нашихъ мы имѣть не должны. Ибо діаволъ, видя насъ, всякое житейское попеченіе отложившихъ и непоколебимо на небо текущихъ, тотчасъ о сродственникахъ намъ память наводя, о ихъ вещахъ пещися насъ побуждаетъ и въ житейскія мудрованія разумъ нашъ погружаться понуждаетъ: како есть домашнихъ нашихъ имѣніе, изобильно или скудно, [сколь богатство ихъ умножается,] и прочее. И делаетъ, что мы срадуемся имъ о ихъ благополучіи и состраждемъ ихъ несчастіямъ, совраждаемъ ихъ врагамъ, хотя намъ повелѣно ни единого не имѣть врага, и сорадуемся о ¹дружбахъ ихъ, хотя¹ и недостойныхъ духовнаго содружества, ²и злыя наклонности вмѣсто духовныхъ мыслей въ помыслы наши вводятъ². Часто же случается, что подвижникъ, великія ради къ сродникомъ любви, и святотатство дѣлаетъ, чтобы пособить убожеству сродниковъ. Ибо вещи, которыя святыхъ ради, посвятившихъ себя Богу, хранятся за святыя и праведно посвященныя Богу почитаются и пріемяются, того ради похищаяй что-нибудь изъ тѣхъ, единъ есть изъ дерзающихъ творить святотатство.

Познавъ убо несносный вредъ, происходящій отъ любви къ сродникамъ, бежимъ ихъ попеченія, аки сущія діавольскія стрѣлы. Ибо Самъ Господь таковую склонность и обыкновеніе запретилъ. Единому изъ учениковъ не позволилъ проститься только

¹⁻¹ другахъ ихъ, хотя многожды *Л*´

²⁻² и всѣ житейскіе злыя наклонности, которые мы отринувъ отъ себе, духовные мысли въ себе вселили, паки въ помыслы наши вводитъ; и, вещественное и мірское мудрованіе паки обновляя, внутренняго подвижника разрушаетъ и истуканомъ единый только подвижника образъ носящимъ дѣлаетъ, ни мало не одушевленнымъ добродѣтелями. *Л*´

съ домашними, а другому ниже земли на тѣло [умершаго] отца посыпати. Кажется, что оба благословная и праведная прошенія дѣлали, но обаче не соизволилъ Спаситель, ниже на малое время отъ Себе отлучатися дозволилъ питомцамъ Царствія Небеснаго, дабы что-нибудь отъ высокаго и небеснаго мудрованія, по какой-нибудь къ земнымъ и плотскимъ пристрастіямъ склонности, подлѣйшаго или не сдѣлали, или не подумали. Понеже непристойно есть небесная мудрствующимъ о земныхъ имѣть попеченія, аки уже умершимъ и умомъ выше міра содѣлавшимся.

Естьли же кто сказалъ бы: «Законъ убо повелѣваетъ пещися о сродникахъ, глаголя: *и отъ свойственныхъ племени твоего не презри*¹». И Апостолъ: «*Аще же кто о своихъ, паче же о домашнихъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть*»². Тому краткій отвѣтъ дадимъ: сіе божественный Апостолъ сказалъ о свѣтскихъ и земное богатство имущихъ³, и могущихъ убожеству сродниковъ помогать. [Подобно и законъ сія глаголетъ, и да кратко реку, сказано то о живыхъ, а не о мертвыхъ. Сіи бо совсѣмъ отъ сея должности свободны суть.]

Ты же, о иноче! умерлъ еси и распялся міру; отрекшись отъ земнаго богатства, нищету возлюбилъ; посвятивъ себя Богу, стяжаніе Божіе содѣлался. Яко мертвый, свободенъ еси отъ всякія сродниковъ дани: яко не стяжавающій, не имѣешь что подать. Паче же, понеже и самое тѣло Богу принеслъ еси, уже къ тому ни единыя имаши власти надъ онымъ, аки Богу посвященнымъ, и не можеша быти во употребленіи человѣческомъ, но съ едиными только единоправными, посвятившими себя совсѣмъ Богу, сожителствовати долженъ. Иначе како будутъ тебѣ приличествовати воспомянутая изъ Священнаго Писанія словеса? Или како не согрѣшишь, преступая данныя тобою о подвижничествѣ обѣты?» (До здѣ Василій Великій.)⁴

А посему, ни единъ отецъ духовный, подражающій Христу, безъ благословныя вины не дерзнетъ ученику своему дати благословеніе или дозволеніе, ниже на малое время отъйти въ домъ своихъ родственниковъ или пещися о дѣлахъ ихъ. Аще Самъ Господь послѣдующихъ Ему раздѣляетъ аки живыхъ отъ мертвыхъ, то не явно ли есть, сколь погрѣшно и противно Его Святой волѣ, дабы избранныи Имъ и посвятившии себя на служеніе Ему Единому, попирая совѣсть, преступая правила святыхъ отецъ и

¹ Ис. 58, 7

² 1 Тим. 5, 8.

³ имѣющихъ *Л*

⁴ Следующие далее четыре абзаца (кончая словами: «... не обрѣтаху себѣ покоя.») отсутствуютъ в *Л* ; в *Л* они представлены.

нарушая послушаніе и покорность къ своему духовному отцу, обращаются вспять и, увлекаясь любовію и пристрастіемъ къ домашнимъ, оскверняются и окаляются душами въ мірскихъ развлеченіяхъ, сластяхъ и попеченіяхъ. Негли же помыслить кто, яко того ради позволительно и непогрѣшно преживати въ дому своемъ, яко не пріялъ еще постриженія? Но и таковой льститъ себя и обманываетъ свою совѣсть, ибо Богъ судитъ по намѣренію, а не токмо по дѣламъ нашимъ. Къ тому же, аще уже и предался отцу по правиламъ иноческимъ, то совершилъ уже все съ своей стороны, и не по чему не имѣетъ права и свободы отлучатися отъ отца своего безъ нарушенія иноческихъ правилъ. Якоже глаголетъ святой Апостолъ: якоже песъ возвращается на своя блевотины и свинья, омывшись, въ калъ тинный¹, сие и инокъ, вращайся съ міряны. И паки: кто хочетъ другъ быти міру, той врагъ Божій бываетъ. И како можетъ отецъ охраняти и пещися о таковомъ ученикѣ, иже отлучается отъ него и отъ благоговѣйныхъ братій? И како таковой предстанетъ Господу и соединится со всѣми сонми и соборы иночествующихъ, иже до конца любве ради Божія претерпѣша, изъ коихъ многіе быша и царіе и князи, но не токмо не возвращахуся вспять, но ниже въ слухъ свой пріемляху что житейское, и бѣгаху самага свиданія съ домашними и родными, кои ниже матерей своихъ, пришедшихъ къ нимъ, пріемляху ради свиданія и собесѣдованія.

Еще же глаголютъ святыя отцы, яко единъ взглядъ на мірянину развращеннаго убиваетъ монаха. Сея то ради вины немощнымъ отъ братій возбраняется даже и въ Святыя Церкви мірскія на моленіе ходити, да не пріимутъ нѣкоего вреда душевнаго, видя разныя лица разряженныя, напыщенныя на прельщеніе и обольщеніе. Ибо Богъ паче всего требуетъ отъ инока умнаго неразвлеченія, и не толико пріятна его молитва, елико благоволитъ и услаждается его охраненіемъ и опаснымъ блюденіемъ.

(Въ Добротолюбіи): Сего ради глаголютъ намъ святыя отцы Каллистъ и Игнатій, яко съ самага начала всѣ суетныя и домашніи помыслы, пока еще младенцы, разбивай ихъ о камень, иже есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Ибо многіе сие сами себе прельстиша, паче же погубиша, вознерадѣвъше въ началѣ и вознадѣвъши на ся, нивчтоже вмѣняюще помышленій, посемъ слагахуся сердцемъ, и напоследокъ въ конецъ предавшеся обольщенію лстиваго діавола, не возмогоша противитися и, увлекшеся сладострастіемъ, возвращахуся въ міръ. Иные же вступяху въ супружество, а иные впадаху въ уныніе, печаль и тоску, страшася же въ конецъ изъяти себя изъ монашества, живуще

¹ См.: 2 Пет. 2, 22.

аки въ удавъ, и отъ нетерпѣнія яко умовредные влачахуся отъ мѣста на мѣсто, и нигдѣ же не обрѣтаху себѣ покоя.

А посему, какъ желаніи и помышленіи, такъ и самые даропосланіи послушника бываютъ по наущенію діавола, понеже дѣлаетъ сіе противъ воли отца своего! хотя не утаенно, хотя и съ позволенія его, но испрашиваетъ съ усиліемъ, убѣждая отца позволить ему. Аще же отецъ не соизволить, то онъ бываетъ дряхлъ и негодуетъ, не внимая убѣжденію отца, иже съ отеческою любовію указываетъ ему преданія и правила святыхъ отецъ, воспрещающихъ не токмо даропосланіи и сношенія съ мірянами, но воспрещаютъ и осуждаютъ всякую о нихъ заботу и помышленіи. И аще онъ пребываетъ нечувственъ и непокоривъ ни къ правиламъ святыхъ отецъ, ни къ убѣжденіямъ своего наставника, и не срамляется о негодованіи за то братіи¹, то како не самъ будетъ виновенъ своему осужденію? И почто таковой вступилъ въ иночество и оставилъ міръ, аще не соизволяетъ покаряться иноческому уставоположенію, и аще душею и сердцемъ пригвожденъ къ домашнимъ и сродникамъ, и все помышленіе свое обращаетъ къ нимъ и печется о нихъ паче своей души? Како такового брата возможно наименовать послушникомъ, кольми паче недостойнъ иноческаго званія! Ибо той истинный инокъ показуется, иже кромѣ Бога и по Божѣ отца своего, ни о комъ не думаетъ, и ради благоугожденія Господу ничемъ земнымъ не работается.

Наипаче же таковой поистиннѣ достоинъ слезъ, яко самъ не чувствуетъ своей пагубы, но мнитъ, яко добръ творить, и небрежетъ, яко чрезъ то дѣлаетъ преслушаніе отцу и оскорбляетъ все братство. Но естли бы покорился увѣщанію своего отца и правиламъ святаго Василія Великаго, то въ скоромъ времени почувствовалъ бы въ душѣ своей свободу и безстрастіе ко всему земному, всею душею и помышленіемъ стрѣмился бы къ Богу, воспламеняясь ежечасно Его Божественною любовію и преуспѣвая, просвѣщаясь благодатію Святаго Духа. Иначе же не возможно отнюдь истинною служить Господу и чистѣ любить и памятовати о Немъ. Ибо Онъ Самъ изрекъ: *«Аще кто... не возненавидитъ отца... и мать...еще же и душу свою, не можетъ Мой быти ученикъ»*². Слѣдовательно, необходимо долженъ братъ пристрастную любовь свою къ сродникамъ³ угасити яко препятствующую ко спасенію, по глаголу Божію: аще око твое соблазняетъ тя,

¹ богобоязныхъ братій *Л*

² Лк. 14, 26.

³ сродственникамъ *Л*

исткни е и верзи отъ себе¹. Аще же не повинется ²гласу Божію², ниже преданіямъ святыхъ отецъ, то како избѣжитъ осужденія? И посему какъ самъ за непокорность свою подлежитъ осужденію, такъ и посылаемыя отъ него дары бываютъ предосудительны. А гдѣ противное волѣ Божіей, паче же по наущенію діавола посылаемое пріемлется, тамо не можетъ быть благословенія, но злополучіе и разореніе! Еще же пріемлющіи отъ него дары лишаются награды и воздаянія отъ Бога за свои подаяніи и приношеніи. А посему и себѣ и онымъ навлекають осужденіе [непокорностію своею отцу и правиламъ иноческимъ].

Тщеславный, безчинный и міролюбивый монахъ жительствоуетъ съ братією, подобно прелюбодѣйствующему, который небрежетъ о законной супругѣ своей, любящей ³его и³ сберегающей все его имущество, но оскорбляетъ ее и презираетъ; къ тѣмъ же прилежитъ душею, кои иждиваютъ все имѣніе его [и дѣлаютъ его всѣмъ презрительнымъ и гнуснымъ] и погубляютъ и самую душу его. Тако и сей безчинный братъ соживущихъ съ нимъ духовныхъ братій, любящихъ его и пекущихся ⁴о немъ⁴, не уважаетъ и оскорбляетъ своимъ непокорствомъ и самочиніемъ⁵. А мірскихъ, кои отъемлютъ его душевное спасеніе и лишаютъ его безмолвія⁶, не попускаютъ и препятствуютъ жити по закону иноческому, заграждаютъ ему⁷ входъ въ Царство Небесное и лишаютъ любви Божіей и единенія со святыми, — тѣхъ любитъ и прилежно тщится угождати имъ своими услугами и даропосыланіями.

Вступивши во иночество, подобаетъ слушати и внимати наставленіямъ, во всемъ покаятися, нигдѣ ни въ чемъ своего хотѣнія не пріискивать, нраву, волѣ и желанію своему отнюдь не внимать, тщатися во всемъ покоити и услуживати отцу своему и ⁸сожительствующей съ нимъ братіи⁸.

Аще ли же, о послушнике! будещи противорѣчити и по своему обычаю, и нраву, и хотѣнію воспріимеши жити и чрезъ то отца своего вмѣсто упокоенія въ печаль ввергати, то сие жительствова, всеу дни своя будещь изнуряти, [ибо самочиннѣ и развращеннѣ живуще] и спасенія отнюдь не можеши улучити.

¹ См.: Мф. 5, 29; Мк. 9, 47.

²⁻² гласу Евангелія *Л*´

³⁻³ его, покоющей, во всемъ угождающей и *Л*´

⁴⁻⁴ о его спасеніи *Л*´

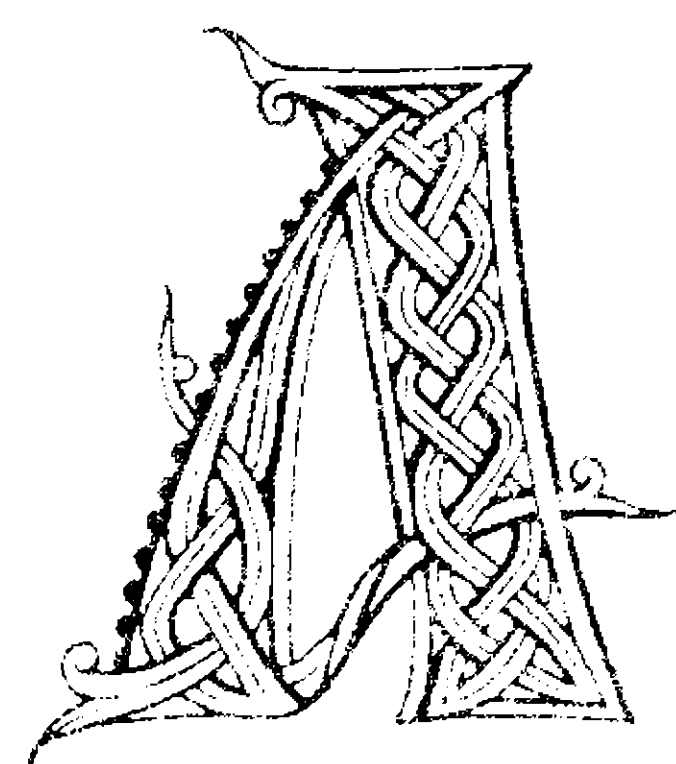
⁵ безчиніемъ *Л*´

⁶ безмолвнаго спокойствія *Л*´

⁷ для него *Л*

⁸⁻⁸ сожительствующей о Бозѣ братіи *Л*´

СЛОВО ПЕ
О ОСТАВЛЕНІИ ИНОЧЕСТВА, ДУХОВНАГО ОТЦА
И БРАТСТВА¹

Аще и вся Вселенная плакати и рыдати воспріиметь, но по достоинству не восплачетъ² о тѣхъ², кои, вступивше во иночество, въ жизнь равноангельную, и не изволяютъ мужественно терпѣти и повинутися святыхъ отецъ увѣщанію, кои единогласно запрещаютъ, по обѣщаніи, уже не исходити болѣе и не премѣнати мѣста своего жительства.

Ты же, брате послушнике, како дерзаеши попирать свою совѣсть и нарушать данное предъ Богомъ свое обѣщаніе, еже быти до смерти послушну и повиноватися во всемъ, и послѣ сего не страшишися преобидѣти всѣхъ святыхъ правила и увѣщаніи, и явитися солгавшимъ предъ Богомъ, чрезъ что и Господа изъ милости въ гневъ себѣ преложиши³? Ибо, отпадши отъ послушанія, сообразенъ будеши непослушнымъ діаволомъ, чесо ради съ онѣми и отъ Господа возненавидѣнъ будеши, и все радование и торжество святыхъ Ангелъ и всѣхъ святыхъ, бывшее на небесѣхъ тебя ради, въ сѣтованіе преложиши. Якоже глаголется во Святомъ Евангеліи, яко радость бываетъ на небеси *о единѣмъ грѣшницѣ кающемся*⁴. То кольми паче святіи Ангелы и вси святіи угодицы Божіи возрадовашася о тебѣ, егда ты богоугодное троякое обѣщаніе предъ Господомъ сотворялъ. Первое: егда ты въ примиреніе съ Богомъ за грѣхи своя пришелъ въ Святую обитель, дабы во иночествѣ служить Богу, тогда и Самъ Богъ таинственно встрѣтилъ тебя и, якоже Отецъ щедролюбивый, нападе на выю твою и облобыза тя и облече тя Своею благодатію. Второе обѣщаніе сотворилъ ты въ томъ, что ни ради муки, ни ради смерти не оставиши иноческаго житія. Третіе же обѣщаніе сотворилъ предъ Богомъ, дабы жити тебѣ по подобію истинныхъ послушниковъ, повинуюсь и не разлучаясь до смерти отъ отца твоего духовнаго. И за сиевое твое третіе обѣщаніе единогласно всѣ святіи отцы несумнѣнно увѣряють тебя, глаголюще: яко спасеніе твое уже совершися, и ты тѣмъ сотворися подражателемъ Спаса Христа и не имаша потребы поучатися отвѣщати за ся Богу,

¹ Къ брату, хотящему оставить иночество, отца и духовную братію

²⁻² онѣхъ Л

³ вложиши Л

⁴ Лк. 15, 7.

понеже на рукахъ наставника твоего несешися къ Богу. И, аще съ самага начала отвергши всѣ помышленіи и прилоги вражіи и возлагаясь на волю и управление отца своего, претерпишь, то окажешися яко вѣрный воинъ Царя Небеснаго, подъямля отъ врага великіи навѣты, борьбы и искушеніи, и неизмѣненъ пребудешь въ званіи своемъ, и достоительно, неуклонно понесешь иго Христова до конца живота твоего, чрезъ что и другихъ примѣромъ своимъ привлечешь къ подражанію, и тѣмъ окажешися яко ходатай и иныхъ спасенія. И тако прославится нами богопрославляемая жизнь иноческая; прославляяй же Бога, и самъ отъ Него прославленъ будетъ¹.

Сколько же, напротивъ, опасно и бѣдственно состояніе таковаго, иже, оставивъ отца и братію, остается единъ безпомощный, и не избѣжитъ таковой сътей діавола, ибо злой духъ, яко левъ, рыкая, ищетъ нашея погибели и тысящи имать сътей и прельщеній на уловленіе насъ. Но, по глаголу святаго Лѣстничника, съ наставникомъ и духовнымъ братствомъ живуцій, хотя и претывается, но не умираетъ. Безъ помощи же не токмо можетъ преткнуться, но и пасти и умерети, то есть погибнути. Василій Великій тако глаголетъ: «Аще хочетъ кто оставить обитель, въ нюже званъ бысть, отца и братію, кромѣ ереси, но за укоризну или язву, или яко видѣлъ есть на часъ смутившуюся обитель, или бдѣнія ради, или долулеганія², или неумовенія, или яко меньшій есть всѣхъ, или яко желаетъ міра и яже въ міръ, или яко отецъ или игуменъ или братъ преогорчи его, и сего ради хочетъ изыти: горе ему! Кому его уподоблю? Токмо Іудѣ предателю, разлучившемуся отъ Христа и ученикъ Его!» И паки тойжде глаголетъ: «Подобаеть убо и о семъ увѣритися явѣ, яко иже единою въ союзъ и сочетаніе пришедый духовнаго братства, невозможно есть ему отсѣчатися или отлучатися отъ сихъ, имже совокупися. Аще бо человѣцы, множицею во общенія житія вещнаго сходящися, никакоже могутъ паче схожденныхъ разлучатися. Или сіе творяй повиненъ будетъ уставнымъ запрещеніямъ. Множае паче иже въ схождение пришедый духовнаго сожительства, иже нерѣшимо стяжавшимъ совокупленіе, не возможно ему есть оставить имже примѣсися. Или, сіе творяй, тяжчайшими себе иже свыше запрещенми облагаетъ и мертвъ есть душею, и лишенъ духовнаго дарованія, яко иже къ Богу обѣщаніе отвергъ».

Къ сему приложу и слово святаго Златоуста (къ Θεодору падшему): «Благовременно и мнѣ есть рещи нынѣ, и множае паче нежели пророку Іереміи: ни бо града разореніе плачу азъ, ниже

¹ См.: 1 Цар. 2, 30.

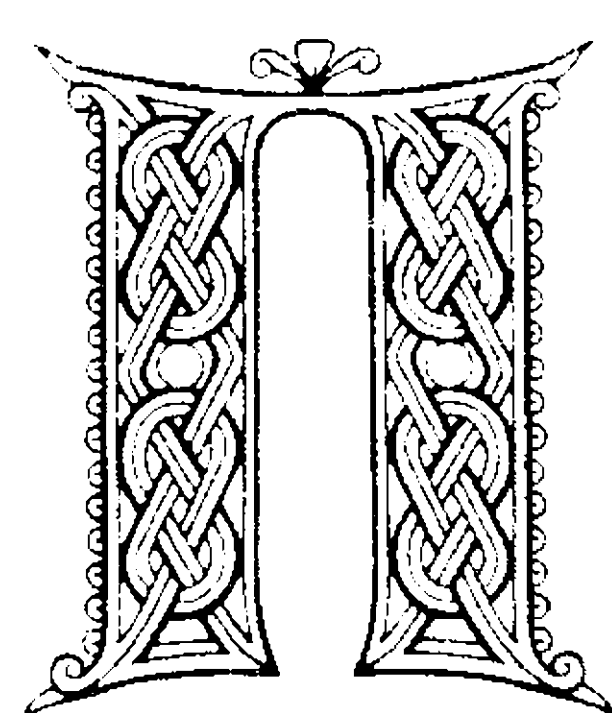
² низу леганія Л

законопреступныхъ мужей плѣненіе, но души священныя опустѣніе и храма христоноснаго низложеніе и погубленіе! красоту помысла, юже попали діаволъ во отпаденіи. Яко руки варварскія Святая Святыхъ оскверниша и, огнь вложше, вся сожгоша. Нынѣ же не ктому, но пусть Божественныя красоты, обнажився, пусть твердости всякія и храненія. Ни дверей, ниже вереи¹ имать, но отверстъ есть душетлѣннымъ и сквернымъ помысламъ: аще и гордостный и блудный или сребролюбивый, или отъ всѣхъ сквернѣйшій восхощутъ привнѣсти, возбраняяй никтоже! Сего ради плачу и сътую о отпадшемъ».

Исхожденіе или отбѣганіе отъ обители толико есть страшно и проклято, яко святіи отцы не повелѣша отбѣгающихъ и погребенію предавати, ни прошеніе за тѣхъ творити, яко преступнику ему сущу своихъ обѣтовъ. Но даже и премѣненіе монастыря воспрещено Вселенскими соборами (во 2^{мѣ} и в 1^{мѣ}): Аще который инокъ отбѣжитъ отъ своего монастыря, или во инъ монастырь внидетъ, или въ міръ обитаетъ, самъ той съ пріимшимъ его да отлучится, дондеже возвратится въ свой монастырь. И игуменъ, аще съ прилежаніемъ не взыщеть его, да отлучится.

О, коль страшна вещь и судъ Божій на прежде бывшихъ и нынѣ дерзающихъ! Аще ли не въ семь вѣцъ казнъ прилучится сему, то вѣчное томленіе ожидаетъ непокаявшихся преступниковъ своихъ обѣтовъ.

СЛОВО СТАРЦА СХИМОНАХА ЗОСНЫ КЪ СЕСТРАМЪ ЕГО ОБИТЕЛИ

П аки обращаюсь къ вамъ, о богоизбранные сестры! Се, зрите, колико съ помощію Божіею представихъ вамъ указаній о истинномъ, богоподражательномъ, смиренномудромъ послушаніи и о противномъ, самомнительномъ непокорствѣ. ²Сего ради, азъ грѣш- ный старецъ и попечитель вашъ, отъ болѣзненныхъ души написахъ сіе во утвержденіе ваше, дабы и вы, о возлюбленніи сестры, бояся страшныхъ прещеній, соблюдали себя опасно отъ нарушенія вашихъ обѣтовъ и преданій, и все тѣченіе

¹ Вереи — запоры, затворы.

^{2,2} А потому съ болѣзнію сердца и отъ души молю васъ, да послѣдуете и подражаете смиреннымъ и богоугоднымъ послушникомъ, и чрезъ то не токмо сами сподобитесь вѣчнаго радованія въ блаженствѣ праведныхъ, но и мнѣ негли исходатайствуете нѣкую отраду и милость Божію за усердное послуженіе къ вашему спасенію. Л

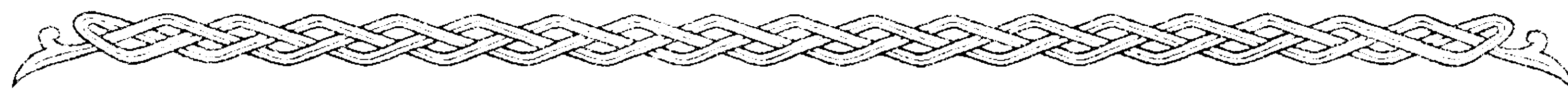
прилагали бы утверждать другъ друга къ терпѣнію, подражая Святымъ дѣвамъ, обручившимъ себя Господу, якоже Варвара, Екатерина, Іуліанія, Евдокія, Меланія, Евпраксія, Евфросинія, Ксенія и прочіи. Не токмо богатство свое и обручниковъ и супруговъ, любве ради своя ко Господу, оставиша, но и кровь свою и души въ мученіе Христа ради предаша². То аще вы воспротивитесь и не восхощете слѣдовать съ покорностію и смиреніемъ указаннымъ вамъ мною путемъ и правиламъ, преданнымъ отъ святыхъ отецъ, то простите: азъ грѣшный не могу вмѣщати немирствія вашего и непокорства. И паче желаю обратитися къ моему любимому безмолвію, да пекуся о моей душѣ, неже все и бесполезно изнуряти дни моя, не видя вашего преуспѣянія подъ моимъ руководствомъ и попеченіемъ. Оставля васъ, едино отвѣщати имамъ¹ ко Господу, яко не возмогахъ управляти и служити непокоривымъ и самомнительнымъ, и того ради аще не пріиму награды, но поне избавлюся осужденія. Аще же до конца пребуду съ вами, и вы всегда пребудете упорны и непокоривы, то коликое горе и осужденіе предлежитъ мнѣ за каждую изъ васъ. Того ради и предлагаю вамъ избрать едино изъ двухъ: или отвергши въ конецъ свою волю и мудрованіе, преклонитесь вседушнѣ къ совершенному² смиренномудрію и послушанію², или отпустите меня, да не пріимете и вы вѣщаго осужденія за то самое, яко васъ ради азъ оставихъ безмолвіе и спасительное житіе и предпочтительно воспріяхъ послужити вамъ яко богоизбраннымъ дѣвамъ, уневѣщеннымъ Самому Господу нашему Іисусу Христу. Вы же, напротивъ, своимъ непокорствомъ и возношеніемъ предаете себя діаволу, мене же вовлекаете въ молву, болѣзнь и скорбь [душевную], чрезъ что бѣдствуетъ и мое и ваше спасеніе, и Богъ нами прогнѣвается.

А потому не токмо азъ грѣшный, бояся осужденія отъ Бога, пишу и увѣщаю васъ, да соблюдаете достолично обѣты ваши и да провождаете житіе ваше богоугодно въ единомушіи и неразрывномъ дружелюбіи; но и каждая изъ васъ, вспомоществуйте сильніи немощнымъ любовію и совѣтами и примѣромъ добраго житія, дабы, вооружившись единомушіемъ, стереть главу адскаго Голіаѳа и явиться угодными Христу Господу, Жениху душъ вашихъ, чрезъ что и сами сподобитесь вѣчнаго радованія въ блаженствѣ праведныхъ, и мнѣ негли исходатайствуете нѣкую отраду и милость Божію за усердное послуженіе къ вашему спасенію³.

¹ слово восстановлено по *Л*

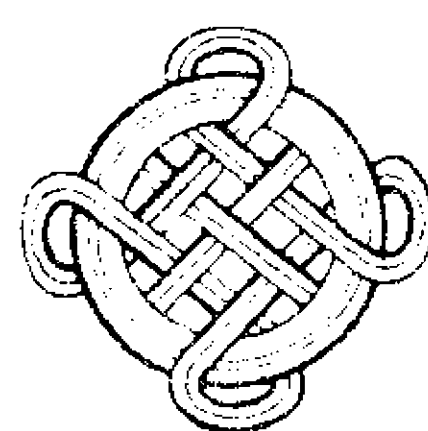
²⁻² смиренномудрому послушанію *Л*

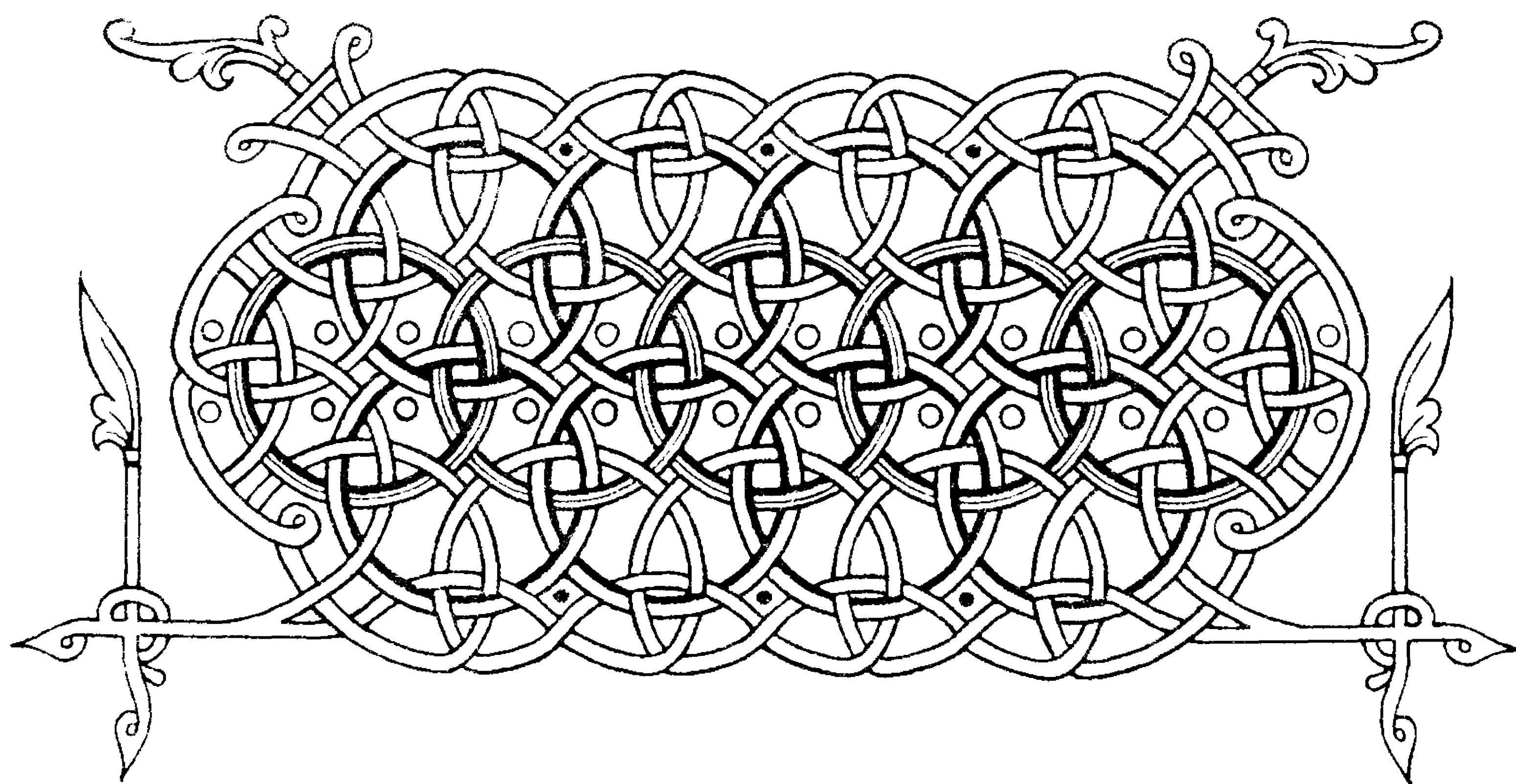
³ В *Л* последний абзац отсутствует.

ПОУЧЕНИЯ

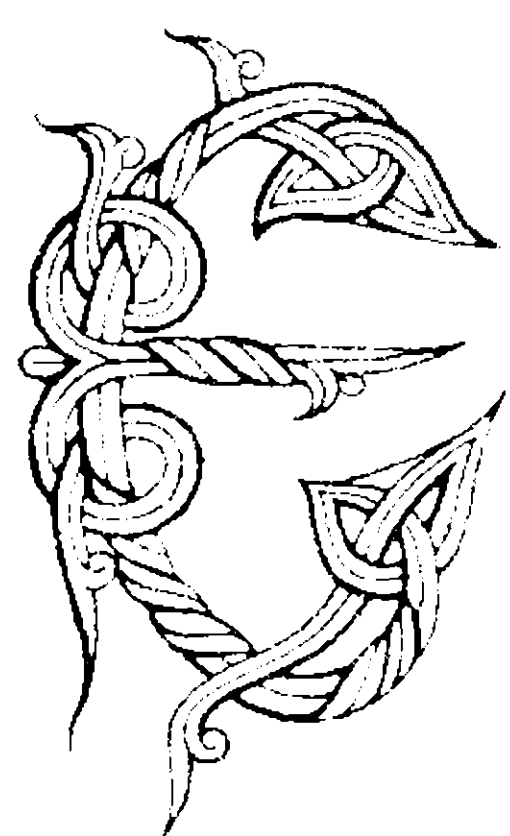
Тексты печатаются по изданию: Житие и подвиги в Бозе почившего блаженные памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений. В 2-х частях. Издание 2-е. М., 1889. Часть вторая. С. 79–85, главы XIV–XVI (репринт: М.: Паломник, 1994). Содержание глав I–XIII вошло в «Поучение о послушании». Избранные поучения преподобного Зосимы (I–IX) выходили и отдельно: Изречения старца схимонаха Зосимы и извлечения из сочинений его. М., в типографии А. Федотова, 1860.

ПОУЧЕНІЯ

О ЛЮБВИ И ЕДИНОДУШІИ ДУХОВНОСТІ

если кто не имать чувствъ любви о Господѣ и дружелюбнаго единокровія духовнаго, долженъ за сіе себя осуждати и печаловати, и всячески себе преклоняти и молитися о семъ усердно, и просити Господа, да сподобитъ сего дара благодати; ибо сей даръ паче всѣхъ высочайшій, паче пророчества, мученичества и проч., какъ о семъ изъявилъ апостолъ Павелъ (1 Кор. 13, 1 и дал.). И како не высочайшій? — Понеже отъ Самого Бога исходитъ и съ Богомъ соединяется, ибо *любы есть Самъ Богъ*, возгремѣлъ великій богословъ и возлюбленный наперсникъ, и *пребывая въ любви, въ Божѣ пребываетъ и Богъ въ немъ* (1 Ин. 4, 16). И такъ, кто не имать любви, тотъ да проситъ отъ Господа усердно, смиряя себе и укоряя, и да взыскуетъ сея дѣлами любви. *Просите, и дастся вамъ*, рече Господь: *ищите, и обрящете* (Мф. 7, 7); и якоже дастся молитва молящемуся, тако и даръ любви тщащемуся о ней со смирениемъ и молитвою.

И сіе прошеніе и моленіе благопріятно Господу, понеже согласуетъ Его волѣ и Его хотѣнію. *Хощу, да будете едино*, рече Господь (Ин. 17, 21); *сію заповѣдь даю вамъ, да любите другъ друга, якоже и Азъ возлюбихъ вы* (Ин. 13, 34). А давый заповѣдь силенъ есть и помощь даровати къ исполненію оной, аще токмо увидитъ въ насъ желаніе и тщаніе къ сиевому равноангельному, единокровному и дружелюбному житію: понеже въ таковой любви даже славу Свою полагаетъ Сынъ Божій, и Самъ молить о семъ Божественнаго Отца Своего: *якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ во Тебѣ*.

да и тѣи въ Насъ едино будутъ (Ин. 17, 21). И паки: и Азъ славу, юже далъ Еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есмы, и разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ и возлюбилъ еси ихъ (ст. 22, 23). И паки: вы друзи Мои есте, аще творите елика заповѣдахъ вамъ (Ин. 15, 14). А что заповѣда намъ Господь Богъ нашъ? — Явственно, яко паче всего любовь небесную и единокровіе небожителей; понеже рече: о семъ познають вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою (Ин. 13, 35). Вотъ каковаго блага, истиннѣе же рещи апостольскаго дара сподобляются вси ревностно и со смиренномудріемъ ищущіи. Неужели нерадѣніемъ и самолюбіемъ и небреженіемъ восхоцетъ кто сего отщестіи и лишитися не токмо во временной, но и въ вѣчной жизни блаженной участи? Ибо безъ любви не возможно вселитися въ царствіе небесное идѣже Самъ Богъ — Любы, и вси Ангели и вси святіи въ Бозѣ и въ любви жительствуютъ и ликуютъ вѣчно.

Аще верховніи апостоли, пріемшіи ученіе отъ Господа, поучаютъ насъ, что любовь выше всѣхъ даровъ: и горы претавляютъ, и мертвыхъ воскрешаютъ, и ангельскими языки возглашаютъ, — безъ любви ничтоже есть. Ибо мнози нелюбовніи *рекутъ* въ страшный день суда: не Твоимъ ли именемъ пророчествовахомъ, и бѣсы изгонихомъ, и многія чудеса сотворихомъ (Мф. 7, 22); но увы! услышатъ: *не вѣмъ васъ* (ст. 23; Лк. 13, 25, 27)! Понеже не зрю въ васъ Моего подобія — любви. Мои суть иже въ любви пребываютъ, сѣи Мои и друзи и ученицы, и идѣже есмь Азъ, тамо и они пребудутъ со Мною вѣчно, во царствіи Отца Моего.

Аще и на небеси ничего не находится превыше любви; ибо Любы есть Самъ Богъ: то отъ сего должно вразумитися, сколь велия милость Божія къ таковымъ, кои удостоились дара любви, изливающегося отъ Самого Бога въ сердца ихъ Духомъ Святымъ, какъ сказано: *любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. 5, 5). Не стяжати, или угасити чистосердечную о Бозѣ любовь, равномѣрно есть, якобы лишитися Бога, или удалитися отъ Него; понеже безъ любви, аще изнуришься отъ поста и подвиговъ, аще всякое злостраданіе претерпишь, во еже и тѣло сожещи, аще всякіе чудеса сотворишь, — ничтоже есть и никакая польза.

Любы, то есть Богъ, вся небесныя силы, всѣ ангельскіе и архангельскіе хоры объемлетъ, животворитъ, просвѣщаетъ, освѣщаетъ, содержитъ, питаетъ, согрѣваетъ, воспламеняетъ, услаждаетъ, веселитъ. Вотъ въ какое блаженство вводитъ любовь о Христѣ Иисусѣ! — Напротивъ сего, во адѣ, гдѣ нѣтъ любви, вся злая и мучительная обрѣтаются; и не имущіе любви должны естественнѣе вселитися идѣже нѣсть любви, и сопребывать вѣчно съ бѣсы, кои суть враги любви Божіей.

Любы святая объята страданіемъ Христовымъ, обагрена Его кровію Божественною; ибо любви ради благоволи Христосъ Богъ страдати и кровь Свою проліяти, да точію насъ привлечетъ въ любовь къ Себѣ и между собою. Сею любовію движимый Моисей проситъ изгладить его изъ книги животной за Израиля. Сею любовію упоенный Павелъ вопіетъ *анаѳема* себе отъ Христа за спасеніе ближнихъ. Презирай, или не возжелѣвая, и не ищай таковой о Бозѣ любви не повиненъ ли будетъ крови и тѣла Господня? ибо за любовь къ роду человѣческому Господь страдалъ, и любовь есть естество Божіе, и чуждый любви — чуждъ и Бога.

И такъ блюдемъ себе опасно отъ ожесточенія и отъ всего таковаго, что приводитъ къ разоренію и охлажденію единокровія и дружелюбія о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О СМЕРЕННОМУДРІИ

Не самое ли величайшее безуміе возноситься помысломъ, якобы что для Бога сдѣлали, оставя міръ и вся яже въ міръ и вступивъ въ жизнь иноческую на ближайшее служеніе Господу, и тѣмъ яко бы одолжили Бога, принеся такую Богу жертву? Вот помыслите: аще Господь сказалъ ученикамъ Своимъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ, и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ* (Ин. 15, 16). Они, то есть апостолы, имѣли сердца чистыя, нелестныя, какъ Самъ Господь о нихъ свидѣтельствуется: *вы чисти есте* (Ин. 13, 10). И паки: *се воистинну Израильтянинъ, въ немже лъсти нѣсть* (Ин. 1, 47). И жизни они были трудолюбивой, смиренной, тихой, въ скудости и простотѣ, не имѣя и ношнаго покоя; отъ труда рукъ своихъ питахуся, ибо бѣша рыбаки. — Но и сія вся оставльше и пренебрегше, самопроизвольно, неотлучно вкупѣ съ народомъ день и ночь хождаху за Господомъ. И аще таковыхъ достойныхъ, тако ко Господу любовію прильпившихся и увѣровавшихъ въ Него, избравъ, возбрани имъ Господь помыслити, яко они сами идоша въ слѣдъ Его, глаголя имъ: *не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ*: насъ же не Христу, но мірскому прельщенію паче внемлющихъ, тако отъ Христа Господа отчужденныхъ и отдаленныхъ, во всякихъ житейскихъ сластяхъ и

грѣсѣхъ погрязающихъ, покою и веселостямъ и всякимъ пристрастіямъ точію внемлющихъ: — таковыхъ, глаголю, недостойныхъ, не вслѣдъ за Христомъ ходящихъ, истиннѣе же рещи, отъ Христа бѣгущихъ, и подражающе міролюбцамъ за міромъ гонящихся, — таковыхъ насъ избра Господь и всемогущими судьбами Своими призва въ равно-ангельное служеніе Себѣ, глаголю во иноческое житіе. Можно ли помышлять, яко мы пошли служить Богу? не паче ли подобаетъ со удивленіемъ чувствовать таковое величайшее Его къ намъ грѣшнымъ милосердіе, и отъ благодарности предаваться со смиреніемъ во всеусерднѣйшее служеніе и благоугожденіе Ему, за что Онъ же милосердный опять воздастъ стократно въ жизни сей, а въ будущей животъ вѣчный?

О ИСТИННОМЪ НАСЛАЖДЕНІИ

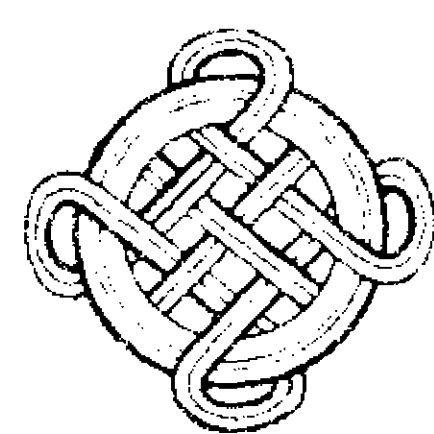
Размыслите, изъ каковаго мы худаго состоянія и въ какое высочайшее достоинство отъ Самого Бога призываемся! — Призываемся изъ тлѣннаго въ нетлѣнное; изъ смертнаго въ безсмертное; изъ безславнаго въ пречудную и недоумѣнную славу и великолѣпіе: изъ скорбной и многотрудной жизни въ нескончаемую, присно пребывающую радость, ниже на мгновеніе ока умаляющуюся, но присноцвѣтущую съ непостижимымъ улажденіемъ, съ вѣчнымъ покоемъ и Божественнымъ утѣшеніемъ! Примѣниши изъ обещалости въ силу и младость нестарѣемую, и пріемши всѣхъ святыхъ достоинство, честь и прославленіе, негли благолѣпнѣе красоты ангельскія удобренъ и украшенъ будеши; ибо писано: Ангели приникнути желаютъ въ славу святыхъ. Растворится тебѣ свобода по всѣмъ небесамъ, съ дерзновеніемъ приступиши къ самому престолу Божію! Со всѣми святыми имаши ликовати и красоватися и въ раю Божіемъ прохлаждатися. Не попуститъ ти тамошнее неисповѣдимое блаженство твоему уму воспоманути землю, родившую тя; понеже будеши отъ приснотекущія благодати Божія въ непрестанномъ восторгѣ, зря Самого Бога. Грѣхи твои къ тому не помянутся, но яко всѣ праведные и преподобно пожившіе сіяти и блистати имаши; изъ грѣшника, преступника, ругателя, въ Божіе содружество вчинишися, и ктому уже пропастей адскихъ и тартарскія бездны и темницъ и мукъ геенскихъ не убоишися.

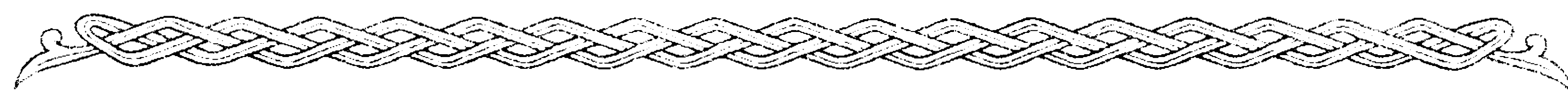
О пречудная любовь Божія, яже изліяся на насъ Спасителемъ нашимъ, Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ!

Съ непотребными и мерзкими и много прогнѣвляющими Его, желаетъ быти съ нами вѣчно въ содружествѣ, да будемъ сообразны славѣ Его, да будемъ сыны Божіи и богоподобны, сонаслѣдники Господу нашему Іисусу Христу, сообщники и сожители Его и друзи Божіи пріискренніи, наслаждаяся всѣми небесными благами; а паче всего, яко въ безконечныя вѣки имать простиратися таковое наше блаженство.

И по таковомъ откровеніи обѣтованныхъ намъ небесныхъ благъ, хотимъ отнюдь себе не утруждая и не исправляя во оное достигнути! Но сему быти не возможно, дабы грѣшный, о грѣсѣхъ своихъ по силѣ своей удовлетворенія не принеся, къ безгрѣшнымъ и праведнымъ во блаженство оныхъ введенъ былъ и къ нимъ сопричтенъ. Сіе безпрестанно въ мысляхъ и въ сердцѣ обнося, потщимся, возлюбленніи, всею душою потщимся, дабы не лишитися намъ сего ожидающаго насъ вѣчнаго блаженства. Самъ Господь — помощникъ вседушно о семъ пекущимся.

Сіе, Божіею помощію, написалъ я, грѣшный и скудоумный, не для всего міра, но въ пользу и назиданіе, ихже далъ мнѣ Господь Богъ мой, да руководствую ими и да послужу имъ на вспомоществованіе ихъ богопосвященной жизни.

ПИСЬМО К ОTCY ДОСИФЕЮ

Автограф неизвестен. Печатается по рукописному «Сборнику разных писем из библиотеки келейной архимандрита Моисея. 1857 г.» из собрания Оптиной пустыни («Библиотеки Оптиной пустыни отд. 1, № 1»), хранящемуся ныне в Российской государственной библиотеке: Отдел рукописей, ф. 214, № 446. В том же фонде под № 448 на лл. 4–21 находится еще один список письма, относящийся ко второй половине XIX века. Публикуемый список занимает лл. 3–17 (18,8x15,5); на свободной половине последнего листа переписано (возможно, рукою архимандрита Моисея, как отмечается в описании рукописи) напутствие старца Василиска отцу Зосиме, отправлявшемуся в Петербург для исходатайствования женского монастыря в Сибири. Текст письма отцу Досифею был полностью напечатан в Житии старца Зосимы — игумена Вера (Верховская) привела его в главе «Отшельничество на острове Коневском», где имеется примечание: «Сие письмо хранится подлинником в Козельской Введенской пустыни». Датируется письмо 21 мая 1799 года. В тот год преподобным Зосиме и Василиску по благословению митрополита Гавриила и старца Адриана предстояло покинуть остров Коневец, чтобы из отшельствия, из «мнимого безмолвия» удалиться на глубочайшее безмолвие во внутреннюю пустыню. В преддверии и предчувствии этого события преподобный Зосима со всей откровенностью делится с «многоискренне возлюбленнейшим о Господе батюшкой» отцом Досифеем своими переживаниями и рассуждениями о пройденном и предстоящем пути.

Адресат письма — сподвижник преподобных Василиска и Зосимы старец Досифей, пустынный, живший тогда в Рославльских лесах, скончавшийся в 1828 году в Иоанно-Предтеченском скиту Оптиной пустыни. В «Жизнеописаниях почивших скитян», составленных последним оптинским старцем преподобным Никоном (Беляевым), о нем сообщается: «Родом из однодворцев Драгунской слободы г. Карачева Орловской губернии. Первоначально жил в Площанской пустыни, где и пострижен в монашество, потом 40 лет проходил пустынное подвижническое житие в Рославльских лесах Смоленской губернии со старцами Варнавою, Никитою, Иаковом, Василиском, Зосимою, Адрианом, Афанасием, Арсением и другими. Здесь же жил и послушник Тимофей, вскоре затем настоятель Оптиной пустыни о. Моисей. О. Досифей прибыл в Оптину пустынь в октябре 1827 года и с радостью и честью принят был о. Моисеем, как старец своим учеником, и помещен на жительство в скиту. Отличительными свойствами сего старца были особенная простота и младенческое незлобие»¹. Далее повествуется о дос-

¹ См.: Неизвестная Оптина. СПб., 1998. С. 393–394; см. также: С. Нилус. Святые под спудом. Тайны православного монашеского духа. Издание Средне-русского монастыря. М., 1999. С. 97–98.

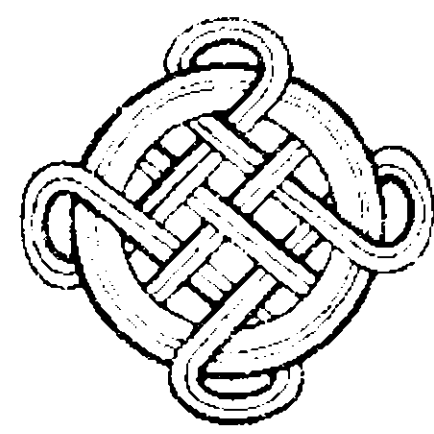
топамятном случае, после которого вскоре последовала на 75-м году от роду тихая кончина старца Досифея († 22 декабря 1828 года). Умиравшая от сильной горячки молодая супруга помещика Тульской губернии А. С. Воейкова внезапно почувствовала облегчение от болезни, после того как ей явился монах и сказал: «Вставай и приезжай в Оптину пустынь, а я на твое место лягу — так Бог велел»; когда же через несколько дней, будучи уже совершенно здоровой, она приехала в Оптину пустынь, чтобы воздать благодарение Господу Богу, то первым встретила на скитской дорожке явившегося ей в видении монаха — старца Досифея, который после того в скором времени занемог, проболев двенадцать дней и тихо почил о Господе.

Старец Досифей был восприемным отцом от Евангелия преподобного Моисея, старца Оптинского, который по старческому совету иеросхимонаха Алексия (Адриана Блинского), жившего тогда в Симоновом монастыре, в 1811 году отправился к пустынножителем в Рославльские леса, где прожил до перемещения в 1821 году на жительство в Оптину пустынь. В жизнеописании преподобного Моисея приводятся некоторые сведения о старце Досифее, в частности, о заточении его в острог на три года по произволу исправника¹. Уместно обратить внимание на несомненное свидетельство глубокого почтения, с каким относился преподобный Моисей и к адресату, и к автору публикуемого послания: оно открывает сборник писем, который стал начатком, номером первым основанной им в 1854 году оптинской монастырской библиотеки (шифр книги: «Библиотеки Оптиной пустыни отд. 1, № 1»).

Текст письма публикуется по указанному списку без сокращений и изменений. Пунктуация приближена к современной.

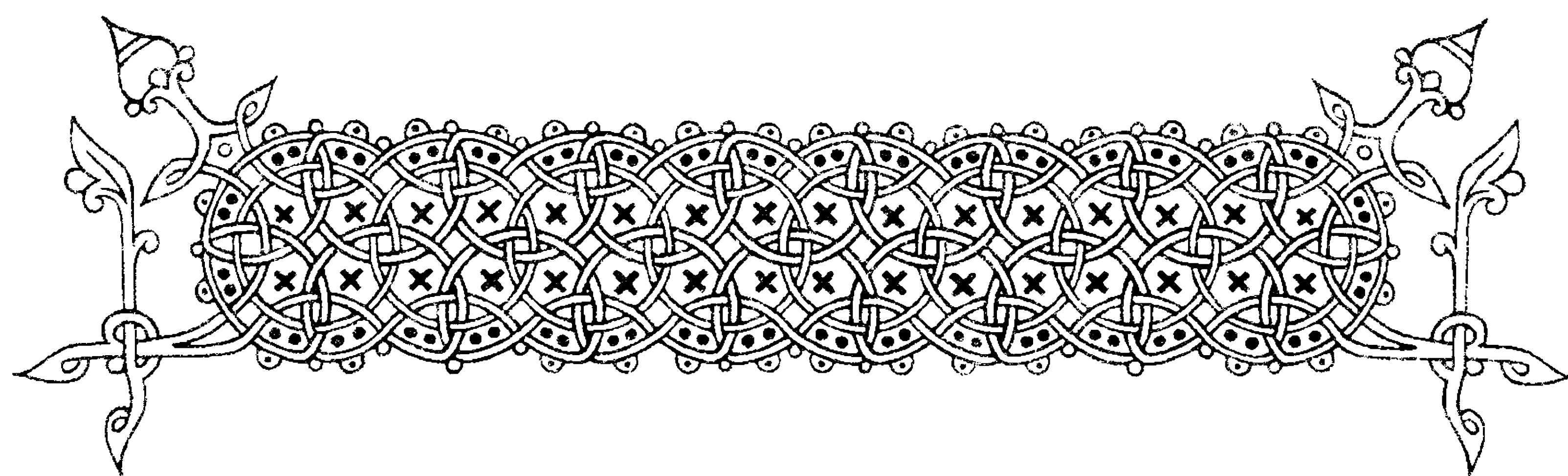
Под строкой приводятся разночтения по тексту письма, включенному в Житие старца Зосимы². В подавляющем большинстве это не что иное, как пропуски и искажения текста (в некоторых случаях компрометирующие), которые были допущены в издании 1889 г. (и, соответственно, в репринте 1994 г.) и оставались до сих пор незамеченными. Здесь эти разночтения приводятся для того, чтобы читатели, располагающие репринтным изданием Жития 1994 г., могли внести в текст необходимые исправления.

Примечания сделаны редактором.

¹ Жизнеописание настоятеля Козельской Введенской Оптиной пустыни архимандрита Моисея. М., 1882 (репринт: Житие преподобного схиархимандрита Моисея Путилова. Издание Введенской Оптиной пустыни, 1992). С. 27–54.

² Житие и подвиги в Бозе почившего старца схимонаха Зосимы... Часть первая. С. 62–77.

Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.
Много искреннѣ возлюбленнѣйшій о Господѣ мой Батюшка
Отецъ Досиѣей.

Слава Богу! Щедротами великаго Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, за молитвами Владычицы нашея Богородицы храними есмы и соблюдаеми отъ всякаго неудобства и волненій вѣка сего, чрезъ раба Его, а нашего отца строителя Варфоломеа. Спаси его Господи, и воздай ему отъ небесныхъ сокровищъ вкупѣ и со отцемъ Веніаминомъ, равно и Боголюбезнѣйшему всему братству. Ей, батюшка, особенныя отъ нихъ для насъ милости проистекаютъ, ибо поистиннѣ совершенно всячески упокоены есмы, какъ душевно, такъ и тѣлесно. И для большаго прославленія Божіяго къ намъ Промысла, и на обличеніе моего нерадѣнія, вкраткости тебѣ, моему Ангелу, объявлю, да вкупѣ и твоя святыня порадуешься о рабѣхъ Его, и о семъ удобномъ ко спасенію мѣстѣ. Ибо самъ отецъ строитель и все братство отца моего Василиску, и меня, аще и воистинну недостойнѣйшій, любезнѣ у себя имѣютъ, всякую потребу для упокоенія душевнаго и плоти усердно выполняютъ и возбранно. И безмолвія нашего ради (аще и во студъ мнѣ себя во ономъ именованіи помѣщать за злоокаянство мое) никто изъ братій къ намъ для посѣщенія не приходятъ; аще ли же и пришествіе къ намъ сотворятъ, но и то по благословенію Настоятеля, кромѣ единокорныхъ стаинниковъ¹, ихже для вѣщаго моему окаянству (исправленія) Господь ихъ приклоняетъ къ посѣщенію насъ на исправленіе меня.

В монастырь же вхожденіе позволено тако, какъ совѣсть наша сама опредѣлять будетъ. Правило также лѣжитъ на нашей совѣсти, и на ²рукодѣліе ни на каковое понуждаемы², развѣ бы что сами за праздность времени восхотѣли здѣлать. Таковое и симъ подобное многое снисхожденіе съ нами устроено! Чтожъ до внутренности и до души касающееся, то по скудоумію моему,

¹ странниковъ

²⁻² на рукотѣліе, на каковое понуждаеми

слабо и почти не возмo-
гаю изъяснить, сколь ве-
ликую пользу душамъ
нашимъ, а наипаче мнѣ
помраченному и ожесто-
ченному, произрастаетъ
въ семъ мѣстѣ пребы-
ванія. Ибо, слава Богу,
имамы невозбранное вра-
чевство — частое исповѣ-
даніе, и не прохожду¹
дальняго разстоянія пу-
ти, ища на то духовника,
какъ для уврачеванія
неудобъ² изглаголаннхъ
помысль и искушеній,
равно и для причащенія
Святыхъ и Животворя-
щихъ Таинъ. Ибо из-
вѣстно тебѣ, отче, яко
нашъ Настоятель самъ
бысть усердной служи-
тель пустынной, и имже
самъ былъ искушенъ, въ
томъ можетъ и инѣмъ
искушаемымъ помощи.

И такъ, аще кто имать совѣсть безъ зазрѣнія, возжелая можетъ
во всѣ святыя посты причащаться невозбранно. Не достигаетъ
же насъ и совсѣмъ удалено съ мірскими и о мірскихъ собесѣдо-
ваніе; не приходитъ на умъ, гдѣ и како добыть потребы (излише-
ства) для плоти и души: зане для обоихъ довольствуемся обиль-
но. Совсѣмъ всеу, но и притщетно³, жительствова при семъ
святомъ мѣстѣ, имѣть или хранить у себя цаты, сирѣчь денги:
зане благодатію Божіею, за молитвами Преподобнаго отца наше-
го Арсенія не вмѣстимо во оной обитѣли на то вины имѣть, ибо
не имѣемъ потребъ кѣихъ покупать, или кому ими помощи, по-
неже мірскихъ требующихъ не зримъ, а братія вся, яко и азъ
непотребный, отъ единого отца душевно и тѣлесно довольствуют-
ся, и ни малой въ нихъ не имѣють нужды. Равно и ризъ сугу-
быхъ не нужно хранить, зане благодатію Божіею довольно въ

ЛЮБЕЗНЫЙ СХРИСТЕ
БРАТЪ ОТЕЦЪ МОИСЕЙ
БЛАГОДАРИЮ ВАСЪ ЗА ЛЮ-
БОВЪ ШТО ВЫ МЕНЕ ПРИ-
НИМАЕТЕ СЕВЕРНИМЪ ПИРЯЙ
ПИТЬ НЕ МОЩЕНЪ ВЫ
СЧАСТИИ ЗНАЕТЕ
НЕ МОЩЪ МОЮ ИВАНЪ
А СІИ БОЖЕ ОБРЕЧЕТЕ

ДУШЕВНОЮ ПОЛЪЗУ
ПРОШУ ВАШИХЪ СЯТРА
МОЛИТВЪ ЗРЕШНЫЙ
ДОСИФЕЙ
ПРОШУ БРИТІИ ПОКЛОНИ
ПТСЯ

Автограф старца Досифея
(письмо преподобному Моисею,
старцу Оптинскому).

ОР РГБ ф. 213, к. 96, е. х. 1, л. 76

¹ прихожду

² недугъ

³ претщетно

монастырь и изобилно требующимъ подавають. Но ниже о келліи возможно печаловать, ибо отецъ Строитель еще много усердствуетъ къ пустынной жизни, а потому и уповаю, яко не имать препятствовать, но и новыя построить, аще потребно будетъ за душевное созиданіе, хотя уже есть и зъ залишкомъ по лѣсу разсѣянныхъ въ праздности, и на удобныхъ мѣстѣхъ стоящихъ, ибо лѣсу весма изобильно строеваго на островъ семъ. Также и о пищи невозможно попеченіе имѣть, ибо со излишествомъ, мнится мнѣ, азъ, порабощенный мамонѣ, ею довольствуюсь: и благоутробная душа Настоятельница щедро преподаетъ¹, и братскія святыя души не въ зазрѣніи совѣстию въ томъ моемъ окаянствѣ пребываютъ.

И такъ, за помощію Божіею, весма удобно устроить себя и на апостолоподражательную нищету, и на святое преподобноотеческое безмолвное и безмятежное, и нестяжательное житіе, а чрезъ то о Господѣ душій мѣры ко спасенію: по Благовѣстію святыхъ отецъ, способность къ стоянію ума предъ Богомъ, чистоту въ молитвѣ, трезвость памяти, свободное размышленіе, побужденіе во усердіе къ Богу, связаніе ума отъ суетныхъ пареній, печалованіе и радованіе о Господѣ, печалованіе и скорбеніе² о грѣсѣхъ, и о нерадивомъ своемъ житіи, радованіе, яко разумною тварію сотворенъ, и яко избранъ изъ множества мірскаго и приведенъ въ сію ангельскую еще же и безмолвную подражательную святыхъ отецъ жизнь, и содѣланъ Промысломъ Божіимъ Его служителемъ. И тако чрезъ таковое размышленіе ухищряетъ душа понудить себя къ большому постничеству, за любовь Создателя своего, а потому и теплѣ припадаетъ къ Нему, прося отъ Него на то помощи себѣ и наставленія. Аще ли же бы излишествомъ, коварствомъ врага душъ нашихъ, и наполнится келлія, абіе все удобно износить въ казну монастырскую. Аще ли же случится за помраченіе совѣсти и ума или якоже азъ еще страстный, тайно, и неведѣнія помущеніемъ ума, валятися въ каковомъ пристрастіи о помянутыхъ, и абіе пришествіемъ изъ мнимаго своего отшельствія, сирѣчь изъ пустыни во обитѣль, вся моя скаредность и недостатки, яко въ зеркалѣ, открываются мнѣ, внутреннѣе показующе явственно. И тутъ уже отнюдъ ниже слѣда³ гордости и мнѣнія ощущаю въ себѣ, да аще бы и каменная кому душа была, мню, не возможетъ гордости ощущать въ себѣ, видя святое братство, аки агнцевъ и страсотерпцевъ Христовыхъ. Овѣхъ смиренныхъ до зѣла, отъ чрезмѣрной кипящей благодати, и въ единомъ

¹ припадаетъ

² радованіе

³ В тексте, опубликованном в Житии старца Зосимы, это слово отсутствует.

богомыслии все теченіе своего бытія изнуряють; инѣхъ за любовь Божію крѣпцѣ постящихся, и въ крайнѣмъ безсиліи измождающую плоть обносяще святолѣпнѣ въ цѣломудріи, не дая ко упокоенію сна довольнаго; нѣкоторые, яко купленные рабы и поработченные любви ради Божіа, въ тяжелоносныя, и гнусныя, и всякія трудныя работы любовнѣ днію и нощію нудятъ себе. Мшелоимство въ нихъ не зрится, сребролюбіе отъ нихъ отбѣже, зависть отъ нихъ попрана, гордостію гнушаются, чревонеистовствомъ и чревоненасытствомъ мерзвуютъ аки коею мерзостію; всякаго покая и пространства отбѣгли, во всемъ свою волю отложили, и похотѣніе попрали, и самочиніе отметили. И како возможно мнѣ по тонкости описать тайныя ихныя подвиги, иже единому Тайновѣдцу Богу свѣдомы! Но единогласно вопію и вѣщаю, яко всячески всякими тщатся ревностно Создателю своему благими дѣлы служить во всѣ часы живота своего. Аще ли же бы случилось, ово отъ новоначальныхъ, ово отъ развращенныхъ нравы, нѣкое неустройство, или безчиніе вредъ наносящихъ всѣму братству, то таковыхъ ово настоятель, ово изъ братіи на то особенныя, способствіемъ всяческимъ, тщатся уврачевать развращенной ихъ и вредной нравъ и обычай. Аще ли же (еже не дай Господи) пребудутъ неисцѣльны, нимало покаяясь здоровому для нихъ предлагаемому совѣту, то уже таковыхъ милостивая душа Настоятельская разлучаетъ прочь отъ братства, да не и прочія, еще немощныя въ новоначаліи сущія, ихъ ради повредятся. И тако ихъ изъ монастыря съ любовію вонъ высылають, а чрезъ то благодатію Божіею миръ и тишина въ братствѣ попрежнему устрояется.

И тако довольно насладясь лицезрѣніемъ онаго стада Христова, паки возвращаюсь во свое мнимое безмолвіе и отшельствіе, и приводя на память видѣнныя въ братствѣ подвиги и свое злое и нерадивое житіе, воистинну принуждается душа убеждать себя на большее постничество и подвиги духовныя, и всячески останется во смиренномъ о себѣ мудрованіи. Еще же во ономъ мѣстѣ, мнится мнѣ, возможно и обои жительствы проходить, якоже пишетъ святой Ісаакъ Сѣринъ въ словѣ 55, что инѣмъ полезно сожителство со многими, а инѣмъ отшельство, ибо приидя изъ отшельствія во обитель, всячески навывкнеши, что то есть искушеніе, ово въ братствѣ, ово же внутри себя, и како чрезъ то бываетъ предспѣяніе, ибо удобно познавши своего созиданія мѣры, сирѣчь: како душа твоя зритъ братію, осуждаетъ ли ихъ за нѣкоторые недостатки, или діаволу все приписуетъ, а братію безотмѣнно во святости признаетъ, сирѣчь за святыхъ. Зане они по поущенію, ово отъ усилованія вражіа, а ктомуужъ и отъ немощи побѣждаются, и паки помощію Божіею исправятся, и исправля-

ются; азъ же добровольно волю діаволу исполняю. Аще ли же бы азъ и не погрѣшно самъ жительствоваѣлъ, но то всячески Богъ хранитъ меня, а потому и нѣсть сіе мое исправленіе. Или внутренно осуждаешь ихъ, а себя не падательнымъ признаешь; и таковымъ вниманіемъ ясно созерцается жительства мѣра и успѣяніе отъ своего безмолвія и отшельства. Аще ли же бы и не удобъ стерпимое нашло время, сѣдя во отшельствѣ, то возможно соутѣшиться приидя во обитель: не съ мірскими бо, ничтоже о духовномъ понятія имущихъ, ниже суетными словесы, но съ любезною богоусердно работающею братією; и ихними душеполезными, паче меда сладчайшими бесѣдами и равноангельнымъ ихъ обхожденіемъ наслаждаясь и паки получа здравіе душевное и приидя въ крѣпость, возможно паки въ прежнее свое отшельство возвратиться. Аще ли же бы восхотѣлъ по немощи и по плоти соутѣшиться, то и сего довольно возможно воспріять, не обходя дальняго пути и многихъ въ мірѣ живущихъ, прося и раболѣпствуя имъ, и за подаяніе имъ рабственно рукодѣліе выполняя. Аще ли же того ради содержитъ у себя всякое изобиліе сѣдя въ пустыни, еже¹ бы во время нужды имъ довольствоваться, и для того сохранять у себя на многое время, то уже таковое устроеніе, по словеси святыхъ отецъ, нѣсть духовной премудрости, и неключимо нашему монашескому чину, а наипаче безмолвія держащимся. Но здѣ благодатію Христовою не тако, но приидя во обитель, милосердіемъ и любовію пораженной нашъ отецъ Настоятель усердно всякое требованіе, немощи ради нашей, со излишествомъ выполняетъ; и тако съ довольнымъ довольствованіемъ и благословеннымъ утѣшеніемъ, какъ тѣлеснымъ, такъ и душевнымъ пользованіемъ, паки возможно своего безмолвія ни мало разстроясь держаться. Ктомуужъ благодатію Божією не зрится опасности къ разорѣнію или препятію² здѣсь въ безмолвіи во отшельствѣ сѣдящимъ ни отъ господъ исправникъ, ни отъ инѣхъ начальнѣйшихъ людѣй, ни смущенія, наносимаго отъ мірскихъ частыхъ посѣщений: зане оной островъ состоитъ во отдаленности отъ міра, и подъ вѣденіемъ онаго монастыря, сирѣчь Настоятеля единого съ братією. Имѣтъ же сумнѣніе въ теперешнемъ нашемъ Богомъ отцами позванномъ Настоятелѣ, которой, яко и тебѣ довольно извѣстно, бысть крайнѣй рачитель безмолвія и пустынной жизни, которой и нынѣ духъ неусыпно пламенеетъ въ немъ, а братія вся, какъ и выше написахъ скудоуміемъ моимъ, живутъ ангелоподражательно; и отнюдъ невозможно быть отъ нихъ еже къ пресѣченію въ семъ мѣстѣ отшельствія, зане они

¹ еще

² препятствію

и сами суть ревнителие безмолвія, выключая мало ¹нѣкоихъ въ новоначаліи¹ сущихъ и не имѣющихъ еще понятія о духовной равноангельной монашеской жизни, то таковыя развѣ кое покажутъ неудовольствіе къ отшельникомъ? Но таковыхъ благодать, живущая въ Настоятелѣ и помянутыхъ братіяхъ, скоро въ просвѣщеніе и познаніе истины монашеской наставятъ, показуя и изъясняя имъ, яко за немощъ еще нашего умнаго дѣйствія предано намъ обращеніе имѣть въ руководѣліи и прочихъ по Бозѣ чувственныхъ упраж[не]ніихъ. А иже въ преспѣяніи суть, и желаютъ яко уже оумерщвленныя міру жити, таковыя болѣе тщатся быть въ безмолвіи, извѣстася о томъ отъ Божественнаго гласа, иже бысть Арсенію и Антонію Великимъ². Аще же тѣмъ Богъ предпочелъ лучше быть въ безмолвіи, имиже³ бы весь міръ воспользоватися возмогъ, то кольми паче не пришедшимъ еще въ ихъ мѣру! Аще ли же нѣкоторыя къ совершенію dospѣвше, а жительствоуютъ въ обществѣ съ братією, вѣдати подобаетъ, яко сіе всяко въ нихъ не отъ себя, но Божіимъ благоволеніемъ, да пользуютъ инѣхъ, равно и немощныя и страстныя, якоже и азъ страстный и скорый во всякое грѣховное паденіе держуся сего моего мнимаго безмолвія во отшельствѣ, по святаго Ісаака Сврїна наставленію, да удаленіемъ⁴ людей и вещей, невольнѣ удержусь отъ паденія, а чрезъ то, видя Господь яко хочу спастися, негли поможетъ Своею Благодатию прїити во успѣяніе и безстрастіе. Чего ради и отъ твоей святости на то требую къ Богу молитвѣ. Равно и со многими полезно бываетъ, по тогожъ Ісааку святаго [наставленію], сожительство, да искушеніемъ и заушеніемъ разнымъ⁵, падая⁶ и востая⁶, прїидетъ такоже кто во успѣяніе и безстрастіе. И такъ кто кїихъ свойствъ, тамо той по его ученію святому и да жительствоуетъ. И нѣсть, мнится ми, воистинну нѣсть ни единыя вины, еже бы здѣ было невозможно и неудобно безмолвное отшельственное провождать житіе. И никто меня не можетъ увѣрить, аще и весьма грубъ и глупъ есмь и крайнѣ невѣжествую, чтобъ лучше было и удобнѣе ко спасенію жительствовать на сухомъ пути, близъ селѣнія мірскихъ, гдѣ состоятъ во окружности деревни, изъ коихъ бываютъ близъ келліи слѣды оныхъ мірскихъ человѣкъ для различныхъ ихъ работъ, сирѣчь по ихному хозяйству за лыками, мочалами, ободьями, лубьями и про-

¹⁻¹ Этих слов нет в тексте из Жития.

² Преподобный Арсений Великий (ок. 354–449), египетский подвижник, (память 8 мая). Преподобный Антоний Великий (Египетский) (ок. 251–ок. 356), основатель православного монашества (память 17 января).

³ или же

⁴ хуленіемъ

⁵ разныхъ

⁶⁻⁶ В тексте, приведенном в Житии старца Зосимы, этих слов нет.

чаго безчисленнаго броженія бабъ, дѣвокъ и юношей за грибами и ягодами, съ восклицаніемъ мерзкихъ пѣсней, съ сквернословнымъ козлогласованіемъ, и самыми студными и неудобъ изглаголаннми срамными дѣлы, безпрестанно ожидая и сохраняяся и бояся всегда искушенія отъ нихъ, будучи по нуждѣ своей въ отлученіи внѣ келліи. Но азъ воистинну видѣхъ таковыхъ безсрамныхъ и на вся злая готовыхъ юношей и мнимыхъ дѣвъ, яко по подобію самаго діавола безстудныхъ. А ктомуужь и отъ господъ: отъ инѣхъ — выше достоинства и мѣръ нашихъ къ намъ почитаніе, а отъ инѣхъ осужденіе, и оглаголаніе, и соблазненіе. Отъ простаго же народа, сирѣчь крестьянъ: отъ инѣхъ великое также уваженіе и раболѣпство, а отъ инѣхъ зависть и ненависть. Чрезъ все же сіе всегда опасность какъ къ душевному паденію, такъ и тѣлесному бѣдствію. Аще ли же посѣтитъ кто, то бесѣда бываетъ о мірѣ семъ суетномъ и совсѣмъ нашему жителству сопротивныя и душевредныя разговоры: о женѣ, дѣтяхъ, богатствѣ, долгахъ и безчисленныхъ развращеніяхъ и злобахъ. А ты долженъ на всѣ сіи ихъ матеріи душеполѣзныя совѣты давать; и аще упользуешь, то наипаче начнутъ посѣщать, аще ли ни, то, соблазнясь и повредясь, начнутъ монашество избравшихъ, а наипаче сѣдящихъ о Бозѣ въ безмолвіи тунеядцами именовать, чрезъ что будетъ и имя Божіе хулиться. И тако при всѣхъ сихъ изъясненныхъ случаяхъ какъ возможно быть кромѣ искушеній, безъ уязвленія душевнаго, нося страстную плоть и имѣя чувства якоже во осторожность къ возбраненію на уповающихъ на себя? — написаша святіи отцы. Кто ты? Ангелъ ли? Или камень, еже бы не чувствовалъ желаніи общаго естества и усилованіи его? О! како и коль неудобно, или и совсѣмъ невозможно, еже пріити въ таковую мѣру, еяже ради избрали отшельство сѣдѣнія въ безмолвіи, живя же въ таковѣмъ мѣсте! Аще Арсеній Великій глаголетъ: яко тростія шумѣніе отъ вѣтра смущаетъ во вниманіи сѣдящихъ, то како, толикія вины къ смущенію сердца и подвиженію страстей близу себя во окруженіи зря безпрестанно, быть возможно въ мирствованіи совѣстномъ и душевномъ устроеніи, и плодъ спасенія произнести? Сіе дѣло единыхъ точію безстрастныхъ и совершенство уже достигшихъ, якоже Апостоли и прочія великія Святители, и блаженныя, юродственную жизнь провождающыя, иже во всѣхъ таковыхъ обращеніяхъ пребываютъ безъ вреда благодатію Христовою. А немощнымъ всѣмъ единогласно отцы святіи вопіють: яко охраненіе лучше дѣль, сирѣчь бѣжати отъ всего наносящаго помущеніе совѣсти. И святіи толико въ семъ себя наблюдали, что и на безбратнаго¹ брата взоръ въ тщету

¹ безбратнаго

себѣ вѣнчали, и за самое то вниманіе умное всякое руководѣліе оставили, якоже единъ отецъ о семъ намъ возгласилъ, еже написа святой Ісаакъ въ словѣ 1 : чуждуся, рече, яко слышахъ нѣкія творяща руководѣліе, и правило неоскудно (совершающія) и не смущаяся. Рече же паки чудесе¹ достойное: но еще иду на воду, смущаяся отъ обычая моего, ²и чина его, и препинаюся совершенія моего². Зри, отче: еще толико великія отцы аки столпи бѣдствуютъ отъ малѣйшихъ и аки ничтожныхъ винъ, то что не постраждемъ азъ и подобныя мнѣ, живя близъ міра? Прости мнѣ, не мое было дѣло сіе твоей святости восписать, зане вѣмъ³ извѣстно, яко ты благодатію Христовою хранимъ, и превыше еси всѣхъ ловленіи вражїихъ пребываешь; но побѣжденъ будучи чрезмѣрною моею къ тебѣ любовію истинною, еяже едино напмятованіе двизаетъ внутренность мою. Того ради забылъ свое окаянство и должность свою молчанія, зане зѣльнымъ желаніемъ есмь объять зрѣти близъ себя тебя живущаго. Еще чрезъ то тебѣ и намъ и имать быти въ нѣкоторое и на нѣкоторое время пресѣцаніе безмолвія, постыщеніемъ другъ друга, но любовь вся во благое навеститъ: и Самъ Господь Богъ утвердилъ и повелѣлъ всячески любящимъ истинною другъ отъ друга въ неразлученіи быти, глаголетъ бо Святѣйшими Своими усты со общаніемъ: *идѣже еста два или трие собрани о имени Моемъ, ту есмь посреде ихъ*⁴. А идѣже Онъ, Отецъ нашъ Небесный и Создатель, тамо и Царство Небесное. А посему и должно мнѣ болѣе радѣніе имѣть, и всячески тѣшаться вкупѣ съ рабами Его сожителствовать, якоже и ты, нежели пещися своеичинно о Царствіи Небесномъ. И еще бы оное азъ и получилъ, и былъ бы въ немъ, но безъ Христа ⁵и не имѣя въ себѣ Христа⁵, воистинну ни на небеси не имать упокоитися душа безъ Него; якоже и царь Давидъ вопіетъ: *Что ми есть на небеси*⁶. А Господь нашъ и Богъ воистину, по свидѣтельству св. Стефана, не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ. Ибо небо Ему престолъ, земля же подножіе. И якоже все Святое Писаніе изъясняетъ, что Богъ живетъ и обитаетъ и почиваетъ на Херувимѣхъ и Серафимѣхъ, и въ рабѣхъ Его, иже заповѣди Его соблюдаютъ, якоже явствуетъ во Евангеліи Святомъ: Азъ и Отецъ Мой *приидемъ, и обитель въ немъ сотворимъ*⁷. Такожде являетъ Діонісіи святой, яко и почиваетъ Духъ Божій на нихъ, и сего-

¹ чудесь

²⁻² В тексте из Жития этих слов нет.

³ вѣмъ

⁴ Мф. 18, 20.

⁵⁻⁵ В тексте из Жития этих слов нет.

⁶ Пс. 72, 25.

⁷ Ин. 14, 23.

то ради страшусь азъ единъ уединенное погнати жительство, зане еще за смрадъ дѣлъ моихъ злыхъ, не имать мѣста во мнѣ Христосъ, и живя единъ, а не съ вами, рабами Его, буду всегда безъ Христа; а ежели удостоенъ буду жить съ вами, то будетъ и близъ мене, яко въ васъ Онъ (Христосъ) жительствоуетъ, и негли вы своими молитвами умолите Христа Господа, еже бы возблаговолилъ и въ мене вселиться. И егда же явитъ сію Его и на мнѣ недостойнѣмъ милость, тогда, можетъ, и оставлю васъ тѣлесно, но не духомъ и любовію моею: *любѣ бо николиже отпадаетъ*¹. Зане и рабъ истинный, аще и отпущенъ будетъ отъ господина своего, но всегда признаетъ его за господина своего. Тако и азъ къ вамъ есмь: зане аще что и дастъ ми Господь Богъ, и что азъ нынѣ не имамъ, или имѣти буду, то всячески васъ ради сія вся будутъ; а потому и есте вы мои истовые господіе, и за помощію Божіею не имамъ васъ оставить духомъ моимъ и любовію никогдаже. Прошу воистинну со слезами и болѣзнію сердца, не оставите мене единого безъ васъ. Аще ли же уже невозможно мнѣ будетъ совокупленно съ вами быти, и азъ за недостойнство мое лишенъ буду вашего сожителства, то всячески, ногъ вашихъ касаяся, прошу, не оставите мене въ молитвахъ своихъ ко Господу Богу, да помилуетъ мене васъ ради. Извѣстно же тебѣ буди, возлюбленный мой отче, что я сіе все писаніе къ тебѣ написахъ не того ради, дабы непременно къ себѣ переманить, не буди сего, но паче аще воистинну въ добромъ и во удобномъ къ безмолвію, и спасенію на созиданіе обитаеши мѣстѣ, или вѣси гдѣ и можеши найти таковое мѣсто въ тѣхъ (гдѣ живеши) странахъ, то всячески, мнится намъ, надобно держатися его. И азъ многогрѣшный, и отецъ мой Василискъ радостію веліею радуемся и желаемъ и молимъ Бога, да сохранитъ Онъ васъ² Своимъ покровительствомъ до скончанія жизни въ таковѣмъ спасительномъ мѣстѣ. Ибо не смѣю въ равности имѣть внутренняго пустыннаго житія и пребыванія совершеннаго, кое во уподобленіи распятію на Крестѣ отъ святыхъ отецъ привмѣнено, съ нашимъ коневскимъ отшельствіемъ въ равности поставить, аще и здѣсь вельми удобно къ безмолвію и спасенію, якоже выше изъявихъ.

Но много вѣще, уповаю: во успѣяніе приводитъ внутренняя пустыня, понеже въ ней нѣсть уже ни коего утѣшенія, еже имѣется въ мірѣ семъ, имже бы возмогла душа суетнѣ заняться. Зане руководѣліе излишнее непотребно, ризъ³ тоже, пойти для увеселенія нѣхкому, разглагольствовать не съ кимъ, никто не

¹ 1 Кор. 13, 8.

² тебя

³ разъ

посѣтитъ, не имать трапеза соуѣшающихся, и утѣшающихъ брашенъ, развѣ единого твоего ученика (и стаинника)¹ и суроваго и постнаго насыщенія; ужасъ отъ бѣсовъ, скука и тоска отъ уединенія всегдашняго и неисходнаго, страхъ смертной, безпрестанно въ душу входящей, страша звѣринымъ нападеніемъ, ядовитыхъ гадъ уязвленіемъ и умерщвленіемъ, и отъ злыхъ людей убіеніемъ; скудость во всемъ, нищета крайняя, недостатокъ вездѣ, приболѣзненная хижина, ничтоже въ себѣ имущая развѣ малыхъ книгъ, въ нихже всю свою отраду имать и утѣшеніе. О друзѣхъ своихъ жителствѣ не слышитъ. О родственникахъ здравіи не знаетъ. О любимыхъ своихъ вѣсти не имѣетъ. И все пріятное бывшее отъ него удалилось, единымъ словомъ: мертвымъ учинихся міръ ему, и онъ міру. Нѣсть о чесомъ временномъ порадоваться, или имже бы помрачался умъ, отменя² отъ Бога, но присно вся мысль, умъ, память и все чувство, и весь человѣкъ въ Бозѣ бываетъ погруженъ, наставляясь къ Нему чрезъ единое размышленіе и смотреніе Премудрости, Величества, и Промысла Его, еже въ твореніи Его. И яко двое книги имать предъ собою разверстыя во всегдашнее время, — небо и землю, — смотря въ тѣя и удивляясь, коль великъ и премудръ есть Богъ нашъ. Къ Нему же Единому и вопіетъ, печалуя день и ночь, и прося припадаетъ, да укрѣпитъ и сохранитъ его до конца жизни въ таковѣмъ жителствѣ, еже пріять выше силъ своихъ Его ради.

И тако отъ неисходнаго пребыванія, и нищеты, и совершеннаго отъ всѣхъ и всего удаленія, уповаю, яко даруетъ Господь таковому даръ слезъ, иже яко обрученіе нѣкое будущаго веселія и спасенію души имать быти. Сихъ-то ради винъ, о любителю пустынный! отецъ мой Досіѣей! Ей, поистиннѣ ей, сей бы часъ и сію минуту, аще бы Господь даровалъ, и помогъ и открылъ бы на то путь, ни мало бы разсуждая и колеблясь, ³спѣшно бы изшелъ³ изъ мнимаго моего теперешняго безмолвія, зане воистинну есмь ожесточенъ и окамененъ, и аки нечувственъ. А таковымъ внутреннимъ пустыннымъ пребываніемъ негли бы и пришелъ во страхъ Божій и въ чувство о своей гибели. Аще ли же бы и тамо за ожесточенной мой нравъ пребылъ ожесточеннымъ, то мне мнится, все уже равно погибать, какъ въ семъ теперешнемъ уже продолженномъ безмолвіи, и доселѣ ни мало во успѣяніе не пришедшимъ⁴, а нагоршее болѣе, или во внутреннѣй пустыни, которой я еще не сподобился вкусить и испытать; а

¹ (и странника)

² отлетая

³⁻³ спѣшил бы

⁴ не пришедшемъ

тамо негли Господь и помилуетъ и поможетъ яко не имущему уже ни откуда помощи себѣ, кромѣ его Создателя. Еще же, какъ я и выше помянулъ, и винъ ради, приводящихъ въ чувство покаянiя. А естли уже азъ, паче камене ожесточенной, и тамо не принесу плодовъ достойныхъ покаянiю и милости Божіей не достигну, то поне пустыни ради не имѣя чувственныхъ винъ, ко грѣху приводящихъ меня скоропадательнаго¹, возмогу избѣжать того помощію Божіею. Ибо, мнится мнѣ, лучше устраниться со смиреніемъ и быти кромѣ добрыхъ дѣлъ, жительствуя во внутреннѣй пустыни, удаленiя ради отъ винъ, приводящихъ къ грѣхопадению, не прiявши еще силы и безстрастiя, нежели исхити великаго спасенiя и жить среди винъ, аки волнъ, ко грѣху мещущихъ, и не имѣя еще таковой благодати и силы, еже бы стати противу грѣха и побѣждати всегдашнее того насилуванiе страстное, а чрезъ то побѣждатися и чувствовать уязвленiе совѣсти въ прогнѣванiи Бога, якоже о семъ полезнѣйше наставляетъ святой Исаакъ въ словѣ 56-мъ: «Мнози силы совершиша...», и прочее. И въ 69-мъ: «О, коль зло видѣнiе», и бесѣда тогожде въ 22-мъ и еще въ словахъ 13 и 14. Чти тамо. Симъ же моимъ во внутреннюю пустыню отшествіемъ являю Господеву моему истинное желанiе спастися. Зане что бысть возможно отъ меня быти, то при Его помощи усердно исполнити тщахся. И дѣломъ учинихъ предъ Нимъ, сирѣчь, прежде изъ міра изшелъ въ монастырь для убѣжанiя грѣховныхъ паденiй, а потомъ изъ монастыря вступилъ въ отшельство, а изъ отшельства во внутреннюю пустыню. Занеже чистоту стяжать въ молитвѣ, и еже бы умъ не парилъ на суетное, и слезы въ молитвѣ имѣть, и любовь къ Нему, то безъ дѣланiя заповѣдей Его въ сіе прiити невозможно, якоже являетъ св. Исаакъ, развѣ особенной и смотрительной на то будетъ даръ Божій. Равно и поститися во всякомъ изобиліи трудно, а съ насыщенымъ чревомъ бдѣнiе продолжить невмѣстимо, а безъ бдѣнiя отъ ума помраченiе отгнать неудобно, безъ свѣтлости же умной не зрится молитвы усердной и слезной. Еже всяко мнится ми избѣжаніемъ отъ винъ разслабляющихъ во внутреннюю пустыню, благодатию Христовою и Его помощію возможно будетъ тамо во успѣянiе прiити, ктому же тамо (во внутр. пуст.)² аще бы сталъ и подвижно жити, не имаша завидящихъ ти и похвалами своими гордость ти и мнѣнiе наносящихъ, но Единъ Богъ, Иже видя въ тайнѣ, воздастъ ти во второе Свое пришествіе явѣ³. Аще ли же бы (еже избави Господи) и злѣ тамо

¹ скоропадательно

² В тексте из Жития слова в скобках отсутствуют.

³ См.: Мф. 6, 4.

и нерадиво жилъ, то и тако точію за единого себя и свое окаянство воздаждь¹ Богу отвѣтъ, а за другихъ не отвѣщаеши, ибо никто² не видя тѣ грѣшащаго и тобою никто² не приведенъ на грѣхопаденіе и разслабленіе, еже по часту случается отъ развращенныхъ, со многими жителствомъ имущихъ. Аще ли же бы кто изшелъ, побѣждаемъ и убѣждаемъ будучи любовію Божественною Христовою, таковому уже воистинну, мню я, въ раи пребываніе онъ свое имать: ибо не зря ни коей препоны ни откуда, безпрестанно въ богомыслии и со Богомъ и въ Бозѣ своемъ сладостною молитвою, ово умною, ово сердечною, наслаждается, и уже не печальныя единыя, но и радостопечальныя болѣе изливаетъ слезы, обитая на горахъ, яко птица небесная, поя и принося сладкія пѣсни своему Творцу и Искупителю. Отлученной отъ всѣхъ и яко агнецъ возлюбленной Христовъ да пасется и насыщается во веселіи сердца благодатію Христовою. Воистинну таковой не имать промѣнати своего пустыннаго пребыванія на многопопечительныя царскія чертоги, зане онъ, живя въ ней, всегда со многимъ удобствіемъ созерцаетъ Царствіе Небесное. Ниже пожелаетъ злата и каменей многоцѣнныхъ, и бисерей, зане имать въ себѣ живущаго пребезцѣннаго (каменя) Христа, Иже велми его упокоеваетъ, веселитъ и утѣшаетъ, и сохраняетъ его отъ всякаго зла. Таковому воистинну звѣріе яко сосѣди, гадове покоренны, и вся тварь таковому послужити имать, по словеси св. Исаака, да не будетъ ему упраздненія отъ Бога. Владычица же наша Пресвятая Богородица о таковыхъ радуется, и любитъ, и помогаетъ имъ много, яко истинныхъ рабовъ Своего Сына и Господа. Святіи о нихъ молятся и веселятся, а Ангели святіи имъ помогаютъ, и сохраняютъ, и наставляютъ, и о таинствахъ небесныхъ открываютъ, и всячески соблюдаютъ, яко меньшую свою братію, и клеветовъ и друзей. Всѣхъ сътей и ловительствъ діаволскихъ превыше суть; и самъ діаволь, яко бѣгунъ нѣкій, отбѣгаетъ отъ нихъ, ниже смѣя близъ ихъ быти. Адскихъ мученій не страшатся, зане нѣсть въ нихъ скверны, омовени бо слезами, очищены благодатію Христовою и наслѣдницы поистиннѣ не ада, но Царствія Небеснаго. Сего ради смерть имъ вождельна есть, и толико желательна, яко по часту возводя очи на небо, съ Давидомъ царемъ вопіютъ, глаголя: О, *когда пріиду и явлюся лицу Божію!*³ ⁴И паки, не стерпѣвая великаго своего пламене любовнаго къ Богу, вопіютъ:⁴ *имже образомъ желаетъ елень на источники*

¹ воздашь

²⁻² В тексте послания из Житія этих слов нет.

³ Пс. 41, 3.

⁴⁻⁴ В тексте послания из Житія этих слов нет.

водныя, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже¹. Но и что много глаголю? Самъ Господь нашъ бысть и начало положи въ пустыни, и Іоаннъ Богословъ не хотѣлъ оставити своего безмолвія, якоже пишетъ св. Петръ Дамаскѣнъ: аще и не на безмолвіе, но на благовѣстіе бысть позванъ. И не только единыя святыя къ ней прибегали, желая въ тишинѣ жительствовати безмятежнѣй, но и многогрѣшныхъ, покаянія ищущихъ, вѣсть святая пустыня обновлять и претворять въ великихъ святыхъ. Зрю бо Марію Египетскую, и отца святаго, иже бысть художествомъ ткачь платна, который паде въ прелюбодѣяніе со инокинею и, видя себе достигающаго крайнія погибели, притекъ подъ покровительство пустыни, и абіе возвела его во святыню и отдала Христу Богу яко достойна на вѣчное съ Нимъ царствованіе. Сіе-то самое и мене многогрѣшнаго дерзостнымъ сотворяетъ коснуться сего пустыннаго жительства, да негли Господь умилосердився помилуетъ и мене, святыхъ твоихъ, отче, ради молитвъ. И такъ, отче мой любезный, можешь уразумѣть изъ сего моего отъ истиннаго усердія тебѣ написаннаго письма, о нашемъ Коневскомъ устроеніи, и у васъ близъ селенія жительства, и о пользѣ внутренней пустыни. И разсмотря съ Божіею помощію полезнѣйшее душѣ своей, можешь решитца туда, куда твоя совѣсть болѣе понудитъ, да будетъ все житіе по Бозѣ и ради Бога. За симъ всѣмъ, паче всего требую твоего благословенія и молитвъ въ помощь мнѣ, и моему бѣдному окаянству и неустройству, и ни въ малой успѣхъ пришедшему. Любезнѣ же цѣлуя святыя твоя: главу, любомудрствующую о Господѣ; руцѣ, простирающіися часто въ молитвъ и работающіи Богу, и успокоевающіи живущую съ тобою братію и отцевъ; колѣнѣ, преклоняющіися въ молитву; нозѣ, претрудящіися во бдѣніи и молитвословіи. И всего тебе сущаго раба Божіе-го, съ земнымъ моимъ тебѣ поклоненіемъ. Остаюсь, за помощію Божіею, дондеже духъ во мнѣ пребудетъ, вѣрноусерднѣйшимъ и многопреданнѣйшимъ твоимъ рабомъ грешной, въ нерадѣніи живущій, яко тунѣядецъ, Зосима.

Ч. 21го маія 1799го года².
Коневская пустынь

¹ Пс. 41, 2.

² В тексте послания из Житія ошибочно: 1797 года.

ПИСЬМО К ОTCY ПAВЛУ

Автограф неизвестен. Печатается по списку, который следует за «Письмом отцу Досифею» в рукописном «Сборнике разных писем из библиотеки келейной архимандрита Моисея» (ОР РГБ, ф. 214, № 446, лл. 17 об.–21). Под № 448 (лл. 21 об.–27) в этом же фонде находится еще один список письма, относящийся ко второй половине XIX века. По списку, хранящемуся в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы (ф. 420, оп. 1, д. 1770), письмо публиковалось в работе: А. Ю. Андрианов. Скитская и монастырская жизнь первой трети XIX в. в трудах отца Зосимы Верховского¹.

Письмо датировано 23 июля 1806 года. Оно является ответом адресату на его писание «сего года въ Генварѣ 12 дня изъ Москвы въ путь со иконою Божіа Матере и съ книгами». Адресат, как явствует из письма, был связан со старцами Зосимой и Василиском давними узами дружбы и «нелестнаго усердія, еже состоится о Христѣ Бозѣ», переписывался с ними; был в Тобольске, надеясь повидать старцев в их пустыне, а может быть, и «близъ жительствовати», но уехал обратно. Он охотно выполнял разного рода поручения старцев, хорошо знал их московских благодетелей и людей, «единодушных и любящих» их; бывал, а возможно, и подвизался в Симоновом монастыре, что подтверждает строчка из письма: «... увѣдоми насъ о любезномъ нашемъ отцѣ Андреянѣ» (иеромонах Адриан, в схиме Алексій, учитель и духовный отец преподобных Зосимы и Василиска, жил в то время на покое в Симоновом монастыре).

Кто же был этот «верноусерднейший», «любезной» старцам друг о Бозе отец Павел? Разумеется, это не был схимонах Павел, один из особенно известных учеников старца Паисия самого первого поколения (в их перечне, который приводится в предисловии к русскому изданию Жития преподобного Паисия Величковского, он значится седьмым: «Монах Павел, жившій в Молдавии при старце Паисіи и вышедшій в Россию, окончил дни свои в московском Симоновом монастыре. Он много пострадал в 1812 году во время нашествія французов, быв от них бием, и остальное время жизни своей он провел в болезненном положеніи, духовным своим дарованіем многим подавая пользу ищущим оной»². Схимонаху Павлу в 1806 году было уже 77 лет (он скончался 96 лет от роду 3 февраля 1825 года³, и ему преподобный Зосима,

¹ См.: Православие и русская народная культура. Кн. 2. М., 1993. С. 45–91.

² Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Издание Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1847 (репринт: Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001). С. XIII.

³ См.: Историческое описание московского Симонова монастыря. М., 1843. С. 108.

конечно же, не мог адресовать содержащиеся в послании просьбы и наставления.

В поисках ответа на этот вопрос мы можем привести пока лишь несколько упоминаний об «отце Павле», «монахе Павле», найденных в письмах того времени. Из письма архимандрита Александра (о нем см. ниже) из Спасского Арзамасского монастыря Тимофею Путилову от 31 мая 1809 года в Рославльские леса: «Сердечно рад, что милосердный Господь сподобил Вас достигнути пристанища и соединиться лику монашествующих... Монаху отцу Павлу низжайший поклон отписать не успел. Простил бы» (ОР РГБ, ф. 213, к. 89, д. 6, л. 17). Монах Павел был посвящен своим епархиальным архиереем в Нижнем Новгороде в иеродиакона 18 июня 1810 года и в иеромонаха на следующий день — об этом сообщается в письме иеромонаха Спасского Арзамасского монастыря Павла к отцу Мельхиседеку (Короткову), архимандриту Симоннова монастыря, от 29 июня 1810 года (ОР РГБ ф. 213, к. 84, д. 39). В письме иеромонаха Моисея (Путилова) к Екатерине Дмитриевне Таптыковой (Таптыковы из сельца Межева Рославльского уезда были благодетелями рославльских пустынников) упоминается отец Павел Рославльский: отец Моисей сообщает, что письмо родственника Екатерины Дмитриевны получено им «в прошлом годе из Мещовска с отцом Павлом Рославльским» (ОР РГБ ф. 213, к. 86, д. 18, л. 16).

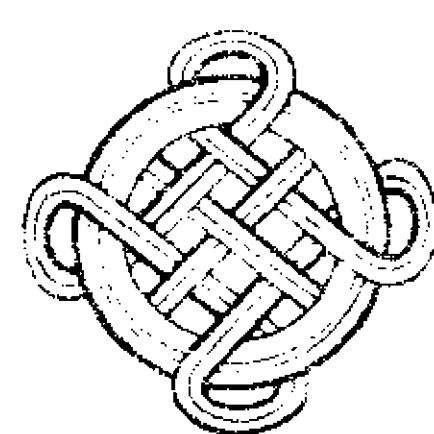
Письмо запечатлело безыскусственные свидетельства о жизни преподобных пустынников в Сибирских лесах, трогательные подробности их простого быта, а главное — сведения о прочных нитях духовного общения, которые соединяли ревнителей внутреннего монашеского подвига, достигая дальних пределов России. В тексте упоминаются имена «великих святых отцов», современников преподобных Зосимы и Василиска («ихже всѣхъ любезне почитаемъ и въ душахъ нашихъ величаемъ»). *Угодникъ Божій святитель Христовъ Еглогій* — сведений о нем найти не удалось. *Въ Бѣлыхъ Берегахъ равноангельный настоятель Василій* — иеромонах Василий (Кишкин; 1745–28.04.1831). Семи лет по благословению родителей поступил в Саровский монастырь, монашеский постриг принял в 15 лет. Подвизался в Коренной пустыни, после 1780 года странствовал, несколько лет жил с учениками на Афоне в Ильинском скиту, где до того подвизался преподобный Паисий. Затем, прожив некоторое время в Нямецком монастыре, вернулся в Коренную пустынь, где был братским духовником. В 1800 году назначен строителем Белобережской Иоанно-Предтеченской пустыни, был также старцем Свенского Успенского монастыря, в обоих монастырях ввел общежительный устав. В 1816–1827 гг. жил в Глинской пустыни, затем перешел в Площанскую пустынь. Несколько лет был в затворе, перед кончиной принимал всех ищущих его совета и благословения. Похоронен в Площанской пустыни, против алтаря Казанской церкви¹. *Афанасій* — схимонах Афанасий (Захаров; † 17.10. 1825). В 30 лет вступил

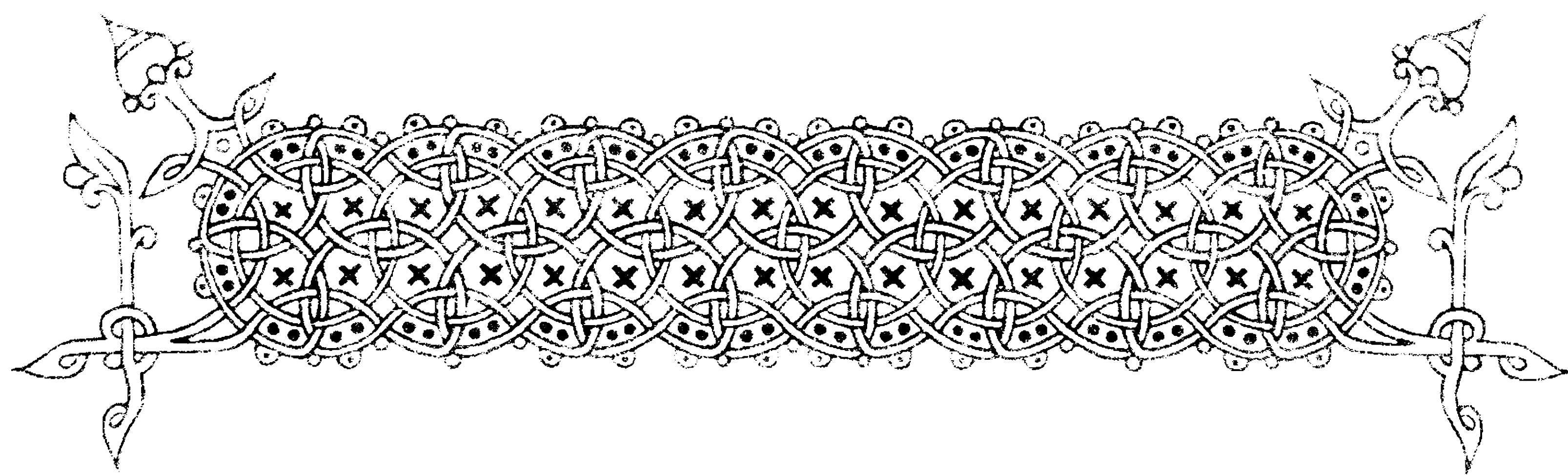
¹ См.: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. VI, XV, 317. Сведения о других упомянутых подвижниках приводятся в основном по этому же изданию, см. Именной указатель (с. 309 сл.).

в Нямецкий монастырь, более семи лет жил при старце Паисии, приняв от него монашеский постриг, исполнял послушание писца. В 1777 году ушел в Россию, подвизался в Николаевском Троицком монастыре и Флорищевой пустыни; приезжая в Москву, имел духовные беседы с новоспасскими старцами Александром и Филаретом. Жил в Белобережской пустыни (после 1806 г.), когда строителем там был иеромонах Леонид (Наголкин). В 1815 году перешел в Площанскую пустынь. Скончался на руках у будущего оптинского старца Макария (Иванова), проходившего у него послушание. *Подражатель оныхъ любезный нашъ Анастасій* — † после 1811 года, иеродиакон, ученик старца Василия (Кишкина). Подвизался в Свенском Успенском монастыре, в конце 1809 г. ушел пустынножить в Рославльские леса. *На Песношахъ свидѣтельствованный въ добродетеляхъ преподобный настоятель Макарій* — схиархимандрит Макарий (Брюшков; 1750–31.05.1811). Начал иноческую жизнь в Санаксарском монастыре под духовным руководством старца Феодора (Ушакова), затем (после 1774 г.) перешел во Введенскую Островскую пустынь, где настоятелем был ученик старца Паисия иеромонах Клеопа. В 1779 году принял монашеский постриг и в течение двух лет рукоположен в диаконский и иерейский сан. В 1781 году переведен в Николо-Песношский монастырь на должность казначея, в 1789 году принял настоятельство этого монастыря, который при нем достиг духовного расцвета и внешнего благоустройства. Двадцать четыре ученика старца Макария стали настоятелями разных обителей. В 1806 г. возведен в сан архимандрита. Перед кончиной принял схиму. *Самуиль, сіяющій въ благодати* — † 29.02.1829, игумен Старо-Голутвина Богоявленского монастыря, ученик схиархимандрита Макария (Брюшкова). *Упремудренныя и просвѣщенныя отъ Святаго Духа искусныя въ совѣтъхъ Александръ и Филаретъ* — старцы московского Новоспасского монастыря, сподвижники-одногодки, связанные духовным единством и дружбой. *Александр* (Адриан Иванович Подгоричани, иногда приводится русифицированная форма фамилии: Подгорченков; 1758–29.04.1845) — схиархимандрит Арзамасского Спасского монастыря. Иноческую жизнь начал в Новоспасском монастыре, принял монашеский постриг в 1793 году. В том же году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским Гавриилом, с которым состоял в переписке. В 1798 году назначен наместником Новоспасского монастыря, но вскоре испросил благословение перейти на должность больничного иеромонаха. Живя в уединении, занимался Иисусовой молитвой; имел духовные беседы с учеником преподобного Паисия старцем Афанасием (Захаровым), поддерживал общение со многими молдавскими и афонскими старцами. В 1810 году произведен в архимандриты Арзамасского Спасского монастыря. Его советами пользовались будущие старцы братья Исаия, Моисей и Антоний (Путиловы). *Филарет*, в схиме Феодор (Феодор Николаевич Пуляшкин; 9.05.1758–28.08.1841), — иеросхимонах, начал иноческий путь в Александро-Невской лавре, откуда перешел в Саровскую пустынь, а затем в московский Симонов монастырь, где в 1785 году принял монашеский постриг и в 1787 году посвящен в сан иеродиакона. В

1788 году вызван в Александро-Невскую лавру, где через год был рукоположен митрополитом Гавриилом в сан иеромонаха. Участвовал в подготовке к изданию Добротолюбия. По прошению определен на должность больничного иеромонаха в московский Новоспасский монастырь. С 1809 (или 1810) года до самой кончины нес подвиг старчества. В 1827 году тайно принял схиму. Именно к нему обратился за решающим советом смиренный старец Зосима, вознамерившийся незадолго до кончины отправиться в Соловецкий монастырь. *Странноприимной и горящий къ Богу духомъ и приснодвижимой любовію къ пустынѣ общій нашъ питатель и пристанище наместникъ Донской Іосифъ* — в Центральном историческом архиве Москвы в фонде Донского монастыря сохранились документы о наместнике Донского монастыря иеромонахе Иосифе: определение, подписанное 19 июня 1804 года Донским архимандритом Виктором («Наместником ставропигиального Донского монастыря быть оного ж монастыря иеромонаху Иосифу...» — ф. 421, оп. 1, д. 5302, л. 21) и прошение от 1 июня 1809 года наместника иеромонаха Иосифа, поданное «пречестному господину отцу священноархимандриту Виктору» об увольнении его с наместнической должности, с резолюцией от 10 июня того же года о назначении нового наместника иеромонаха Гедео́на (ф. 421, оп. 1, д. 5322, л. 2).

Текст печатается без сокращений и изменений, с современной пунктуацией. Примечания под строкой сделаны редактором.

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.

Любезной намъ Другъ о Бозѣ Отецъ Павелъ, чувствительнѣйше благодарствуемъ за писаніе твое къ намъ — сего года въ Генварѣ 12 дня изъ Москвы въ путь со иконою Божія Матере и съ книгами, и за вся писанная отъ тебя. Много чувствительнѣйше благодаримъ твою любовь, а наипаче болѣзнуемъ о твоёмъ съ нами разлученіи. Усмотрѣвая изъ писанія твоего зѣлную къ намъ любовь и усердіе, за что награди тебя Господи Боже нашъ Своею Благодатию, и повѣрь, любезнѣйшій, что и я равно недоумеваю, како выразить и представить въ показаніе наше къ тебѣ нелестное усердіе, еже состоится о Христѣ Бозѣ? Но любовнымъ усердіемъ нашимъ къ тебѣ убѣждаясь, пишемъ чистосердечно, аще и многоболѣзненно для насъ, что уѣхалъ обратно не видяся съ нами, однако я радуюся, что Господь Богъ возвратилъ тебя благополучно; любя тебя, Господь Богъ возвратилъ обратно, меня ради недостойнаго, да не видя моего развращеннаго житія, мирно совѣстію поживеши. А нынѣ слава Богу! Зѣлнѣ благодаримъ Божіе Милосердіе, что Онъ тебя привелъ близъ житьельствовати со святыми отцы великими, кои тебѣ и намъ извѣстны, въ наслажденіе моей души и имена ихъ наминаю¹ — угодникъ Божій святитель Христовъ Евлогій, въ Бѣлыхъ Берегахъ равноангельный настоятель Василій, Афанасій, и подражатель онѣхъ любезный нашъ Анастасій, а на Пестошахъ² свидѣтельствованный въ добродѣтеляхъ преподобный настоятель Макарій, равно и Самуиль, сіяющій въ благодати, воздержной и пустынножитель общій нашъ любезный отецъ Адріанъ, и преискренній общій нашъ другъ пустынножитель Досиѳей, упрямудренныя и просвѣщенныя отъ Святаго Духа искусныя въ совѣтѣхъ Александръ и Филаретъ, страннопріимной и горящій къ Богу Духомъ и приснодвижимой любовію къ пустынь общій нашъ питатель и пристанища намѣстникъ — Донской Іосифъ, и

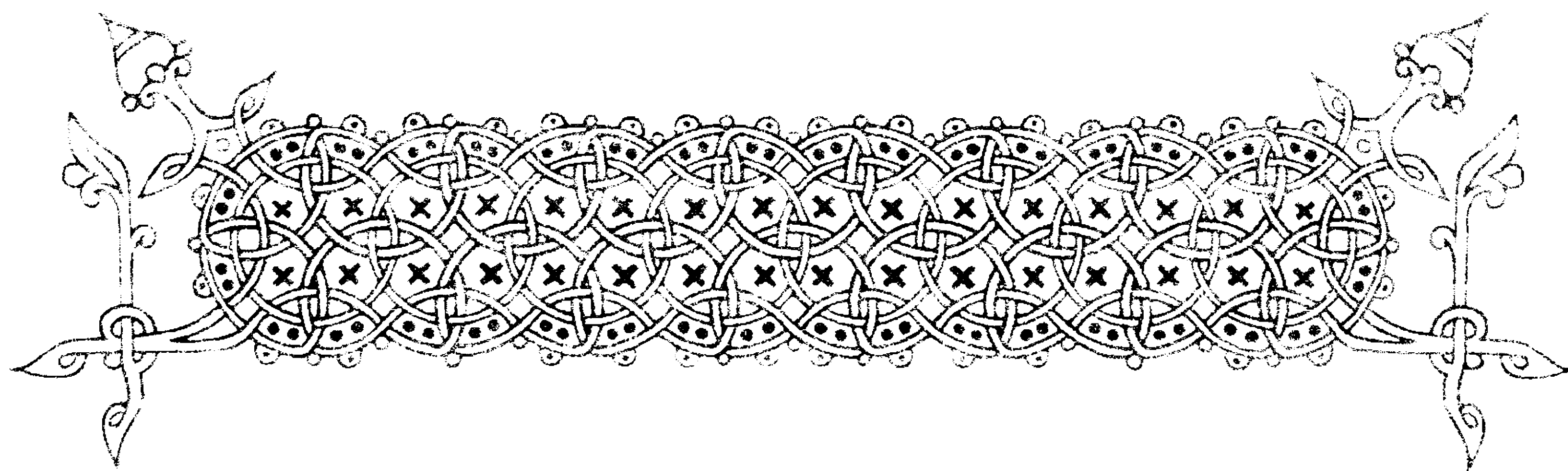
¹ наминаю — (возможно, от намѣнители) называю. Или же описка: на[по]минаю.

² Ошибка переписчика, правильно: Песношах.

прочіи пріимъ¹ и съ ними жительствовающіи преподобніи отцы, такъ же какъ самыя удобныя мѣста къ безмолвію на Коневцѣ и Валаамѣ, такъ и въ нихъ живущія многія святыя отцы, украшенныя постническими и всяческими добродѣтелями, ихже всѣхъ любезне почитаемъ, въ душахъ нашихъ величаемъ, и стопы ногъ ихъ целуемъ. И за сіе блаженъ ты еси, брате, яко можеши съ ними жить, и наслаждаться отъ устъ ихъ бесѣдами, возможешъ обо всемъ вразумиться и въ недоуменіи разрешиться. Видя же ихъ подвиги, удобно и самъ ревностно подвигнешися къ подражанію, и еще бы ты² случилася кая душевная болѣзнь, то молитвы ихъ сильныя къ Богу, и искусство ихъ въ духовномъ врачевствѣ удобно всякаго возмогутъ уврачевать, точію послушай ихъ усердно и по совѣту онѣхъ шествуй, и обрящешися, и удобно и легко, во Царствіи Христа Бога нашего. И сіе мы обще отъ усердія совѣтуемъ ти, а съ нами тебѣ жить — не знаемъ, есть ли на сіе воля Божія, ктомуужъ негли вторичной трудъ подымешъ, а къ намъ паки не восхощешъ доѣхать, понеже возмогутъ и иныя мнящіяся благословныя вины встрестися и возникнуть на возбраненіе къ намъ доѣхать, или хотя и достигнешъ к намъ, но разсмотря мое гнусство и непотребство, станешъ раскаеватися и сожалеть о всуе подъятомъ столь далекомъ пути. Ибо смердящая страстьми и растлѣнная проказою грѣхвою моя душа негли будетъ подстреканіемъ и нанесеніемъ смущенія и отягощенія совѣсти спасаемой твоей души, и сего то ради, ей, любя тя, лучьше хочу терпѣти разлуку твою отъ насъ и недвижія болѣе для свиданія съ нами, но естли любяши поистиннѣ насъ, то прошу, да ты тамо, ликуя и утѣшаяся со святыми отцы, моли Бога о мнѣ погибающемъ и многогрѣшномъ, да помилуетъ мя Господь Богъ. Къ тому жъ извѣстно знай, естли къ намъ приедишъ и восхощешъ паки возвратиться, то мы ныне не имѣемъ уже еже бы ты на путь вспомошествовать, и отнюдь не надѣйся ни мало, а выпросить здѣсь неудобно по причинѣ небогатаго народа, а что изъ Тобольска мы тебя приглашали, то по причинѣ нашего къ тебѣ истиннаго о Христѣ усердія, желая тебя любимаго нашего узрѣть — а къ тому жъ тогда мы имѣли чемъ тебя обратно на путь снабдить, а нынѣ не имѣемъ. И потому боимся приглашать, негли не ужившися съ нами обратно тебѣ не съ чемъ будетъ возвратиться. Ктомуужъ мы и сами здѣсь живя ждемъ всечасно себѣ перемены, и что впредь съ нами можетъ воспослѣдовать, не знаемъ, а только и надѣемся на единого

¹ пріимъ — здесь следует читать: при имъ «при нем». Диалектная (вероятно, смоленская) форма местоимения, ср. белор.: пры ім.

² В рукописи слитно: быти.

Господи Ісусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.

Любезной намъ Другъ о Бозѣ Отецъ Павелъ, чувствительнѣйше благодарствуемъ за писаніе твое къ намъ — сего года въ Генварѣ 12 дня изъ Москвы въ путь со иконою Божія Матере и съ книгами, и за вся писанная отъ тебя. Много чувствительнѣйше благодаримъ твою любовь, а наипаче болѣзнуемъ о твоёмъ съ нами разлученіи. Усмотрѣвая изъ писанія твоего зѣлную къ намъ любовь и усердіе, за что награди тебя Господи Боже нашъ Своею Благодатію, и повѣрь, любезнѣйшій, что и я равно недоумеваю, како выразить и представить въ показаніе наше къ тебѣ нелестное усердіе, еже состоится о Христѣ Бозѣ? Но любовнымъ усердіемъ нашимъ къ тебѣ убѣждаясь, пишемъ чистосердечно, аще и многоболѣзненно для насъ, что уѣхаль обратно не видяся съ нами, однако я радуюся, что Господь Богъ возвратилъ тебя благополучно; любя тебя, Господь Богъ возвратилъ обратно, меня ради недостойнаго, да не видя моего развращеннаго житія, мирно совѣстію поживеши. А нынѣ слава Богу! Зѣлнѣ благодаримъ Божіе Милосердіе, что Онъ тебя привелъ близъ житьельствовати со святыми отцы великими, кои тебѣ и намъ извѣстны, въ наслажденіе моей души и имена ихъ наминаю¹ — угодникъ Божій святитель Христовъ Евлогій, въ Бѣлыхъ Берегахъ равноангельный настоятель Василій, Афанасій, и подражатель онѣхъ любезный нашъ Анастасій, а на Пестошахъ² свидѣтельствованный въ добродѣтеляхъ преподобный настоятель Макарій, равно и Самуиль, сіяющій въ благодати, воздержной и пустынножитель общій нашъ любезный отецъ Адріанъ, и преискренній общій нашъ другъ пустынножитель Досіѣей, упрямудренныя и просвѣщенныя отъ Святаго Духа искусныя въ совѣтѣхъ Александръ и Филаретъ, страннопріимной и горящій къ Богу Духомъ и приснодвижимой любовію къ пустынь общій нашъ питатель и пристанища намѣстникъ — Донской Іосифъ, и

¹ наминаю — (возможно, от намѣнати) называю. Или же описка: на[по]минаю.

² Ошибка переписчика, правильно: Песношах.

прочіи пріимъ¹ и съ ними жительствовающіи преподобніи отцы, такъ же какъ самыя удобныя мѣста къ безмолвію на Коневцѣ и Валаамѣ, такъ и въ нихъ живуція многія святыя отцы, украшенныя постническими и всяческими добродѣтелями, ихже всѣхъ любезне почитаемъ, въ душахъ нашихъ величаемъ, и стопы ногъ ихъ целуемъ. И за сіе блаженъ ты еси, брате, яко можещи съ ними жити, и наслаждаться отъ устъ ихъ бесѣдами, возможешъ обо всемъ вразумиться и въ недоумѣніи разрешиться. Видя же ихъ подвиги, удобно и самъ ревностно подвигнешися къ подражанію, и еще бы ты² случилася кая душевная болѣзнь, то молитвы ихъ сильныя къ Богу, и искусство ихъ въ духовномъ врачевствѣ удобно всякаго возмогутъ уврачевать, точію послушай ихъ усердно и по совѣту онѣхъ шествуй, и обрящешися, и удобно и легко, во Царствіи Христа Бога нашего. И сіе мы обще отъ усердія совѣтуемъ ти, а съ нами тебѣ жить — не знаемъ, есть ли на сіе воля Божія, ктомуужъ негли вторичной трудъ подымешъ, а къ намъ паки не восхоцешъ доѣхать, понеже возмогутъ и иныя мнящіяся благословныя вины вострѣтися и возникнуть на возбраненіе къ намъ доѣхать, или хотя и достигнешъ къ намъ, но разсмотря мое гнусство и непотребство, станешъ раскаеватися и сожалеть о всуе подъятомъ столь далекомъ пути. Ибо смердящая страстьми и растлѣнная проказою грѣхвою моя душа негли будетъ подстреканіемъ и нанесеніемъ смущенія и отягощенія совѣсти спасаемой твоей души, и сего то ради, ей, любя тя, лучше хочу терпѣти разлуку твою отъ насъ и недвижія болѣе для свиданія съ нами, но естли любяши истиннѣ насъ, то прошу, да ты тамо, ликуя и утѣшаяся со святыми отцы, моли Бога о мнѣ погибающемъ и многогрѣшномъ, да помилуетъ мя Господь Богъ. Къ тому жъ извѣстно знай, естли къ намъ приедишъ и восхоцешъ паки возвратитися, то мы ныне не имѣемъ уже еже бы ти на путь вспомошествовать, и отнюдь не надѣйся ни мало, а выпросить здѣсь неудобно по причинѣ небогатаго народа, а что изъ Тобольска мы тебя приглашали, то по причинѣ нашего къ тебѣ истиннаго о Христѣ усердія, желая тебя любимаго нашего узрѣть — а къ тому жъ тогда мы имѣли чемъ тебя обратно на путь снабдить, а нынѣ не имѣемъ. И потому боимся приглашать, негли не ужившиися съ нами обратно тебѣ не съ чемъ будетъ возвратиться. Ктомуужъ мы и сами здѣсь живучуя ждемъ всечасно себѣ перемены, и что впредь съ нами можетъ воспослѣдовать, не знаемъ, а только и надѣемся на единого

¹ пріимъ — здесь следует читать: при имѣ «при нем». Диалектная (вероятно, смоленская) форма местоимения, ср. белор.: пры ім.

² В рукописи слитно: быти.

Бога и Матерь Божию. Также чистосердечно извѣствую тебя, что здѣсь строго надсматриваются отъ исправниковъ, управителей и градоначальниковъ, много строжае, нежели у насъ въ Россіи.

А о теперешнемъ нашемъ житіи паче же спокойствіи велгласно славимъ и извѣствуемъ, яко милостію Божию при всякомъ довольствіи, и Господь Богъ благодатію Своею всѣхъ здѣшнихъ начальниковъ и всѣхъ православныхъ убѣдилъ насъ любить, и въ нуждахъ намъ вспомошествуютъ Божиимъ Промысломъ. Теперь же мы живемъ уже на другомъ мѣстѣ, ибо сперва невозможно было всѣ мѣста обзрѣть въ разсужденіи обширностей и пространствъ величайшихъ, никѣмъ не обитаемыхъ. А нынѣ уже мы болѣе и не любопытствуемъ, по причинѣ нынѣшняго нашего мѣста, кое по желанію совѣсти нашея имѣется. Не хотелъ было тебѣ о немъ открывать, но видя твою любовь къ намъ, а нашу къ тебѣ, аки нуждею влекомъ, пишу тебѣ о немъ, да и ты любя насъ порадуешься и прославишь Бога. Оно хотя и въ 20-ти верстахъ состоитъ отъ деревни, но невходно мірскому народу, ибо на немъ не имѣется никакихъ потребъ и промысловъ, ктомуужъ оно состоитъ отъ рѣки Томи верстахъ въ 5-ти и потребно лодкою къ намъ ѣхать, ибо оно аки окружено горами, пространными болотами и озерами, и мы аки на острову живемъ, весною и въ большую воду къ самой кельи лодкою можно пріѣхать, а въ малую воду съ версту не доѣзжаемъ до себе, лѣто въ августъ мѣсяцъ верхами проѣзжаютъ въ одно время крестьянѣ въ горы за кедровыми орѣхами, и той ихъ путь отъ насъ болѣе версты, а къ намъ вѣрхомъ пріѣхать невозможно въ разсужденіи озера подлѣ насъ и надъ коемъ мы живемъ, а ктомуужъ и не видно отъ насъ. Земля на нашемъ мѣстѣ черная и плодоносная, а въ протчихъ мѣстахъ болѣе серая и глинистая, лѣсовъ частыхъ и густыхъ и пространныхъ мало имѣется въ разсужденіи частыхъ пожаровъ лѣсныхъ; на нашемъ мѣстѣ лѣсныхъ плодовъ не имѣется, и мы за потребами и для збиранія всякихъ растеній въ лодкѣ ѣздимъ поблизу насъ. Мѣстѣ же здѣсь для жительства довольно имѣется въ разныхъ мѣстахъ.

Прости, любезный, что я столь распространилъ мое писаніе къ тебѣ, — понеже твое писаніе, растворенное любовію къ намъ, понудило меня хотя сими строками удовлетворить тебя, что и мы тебя поистиннѣ много любимъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, и желаемъ, аще Богу угодно, узрѣть тебя.

Къ Лукерьи Ефимовне по приказанію твоему я послалъ письмо, къ Ивану Дмитровичу Безсонову для отдачи ей, но если ты самъ будешь въ Москвѣ, то возми у Ивана Дмитровича и отдай ей — я въ немъ по благодареніи прошу, чтобъ прислала свѣчъ восковыхъ въ память. А ты, любимой нашъ, если самъ

вознамѣришся къ намъ ѣхать, то поѣзжай прямо во Ирбѣтъ, дабы не воспослѣдовало кое препятствіе, а естѣли самъ не поѣдешъ, то просимъ въ знакъ своея дружбы пришли къ намъ, если пожалуетъ Лукерья Ефимовна на свѣчи, то купи мелкихъ свѣчъ тафельнаго¹ воска, а большихъ не много бери. И естѣли дастъ тебѣ Иванъ Дмитріевичъ денегъ, или самъ въ состояніи, то купи бесѣды Златоуста на Евангеліе Матѳеа, Іоанна, бесѣды о покаяніи, его же книга о дѣвствѣ, православное исповѣданіе, толкованіе на посланіе Іаковлево, Петрово, Іудино, Ефрема Сирина, Десидеріа; слово большое, а не малое Іларіона Великаго — оно находится въ старыхъ Требникахъ и въ Номоканонѣ старинномъ, — всячески постарайся переписать, хотя найми, или не имѣется ли у Евтихіева и у Николаева отца Ферапонтова въ лавкѣ?

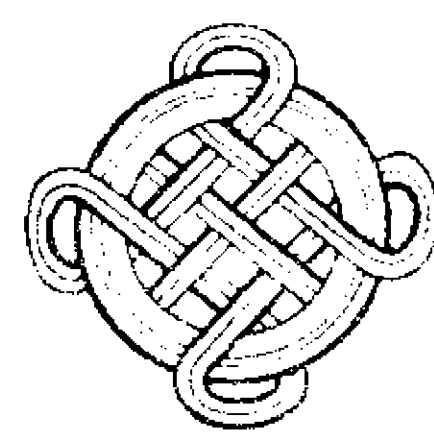
Еще извѣстно испытай и вонми разумно, испроси у отцевъ Василія Бѣлобережскаго, Александра, Филарета, у Самуила, Іосифа и протчихъ св. отецъ, дабы отъкрыли тебѣ, что значитъ душевная молитва, и како душевно молиться и душевно читати. А писано о семъ въ Добротолубіи у Григорія Синаита въ главѣ 9-й на листѣ 102-мъ, на оборотѣ также глава состоитъ. И о чтеніи и о семъ естѣли насъ извѣстишъ, то паче всего утѣшишъ, ибо раздѣляется тамо на умное, душевное и словесное. Тропарь и кондакъ Иверской Богоматери у часовни Иверской купи или перепиши. Еще самага толстаго адоевскаго частаго сукна аршинъ 30-ть на два подъярничія, а тонкаго отънюдъ не нада; ножницы хорошія съ бальшими ручками, то есть портныя небольшія; иголъ аглицкихъ 1 номера 3 бумашки, 3 и 4 и 5-го номеровъ по бумашкѣ; два долотца, одно побольше, круглые таковыхъ подобіемъ. — Картинъ страшныхъ, во ужасъ и умиленіе приводящихъ, какъ то: на звѣрѣ блудницу сѣдящую, богатаго во огни горящаго, двѣ трапезы и протчимъ подобное, побольше. Еще сѣмень самой красной долгой маркови, ее въ Москвѣ много вездѣ; еще сѣмень красной картофели изъ яблочекъ, растущихъ на картофельной травѣ, — мы здѣсь сѣяли таковыя изъ яблочекъ сѣмена, и они растутъ не хуже картофеля, а здѣсь красной картофели нигдѣ нѣтъ, а наипаче продолговатой красной. Также, естли возможно, постарайся и аглецкой крупной картофели, о аглецкой картофели самъ мой старецъ отецъ Василискъ просить. Увѣдоми насъ о любезномъ нашемъ отцѣ Андреянѣ. Трифону Семеновичу наше усердіе и поклоненіе посылаемъ, и, пожалуй, и всѣмъ знакомымъ отъ насъ поклонися. А писемъ

¹ Тафельные (от нем. Tafel «доска; плитка») свечи — катаные церковные свечи.

нашихъ всѣмъ не показуй, а только единомушнымъ и любящимъ насъ. Еще купи для нашего духовнаго отца протоіереа Іакова Никитича Арамитскаго Кузнецка сего города, Псалтырей Слѣдовательныхъ осмушныхъ 5-ть да 2 большія въ поллиста, также и для насъ купи Слѣдовательную большую въ поллиста на бѣлой бумагѣ. Еще самыхъ маленькихъ кіевскихъ или черниговскихъ канонниковъ 5-ть, то есть съ часами и утреннею и акаѳистами.

Въ протчемъ остаемся съ Божію помощію на весь вѣкъ нашъ къ тебѣ, вѣрноусерднѣйшій, грѣшный и недостойный

бывшій Захаръ (Зосима) Верховской
въкупѣ съ старцемъ моимъ Василюскою
1806-го года іюля 23 дня.

**ПИСЬМО
СЕРГЕЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ И ВАРВАРЕ ПЕТРОВНЕ
ШЕРЕМЕТЕВЫМ**

Печатается по подлиннику, хранящемуся в отделе рукописей РГБ: фонд № 817 Шереметевы (Волочаново), к. № 69, ед. хран. № 73. Датируется приблизительно началом 1830-х годов. Публикуется впервые.

Письмо написано рукой Веры Верховской, вероятно, под диктовку отца Зосимы. Подпись (начиная со слов: *къ вамъ усердно...*) и приписка в конце — автограф старца. Письмо было сложено прямоугольным конвертом, на котором написан адрес: «Его Высокоблагородію Милостивому Государю Сергею Васильевичу Шереметьеву Въ С. Михайловское».

Особую ценность представляет прекрасно сохранившийся оттиск на черном сургуче именной печати отца Зосимы: в центре круга изображение лесной келлийки, над ним в облаках — крест и буквы ЗВ, под ним — ПУСТЫН, ниже надписи — деревья.

Сергей Васильевич Шереметев — племянник Марии Семеновны Бахметевой (урожд. княжны Львовой), подарившей в 1826 году свою усадьбу в Верейском уезде общине старца Зосимы и принявшей последнюю под свое покровительство; сын Анны Семеновны Львовой, в замужестве Шереметевой¹. Его жена Варвара Петровна известна была своим благочестием; с нею поддерживал переписку святитель Иннокентий, просветитель Сибири и Америки (публиковались письма к ней, в частности, из Охотска и Новоархангельска). Шереметевы жили в имении Михайловском Подольского уезда и с первого дня помогали близлежащей пустыньке. Сохранился дневник Варвары Петровны, где несколько страниц посвящено приезду старца Зосимы из Сибири и желанию «те-тушки» принять участие в судьбе много-страдальной общины; есть и запись о том, что в Петербурге процесс старца Зосимы в Синоде называли «ужасным» (*affreux*)². Сестра Сергея Васильевича, «добрая и боголюбивейшая» Екатерина Васильевна, сопровождала гонимых сестер при их переезде в Подмосковье³. И после смерти М. С. Бахметевой (1838 г.) добрососедские связи не прекращались: у Шереметевых в Михайловском «монахини Зосимовские почитались как бы близкими родственницами»⁴.

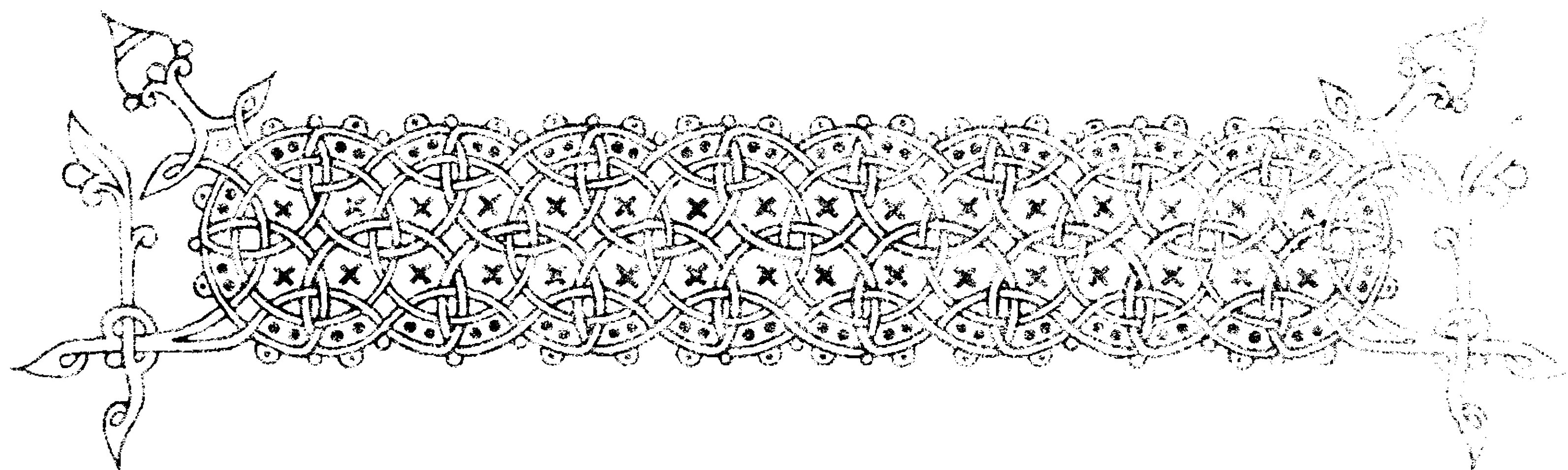
*Оттиск именной печати
старца Зосимы*

¹ Михайловский архив. Т. 1. СПб., 1898. С. XLVI, CXXVI.

² Дневник Варвары Петровны Шереметевой, урожденной Алмазовой. 1825–1826 гг. (из архива Б. С. Шереметева). М., 1916. С. 165–166.

³ Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги... С. 177.

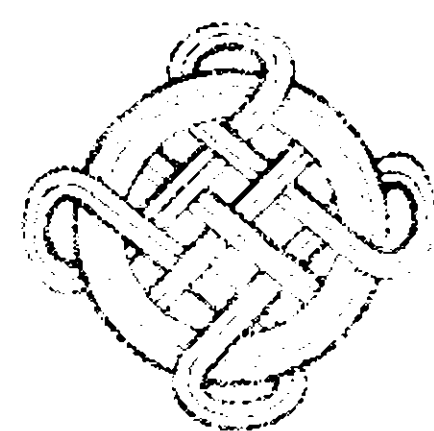
⁴ Шереметев С. Д. Михайловское (очерк). М., 1906. С. 34.

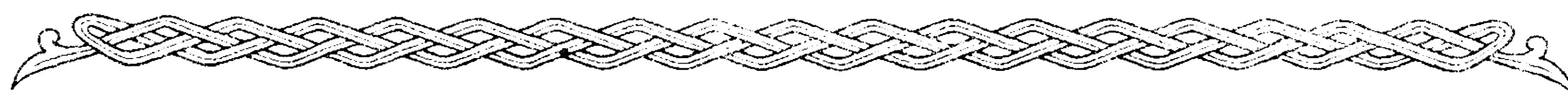
Христосъ Воскресе.
Господи Иисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ.

Примите, Милостивые Государи, почтеннѣйшіе благодѣтели Сергей Василичъ и Варвара Петровна, чувствительнѣйшую благодарность нашу за присылки ваши, которыя потому для насъ столь пріятны, что служатъ доказательствомъ вашего добраго и милостиваго къ намъ расположенія! безъ заслугъ нашихъ вами намъ оказываемаго! о которомъ извѣщали насъ и благодѣтельница наша матушка Марья Семеновна. Будьте увѣрены, что оное для насъ драгоценно! Знаю, что благодарность наша ничего не значитъ и недостойна вашего вниманія, но имѣя сердца, наполненныя ею и истиннымъ къ вамъ о Христѣ усердіемъ и почтеніемъ, не можемъ утерпеть, чтобы не явить вамъ оную; возблагодарить же вамъ или заслужить мы ни чемъ не въ силахъ; но Тотъ, Который сказалъ «Аще творити вечерю не зови друзей твоихъ <да> и они воззовутъ тебя и получишь мзду свою, но созови нищихъ, странныхъ и проч., кои не имутъ чемъ воздати тебѣ, и мзда твоя на небеси»¹. — И такъ Тотъ воздастъ вамъ и за насъ странныхъ бѣдныхъ; а мы, желая и со всемъ благословеннымъ семействомъ вашимъ истинныхъ благъ и въ сей и въ будущей жизни, пребыть честь имѣемъ къ вамъ усердно покорнѣйшими слугами грѣшной и недостойной Захаръ Верховской съ сестрами.

Получили две кадки капусты издому вашего. Еще рыбы вкадычки соленой и сушеныхъ щукъ изъ Москвы, тоже, думаю, по вашей милости. Господи Боже вознагради васъ.

¹ См.: Лк. 14, 12–14.

ПИСЬМА СЕМЕНУ ЛОНГИНОВИЧУ ЛЕПЕШКИНУ

Письма публикуются по автографам, хранящимся в Центральном историческом архиве г. Москвы (ф. 617, оп. 1, д. 3, лл. 1–6).

Благодетель женской Зосимовой пустыни под Москвой Семен Лонгинович Лепешкин (01.4.1787–10.8.1855) был московским купцом 1-й гильдии и кавалером многих орденов, в том числе ордена Святой Анны 2-й степени. В 1833 году он был возведен в потомственное почетное гражданство, в 1840 году стал коммерции советником¹. С 1846 по 1849 год был городским головой и председателем в Биржевом комитете².

Обеспечивать всем необходимым сестер общины отца Зосимы он вместе с супругой Анной Васильевной начал еще при жизни старца. «Когда же увидел старец, что помощью Божиею все уже привел в надлежащее устройство, тогда обратился и сам, хотя не в глубокое, но тихое безмолвие»³ — именно к этому времени (август 1832 года) относятся публикуемые письма. Известно, что Семен Лонгинович представил в Опекунский совет капитал в 25 тысяч рублей ассигнациями «на вечное время», так что процентами с этого капитала содержались сестры общежития⁴. А преподобный Зосима смог благодаря благодетелю осуществить свою мечту: за год до смерти он устроил себе келлийку в трех верстах от монастыря, куда «удалялся от своих учениц на пять дней в неделю. В субботу же к утрени приходил к сестрам, а в воскресенье вечером опять удалялся на безмолвие».

И после смерти старца Зосимы боголюбивое семейство купцов Лепешкиных приняло на себя заботы об обители. В 1838 году С. Л. Лепешкин воздвиг каменный храм над могилой старца Зосимы, а после утверждения общежития в 1841 году построил несколько каменных корпусов, каменную ограду с угловыми башенками, амбары и другие необходимые строения. Купил для монастыря огородные земли около деревни Печатники под Москвой⁵. В 1857 году сыновья Семена Лонгиновича завершили строительство колокольни, начатое их отцом. Согласно завещанию Семена Лонгиновича, пожертвован был еще капитал в 10 тысяч рублей на Троице-Одигитриевский монастырь⁶.

¹ ЦИАМ ф. 203, оп. 624, д. 129, лл. 18 об.–19. Сведения о С. Л. Лепешкине из Московского губернского правления.

² Московская биржа. Очерк возникновения и деятельности. 1839–1889 гг. М., 1889.

³ Житие и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти схимонаха Зосимы. М., 1889. (репринт: М.: Паломник, 1994). С. 184.

⁴ Там же. С. 198.

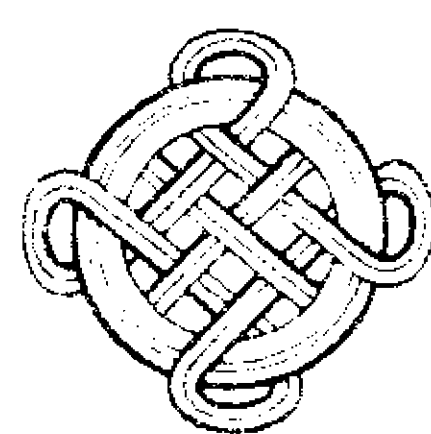
⁵ ЦИАМ ф. 203, оп. 639, д. 11, лл. 1–50. Об огородной земле около деревни Печатниковой.

⁶ ЦИАМ ф. 203, оп. 640, д. 153. Завещание С. Л. Лепешкина.

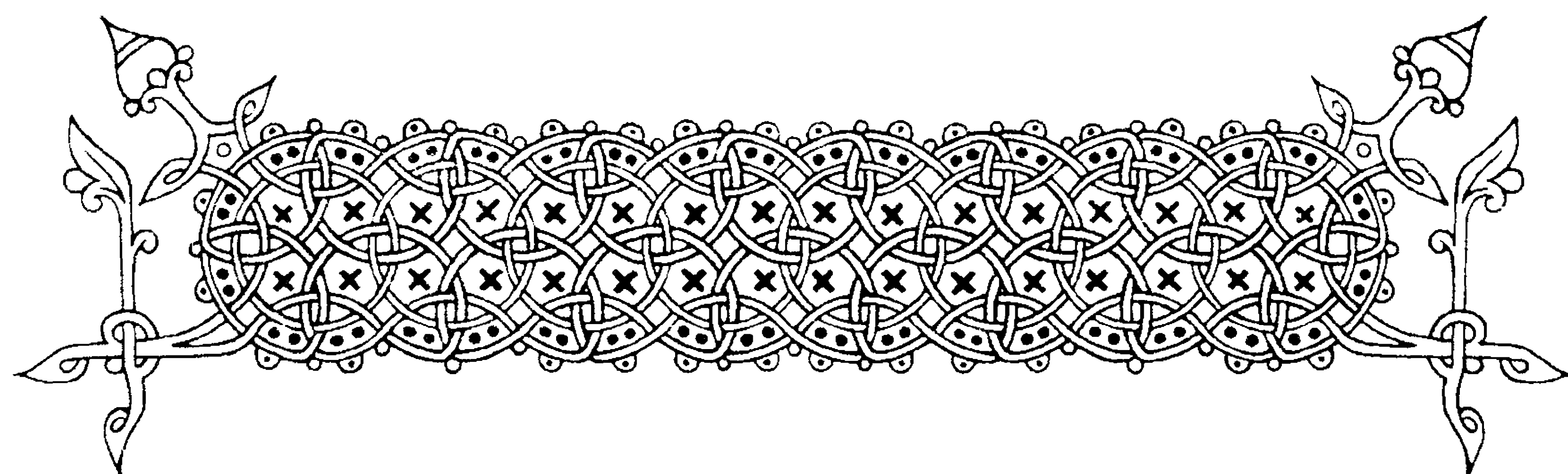
Благодетеля Семена Лонгиновича не ограничивались Зосимовой пустынью. В 1824–1830 годы, будучи церковным ктиторм, он заново перестроил на свои средства свой приходской храм Троицы в Вишняках и был его старостой. В это же время были выстроены и причтовые дома и колокольня. Кроме того, в 1830 году он устроил на Даниловском кладбище храм святых Херсонских чудотворцев и две богадельни. В 1847 году построил при своей Вознесенской мануфактуре (в Дмитровском уезде) деревянный храм, который освящал митрополит Московский Филарет. Вместе с супругой принимал участие в устройстве Гефсиманского скита в 1851 году¹.

С. И. Лепешкин

¹ РГАДА ф. 1204, оп. 1, д. 7204. О пожертвовании А. В. Лепешкиной в пользу Гефсиманского скита (1851 г.).

1

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.
Буди Вамъ здравствовать и радоватися о Господъ Бозъ.

Како нареку Васъ, возлюбленной о Господъ Семенъ Логиничъ! Благодѣтелемъ ли? Но величайшимъ: ибо творите съ нами безпримѣрныя величайшія милосердныя благодѣяніи. Отцемъ ли? Но безпримѣрнымъ: понеже отцамъ свойственно точію о своихъ дѣтяхъ пещыся. Но Вы тако воспріали пещыся по насъ, какъ о странныхъ, ни по чему Вамъ не принадлежащихъ, но единственно только Бога ради. Другомъ ли духовнымъ? Но и здѣсь всѣхъ другихъ показываете превосходнѣйшимъ, понеже по благопріятству Вашему ничтоже сумнясь, вся, еже имѣю въ душѣ моей, сообщаю Вамъ, и всегда обрѣтаю въ Васъ утѣшеніе и подкрѣпленіе. А наипаче сему много удивляюсь, каковаго дара Вы отъ Бога сподоблены, что не терпитъ душа Ваша зрѣти посвященныхъ Богу, во градѣ и съ народомъ обращающихся для испрашиванія на содержаніе, что самое и мнѣ сказуя, соизволили обѣщаться спомоществовать намъ и попеченіе о насъ имѣть, токмо бы я неисходное въ міръ и безмолвное житіе провождалъ. Такъ-то Вы, другъ вѣрной о Господъ и возжелѣнный сердцу моему, желаете во угожденіе Богу даровать безмолвіе и вмѣсте со мною и всѣхъ сестръ моихъ успокоить Вашимъ неоставленіемъ. А посему, успокоясь нынѣ подъ надеждою милосердныхъ Вашихъ къ намъ щедротъ, началъ было я утѣшаться тишиною жизни моей. Но востали на меня размышленія таковыя, кои лишаютъ меня спокойствія. Но какъ уже имѣется Вы нашимъ благодѣтелемъ, то посему касаются и до Васъ. А понеже какъ самонаинужнѣйшее есть для насъ, а потому за неотложное почелъ объяснить Вамъ оное яко дарованному намъ отъ Бога совершенно удовлетворительному нашему благотворителю, и молю благость Божию, да откроетъ Вамъ во всей точности мои чувства и да содѣйствуетъ въ Вашемъ сердцѣ къ пользѣ душъ нашихъ. Итакъ, молю Васъ, послушайте благосклонно. Совѣсть моя глаголетъ мнѣ: «Ты обрадовался своему спокойствію и уже удержа-

ти хочещи себя въ безмолвіи, слѣдовательно, радѣешь более о себѣ, нежели о тѣхъ, кои вручены тебѣ смотрѣніемъ Божиимъ. Кто извѣстилъ тебѣ, что ты свободился отъ попечения объ нихъ?» Я на сіе отвѣтствую: «Богъ преклонилъ сердце нашего благодѣтеля Семена Логиновича, которой взялся Христа ради пещися о насъ, и сіе приѣмлю въ ознаменіе о благоволеніи Божіи, дабы я опять безмолвное житіе провождалъ». Но совѣсть паки гласитъ: «Если бѣ благодѣтель сей былъ безсмертной, тогда бы ты могъ быть покоенъ». Но я и на сіе сказую, что долженъ я вѣровать, что и после Васъ, благодѣтеля нашего, кончины Богъ попечется о сестрахъ моихъ и можетъ даровать имъ инаго равнаго Вамъ. Но совѣсть моя паки гласитъ мнѣ: «Хотя Господь Богъ не оставитъ ихъ, но мнѣ не оправдаться, ежели дотолѣ не буду стараться о нихъ, пока не увижу у нихъ вѣрнаго всегдашняго на годъ содержанія». Ибо на неизвѣстномъ оставить ихъ — все равно показуется, что и теперь, и прежде, и всегда оставить ихъ на упованіе и не пещися о нихъ, ибо и теперь можетъ Богъ ихъ пропитать, и нужное послати не токмо чрезъ Васъ, возлюбленнаго нашего, но чрезъ другихъ. Но мнѣ, если, видя ихъ нужды и ради упованія на Бога, не стараться для нихъ, то неизбежно осужденъ буду, яко Божиимъ смотрѣніемъ о пришедшихъ ко мнѣ вознерадѣхъ, равно какъ и Вы не оправдаетеся предъ Богомъ, ежели, уповая на Бога, не будете стараться для содержанія супруги и чадамъ вашимъ, но подъ видомъ богослуженія или упованія на Бога оставите ихъ безъ Вашего старанія. Ибо на всѣхъ таковыхъ соборѣ святыхъ отецъ тако гласитъ: «Ежели родители оставляютъ своихъ чадъ безъ призрѣнія, то да будутъ прокляты». И святой апостоль Павелъ глаголетъ: «Аще кто о своихъ, паче же о домашнихъ, не печется, таковой и вѣры отверглся и горше невѣрнаго есть»¹. То колми паче я осужденъ буду за духовныхъ моихъ сестръ, тако ко мне привязанныхъ, если оставлю на предбудущее время на неизвѣстности? Ибо если я и Вы, возлюбленной отецъ нашъ, умремъ, а они, не имѣя всегдашняго содержанія, принуждены будутъ скитаться среди мірскаго народа, приискивая себѣ на содержаніе, то будетъ ли угодно предъ Богомъ теперешнее мое безмолвіе? Да и кто ихъ уважитъ, ибо не монастырскія, но еще нѣкоторыя и отгонятъ, яко самобродныхъ. Ибо одинъ токмо Богъ всевѣдущъ и знаетъ онѣхъ Ему служеніе. А посему и страшуся Бога, если вознерадѣю о нихъ. Тогда бы можно увѣриться мнѣ, что по Божію благоволенію даруется мнѣ спокойное безмолвіе, если бы Господь Богъ преклонилъ сердце Ваше или инаго нѣкоего христіянина обеспечить

¹ См.: 1 Тим. 5, 8.

сестръ моихъ навсегда. Поелику, конечно, могли бы Господь Бог многихъ благотворителей преклонить, ибо гдѣ Ему угодно, тамо и съ небольшимъ моимъ стараніемъ, но многія спомоществовали, что какъ самое наше мѣсто, такъ и все на немъ устроенное строеніе доказуетъ. А чтобъ навсегда обеспечить довольнымъ содержаніемъ, посему, хотя и многимъ предлагалъ и просилъ, но никого еще и донинѣ не преклонилъ Богъ сотворить съ нами таковую милость. И за сіе самое тако заключаю, что, видно, еще не освободилъ меня Богъ отъ сей должности, а потому и боюсь гнева Божія, ежели удержу себя отъ старанія на предбудущее ихъ содержаніе.

Вотъ, отецъ мой! Вы благодѣтели наши и попечители о спасеніи нашемъ, Семенъ Логиновичъ! И Анна Васильевна! Вотъ вѣщаніе совѣсти моя, которое не даетъ обладать тишиною моего безмолвія. Знаю, что Васъ только однихъ не просилъ я о сей милости, чтобъ навсегда сестръ моихъ успокоили Вашимъ содержаніемъ. Но ежели и безъ прошенія моего таковыя щедроты намъ оказываете, воспріяли исполнить нужды наши, то посему внѣ сумнѣній показуется, видно, потому иныхъ благодѣтелей Господь не преклоняетъ, чтобъ не инъ кто, но Вы Самимъ Богомъ для насъ предъизбраны и опредѣлены, да отъ Васъ сдѣлается намъ сіе величайшее благодѣяніе. Видно, что Господь Богъ обрелъ Васъ, мужа по сердцу Своему, да Вами вконецъ усовершится безмолвное житіе наше. Итакъ, возлагаемся на содѣйствіе Божіе въ сердца Вашемъ.

Не почитите же за лѣсть, ибо поистиннѣ какъ любителямъ Божіимъ объясняю Вамъ, каковыми размышленіями наполнены сердца наша о Васъ. Мы, рассуждая о Вашемъ расположеніи къ благотворенію, увѣряемся надеждою, что Вы не презрите прошенія нашего и на наше общество. Ибо ежели Вы Бога ради не пожалѣли, но уже и лишили себя толикой великозначительной суммы для богадѣльныхъ содержанія, то тогда ли захотите, чтобъ отъ сестръ моихъ отъята была ваша милостыня, когда по смерти Вашей ничего житейскаго Вамъ не нужно будетъ, и сами будете, по милости Божіей ради милостынь Вашихъ утѣшаяся, наслаждаться некончаемымъ небеснымъ радованіемъ, а онѣ чтобъ за лишенія содержанія съ горестію душевною таскались по народу или разышлись бы и преселились нѣгдѣ по свѣтскимъ домамъ и лишились бы сего своего тихаго, безмолвнаго жилища, дарованнаго имъ благоволеніемъ Божіимъ, сооруженнаго помощію благотворителей и завѣщаннаго на вѣчность для дѣвицъ и вдовицъ, желающихъ жити о Бозѣ безмолвно. Ктому жъ есть много такихъ благодѣтельныхъ и боголюбивыхъ людей, кои помогаютъ сѣдящимъ въ острогахъ, заключеннымъ въ темни-

цахъ и живущимъ въ богадѣльняхъ и монастыряхъ, а о моихъ сестрахъ, яко во острогѣ заключенныхъ любви ради Божіа, тако неисходно живущихъ, иныя совсѣмъ о ихъ не вѣдаютъ, а иныя, хотя и зная ихъ общежитіе, но не въ силахъ пособіе имъ дѣлать. Итакъ, ежели Вы преклонными себя возчувствуете къ таковому для насъ Христа ради пожертвованію, то уже рѣшаетесь нѣкое приличное духовное завѣщаніе сдѣлать, чтобъ послѣ смерти Вашей не лишились бы сестры назначенной Вашей отъ Васъ суммы на ихъ содержаніе. А если какъ-нибудь уничтожится сіе наше мѣсто или не будетъ сестръ, живущихъ на ономъ, то чтобъ духовное Ваше завѣщаніе осталось безъ дѣйствія и обращено было въ пользу Вашихъ наслѣдниковъ. Мы не просимъ, чтобъ теперь вместе съ духовною положили и сумму въ банкъ, это не нужно, потому что пока Вы находитесь въ сей жизни, намъ не нужны деньги, то есть слѣдующіе проценты. Да и пріятнѣе намъ получать милостыню изъ щедрыхъ рукъ Вашихъ. Ктому жъ хранимая сумма въ банкъ не можетъ столько пользы приносить, сколько Вашимъ знаніемъ и тѣніемъ оною суммою прибудете. Но только желательно, чтобъ отъ Васъ духовное завѣщаніе было положено въ сохранномъ казенномъ мѣстѣ, и видъ, которой дастся на оную духовную, отдать въ наше общество. Изъ сего можете видѣть, что я храненіемъ Божіимъ не денегъ домогаюсь, ибо меня и Васъ тогда уже не будетъ на семъ свѣтѣ, когда исполнится по завѣщанію Вашему. Но только уповая на помощь Божію, тщуся, чтобъ Вы или кто другой составилъ имъ всегдашнее вѣрное содержаніе на нужное исправленіе, то неужели не согласитесь сдѣлать такового духовнаго завѣщанія, которое не при жизни Вашей, но по кончинѣ Вашей подѣйствуетъ къ выполненію, а при жизни Вашей не лишаетъ васъ оной суммы, яже означите Бога ради въ завѣщаніи Вашемъ. Но токмо таковою сдѣланною духовною уже мирно отъ совѣсти моей буду отпущенъ въ безмолвіе и беспопечительное житіе, ибо по милости Вашей все мы успокоимся.

Если уже двухъ званій чловѣкъ въ богодѣлнѣ Вашей содержатели показуется: свѣтскихъ и духовныхъ, то уже не отрекитесь въ честь Трехъ Ипостасій Бога нашего и третьему званію — моимъ сестрамъ, иноческою жизнію живущимъ, даровать содержаніе. Да въ будущемъ вѣцѣ трети вѣнцы отъ Тріипостаснаго Бога увѣнчаны и вознаграждены будете — за свѣтскихъ, и церковницъ, и монашествующихъ.

Вотъ, возлюбленніи о Христѣ и пріискренніи наши благодѣтели Семенъ Логиновичъ! И Анна Васильевна! Я объяснилъ Вамъ все въ точности, что волнуетъ меня, и Вамъ, какъ показуется мнѣ, будетъ во спасеніе. По объясненіи сего теперь предаю себя

въ волю Божію. Васъ же прошу, не дѣлайте себѣ принужденія, ибо если Богу угодно (чтобъ вамъ сотворить сіе), то сердце Ваше объято будетъ обрадованіемъ, кромѣ всякаго сумнѣнія воздѣлаете, да отъ суммы наслѣдственныхъ чадамъ вашимъ часть нѣкая Христа ради отдѣлена будетъ. Ею же пользуясь сестры, вмѣните Вамъ Христосъ Богъ, яко Самому Ему таковую содѣлали милость. А потому, яко одолженной Вами, Господь будетъ самимъ Вамъ и чадамъ Вашимъ помощникомъ и покровителемъ и вознаградитъ вѣчно некончаемымъ блаженствомъ. Итакъ, если услышу отъ Васъ на сіе склонныхъ, тогда познаю и я несумнѣнно, что милосерднѣйшій Господь Богъ сжалился и надо мною грѣшнымъ, и можетъ быть при концѣ уже дней моихъ возвратилъ мнѣ мое возлюбленное безмолвіе. Но глаголю: до гроба моего буду чувствовать и обносить въ сердцѣ моемъ, и Богу о Васъ благодареніе приносить въ недостойныхъ моихъ моленіяхъ за сію Вашу милость, понеже до кончины моя поживу и умру покойно милостію Вашею, зная, что сіи ввѣренныя мнѣ отъ Бога служительницы Его остаются по кончине моей успокоенными. Если же сердца Ваша не склоняются на сіе, то будьте спокойны въ совѣсти Вашей, но почитите таковое Ваше несоизволеніе признакомъ Вамъ и мнѣ, что, видно, для того Господь Богъ ожесточилъ Ваша сострадательная сердца, яко провидитъ, что не толико воспользуетъ меня безмолвно живуща, елико угожду Господу Богу всетщательнымъ моимъ стараніемъ для сестръ, а потому и не освобождаетъ, то есть Васъ и прочихъ благодѣтелей не преклоняетъ.

Итакъ, по отказъ Вашемъ, осудя и укоря себя яко лишенника и недостойнаго уединенно безмолвной жизни, пойду опять тѣкаться по улицамъ, пусть хотя вся вселенная блазнится на меня. Но я буду внимать только воли Божіей и согласовать и повиноваться свидѣтельству моей совѣсти, яже надѣяніе мнѣ подаетъ и оправдѣть мя предъ Богомъ, яко не себе ради у боголюбивцевъ выпрашивать буду. Можетъ быть, и Вы соблазнитесь (чего не дай намъ Боже), что и при такомъ теперешнемъ Вашемъ о насъ попеченіи и неоставленіи я не успокаиваюсь успокоенно пожити, и чрезъ сіе восхощете и Вы отворотиться отъ меня. Знаю я и самъ, что если Господь Богъ не поможетъ, то моимъ хожденіемъ и всеусильнымъ стараніемъ не только не соберу на предбудущее время для сестръ моихъ, но не соберу и того, чего лишимся мы и въ Васъ. Но показуется мнѣ, что въ совѣсти моей буду я покоенъ за то самое, что не вознерадѣлъ о возложенной на меня смотрѣніемъ Божіимъ должности, и не будетъ вины сестрамъ возроптать послѣ на меня и на Васъ; на меня за то, яко бы возрадовался о Вашемъ вспоможеніи и себя только единаго

успокоилъ безмолвіемъ, а о нихъ вознерадѣлъ, а на Васъ за сіе: яко удержали меня отъ старанія промыслить ихъ всегдашнее вѣрное содержаніе, а сами Вы не успокоили навсегда. А посему, ежели приведется мне гдѣ-нибудь или на улицѣ испустить душу мою, то по крайней мѣрѣ въ томъ будетъ моя отрада, что до послѣдняго моего дыханія потрудился въ порученномъ мнѣ отъ Бога служеніи. Ибо чашу, юже даде мнѣ Отецъ Небесной, не имамъ ли пити ея и не видя предбудущаго вѣрнаго содержанія? Простите, не могу покойно и мирно въ уединенной келіи моей пожити, ибо боюсь грознаго осужденія при кончинѣ моей, ежели престану отъ старанія безъ Божіяго на то соизволенія. Ибо опять повторяю: тако вѣрую. Если благоволитъ Богъ мнѣ безмолвствовать, то силенъ Онъ и преклонитъ Васъ или инаго кого удовлетворитъ насъ и на предбудущее время. Итакъ, объяснивъ Вамъ все чистосердечно, теперь отъ Вашего сердца ожидаю Божіяго о мнѣ опредѣленія, въ тихой ли безмолвной жизни или въ трудахъ и попеченіи окончить мою старость. На все Божіею помощію готовъ, ибо и въ томъ, и въ другомъ съ вѣрою пріемлю, что тако Господу Богу моему изволится, и Вашъ отвѣтъ пріиму какъ извѣщеніе воли Божіей. Въ заключеніе всего, моля, глаголю: Царица Небесная, Владычица наша Пресвятая Богородица, содѣйствуй и вложи въ сердцѣ любителемъ Твоимъ Симеону Логиничу и супругѣ его, да поступятъ, какъ Тебѣ угодно. Ибо въ честь Пресвятаго Твоего имени Одигитриевой наименовано наше жилище, и со упованіемъ на Тя живемъ во ономъ. Итакъ, себя въ Ваше къ намъ равно отеческое благоволеніе предавая, остаюсь вамъ вѣрноподданнымъ, покорнымъ, усерднѣйшимъ и много любящимъ о Бозѣ слугою и недостойнымъ богомольцемъ на всю мою жизнь

Зосима, именуемой Захарій Верховской.
1832 года августа 10 дня.

2

Господи Іисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ, аминь!

Дражайшій и любезнѣйшій благодѣтель Семенъ Логиновичъ!

Буди Вамъ быти во извѣщеніи милости Божіей къ Вамъ. Моя Вѣра написала ко мнѣ, что Вы, дорожа моимъ спасеніемъ, не желаете, чтобъ я ѣхалъ въ Смоленскъ для раздѣлу имѣнія моихъ племянниковъ. Таковая Ваша ко мнѣ о Бозѣ любовь и попеченіе — объемлю сердцемъ моимъ съ благодарностію. Но, о возлюбленные! Разсмотрите сами, можно ли мнѣ не ѣхать, ежели судьбами Божіими подлежу я не щадѣти себе для сестръ, живу-

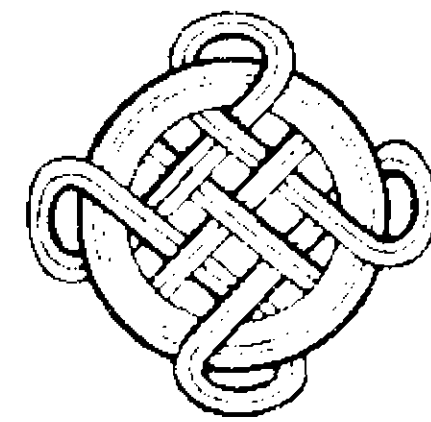
щихъ при мнѣ. И я теперь истинно скажу, съ величайшимъ стараніемъ только что возмогаю работникамъ плату отдавать. Ибо если бѣ не Вы Христа ради и прочія благотворители спомоществовали своею намъ милостынею, то за недостаточество наше принуждены бы были разойтись, или мнѣ самому безъ отдуху по все дни трудиться въ дровахъ, покосѣ и въ прочихъ нужныхъ работахъ. Сестрамъ же самимъ дрова рубить и изъ лѣсу возить, а наипаче въ зиму, сами Вы знаете, сіе для нихъ будетъ нестерпимо, ибо не могутъ сего за слабость свою исполнять. Итакъ, теперь, при моей жизни, хотя и очень для насъ трудно, но по крайней мѣрѣ, я насматриваю за ними. А безъ меня каково будетъ сестрамъ знаться и обходиться съ наемными работниками, и, можетъ быть, нанятой работникъ будетъ потаенной воръ и безсовѣстной, то сколько сестрамъ будетъ смущеній и огорченій! Вотъ для сего я и хочу ѣхать, чтобъ взять на часть племянницъ Вѣры и Маргариты семьи двухъ женатыхъ добрыхъ мужиковъ. Ктому жѣ не терпитъ сердце ихъ, чтобы уѣхать имъ безъ меня, ибо имъ более неудобности и вреда душевнаго можетъ встрѣтиться безъ меня, нежели при мнѣ. Если же не отпущая ихъ, но послать отъ нихъ довѣренность, чтобъ къ нимъ выслали на ихъ часть людей, то можетъ быть пришлютъ такихъ, которымъ мы не рады будемъ. Ибо сами племянники обязаны службою въ Петербургъ, а безъ нихъ не знаю, кого изъ родныхъ, ниже изъ постороннихъ, чтобъ таковое усердіе приложилъ соблюсти въ раздѣлѣ сущую справедливость. А потому и можетъ слѣдовать таковой для нихъ раздѣлъ, которой для всѣхъ ихъ будетъ непріятенъ и огорчителенъ. Признаюсь же Вамъ, что люблю племянниковъ, такъ и сестръ ихъ, со мною живущихъ, видя ихъ любовь ко мнѣ, превышающую родственную. И я имъ одинъ, и вмѣсто родителя имъ имѣюсь, а онѣ теперь удалены отъ меня сироты. И ежели я откажусь въ семъ случае успокоить ихъ, то они останутся въ большемъ расстройствѣ, а мнѣ восприличествуетъ изреченіе св. апостола Павла: «Аще кто о своихъ, паче же о домашнихъ, нерадитъ, таковой вѣры отверглся и горше невѣрнаго есть». Признаюсь чистосердечно, если бы Вѣра и Маргарита не изышли изъ свѣтскаго житія, то, можетъ быть, простибельно было мнѣ отказаться, такъ какъ оставивши свѣтское житіе, и по гласу св. Василія, они отъ части сего міра и уже не могутъ почитаться моими родственниками. Но теперь ради Вѣры и Маргариты, не разнствуящихъ съ моею жизнію, за неотложную обязанность признаю доставить имъ духовное спокойствіе и охранять по возможности моей отъ вредительнаго. Но и еще размышляю, како оправдаюсь передъ Богомъ, если для незнакомыхъ мнѣ сестръ и не родственныхъ, но единственно только

потому, что, мнится мнѣ, отъ Бога ко мнѣ наставлены, долженъ всеусильное мое стараніе для нихъ имѣть? Вѣра и Маргарита, также показуется, яко Божіимъ благоволеніемъ мнѣ вручены, и уже не свѣтскія, а потому и о нихъ яко о единомушнихъ и духовныхъ моихъ сестрахъ обязанъ пещися. А посему, показуется мнѣ, непремѣнно должно для нихъ вѣхатъ, и чтобъ съ Божіей помощію всѣхъ довольными оставить и нашему мѣсту радѣтельныхъ и хозяйственныхъ работниковъ привезти, ибо если будутъ добросовѣстныя, то яко родныя, и жители сего мѣста будутъ старательны, и лучше своимъ ослабу оказывать и дати что, нежели наемнымъ. Прекратя сіе объясненіе, Господь Богъ свидѣтель, наичувствительнѣйше благодарю во обще съ сестрами за Ваши щедрыя намъ Христа ради благодаренія, и возлюбленную матушку Анну Васильевну благодарю, и всѣмъ вашимъ дѣткамъ желаю отъ Бога благословенія.

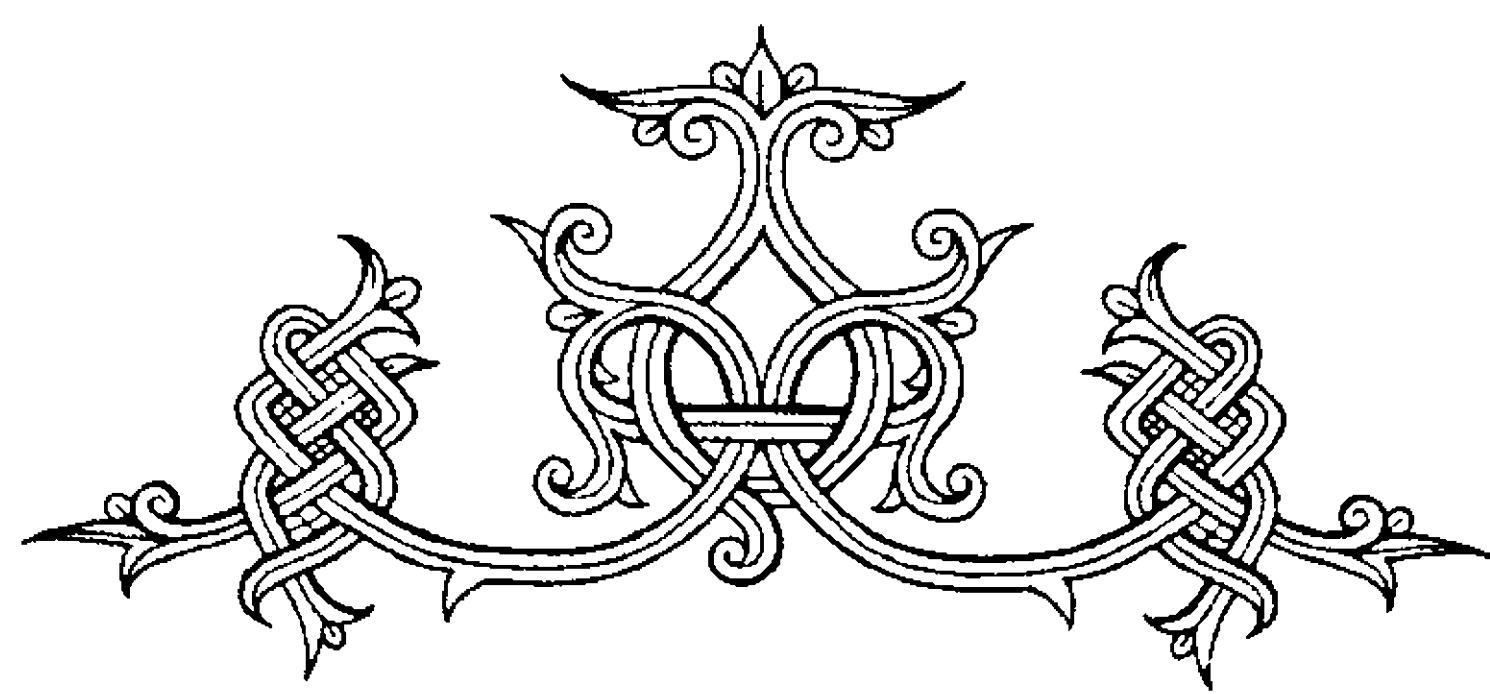
Прощайте, остаюсь съ непоколебимостію моею навсегда Вамъ преданнымъ, покорнымъ и многоусердно любительнымъ слугою и послушникомъ и недостойнымъ богомольцемъ

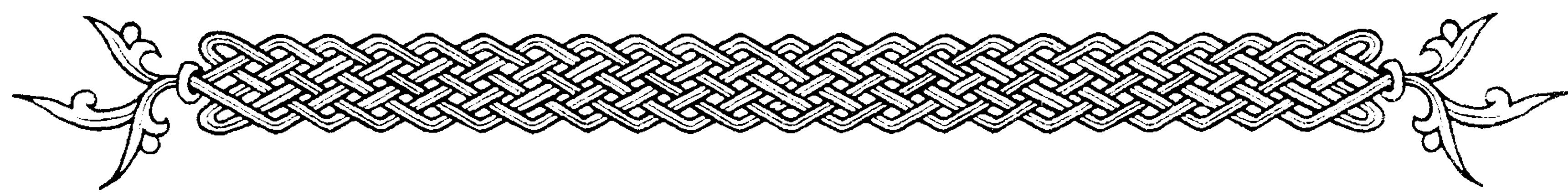
грешной и уничиженной Зосима.
1832 года августа 17 дня.

*Публикацію подготовила монахиня
Зосима (Верховская).*

МАТЕРИАЛЫ
К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ
ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА
ЗОСИМЫ
ВЕРХОВСКОГО

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ПРЕПОДОБНОГО ЗОСИМЫ С ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ ЗАМЕТКАМИ

Вместе с письмами первых учениц старца Зосимы и его духовника, епископа Иркутского Михаила (Бурдукова), в архиве Троице-Одигитриевской пустыни сохранились ветхие листки (всего 11) записной книжки, заполненные почерком отца Зосимы.

Ниже приводятся те записи, которые удалось прочитать. Знак вопроса в круглых скобках после слова означает неуверенное прочтение слова. На месте полной утраты текста поставлено многоточие, в квадратных скобках даны восстановленные по догадке фрагменты утраченного текста. В рукописи листки записной книжки не пронумерованы, нумерация сделана при подготовке текста к печати. Записи публикуются с сохранением их орфографии.

По своему содержанию записи можно разделить на три части.

1-я часть (лл. 1–5 об.) содержит заметки, по всей вероятности, сделанные отцом Зосимой в первую зиму в Тобольске: готовясь к путешествию по Сибири в поисках пустынного места для безмолвия, старец заблаговременно собирал необходимые сведения. Записи включают несколько обобщенных сведений о Сибири с указанием широт (степеней). Упоминаются многие города и реки Сибири от Урала до Якутии с указанием местоположения монастырей и различных церковных достопримечательностей. Отмечены природные условия и возможность проживания, условия земледелия.

2-я часть (лл. 6–8) содержит заметки, по всей видимости, сделанные во время путешествия, — сначала карандашом, впоследствии же переписаны чернилами поверх карандашных записей, но более убористо, так что полтора листка остались с полустершимися карандашными записями, в которых угадываются фразы и слова, переписанные чернилами выше.

Среди упоминаемых лиц — архимандрит Михаил (Бурдуков), впоследствии епископ Иркутский, знакомство с которым состоялось у отца Зосимы, как следует из данной записной книжки, еще в Тобольске в самом начале 1800-х годов. Интересны пометки около некоторых имен типа: «желают в монастырь», «на Чанах спасаются», «его весьма похваляют», «там знают места», «живут кое-где пустынники».

Судя по названиям населенных пунктов в этой части записной книжки, старцы Василиск и Зосима во время поисков пустынного места для безмолвного жития побывали именно в тех округах, которые перечислены в Житии: «Ишимской, Каинской, Томской, Енисейской, Красноярской и Кузнецкой» [Старец Зосима Верховский. Житие и

подвиги... М., 1994, стр. 81]. Восточнее Красноярска (в окрестностях озера Байкала и в Якутии) они, по всей видимости, не были.

3-я часть (лл. 9–11) заполнена молитвами того времени, когда отец Зосима начал духовно окормлять трех сестер и заключил с ними «завет» о послушании (1819-й год).

(л. 1) ... области весма жаркую погоду...

... отъ 68 стѣпени до 54 стѣпени вдоль хребта Уралских горъ нонѣ Сибирь покрыта дремучими лесами, болшею частію болотистами, а къ северу между Иртышомъ и Обию и Енисеемъ густыя лѣса и во многихъ местахъ непроходимыя болота, но съ маю... между Обью и Енисеемъ при рекахъ... Томе, Абакане и другихъ [местность] и лесиста и водъ много. До... простираются.

... страну Енисея гдѣ... хребетъ на... багть(?)... ..тся по всей южной Си[бири... покры]то дремучими лѣ[сами]... а пощва вездѣ пло[дородна и къ зем]леделию способна. ...

... подъ(?) 53 степенемъ... хребтомъ отъ севера северо-... а запада дремучими лѣса[ми] ...си сопровождающимъ реку.

[Испа]рения воздуха столь тепло,... ..лкомъ воздухе совершѣ[нно]... хотя в (л. 1 об.) двухъ степеняхъ далее въ ... [ме]стахъ, наклоненныхъ къ севе[ру по] подошве горъ Алтайскихъ ... евать не могутъ.

12. Всякой черной лесъ растетъ более [въ] южной половине, а другія, напримеръ бу[къ], вязъ, здесь весма ред[ко]. Липы же по северной стороне по Ир[тыш]у и Оби совсемъ нетъ. Лесныя груши [и] виш[ни ра]стут по Ишимской линии.

13. Ягодъ всякихъ..., яблоки и вишни в... ..нии мѣстами кар[тофель са]жаютъ, горохъ изр[ядно].

14. Въ Tobолскомъ на[местничестве] уе[зды] ... 4. Ишимъ, 5. ..., [7. Тю]мень, 8. [Тур]инскъ у берг[а Туры].

15. Во [вто]рой об[ласти 1.] То[мскъ, 2.] ... 3. Енисейскъ, 4. Т[ара, 5.] ... 6. Каинскъ¹.

(л. 2) [Монас]тырь Лосиноборской Спасской [Ени]сейской провинции при реке Белаи Кети, ...маковского острога 132, отъ Кетцкаго... а при устьѣ Ершовки стоитъ.

Монастырь Каменношиверской Спасской от Енисейска по реке Тунгуске и на реке Чуне у ски...

¹ Город Каинск основан в 1722 г., переименован в 1935 г. в Куйбышев (ныне Новосибирская обл.). Ж.-д. станция сохранила название Каинск Барабинский.

[В Енисе]йске монастырь Богородицы, Алексеевкой ...кой
Троицкой въ Березовской... отъ хл...

...оскомъ Спаской.

Чукухонской(?) Троицкой въ холодной стр[ане].

О Коловане.

Коловань отъ Москвы 4107 верстъ, бывший Бередскій(?) остро[гъ].

... во окромъ росіянъ насе[ляютъ], особ[лив]о въ верхнихъ
местахъ Оби и [Иртыша] и впадающихъ въ оныя рекъ, разныхъ
татарския народныя общества, ко[т]ор[ыя] по разнымъ местамъ
[живутъ и] (л. 2 об.) разнo имѣняются. [Иныя] изъ нихъ [кочу-
ютъ], а иныя на одномъ месте живутъ. Весма между ими креще-
ныхъ.

3. Наместничество сіе, составля[ющее] южную часть Сибири,
изобилуетъ [ле]сами, въ коихъ растетъ и [ке]дръ; гор[ы на]пол-
нены металлами, [ос]облив[о юж]ная страна, а танс...рей Тоболь-
ской.

4. Красноярскъ при устьѣ рек[и ... впада]ющей в Енисей ... по
рек[е] в 343 а...[вер]стахъ отъ Томска, въ... ..родъ. Большая
...р...купечеств... [въ] немъ и въ уезде ... 100(?) душъ(?) и... изъ
нихъ живутъ въ деревняхъ, и[мея] свое пропит[ание]. Земля вес-
ма пл[одовитая], не требуетъ ка(о?)...

5. Канской острохъ въ... отъ Красноярска къ востоку при ре-
ке Кане тек... Тамъ (л. 3) [ис]стари ловятъ зверей искусно.

[6. У]динской отъ Канскаго в 253 въ южно-восточную страну
при реке Уде. ...ли Чуною Тичеевой, впадающей въ Тунгуску.
Около ея земля хотя и хороша, но обросла вездѣ густыми лѣса-
ми, котор[ые] берегутъ тамъ нарочно для звериныхъ промы-
словъ.

[7] Саянской острогъ отъ Красноярска вверхъ по [реке] 407
верстъ. Отъ Саянскаго въ ... техъ въ горахъ при реке Лугазе(?)
медныя заводы.

8. Около реки Абакане къ Телецкому озеру удобно.

[9] Обширное пустое место между реками Черной и Белой
Июсь, и къ тому также съ рыбалкою.

10. Барнаульский Боръ: лѣсъ простирающійся отъ барнаулска-
го устья чрезъ (л. 3 об.) степь до Иртыша. Особо(?) л...

11. Абланить(?). Аблаевъ монастырь [Кал]мыцкой каменной
въ горахъ А[лтая] выше Каменогорской крепости [рас]стояниемъ
со сто 50 верстъ. Въ немъ многія идола и молитвенныя находят-
ся книги на мунгольскомъ и тун[гус]комъ языке.

12. Железанская крепость ...каго намест[ничества] по пу[ти]
... на восточномъ высоко[мъ берегу] ... тыща в 200 отъ Омска ...
...мышевской кре[пости] ... довольно лесу.

13. Въ Красноярске казаки живутъ. [Ло]шади ихъ м[онгол]-ские въ степи х...

14. Кузнецкия со... ..вны.

15. Упражненыя есть мона[стыри въ] Красноярскомъ уезде и [Ирку]цкомъ.

16. Есть монастырь у китайской границы.

(л. 4) [Въ] Иркутскомъ намест[ничестве]:

[1] Страна, на востокъ Байкала лежащая, наполнена хребтами высокихъ первобытныхъ горъ съ крутыми неудоб[ь] в[сх]одными каменными верхами. Удолия ихъ и пологія подгорія удобны къ земледелію. Въ ней растутъ трав[ы, с]войстве[ны]я Азии, и обитаютъ звери, [п]тицы и рыбы, въ другихъ сибирскихъ местахъ неизвестныя.

[2] ...киме... ..остойно въ сихъ странахъ ... въ удолияхъ лежащихъ отъ реки Уды до самой Кяхты, и между реками Он[он]омъ и Аргуномъ, окруженныхъ горами, [за]щи[щаю]щими ихъ отъ северныхъ ветровъ. Сн[гъ] сходитъ въ марте и апреле, [по]ля покрываются [зеле]нью и деревца ра[спу]скаться на[чин]аютъ. Между темъ ка[къ въ] северной стране сихъ удолій за [хребтомъ] на таковой же хрещевато[й и] песчаной пошве снегъ лежитъ весь май, и прозябенія около іюня.

(л. 4 об.) 3. Отъ восточной страны горъ Уральскихъ [до] реки Лены большая часть Сибири до 60 степени широты ползуется плодоносіемъ всего къ жизни потребнаго. Но полоса лѣсистая северная до Ледовитаго моря, и весь край отъ Лены далее къ востоку неспособенъ къ жительству.

4. Въ Кавкаскихъ, еще въ Алтайскихъ и около озера Байкала бывають землетряс[ения].

5. Въ Иркутске два монастыря за [го]родомъ.

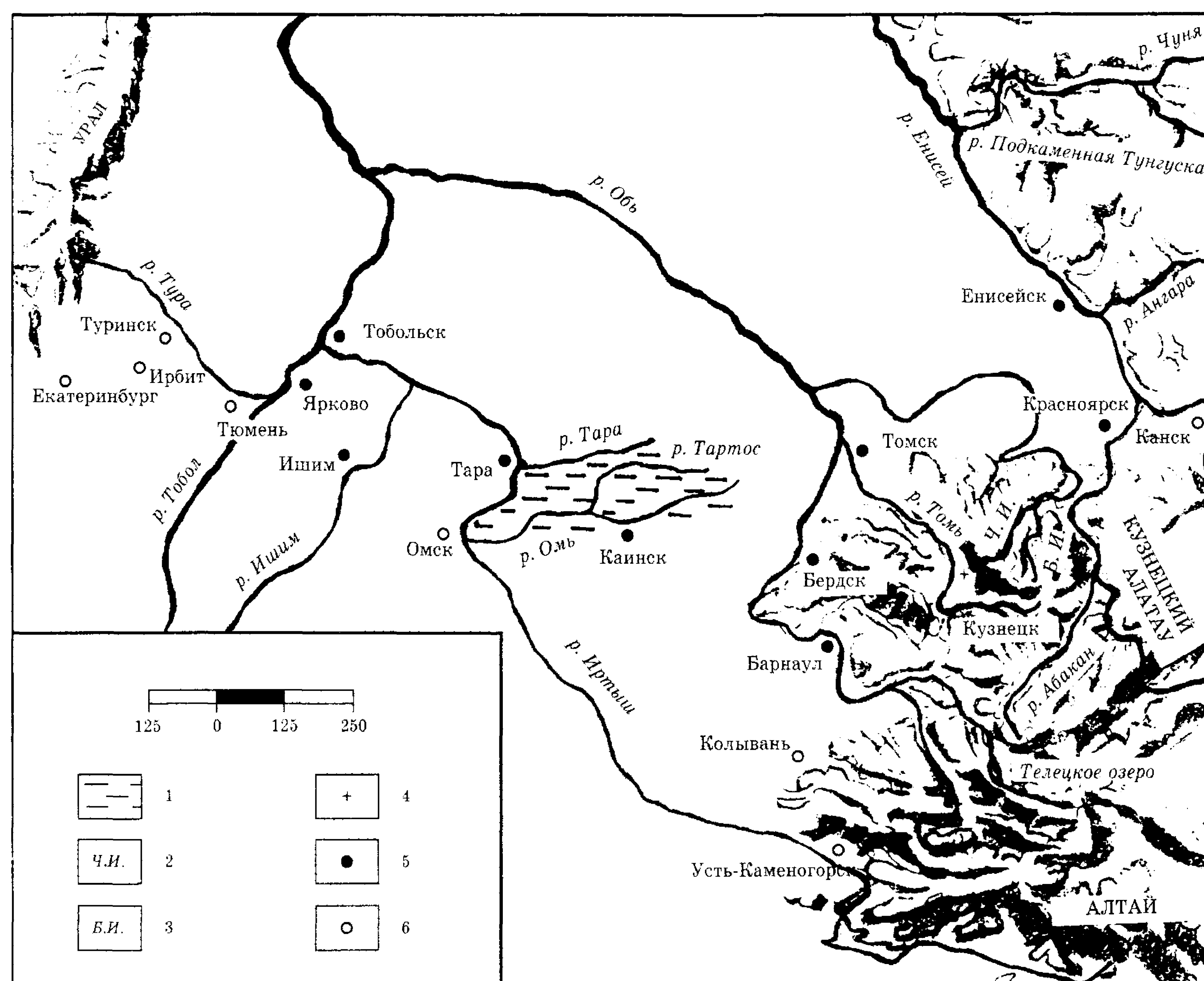
6. Все съестныя запасы дешевы.

7. Посолской Преображенской монаст[ырь], стоящій на полу-деномъ берегу Байкала отъ Иркутца 155. Чрезъ сей монастырь зимою дорога изъ Иркутска въ городъ въ Селенгинскъ [и Уда], здесь зимуютъ.

8. Братской острохъ въ Нижнеудин(л. 5)[с]комъ уезде при устьѣ реки Оки, впадающей въ реку Ангара, повыше устья реки Илима 213. Отъ Илимска чрезъ горы 171 верстъ второй острохъ Болаганской. Подле сего острога 50 домовъ, а въ 5 верстахъ упражненной монастырь.

[9] Верхій Удинскъ¹ — на устьѣ реки Уды при устьѣ ея впадающей въ реку [Се]ленгу, отъ Иркутска чрезъ Байкал 295,

¹ Ныне город Улан-Удэ.

*Карта странствия старцев Зосимы и Василиска
по Сибири в 1801–1802 гг.*

Обозначения: 1 — Барабинская степь; 2 — речка Черный Июс; 3 — речка Белый Июс; 4 — проливы Три-Курьи; 5 — города, через которые прошли старцы; 6 — города, упомянутые в подготовительных географических записках старца Зосимы

отъ Не]рчинска 665 верстѣ. Правая и [ле]вая сторона одного отъ реки Уды окруже[на] каменными горами лесомъ и песчанами. Сверхъ того едучи дорогою [на] Бар[гу]з[инь] въ 230 имеются горя[чие] в[оды] целительныя отъ разныхъ боле[зн]ѣй, и ... [то]го ради выстроены для б[ольн]ы[хъ].

10. ... есть горячіи ключи при рекахъ [Селен]ге и Темнике. Монастыря два: Посольской, а 2(?) Троицкой Селенгинской.

(л. 5 об.) Въ Томскомъ уезде есть село Богородицкое при реке Оби въ 60 верстахъ отъ Томска. Здесь чудотворной образъ Одигитріи, которой каждой годъ 21 маія носятъ въ городъ Томскъ. Тамъ и железо делаютъ.

Покровской монастырь въ Якутскомъ уезде лежитъ на левой стороне реки Лены 130 верстъ повыше Якутска, на посредственной горе. А въ немъ церковь деревянная во имя Покрова Бого-

родицы, въ коей иногда отправляютъ службу священники, изъ Якутска приѣжающія. Дворовъ кругомъ одного нѣтъ никакихъ, а внутри одного только пустыя монашескія кельи.

(л. 6) [Въ То]болске отецъ Евфимій протодіаконъ [жив]етъ на горѣ близъ губернатора.

[Ка]значей архіерейской Филипъ Васильевичъ Петюцкой — 100.

...енъ Ивановичъ Корякинъ, купецъ 50^{летъ}; дети его Дмитрій, Алексей, жена его Наталья Митрофановна, живутъ въ приходѣ церкви Захарія и Елисаветы, аще здѣсь старостою.

Полицмейстеръ Лука Алексеевичъ Кор[о]бцовъ.

Отецъ Михаилъ архимандритъ Тобольскаго Знаменскаго монастыря.

Старъ исправникъ Иванъ Андрониковичъ Гуляевъ, заседатель Нико[лай] Тимофеевичъ Кривоноговъ; [жена] исправникова Катерина Ми[хайловна]; купецъ Андрей Ивано[вичъ] ...кинъ; жена его Василиса...; [в Каи]нске Михайла Филиповъ ...озмиловъ.

(л. 6 об.) Въ Берскомъ¹ Данила [Никитичъ упра]витель.

Въ Кузнецке протопопъ отецъ [Иаковъ] Микитичъ Рамицкой². Купецъ Иванъ Дмитровичъ ...ратовъ; сынъ его Павелъ; купецъ Александръ Афанасиевъ Ногубовъ(?); Иванъ Васильевичъ Поповъ.

Въ Томске городничей Никаноръ Яковлевичъ Яковлевъ; городской купецъ Сергей Ивановичъ Та(о?)...меевъ.

Въ Енисейске отецъ архимандритъ Никодимъ(?), сынъ его исправникъ Иванъ Никитичъ Рамицкой.

(л. 7) [1] Проежая узналъ, не доежая р. Ишиму едучи изъ Тоболска, 100 верстъ къ Иртышу лесъ большой и пустой и живутъ кое-гдѣ пустынники.

[2] Кавардацкой волости Гаврила Ивановичъ Чередовъ живетъ въ 60 верстахъ отъ деревни почтовой становки; его весьма похваляютъ.

[3] На Чанахъ³ спасаются.

[4] Въ деревне Ушкове, стоящая к Урманову за Ка[и]нскомъ, отъ деревни Ка...вы 35 верстъ, тамъ знаютъ о местахъ.

¹ Видимо, имеется в виду Бердск (рядом с нынешним Новосибирском).

² Точнее — Арамилский Яков Никитович, кузнецкий протоиерей. См. с. 529 настоящего издания: «О семъ я зналъ лично...».

³ У старца здѣсь (и ниже) слитно: «начанахъ». Речь идет (лл. 7–7 об.) о селениях по берегам оз. Чаны в Барабинской степи (Барнаульский и Каинский уезды).

5. Острова на Чанахъ Тобольской, на немъ татары лебязіи, панкрет... Тюмень большой, на немъ 3 двора, подле Тюмени кобыл... техъ(?) же черемоховъ. Отъ Яркова 19 верстъ остр[ова] темнаи все уския, а о прочихъ неизвестно.

6. На Чанахъ въ Юдине крестьянинъ Бога ради Егоръ Никитичъ Ничкисовъ.

(л. 7 об.) 7. На Чанахъ на блюдцы хлеба усердствующи тамъ Терентій Ивановъ и сынъ его Петръ холостой.

8. Изъ Берскаго по Кузнецкой дорогѣ въ деревне Куратъ подле горъ еще Вагановы. Отъ Кузн[ецка] сто верстъ, тамъ пищикъ¹ старикъ Никита Михайловъ Бобарыкинъ.

9. Отъ Барнаула къ [К]узнецку Барнаульского ведомства Уксунайской волости пищикъ отстав[ной] прапорщикъ Семенъ Андреевъ Поляковъ.

10. Изъ Барнаула къ Кузнецку (4 слова зачеркнуты) въ деревне Убинская пищикъ Иванъ Кириловъ Позняковъ. Желаютъ они съ женою въ мона[стырь] (последняя фраза зачеркнута).

11. Управитель Берской Данила Никитичъ.

12. Лосишенская станция отъ Барнаула къ [К]узнецку, Степанъ Филимоновичъ Осиповъ казачій сынъ, желаетъ съ женою.

На Средней Терси² отъ ...Томи 7 верстъ на Мале... вожатаи были изъ деревни.

(л. 8) ...маны проездъ изъ Тары на(?) Тары залива на Терехово, Такмыцкая, Мешковская. Въ Танотовскомъ(?) перевосѣ Иртыша на Бергамацкое, Муромская волость. Около Тары до верхней заливины 100 ве[рстъ] къ Назаровымъ, Меншиковымъ, на Урезъ, на Изесь, Шипицыно, Красноярскъ, Голопупово, село Вознесенское, Усть-Тартосъ³.

(л. 9) Дажь ми Господи въ сходство благоволенія Твоего поступати съ заветными и духовными моими сестрами.

Покой Господи души усопшія родителей [и бла]готворителей нашихъ и всехъ сродниковъ.

¹ Пищикъ — по-видимому, писчик, то есть писарь.

² Реки Средняя, Нижняя и Верхняя Терсь — притоки реки Томи. В конце своего сибирского путешествия старцы Василиск и Зосима некоторое время жили «близъ рѣки быстрой, именуемой Средняя Терсь».

³ Реки Тара и Тартос, город Тара и селение Муромцево на другой стороне реки Иртыша — названия с территории Барабинской низменности, расположенной между реками Иртышом и Обью на восток от Омска (нынешняя Новосибирская обл.). Барабинская низменность (Барабинская степь) — волнистая равнина с березовыми колками, перемежающимися с болотами и лугами; в понижениях свыше 2000 озер (БЭС, 1001, с. 100). Подробная запись в записной книжке подтверждает, что старцы «объехали Барабинские степи» (См.: Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги... М., 1994. С. 79), но только не перед зимовкою в Тобольске, а после.

⁺и содействуй въ сердцахъ ихъ, да сотворятъ и пребудутъ къ намъ по благоволенію Твоему¹.

(л. 10) Спаси Господи и помилуй сестръ моихъ заветныхъ О. Н. Е.² и святыми ихъ молитвами прости моя согрѣшенія. (Трижды по трижды.)

Дажь ми Господи исполнителемъ быти духовнаго нашего обета и завета..., уповая на благостыню и милосердіе Твое, Самимъ Тобою Господемъ Богомъ нашимъ на вечность утверди-
хомъ.

(л. 11) О безначальный и тріипостасный и единосущный и всемогущій Боже нашъ Отче, Сыне и Святый Душе. Молю Тя Твоимъ милосердіемъ и человеколюбіемъ и ради Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и всехъ Твоихъ святыхъ, милостивъ буди къ симъ рабамъ Твоимъ, ихъ же азъ недостойный помянухъ предъ Тобою. Исполни ихъ Твоя Божественныя благодати, сохрани ихъ и соблюди и огради всемогущею Твоею силою и благостынею⁺, и меня грешнаго ихъ ради помилуй.

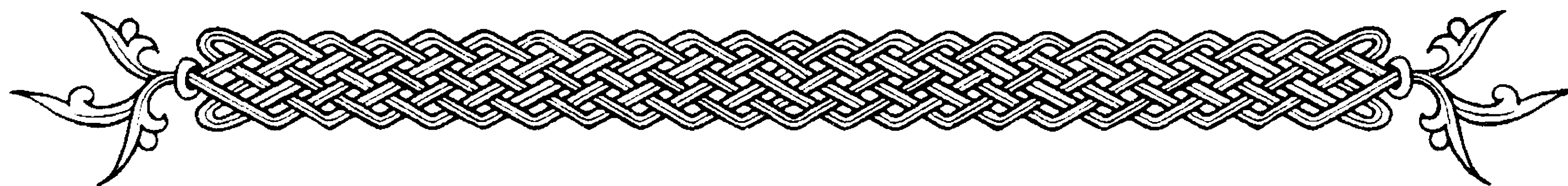
⁺да споспешествуютъ и сотворяютъ, да пребудутъ к намъ въ сходство благоволенія Твоего.

*Публикацію подготовила монахиня
Зосима (Верховская).*

¹ Вариант вставки в слова молитвы, написанной на другом листке (л. 11).

² Вероятно, инициалы трех первых учениц старца Зосимы: Онисьи, Натальи и Евдокии.

КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О РОДОСЛОВНОЙ ПРЕПОДОБНОГО ЗОСИМЫ

Семья преподобного Зосимы Верховского принадлежала к древнему дворянскому роду Смоленской губернии. Основателем рода считается Адам Верховский, который в 1620 году занимал должность «эконома Смоленских волостей»¹. Это было время, когда обескровленная смутой и войнами Россия вынуждена была уступить Смоленщину польскому королю². С самого начала этих войн, с 1609 года, стоя под стенами Смоленска, Сигизмунд III, король Польский, оделял милостями своих новых приверженцев, награждая их с величайшей щедростью поместьями. В особенности в русских областях. Получил поместья на Смоленщине от польских королей и Адам Верховский в 1620-м, 1625-м и при увольнении от службы в 1640-м годах. В польском Гербовнике он назван просто «жителем Смоленска»³. Однако исконно он принадлежал к роду польских шляхтичей Вержховских (Wierzchowskie) герба Побог, и на сейме 1635 года ему был пожалован королем Владиславом IV собственный герб, несколько отличный от общего для всего рода герба Побог⁴. Но поименной родственной связи с представителями рода Вержховских этого герба, проживавших в Польше в селении Вержховске Серадзского воеводства, проследить не удастся⁵.

В 1655 году, когда царь Алексей Михайлович вернул Смоленск и некоторые области Украины под свою корону, подавляющая масса смоленской шляхты «католического вероисповеда-

¹ РГИА ф. 1343, оп. 18, д. 1904. Родословная дворян Верховских Смоленской губернии.

² Смоленск, возвращенный Русскому государству из-под власти Великого княжества Литовского в 1514 году, в 1611 году оказался в составе Речи Посполитой.

³ Bobrowicz I. N. Herbarz Polski. Lipsk, t. 9, 1842. S. 322.

⁴ Герб Адама Верховского: «В лазоревом щите серебряная подкова, увенчанная золотым лапчатым (кавалерийским) крестом. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: три серебряных страусовых пера. Намёт: лазоревый с серебром». Варшава, AGAP (Главный архив древних актов), фонд «Коронная метрика», книга 180, лл. 460 об. — 462.

⁵ Bobrowicz I. N. Op. cit., s. 321, где упомянуто, что некоторые представители рода Верховских «осели на Руси». Серадз — город в центральной части Польши, административный центр Серадзского воеводства.

ния» присягнула московскому государю¹ и приняла православие. Так поступил и сын Адама Верховского (Ян Адам), получивший при святом крещении имя Александр. И с того момента все смоленские Верховские исповедовали православие и служили Российским государям.

Правительство царя Алексея Михайловича старалось закреплять за собой отвоеванные области не только силою оружия, но и привлекая их население манифестами, гарантировавшими поземельные права шляхты в соответствии с привилегиями (грамотами), полученными от польских королей. (Именно на такие грамоты, выданные польскими королями Адаму и его сыну Яну Адаму, и ссылались Верховские впоследствии при утверждении их древнего дворянства.) Уже в 70-х годах XVII столетия наиболее отличившихся шляхтичей начали жаловать чинами стряпчих, стольников. В Боярских книгах 1686 и 1692 годов показан Павел Верховский (сын Александра), пожалованный чином стольника².

Военную службу смольняне несли, будучи организованными в «конный полк Смоленской шляхты». Учитывая важность пограничной службы, даже Петр I при своих реформах армии не лишил смольнян этой привилегии нести службу в пределах родного края, хотя полк и участвовал в войнах. И только Екатерина II распустила полк Смоленской шляхты в 1765 году³. В течение же столетия служили в этом полку четыре поколения Верховских, начиная с Александра и кончая родителем преподобного Зосимы: Александр, Павел, Данила и пятеро его сыновей.

Известно, что матерью Данилы была первая жена Павла Александровича — Анна Сынгур (фамилия молдавская, означающая «жалость») — прабабка преподобного Зосимы. В то время служили в полку Смоленской шляхты и некоторые выходцы из Валахии. Вот такая неожиданная кровь влилась во все последующие поколения Верховских.

Жила семья в родовом имении Богородицком под Смоленском — том самом, что было пожаловано еще в 1620 году родоначальнику семьи Адаму Верховскому. Село Богородицкое известно как место подвижничества великого святого Авраамия Смоленского, подвизавшегося здесь около монастыря «на Сели-

¹ РГАДА ф. 286, оп. 1, л. 333, л. 1–49. Список Смоленской шляхты, присягнувшей в 1655 г. московскому царю.

² РГАДА ф. 210. Боярские книги. Кн. 10 (1686 г.), л. 562 об., кн. 11 (1692 г.), л. 383 об.

³ Богословский М. Смоленское шляхетство в XVIII веке. В Журнале Министерства народного просвещения, 1899, № 3. С. 25–61.

ще» в XII столетии. Курган с пещерой, в которой жил преподобный Авраамий, и вырытый им колодец были тогда еще целы. Можно предположить, что будущий пустынник Зосима, посещая дедово имение, впитывал там живое свидетельство православного подвижничества. Остатки пещер вокруг Богородицкого, развалины которых были видны еще даже в середине XIX столетия, свидетельствовали, что «жившие некогда иноки не отставали в трудных аскетических подвигах от пустынников древних времен христианства»¹. Но следов строений древнего Богородицкого монастыря к тому времени уже не сохранилось. А стояла церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, построенная в 1701 году Данилой Павловичем Верховским: «храм старинной архитектуры, форму имел креста, с небольшими окнами вверху, так что мрачен; иконостас — точная копия старинного византийского письма»². Именно в этом храме находилась местночтимая икона преподобного Авраамия Смоленского, воспроизведенная позднее в изданном его «Житии»³.

Строительство храмов вотчинниками в своих владениях было в XVIII столетии очень распространенным явлением. Данила Павлович в 1708 году построил еще церковь в честь Усекновения главы святого Иоанна Предтечи в селе Кучерове⁴ (Ельнинского уезда). Он дослужился до чина полковника Смоленской шляхты, умер приблизительно в 1749 году, оставив по вотчине и по 70 душ крестьян мужеского пола каждому из пяти взрослых сыновей: Василию (Старшему), Антонию, Василию (Младшему), Якову и Марку. Антоний Данилович также вложил свою лепту в храмоздательство на Смоленщине, перестроив заново в 1774 году свой приходской храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы в селе Волково Егорье, что недалеко от Ельни⁵ (храм не сохранился). Родителем преподобного Зосимы был средний сын Данилы Павловича.

Сельцо Богородицкое перешло по наследству и оставалось во владении старшей ветви Верховских вплоть до конца XIX века. До наших дней сохранился Авраамиев курган, но уже без следов пещеры и колодца. Часовенка на кургане и храм разрушены в 1930 году. Один из сыновей Василия Даниловича, Иларион (как

¹ Смоленская епархия. История. [Смоленск], 1868. С. 287.

² Государственный архив Смоленской области, ф. 391, оп. 1, д. 5, л. 1–2. Село Богородицкое Смоленского уезда.

³ Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. СПб., 1912. С. 102.

⁴ Смоленские епархиальные ведомости. 1898. С. 629.

⁵ Смоленские епархиальные ведомости. 1898. С. 883.

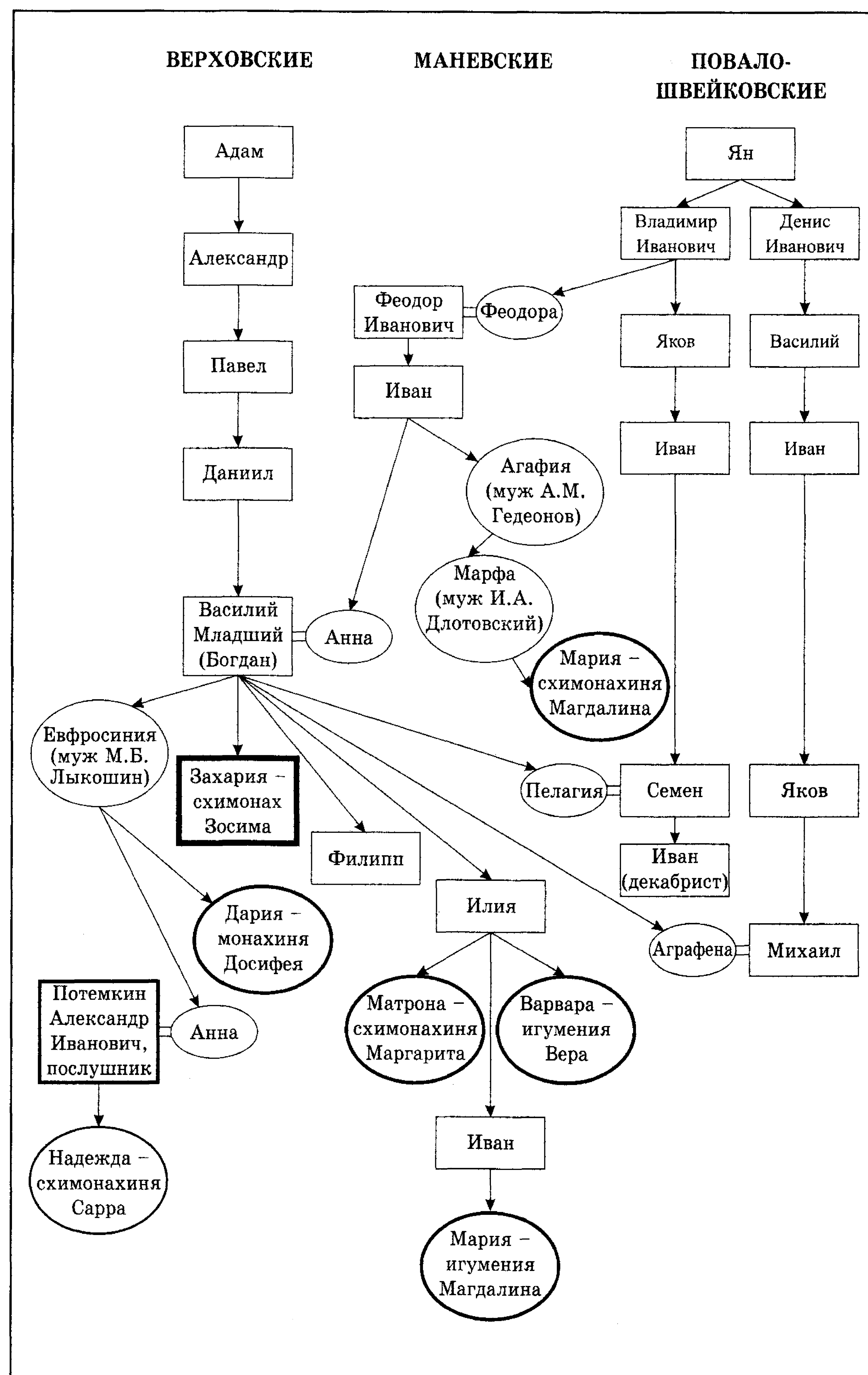

Схема родственных связей преподобного Зосимы Верховского

раз очередной владелец Богородицкого и двоюродный брат прп. Зосимы), был женат на Надежде Фоминичне Повало-Швейковской. Ее брат Степан Фомич был совладельцем (вместе с Броневскими и Михаилом Кулешом) того самого сельца Екимовичи Рославльского уезда¹, в лесах которого поселились в 1780-х годах монахи-пустынники. Очень вероятно, что юный Захария узнал о рославльских пустынножителях и нашел их именно через этого своего сродника.

Родителю преподобного, Василию Даниловичу (Младшему), досталось по наследству село Лобково с сельцом Буловицами и деревнями в Смоленском уезде. И в том селе Лобкове в церкви Рождества Богородицы венчались 17 сентября 1753 года «деревни Буловицы смоленский шляхтич Василий Данилов сын Верховский и девица Анна Иванова дочь Маневская»². Надо заметить, что, будучи при крещении нареченным Василием, родитель Захарии в жизни, в том числе на военной службе, звался мирским именем — Богданом. Семья жила в сельце Буловицы, где выросли все их дети: шестеро дочерей и три сына.

Богдан (Василий) Данилович Верховский вышел в отставку из полка Смоленской шляхты в чине полковника³. Он выстроил в своем селе Лобкове новый храм и в 70-х годах был там церковным ктитorem. И семья Маневских внесла свою лепту в храмо-строительство на Смоленщине. Отец Анны Ивановны, Иван Федорович Маневский, выстроил в 1757 году деревянную церковь в честь Святителя Николая в своем имении Шмакове Ельнинского уезда (храм не сохранился). А брат Анны Ивановны, Федор Иванович Маневский, возвел в 1782 году в своей усадьбе Богородицкой Вяземского уезда каменную церковь Одигитрии. Этот замечательный памятник барочного зодчества до сих пор выделяется в ряду достопримечательностей Смоленщины, хотя и полуразрушен⁴. Дед Анны Ивановны, Федор Иванович Маневский, и его

¹ РГАДА ф. 1355, оп. 1, д. 84/1517. Экономические примечания по Рославльскому уезду 1779 г., № 129, сельцо Екимовичи. Также: РГИА ф. 796, оп. 83, д. 56 (1802 г.) «Прошение помещика Повало-Швейковского построить деревянную церковь в сельце Екимовичи» и оп. 88, д. 178 (1807 г.) «О разрешении помещику Повало-Швейковскому построить каменную церковь в сельце Якимовичи Рославльского уезда».

² ГАСО ф. 48, оп. 5, д. 319. Метрическая книга храма Рождества Богородицы села Лобкова за 1728–1810 годы, л. 66.

³ В «Жизнеописании схимонаха Зосимы» отец его назван «воеводою в Смоленской области». Нам представляется, что автор «Жизнеописания» (игуменья Вера) употребила слово «воевода» как обобщающее для высоких военных чинов.

⁴ Адрес-календарь Смоленской епархии. Смоленск, 1897, с. 183 — «Шмаково» и с. 343 — «Богородицкое».

брат Осип Иванович начали свою службу в полку Смоленской шляхты в последнем десятилетии XVII столетия. С 1705 года оба они и их родной племянник Иван Евстафьевич Маневский упоминаются в документах стряпчими. Из каких краев Маневские приехали или были присланы на службу в Смоленск, неизвестно. До высоких чинов никто из смоленских Маневских не дослужился. В этой семье фамилия Маневских по мужской линии к концу XVIII столетия пресеклась¹.

Одна из сестер Анны Ивановны, Агафия, была замужем за секунд-майором Андреем Михайловичем Геденовым². Дочь их Марфа (в замужестве за Иваном Андреевичем Длотовским) стала матерью будущей монахини Севского Троицкого монастыря Магдалины (в мире Марии), сподобившейся быть игуменией этого монастыря с 1848 по 1857 год. Умерла она в том же монастыре на покое схимницей 22 апреля 1864 года. История Севского монастыря сообщает нам, что Мария Ивановна Длотовская пришла в монастырь в середине 1820-х годов вместе со своей троюродной сестрой Дарией Михайловной Лыкошиной по благословению своего дяди старца Зосимы Верховского³.

Если вернуться к истокам смоленского рода Маневских, то выясняется еще одна фамилия, давшая прямого предка преподобного Зосимы. Известно, что дед Анны Ивановны, Федор Иванович Маневский, был женат на Феодоре Владимировне Повало-Швейковской. На Смоленщине род этот начал исчислять себя с двух сыновей польского дворянина Яна Швейковского герба Повала, поступивших на русскую службу вскоре после 1655 года. В святом крещении они известны как Владимир Иванович и Денис Иванович. Оба они и многие из их сыновей были награждены чинами стольников и имели генеральские чины в полку Смоленской шляхты⁴. Можно сказать, что Повало-Швейковские стали одним из знатных и богатых родов на Смоленщине.

У Верховских было много родственных связей с Повало-Швейковскими. Две сестры преподобного Зосимы были замужем за представителями этой семьи. Пелагия Богдановна со своим супругом Семеном Ивановичем Повало-Швейковским владели селцом Буловицы еще полстолетия после того, как братья Вер-

¹ РГАДА ф. 1209. Дела молодых лет по Смоленску, кн. 75/15321, д. 6, л. 118–156.

² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., т. 1, 1887, с. 182–184.

³ Отечественные подвижники благочестия. Июль. Оптина Пустынь, 1994. С. 577.

⁴ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., т. 2, 1895, л. 94.

ховские покинули родные пенаты. Там родился их первенец Иван, ставший впоследствии декабристом. Он был осужден по первому разряду, прошел каторгу Нерчинских рудников и Петровского завода и умер на поселении в Кургане 10 мая 1845 года на руках у Вильгельма Кюхельбекера. Но никаких отголосков этих политических событий, сыгравших огромную роль в семье сестры старца Зосимы, мы не находим в его «Жизнеописании». Другая сестра преподобного Зосимы, Аграфена, вместе с мужем Михаилом Яковлевичем Повало-Швейковским и сыновьями были хозяевами села Лобкова вплоть до середины XIX века. Ее дочь Мария Михайловна (в замужестве Краевская) приютила у себя бедную свою тетюшку Пелагию Богдановну, познавшую всю горечь судьбы матери «государственного преступника». В настоящее время известны многочисленные потомки той семьи Краевских, а значит — и родной сестры преподобного Зосимы, Аграфены.

Следует сказать еще об одной сестре преподобного Зосимы — Евфросинии, дочь и внучка которой встали на пути монашества, пересекавшиеся с обителью старца Зосимы под Москвой. Евфросиния Богдановна Верховская была замужем за отставным подпоручиком Михаилом Богдановичем Лыкошиным (венчались в Лобкове 12 мая 1781 года), и семья жила в имении Григорьевском Вяземского уезда. Отец семейства Михаил Богданович выстроил в 1794–1795 годах прекрасный каменный храм в честь Преображения Господня с двумя приделами (храм сохранился в полуразрушенном виде) в этом своем имении и еще один храм в честь Всех Святых — на кладбище, в полутора верстах от села¹ (храм не сохранился). Старший сын их, Богдан Михайлович Лыкошин, также выстроил в соседнем селе Пигулине великолепный храм в честь Ахтырской иконы Божией Матери (действующий до сих пор). Известно, что воспитанница Богдана Михайловича, Александра Евгеньевна Якушкина² (в замужестве Белокопытова), стала впоследствии основательницей монастыря в своем имении Петропавловском Мосальского уезда³. Дочь четы Лыкошиных, Анна Михайловна, вышла замуж за Александра Ивановича Потемкина и стала матерью знаменитой впоследствии старицы

¹ Иеромонах Даниил (Сычев). Вязьма. Очерки истории. М., 1997. С. 152–153. Григорьевское.

² Она приходилась племянницей жене Сергея Михайловича Лыкошина, урожденной Якушкиной.

³ Белокопытовские подвижники–устроители обители // Отечественные подвижники благочестия. Ноябрь. Оптина Пустынь, 1994. С. 422–435. Также: Православные русские обители. Сост. П. П. Сойкин. СПб., 1910. С. 252.

Спасо-Бородинского монастыря схимонахини Сарры, начавшей свой монашеский путь под управлением самого преподобного Зосимы в его пустыньке под Москвой и принявшей в той пустыньке постриг в рясофор с именем Зосима. Отец же ее, Александр Иванович Потемкин, закончил бурную свою жизнь в покаянии послушником Воронежского Митрофаниевского монастыря¹. Младшая же дочь их, Дария Михайловна Лыкошина, вместе с кухней Длотовской (о которой упомянуто выше), ушла в Севский Троицкий монастырь, где была пострижена с именем Досифея и умерла 20 августа 1863 года. Сохранилась часть переписки ее с духовником, оптинским старцем Макарием,² — еще один ярчайший образец духовного окормления, преисполненного терпения и любви. Известны живущие в настоящее время Лыкошины, потомки родной сестры преподобного Зосимы, Евфросинии.

Кроме шести сестер, у преподобного Зосимы было два старших брата: Филипп (род. 9 января 1762 г.) и Илия (род. ок. 1764 г.), о которых с большой душевной теплотой рассказано в «Жизнеописании» старца. Здесь уместно лишь добавить некоторые генеалогические сведения о них и их семьях. После роспуска полка Смоленской шляхты (в 1765 году) смоляне проходили сначала обучение в гвардейских полках, а потом рассылались по другим армейским подразделениям. Все три брата служили в лейб-гвардии Преображенском полку. Филипп и Илия были зачислены в полк в 1776 году, прошли все положенные повышения по чину, дойдя до капитанского звания. Илия уволился от военной службы в чине капитана 11 августа 1787 года³. Все три брата были на службе в Петербурге, когда 3 апреля 1784 года скончался их отец, а через два года, 12 июля 1786 года, скончалась и их мать⁴. Филипп был выпущен в 1788 году капитаном в армейский полк и в 1789 году участвовал в сражении против шведов. Уволившись от военной службы, состоял в штате Управы благочиния города Москвы с 1791 по 1805 год, выйдя в отставку в чине статского советника⁵. Женат был на Александре Яковлевне Ватулиной, дочери надворного советника. В москов-

¹ Подвижницы Спасо-Бородинского монастыря. Можайск, 1994. (Повторение издания 1911 года.) С. 12–33.

² ОР РГБ ф. 213, к. 76, д. 22. Письма оптинских старцев Леонида и Макария к севской монахини Досифее Лыкошиной. Там же: к. 75, дд. 23, 36. Письма к ним монахини Досифеи.

³ РГВИА ф. 2583, оп. 1, дд. 604. Списки лейб-гвардии Преображенского полка, л. 116–117, л. 189–190 и др.

⁴ ГАСО ф. 48, оп. 5, д. 319, лл. 421 об., 439.

⁵ РГВИА ф. 1349, оп. 3, д. 388. Формулярный список Верховского Филиппа Богдановича, 1805 год.

ский период жили все вместе в своем доме в приходе Тихвинской церкви в Сущеве¹. Скончался Филипп Богданович в Петербурге около 1813 года. Из детей до взрослого возраста дожила только одна дочь (Екатерина, Варвара или Надежда).

Брат Илия, после года послушничества в Смоленском Авраамиевском монастыре, десять лет странствовал по святым местам и, посетив практически все российские монастыри и пустыни (в том числе и старца Василиска в Рославльских лесах), в конце концов почувствовал свою неспособность остаться в монашеской жизни. Он вернулся на родину, где года через два женился на Екатерине Ивановне Рачинской — венчались в Лобкове 9 ноября 1800 года. К концу 1808 года Илия Богданович отстроил для своей семьи новую усадьбу недалеко от Лобкова, которую назвал Покровской. Там он вскоре и умер — 31 мая 1813 года, а через шесть лет дети их стали круглыми сиротами — 9 мая 1819 года скончалась от чахотки Екатерина Ивановна. Оба были похоронены в Лобкове около церкви². Из многочисленных их детей выросли только пятеро: сыновья Евмений (род. 18 сентября 1803 г.), Иоанн (род. 20 июня 1809 г.), Захарий (род. 8 февраля 1812 г.), дочери Варвара (род. 4 декабря 1801 г.) и Матрона (род. 27 марта 1805 г.)³. Сирот приютили в своем доме в Буловицах сестры их отца: Пелагия Богдановна Повало-Швейковская и жившая там же незамужняя Дария Богдановна Верховская. Именно туда, в родной отцовский дом, приезжал старец Зосима весной 1823 года и увез племянниц своих, сироток, от мирского шума и соблазна на спасительную богоугодную монашескую жизнь. Варвара и Матрона стали верными спутницами и ученицами преподобного Зосимы. Но, прежде чем сказать несколько слов об их монашеском подвиге, имеет смысл уточнить хронологию жизненного пути самого преподобного Зосимы.

Прежде всего — о дате рождения преподобного Зосимы. Метрическая книга Рождественской церкви села Лобкова сохранила нам следующую запись: «1768 год. 24 марта. Деревни Буловицы у полковника Богдана Данилова сына Верховского с женою его Анною Ивановою законно прижит родился сын Захария. Крещен священником Филиппом Стефановым 27 числа. А при крещении его восприемником был отставной поручик Борис Васильев сын

¹ ЦИАМ ф. 203, оп. 747, д. 694. Исповедальные росписи прихожан Тихвинской церкви в Сущеве Никитского сорока за 1796 год, л. 385.

² ГАСО ф. 48, оп. 5, д. 401. Метрическая книга храма Рождества Богородицы села Лобкова за 1811–1837 годы, лл. 40 об., 164.

³ ГАСО ф. 48, оп. 5, д. 319, лл. 637, 689, 769: д. 401, л. 17.

Последние немые свидетели детства преподобного Зосимы — пруд и берег, на котором стояла усадьба в Буловицах. 1998 г.

Каховский. Восприемница вдова Агриппина Иванова дочь Пенская»¹.

Послужные списки лейб-гвардии Преображенского полка, сохранившиеся в Военно-историческом архиве, называют некоторые даты службы Захарии Верховского: определен в полк капитанармусом с 1 января 1784 года; со 2 февраля 1787 года, получив чин сержанта, взял отпуск на год и уехал на родину. Метрические записи села Лобкова сообщают о различных событиях в жизни «лейб-гвардии сержанта Захара Верховского» и его крестьян с 1787 (когда он вступил в права наследства) вплоть до декабря 1788 года. Однако, как мы знаем, все более и более убеждаясь в своем предназначении, Захария исхлопотал себе в Петербурге отставку и продал все свое имение сестре своей и зятю. Наконец, в одной из метрических записей от марта 1789 года Захария назван отставным поручиком². Позднее в метрической

¹ ГАСО ф. 48, оп. 5, д. 319, л. 204. Захария Верховский родился в 1768 году, а не в 1767 году, как указано в его «Жизнеописании», изданном в 1860 и последующих годах. Агриппина Ивановна Пенская, урожденная Маневская, была родной сестрой матери Захарии. Каховские же приходились свояками Верховским через сестру Данилы Павловича Верховского, Анастасию Павловну, в первом браке Каховскую.

² ГАСО ф. 48, оп. 5, д. 319, л. 477.

книге села Лобкова нет ни одного упоминания ни самого Захарии Верховского, ни его крестьян. Как справедливо отражено впоследствии в молитве: «... имение раздав, во обитель пустынную вселился...».

Когда Захария явился к пустынноикам в Рославльские леса, уже твердо положив остаться с монахами навсегда, отца Адриана в лесных келлиях уже не было — к этому времени он проживал в Коневской обители. То была весна 1789 года. Вскоре по прибытии юного Захарии на Коневец, в 1790 году, отец Адриан был поставлен от митрополита Гавриила строителем Коневского монастыря¹. Десять лет прожил преподобный Зосима в Коневской обители. Известно письмо отца Зосимы к старцу Досифею в Рославльские кущи, датированное 21 мая 1799 года, в котором он пишет о планах его вместе с отцом Василиском удалиться из Коневского монастыря в более глубокую пустыню. Письмо к отцу Досифею послано с Коневца в мае именно 1799 года, как видно из первого издания «Жизнеописания старца Зосимы» и из рукописи этой книги². Главным доказательством такой датировки письма служит тот факт, что в письме много говорится о новом настоятеле Варфоломее, прибывшем в Коневский монастырь на место отца Адриана (уволненного на покой и уехавшего в Симонов монастырь в 1798 году) где-то зимой 1798/99 гг.³ Приходится обратить на это внимание в связи с тем, что редакторы второго издания «Жизнеописания старца Зосимы», вышедшего в свет в 1889 году (и повторенного репринтом в 1994 году; оно наиболее известно современному читателю), изменили год написания письма к отцу Досифею на 1797 (см. с. 77 репринтного издания). По-видимому, редакторы отсчитывали известные «десять лет» пребывания отца Зосимы на Коневце от ими же вычисленной даты начала монашеского пути в 1786 году (см. с. 29, 37) — этой даты нет ни в первом издании, ни в рукописи. Затем редакторы же назвали дату поселения старцев под Кузнецком — 1799 год (см. с. 91). Все эти редакторские датировки не приходится считать верными. Приведенные нами материалы позволяют точнее указать дату отъезда старцев Василиска и Зосимы с Коневца — лето 1799 года.

¹ О. Мисаил. Историческое изображение о начале Коневской обители, о запусении, возобновлении и о настоящем оной положении. СПб., 1817. С. 20–21; Знаменский Ф. Рождественский Коневский монастырь. СПб., 1900. С. 17.

² Жизнь в Бозе почившего блаженной памяти схимонаха Зосимы. М., 1860. С. 108; ОР РГБ ф. 214, д. 291, л. 47.

³ О. Мисаил. Указ. соч. С. 21. Знаменский Ф. Указ. соч. С. 17.

Читая «Жизнеописание преподобного Зосимы», видим, что старцам пришлось три раза подойти к южной границе России, три раза вернуться в Москву к благодетелям, съездить в Петербург с прошением Государю и дожидаться ответа, провести поиск желанной пустыни в Малороссии и, наконец, два месяца провести в Киевской Лавре, — нам представляется, что на эти путешествия ушли лето и осень 1799 года, а в Киевской Лавре старцы переждали зиму 1799/1800 годов. Крым, весь юг европейской части России, Северный Кавказ, Поволжье и Урал они обошли и объехали в 1800 году, перевалив через Урал и добравшись до Тобольска. Зима в Тобольске — это зима 1800/01 годов. Дальше в «Жизнеописании старца Зосимы» сказано, что побывали наши любители безмолвия в округах Ишимском, Каинском, Томском, Енисейском, Красноярском и Кузнецком, где и застигла их зима. Читатель упомянутого «Жизнеописания» помнит полные драматизма страницы о том, как выбирались наши старцы по весне с той зимовки 1801/02 годов, когда едва не погибли. Наконец, выбрали старцы окончательно для себя место за проливами, именуемыми Трикурье, в 50-ти верстах от Кузнецка. Начало пустыни за проливами Трикурье — лето или ранняя осень 1802 года. Там прожили они двадцать лет.

Спустя двадцать лет после водворения на жительство над проливами Трикурье вывел Господь старцев в мир на служение людям. Осенью 1822 года отцы наши Василиск и Зосима с учениками, вверившими души свои под их руководство, переехали в город Туринск, положив начало женскому Свято-Николаевскому монастырю¹. Первая поездка старца Зосимы в Петербург с целью исклопотать помещение для вновь собранной общинки состоялась в 1821 году, она увенчалась Указом Святейшего Синода от 13 февраля 1822 года. В начале 1823 года преподобный Зосима снова отправился в столицу по делам обители, а оттуда заехал на родину после тридцатилетнего отсутствия. То была весна или лето 1823 года, когда юные племянницы старца, Варвара и Матрона, покинувшие вместе с отцом Зосимой навсегда родной дом, приняли постриг в рясофор в московском Симоновом монастыре с именами Вера и Маргарита. Приехав в Туринский монастырь, юные инокини с самого начала своего монашеского пути познали коварство врага человеческого спасения, но и увидели воочию силу духа богоносных отцов. Вместе с сестрами, вверившими свои души старцу Зосиме, переехали они в Москву зимой 1826

¹ Указ Святейшего Синода от 13 февраля 1822 года. Указ Тобольской Духовной консистории от 16 октября 1822 года // Тобольские епархиальные ведомости. № 9–10, 1890. С. 210–211.

года и начали пустынножизненное житие на даче госпожи Бахметевой под руководством преподобного.

После кончины отца Зосимы матушка Вера (по благословению преподобного) возглавляла общинку и была назначена начальницей общежития при его утверждении в 1841 году¹. В статус монастыря обитель была возведена 12 марта 1856 года². В сентябре того же года сестры Вера и Маргарита были пострижены в монашество в Троицкой Сергиевой Лавре, и 26 сентября матушка Вера произведена в игумении³. Заслуги игумении Веры по управлению Троице-Одигитриевским монастырем были оценены начальством, наградившим ее «наперсным крестом, от Синода выдаваемым», 16 апреля 1868 года⁴. Нам матушка Вера оставила чудесное «Жизнеописание» своего незабвенного старца, преподобного отца Зосимы, «принадлежащее, бесспорно, к классике духовной письменности»⁵. Книга несколько раз уже переиздавалась и переведена на английский и греческий языки⁶. Матушка Маргарита сподобилась преставиться схимонахиней 27 июля 1859 года⁷. Игуменья Вера скончалась 20 ноября 1868 года во время своей поездки к Преосвященному Савве (Тихомирову) в Витебск, на обратном пути. Обе похоронены в правом приделе Троицкого храма в Зосимовой пустыни⁸.

Из братьев матушек старший, Евмений Ильич, прожил недолго, скончавшись в 36-летнем возрасте 17 октября 1839 года; похоронен был на кладбище московского Покровского монастыря. Захар Ильич закончил артиллерийское училище с золотым знаком отличия, участвовал в сражениях Крымской войны 1854–

¹ Указ Святейшего Правительствующего Синода от 14 августа 1841 года. В сборнике, изданном Обществом любителей духовного просвещения по случаю празднования Столетнего юбилея со дня рождения (1782–1882) Филарета, митрополита Московского. М., 1883, т. 1, с. 71–72 (то же с. 497). То же: ЦИАМ ф. 203, оп. 624, д. 33, л. 42.

² РГИА ф. 1341, оп. 97, д. 2194, л. 1. Указ Е. И. В. Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода от марта 22 дня 1856 года.

³ РГИА ф. 796, оп. 137 (1856 г.) д. 2423, ч. 80, 81. О пострижении в монашество. РГИА ф. 796, оп. 143, д. 2569, ч. «б», л. 164–165. Из ведомости о настоятелях и настоятельницах монастырей Московской епархии за 1862 г.

⁴ Духовная беседа на 1868. СПб., 1868, л. 5, 6. Список духовным лицам, удостоенным Всемилоостивейших наград.

⁵ Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений. М., 1994. «От издателя».

⁶ Elder Zosima, hesychast of Siberia. St. Herman of Alaska Brotherhood Press, 1990. *Γέρωντας Ζωσιμάς τῆς Σιβηρίας. Ἱερά Μονή Παρακλήτου Ὁρσώδης Ἀττικῆς*, 1996.

⁷ ОР РГБ ф. 214, д. 304. Келейные записки игумена Антония (Путилова) за 1864 год, л. 41 об.

⁸ ОР РГБ ф. 262, к. 30, д. 26, 27. Письма к епископу Савве (Тихомирову).

1855 годов. Во время польского восстания 1863 года был назначен военным начальником Пинского уезда Минской губернии, затем — Радомысльским губернским военным начальником. Уволился в отставку в 1874 году в чине генерал-майора. Жена его, Елизавета Васильевна, была из дворян Санкт-Петербургской губернии. Умерла 26 февраля 1863 года, оставив шестерых детей мал-мала меньше. Единственный их сын, Сергей Захарович (род. 26 июля 1861 г.), также кадровый военный, участвовал в защите Порт-Артура, был ранен. В январе 1909 года назначен командиром 99-го пехотного Ивангородского полка, с которым в августе 1914-го вступил в Восточную Пруссию, принимая участие в боях. В 1916 году, в чине генерал-майора, был назначен начальником обороны побережья Рижского залива. После отделения Прибалтики остался жить в Риге, откуда родом была его жена, Раиса Романовна Австриц (дочь рижского купца). Скончался 21 января 1936 года. Известен в белоэмигрантских кругах своим участием в движении Ливенцев в Риге в 1919 году¹. Детей не имел.

Жизнь третьего брата матушек Веры и Маргариты, Ивана Ильича, оказалась тесно сплетенной с Зосимовой пустыней. В 1839 году он начал служить в Москве (в чине титулярного советника) в Палате Государственных имуществ чиновником для покровительства о государственных крестьянах, приходящих в Москву на промыслы и заработки. Его первая жена, Мария Андреевна (урожд. Стрежнева), умерла 6 января 1840 года, оставив двух малолетних дочерей: Марию (род. ок. 1835 г.) и Екатерину (род. 16 октября 1839 г.). С 1853 года они воспитывались в монастыре у матушки Веры, и в 1859 году Мария стала инокиней Магдалиной². Несла послушание в золотошвейной; к началу 1881 года была «старшей в золотошвейной и наблюдала за постройками»³. Екатерина же не осталась в монастыре, вышла замуж за Осипа Гейтца, но была очень несчастна. Одна воспитала дочь Веру (род. 17 сентября 1867 г.) и сына Николая (род. в декабре 1872 г.). Видимо, имела развод и в 1909 году носила фамилию Верховская, жила в Смоленске. Вера Осиповна Гейтц в 1909 году служила «надзирательницей Воспитательного дома» в Москве.

В 1863 году Иван Ильич пожертвовал монастырю выкупленный им участок земли с лесом, смежный с обителью⁴. С 1866 года

¹ Некролог «Генерал-майор Верховский» (с фотографией) // Журнал «Часовой» (Париж), 1936, № 167–168. С. 38.

² РГАДА ф. 1192, оп. 4, 1895 г., д. 11, л. 1. Послужные списки монашествующих Троице-Одигитриевского монастыря.

³ РГИА ф. 796, оп. 162, д. 1235, л. 6. Послужной список монахини Магдалины Верховской 1881 года.

⁴ РГИА ф. 796, оп. 144, д. 1070. Об укреплении за Троице-Одигитриевским монастырем земли, жертвуемой коллежским асессором Верховским.

его многочисленная вторая семья обосновалась в собственном доме в Хамовнической части города Москвы, и Иван Ильич внес свою семью в Родословную книгу дворян Московской губернии¹. От второй жены Марфы Даниловны (урожд. Жильцовой) в семье было четверо сыновей и семь дочерей. Старший, Николай Иванович (род. 9 апреля 1856 г.), был в походах в азиатской Турции во время войны 1877–1878 годов, имел знак отличия Военного ордена 4-й степени, уволился подпоручиком в 1882 году. Братья его, Иван и Александр, умерли рано. О замужестве их сестер известно только о двоих. Любовь Ивановна вышла замуж за московского мещанина Виктора Ивановича Лузгина, но о детях их ничего не известно. Анна Ивановна вышла замуж за графа Анатолия Андреевича Каменского (правнука известного фельдмаршала). У них было два сына, Анатолий и Андрей, и дочь Наталия (в замужестве за Колиным)². Но о возможно живущих ныне их потомках нам ничего не известно. Известно потомство, которое оставил Михаил Иванович Верховский. Женат он был на Екатерине Евгеньевне Эльснер и имел трех сыновей и дочь, но дети были только у одного их сына, Бориса Михайловича (репрессированного и погибшего в Таганской тюрьме 5 июля 1938 года). В настоящее время живут в Москве его внучка, правнуки и праправнуки — ближайшие родственники преподобного Зосимы.

Сам Иван Ильич осенью 1882 года «слег», однако точная дата его смерти неизвестна. Но застало его на этом свете радостное известие о назначении дочери его, инокини Магдалины, настоятельницей Троице-Одигитриевского монастыря. Рясофорная послушница Магдалина была выбрана единогласно сестрами обители в 1881 году, после смерти предыдущей настоятельницы. Постриженную в монашество 9 мая, ее возвели в сан игумении 12 сентября того же 1881 года в Троицкой церкви Зосимовой пустыни. В 1885 году игумения Магдалина (Верховская) была награждена от епархиального начальства наперсным крестом³. Скончалась 27 ноября 1901 года⁴. Двадцать лет управляла она монастырем, сохраняя в обители дух монашеского смирения и подвижничества, завещанный преподобным Зосимою.

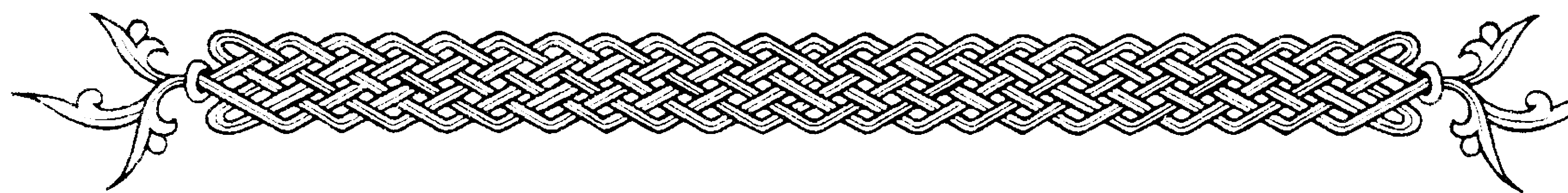
Монахиня Зосима (Верховская)

¹ Московское дворянство. М., 1910. С. 73.

² ЦИАМ ф. 4, оп. 3, д. 118. Дело о дворянстве кол. служащего Каменского.

³ РГАДА ф. 1192, оп. 4, д. 11. Ведомость о настоятельнице и монашествующих Троице-Одигитриевского монастыря за 1895 год.

⁴ РГИА ф. 796, оп. 183, д. 329, л. 1. О назначении монахини Софии настоятельницей Троице-Одигитриевского монастыря Московской епархии (31 января 1902 г.).

ИЗ АРХИВА ТРОИЦЕ-ОДИГИТРИЕВСКОЙ ЗОСИМОВОЙ ПУСТЫНИ

Публикуемые письма (1818–1828 гг.) бережно хранились насельниками основанной преподобным Зосимой Троице-Одигитриевской пустыни. После ее закрытия в 1929 году сестры обратились за духовным руководством к старцу московского Высоко-Петровского монастыря архимандриту Агафону, в схиме Игнатию (Лебедеву)¹. Ему они передали и материалы своего архива. В духовной семье преподобномученика Игнатия эти документы хранились в последующие годы. Последний их хранитель, схимонахиня Игнатия († 2004), и предоставила их для публикации². Публикация почти полностью представляет архив, сбереженный матерью Игнатией; за ее пределами остались разрозненные записи преподобного Зосимы, путевые заметки³ и выписки из творений святых отцов; письма Натальи Васильевой; письмо м. Маргариты м. Вере от 5–11 мая 1840 г.; выписки м. Веры из святоотеческих трудов.

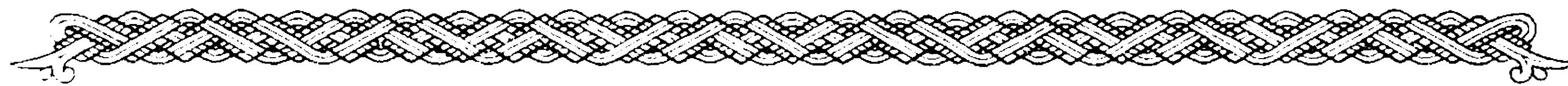
Тексты писем воспроизводятся с сохранением их графики и орфографии. Исправлены явные опiski; в некоторых письмах вместо слитного написания предлогов с последующим словом проведено раздельное; пунктуация приближена к современным нормам. Сокращения слова под титлом раскрыты; выносные буквы внесены в строку (с сохранением конечного ъ); надстрочные знаки, иногда бессистемно употребляемые в оригинале, опущены.

¹ † 1938. Схиархимандрит Игнатий (Лебедев) включен в Собор новомучеников и исповедников Российских 27 декабря 2000 г. О нем см.: Монахиня Игнатия. Высоко-Петровский монастырь в 20–30-е годы // Альфа и Омега. № 1(8). 1996. С. 114–135; Схиархимандрит Игнатий (Лебедев). Письма из заключения старца Зосимовой пустыни и Высоко-Петровского монастыря // Альфа и Омега. № 1(12). 1997. С. 90–133; За Христа пострадавшие. Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917–1956. Биографический справочник. Книга первая. А.-К. М., 1997. С. 485–486; Монахиня Игнатия. Старчество на Руси. М., 1999. С. 69–79, 165–171, 214–315; Она же. Старчество в годы гонений. Преподобномученик Игнатий (Лебедев) и его духовная семья. М., 2001.

² Ныне документы переданы во вновь открытую Троице-Одигитриевскую Зосимову пустынь. См. публикацию: А.Л. Беглов. «Вечностью неразрушимое содружество» / Альфа и Омега, №3(29). М., 2001. С. 205–240.

³ Записная книжка с географическими заметками старца Зосимы публикуется на с. 419–426 настоящего издания.

«Заветные» письма

Заветные (т. е. обетные¹) письма, составленные преподобным Зосимой и его духовными дочерьми, удостоверяющие их духовный завет, «единодушное и вечною неразрушимое содружество», без преувеличения можно назвать уникальными в истории русского и — шире — православного старчества.

Первое письмо (от 2 февраля 1819 г.) отец Зосима представил на рассмотрение Иркутскому епископу Михаилу (Бурдукову), который 2 апреля 1819 года написал на нем свою резолюцию (воспроизводится после текста письма); ниже, в разделе «Письма епископа Михаила», см. датированное тем же числом пространное ответное письмо епископа старцу.

Поводом для составления второго письма — «Завещания о имени» — очевидно, стало получение наследства одной из духовных дочерей старца Зосимы, Натальей Васильевой. Этим письмом старец утверждал в своем братстве основы общежительного монашества.

В первом письме заверение старца, его пространная подпись и дата написаны его рукой, остальное — Натальей Васильевой, подписи сестер — автографы; второе письмо написано старцем, кроме обращения к нему и подписей-автографов.

1

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Азъ грѣшной старецъ Зосима, имѣнуемой Захаріи.

Свидѣтельствуя о себе предъ Самимъ Богомъ, написахъ свое-ручно во увѣреніе вамъ, моимъ духовнымъ сестрамъ, Онисіи, Наталіи и Евдокіи.

Аще не отъ всего сердца и души моя о Бозѣ къ вамъ усердствую дотолико, что даже и въ Царствіе Божіе не хочу безъ васъ внити, то да лишень буду онаго во вѣки.

Второе, аще порочною, то есть нецеломудреною, и нечисто-сердечною люблю васъ любовію, то да буду самъ возненавиденъ отъ Бога.

¹ От слова завѣтъ в значении «обет, обещание, договор, условие и основанный на нем союз» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1).

Третіє, аще не дорожу ваше спасеніє съ моимъ наравнѣ, то да будетъ низвѣдена во адъ душа моя.

Четвертое, аще безъ благословныя вины восхощу оставить васъ или не старатися о потребномъ и нужномъ для васъ, то отъ Бога самъ оставленъ да буду.

Сицѣ равно и мы, нижеподписавшіяся твои духовныя дщери, во утвержденіе нашего вечностію связаннаго духовнаго дружелюбія съ тобою, и между собою, тако глаголемъ предъ Самимъ Богомъ. Аще которая изъ насъ таковыхъ усерднолюбительныхъ чувствъ дотолико к тебе, духовному нашему отцу, или к сестрамъ не имѣетъ, что даже ниже Царствія Божія желати наследити единой безъ другихъ. Или которая изъ насъ, аще неоткровенна во всемъ будетъ тебе, или не восхощетъ всегда въ повиновеніи быти у тебе, и творити во всемъ по повелѣнію и совету твоему. Или восхощетъ оставить тебе, или отъ сестръ разлучитися безъ твоего согласія, тогда таковая яко неистинствующая и отпадшая, и поправшая сей заветъ нашъ предъ Богомъ содѣланной, да будетъ изглаждена изъ него, и лишена нашего съ нею союза. И прочее да не числится между нами въ нашемъ единомушномъ, вечномъ неразторжномъ о Христе содружестве, въ томъ и подписуемся.

Онисія Конюхово. Наталія Васильева. Евдокія Раманова.

Сего ради вообще о нашемъ завещаніи, ко Господу Богу, возвещаемъ взывающе сицѣ:

Боже и Господи всѣхъ, всякаго дыханія и души имый власть! Веси, яко со упованіемъ на Тя, и съ намереніемъ во благоугожденіе Тебе, тако сложилися во единомушное и вечностію неразрушимое содружество. Сего ради единомушно молимъ Тя: не посрами насъ, Боже! тако дружелюбне о имени Твоемъ сложившихся, но даждь намъ въ сходство завета нашего и по смерти нашей неразлучными быти единъ отъ другаго. Понеже уповая на Твою благостыню, милующую насъ, связахомъ самихъ себя таковымъ завещаніемъ и обещаніемъ. Дондеже не узримъ всехъ насъ четырехъ Твоею благостію и милосердіемъ прощенныхъ и помилованныхъ, то единому безъ другихъ не желати наследити вечное небесное блаженство, ниже внити во оное покоище, яже Ты, Господи, уготовалъ еси любящимъ и послужившимъ Тебе.

Во утвержденіе же сего нашего о Бозе духовного завета, и о непреложности нашей, и по смерти таковыми обрестися другъ ко другу, своеручно подписуемся:

азъ, грѣшной старѣцъ и другъ вашъ духовной, паче же недостойной рабъ вашъ именемъ Захаріи, зовомой Зосима, тако предъ

Ронмъ ѿца, н сѣна, н стаго дѣа аминь.

авъ грѣшной Марѣцъ зосима н яннуемой захаріи.
свѣдѣнствую ѿ себѣ предъ самимъ бгѣмъ, написавъ свое-
ручнѣмъ воутверженіе вамъ мои дѣовны сестра, ѿмисіи,
маталіи, н вадокіи.

аще не ѿ всего сѣна н дѣи мои ѿ безъ кѣа ѿсердѣ-
нью добоанко, то даже н въ царствіи бжїи немоу безъ-
васъ яннѣи. то даишнѣ будѣ ѿнаго воевнѣи.
второе, аще порочною, то естѣ нецеломудреною, н не-
чистою сердцею люблю васъ любовью. то даебѣ сама
возненавидѣнѣ ѿ бга.
третье, аще недорожѣ, ваше стѣненіе сномъ наравнѣ,
то даебѣтѣ низвѣдѣна во адѣ дѣи мои.
четвертое аще безблагословнымъ вникъ вослащѣ ѿпа-
внѣи васъ, нли несправдѣнѣ ѿподрѣнѣнѣ н ѿбѣнѣ дѣи-
васъ, то ѿ бга сѣ ѿставленѣ даебѣ.

Сице равно и мы нижеподписавшіяся твои дѣо-
вны дѣири, воутверженіе нашего вечностію связа-
ннаго дѣховнаго дѣжелюбіа съ тобою, н междѣ собою.
такѣ глѣмъ предѣ самимъ бгѣмъ. аще котораа изъ
насъ таковыхъ ѿсердечнолюбительныхъ чѣвствѣ, до тоголико
кѣтебѣ дѣховномъ нашемъ ѿцѣ, или к сестрамъ неимѣ-
етѣ, что даже ниже царствіа бжїа желати насле-
дити единой безъ дѣирихъ. или котораа изъ насъ, аще
не ѿкровенна во всемъ бѣдетѣ тебе. или невосхощѣи
всегда к повиновеніи быти чѣтебѣ, н творити во все-
мъ по повелѣнію н советѣ твоемъ. или восхощѣтѣ ѿ-
ставить тебе, или ѿ сестръ разлучитисѣ безъ твоего
согласіа, тогда таковаа ꙗко неистинствѣющаа, н ѿпа-
дѣшаа, н поправшаа сеи заветѣ нашѣ предъ бгѣмъ со-
дѣланной. да бѣдетѣ изглаждѣна изъ него, н лишѣна
нашего съ нею союза, н прочее да нечислитсѣ междѣ
нами,

«Заветное» письмо. Архив Троице-Одигитриевской
Зосимовой пустыни

Самимъ Богомъ безначальнымъ Отцемъ, и собезначальнымъ Его Единороднымъ Сыномъ, и Пресвятымъ и животворящимъ Духомъ, завѣщаю самага себе и обѣщаюся отъ души моя. Аще вы таковыми, якоже ныне, со мною и мѣжду собою въ дружелюбіи имаетеся и такожде, какъ нынѣ, покорны и послушны мнѣ будете, всегда и во всемъ чистосердечно въ точности откровенны, то аще сице пребудите во всю вашу жизнь, то ежели отъ Бога помилованъ буду, и сподоблюся участи угодившихъ Богу, тогда, ежели Богъ благоволитъ, непременно по сему завещанію поступлю и выполню. То есть: молити буду Бога, да первѣ васъ сподобитъ вечнаго блаженства, а потомъ да причтетъ и мене к вамъ.

Такожде и я, дочь твоя духовная Онисія, таковое обѣщаніе даю предъ Богомъ. Если ты, отче, и сестры, съ таковымъ духовнымъ о Христе дружелюбіемъ, якоже здѣ изображено, пребудите ко мне и между собою навсегда, то аще отъ Бога помилована буду и сподоблюся причтена быти ко святымъ, угодившимъ Богу, тогда, аще благоволитъ Богъ, то не иначе, но тако, якоже ты, отче, о себе изъяснилъ, сицѣ и я поступлю и выполню.

Равно и я, дочь твоя духовная Наталія, предъ Богомъ обещаюся въ точности тако выполнить, якоже сестра выше изъяснила.

Тоже и я, дочь твоя духовная Евдокія, не иначе, но въ точности тако, якоже и сестры написали, обещаюся предъ Богомъ поступити и выполнить.

1819 года февраля 2 дня.

[Резолюція епископа Михаила:] Несмотря на строгое запрещеніе Спасителя нашего (смотри Матф. Гл. 5-я, ст. 34, 35, 36, 37 и 38-й) о неупотребленіи клятвъ, не могу не удивляться сему клятвенному обѣту О. Зосимы съ сестрами, ибо вижу въ ономъ истинную христіанскую любовь и ревность, подобную Павловой, о которой пишется къ Рим., гл. 9-я, ст. 3.

Михаилъ, Епископъ Иркутскій.
2 Апреля 1819 года.

2

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Завѣщаніе о имени.

Возлюбленной нашъ о Бозе отецъ духовной Зосима!

Собственно именующійся Захарій!

Якоже мы самихъ себе предали Бога ради въ повиновеніе и вѣрили тебе пещыся о спасеніи душъ нашихъ, равно и о всехъ потребахъ для житія нашего, тако и все наше имѣніе, и всякое

Воймъ соца, и сва, и, стаго дѣла, аминь.

Завѣщаніе ѿнѣнїи.

возмуделкой немц о бозе оцъ духовной Восима!
содетверенно именующийся Захарий!

[illegible]

сестра твоя духовная Никитина Валентина

ДОУБ ТВОЯ АУХОВИДА ОННІА КОНЮХОВА

дочь твоя духовная Катерина Васильевна.

ДОЧЬ ТВОЯ ДУХОВНАЯ БЕДРОКІЯ РАДАННІЦА

[illegible]

*Завещание о имени. Архив Троице-Одигитриевской
Зосимовой пустыни*

нами приобитаемое, и насъ ради приходящее, тебе вѣверяемъ. Которое отнынѣ не признаемъ собственнымъ нашимъ, но да имеешы оное яко Богу посвященное. То есть: да почитается всехъ насъ общее, и нераздѣльное вкупѣ и съ теми, кои впредѣ будутъ съ нами жити въ согласіи дружелюбно. Съ которымъ ты поступай яко отъ Бога вѣвереннымъ тебе въ снабденіе нашему спасенію, во благоугожденіе Божіе. Въ томъ и подписуемся

сестра твоя духовная Настасія Василіева
дочь твоя духовная Онисія Конюхова
дочь твоя духовная Наталія Васильева
дочь твоя духовная Евдокія Раманава.

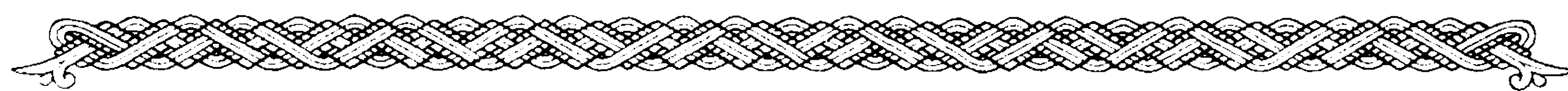
Такоже и азъ, духовной вашъ старецъ, Зосима, именуемой Захарій Верховской, все, что моимъ именуется, отнынѣ къ тому уже собственнымъ моимъ не признаю, но общее ваше и мое, вкупѣ и старецъ мой¹ да соучаствуетъ во ономъ. По смерти же моей да почитается ваше, трехъ моихъ духовныхъ дочерей, съ сестрою духовною Настасію и съ соживущими съ вами въ согласіи, и въ вашемъ повиновеніи, не оставляя и старца моего, и которую сестру общимъ судомъ изберете, та онымъ и да управляетъ по наставленію васъ четырехъ, духовныхъ тріехъ моихъ дочерей и сестры Настасіи, во всякихъ же разномнителныхъ и недоуменныхъ вещехъ и приключеніяхъ и потребахъ, да склоно и соделано будетъ по онѣму мненію, на яковое изъ васъ четырехъ двумъ дочеремъ будетъ угодно. По кончине же тріехъ, четвертая оставшаяся, и аще не будетъ при ней о Бозѣ сестръ соживущихъ, то да подщится все оставшее имущество сама раздати беднымъ и требующимъ на вспоможеніе.

Такождѣ по семъ обще заповедуемъ, съ намереніемъ во угожденіе Богу, да по кончинѣ коегождо насъ, никтоже изъ родственниковъ нашихъ да не касается къ нашему именію, ниже кто нагло отъяти и присвоити себе восхощетъ. Понеже Господу Богу есть посвящено, обещаніемъ въ раздаяніе беднымъ. Въ томъ и подписуемся

духовной вашъ старецъ Зосима, именуемой Захаръ Верховской
сестра твоя духовная Настасія Василіева
дочь твоя духовная Онисія Конюхова
дочь твоя духовная Наталія Васильева
дочь твоя духовная Евдокія Раманава.²

¹ То есть преподобный Василиск.

² На четвертой странице надписи коричневыми чернилами — рукой преподобного Зосимы: (скорописью) — *Заветъ отъ Иркутскаго архіерея и Рахили* (имя в рясофоре Наталии Васильевой); рядом рукой Анастасии Васильевой: *и писма и племянницъ*.

Письма епископа Михаила

Ниже публикуются сохранившиеся шесть писем епископа (с 1826 г. архиепископа) Иркутского Михаила (Бурдукова), к которому отец Зосима, глубоко его почитая, неоднократно обращался за советом духовного и практического характера. Переписка поддерживалась до самой кончины архипастыря († 1830). Владыка Михаил благосклонно отнесся к начинанию старца Зосимы — его духовному завету с сестрами, он продолжал поддерживать его и в последующие годы.

При епископе Михаиле началось апостольское служение другого светильника Русской Церкви — будущего митрополита Московского и Коломенского, просветителя Америки, равноапостольного Иннокентия (Вениаминова; † 1879). Именно епископ Михаил в 1823 году благословил молодого священника отправиться на остров Уналашку для проповеди Евангелия алеутам (см.: И. К. Смолич. История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1997. С. 252).

1

Преподобный Отецъ Зосима, Любезный о Христѣ Братъ!

Еще не успѣлъ я отвѣтствовать на писаніе Ваше отъ 27 Іюля, какъ получилъ отъ Васъ и другое сего Октября 17 дня. То и другое содержатъ въ себѣ такія извѣстія, кои пріятны не только слуху моему, но и сердцу. Да поможетъ Вамъ Пастырь и Поспѣшитель душъ нашихъ, Іисусъ Христосъ довести до спасенія всѣхъ, предавшихся и предающихся Духовно-Братственному Вашему водительство! — Хотя же въ первомъ письмѣ Вы требовали отъ меня нѣкоторыхъ совѣтовъ касательно монашества, но по всему вижу, что оныя Вамъ не нужны. Духъ, видѣнный въ Вашей книгѣ, духъ разума и благочестія, утвержденныхъ навыкомъ и опытностію, сей духъ единъ доволенъ Вамъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній и сомнѣній. Сочиненіе сіе Ваше, хотя не довольно много мною читанное, показалось мнѣ столь совершеннымъ въ своемъ родѣ, что я не усомнился бы подать свой голосъ о напечатаніи его. Съ прискорбіемъ духа расстаюсь съ онымъ, и посылаю его при семъ по желанію Вашему. Но буду съ радостію ожидать присылки другаго Вашего сочиненія, мнѣ обѣщаннаго, такъ какъ и благосклоннаго извѣстія о всемъ, случающемся

съ Вами. Всесильный да сохранитъ Васъ и братію Вашу отъ
всѣхъ навѣтъ вражіихъ, сего всеискреннѣ желаетъ Вамъ

Михаилъ, Епископъ Иркутскій
23 Окт. 1818 года. Иркутскъ.

2

Преподобный Отче Зосимо!

На любезное мнѣ писаніе Ваше отъ 23 д. Февраля не могу по
настоящимъ великимъ днямъ много писать Вамъ въ отвѣтъ,
развѣ только слѣдующее: — 1-е. Что я мыслю о Вашемъ Духов-
номъ Завѣтѣ съ сестрами, о томъ кратко написалъ на ономъ
мнѣніе мое, не для оужденія онаго (Боже сохрани меня отъ сего
зла!), но для увѣренія Васъ въ искренности моихъ чувствованій
въ разсужденіи Васъ. — 2-е. Согрешилъ я, признаюсь, противу
Вашей заповѣди о непоказываніи никому вышепомянутаго завѣ-
та. Ибо я давалъ оное для прочтенія вмѣстѣ съ Вашимъ пись-
момъ здѣшней Игуменіи Нимфодорѣ, бывшей Капитаншѣ Круг-
ловой. Плодъ отъ сего чтенія ея вышелъ тотъ одинъ, что обѣихъ
сестръ Вашихъ Наталію и Евдокію, она по догадкамъ считаетъ
себѣ родственницами. — 3-е. Чѣмъ лѣчитъ болящую Сестру Ва-
шу Евдокію, о томъ съ совѣту врачей, конечно, можно бы было
дать наставленіе, но судя по вѣрѣ ея и полному упованію на про-
мыслъ Божій, мнѣ лучше оставить ее на волю онаго. Пусть, по
Апостолу, внѣшній ея человѣкъ тлѣетъ, лишь бы внутренній об-
новлялся по вся дни¹. — 4-е. О будущемъ, преднамѣреваемомъ
Вами переѣздѣ въ здѣшнюю страну, или о временной только
поѣздкѣ Вашей сюда, Самъ Богъ подастъ Вамъ случай. — 5-е.
Отвѣты Ваши въ Барнаулъ благоразумны; но я люблю при вся-
комъ подобномъ случаѣ напоминать Христовы словеса: *бдите и*
*молитесь, да не внидете въ напасть*².

На конецъ, при наступленіи прерадостнаго дня Воскресенія
Христова, желая Вамъ съ Братією встрѣтить и препроводить
онъ въ духовной радости, имѣю пребыть съ братскою къ Вамъ
любовію вседоброжелательнѣйшимъ,

Михаилъ, Епископъ Иркутскій.
Апреля 1819 г. Иркутскъ.

¹ Ср.: 2 Кор. 4, 16.

² Мф. 26, 41. Неизвестны обстоятельства переписки отца Зосимы с Барна-
улом.

Христосъ воскресъ!

Не могу не сорадоваться Вамъ, Преподобный Отецъ Зосима! въ радости о благодатномъ обращеніи къ Вамъ сестръ, удалявшихся отъ Васъ на страну далече¹. Будемъ ежеминутно благодарить Господа Бога, что Онъ по дару Христа Своего не оставляетъ насъ въ путяхъ жизни нашея и спасенія Своего. Сердечно желаю Вамъ съ любезными о Христѣ сестрами подвизаться въ добръ начатыхъ Христіанскихъ подвигахъ до конца, во всякомъ мирѣ, единомысліи и братской любви. — За присланный образъ Божіей Матери, трудовъ Сестры Наталіи, усерднѣйше Васъ благодарю. Онъ такъ прекрасенъ, что счелъ за приличное подарить его здѣшней монахинѣ Иларіѣ. — На вопросы Ваши о разрѣшеніи и вязаніи братнихъ грѣхопаденій простцу², также о цѣлованіи сестръ на святую Пасху не нахожу дальней нужды отвѣтствовать, зная, что Вы довольны свѣдуци въ Божественныхъ писаніяхъ и имѣете въ себѣ Духъ Христовъ. Они научатъ Васъ и безъ меня всякой истинѣ и правдѣ³.

Прося святыхъ Вашихъ о мнѣ молитвъ и призывая на Васъ съ сестрами благословеніе Божіе, имѣю долгъ пребыть къ Вамъ съ Христіанскою любовію и братскою всеусерднымъ слугою

Михаиль, Епископъ Иркутскій.

7 Апреля 1820 г. Иркутскъ⁴.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Возлюбленнейшій нашъ о Христѣ духовный отецъ! и владыка святой Михаилъ!

Если Богу тако изволися, да Ваше святителское благоволеніе со именѣмъ Вашимъ, паче же самихъ Васъ подписаніемъ Вашимъ обдержимъ посредственникомъ и свидетелемъ нашего о Господѣ дружелюбнаго неразлучнаго вѣчнаго Завещанія, то уже яко отца духовнаго Васъ имуще между себе, съ истинною нашею отъ всего сердца усердною приверженностію къ Вамъ просимъ Васъ: да всегда будите о насъ ходатай ко Господу Богу, еже бы

¹ Ср.: Житие и подвиги... Ч. 1. С. 107–108.

² Здесь: не имеющему священническаго сана.

³ Ср.: Ин. 16, 13.

⁴ Верх листа, на котором написано это письмо, оторван. На обороте письмо преподобного Зосимы, от которого сохранилась подпись и дата: *1820 марта 1 числа*, а также письмо сестер — рукой Натальи Васильевой, скорописью, подписи — автографы сестер.

Преподобнѣйшій Отецъ Зосима!

На свѣтѣе помяну Васе ко мнѣ отъ в.
Авдеева, извѣстнаго, отъвѣщающаго такъ оудо
за немощнаго мнен. Она и теперь продолжаетъ
и, и по тому мною столько сдается, да въ в
остатокъ крестовыхъ словъ. — Я имѣю благодар
Гвотого Намеи Рисуа Архима, да даю Васъ
попомню свои поучения въ Намеи Корамени
Туринскій монастырь. Тогда въ осиротѣн
нѣхъ Васъ помяну, въ вѣнчаніи и вѣнчан
пѣвѣ, смущаясь и въ крестовыхъ рожу бѣдѣ,
и въ активахъ неготовившихъ. Ибо я уверяю, что
Ваше каменіе и предвѣдѣніе о устарѣвшемъ
дѣлѣ Намеи монастыря не могло быть, бѣдѣ
и бѣдѣ. Оно и благовѣстна отъ Бога.

О селѣ молю, имѣю крестъ, въ иномъ
помяну помяну и братскимъ любовью пребыть

Ваше Преподобіе.

отъвѣщающій мнѣ

Михаилъ, Васильевъ Крестовикъ.

10. Сентября 1821 г.
Иркутскъ.

Письмо епископа Иркутскаго Михаила (Бурдукова)
старцу Зосиме. Архив Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни

даровалъ намъ Своею благостію Ему благоугодно послужити. — И намъ до гроба нашего и по смерти нашей таковыми другъ ко другу обрестися, якоже со упованіемъ вознадеявшеся на милосердіе Божіе, самихъ себя духовнымъ нашимъ Заветомъ связахомъ, его же святителская Ваша рука засвидетельствовала предъ всевидящимъ окомъ Божіимъ. И ныне просимъ оною святейшею своею десницею благословить насъ усерднымъ духомъ къ Вамъ пламенеющихъ Вашихъ чадъ духовныхъ и всепреданнейшихъ

грешной недостойной Зосима именуемой
Захаръ Верховской
Настасія Васильева, Наталья Васильева
Онисія Конюхова, Евдокія Раманова.

4

Преподобнѣйшій Отецъ Зосима!

На святое посланіе Ваше ко мнѣ отъ 6 Августа, извините, отвѣтствую такъ поздно за немощію моею. Она и теперь продолжается, и потому могу только сказать Вамъ въ отвѣтъ нѣсколько словъ. — Я молю благодать Господа Нашего Иисуса Христа, да дастъ Вамъ помощь Свою получить въ Ваше управленіе Туринскій Монастырь. Тогда всѣ оскорбляющія Васъ нынѣ, всѣ высокумыи и вспылчивыя, смирятся подъ крѣпкую руку Божію, яко агницы незлобивыя¹. Ибо я увѣренъ, что Ваше намѣреніе и предпріятіе о устроеніи Дѣвичьяго Монастыря не могло быть безъ воли Божіей. Оно и благословится отъ Бога.

О семъ моляся, имѣю честь съ истиннымъ почтеніемъ и братскою любовію пребыть Вашего Преподобія покорнѣйшій слуга

Михаилъ, Епископъ Иркутскій.
10. Сентября 1821 г. Иркутскъ.

5

Преподобнѣйшій Отче Зосимо!

На Боголюбезное Посланіе Ваше отъ 3-го дня Декабря спѣшу отвѣтствовать Вашему Преподобію; но не иначе, какъ кратко, по моему обыкновенію и потому еще, что истинно боюсь вмѣшиваться въ Ваше дѣло особеннаго рода и требующее высшаго, нежели мой, ума. Особливо же видя изъ приложенной при ономъ копіи съ прошенія Вашего въ С<вятѣйшій> П<равительству-
ющій> Синодъ² безвинную Вашу скорбь и надежду получить отъ

¹ Речь идет, по всей вероятности, об Анастасии и Наталии Васильевых.

² Осенью 1823 г. мать и дочь Васильевы составили тайный донос Тоболь-

него довольное рѣшеніе онаго и для Васъ самихъ утѣшеніе желанное, считаю излишнимъ давать совѣты совѣщающемуся съ источникомъ совѣта и разума, по Богъ непосредственнымъ. Однако жъ, чтобъ не оставить Васъ безъ утѣшенія и съ моей стороны, то, въ ожиданіи утѣшенія отъ Первенствующихъ Святыхъ, скажу въ отвѣтъ на главной Вашъ вопросъ слѣдующее: ежели Тобольскій Владыка разрѣшилъ Вашихъ Духовныхъ дѣтей, Васильевыхъ, отъ повиновенія Вамъ какъ ихъ Отцу, то совершенно Вы свободны отъ отвѣтственности предъ Богомъ, лишь бы не перестали молиться Его Благости о обращеніи ихъ на путь правый¹. Вѣрьте, что онѣ или обратятся на оный путь, или Самъ Богъ покажетъ явное знаменіе къ наказанію неправыхъ и къ прославленію дѣйствующихъ къ славу Его.

Душевно я радъ, что Вы соединены нынѣ съ родными своими по плоти въ Духовномъ Вашемъ общежитіи. Писавшая Ваше посланіе способна бы была сама быть секретаремъ, но презрѣвшая съ сестрою своею секретарство и все мірское, конечно, утѣшаетъ Вашу душу радостію препрославленной². Чего желая Вамъ, прошу засвидѣтельствовать имъ отъ меня пріискреннѣе желаніе мое имъ отъ Іисуса Христа, Подвигоположника, пренебесныхъ благъ за добрые ихъ подвиги. Призывая на Васъ благословеніе Божіе, имѣю честь съ христіанскою любовію пребыть Вамъ вседоброжелательнымъ

Михаилъ, Епископъ Иркутскій.
22. Декабря 1823 г. Иркутскъ.

скому архиерею, в котором содержались необоснованные обвинения в адрес преподобного Зосимы, требование удалить его из монастыря и поставить игуменію (имелось в виду — Анастасію Васильеву). По обнаружении этого поступка Васильевы продолжали упорствовать, угрожали старцу и стали причиной многих нестроений в обители. «Тогда отец Зосима написал два прошения почти одинакового содержания: одно к Тобольскому Преосвященному, другое в Святейший Синод. В том и другом он просил увольнения от должности попечителя и свободы возвратиться в пустыню. Если же не соизволят на его увольнение, то просил удалить из обители возмущающих спокойствие оной и препятствующих завести образ жизни по общежительным правилам Василия Великого» — Житие и подвиги... Ч. 1. С. 136–140.

¹ После того, как козни Васильевых были обнаружены, они уехали в Тобольск и добились у местного архиерея пострига в рясофор. Преподобному Зосиме они привезли «письмо от владыки, в коем владыка приказывает старцу-попечителю принять их благосклонно, дать им <...> свободу жизни и всякое спокойствие. Отец Зосима со смирением все исполнил, но скорбел душою, что так предупредили они против него архипастыря». — Житие и подвиги... Ч. 1. С. 138–139.

² Речь идет о Вере Верховской, племяннице старца Зосимы, ставшей впоследствии игуменіей Троице-Одигитриевской пустыни.

Высокопреподобный Отецъ Зосимо,
Почтенный о Иисусъ Христъ Братъ!

Писаніе Ваше отъ 11 д. Апрѣля я получилъ съ удивленіемъ, горестію и смущеніемъ. Всѣ сіи чувства, конечно, произошли во мнѣ отъ обыкновенной слабости, сродной человѣчеству. Ибо я, бранный, при семъ случаѣ разсуждалъ: можно ли было думать, чтобы доброе основаніе Богоугоднаго дѣла, съ чистѣйшимъ расположеніемъ къ распространенію славы Божіей предпринятаго, не воспріяло добраго успѣха и не достигло добраго конца? Какъ суетна надежда наша на князи и на сыны человѣческія¹, изъ коихъ и малые и великіе, и хранители и исполнители правосудія самой законъ святѣйшій превращаютъ въ орудіе зла и притѣсненій себѣ подобнаго²? Кто, кроме Всесильнаго Бога, можетъ подкрѣпить бѣднаго человѣка, когда онъ изнемогаетъ подъ бременемъ креста и непредвидѣнныхъ искушеній? — Сіи и подобныя мысли, тяготившія меня при чтеніи Вашего письма, и теперь бродятъ въ моей головѣ. Но перечитывая его и находя, что все случившееся съ Вами, и непріятное и несправедливое и жестокое, Вы имѣете духъ переносить съ терпѣніемъ, стыжусь моей слабости, и благодарю Спасителя Бога, что примѣръ Вашъ убѣждаетъ и меня къ терпѣнію. Буди слава Ему Единому и за добро, которое иногда содѣлываемъ мы при благодати Его, и за зло, которое переносимъ по воли Его. То и другое да руководствуетъ къ Богоподобному совершенству и къ достиженію вѣчнаго блаженства, вотъ чего единаго желаю Вамъ и себѣ! Больше сего въ утѣшеніе Ваше и свое не могу теперь сказать ни слова.

Благодарю Вашихъ племянницъ за чистописаніе, которое слабымъ моимъ очамъ помогло легко прочесть Ваши мысли, а паче за соучастіе ихъ въ страданіяхъ и искушеніяхъ Вашихъ. Вы меня снова одолжите, если при случаѣ увѣдомите, куда Вы съ ними обратитесь для жительства и пр.

Дай Богъ дождаться Вамъ новаго Пастыря въ Tobольскѣ. Только не меня. Я уже старъ для сего града, въ которомъ гонятъ и святыхъ.

¹ Ср.: Пс. 145, 3.

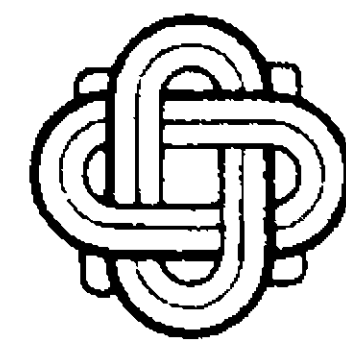
² После кончины в феврале 1825 г. архиепископа Tobольскаго Амвросія (Рождественскаго) старецъ Зосима, находившійся в то время в Tobольске в ожидании решения Синода по своему делу, снова подвергся притесненіям со стороны своих недоброжелателей: старшаго члена консисторіи, мѣстнаго прокурора и др. Гонение прекратилось только после вмѣшательства светскихъ властей. См.: Житіе и подвиги... Ч. 1. С. 165–169.

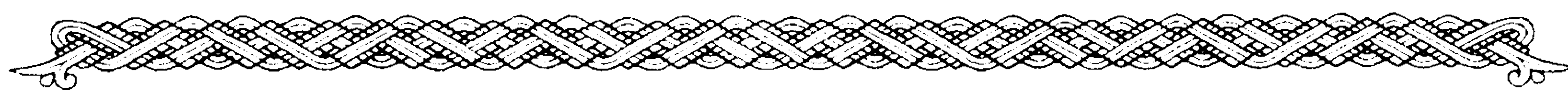
Въ Бозѣ почившаго Брата нашего Василиска я долженъ помянуть въ моихъ молитвахъ, а Васъ прошу иногда помолиться о недавно умершемъ рабѣ Божіи Алѣксѣѣ, ближайшемъ моемъ родственникѣ.

На конецъ призывая на Васъ со всѣми святыми женами, сущими при Васъ, благословеніе Божіе, имѣю честь съ христіанскою любовію пребыть

Вашего Высокопреподобія Почтеннаго о Іисусѣ Христѣ Брата всеусердный слуга

Михаилъ, Епископъ Иркутскій.
2 Маія 1825 г. Иркутскъ.

Письма сестер

В 1821 году по благословению архиепископа Тобольского Амвросия (Келембета; † 1825; на кафедре в 1806–1822 гг.) преподобный Зосима предпринимает свое первое по выходе из пустыни путешествие в Петербург. Его целью было добиться в Святейшем Синоде указа о возобновлении Туринского монастыря¹. С собой он вез письмо сестер, написанное «на уверение Святейшего Синода» в их твердом желании быть под руководством старца и иметь его попечителем организуемой обители². В марте следующего 1822 года отец Зосима находился в Петербурге, где встречался с членами Синода и министром духовных дел князем А. Н. Голицыным³. Двое из членов Синода послали сестрам свое письменное благословение⁴.

Ко времени этой поездки относятся второе письмо сестер⁵, письмо первой ученицы старца Анисьи Конюховой и первое письмо Евдокии Романовой. Очевидно, они были написаны в ответ на неизвестное нам послание отца Зосимы, в котором он еще раз спрашивал сестер, уверены ли они в своем решении жить в монастыре под его попечением.

На следующий год преподобный Зосима предпринял новое путешествие в европейскую Россию. Нужно было посетить Петербург, где предстояло представить в Синод устав новой обители, испросить возвращение монастырю ранее принадлежавших ему земель, а также собрать средства на восстановление монастыря. Кроме того, старец предполагал посетить Смоленскую губернию, свою родину, и увидеться с родными, связь с которыми была прервана около 30 лет⁶. Ко времени этого путешествия относится второе письмо Евдокии Романовой, третьей ученицы старца⁷.

¹ Житие и подвиги... Ч. 1. С. 110–114.

² Подобное письмо ранее старец представил архиепископу Амвросию. См.: Житие блаженного старца Василиска, писанное учеником его Зосимою Верховским. С. 153–154 настоящего издания.

³ Там же.

⁴ Подписи сестер и приписки архиереев — автографы.

⁵ Письмо написано рукой Евдокии Романовой. Подписи сестер — автографы. Сохранился черновик этого письма. На нем отчетливо видны водяные пятна (текст обходит одно из них). По предположению монахини Игнатии, это слезы сестер. См.: Монахиня Игнатия. Старчество на Руси. С. 105. На первой странице чистовика в верхнем левом углу синим карандашом — помета преподобномученика Игнатия (Лебедева): обѣщаніе завѣта сестеръ.

⁶ Житие и подвиги... Ч. 1. С. 115–117.

⁷ Подробнее о его датировке см.: Беглов А. «Вечностию неразрушимое содружество». С. 225.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь!
Отъ духовныхъ дочерей старцу Зосиме, именуемому Захарію.

Сіе еще тебе отцу нашему аки вновь написахомъ и вручихомъ на увереніе Святейшаго Синода святителемъ Христовымъ, что мы не отъмещемся отъ тебе, но желаемъ пребыти къ тебе такими и поступати тако, якоже въ прежнемъ нашемъ завещаніи¹ изъявлено предъ Господемъ Богомъ, а посему некоторой начальнице, дондеже ты въ живыхъ, въ полное повиновеніе отдатися мы не склонны, и никакой монастырь, ниже иное какое место можетъ насъ умиротворить, лишася твоего духовнаго наставленія и попеченія, яковое ты обещался предъ Богомъ и ныне являеши намъ, разве точію святителіе Святейшаго Синода рекуть, яко есть богопротивно таковое наше къ тебе, а твое къ намъ обязательство о Христе, и иже бы намъ твоимъ наставленіемъ спасатися. Но тогда будемъ мы неповинны, ибо оне Богу отвѣщаютъ, аще по ихъ повеленію разлучася съ тобою последуетъ потеря нашему спасенію, ибо ныне ради нашего преданія и послушанія къ тебе, по глаголу святаго Іоанна Лествичника, ты бы былъ судимъ за наше спасеніе².

Сестра твоя духовная Настасья Васильева
предавшіяся тебе въ повиновеніе дочери твои духовныя
Наталья Васильева, Евдокія Раманова, Онисія Конюхова
и мы, новоначальныя дочери твои духовныя
Елена Кораблева, Зиновія Шебалина, Настасія Костромина.

[Приписки архиереев:] Собраннымъ о Господѣ Сестрамъ и Богомолицамъ посылаю благословеніе Господне, и прошу о не забвеніи въ молитвахъ.

Смиранный и грѣшный Иона Архіепіскопъ Тверскій³
Марта 13, 1822.

Благословеніе мое посылаю. Варлаамъ Митрополитъ.⁴

¹ То есть в первом «заветном» письме.

² Ср.: «Кто в повиновении отцу своему приобрел совершенно чистую совесть, тот уже не боится смерти, но ожидает ее ежедневно, как сна, или, лучше сказать, как жизни, достоверно зная, что во время исхода души не от него, но от наставника потребуется ответ». — Цит. по: Преподобного отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Слово 4, 50. Сергиев Посад, 1908. С. 40. Преподобный Зосима и его ученицы читали «Лествицу» в славянском переводе, возможно, в издании: Лествица. Варшава, 1785. Л. 64 об.

³ Архиепископ Иона (Павинский; † 1828) занимал Тверскую кафедру в 1821–1826 гг.

⁴ Митрополит Варлаам (Эристов; † 1830), бывший митрополит Мцхетский, Тифлиссский и Карталинский, экзарх Грузии, в 1817 г. был уволен от управления и введен в Святейший Синод.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Чеснейшіи отче Созимо, благослови.

Поверьгаемъ мы себя съ помощію Божіею, со упованіемъ на общею помощдніцу Царіцу Небесную совершить начинаемое нами¹. Во пѣрвыхъ, за любовь сладѣчайшаго нашего Іисуса, во вторыхъ, за безъчисленныя нами согрѣшенія лежимъ у чесныхъ и многотружденныхъ отеческихъ ногъ. Пріими насъ въ свое наставленія и отеческое распорѣженія, мы просимъ и заклінаемъ Самой Матерью Божіею, чтобъ не совершалася ні единая наша воля, яже зла есть и непотребна, зтена² и предградіе Самому Создателю, поступай съ нами, какъ требуется отъ совершенныхъ послушніцъ, ни въ чемъ ни щеди насъ, изътребляй, изъкореняй все страсти смердящія, которыя отлучаютъ насъ отъ любви сладѣчайшаго Іисуса, ради Которого мы оставили всю радость міра сего, а болше всего родныхъ своихъ, умерли міру, желаемъ умереть и воли своей, желаемъ и скорбимъ, какіми бы судьбами пожить во угодность пресладѣчайшему Іисусу: но три года живучи³, ни единой добродетели не совершилася. Прогневляли Создавшего, оскорбляли, огорчали каждой часъ и минуту твою святыню. Чемъ будемъ платить, чеснейшіи отче, твоему незлобію, терпенію, не знаемъ, просимъ истинного прощенія, проклинаемъ и заклінаемъ свою волю и свое пагубное разсужденіе, съ сего времени желаемъ и просимъ и молимъ его верховное⁴ существо, что пріимать исъ устъ твоихъ, какъ отъ Самаго Господа, чтобъ болше сихъ словъ тебе отъ насъ скарѣдныхъ не слышать, какъ то: прости, благослови и не знаемъ; желаемъ быть такіми до гроба нашего.

Гнуснейшея всехъ тварей и грешнейшая, недостойная раба и, если не отвергнешь, дочь твоя духовная Анисія

¹ Имеется в виду, очевидно, начало монастырской жизни, которое должно было произойти по возвращении преподобного Зосимы.

² Стена.

³ Начало общежития преподобного Зосимы мы относим ко второй половине 1818 г. (см.: *Беглов А.* «Вечностию неразрушимое содружество»). Следовательно, это письмо было написано не ранее осени 1821 г. Однако особенности бумаги сближают его с письмом Евдокии Романовой 1823 г. (см. ниже) и, напротив, существенно отличают от первого письма сестер. Это означает, что 1-е и 2-е письма сестер не были написаны одновременно. Скорее всего, автор 2-го письма отсчитывал начало общежития с момента заключения «завета». Таким образом, оно было написано в начале 1822 г., когда преподобный Зосима был уже в Петербурге.

⁴ Верховное.

Гнуснейшая самихъ бесовъ, недостойная быть и рабою твоею!

Наталія¹

Меръская и гнусная Евдокія не смею дочірюю наречися;
ежели по своему отеческому милосердію
не отринешь, поверьгаюся подножіе на веки.

3

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Боголюбнейшей и Богомъ избраной преподобной честный отецъ Засима, благослови. Припадаю къ твоей благостыне и къ честнымъ стопамъ твоимъ, прошу приятнаго твоего отеческаго благословения и во всехъ моихъ согрешенияхъ прощение и не забуди меня грѣшную во святыхъ молитвахъ и отъ всея души моя тебе земно кланеюсь, спаси тебя Господи и помилуй, боголюбнейшей и дражайшей отче святой, за твою богоприятную ко мне отеческую любовь и милосердіе и за усердное твое старание и труды и попечение о спасение, о душахъ нашихъ грѣшныхъ. За все тебя, Господи, вознагради въ будущемъ. Любезнейшей отче святой, ты спрашиваешь о истинномъ къ тебе о Бозе усердіи²; прости Господа ради, я тебе не умею грѣшная изъяснить мое къ тебе о Бозе усердіе и любовь; за Божию помощію люблю и почитаю наипаче родшаго отца, Господь видѣтъ, что мне не нужна и обитель безъ тебя; я за Божию помощію желаю быть подъ твоимъ покровѣтельствомъ да гроба моего со упованіемъ на Божию помощію твоими святыми молитвами въ неразсудномъ послушаніи за любовь Божию. Господь сказалъ: не творю волю Свою, но волю пославшаго Мя Отца³. Прости Бога ради, отче святой, меня грѣшную и недостойную, благослови, моли Бога о мне грѣшной; цалую о Господь следы твои. Дочь твоя духовная и раба и послушница усердная

Анисія Конюхова.

Сестра Настасія⁴ тебе земна и усердна кланеца и проситъ благословение и святыхъ твоихъ молитвъ; за Божию помощію твоими

¹ В черновом варианте письма отсутствует подпись Анисьи Конюховой и есть (по правому полю) вторая подпись Натальи Васильевой: Гнуснейшая самихъ бесовъ, недостойная быть и рабою твоею, честнейшей отецъ Зосима! съ помощію Божіею жалающая подражать святымъ сестрамъ въ ихъ начинаніи; много-окаянная, Наталія.

² Это место позволяет предполагать, что 2-е и 3-е письма сестер были ответом на неизвестное нам послание преподобного Зосимы.

³ Ср.: Ин. 6, 38.

⁴ Имеется в виду Анастасия Николаевна Васильева, мать Наталии Васильевой.

молітвами жадаєть быць на всю жізнъ твоей дочерію духовною и послушніцаю усерднаю, ана тебя любіть и почитаєть паче родшего отца и матери.

4

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Чеснейшіи боголюбезнейшіи отче Зосима, пріпадаю къ многотруднымъ стопамъ твоимъ, благослови. Самъ ты знаєшь, дражайший отче, что я многократно яко отцу родьшому и отцелюбивому о Христе тебе предалася, и уповаю на твою жаласлевейшую душу, искоренішъ и спотребішъ мои послушніческія недостатки, а своими святыми молитвами неисчерпаемую глубіну милосердіе Божіе умиливишъ, меня недостойную вчиніть истинныхъ послушницъ, а я окаянейшея жадаю и молю, положить начало благое во угожденіе сладчайшему Іисусу послужить, и твою успокоить много крушительную душу, впродчемъ прости меня, препочтенейшіи отче, не стараюся много оказывать искренности на бумаге, а жадаю и молю сколько силъ моихъ есть Споручницу нашу, Царіцу Небесную, совершить подвижъ искреней послушницы. Съ симъ желаніємъ лежу у ногъ твоихъ чесныхъ, благослови, огради своими заочными молитвами. Остаюся много премногогрѣшная, ежели не выключишъ за достоинство мое, дочь твоя духовная

Евдокія Романава.

5

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Чеснейшіи отче Созимо, благослови.

Пріпадаю къ чеснымъ стопамъ твоимъ, открываю искренность сердца моего предъ Всевидѣщимъ Окомъ, предъ слачайшимъ Іисусомъ, поистине, чеснейшіи отче, о Бозѣ я тебя люблю и жадаю о имени сладчайшаго Іисуса моего и впредъ тебя любить всемъ моимъ сердцемъ, всею моею душею, и я желала бы симъ временемъ вознаградить все то время, когда я тебя огорчала, возрадить тѣ злополучныя дни, когда я, окоянная, по неразсужденію своему тебя прогневляла, почто все дни моей жизни не были таковы, какъ нынѣ, непрестанно существовала бы въ небе и въ продолженіи всей моей жизни, симъ единымъ словомъ прошу Создателя моего: О Боже мой, я жадаю любить того тоюже любовію, какую Ты его любишь за то самое, что онъ къ Тебе меня окаянную привлекаєть и поочряєть на Твои святыи заповѣди, за сие самое не знаю, какъ нареци тебя по духу отцемъ и настав-

никомъ, болше сего чувствую въ сердце моемъ, по плоти родшимъ отцемъ, сего еще большее чувствую въ сердце моемъ, не могу изъяснить, только представляю себе обладателя по Бозъ всей моей жизни и будущего блаженства; въ твоихъ рукахъ полагаю смерть и животъ. О несказанное щедротъ и глубина милосердіе Божіа! Въ мерское и скарённое мое сердце такая лучъ духовной о Бозъ любви, дражайшіи отче, къ тебѣ коснулася, въ теперешныхъ мысляхъ — паки Создатель мой отъ меня не отступится и до веку желаю быть таковая симъ усердіемъ, не вись бы какое злостраданіе или злосключеніе не было,

только быть съ тобою въ одномъ месте и наслаждаться отъ тебя духовной беседой и пріимать твои глаголы, какъ отъ Самаго Спасителя міра, я сіе понимаю и благодарю Создателя моего. О Боже мой, Спаситель мой, верховный Благодетель мой: все побудительныя причины обязываютъ меня ко святому пребыванію, къ истинному послушанію; сими словами молю Его благостыню: просвети меня въ моихъ начатыхъ предпріятіяхъ, Ты ущедри меня великими Твоими милосердіями. Я, съ моей стороны, ничего такъ не желаю, какъ привергнуться къ Тебѣ навѣки, и употребить къ тому все средства, которыя зависѣтъ будутъ отъ меня, отъ моей верности, отъ моихъ попеченій, отъ моихъ неусыпныхъ стараній. Вотъ каковыя я наипаче вознамеряюсь пріять, и посвятить должной моей къ Тебѣ благодарности, просвети меня въ моихъ предпріятіяхъ, подкрѣпи меня въ моихъ рѣшеніяхъ. А тебѣ, чеснейшій отче, еще осмеливаюсь открыть тебѣ, родшему отцу и попечителю моего спасенія, какъ тебѣ за благо окажется и какъ въ тебе Святой Духъ прісудствовать будетъ, а я свои чувства открываю тебѣ. Желаю выключена быть изъ числа старшихъ, не достойна сего званія быть себя вмѣняю, зо упованіемъ на Божію помощь да на твои святыи молитвы, желаю быть по-

Карандашный портрет старца Зосимы, сделанный одной из сестер

следнейшей всѣхъ во святой сей обители, а определена въ числе работницъ монастырскихъ, а что заключается до нашего вѣчнаго завѣта онъ, кажется, симъ не нарушится. Ежели пресладчайшій мой Іисусе не отврати лица Своего отъ меня мерской, то и съ сего завѣту не изгладитъ меня за сіе, и отъ тебя, старца моего, за твои святыи молитвы да по милосердію Своему не отлучитъ въ будущемъ меня отъ тебя, что я была работницею монастырскою. А я себя, по своему окаянству и пренаполненою всеми ядовитыми страстями, не имевши смиренія, можетъ симъ не смирюся ли и не приведу ли себя во смиреніе. Да и оказалъ намъ преподобный Исидоръ: сначала не съ любовію несъ сей подвигъ, но потомъ получилъ истинное смиренія¹. Хотя я червь и пепель супреть сего угодника Божія, но толко не знаю, чемъ получить смиренія и пожить во угожденія Создавшему насъ. Хотя я немочнейшая и слобейшая, а желаю быть таковая. Съ симъ желаніемъ прости меня, всечестнейшій отче, что я предлагаю сіе. Не подумай, что было изъ какой-нибудь фальши, но самою порукою постовляю Царіцу Небесную, что истинно желаю сего, съ симъ желаніемъ отдаюся въ полную святую волю твою. Честнейшій отче, что касается по раслученіи тебе отъ насъ, не могу изъчислить согрѣшеніи моихъ, приношу раскаянія, прошу во всѣхъ прощенія. Еще истинного прощеніе прошу за сіе: безъ тебя, путевода моего, много вольничала, сама себе посты и поклоны определяла. Искренно прошу за сіе прощенія, лежу у ногъ святыхъ твоихъ, помоги мне своими святыми молитвами исполнить мою обязанность въ сходства Святаго Евангелія къ твоему преподобію. Ежели не отринешь, дочь твоя духовная многогрешная

Евдокія.

Честнейшій отче, еще повторяю, открываю все мое тревожащее и нетвердое сердце въ разсужденіи теперешнего моего спокойнаго духу, но чтобъ впредь быть непоколебимой сими словами, подкрепляю и подтверждаю сама събе. Вкорені во мнѣ, о Боже мой! о Боже Святыи! спасительный страхъ воспріими, о душе моя! воспріими нынѣ достохвальное и твердое намѣреніе быть столько попечительною, сколько была ты нерадивою и къ честнейшему отцу моему не уважительною, быть же уважительнейшію, ополчись бодростію противъ твоея боязливости, противъ гласовъ твоего самолюбія, быть истинной и совершенной послушницею, не имѣть ни въ чемъ своей воли и желанія, подражай симъ великимъ душамъ, которыя ревностно уловляютъ все случаи къ преуспѣянію въ путяхъ Божіихъ: сими словами про-

¹ Имеется в виду подвижник, упомянутый в «Лестнице» (Слово 4, 23–24).

шу, Боже мой, Спаситель мой и Отецъ мой, я отдаю себѣ во всѣмъ въ Твою волю, то есть въ нѣдро преизящной Твоей благодати, я знаю, что Ты безконечно премудръ, и Тебѣ извѣстно все, что на пользу; безконечно благъ и желаешь только добраго; утверди меня къ дражайшему отцу моему быть совершенною евангелскою во всѣмъ послушницею. Пріпадаю къ стопамъ твоимъ, чеснейшій отче, прошу прощенія, что я, окаянная, не могу выполнять твоей данной заповеди питатися уставомъ святаго Калліста, но всегда побѣждаюся чревомъ. По сему окаянству моему, хотя мало вкушу сладосныхъ брашенъ, не могу воздержатися от нихъ, сіе способнейшее для меня, окаянейшей, есть одинъ глебъ¹ одинъ разъ въ судки². Какую мѣру самъ назначишь за Божіею помощію, той буду довольна, желаю за любовь сладчайшаго Іисуса симъ питатися; какъ тебѣ, чеснейшій отче, за благо будетъ, такъ и определи меня. Я, какъ отъ Самаго Спасителя, прійму сіе, съ симъ желаніемъ лежу у ногъ твоихъ, прошу навеки благословенія.

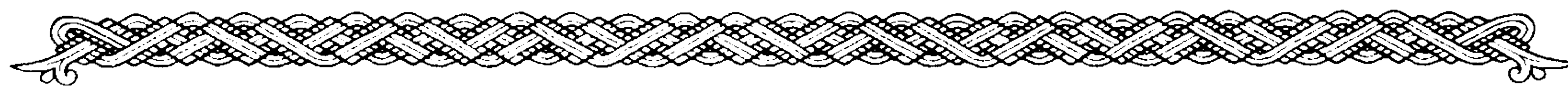
Многогрешная Евдокія

Еще, чеснейшій отче, съ великою съ горестію сіе открываю: въ праздничныя дни со сладостію все вкушаю, а болше всего за сие обличаюся горькими слезами, что Создателя моего прогневляю и тебя, дражайшій отче, огорчаю, услаждаюся какой ненаеь травой вареной. Помолися, чеснейшій отче, о мнѣ, когда бы могла подражать тебѣ симъ, чтобы не вкушать никогда сіе, не услаждаться въ семъ свѣте ничемъ.

¹ хлеб.

² сутки.

Письмо рясофорной монахини Августы (Анастасии Васильевой)

Туринскому монастырю не суждено было стать местом постоянных иноческих трудов преподобного Зосимы и его братства. Интриги против старца, начатые матерью и дочерью Васильевыми, стали причиной тяжелых нестроений в обители и переезда преподобного с верными ему сестрами в Москву¹.

До нас дошло свидетельство «начала смущений» — письмо старшей Васильевой (автограф, публикуется впервые), адресованное, скорее всего, ее родственнику, тобольскому прокурору², в котором она просит его написать от лица ее и дочери прошение тобольскому архиепископу о назначении в монастырь игумении. Это противоречило указу Синода 1823 года, согласно которому Туринский монастырь был вверен отцу Зосиме «в непосредственное заведование и попечение». Его вниманию было «поручено избрание начальниц из среды сестр Туринского монастыря; а до времени, пока окажется на сие способная, править должности настоятельницы по очереди старшим сестрам, выбор коих и смена их зависит от усмотрения старца-попечителя»³.

В публикуемом письме Анастасия Васильева подписывается именем, данным ей в рясофоре. Следовательно, оно было написано по возвращении Васильевых в ноябре 1823 года из Тобольска, где они были пострижены в рясофор, в Туринск⁴. Поскольку, как следует из письма, преподобный Зосима в момент его написания еще исполнял обязанности попечителя, оно было написано не позднее сентября-октября 1824 года, когда в монастырь прибыла епархиальная Комиссия и старец был отстранен от этих обязанностей⁵. По всей видимости, именно это письмо сопровождало чистый лист бумаги с подписями матери и дочери Васильевых, на котором их родственник (прокурор Р...) должен был написать прошение к Владыке. Письмо и этот лист вернули в обитель и передали отцу Зосиме сестры: они узнали о поручении отвезти пакет в Тобольск, но испугались такого нарушения устава⁶.

¹ См.: Житие и подвиги... Ч. 1. С. 136–169.

² Там же. С. 137, 157, 167.

³ Там же. С. 125.

⁴ Там же. С. 138; *Беглов А.* «Вечностью неразрушимое содружество».

⁵ Житие и подвиги... Ч. 1. С. 146. Ср.: там же. С. 144.

⁶ Там же. С. 136.

Любезной и родной друкъ
Гаврило Васильевичъ и Овдотья Семеновна!

Ты мне обещалъ быть ходатаемъ къ Преосвященному Владыке. Покорно прошу тебе, друкъ родной, насъ сиротъ не оставить, мы на тебя полагаемъ надежду, за что тебе Самъ Богъ заплатитъ, да и мы постараемся. Наталья не хотела взять должности начальницы, но нужда принудила взять. Наставникъ нашъ хотель поставить Власову сумошечую. Я думаю, въ Tobолске многия слышали о ея поведени, какъ она была въ Ирбите¹. Она не умеетъ молитвы прочитатъ, а Зосима говоритъ, мне такая и надобно. Теперь я прошу Владыку светаго, чтобы онъ намъ непременно пожаловалъ игуменью изъ какова монастыря постоянную и добрую, а то жалко, что у насъ началство самое дурное, а приходятъ многия въ монастырь. Старецъ хлопочетъ, и памяти у него нету, и успеху ни въ чемъ не видно, и лехковеренъ: хто прежде сказалъ, тотъ и правъ. Игуменью онъ не хочетъ потому, чтобы быть самовласнымъ. У насъ французская ревалюция, а игуменья, какая бы не была, все женщина, и порядокъ будетъ. Луче² я. Онъ³ не знаетъ, и вы попросите Владыку, чтобы не означалъ мою прозбу. И Синотъ требовалъ отъ него, чтобы была игуменья, то Преосвященный Владыка можетъ приказатъ быть одной въ должности настоятельницы до техъ поръ, пока до игуменьи. Теперь Наталья будетъ съ помощью Божией править 5 месяцевъ, то въ это время можно Преосвященному и въ Синотъ написать, ежели ему уводно. Пожалую, мой родной, умоляю тебя, потрудись: самъ къ Преосвященному подай письмо и лично поговори, да къ племяннику ево поговори, онъ кажетца доброй, мы бы после ему заслужили. Многя желаютъ иметъ игуменью, но ему не говорятъ потому, что духовной отецъ. Наталья не сочиняетъ письмо, а просимъ тебя: изъ сего письма можешь сочинить, выбрать коротинкое, тебе Богъ поможетъ. А ежели Владыка откажетъ, то чтобы мою прозбу не сказывать никому, а ты, мой друкъ, напиши къ намъ непременно, что скажетъ Владыка, ежели обнадежитъ, то напиши, что Богъ намъ благодететъ, тогда мы поймемъ, что хороша, а когда откажетъ, то такъ же загаткой напиши. У насъ въ келье сестеръ 12 единомушнихъ, а всехъ 32, то похоже на обитель. Бога ради, потрудись, напиши, я одаю на твое рассуждение. Пожалуй, не замедли и уведоми поскорей. Я

¹ Ирбит — городъ къ западу отъ Туринска. Обстоятельства жизни тамъ упомянутой сестры не известны.

² Лучше.

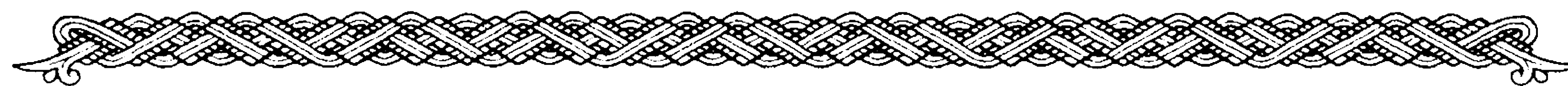
³ отецъ Зосима.

надеюсь, что ты исполнишь мое желание, Богъ ваше исполнить. Прощайте, родные мои.

Остаюсь истинная ваша богомолщица Августа.

Еще скажу. Евдокию Васильевну мы все простили, но она вскоре сделала преступление противъ уставу, и Зосима сталъ журить ее какъ отецъ. Ана съ нимъ грубиянить и Власова съ ней же и просить себе келью, жить своимъ уставомъ. После повинилась и стояли 2 Овдотьи неделю на поклонахъ во время трапезы. После 5 месяцевъ хочетъ непременно поставить Власову начальницей, которая не умеетъ молитвы прочитатъ. Онъ говоритъ, мне такая и надобно начальница. Я ему говорила: для чего меня не поставишь въ череду. Онъ сказалъ, что ты у меня не потъ командой, иногда будешь делать по своему. То какъ же узнать, которая уметь править? Он самъ игуменья. Онъ честолюбивъ и упрямъ очинь. Въ своихъ мненияхъ чемъ нибуть бесъ окрадетъ, а ево кралъ честолюбиемъ. Онъ намъ сказывалъ, что хотелъ наши тысячи роздать беднымъ, чтобы мы не имели старшинства въ обители, и спросилъ въ Синоде архиреевъ, то оне ему не позволили, а сказали, что когда мы не захотимъ жить, то намъ одать денги. Но я хочу здесь умереть. Надеюсь на угодника Николая. Когда игуменья будетъ, тогда онъ хочетъ насъ оставить, но Богъ не оставитъ, живутъ люди и безъ попечителя. Я много вижу, что не должно бы угоднику Божию такъ делать. Онъ хитритъ противъ насъ. Мы хотели Веру, ево племянницу выбрать, но онъ не хочетъ: скажутъ де, что я для тово и привезъ. Девицами мы очинь довольны: оне насъ любятъ. — Въ писме поместить можно, что мы и пустыню достроили, и денги и доверенность я ему дала въ Питеръ для прошение монастыря. Ты выберешь изъ писма. Я не хочу скитатца болше.

Письма московского периода

В 1826 году начался новый период в жизни преподобного Зосимы и его братства — период устройства новой обители под Москвой. В начале февраля старец соединился в Москве более чем с двадцатью сестрами, последовавшими за ним из Сибири. Первые месяцы они провели в городском доме Марии Семеновны Бахметевой, а весной перебрались в ее загородный дом. Оставив сестер под опекой благодетельницы, отец Зосима озаботился поиском удобного места для обители. С этой целью в течение лета он посетил Верейский и Александровский уезды, но нашел предлагавшиеся ему места неудобными для новой обители. В этих поисках, как видно из публикуемых писем, старца сопровождали его племянницы Вера Ильинична и Маргарита Ильинична Верховские, а также сестра из Туринска, Анна Феоктистовна Костоусова. Поиски продлились по крайней мере до второй половины августа. В конце концов преподобный Зосима и его братство приняли предложение М. С. Бахметевой обосноваться на пожертвованном ею пустынном участке земли¹. Ко времени поездки старца по подмосковным уездам относятся письма Анисии Конюховой² и сестры Стефаниды³.

1

Господи Иисусе Христе Сыне Божій помилуй насъ!

Возлюбленной о Христе честны отче Зосима, лежу у честныхъ нохъ твоихъ прошу благословения и прощения, прости меня многогрѣшную. Я всегда прогневляю Бога и тебя, честный отче, не имею смирения, ни воздержания, ни терпения акаяная грешница. Не оставь меня въ святыхъ своихъ молитвахъ! Мы ныне жили две недели съ матушкой и благодетельницей нашей Марьей Семеновной какъ съ радъной матерью. Ана насъ утешала какъ радная мать. Спасі ее Господи и помилуй! Я недостойная благодарить еѣ не умею за ее благодеяния, но только недостойная всегда молю Бога отъ всего моего сердца: воздай ей Господь

¹ Житие и подвиги... Ч. 1. С. 175–181.

² Датируется по упоминанию М. С. Бахметевой. Публикуется впервые.

³ Датируется по упоминанию праздника Донской иконы Божией Матери — 19 августа 1826 г.

в будущемъ въ царстве небесномъ и успокой, что она насъ такъ странныхъ, бедныхъ, грѣшныхъ принела и любитъ, и успокоеваетъ. Прости, честный отче, меня грѣшную, не могу боле писать: болитъ очень голова, и вся немогу. Благослови, не оставь въ святыхъ молитвахъ! Я чувствую твое ко мне о Бозе усердія и отеческую любовь, недостойная не смею наречись дочерью, если не отвергнешь, дочь твоя истинная и усерная, Божию помощію, до гроба моего

Онисія Конихова.

Любезнейшии о Христе Вера Льнишна и Марьгарита Льнишна, извѣляю вамъ мое истинно о Бозе усердія и любовь. Богъ видитъ, люблю васъ отъ всего моего сердца и сестры все отче и вамъ кланеюца, просимъ, не забывайте насъ грѣшныхъ въ святыхъ молитвахъ. Уведомте, скоро ли вы къ намъ приедете и чемъ и когда наше дела кончица.

2

Господи Іисусе Христе Сыне Божій,
и помилуй насъ. Аминь.

Спасайся о Господе, любезнейшій о Христе отча чесный, праздравляемъ васъ всехъ съ праздникомъ и съ принятиемъ святыхъ Таинъ, и насъ грѣшныхъ Господь сподобилъ приобщиться вашими святыми молитвами. Мы чувствительно благодаримъ васъ за истинное ваше усердіе къ намъ грѣшнымъ, мы все земно кланяемся и лежемъ у чесныхъ ногъ твоихъ и просимъ заочнаго вашего благословенія и святыхъ молитвъ. Прости Бога ради, отча святой, меня грѣшную во всемъ, живу очунь худо, нерадиво и недостойная называю верною вашею слугою до гроба, естли не отъвергните, называюсь и дочерью вашею.

Любезнымъ моимъ матушкамъ Вере Илиничне и Маргарите Илиничне и любезно сестрице Анне Фектистове всемъ земно кланеюсь и прошу вашихъ светыхъ молитвъ. Любезныйя мои матушки, я благодарю васъ за истенное ваше усердіе ко мне грѣшной, а Богъ видитъ, какъ я васъ люблю, и ретко когда могу подумать про васъ без слесъ, а севодня Донской Матере Божіи праздникъ, и я севоднешнюю ночь колько уснула и видела во сне васъ. Я пробудилась, и мне представилось въ мысли, что дело наше решитца въ томъ, что насъ разлучать будутъ съ вами. Божию помощію и вашими святыми молитвами, я не хочу ето думать, мне кажется, вражие оно все приходитъ въ мысли. Простите, любезныя матушки, и еще не одново конца не шили. Простите, мне досадно на себя, что я писать не умею, а отъ усер-

дия мого къ вамъ не могу терпеть, чтобы не писать; я нечего не могла написать, а только поплакала и подумала, на что это и писать: Богъ Самъ действуетъ въ сердцахъ нашихъ. Я етемъ несколько утешилась. Я отъчинными и вашими святыми молитвами надеюсь Божие... Простите, любезные мои матушки, остаюсь верная и усердная ваша навсегда покорная слуга,

многогрешная Стефенида и преданая навсегда ваша.

3

Заботы о внешнем благополучии обители довольно долго лежали почти исключительно на самом преподобном Зосиме. Это порой тяготило пустыннолюбивого старца и подсказывало ему мысль удалиться из обители хотя бы на время, чтобы на закате дней снова предаться благодатному безмолвию. Так возникла идея путешествия на Соловки. Этому намерению не суждено было сбыться: по совету старца Новоспасского монастыря Филарета преподобный Зосима отказался от начатого было путешествия¹.

Жизнеописательница старца относит попытку его ухода в Соловецкий монастырь к предсмертным годам. Однако публикуемое письмо от соловецкого казначея² показывает, что мысль о далекой северной обители возникла у преподобного Зосимы еще в 1826 году, в пору его забот о месте для своей общины.

Любезнѣйшему Старцу Отцу Зосимѣ о Господѣ радоватися!

Говорилъ я о тебѣ Отцу Архимандриту, онъ съ любовію желаетъ, и даже проситъ, чтобы ты пріезжалъ къ намъ въ Соловки. Обѣщаетъ любое мѣсто въ пустынь, естли угодно, на Голгофѣ³. Прошу и я тебя, любезнѣйший Отецъ, пріезжай къ намъ, покой будетъ доставленъ тебѣ. Я хочу сей осени отъ хлопотъ отказаться, и также въ спокойномъ мѣстѣ быть.

По полученіи писма сего прошу о своихъ обстоятельствахъ меня увѣдомить при писмѣ Отца Исакія.

И такъ пожелавъ въ дѣлахъ твоихъ добраго успѣха, остаюсь богомолецъ вашъ Соловецкій Казначей

Иеромонахъ Антоній.
1826го, года Августа 17го дня
міра отчужденныя Святыя Соловки.

¹ Житие и подвиги... Ч. 1. С. 185–187.

² На обороте рукой преподобного Зосимы (скорописью) сделана надпись: *изъ Соловецкаго монастыря*.

³ Имеется в виду Голгофо-Распятский скит Соловецкого монастыря, расположенный на острове Анзер.

В основанной им Троице-Одигитриевой пустыни преподобный Зосима был не только старцем и попечителем душ своих пасомых, но и устроителем их внешней жизни. Из следующего письма видно, сколь непростые практические вопросы порой приходилось решать старцу. Герой этого письма — крестьянин Tobольской губернии по имени Кириак, последовавший в Москву за братством отца Зосимы. Он часто сопровождал старца в его поездках «по хозяйственной части» и выполнял его поручения¹.

Поводом для переписки с архимандритом Паисием стало юридическое положение брата Кириака. Он, очевидно, был государственным крестьянином Tobольской губернии и, покидая Сибирь, получил от сельской общины «вечный вид» — фактически паспорт, свидетельство об освобождении его владельца от крепостной зависимости от общины. Вероятно, старец опасался, что приближающаяся ревизия прекратит действие «вида», и Кириак станет «праздношатающимся». Это, видимо, и подвигло преподобного Зосиму обратиться к архимандриту Паисию с просьбой приписать брата Кириака к своему монастырю, а затем отпустить обратно в Троице-Одигитриеву пустынь.

Всепречестнѣйшій и любезнейшій Батюшка
Авво Зосимо благословите.

Пріятнейшее души моей писаніе ваше яко неоцененную находку имелъ счастье получить чрезъ брата Кіріака, за которое, равно за память меня недостойнаго и за все знаки отеческаго, брацкаго и дружескаго расположенія вашего ко мне въ ономъ изъясненнаго, свидетельствую вамъ отъ души и сердца моего преусерднейшее благодареніе.

На писаніе ваше, преподобно-любезнейшій отецъ, о брате Кіріаке имею честь отведствовать. По многому брадству у меня и по штатному положенію², да по силамъ и способностямъ его мне ни какъ бы принять его не можно, но уважая васъ въ душе моей отменно много, и надеясь молитвами вашими и молитвами прибывающихъ съ вами истенныхъ боголюбицъ обрести къ себѣ ми-

¹ Житие и подвиги... Ч. 1. С. 171.

² Монастыри Российской империи делились на штатные и заштатные. Первые получали пособие от казны, вторые существовали всецело за счет пожертвований верующих, доходов от имущества и «трудоделания» монахов. Государственное содержание выделялось монастырю в соответствии со «штатным положением». «Штатные монастыри разделялись на три класса, соответственно сумме казенных пособий и престижности <...> Настоятели первоклассных и второклассных монастырей носили сан архимандрита, третьеклассных — игумена». См.: Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 14. Следовательно, монастырь архимандрита Паисия принадлежал к первому или второму классу.

лостивымъ человеколюбца Бога и Спасителя грешныхъ Господа Иисуса Христа охотно принять его согласенъ въ число бродства моей обители съ темъ, что буду содержать его моею собственностію, а по сему и отправился онъ отъ меня забрать что-то свое въ Москве и къ вамъ съ известіемъ о семъ.

Желалъ же бы я усердно исполнить волю вашу и отпущеніемъ его къ вамъ по определеніи, какъ вы пишете, но сего сделать невозможно, потому что это будетъ противозаконно; ибо монастырскія настоятели вправѣ только давать билѣтъ¹ въ своей епархіи куда бѣ то не было і только на 29 дней. А что онъ находился у меня съ марта месяца 1826 года по сентябрь мѣсяць прошлаго 1827 года, въ томъ имеетъ онъ отъ меня свидетельство, по коему и не можетъ считаться праздношатающимся; да и опасеніе ваше относительно ревизіи излишнимъ я считаю потому, что общество, отпустившее его вечно на богомоліе, безъ сомненія платить будетъ за него подати и после ревизіи по смерти его; то есть онъ наличнымъ будетъ значится въ обществе, а иначе тобольское губернское Правленіе не дало бы ему вѣчнаго вида.

Я, узнавъ отъ брата Кіріака обо всемъ обществе вашемъ, едину цель, едино желаніе, едино намереніе, какъ бы отъ единой души происходящее, угодить Господу Богу и любить Его всею душею и всемъ сердцемъ имеющемъ, не щадя для сего ветхаго человека ни въ чемъ, порадовался душею моею, но дабы милосердый Творецъ укрепилъ немощи немощныхъ сестръ нашихъ, и, верую, что укрепіи Феклу во страданіи², многихъ преподобныхъ матерей въ постничествѣ, во искушеніяхъ различныхъ и страданіи мученическомъ, укрепить и вашихъ о Господѣ спостницъ восторжествовать надъ врагомъ, победившимъ Праматерь нашу отъ невниманія хитрыхъ козней его, ежели только сохранять доверіе къ вамъ и открывать будутъ вамъ совесть свою, то есть не только дела и слова, но и мысли. Съ живущими бо въ такомъ устроеніи врагъ уже не борется инымъ чемъ, а только однимъ, чтобъ обезвѣрить къ старцу и не открыть мыслей; а успевши въ этомъ, успеетъ отторгнуть отъ сообщества вашего, успеетъ и низложить и въ важныя преступленія, какъ одну изъ числа последовательницъ вашихъ и низложилъ и уже ныне горко кающуюся и просящую молитвъ вашихъ. — По всемъ занятіямъ вашимъ о спасеніи сестръ братъ Кіріакъ необходимъ для васъ по хозяйственной части, а по сему и таперь вы можете его удер-

¹ То есть документ, удостоверяющий личность предъявителя и подтверждающий его право перемещаться по стране.

² Имеется в виду святая равноапостольная первомученица Фекла (память 24 сентября), духовная дочь апостола Павла.

жать месяца на два съ моимъ свидѣтельствомъ, и после могу от-
пущать его на нужное для васъ время.

Не можно ли, отецъ мой, одолжить меня сведеніемъ о дей-
ствіяхъ умной молитвы, старцемъ Василискою испытанныхъ и
вами списанныхъ, чемъ премного обяжите любящаго васъ съ
почтеніемъ меня:

недостойнаго вашего богомольца Николая Радовицкаго

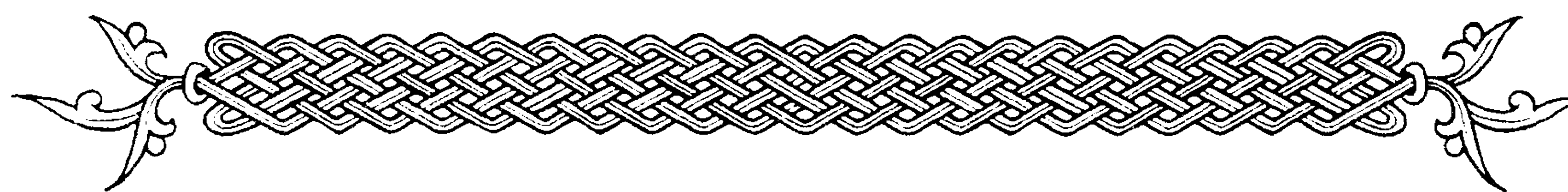
Архимандрита Паисія.

Сентября 1го 1828 годъ.

Если вы же оставите по нуждамъ своимъ брата Кіріака, я могу и на
будущее время давать ему таковыя же свидѣтельства.

Публикацію подготовил А. Л. Беглов.

ИЗ ТОБОЛЬСКОГО АРХИВА

Доношения старца Зосимы, попечителя Свято-Николаевского Туринского женского монастыря, к Владыке Тобольскому архиепископу Амвросию II (Рождественскому-Вещезерову) сохранились в фонде Тобольской Духовной консистории — ныне фонд 156 в Тобольском филиале Государственного архива Тюменской области. Доношения 1823 и 1824 годов — в описи 1824 года, дело 714, лл. 6–6об., 10–11, 15–16об. Прощение 1825 года — в описи 1825 года, дело 405, л. 3–3об.

Все эти документы относятся к периоду смуты в Туринском монастыре, начавшейся в 1823 году и закончившейся отъездом старца Зосимы и приверженных ему сестер в конце 1825 года.

Первое доношение, от 5 ноября 1823 года, содержит просьбу о пастырской помощи «духовной и заветной дочери» старца, одной из первых его учениц Евдокии Романовой, собравшейся замуж за монастырского дьячка Иоанна Кучумова. Второе — «покорнейшее доношение» от 30 декабря 1823 года — посвящено ответу на вопрос архиепископа, что означает «духовная и заветная дочь», то есть по существу изложению начал духовной жизни основанного старцем монастыря и доказательству того, что должности священника старец не отправляет. Третье доношение, от 7 января 1824 года, ярко представляет еще один эпизод из жизни монастыря — историю с мещанской дочерью Иустиньей, которую старец нашел неспособной к монашеству, но которая тем не менее была принята в монастырь 8 февраля 1823 года в отсутствие попечителя (преподобный Зосима был в Петербурге по делам обители). Резолюция архиепископа гласила: «Буде попечитель не согласится держать в монастыре девицу Иустинию, то выслать ее из онаго немедленно» (ТФ ГАТО, ф. 156, 1824 г., д. 714, л. 13). Однако Васильевы показали себя столь «самовластными», что «в противность» всем не только приняли, но и продолжали держать ее у себя, отступив «от мирствия и общежития».

О двух последних документах — прошениях 1825 года — свидетельствуется в Житии преподобного Зосимы. Они написаны после кончины преподобного Василиска († 29 декабря 1824 года, погребен 4 января 1825 года). В бытность старца Зосимы в Туринске в эти скорбные дни, Васильевы написали вместе с ним мировое прошение Преосвященному Амвросию и отправили по почте в Тобольск. А в середине января в Тобольск прибыл сам старец и подал архиепископу прошение 19 января 1825 года об увольнении отправиться в Петербург, чтобы исходатайствовать в Синоде скорейшее решение по делу Туринского монастыря и сыскать средства для пристанища сестер. Резолюция на мировое и это последнее прошение была вынесена в один день — 19 января 1825 года. Вскоре состоялась встреча отца Зосимы и его племянниц с Влады-

кой Амвросием, который после знакомства сказал: «Жаль мне, старец, что прежде не знал тебя короче; но я не сделал тебе никакого зла, а только следственное дело, представленное мне следователями, переслал в Святейший Синод... но я уже ничего не могу переделать, молитесь Богу и ожидайте решения из Св. Синода; Бог вас не оставит»¹.

Первое доношение (от 5 ноября 1823 года) — автограф, оно публикуется без изменений, в орфографии подлинника. Остальные документы печатаются с устранением разнобоя в правописании и пунктуации.

1

Высокопреосвященнѣишій владыко!
Милостивѣишій Архипастырь! и отець!

По долгу моему доношу вашему Высокопреосвященству, что дѣвица Евдокія Романова, посвятившая себя обещаніемъ Богу, духовная и завѣтная дочь моя, она и просительница известная во Святѣйшемъ Синодѣ, о которой я вамъ лично ѣ прежде писалъ къ вамъ, нынѣ возвратилася изъ Екатеринбурха, и ни увещанія мои, ни прозбы, ни строгости, ни все старанія мои не могли переменить ея намеренія, которое овладѣло совершенно ея добрымъ и набожнымъ сердцемъ, ѣ она, хотя съ сердечнымъ терзаніемъ, но решилась уже свершить свою участь, съ такимъ однако твердымъ желаніемъ, чтобы сохранить себя тако, како обещала себя Богу, вступая въ жизнь иноческую, ѣ хотела было немедленно обвенчаться съ дѣячкомъ нашего монастыря, которой такожде сказуетъ о себе, вравномъ сней находится намереніи. Но я успѣлъ уговорить ихъ дождаться вашего благословенія, могущаго обলেখчить сію вину ихъ предъ Богомъ, которую они и сами чувствуютъ вполной мере, но говорятъ, что несилахъ себя преодолети, итакъ теперь отъ вашего Архипастырскаго Лица зависить судьба ихъ, ѣ онѣ ожидаютъ вашего ответа.

Еще прошу васъ, милостивѣишаго нашего Владыку! или известите нашего священника, чтобы несумнѣнно принималъ служеніе пономарское отъ сестръ рясофорныхъ, или, прошу, определите пономаря женатого, добронравнаго и трезваго, а теперь я самъ пономарскую должность отправляю, но обязаностію моею иногда не могу успевать.

¹ Житие и подвиги в Бозе почившего блаженной памяти старца схимонаха Зосимы... Ч. 1. С. 164–165.

Уважаая ваше благословеніе и вашу ко мнѣ благопріятность, не терплю скрыть отъ вашего сострадательнаго и великодушнаго сердца, что будучи разстроенъ тягостнымъ моимъ теперешнимъ положеніемъ, ибо противу совести моей, не вмѣщая жизнь съ немирствующими, послалъ прошеніе въ С. Синодъ о моемъ освобожденіи.

Прося вашего Архипастырскаго благословенія и боголюбезныхъ вашихъ молитвъ о насъ къ Богу, остаюсь съ истиннымъ моимъ усерднымъ почитаніемъ

Вашего Высокопреосвященства
Милостивѣйшаго Архипастыря
много почитающій и истинно любящій
вашъ слуга недостойной попечитель
Туринскаго девичьяго монастыря Захаръ Верховской
1823 года ноября 5 дня.

[Резолюція:] 1823 года ноября 9. Консисторіи разсмотрѣть и съ мнѣніемъ представить.

2

Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Амвросію,
Архіепископу Тобольскому и Сибирскому
Милостивѣйшему Архипастырю.
Туринскаго Свято-Николаевскаго Девичьяго монастыря,
попечителя Захара Богданова сына Верховскаго
Покорнѣйшее доношеніе

28 Декабря я получилъ указъ отъ Вашего Высокопреосвященства чрезъ духовную Консисторію, въ коемъ требуется отъ меня объясненія въ томъ, почему дѣвицу Евдокію Романову я называю моею духовною и завѣтною дочерью? И еще, справедливо ли то, что я преклонялъ къ себѣ на духъ дѣвицу Іустинію, ежели справедливо, то на какомъ основаніи я беру на себя власть священническую? — На сіи вопросы отвѣчаю слѣдующее:

Евдокію Романову духовною дочерью называю потому, что она, вступая въ жизнь иноческую, послѣдовала завещаніямъ святаго Василія Великаго, святѣйшаго Каллиста, Игнатія, Григорія Синаита, Іоанна Лествичника, Ефрема Сирина, Симеона Новаго Богослова и протчихъ святыхъ богоносныхъ отецъ, кои всѣ единогласно повѣлѣваютъ всякому новонаначальному предаваться въ неразумное послушаніе отцу духовному, не упоминая, однакоже, чтобы онъ былъ священникъ, а говорятъ только, чтобы былъ незаблудной въ законъ и свидѣтельствованной въ добродѣтельномъ житии, и чтобы нашедъ такового отца, по-

слушникъ открывалъ ему свою совѣсть и всѣ наклонности и поступки, дабы отецъ могъ безъ ошибочно вести его по пути спасенія. И дѣвица Романова, хотя я и недостоемъ, но Богу такъ изволюще, предалась мнѣ въ такой же стѣпни, равно какъ и дѣвица Васильева и вдова Конюхова, таковое ихъ преданіе, согласное съ правилами святыхъ отецъ, не только не порицательно, но еще заслуживало и благоговѣнія. — Заветною же дочерью называю потому, что видя тогда несказанное ихъ ко мнѣ о Христѣ усердіе и между собою единоклюбіе и любовь, мы сдѣлали такіе клятвы, чтобы не разставаться ни въ сей ни въ будущей жизни! Положимъ, что сіе было наше безуміе, однако мы отдавали ихъ на разсмотрѣніе Михаилу, Епископу Иркутскому, котораго я имѣлъ какъ духовнаго отца и наставника, и онъ не только не уничтожилъ оныхъ, но еще находилъ въ нихъ рѣвность подобно Павловой! — Потомъ всѣ сіи связи наши я представлялъ на разсмотрѣніе и всѣмъ члѣнамъ Святѣйшаго Синода, кои также не только не разрѣшили, но еще и уважили ихъ! И сіи-то нерѣшимые связи споспѣшествовали къ скорѣйшему исходатайствованію монастыря. — Я ничего не скрылъ и отъ Вашего Высокопреосвященства, ибо копіи со всѣхъ нашихъ обязательствъ послалъ также и вамъ; оныя яснѣе могутъ извѣстить васъ о нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ, нежели сіе мое объясненіе. — Что же касается до дѣвицы Іустиньи, то не я ее приглашалъ на духъ, а она сама просила меня, чтобы я и ее, также какъ и другихъ, принялъ въ духовные дочери, однако я, видя ея легкомысліе, непостоянный нравъ, невеликое усердіе къ монашескимъ правиламъ и не прямое сердце, не принялъ. Я здѣсь упомянулъ другихъ и не скрываю, что и изъ новоначальныхъ также нѣкоторыя сестры предалися мнѣ въ духовные дочери, такъ, какъ предаются игуменье или при постриженіи отдаются старцамъ или монахинямъ, а не священникамъ, и онѣ, также желая спастися, но будучи еще всѣ новы и неопытны въ монашеской жизни и не тверды въ правилахъ и законѣ, предаются мнѣ, и я отъ такихъ требую не исповѣди, но откровенности, чтобы, зная совѣсть каждой и пристрастіи, могъ незаблудно управлять ими и чтобы не употреблялъ на такое послушаніе ту, которая тамъ вреждается. Объ ономъ я также открывалъ въ Святѣйшимъ Синодѣ, который не отвергъ сего, потому что такъ установилъ самъ Василій Великій, столпъ монашества! и другіе святые отцы! — Но хотя онѣ во всемъ открываются мнѣ, однако я не беру на себя права разрѣшать ихъ грѣхи, но только пользую ихъ моими наставленіями; когда же онѣ просятъ прощенія въ томъ, что иногда просятъ правило, или послѣ вечернихъ молитвъ напѣются, или въ церкви задремлютъ, или поспразднословятъ, или

посмѣются, или не воздержатся отъ пищи, и сему подобные, я имъ прощаю, да и то дѣлаю сіе съ дозволенія прежняго Амвросія Архіепископа Тобольскаго; впрочемъ и сіи грѣшки приказываю говорить священнику на исповѣди; и сестры мои четыре раза въ годъ, а иные и больше, ходятъ на исповѣдь къ священнику; и теперь какъ ихъ, такъ и мой духовникъ здѣшній протоіерей.

Сего, кажется, достаточно къ доказательству, что я не отправляю должность священника. — Къ тому же есть еще сестры, которые и не духовные мнѣ дочери, но за добрые ихъ нравы и за способность къ монашеской жизни держу ихъ, не различая отъ духовныхъ дочерей. Дѣвицу же Іустинью не соглашаюсь принять въ обитель и пока еще имѣю власть отъ Свѣтѣйшаго Синода, то не позволю ей жить и у Васильевыхъ, а причину оному и теперь также умолчу, какъ и прежде писалъ Вашему Высокопреосвященству до Синодскаго рѣшенія на мою прозбу. Къ сему доношенію попечитель Захаръ Верховской руку приложилъ

1823 года декабря 30 дня.

3

Высокопреосвященнѣйшій Владыко
Милостивѣйшій Архипастырь!

По особенному моему къ вамъ уваженію и душевной преданности хотя я и положилъ было въ чувствахъ моихъ до Синодскаго рѣшенія не беспокоить васъ непріятными доношеніями, и желалъ до того времени терпѣть всё въ молчаніи и съ Божію помощію терпѣлъ бы, ежели бы терпѣлъ одинъ я, то есть ежели бы вредъ не разливался на души сестръ, отдавшихъ въ мое руководство, коихъ числомъ 21. Но теперь, простите, я вынужденъ прибегнуть къ вашей сострадательности и справедливости, отъ коихъ прошу помощи въ тягостномъ моемъ положеніи! Я не знаю уже, что мнѣ дѣлать, ибо почти всѣ сестры мои смущаются теперь, а иные со слѣзами говорятъ мнѣ, что отчаяваются даже въ своемъ спасеніи, поелику отъ разныхъ противностей въ обители чувствуютъ себя весьма разстроенными въ чувствахъ и мысляхъ; потому что желаютъ житія мирнаго и въ сходство истиннаго монашества; но Васильевы не только вовсе отступили отъ мирствія и общежитія, но еще показываютъ себя столь самовластными, что въ противность мнѣ и всѣмъ сестрамъ, приняли къ себѣ сію мещанскую дочь Іустинью, которую за неспособность ея и за то, что смущаетъ сестръ, я властію моею удалилъ было изъ обители, но она скрытно отъ меня проживала иногда въ кельяхъ Васильевыхъ, а теперь уже насильственно, не слушая

меня, живетъ у нихъ и онъ ея держутъ. Я въ церкви сказалъ ей, чтобы она вышла, а ежели не послушаетъ, то вѣлю ее вывести, она же при всѣхъ сестрахъ сказала, что я не смѣю сего съ нею сдѣлать. Я началъ говорить самой совѣтницы, но она сказала, что не слушаю тебя и буду держать ее; тогда, избѣгая безчинствъ и чтобы не произвѣсти смятеній въ обители, я подалъ доношеніе городничему и просилъ его, такъ какъ Іустинья мещанская дѣвка сего города, то чтобы онъ приказалъ выйти ей изъ монастыря; онъ присылалъ за нею полицейскаго, но она скрылась, и Васильевы сказали, что ее у нихъ нѣту, полицейскій пошелъ къ ея отцу, тотъ сказалъ, что она у нихъ. Потомъ городничей послалъ за нею ея отца, она же не пошла, и Васильевы удержали, и сама совѣтница сказала: пусть самъ городничей, ежели имѣетъ власть, придетъ нагло¹ возметъ ее, а сама я ее не отпущу. И такъ городничей отдалъ мнѣ назадъ мое доношеніе, говоря, чтобы я просилъ вышнее начальство; и, не получивъ удовлетворенія отъ городничего, я взялъ нашего священника и семи сестръ и пошелъ къ нимъ въ келью, просилъ ихъ, чтобы не доходя до дальнѣйшихъ смущеній, отпустили Іустинью; когда же онъ стали противурѣчить, то я сказалъ: вы, можете быть, забыли указъ изъ Святѣйшаго Синода, и потому просилъ священника прочесть въ слухъ полученной мною изъ Тобольской духовной Консисторіи, гдѣ сказано: касательно до начальства и о пріятіи способныхъ и о исключеніи неспособныхъ имѣть мнѣ попеченіе; но на сіе совѣтница сказала, что не слушаю ни тебя, ни указа. — И такъ теперь я вижу, что не можетъ завестися житіе, какъ я желалъ — въ сходство завѣщаній святыхъ отецъ, ибо указъ Святѣйшаго Синода презрѣнъ, а потому и я сдѣлался безсиленъ и ниоткуда не имѣю помощи, я же склонился на сіе заведеніе единственно Бога ради и не монастырь выстраивать, но завести житіе по Бозе. Теперь же, видя такіе непреодолимые препятствія, не имѣю духу служить богунеудному заведенію. Богунеуднымъ называю потому, что вижу во многихъ случаяхъ явное сопротивленіе правиламъ святыхъ отецъ, ибо я ни за какіе принужденія, ни за какіе наказанія, также ни за какія награды и почести не взялся бы за оное и ничто въ этой жизни не принудило бы меня разстаться съ моимъ безмолвіемъ, которое мнѣ любѣзнѣе и дороже сей жизни, ежели бы не убѣжденіе сестръ, желающихъ завести житіе по подобію древнихъ святыхъ матерей, и не таковое ихъ ко мнѣ преданіе. И такъ совесть моя внушаетъ мнѣ теперь, что лучше удалиться, нежели жить въ смущеніи; но около 20 сестръ ни за что не отстаютъ отъ меня, и

¹ Нагло — здесь: внезапно.

потому, не имѣя другихъ сръдствъ, я рѣшился бы на отчаянный поступокъ, ибо положеніе мое и безъ того уже отчаянное, къ тому же, какъ я и писалъ Вашему Высокопреосвященству, и теперь отъ чистой совести повторяю, что Божію помощію о всемъ небрегу, наказанъ ли буду или удовлетворенъ, обезчещенъ, изгнанъ или прославленъ — для меня все равно, желаю только и старуюсь мирствовать съ моею совѣстію и соглашаться съ правилами святыхъ отецъ! Такъ рѣшился бы с сестрами моими выѣхать изъ обители на квартиру и, не выѣзжая изъ города, стали бы ожидать Синодскаго рѣшенія и, находясь въ теперешнихъ затрудненіяхъ, я, можетъ быть, и немедленно произвелъ бы въ дѣйство сіе мое намѣреніе, ежели бы не всею душою любилъ и уважалъ васъ, Преосвященнѣйшій Владыко! То есть ежели бы сіи неуройства не относились на лице ваше! а также ежели бы не наносили и безславія монашеству, и потому теперь, открывъ вамъ мое тягостное положеніе, убѣдительнѣе прошу Ваше Высокопреосвященство, ежели вамъ угодно успокоить насъ хотя до Синодскаго рѣшенія, то сдѣлайте милость, извольте прислать ко мнѣ такое ваше благоволеніе, чтобы Васильевы, пока еще я не отрешенъ, не уничтожали меня и не сопротивлялись бы данной мнѣ отъ Святѣйшаго Синода власти, дабы не было поводу другимъ къ неповиновенію указовъ, а также чтобы тѣмъ не нарушалось и благочиніе, и утихли бы безпорядки, смущенія и немирствія; впрочемъ, я намѣреваюсь обо всемъ написать въ Святѣйшій Синодъ, не ища удовлетворенія, но прося только скорѣйшаго увольненія себѣ, а вамъ, изъяснивъ при семъ высочайшее мое уваженіе и сердечную преданность, прошу оградить меня и всѣхъ сестръ вашимъ благословеніемъ и святыми молитвами, коимъ поручая себя, пребыть честь имѣю

Вашего Высокопреосвященства!
Милостивейшаго Архипастыря отца!
и покровителя! Покорной ѣ усердной
слуга ѣ послушникъ грешной ѣ недостойной
Захаръ Верховской
1824 года Генваря 7 дня.

4

Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему Амвросію,
Архіепискому Тобольскому и Сибирскому и кавалеру
Туринскаго Святониколаевскаго дѣвичьяго Монастыря Сестеръ
Коллежской Совѣтницы Анастасіи Николаевной дочери
Васильевой, дочери ея Наталіи, и бывшаго попечителя онаго
Монастыря отставнаго поручика Захарія Верховскаго

Прошеніе

По начевшемусь съ просительнаго доношенія изъ насъ попечителя Верховскаго въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ дѣлу о несогласіяхъ между нами, Васильевыми, и имъ, Попечителемъ, Святѣйшій Синодъ въ присланномъ къ Вашему Высокопреосвященству Указѣ предписалъ употребить по мѣстнымъ обстоятельствамъ мѣры для водворенія между сестрами спокойствія и порядка, въслѣдствіе чего отъ Вашего Высокопреосвященства наряжена комиссія, которая состояла изъ трехъ духовныхъ лицъ, въ нѣй первенствующій былъ членъ Тюменской Архимандритъ Амвросій, которая комиссія, по объявленіи въ церквѣ Указа Святѣйшаго Синода сестрамъ въ присутствіи онаго, отобравъ отъ Верховскаго ключи и все церковное и монастырское имущество, учинивъ вновь оному опись, поручила управленіе монастыря изъ насъ мне, Анастасіи Васильевой, а его, Верховскаго, удалила отъ всякаго распоряженія по монастырю и назначила ему пребываніе внѣ онаго.

Сіе его удаленіе, причинивъ великую горестъ всѣмъ сестрамъ и смятеніе въ монастырѣ, жестоко поразило и наши сердца и дало наконецъ почувствовать намъ и вспомнить всѣ оказанныя намъ отъ него старанія и его великое къ намъ о Христѣ усердіе, и потому мы стали усердно искать съ нимъ примиренія, и онъ со своей стороны, имѣя сердечное на то желаніе, съ радостію склонился къ миру. И такъ мы, объяснившись взаимно, Божію помощію попрали наконецъ душевредную вражду и заключили навсегда дружелюбной миръ, о которомъ подавали бумагою сей комиссіи присутствующимъ въ то время въ нашемъ монастырѣ. Но комиссія возвратила намъ обратно сію бумагу, поставляя себя не вправѣ безъ повеленія высшаго начальства принять отъ насъ оную, почему мы и относимся теперь съ симъ нашимъ примиреніемъ, прибегаемъ къ Вашему Высокопреосвященству, причемъ объявляемъ и наше всенижайшае прошеніе, а имѣнно: я, Васильева, прошу, такъ какъ я все мое имущество, то есть капиталъ и съ процентами до 5000 руб. пожертвовала на устроеніе оной Туринской обители, а теперь при старости моихъ лѣтъ не имѣю съ дочерью никакого содержанія, то просимъ Вашего Высокопреосвященства оставить меня съ дочерью на всю жизнь въ оной обители, съ темъ, чтобы мы имѣли здѣсь спокойное убѣжищѣ и все нужное для нашего содержанія. Разве только сами пожелаемъ удалиться изъ онаго монастыря въ иной какой-нибудь монастырь, или иное богослужимое мѣсто. А мнѣ, Верховскому, такъ какъ я вѣсь монастырь по описи сдалъ въ цѣлости и безъ недостатка комиссіи и, удаляя всякое на себя сомненіе,

представилъ регистръ о издержанной суммѣ и о пріобретенномъ, то по намѣренію моему болѣе не желаю никогда принять управленіе онаго монастыря. Соблаговолено бѣ было дать мнѣ для прожитія, гдѣ я пожелаю, писменной видѣ, что я свободенъ. И просилъ все вообщѣ сіе наше дѣло предать вѣчному забвенію, ибо ни мы, Васильевы, ни я, Верховскій, за симъ примиреніемъ ничего болѣе другъ на друга не ищемъ.

Сіе прошеніе съ черноваго набѣло переписывалъ Коллежскаго Совѣтника <нрзб.> Африканъ Андрѣевичъ сынъ Андреевъ.

Къ сему прошенію коллежская советница Настасія Василіева руку приложила. Сіе прошеніе сочинено нами просительницами Василіевыми вопше сними Верховскимъ.

Къ сему прошенію дочь ея дѣвица Наталья Матвеева дочь Васильева руку приложила.

Къ сему прошенію отставной поручикъ Захаръ Верховской подписую.

Генваря дне 1825 года.

[Резолюція:] 1825 года іанваря 19. Объявить Васильевымъ и отставному поручику Верховскому, что Епаршеское правительствово никогда не запрещало и не запрещаетъ имъ жить въ монастырѣ, а Верховскому дать просимой писменной видѣ до полученія рѣшительнаго изъ Святѣйшаго Синода указа по дѣлу, начавшемуся съ доноса его, Верховскаго, на Васильевыхъ, не можетъ.

5

Великому Господину Высокопреосвященнѣйшему
Амвросію Архіепискому Тобольскому и Сибирскому
и Кавалеру

Отставнаго Поручика Захара Богданова
сына Верховскаго

Покорнѣйшее Прошеніе

Такъ какъ Вашему Высокопреосвященству небезъизвѣстно, что я Туринской Свято-Николаевской монастырь, находящійся подъ моимъ попеченіемъ, сдалъ наряженной отъ васъ комиссіи начисто, и не находится на мне никакихъ начетовъ ни исковъ, то прошу Ваше Высокопреосвященство сдѣлать милость уволить меня ехать въ С. Петербургъ, для того, чтобы исходатайствовать себѣ въ Святѣйшимъ Синоде скорейшаго решенія сему нашему делу и также сыскать средства пристроить къ спокойно-

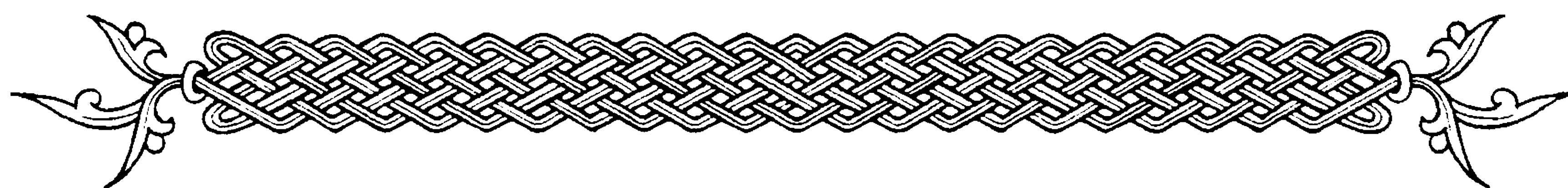
му и мирному убежищу моихъ сиротъ племянницъ и неразлучныхъ съ ними сестръ; ибо теперь какъ я, такъ и онѣ живемъ безъ пристанища въ чужомъ городе на квартире, чужимъ называю потому, что не имѣемъ здесь ни родныхъ, ни благодетелей и находимся далеко отъ своей родины, и потому, естли, можетъ быть, решенія не будетъ еще и годъ, то не только могутъ оне прожить здесь и последнее остальное небольшое свое имущество, но, живя посреди сетей мірскихъ, находятся и въ опасности о своемъ спасеніи, чего ради и прошу сжалиться надъ ними и явить сію последнюю намъ милость — увольнить меня ехать въ Святѣйшій Синодъ, на что и ожидаю милостивейшей вашей Архипастырской резолюціи. Къ сему прошенію отставной поручикъ Захаръ Богдановъ сынъ Верховской руку приложилъ

1825 года генваря 19 дня.

[Резолюція:] 1825 года іанваря 19. Поелику проситель Святѣйшимъ Синодомъ не уволенъ еще отъ монастыря, то и не могу удовлетворить ему въ его прошеніи.

*Публикацію подготовила монахиня
Зосима (Верховская).*

ИЗ АРХИВА СВЯТЕЙШЕГО СИНОДА

В Российском государственном историческом архиве (собрание Синода; Санкт-Петербург) среди «обер-прокурорских дел» Синода обнаружено собрание документов и материалов, относящихся к первоначальным семи годам созданного преподобным Зосимой Верховским Туринского Николаевского женского монастыря, — фонд 797, опись 1, дело № 7918. Первые документы дела — рапорт обер-прокурора Синода князя П. С. Мещерского и доклад Синода об обращении Туринского мужского монастыря в женское общежитие (с резолюцией Императора: «Быть по сему. Александръ») — датированы 13 февраля 1822 года, последние — об учреждении игуменства в Туринском женском монастыре (с резолюцией Императора Николая Павловича: «Согласенъ») — подписаны 15 июля и 14 декабря 1829 года. Служебная переписка и принятые документы представлены канцелярскими копиями, но в деле содержатся и ценные автографы — подлинные письма и записки старца Зосимы, его племянниц Варвары и Матроны Верховских, письма виновниц нестроений в Туринском монастыре Васильевых.

Ниже публикуются основные документы и материалы дела; за пределами публикации остались повторения, близкие или однотипные по содержанию тексты деловых бумаг.

Особый интерес представляет «Краткая выписка из устава сестер сего общества», данная в приложении к письму преподобного Зосимы князю П. С. Мещерскому. Выписка, сделанная рукою Веры (Варвары) Верховской, содержит 32 пункта из Устава сестрам, составленного старцем Зосимой на основании общежительных правил святителя Василия Великого. Эта недавняя архивная находка вселяет надежду, что со временем удастся обнаружить и полный текст Устава, возможно, в том же хранилище.

**Отношение обер-прокурора Святейшего Синода
князя П. С. Мещерского министру духовных дел и народного
просвещения князю А. Н. Голицыну**

[л. 1]

Его Сіятельству,
господину тайному совѣтнику,
министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія
и кавалеру князю Александру Николаевичу Голицыну
Оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода

Рапортъ

Имѣю честь представить при семъ Вашему Сіятельству для поднесенія Государю Императору всеподданнѣйшій докладъ Синода о обращеніи Туринскаго мужескаго Николаевскаго монастыря, въ Тобольской Епархіи состоящаго, въ женское общежитіе.

13 февраля 1822

Оберъ-прокуроръ Князь Мещерскій

**Доклад Святейшего Синода
об обращении Туринского мужского Николаевского монастыря
в женское общежитие**

[лл. 2-7]

Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему
Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому

Отставной порутчикъ Верховскій по довѣренности коллежской совѣтницы Настасьи Васильевой, дочери ея дѣвицы Натальи, Купеческой дочери дѣвицы Евдокіи Романовой и вдовы мѣщанки Анисьи Ивановой, вошелъ въ Синодъ съ прошеніемъ о обращеніи Тобольской Епархіи заштатнаго Туринскаго мужескаго Николаевскаго монастыря въ женское общежитіе для водворенія въ ономъ показанныхъ лицъ, пожелавшихъ провождать уединенное житіе, съ оставленіемъ въ пользу сего монастыря на поддержаніе его угодьевъ, при немъ находящихся, производимой милостинной дачи по 300 рублей. А сверхъ того на сіе же и на содержаніе причта, который долженъ быть при церкви, предъявилъ Верховскій два утвержденныя акта Дѣйствительной статской совѣтницы Веревкиной и надворной совѣтницы Шипневской о изъявленномъ ими желаніи производить при жизни ихъ чрезъ него Верховскаго каждою по 300 рублей въ годъ, съ завѣщаніемъ внести по смерти изъ имѣнія ихъ по три тысячи рублей въ сохранную казну для производства съ нихъ про-

цѣнговъ на сей же предмѣтъ; и три билета Государственнаго Заемнаго Банка и Опекунскаго Совѣта на девять тысячъ рублей. Вмѣстѣ съ таковымъ желаніемъ ищущихъ уединенія, которыя обязуются содержать себя разными трудами, онъ Верховскій представилъ на разсмотрѣніе Правила, кои должны введены быть въ общежитіи съ утвержденія власти и которыя заключаются въ томъ, чтобы начальница въ семъ общежитіи была избираема изъ среды ихъ, въ духовномъ управленіи зависѣло оно отъ Епархіальнаго Архіерея, но безъ отчетовъ предъ Консисторіею, такъ какъ оно состоятъ будетъ на своемъ собственномъ и благотворителей содержаніи; дозволено бѣ было существующія въ монастырѣ строенія исправлять и умножать по надобности, въ церкви общежитія совершать крещеніе и бракосочетаніе воспретить, лица мужеска пола чтобы не входили въ кельи, принадлежащія общежитію, а принимались въ случаѣ необходимой нужды въ общественной храмѣнѣ съ вѣдома Начальницы, и наконецъ дозволено ему Верховскому имѣть попеченіе о первоначальномъ устроеніи общежитія и по вѣременамъ для утвержденія порядка посѣщать оное.

Изъ собранныхъ Синодомъ чрезъ Архіепископа Тобольскаго Амвросія свѣденій открылось:

а) Туринскій Николаевскій заштатный мужескій монастырь основанъ въ началѣ 17го столѣтія близъ города Туринска и существуетъ въ числѣ заштатныхъ. Церковь въ немъ каменная съ двумя придѣлами; утвари церковной имѣетъ довольно, прочее же строеніе деревянное.

б) Угодья монастыря состоятъ въ двухъ дубравахъ, называемыхъ Пушкарева и Попова, въ сѣнокосномъ лугѣ, въ рыбныхъ ловляхъ и пахотной въ 30 десятинахъ землѣ, остающейся по урожаю на ней хлѣба безъ пользы.

в) Доходу съ дубравъ и рыбной ловли получается до 135 рублей и сверхъ того по имянному высочайшему указу 1797 года Декабря 18 производится на тотъ монастырь въ милостинную дачу по 300 рублей въ годъ.

г) Въ ономъ находится налицѣ Строитель и одинъ вдовый Священникъ.

Архіепископъ Тобольскій въ случаѣ обращенія Туринскаго монастыря въ женское общежитіе полагаетъ оставить при ономъ всѣ нынѣ имѣющіеся угодья и производимые отъ казны въ милостину 300 руб въ годъ, опредѣлить тогда для служенія при церкви общежитія одного Священника и двухъ причетниковъ съ жалованьемъ на всѣхъ по 500 руб. съ дозволеніемъ имъ выстроить за оградой на монастырской землѣ дома и имѣть хотя небольшой участокъ подъ огороды земли.

Для управленія монастыремъ и показанія образа общежитія избрать во Игуменъи достойную изъ монахинь Новотихвинскаго женскаго монастыря. По управленію монастыря доставлять начальству отчеты, а попечителю отставному порутчику Верховскому предоставить имѣть наблюденіе за угодами въ пользу монастыря и жить внѣ онаго съ церковнымъ причтомъ.

Синодъ по соображеніи сихъ обстоятельствъ, принимая, съ одной стороны, въ уваженіе благочестивое распоряженіе желающихъ завести женское общежитіе и находя, съ другой, нужнымъ допустить оное потому, что въ обширной по разстоянію Тобольской Епархіи имѣется одинъ только женскій въ Енисейскѣ монастырь, и что существовать будетъ оное на своемъ содержаніи, полагаетъ обратить для сего общежитія Туринскій заштатный мужескій монастырь, остающійся почти въ запустѣніи, съ оставленіемъ имѣющихся при немъ угодій и производимой милостинной дачи по 300 рублей въ годъ, и если послѣдуетъ на сіе Высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе, то къ основанію таковаго общежитія опредѣлить слѣдующее:

Первое. Иметь оное общежитіе на правѣ третьеклассныхъ женскихъ монастырей съ положеннымъ числомъ во оныхъ монахинь. Но

Второе. Означеннымъ женскимъ лицамъ, пожелавшимъ проводить уединеніе, дозволить проходить искусъ и безъ постриженія въ монашество впредъ до объявленія желанія на сіе и принимать по желанію другихъ лицъ женскаго пола, имеющихъ свободное на сіе право, съ тѣмъ, чтобы Начальница въ ономъ была избрана изъ среды ихъ.

Третіе. Исправленіе строеній монастыря для общежитія и распоряженіе въ пользу онаго угодами поручить попеченію усердствующаго къ открытію сего богоугоднаго заведенія Порутчика Верховскаго, который не нарушая уединеннаго житія посвящающихъ себя оному, удобнее можетъ исполнять сіе, жительствуя внѣ монастыря.

Четвертое. Общежитію сему быть въ завѣдываніи Епархіальнаго Начальства, но безъ требованія по управленію онаго Економическаго частью отчетовъ, поелику заведеніе сіе существовать главно будетъ отъ собственнаго и благотворителей содержанія.

Пятое. Въ отношеніи образа жизни имѣющихъ водвориться въ сіе общежитіе, имѣютъ поступать они сообразно съ общими правилами монашескаго житія, и исправленіе въ Церкви онаго требъ, относящихся до мірскихъ людей, не допускать.

Шестое. Къ церкви онаго общежитія для исправленія служенія опредѣлить Священника и двухъ причетниковъ съ жалованіемъ первому по 250, а послѣднимъ по 125 рублей въ годъ, на

которое отдѣлить производимые нынѣ въ милостинную дачу 300 рублей, а остальные 200 рублей изъ процѣнтовъ съ капитала, представленными документами утвержденнаго; прочую же затѣмъ сумму представить въ распоряженіе по общежитію на поправленіе зданій монастырскихъ, равно и на устроеніе домовъ священно-церковнослужителямъ, которые должны быть внѣ монастыря и подъ которые отвести потребное количество усадебной и огородной земли.

Седьмое. По таковомъ обращеніи Туринскаго монастыря, находящіяся нынѣ въ ономъ Строитель и вдовый Священникъ поступятъ въ другіе монастыри, въ Tobольской Епархіи состоящіе.

Всемилоствѣйшій Государь!

Синодъ, всеподданнѣйше представляя о семъ Вашему Императорскому Величеству, испрашиваетъ на оное Высочайшаго указа.

Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе:

подписано:
Серафимъ, митрополитъ Новгородскій и Санкт-Петербургскій
Варлаамъ Митрополитъ
Симеонъ, Архіепископъ Ярославскій
Іона, Архіепископъ Тверскій
Духовникъ Протопресвитеръ Павелъ Криницкій
Оберъ Священникъ Іоаннъ Державинъ

№ 4

февраля__дня

[Резолюція]: На подлинномъ подписано собственною
Его Императорскаго Величества рукою:

«Быть по сему. Александръ»

Въ С. Петербургѣ 13го февраля 1822го года.
Оберъ Секретарь Гаврило Онурихинъ

Съ подлиннымъ вѣрно Столоначальник (подпись)

**Ходатайство преподобнаго Зосимы о служителях
для Туринскаго монастыря. Автограф**

[л. 18 об.]

Монастырь сей преждѣ почитался заштатнымъ, но нынѣ положенъ почит[ат]ися третикласнымъ девичьемъ монастыремъ, а посему и просимъ определить служителей назначеное число для

третьихъ класныхъ монастырей. Нужно потому, что сестрамъ определ[ен]о жить на собственомъ содержаніи, а потому и не въ состояніи всегда работниковъ нанимать для таковыхъ служеніи, каковыя приличествуютъ токму мужескому полу, какъ то: присмотръ имѣть за земельными угодьями, за дровами и рыбною ловлею. А если сего невозможно, то просимъ писма къ нашему военному губернатору къ Копцевичу, дабы поне за цену отпустили желающихъ служить сему монастырю.

[Подписи и даты нет.]

**Из доклада Святейшего Синода об определении служителей
для Туринского женского монастыря**

[лл. 21–22]

**Объ учрѣжденномъ въ Tobольской Епархіи
женскомъ общежитіи**

[Вначале излагаются утвержденные императорским указом общие положения об учреждении общежития в 1822 году (см. выше)]

... Нынѣ Верховскій представляетъ, что поелику заведеніе сіе существовать должно отъ собственнаго и благотворителей содержанія, то посвящающіе себя въ ономъ уединенію не въ состояніи будутъ нанимать всегда работниковъ для исправленія разныхъ служеній, приличествующихъ токмо мужескому полу и особенно нужныхъ для присмотра за земляными угодьями, дровами и рыбною ловлею.

Почему и проситъ онъ о назначеніи къ сей обители служителей противъ третьекласныхъ женскихъ монастырей. Въ случае же затрудненія, предписать Tobольскому и Томскому Генералъ-Губернатору объ отпускѣ хотя изъ найма потребнаго числа работниковъ.

По штатамъ третьекласныхъ женскихъ монастырей полагается служителей 3 человека.

На содержаніе ихъ производится изъ казны каждому по 21 руб. 22 ³/₄ коп., да на платежъ за нихъ подушныхъ и оброчныхъ по 11 руб. 30 коп, всего 97 руб. 57 ³/₄ коп.

[Резолюция:]

Докладывано 3го февраля 1823.

Высочайше указомъ соизволилъ удовлетворить сей прозбѣ Министру финансовъ по положенію третьекласныхъ женскихъ монастырей.

**Отношение Министерства духовных дел и народного
просвещения Святейшему Синоду**

[л. 24]

Святѣйшему Правительствующему Синоду
Предложеніе

12 февраля 1823. № 522.

Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ къ учрежденному въ Tobольской Епархіи близъ города Туринска женскому общежитію опредѣлить положенныхъ по штату третьекласныхъ женскихъ монастырей трехъ служителей съ производеніемъ на нихъ жалованія и прочихъ окладовъ.

Объявивъ сіе высочайшее повелѣніе Министру финансовъ для надлежащаго исполненія, я имѣю честь довести о томъ до свѣденія Св. Синодъ.

Подлинное подписали: Г. Г. Министръ и Директоръ.

**Об определеніи служителей в третьеклассный Туринский
женский монастырь и суммы на их содержание**

[л. 31]

Канцелярія Святѣйшаго Правительствующаго Синода на запросъ 1го отдѣленія Департамента Духовныхъ дѣлъ отъ 2го сего Апреля за № 42^{мб}, симъ увѣдомляетъ, что Tobольской Епархіи въ третьекласномъ Рождественскомъ монастырѣ, сообразно которому опредѣлены три служителя и въ Туринское общежитіе, положено служителямъ 3^{мб} челоуѣкамъ жалованія, каждому по штату 1764 года, 8 руб., къ тому прибавлено: въ 1768^{мб} году 6 руб. 22 ¹/₂ коп., въ 1797^{мб} году 7 руб., итого 21 руб. 22 ¹/₂ коп., а тремъ 63 руб. 67 ¹/₂ коп.; да на платежъ за нихъ подушныхъ и оброчныхъ денегъ, на каждого съ прибавкою по 10 руб. 80 коп., а на всѣхъ 32 руб. 40 коп.

**Письмо преподобного Зосимы князю П. С. Мещерскому.
Автограф**

[л. 19]

Сіятельнѣйшій Князь,
Милостивый Государь и благодѣтель!

Благодѣянія Вашего Сіятельства, для новой Туринской женской пустыни оказанныя, совершенно увѣряютъ, что Ваше Сіятельство и на будущее время не престаните къ благу оной

споспѣшествовать. И по сему я осмѣливаюсь всепокорнейше просить Васъ, Сіятельнѣйшій Князь! Не оставьте о Высочайшемъ утвержденіи помянутой женской пустыни и о порученіи мнѣ объ устройствѣ оной имѣть попеченіе, дать знать Его Превосходительству Г. Сибирскому Генералъ-Губернатору Михайлу Михайловичу Сперанскому. Я надѣюсь, что онъ съ полученіемъ сего свѣденія, не оставитъ оказывать въ пользу той пустыни всѣхъ зависящихъ и съ его стороны благодѣяній.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ имею щастіе быть всегда
Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя и благодетеля
6 марта 1822 г. оставной порутчикъ Захаръ Верховской
попечитель женскаго монастыря Туринскаго

**Ходатайство преподобного Зосимы о земельных угодьях
Туринского монастыря. Автограф**

[лл. 25–25 об.]

Прошедшаго 1822 года февраля 13 дня по благоволенію Его императорскаго Величества находящися при городѣ Туринске Святониколаевской заштатной монастырь обращенъ въ женское общежитіе на правѣ третикласныхъ монастырей. И попеченіе имѣть о немъ, равно ѣ о построеніи домовъ для священника ѣ причетниковъ церковныхъ вверено мне. Подъ строеніе же церковнослужителемъ повелено отвести усадебной ѣ огородной земли доволное количество. Но находящійся при монастыре земли, не токмо излишественной не находится, но еще со стороны западной имѣется умаленіе, а потому ѣ невозможно распространить строеніе, дабы келіи не столь близу церкви были. Къ такому же занятію для распространенія, находится тамо смежное съ монастыремъ праздная пространая площадь, ѣ ежели позволено будетъ отъ оной площади поне 10 сажень присоединить къ монастырю, тогда можно будетъ уделить и подъ строеніе домовъ причта церковнаго, дабы оне могли имѣть жилище неудаленое отъ монастыря. А потому и прошу послать указъ или сообщеніе, дабы причислить оную площадь къ монастырю, а если невозможно всю, то поне 10 сажень, понеже на восточной стране хотя ѣ много пространство имѣется, но неудобно для монастырскаго строенія, ради крутаго подгорья, ѣбо отъ подгорья точію 4 сажень до церкви имѣется.

Такожде ѣ о прочихъ угодіяхъ, принадлежащихъ сему монастырю, повелеть утвердить достодолжно, дабы более во споръ не было.

[Подписи и даты нет.]

**Записка преподобного Зосимы Верховского князю
П. С. Мещерскому. Автограф**

[лл. 26–26 об.]

Прошлаго 1822 года февраля 13 дня по докладу Святѣйшаго правитѣлствующаго Синода Его Императорскому величеству, находящійся въ Tobолской Епархіи при городѣ Туринске Святониколаевской заштатной монастырь обращенъ быть на праве женскихъ третикласныхъ монастырей, ѣ опредѣлено, чтобъ подѣ строенія домовъ для священника ѣ причетниковъ церковныхъ отведено было земли усадебной ѣ огородной довольно. Но какъ земли, принадлежащія монастырю, излишественной не имется, но еще ѣ умаленіе состор[он]ы западной показуется, ѣ нужно распространить, дабы строеніе не столь близко церкви было. Того ради и просилъ въ Туринскомъ городническомъ правленіи, дабы праздно находящуюся за монастыремъ землю присоединить къ монастырю какъ для пространенія строенія монастырскаго, равно и для домовъ причта церковнаго, поне десеть сажень. Но Tobолской губернаторъ отказалъ, сказуя неможно позволить потому, что уже планъ подписанъ Его Императорскаго величества рукою. Но какъ уже стараніемъ моимъ всякой матеріаль — лесъ, кирпичъ и прочее все, такожь ѣ работники готовы, старая же ограда уже ветхости ради негодна ѣ келіи мало, да и та весма ветхи, а посему неотложно нужно въ начале весны строеніе начать.

Того ради прошу ваше сіятелство, возвестите Tobолскому губернатору, чтобъ не продолжая время повелелъ хотя 10 сажень прибавити къ монастырю, отъ оной празднои площади, находящійся подѣ монастыремъ смежно.

[Подписи и даты нет.]

**Письмо Васильевыхъ Министру народного просвещения
А. С. Шишкову**

[лл. 58–59 об.]

Ваше Высокопревосходительство!
Милостивейшій Государь!

Горестная необходимость заставляетъ безпомощныхъ сиротъ беспокоить вашу особу симъ объясненіемъ и умолять Ваше Высокопревосходительство! о покровительстве и защищеніи.

Я и дочь моя, вдова и сирота покойнаго коллежскаго советника Матвея Васильева, котораго всемилостивейшій Государь за безпорочную службу наградилъ полнымъ пенсіономъ и орденомъ

Прошедшаго 1822 года февраля 13. дн.,
по повелению Его императорскаго
Величества находящийся при город-
туринске соборыи колодезской Заимати-
ной монастырь обращен въ епископское обще-
ство и направили туда клясыи мона-
шескыи, и пожелали илбати оныи, равно
и по строеніи домовъ для священника и
престаниковъ церковныи въверено мне.
позстроены въ церковнослужителескыи по
желанию обрести усадьбуи погородной земли
довольное количество. Но находящийся при
монастырь земли, илбокло изъимствованной
не находится. Но еще съ стороны Западной
илбати усадьбыи, а потому илбавозможно
распространити строеныи, дабы келіи небыли
близу церкви быти. Келіи же поужоу Заимати
для распространеныи, находится. Тамъ сел-
фиеи монастырелескыи пражуи проіранити
плотыи, илбегамъ позволено будетъ бокой

*Ходатайство старца Зосимы о земельных угодьях
Туринского монастыря. Автограф. Российский
государственный исторический архив (собрание
Синода), ф. 797, оп. 2, д. 7918, л. 25*

святаго равноапостолнаго князя Владиміра, четвертой степени, о чемъ имеемъ мы высочайшій рескриптъ и статутъ; съ 1822го года находимся въ Свято-Николаевскомъ женскомъ монастыре при городе Туринске, которой мы получили отъ всемилостивейшаго Монарха такъ какъ тихое пристанище, где надеялись провести жизнь нашу спокойно, посвятивъ себя Богу, но спокойствіе наше совершенно разрушено. Гибельное ослепленіе было причиною, что мы поручили нашъ капиталъ и всю зависимость такому человеку, которой во зло употребилъ нашу доверенность; попечитель строенія отставной порутчикъ Захаръ Верховскій насилственно похитилъ всю власть и денги, которыя жертвованы отъ благотворителей въ святую обитель, называетъ ихъ своею собственностію, нарушаетъ права святой обители, позволяя входъ мущинамъ въ келіи къ его племянницамъ, перечитываетъ наши письма, и темъ, которыхъ доверенностію и капиталомъ получилъ учрежденіе монастыря, теперь делаетъ чувствительнейшія угнетенія и обиды, некоторая часть сихъ обидъ упомянута въ записке, поданной нами въ октябрѣ мѣсяцъ прошлаго года епархіалному нашему архіепископу Амвросію, снова ихъ описывать неостанетъ ни возможности, ни времени, простите великодушно, Ваше Высокопревосходительство! Дерзаемъ угнетенныхъ сердецъ нашихъ осмеливающихся адресоваться къ вашей особе, въ горестномъ нашемъ положеніи мы не имеемъ никого покровителемъ на земли. Вся наша зависимость находится во власти попечителя, которой становится оскорбителемъ и старается привести насъ въ ненависть къ сестрамъ, которыхъ большая часть миранно любитъ насъ. Видя совершенную безпомощность свою, обращаемся къ вашему высокопревосходительству такъ, какъ къ покровителю страждущаго человечества. Горестъ, единая горестъ водить перомъ моимъ! Теперь мы съ родительницею моею и прадаанными намъ сестрами, принужденными находится, томится въ угнетеніи отъ попечителя, потому что владыка Амвросій не можетъ предпринять никакихъ дальнейшихъ меръ до резолюціи изъ Святейшаго Синода, объясняя, что непосредственно предоставлено попечителю нашему распоряжаться всемъ управленіемъ монастыря. Уже прошло более шести мѣсяцевъ какъ было о семъ следствіе изъ Святейшаго Синода, и решенія еще нетъ по сіе время. И такъ, какихъ притесненій, какихъ оскорбленій мы не переносимъ и еще имеемъ надеяться отъ попечителя? Мы утруждали о семъ письмомъ Ее Императорское Величество всемилостивѣйшую Государыню Марію Феодоровну. Такъ же писали къ прежде-бывшему министру Князю Голицыну и къ Митрополиту

Серафиму, ныне же узнали, что богоподобному нашему Монарху угодно было поручить сію важную должность Вашей особе. Обращаемся къ Вашему Высокопревосходительству, и умоляемъ обратить Ваше вниманіе на окончаніе сего дела, разсмотреніе следствія покажетъ Вашему Высокопревосходительству, сколь важныя причины заставили насъ умолять разсмотреть дела попечителя, которой во многомъ нарушаетъ православную веру и ни во что ставитъ святость Монастырскихъ уставовъ, позволяя въ одной обители жить людямъ обоого пола. Напротивъ же, техъ сестръ, которыя къ намъ расположены, насилственно вытесняетъ изъ обители, и почти каждой день делаетъ намъ ужаснейшія обиды. Единая надежда на милостівое покровительство и защищеніе Вашего Высокопревосходительства будетъ нашею подпорою и единственнымъ оживленіемъ сердецъ нашихъ, убитыхъ горестію! Предаваясь сей сладкой надежде, утешительнице несчастныхъ безпомощныхъ сиротъ, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и полною преданностію честь имеемъ быть

1824го года іюля 7го дня
Свято-Николаевскій
девичій монастырь
въ городе Туринске

Вашего Высокопревосходительства!
Милостивейшаго Государя!
Всепокорнейшія слуги
Настасья Васильева и дочь ея
девица Наталья Васильева

Письмо А. С. Шишкова князю П. С. Мещерскому

[л.57]

Милостивый Государь мой
Князь Петръ Сергеевичъ!

Находящіяся въ Святониколаевскомъ женскомъ монастырѣ, при городѣ Туринскѣ, вдова коллежская совѣтница Настасья Васильева и дочь ея дѣвица Наталья Васильева присланнымъ на мое имя письмомъ просятъ о защитѣ ихъ отъ дѣлаемыхъ имъ попечителемъ строенія помянутой обители отставнымъ порутчикомъ Захаромъ Верховскимъ притѣсненій.

Препровождая при семъ означенное письмо Васильевыхъ въ подлинникъ къ Вашему Сіятельству, съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть

Вашего Сіятельства покорнейшимъ слугою
Александръ Шишковъ.

С. Петербургъ 9 августа 1824 г.

Отношение обер-прокурора князя П. С. Мещерского
Святейшему Синоду

[л. 60]

Святѣйшему Правительствующему Синоду
Предложеніе

Министръ народнаго просвѣщенія Г. Адмиралъ Александръ Семеновъ Шишковъ препроводилъ ко мнѣ присланную на имя его просьбу отъ находящихся въ Туринскомъ Николаевскомъ женскомъ монастырѣ вдовы коллежской совѣтницы Настасьи Васильевой и дочери ея дѣвицы Натальи, кои просятъ защиты отъ притесненій, дѣлаемыхъ имъ попечителемъ строенія означенной обители отставнымъ Поручикомъ Захаромъ Верховскимъ.

Я имѣю честь списокъ съ сего прошенія предложить Святѣйшему Синоду для разсмотрѣнія съ дѣломъ, по представленію попечителя Верховскаго производящимся, о неприличныхъ поступкахъ сихъ просительницъ.

Августа 1824.

Подписано: Оберъ-прокуроръ
Князь Мещерскій.

Донесение князя П. С. Мещерского
Императору Александру Павловичу

[лл. 69–70 об.]

Высочайше утвержденнымъ въ 13 день февраля 1822 года докладомъ Святѣйшаго Синода положено находящійся въ Тобольской Епархіи заштатный Туринскій мужескій монастырь обратить въ женское общежитіе съ порученіемъ исправленія строеній онаго отставному порутчику Верховскому, изъявившему на то особенное усердіе, съ тѣмъ однакожь, чтобъ онъ имѣлъ жительство внѣ монастыря.

Въ послѣдствіи Тобольскій Архіепископъ между прочимъ донесъ Святѣйшему Синоду, что порутчикъ Верховскій жительствоуетъ не внѣ монастыря, а внутри съ другимъ мужчиною, и обращающаяся съ сестрами предосудительно, дѣлаетъ имъ неприличные наставленія, съ прямымъ невѣжествомъ въ чистотѣ Христіанскаго ученія; распоряжаетъ суммами монастыря; безъ согласія сестръ положилъ въ банкъ 7 т. р. на свое имя, не допускаетъ сестръ въ избраніи игуменьи, читаетъ въ церкви старообрядческіе книги, служитъ безъ священника молебны съ провозглашеніемъ отпустовъ и выносомъ Евангелія, дозволяетъ къ двумъ

молодымъ девушкамъ ходитъ холостому человѣку для ученія живописи и тайно отъ монашествующихъ хранитъ банковые билеты и разныя вещи, также сундукъ съ вещами, принадлежащими игуменъ Екатеринбургскаго монастыря Таисіи.

По разсмотрѣніи произведеннаго о семъ изслѣдованія Святѣйшій Синодъ призналъ дѣйствія Верховскаго неумышленными, однако полагаетъ несовмѣстнымъ оставить его долѣе при монастырѣ потому, что онъ вмѣшивался во внутреннее управленіе его и подалъ другимъ поводъ мнить о себѣ соблазнительно, да и самъ онъ оставаться при одной той части, къ коей назначенъ, не желаетъ.

Но поелику онъ въ должность попечителя монастыря опредѣленъ по Высочайшему соизволенію, то предварительно увольненія его отъ оной Святѣйшій Синодъ поручилъ мнѣ донести о семъ Вашему Императорскому Величеству.

Оберъ-прокуроръ князь Мещерскій
Начальникъ Отделенія Чичаговъ

[Резолюція:]

По опредѣленію Святѣйшаго Синода объ увольненіи
отставнаго порутчика Верховскаго отъ попечительства
надъ Туринскимъ женскимъ монастыремъ

3 ноября 1824 г.

№ 66

Высочайше повелеваетъ Государь Императоръ — Верховскаго
удалить.

13 Генваря 1825

**Письмо Варвары и Матроны Верховскихъ
Императрице Марии Феодоровне. Автограф Веры (Варвары)
Верховской**

[лл. 85–86 об.]

Ваше Императорское Величество
Всеимлостивейшая Государыня,

Ваше покровительство всѣмъ сиротамъ и вдовицамъ, Ваши милости къ всѣмъ беднымъ и несчастнымъ подали намъ смѣлость прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ надеждою, что благодѣтельная душа Ваша не отвергнетъ и насъ бѣдныхъ безпристанищныхъ сиротъ, не имущихъ и гдѣ главу поклонить. Не дерзая же беспокоить Вашего Императорскаго Величества пространномъ повѣствованіемъ всѣхъ горесныхъ произшествій нашихъ, осмѣливаемся донести только о томъ

Вашему Императорскому Величеству, что оставя міръ, родныхъ и родину нашу, мы посвятили себя на служеніе Богу и жили несколько времени въ Тобольской Губерніи въ городъ Туринскъ въ женскомъ Николаевскомъ монастырѣ подъ покровительствомъ родного дяди нашего, который проведши сорокъ лѣтъ своей жизни прежде въ монастыряхъ, а потомъ въ уединенной пустынѣ въ служеніи Богу, заслужилъ довѣренность Святѣйшаго Синода и былъ поставленъ отъ онаго, по докладу Его Императорскому Величеству покойному о Бозѣ почившему Государю, попечителемъ сего Туринскаго монастыря, которой его же стараніями поправленъ и возобновленъ; но послѣ по несправедливымъ доношеніямъ онъ отрѣшенъ отъ сей должности и удаленъ отъ монастыря; то и мы, вѣдая его невин[н]ость и имѣя въ немъ единомъ себѣ и отца и покровителя и наставника, не могли безъ него остаться въ монастырѣ, и съ нами не разлучились и еще пятнадцать сестръ, кои теперь желаютъ управлять всегда посвященную на богослуженіе жизнь свою совѣтами сего опытнаго духовнаго своего наставника; и мы всѣ теперь не имѣемъ никакого состоянія, ни пристанища, ни покровительства, то и находимъ себя принужденными утруждать Государя Императора, прося Его милости. Но какъ Матерь Божія Царица Небесная ходатайствуетъ всегда у Сына Своего Христа Бога нашего за всѣхъ къ Ней прибѣгающихъ, такъ и Ваше Императорское Величество, будьте ходатайцею нашею у сына Вашего Царя нашего! Мы ничего не смѣемъ болѣе просить, но только одной милости, чтобы Его Императорское Величество благоволилъ позволить намъ устроить свое общежитіе съ церквію подъ вѣденіемъ сего пустыннаго дяди нашего; ибо нѣкоторые благотворители готовы дать намъ мѣсто и помочь въ устроеніи, естли только будетъ на сіе благоволеніе Его Императорскаго Величества, а содержать себя мы съ Божіею помощію надѣемся нашимъ руководѣіемъ. — Но только сей дядя нашъ, будучи отрѣшенъ отъ управленія надъ монастыремъ, въ коемъ мы находились, не смѣетъ теперь безъ дозволенія Государя завѣдовать теперь и нашимъ обществомъ, хотя мы всѣ и просимъ его о семъ; но хочетъ опять обратиться въ свою уединенную пустынь; ибо, довольствуясь однимъ свидѣтельствомъ чистой совѣсти своей, не ищетъ и не желаетъ оправдать себя; но мы, лишаясь въ немъ отца сиротству какъ подпоры нашей молодости, наставника нашей неопытности, покровителя и попечителя жизни нашей, у ногъ Вашего Императорскаго Величества со слезами умоляемъ Васъ именемъ Самаго Бога и Матери Божіей Вашимъ предстательствомъ у Государя Императора возвратить намъ сего отца нашего и позволить неразлучно съ нимъ и между собою устроить жизнь нашу, гдѣ Господь даетъ намъ мѣсто, и тѣмъ Вы оживите убитыя горестію души наша и осушите слезы, два года проливаемые.

Ваше Императорское Величество!

Если бы дядя нашъ былъ виноватъ, или мы чувствовали бы себя виновными, то какъ бы дерзнули беспокоить Ваше Императорское Величество, а потомъ и самаго Монарха нашего; но и само событіе оправдываетъ дядю нашего, ибо не только мы, двѣ родныя его племянницы, но и сѣи совсемъ чужія ему, подъ его веденіемъ въ монастырь жившія сестры, о которыхъ въ дѣлѣ его показано, что будто прежде доносили на него, оставили теперь для того монастырь тотъ, чтобы не разлучиться съ нимъ, и теперь вмѣстѣ съ нами умоляютъ о семъ Ваше Императорское Величество.

Если же по различнымъ слухамъ Государь Императоръ возьмѣетъ какое подозреніе о дяди нашемъ или о всемъ нашемъ обществѣ, то мы съ радостію готовы подвергнуться всѣмъ стражайшимъ испытаніямъ и даже сами желаемъ, чтобы повѣлено было рассмотреть уставъ и образъ жизни нашей и истинное исповѣданіе наше, съ нашею православною церковію неразнственное, ибо тѣмъ утолились бы различные клеветы на наше общество. Въ монастырь же не входимъ мы потому, что будучи соединены между собою истиннымъ духовнымъ дружествомъ и святою любовію, не желаемъ разлучиться; не желаемъ лишаться и руководства сего отца и наставника нашего. Къ тому же испытаніямъ уже много огорченій в Туринскомъ монастырѣ, мы, хотя не возвращаясь въ свѣтъ и не оставляя образа жизни монастырской, но желаемъ свободными служить Богу; ибо хотъ и жили въ монастырѣ, но не постригались и находимся въ свѣтскомъ званіи.

И такъ теперь повергнувъ участь нашу къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, ожидаемъ Вашей милости! — Всемиловѣйшая Государыня! Будьте матерью горестнымъ сиротамъ! Пусть Вашимъ покровительствомъ устроится жизнь на благочестивомъ фундаментѣ бедныхъ скиталицъ, посвятившихъ себя на служеніе Богу и лишенныхъ теперь всего! Пусть сѣе богоугодное заведеніе умножитъ еще число безчисленныхъ Вашихъ благоотвореній, въ которыхъ мы будемъ возсылать всегда недостойныя, но горячайшія молитвы наши къ Всещедрому Богу о благоденствіи Вашемъ и Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи Вашей, и до конца жизни нашей пребыть честь имѣемъ

Вашего Императорскаго Величества
Всемиловѣйшей Государыни
Верноподданнейшія рабы
капитанскія дочери Варвара и Матрена Верховскія

Пребываніе наше имѣемъ въ Москвѣ въ домѣ надворной совѣтницы Бахметьевой близъ Донскаго монастыря въ приходѣ Положенія Ризъ.

1826го года іюля 10го дня

**Записка обер-прокурору Синода князю П. С. Мещерскому
начальника отделения Чичагова о прошении сестер
Верховских**

[лл. 87–90]

Высочайше утвержденнымъ во 13 день февраля 1822го докладомъ Св. Синода положено находящійся въ Tobольской Епархіи заштатный Туринскій мужескій монастырь обратить въ женское общежитіе съ порученіемъ исправленія строеніѣ онаго отставному порутчику Верховскому, изъявившему на то особенное усердіе, съ тѣмъ однакоже, чтобы онъ имѣлъ жительство внѣ монастыря.

Въ послѣдствіи Tobольскій Архіепископъ между прочимъ донесъ Св. Синоду, что порутчикъ Верховскій жительствоуетъ не внѣ монастыря, а внутри съ другимъ мужчиною, и обращаясь съ сестрами предосудительно, дѣлаетъ имъ неприличные наставленія съ прямымъ невѣжествомъ въ чистотѣ христіанскаго ученія; распоряжаетъ суммами монастыря, безъ согласія сестеръ, положилъ въ Банкъ 7 тыс. на свое имя, не допускаетъ сестеръ къ избранію Игуменѣи, читаетъ въ церквѣ и на трапезѣ старообрядческія книги, служитъ безъ Священника молебны съ провозглашеніемъ отпустовъ и выносомъ Евангелія, дозволяетъ къ двумъ молодымъ дѣвицамъ ходить холостому человѣку для ученія живописи и тайно отъ монашествующихъ хранитъ банковые билеты и разныя вещи, также сундукъ съ вещами, принадлежащими Игуменѣи Екатеринбургскаго монастыря Таисіи.

По разсмотрѣніи проведеннаго о семъ изслѣдованіи, Св. Синодъ призналъ дѣйствія Верховскаго неумышленными, однако призналъ несовмѣстнымъ оставлять его долѣе при монастырѣ потому, что онъ вмѣшивался во внутреннее управленіе онаго и подалъ другимъ поводъ мнить о немъ соблазнительно, да и самъ онъ оставаться при одной той части, къ коей назначенъ, не пожелалъ.

Поелику же Верховскій въ должность попечителя монастыря опредѣленъ по Высочайшему повелѣнію, то предварительно увольненія его отъ оной, Ваше Сіятельство, въ слѣдствіе порученія Св. Синода, доносили о семъ въ Божѣ почивающему Государю Императору Александру Павловичу, на что послѣдовала Высочайшая резолюція: «Верховскаго удалить».

Сія Высочайшая воля объявлена Св. Синоду для исполненія.

Нынѣ Статсъ-Секретарь Кикинъ препроводилъ къ Вашему Сіятельству на разсмотрѣніе всеподданнѣйшую просьбу племянницъ означеннаго Верховскаго дѣвицъ Варвары и Матрены Вер-

ховскихъ, поданную ими Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Дѣвицы сіи, въ просьбѣ своей упомянувъ о томъ, что они во время бытности Верховскаго попечителемъ Туринскаго женскаго монастыря, сами жили въ ономъ, показываютъ, что будто бы онъ удаленъ отъ той должности по несправедливымъ доносамъ и что они, зная его невинность и почитая своимъ покровителемъ и наставникомъ, вмѣстѣ съ другими 15^{ти} сестрами не могли послѣ того остаться въ монастырѣ, желая пользоваться совѣтами сего (по ихъ мнѣнію) опытнаго духовнаго наставника и не имѣютъ теперь никакого состоянія и пристанища. Почему и просятъ исходатайствовать имъ Высочайшее дозволеніе устроить свое общежитіе съ церковью подъ вѣденіемъ означеннаго дяди ихъ Верховскаго, который, будучи отрешенъ отъ управленія надъ монастыремъ, въ коемъ они находились, не смѣетъ безъ Высочайшаго дозволенія завѣдывать нынѣ ихъ обществомъ.

Отдѣленіе, сообразивъ просьбу Верховскихъ съ ходомъ дѣла, по коему дядя ихъ удаленъ отъ распоряженія по Туринскому монастырю, и находя, за силою Высочайше утвержденнаго постановленія о семъ, невозможнымъ удовлетворить оную, полагаютъ, что они, буде желаютъ, могутъ избрать себѣ одинъ изъ женскихъ монастырей.

О мнѣніи семъ Отдѣленіе полагаетъ доложить Его Императорскому Величеству.

Начальникъ Отделенія Чичаговъ

[Резолюція:] Предложить на заключеніе Св. Синоду

**Отношение обер-прокурора князя П. С. Мещерского
Святейшему Синоду**

[л. 91]

Св. Прав. Синоду
Предложеніе

Статсъ-Секретарь Тайный Совѣтникъ Кикинъ препроводилъ по Высочайшему повелѣнію ко мнѣ всеподданнѣйшее прошеніе, принесенное Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ дочерей Капитана Варвары и Матрены Верховскихъ, объ исходатайствованіи имъ отъ Государя Императора позволенія устроить свое общежитіе съ церковью подъ вѣденіемъ ихъ дяди, бывшаго попечителя Туринскаго женскаго общежитія.

Я имѣю честь предложить прошеніе сіе въ копіи на разсмотрѣніе Св. Синода.

30 октября 1826 г.

Оберъ Прокуроръ Князь Мещерскій

**Письмо Императору Николаю Павловичу
Варвары и Матроны Верховских. Автограф Веры
(Варвары) Верховской**

[лл. 93–94]

Ваше Императорское Величество!
Всемиловѣйшій Государь
Всеавгустѣйшій Монархъ!

Ваши безчисленныя милости ко всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ подали намъ смелость прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ надѣждою, что милосердное сердце Ваше не отвергнетъ и насъ бѣдныхъ безпристанищныхъ сиротъ. Не дерзая же беспокоить Вашего Императорскаго Величества пространнымъ повѣствованіемъ всѣхъ горестныхъ произшествій нашихъ, осмѣливаемся донести Вамъ только о томъ, что оставя міръ и родину нашу, мы посвятили себя на служеніе Богу и жили несколько времени Тобольской Губерніи въ городѣ Туринскѣ въ женскомъ Николаевскомъ монастырѣ подъ попеченіемъ роднаго дяди нашего отставнаго порутчика Захара Богданова сына Верьховскаго, которой имѣетъ отроду болѣе шестидесяти лѣтъ, около же сорока лѣтъ жизни своей онъ провѣлъ въ пустынномъ отшельствѣ въ служеніи Богу; а потомъ по докладу Его Императорскому Величеству покойному о Бозѣ почившему Государю былъ онъ отъ Святейшаго Синода поставленъ попечителемъ сего Туринскаго женскаго монастыря, которой егоже стараніемъ возобновленъ. И сверхъ издерженной на устроеніе онаго суммы, приобретенной дядею нашимъ, которая извѣстна въ поданныхъ отъ него регистрахъ, онъ оставилъ въ пользу сего монастыря вочныхъ актовъ и билетовъ на восемь тысячъ. Послѣ же по несправедливымъ на него въ Святѣйшій Синодъ донесеніямъ, онъ отъ его должности отставленъ и отъ монастыря удаленъ; но мы, вѣдая его невинность, а наипаче имѣя его въ сиротствѣ нашемъ вмѣсто отца и матери и попечителя и наставника, не могли безъ него остаться въ монастырѣ, и съ нами еще 15^{тѣ} сестръ, соединенныхъ съ нами истиннымъ о Бозѣ духовнымъ дружествомъ, оставили для того монастырь, дабы находясь неразлучно съ нами, пользоваться его наставленіями; сіе, кажется, можетъ послужить доказательствомъ его невинности. Къ тому же еще онъ готовъ всегда засвидѣтельствовать и утвердить невинность его торжественною присягою, естли только нужно сіе будетъ. А еще болѣе оправдываетъ его то, что и та самая, которая доносила на него, просила у него послѣ прощенія и, примирившись съ нимъ, подавала сама во Святѣйшій Синодъ мировое прошеніе и теперь она сама чувствуетъ свою несправедливость; въ доказательство

чего дядя нашъ имѣетъ нѣсколько писемъ собственной руки ея, въ коихъ она изъясняетъ свое величайшее раскаяніе и признаніе; но онъ, довольствуясь единственнымъ свидѣтельствомъ чистой совѣсти своей, не ищетъ оправдаться въ мірѣ семъ, и ничего не желаетъ сего свѣта и, пользуясь полученною свободою, желаетъ опять обратиться въ свое пустынное отшельническое уединеніе; но мы, теряя въ немъ отца сиротству нашему, подпору нашей молодости, наставника нашей неопытности и попечителя о жизни нашей, осмѣлились со слезами прибѣгнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, умоляя о сей милости: благоволите позволить ему имѣть объ насъ попеченіе, удѣляя на посѣщеніе насъ нѣкоторое время изъ своего уединенія; ибо нѣкоторые благотворители даютъ намъ и мѣсто для устроенія нашей жизни, общаются и помочъ въ устроеніи нашемъ, а содержать себя мы будемъ нашимъ руководѣлемъ. Но только безъ дяди нашего мы не можемъ ни по внѣшности устроить себя, ни въ душевномъ спасеніи управить жизни нашей; а онъ, будучи отрѣшенъ отъ монастыря, не смѣетъ теперь безъ дозволенія Вашего Императорскаго Величества имѣть попеченіе о устроеніи и нашей жизни, чтобы тѣмъ не подать подозренія, что онъ самовольно заводитъ какое-нибудь общежитіе, а естли бы дядя нашъ въ чемъ-нибудь былъ виновенъ, то какъ бы дерзнули мы беспокоить Ваше Императорское Величество?

Итакъ, повергнувъ теперь участь нашу къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, ожидаемъ сей милости Вашей, коею Вы, даровавъ намъ отца нашего и позволивъ намъ вмѣстѣ со всѣми духовными сестрами нашими пристроиться гдѣ-нибудь при церкви подъ его только попеченіемъ, оживите убитыя горестью души наши и осушите горькія слезы, два года проливаемые, и заставьте во всю жизнь нашу, не по одной только обязанности, но съ чувствами горячнѣйшими, возсылать хотя недостойныя, но усерднѣйшія моленія наши къ Всещедрому Богу о благоденствіи Вашего Императорскаго Величества и всей августѣйшей фамиліи Вашей.

Всемиловѣйшій Государь, благоволите, да Ваше на престолѣ возшествіе будетъ избавленіемъ и прекращеніемъ скорбей и возстановленіемъ жизни насъ бѣдныхъ безпомощныхъ, кои имѣя счастье съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергнуться къ священнѣйшимъ стопамъ Вашимъ.

Вашего Императорскаго Величества Всемиловѣйшаго Государя

вѣрноподданнѣйшія рабы капитанскія дочери дѣвицы Варвара и Матрена Ильины дочери Вѣрховскія

Москва августа 14го дня 1826го года

Пребываніе имѣемъ въ домѣ господина Шереметьева въ Старой Басманной въ приходѣ Никиты Мученика.

**Отношение обер-прокурора князя П. С. Мещерского
Святейшему Синоду**

[л. 95]

Св. Правит. Синоду
Предложеніе

Отъ 30 минувшаго октября я имѣлъ честь предложить на разсмотрѣніе Св. Синода копію со всеподданнѣйшей просьбы, присланной Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ дочерей капитана Варвары и Матрены Верховскихъ объ исхода-тайствованіи у Государя Императора позволенія устроить свое общежитіе съ церковью подъ вѣденіемъ ихъ дяди, бывшаго попечителя Туринскаго женскаго общежитія.

Нынѣ князь А. Н. Голицынъ по высочайшему повелѣнію препроводилъ ко мнѣ новую всеподданнѣйшую просьбу Верховскихъ, принесенную ими Государю Императору по сему же предмету, съ коей списокъ честь имѣю предложить при семъ Св. Синоду для совокупнаго разсмотрѣнія съ прежнею.

подписано: Оберъ Прокуроръ князь Мещерскій
9 декабря 1826

**Прошение Варвары и Матроны Верховскихъ
обер-прокурору Святейшего Синода князю П. С. Мещерскому.
Автограф Веры (Варвары) Верховской**

[лл. 96–97 об.]

Святѣйшаго Правительствующаго Синода Господину
оберъ-прокурору Его Сіятельству князю Петру Сергѣевичу
Мещерскому капитанскихъ дочерей дѣвицъ Варвары и Матроны
Верховскихъ

Всепокорнѣйшее прошеніе

Сего 1826-го Декабря 1го мы получили бумагу, посланную къ намъ отъ 19го ноября сего же года, изъ коей увидѣли, что по Высочайшему Его Императорскаго Величества повѣлѣнію всеподданнѣйшее наше прошеніе отъ 14го августа сего 1826го года препровождено на разсмотрѣніе Вашему Сіятельству. Почему, хотя и увѣрены мы, что сострадательная душа ваша не попуститъ намъ болѣе влачить плачевную жизнь безъ пріюта и безъ крова; однако чтобы Ваше Сіятельство могли согласить милосердіе свое

и съ правосудіемъ, мы почли за нужное для насъ объяснить вамъ самую истинну.

Вашему Сіятельству извѣстно, почему дядя нашъ отставленъ отъ должности попечительства своего надъ Туринскимъ Николаевскимъ женскимъ монастыремъ. Но можетъ быть не извѣстно вамъ въ точности, сколько сіе удаленіе его произвѣло горестныхъ послѣдствій и на участь многихъ! Ибо кромѣ насъ, двухъ родныхъ племянницъ его, но съ нами страждутъ и еще пятнадцать сестръ. Также можетъ быть неизвѣстна вамъ и его невинность! Онъ же хотя и имѣетъ весьма сильныя и достаточныя доказательства противъ несправедливыхъ на него донесеній, но онъ не ищетъ ничего въ етой жизни, а потому и не оправдывается, ибо желаетъ опять обратиться на свое пустынное безмолвіе. Но мы имѣемъ въ немъ отца сиротству нашему, наставника и подпору нашей молодости, и попечителя какъ о душевномъ спасеніи нашемъ, такъ и о всемъ нужномъ для жизни нашей, а посему и чувствуемъ, что разстаться съ нимъ намъ равно какъ съ нашею жизнью; такъ же и сіи 15^{ть} сестръ, нынѣ съ нами находящіяся, оставили и свою сторону и родителей и родныхъ и все свое имущество, и монастырь Туринскій, и во время слѣдствія и комиссіи, бывшихъ въ ономъ монастырѣ, по своему о Божѣ усердію къ нашему дяди, не могли склониться на бывшіи имъ разныя убѣжденія и угрозы, за что и претерпели много оскорбительныхъ притесненій, и вотъ третій годъ терпятъ съ нами безъ пристанища всякія огорченія, но и еще готовы претерпѣть все, что Богу угодно будетъ попустить, для того только, чтобы жить всѣмъ намъ вмѣстѣ, едіно о Христѣ, и пользоваться всегда наставленіями сего нашего дяди. Сего, кажется, довольно уже въ доказательство его невинности, а посему и онъ со своей стороны по обязанности христіанской и изъ сожаленія ко всѣмъ намъ соглашается не оставлять насъ вовсе, но желаетъ съ помощію Божіею пристроить насъ где-нибудь близъ церкви и посещать изъ своего уединенія.

А что его руководство не разнственно есть отъ преданій святыхъ отецъ, сіе самое свидѣтельствуется таковая всѣхъ насъ къ нему духовная сильная привязанность, ибо если бы онъ внушилъ такъ, какъ донесено на него, чтобы почитать его какъ Христа, то темъ бы болѣе отвратилъ отъ себя, поелику каждая и самая непросвещенная могли бы понять вредъ такого ученія, но вместо сего во всѣхъ своихъ наставленіяхъ и распоряженіяхъ онъ утверждаетъ только на правила Святыхъ отецъ, и симъ-то самымъ заставилъ всехъ насъ столь крепко держаться его, и потому, чтобы открыть его невинность, не только мы, его племянницы, но и всѣ сіи сестры готовы бы на все рѣшиться и во

увѣреніе вторичную сотворить присягу и сами лично предстать предъ лице ваше, но дядя нашъ не позволяетъ намъ такъ усиленно оправдывать его, говоря, что желаетъ только явиться правымъ на страшномъ всемірномъ судѣ Христовомъ, а въ здѣшнемъ мірѣ после сорокалѣтней пустынной жизни тяжело совѣсти его имѣть какіе хлопоты и судейскіе дѣла, и желаетъ лучше самъ все терпѣть, нежели причинять кому непріятность, и потому самъ и не вступаетъ за себя, но и намъ позволилъ просить Всемилостивѣйшаго Государя Императора объ одномъ только его Высочайшемъ благоволеніи на такое устроеніе нашей жизни, а сіе позволилъ намъ только для того, чтобы никто не могъ сказать, что старецъ, отрѣшенный отъ монастыря, и сестры, вышедшіе изъ онаго, самовольно заводятъ какое-то зборище, и тѣмъ не возмущилась опять такая жизнь наша.

Вступить же въ какой-нибудь монастырь мы никакъ не можемъ, не потому только, что претерпѣли уже мы столько горестей и несправедливыхъ притѣсненій въ Туринскомъ монастырѣ, но потому болѣе, что никакъ не можемъ разстаться между собою и лишиться сего нашего отца и наставника, благостію Божіею намъ посланнаго; однимъ словомъ, мы всѣ чувствуемъ себя никакъ не склонными разойтись по монастырямъ. А естлибы мы могли рѣшиться на сіе, то намъ бы не нужно было и беспокоить Его Императорское Величество, но мы желаемъ, въ свѣцкомъ же званіи нашемъ, въ каковомъ всѣ находимся, но только удалясь отъ міру всѣ вообще пристроиться гдѣ-нибудь близъ церкви и по силамъ нашимъ въ единоклюбіи служить Богу подъ руководствомъ и попеченіемъ нашего дяди, на таковое то устроеніе мы и просимъ всеподданнѣйше благоволеніе Его Императорскаго Величества, и при помощи Божіей чувствуя въ совѣсти нашей, что мы единственно Бога ради желаемъ провождать такой образъ жизни, смѣло подвергаемъ себя всякому испытанію и разсмотрѣнію какъ о православіи нашего исповѣданія, такъ и о всемъ внѣшнемъ и внутреннемъ устроеніи житія нашего.

Если же возмнится Вашему Сіятельству сумнительнымъ то, что родные племянницы оправдываютъ дядю, въ такомъ случае какъ мы сами, такъ и сестры сіи, живущіи съ нами, готовы всегда, какъ и выше объяснили, засвидѣтельствовать сіе хотя предъ цѣлымъ свѣтомъ священной присягою — Самимъ Богомъ.

При семъ убѣдительноше умоляемъ Васъ, боголюбивѣйшій благодѣтель, ради всего, что есть для Васъ священнаго, паче же ради Самаго Господа нашего Іисуса Христа и ради Пресвятыя Матери Его, Владычицы нашей Богородицы, сжальтесь надъ нами, милостивѣйшій отецъ, исполненіемъ сего прошенія нашего

явите намъ сіе величайшее благодѣяніе Ваше, заочно со слезами у ногъ Вашихъ просимъ сей милости вашей.

Но чтобы Ваше Сіятельство яснѣ узнали всю истину и несправедливость донесеній на дядю нашего, и чрезъ то болѣе преклонились бы на желаніе и прошеніе наше, то мы посылаемъ при семъ Вашему Сіятельству копіи: слово въ слово списанныя съ нѣкоторыхъ писемъ той Васильевой, стараніемъ которой отрѣшенъ и удаленъ отъ монастыря дядя нашъ, подлинники же оныя мы хранимъ для того, чтобы въ случаѣ, можетъ быть, нужны будутъ доказательства.

А почему тогда таковыи ложныи донесеніи совѣтницы Васильевой съ дочерью ея представлены были Святѣйшему Синоду, а прочихъ болѣе двадцати сестръ справедливыя показанія въ оправданіе дяди нашего по сему не имѣли своихъ дѣйствій, сего мы не знаемъ, да и не входимъ уже въ прошедшее, но только какъ отцу и благодѣтелю нашему, осмѣлились объяснить все Вашему Сіятельству, что теперь отъ Васъ зависитъ изходатайствовать намъ новую жизнь, обративъ на радость слезы наши.

Къ сему прошенію капитанская дочь дѣвица Варвара Верховская руку приложила.

Къ сему прошенію капитанская дочь дѣвица Матрена Верховская руку приложила

Москва 1826го года декабря 6го дня

Пребываніе наше имѣемъ въ Москвѣ въ домѣ Госпожи Бахметевой, близъ Донскаго монастыря въ приходѣ Положеніи ризъ!

**Приложение к письму Варвары и Матроны Верховских:
копии трех покаянных писем Рахили (Наталии Васильевой)
Автограф Веры (Варвары) Верховской**

[л. 100–102 об.]

Копія

письма перваго, по удаленіи дяди нашего изъ монастыря и предъ отъездомъ дѣвицы Васильевой въ Tobольскъ къ Преосвященному.

Къ величайшей горести нашей опять сдѣлалась остановка въ поѣздке нашей. По послѣднему указу изъ Tobольска, комиссія будетъ отбирать отъ васъ деньги, или свѣдѣнія о издержки оныхъ, и по отобраніи сего, отъ насъ будутъ требовать доказательства на сіе, но какіе доказательства теперь могу представить! Если бы можно было отдать всю жизнь мою, то я бы не пожалѣла, чтобы только изгнать всё про-

шедшее, и такъ умоляю Васъ, отецъ мой, дать мнѣ въ семь случаѣ совѣтъ вашъ, и увѣдомить меня хотя въ краткихъ строкахъ! Ахъ, естли бы Вы знали мое положеніе, каково оно! Я лишена послѣднаго утѣшенія — слезъ! Я не могу призвать даже имя Божіе съ душевнымъ умиленіемъ. Отчаяніе мое ужасно, сумашествіе отъ меня не далеко, всѣ узы для меня прерваны! Ужасная пустота окружаетъ меня, я думала что дорогою буду дышать свободнѣе, но меня не отпускаютъ, отъ васъ зависитъ скорость отъезда нашего, какъ скоро Вы отвѣчаете на запросы, то и можно будетъ намъ выѣхать! Ужасно, ужасно мое положеніе! Самый адъ не можетъ быть мучительнѣе, я чувствую, что заслужила еще болѣе, но слабый разсудокъ мой колеблется, а тотъ отецъ, который былъ данъ мнѣ отъ Бога, самою же мною удаленъ отъ меня и отъ всѣхъ сестръ, я недостойна и ничьего утѣшенія, и потому Богъ оставилъ меня! Знаю, чувствую, что въ глазахъ вашихъ и племянницъ вашихъ я есть предметъ омерзенія и ненависти, и я сіе заслужила! Но увы! Я не могу переносить сего! Заклинаю Васъ самимъ Богомъ, написать мнѣ хотя утѣшительную строку и подать вашъ совѣтъ. Я никогда не бывала въ такомъ состояніи, какъ теперь, не могу ни молиться, ни трудиться, ни размышлять, ни читать. Каждое мѣсто, каждая келья гонитъ меня за то, что я, недостойная, изгнала завѣтнаго отца! Ахъ, я бы теперь желала скрыться подъ землѳю, чтобъ не видать разстройствъ, причинѣнныхъ мною! Своевольные и вѣтренные сестры рады сему случаю, чтобы выполнить свои прихоти! Боже, Боже мой! Когда всё сіе кончится! Естлибъ моею погибелью всё сіе исправилось, то счастлива бы была я, окаянная, сподобившися пострадать за сіе.

Письмо второе отъ той же дѣвицы Васильевой къ дяди же нашему, проживающему въ то время въ Тобольскѣ, предъ отъездомъ его уже въ Москву.

Душевно благодарю Васъ за безцѣнное ваше письмо! Ахъ, естлибъ знали Вы, какъ скорый отъездъ вашъ поразилъ и просвѣтилъ отчаянную душу мою, доселѣ покрытую мракомъ грѣховъ и спящую безпробуднымъ сномъ унынія! Завѣтный отецъ мой, которому отдана я моимъ родителемъ на смертной его постѣль! Богъ свидѣтель, не ложь и обманъ говоритъ теперь устами моими! Совѣсть, мятежная моя совѣсть принуждаетъ объяснить тебѣ хотя половину того, что я чувствую! Ты пишешь, что желаешь видѣть меня прощенную и благословенною отъ владыкъ! И любимую и почитаемую сестрами. Тщет-

ное желаніе твоей чадолюбивой души, которое никогда не исполнится! Я слышу вопли виновной совѣсти, и гласъ строгаго Судьи! Неумытнаго подобнымъ мнѣ грѣшникамъ! Но что я говорю! Безумная и гордая тварь! Нѣтъ, нѣтъ! Никогда смертной не оскорблялъ такъ Создателя, какъ я! Самъ духъ злобы сатана скорѣе можетъ быть прощенъ, нежели я! За него не лилась кровь Сына Божія! А я! Я искуплена, призвана въ сыноположеніе! И я всё попраля! Разорвала всѣ узы, связующіи меня съ Богомъ и совѣстію. Ужасно мое положеніе, ужасно! Темъ более, что ни одинъ смертный не былъ подобнымъ мне! Судъ ужасный, но праведный Бога мстителя, есть тотъ, чтобы мнѣ рыдать! Безъотрадно рыдать! Во времени и вѣчности! Я не противлюсь судьбамъ Его! И вѣрно не оскорбляю Его милосердіе, не надѣясь прощенія — сей сладкой отрады всѣхъ грѣшниковъ! Оно не для меня! Я основываюсь на томъ, что никто другой не оскорблялъ такъ страшно Всемогущаго, самый предатель Его для меня извинительнѣе, самые мучители, гонители религіи для меня лучше меня самой! — Завѣтный отецъ мой! Съ такимъ то отчаяніемъ въ сердцѣ, съ столь порочною развратною душою я осмѣливаюсь обратиться къ твоей святынѣ! Вотъ плоды, собранные мною во время отпаденія отъ тебя! Могу ли надѣяться, что ты возьмешь меня съ собою!? — Нынѣ не оставляя меня въ снѣдь отчаянію! Не надѣясь получить прощеніе отъ праведнаго Судьи, я осмѣливаюсь надѣяться, что завѣтный отецъ мой меня не отринетъ! Естли же обманываюсь, то горе! горе! Горе мнѣ, погибшей безъ возврата!

Не подумай, честный отче, чтобъ, называя тебя завѣтнымъ отцемъ, я считала себя достойною титла дочери! Никогда, никогда! Естли я буду такъ счастлива, чтобъ ты не отвергъ меня, то наипаче желаю, какъ въ рабы къ рабамъ твоимъ! И сего еще много, естли бѣ можно было со скотами или съ собаками, подобно Варвару разбойнику. Но знаю, что сего не стерпитъ душа твоя, уподобляющаяся Богу въ милосердіи! Я не вижу предъ собою ничего, кромѣ гибели, знаю, что за грѣхи мои достойна веригъ, постовъ, подвиговъ чрезмѣрныхъ, а такъ ослабѣла душою и тѣломъ, что когда всѣ сестры правятъ правило поклонное, то я или съ слезами читаю что-нибудь или съ отчаяніемъ въ сердцѣ, видя предъ собою адъ разверзающійся, простою, какъ дерево, прислонясь къ стѣнѣ!

О пищѣ же — иногда какъ безумная емъ съ жадностію, а иногда и самое усладительное и лучшее производитъ тошноту и грусть непомерную! Я сама не знаю, что я?! Сплю безъ сытости и, вставъ съ отчаяніемъ, прочитаю безъ чувства и вниманія краткую молитву, взглянувъ съ отвращеніемъ на рабо-

ту, опять съ ужасною тоскою въ сердцѣ падаю на скорбный одръ, иногда рыдаю неутѣшно, а иногда засыпаю вновь! Вотъ адъ здѣсь еще для непрощенной преступницы! И съ сими то мерзостями человѣчества не буду ли я язвою въздѣ, гдѣ бы я ни была?! Умоляю тебя, отецъ мой, увези меня, скрой меня, куда хочешь! Пускай погибну я, но не тамъ, откуда изгнала я отца и сестръ!

Отъ той же дѣвицы Васильевой къ дяди же нашему третіе письмо, но только съ половины, ибо съ начала письма сего она писала о нѣкоторыхъ сестрахъ и о другомъ дѣлѣ, а съ половины письмо слѣдующее. Сіе же изъ Туринска прислала къ нему уже въ Москву.

Прости, я себя не оправдаваю, что просила и умоляла тебя письменно и чрѣзъ сестръ, чтобы оставить меня съ маминькою до ея кончины, но теперь осуждаю сіе мое намѣреніе, и Богъ свидѣтель, раскаиваюсь, что не уехала съ твоими племянницами, но потерянное никогда не возвратится! Только настоящее въ нашей власти! И такъ теперь объявляю тебѣ, завѣтный отецъ мой, что естли ты послѣ всѣхъ моихъ противъ тебя винъ еще называешь меня самоближайшею тебѣ по завѣту, то пускай Богъ вновь внемлетъ слова мои, что я съ помощію Его желаю исправиться, обещаюсь бросить злыя мои нравы, и только до полученія тобою сихъ строкъ считаю себя отчужденною и отвѣчающею за себя Богу. Когда же ты узнаешь сіи мои чувства и отвергнешь раскаяніе мое, то на Страшномъ Судѣ да будиши судимъ за гибель мою въ разлукѣ съ тобою! Прости, честный отче, жестокости сихъ выраженій, ты самъ пишешь, что душа и время одно! Смерть неизвѣстна! Только доставь мнѣ средства и научи, какъ мнѣ ѣхать столь долгую дорогу, и съ кѣмъ? То я готова нынѣшнего же лѣта быть у васъ съ истиннымъ раскаяніемъ, желаю быть подножіемъ сестрамъ твоимъ, только прости мнѣ! Еще объ одномъ увѣдомъ меня, что можешь ли не брать къ себѣ сестру, которая тебѣ совершенно чужда, и мнѣ неотмѣнно надобно, чтобъ ее тамъ не было, гдѣ я, а она, вѣрно, хоть ее и не возму съ собою, будетъ проситься къ тебѣ, и хотя сама собою, но пріѣдетъ, то могу ли надѣяться, что ты, уважая завѣтъ нашъ и невозможность жить мнѣ съ нею, не возмешь ее, хотя бы другіе просили за нее, или по крайней мѣрѣ позволишь мнѣ никогда не выходить изъ кельи, чтобы их не видеть!? Впрочемъ не имѣю никакихъ условій, предаюсь, и съ помощію Божіею буду слѣпо повиноваться твоей волѣ. Напи-

савъ сіе, чувствую себя покойнѣ! Кто знаетъ, можетъ быть я и не долго проживу! Пора опомниться! Покуда еще на краю пропасти, а не низринулась! Если угодно тебѣ, честный отче, видѣть меня окаянную у ногъ твоихъ, то общаюсь даже лично въ Святѣйшемъ Синодѣ или при самомъ Государѣ объявить себя виновною, что по презорству и гордости своей я не могла снести твоихъ правѣдныхъ обличеній и возстала противъ тебя совсемъ напрасно. Заочно же, пока не вырвусь отсюда, мнѣ ничего не предпринять, всѣ мнѣ будутъ препятствовать! И я сама чувствую, что безъ твоихъ наставленій не въ силахъ! При жизни маминьки мнѣ свободнѣе уѣхать, а когда она скончается, то несравненно труднѣе! Владыко къ намъ очень благосклоненъ, утвердилъ маминьку начальницею, а по кончинѣ ея всѣ сестры, которыхъ у насъ тридцать, непременно хотятъ меня многоокайную, то подумай, честный отче, не погибель ли мнѣ сіе бремя съ моими страстями и пороками! Пожалѣй меня, заклинаю тебя Богомъ.

Есть и еще у насъ нѣсколько писемъ ея подобныхъ же симъ, и всѣ собственной руки ея, но не переписали здѣсь всѣ, потому что и безъ того уже много обѣзпокоили и обременили Ваше сіятельство!

Приписка преподобного Зосимы. Автограф

[л. 102 об.]

Прошу Ваше Сіятельство не взыскать на племянникахъ моихъ, если прошенія ихъ что-нибудь не по форме написано, ибо оне, будучи несведущы втаковыхъ случаяхъ, ѣ на сей разъ не имеютъ съ кемъ посоветовать, поелику живутъ теперь не въ Москвѣ, но въ селце отъ Москвы за 60 верстъ, толко съ сими духовными сестрами у благотелницы боголюбивой Госпожи надворной советницы Марьи Семеновне Бахметьевой.

Письмо преподобного Зосимы князю П. С. Мещерскому. Автограф

[лл. 103–103 об.]

Господи Іисусе Христе Боже нашъ помилуй насъ. Аминь.

Истино возлюбленной мой о Христе благодетель Сіятелнѣйшіи Государь Петръ Сергеевичъ! Буди вамъ радоватися о Бозе.

Ваше благосклонное со мною обхожденіе ѣ все ваши оказанія ко мнѣ милости обнадеживаютъ меня, что вы по боголюбію своему не отвергните и сиротъ племянницъ моихъ родныхъ къ

вамъ прибегающихъ, а съ ними ѿ духовныхъ сестръ ихъ. Свидетель Господь Богъ, я съ моей стороны поставляю толко за долгъ мой открытъ вамъ духовно ѿ поистине житіе ихъ, чтобы вамъ по неизвестности не погрѣшить разрушеніемъ такового по всему сходственнаго правиламъ святыхъ отецъ общежитія.

Мне кажется, Господь Богъ, зная ваше къ Нему простертіе, ѿ яко верному Своему рабу въверилъ вамъ. ибо теперь отъ васъ зависить, утвердиться или разрушиться ихъ по Бозе житію. Все-видящее Его око провидело, что никто тако не уважитъ и не подытсѣ, какъ ваше облагодатствованое сердце, еже бы сотворить въ сходство Божіяго благоволенія. Итакъ простите: радуясь духомъ моимъ, смело пишу вамъ, зная известно васъ любителя Божіяго: и наша ко вамъ могущественному степене. Ибо теперь конецъ послѣднаго решенія заключается въ вашемъ представленіи, посему то я за необходимое признаю объявити вамъ, какъ Самому Господу Богу, сущую справедливость, чтобы мне не стать съ вами на страшномъ суде Христовомъ, ѿ отъ васъ не быть бы осужденнымъ, почто вамъ о столь важномъ и нужномъ въ нынѣшнее время по сущей справедливости не объявилъ, дабы посредствомъ васъ утвердилось таковое богоугодное общее житіе, и если бъ не было Богу угодно, чтобы таковыхъ сестръ, единокорно делающихъ ѿ могущихъ въ сходство святыхъ правилъ поступать, вообще не собралъ, а наипаче отъ сего показуется благоволеніе Божіе ѿ особеная при нихъ сила Божія, что оне, будучи столь малодушны, страшливы ѿ боязливы, но при всехъ великихъ притесненій и страшныхъ угрозъ, какъ было поступлено съ ними въ монастыре Туринскомъ. Но Божіею помощію ѿ до ныне оне вместе и предъ Богомъ глаголю: живутъ смиренно между собою, согласно ѿ подвижно.

Еще въ доказательство скажу, видно для того Господь Богъ ѿ попустилъ сестрамъ моимъ сіе горестное скитаніе, чтобы зделать явленнымъ таковое ихъ житіе, ибо оне, находясь третій годъ безъ пристанища, ѿ Божіею помощію не нарушаютъ устава житія своего, коего вкратцѣ выписку при семъ вамъ прилагаю. По причине же такового своего странствія, ѿмеютъ въ разныхъ мѣстахъ духовниковъ, коимъ совершенно уже известно ихъ житіе, ѿ ими одобрено, а также и благотворители, пріемлющія ихъ въ свои дома, видя такое примерное общество, все ожидаютъ и желаютъ устроенія ѿ успокоенія ихъ. Ибо некоторыя даже изъ уважительныхъ особъ желаютъ и сами присоединиться къ нимъ въ сожителство, и я твердо надеюсь, что княгиня Екатерина Александрова Трубецкая, генералша Анна Николаевна Костылева, Анна Егоровна княжна Грузинская, генералша Анна Николаевна Не-

[illegible]

*Письмо старца Зосимы кн. П. С. Мещерскому. Автограф.
Российский государственный исторический архив (собрание
Синода), ф. 797, опись 2, д. 7918, л. 103 об.*

ключова, весь домъ господина Александра Афанасьевича Долгова, ѿ весь домъ господина Сергея Васильевича Шереметьева, ѿ господина Павла Васильевича Головина, и домъ господина Николая Васильевича Постникова, и весь домъ первой гильдіи купца Николая Афанасьевича Самгина, и купца Афанасьевича Щекина, и прочихъ значительныхъ въ Москвѣ благотворителей несумнительно засвидетельствуютъ житіа сестръ моихъ, ѿ все оне желаютъ, чтобъ утвердилось и устроилось таковое общество, главнейшая же благодетельница ихъ госпожа Марья Семеновна Бахметьева, которая уже целой годъ держитъ ихъ въ своемъ доме, ѿ дотолико за житіе ихъ обратилась къ нимъ, что не хочетъ ѿ никогда растатися съ ними. А о мнѣ самомъ истинно глаголю вамъ, съ упованіемъ на Бога, всею душою желаю возвратиться на пустынное отшельственное безмолвіе, но сами видите изъ ихъ объясненія, можно ли совсемъ удалится отъ нихъ. Теперь я предъ Богомъ и предъ вами чистъ въ совѣсти моей, изъявилъ все поистине и вручилъ вашему милосердію участь сиротъ племянницъ моихъ и всехъ сихъ добрыхъ сестръ. Остаюсь къ вамъ на всю мою жизнь чувствительно благодарнымъ, много любящимъ и почитающимъ васъ и покорнымъ слугою

грѣшной и недостойной Захаръ Верховской.

**Приложение к письму старца Зосимы: выписка
из составленного им Устава Туринского женского монастыря.
Автограф Веры (Варвары) Верховской**

[лл. 98–99 об.]

Краткая выписка изъ устава сестеръ сего общества

1^е) Не менѣе четырехъ разовъ говѣютъ и причащаются Святыхъ Таинъ. 2^е) Ни одна ничего собственнаго не имѣетъ, но у всѣхъ общее и всѣ въ совершенномъ нестяжаніи. 3^е) Ни отъ кого никакихъ подарковъ ниже отъ родныхъ не пріемлютъ, но все отдаютъ на общее содержаніе. 4^е) Никакихъ украшеній келейныхъ и бѣлизнъ¹ излишнихъ не имѣютъ. 5^е) Шелковое и бархатное и полубархатное и всякое сему подобное не имѣется, но у всѣхъ равно одинакое простое. 6^е) Постели изъ тонкаго войлока и возглавіе неуспокоительное. 7^е) Преждѣ окончанія утренья моленія ничего не разговариваютъ, кольми паче ничего не начинаютъ дѣлать. 8^е) Въ воскресные дни и въ большіи празднества всеночное совершаютъ бденіе, то есть сверхъ обычнаго церковнаго слу-

¹ Бѣлізна — здесь: белье (ср. белор. *бялізна*, польск. *bielizna* в этом значении).

женія въ пѣніи акафистовъ и каноновъ и псалтыря и въ чтеніи Новаго Завѣта и поучительныхъ словъ провождаютъ ночь. 9^е) Во всякой и простой день сверхъ положеннаго церковнаго служенія отправляютъ поклоненіе, сочиненное Димитріемъ Ростовскимъ чудотворцемъ, и еще поклонное правило и акафистъ и каноны и псалтырь за здравіе и за упокой благотворителей и помяниковъ, какъ обычно во всѣхъ общежительныхъ монастыряхъ. 10^е). После молитвъ вечернихъ уже не пьютъ, не разговариваютъ 11^е) Въ гости на посещеніе ниже на празднества славить Христа въ свѣцкіи дома не ходятъ, но за необходимыми нуждами посылаются старѣйшіи могущіи вмѣщать! 12^е) Свѣтскихъ людей мужскаго и женскаго пола по кельямъ не попускаютъ къ намъ ходить, только ближайшихъ родныхъ и боголюбивыхъ великихъ благодѣтелей, но и то въ сопровожденіи старѣйшихъ сестръ и въ присутствіи оныхъ, а прочіи посѣтители обоюгаго пола въ гостиницѣ принимаются. 13^е) Негромогласное рукодѣліе вообще работаютъ со слушаніемъ Священнаго Писанія. 14^е) Ясти, или пити, или уснути, или изыти на свиданіе съ родственниками, или побѣседовать съ посещающими гостями, или нѣчто отдать, или себѣ что отъ кого взять, или писать къ кому, или принимать письма, или что-либо дѣлать самовольно, не пріявши благословеніе, даже и больнымъ отнюдѣ запрещено. 15^е) Гнѣвъ имѣющимъ до тѣхъ поръ не дается ѣсть, пока примирятся, естли же которая и въ три дни примириться не восхощетъ, таковую или не держать въ обществѣ или въ показаніе другимъ поставить ее въ низшую стѣпень, естли же и въ низшей стѣпени будучи, не смирится, тогда по правилу Св. Василія Великаго яко неисцѣльно недугующую непремѣнно отъ сестръ отлучаютъ и отпускаютъ. 16^е) Всякой сестрѣ порученная должность каждой мѣсяцъ нечаянно осматривается, чтобы не зная, въ которую недѣлю и въ которой день будетъ осмотръ, и отъ сего находясь всегда въ опасности, будутъ стараться порученное имъ исправлять въ точности и наблюдать въ порядкѣ. 17^е) Для пользы наставленій открываютъ свои чувства и совѣсть и борющія ихъ страсти своимъ наставникамъ. 18^е) Особенно о себѣ жить новоначальной до времени не попускается, ибо кто утѣшитъ ее печальную, подкрепитъ въ уныніи и увѣщаетъ въ искушеніи, а также кто ей покажетъ примѣръ и наставлятъ будетъ въ правилѣ, во снѣ, въ постѣли и одѣждѣ, и во всякихъ послушаніяхъ, и обличати въ несмысленныхъ прихотяхъ, и ободряти въ лѣности и въ ослабленіи и въ прочихъ поступкахъ? А ежели въ началѣ новопришедшая не отъсечетъ въ конецъ воли своя, то и сама себѣ и другимъ будетъ въ тягость. 19^е) О трапезѣ. Трапеза и кушанья въ сходство

устава церковнаго. 20^е) Въ постныя дни трапеза однажды въ день въ третьемъ часу пополудни. 21^е) Млечныя снѣди во весь годъ не ядятъ, токмо на всѣднихъ нѣдѣляхъ. 22^е) Трапезають со слушаніемъ священнаго чтенія. 23^е) Кушанье въ желаемыхъ не требуютъ, а чтобы всякую удовольствовать и терпѣнію обучить, того ради всякой день кушанья перемѣнныя. 24^е) Собирая и убирая огородныя овощи или плоды какія, ни которая ясти не смѣетъ ни мало. 25^е) Подобное чаю питіе токмо въ воскресныя дни и на большія празднества подается всѣмъ вообще. 26^е) Въ большія празднества сошедшимся вкупѣ всѣмъ предлагается нѣкое снѣдное утѣшеніе усладительное, и въ духовныхъ бѣсѣдахъ провождаютъ между собою празднества, охраняясь отъ свѣцкихъ повѣствованій. 27^е) Сама начальница съ посѣщающими гостями не ястъ ниже пьетъ нѣкое усладительное одна безъ сестръ якобы для угощенія, хотя бы и отъ самихъ гостей было нѣчто такое принесено. 28^е) Естли по нѣкоей нуждѣ случается начальницѣ или нѣкоей сестрѣ одной особенно или съ гостями вообще ясти или пити, то не иное ей брашно и питіе предлагается, но то же самое, какое всѣмъ сестрамъ приготовлено. 29^е) Естли же случается нѣгдѣ и въ посѣщеніи быти или на нѣкоемъ въ отдаленности послушаніи, то и тогда показываетъ себя не разнствующую отъ сестръ, то есть еще есть день постной и неразрѣшенной, то отнюдъ подобнаго предлагаемому на утѣшеніе не вкушаютъ, чрезъ что яко не воспріявшая ничего за труды свои воспріиметъ равную награду съ терпящими и труждающимися во обители сестрами отъ подвигоположника Христа Господа. Но естли день бываетъ разрѣшенной, въ которой всѣмъ сестрамъ во обители во утѣшеніе подается, тогда и она во отсутствіи находящаяся, вкушаетъ предлагаемое, но опасно, согласуя съ совѣстію, еже бы не болѣе сестръ вкушать и упокоеваться. 30^е) Начальница поставляется изъ среды ихъ самихъ по выбору и совѣсти всѣхъ сестръ. 31^е) Трилѣтнее время быти во искусь, слабѣе таковымъ точію, которые своими способностями могутъ быть полезны обители, а за добронравіе любимы всѣми сестрами, протчемъ же всѣмъ довлѣетъ единъ годъ. 32^е) Естли же поступитъ въ общество сіе знатная и богатая и чрезъ то восхощетъ быти предпочтенною и отличнѣйшею, отъ таковой не токмо не принимать ничего въ обители, но и самую ее до тѣхъ поръ не принимать въ число сестръ, пока всё свое имущество раздастъ на сторону инымъ бѣднымъ, и чтобы, ничего у себя не оставивъ, но живя и пользуясь трудами сестръ, не могла бы вознестися, но смирялась бы, видя себя тако изъ милости руководѣлемъ сестръ содержимою и пріятою въ сожитіе истинно работающихъ Богу, кои не за

имѣніемъ гонятся, но за пріобретеніемъ души Христу. И не токмо не можетъ вознегодовать за что-нибудь или возъимѣть когда-либо подозреніе на начальницу или на сестръ, яко пожелали имущества ея, но и сердечно возлюбитъ ихъ, яко спасеніе, дружество и смиреніе предпочитающихъ и готовыхъ все претерпѣти, токмо бы вины, ко грѣху приводящія, отдалити. Сего ради всегда съ любовію пріемлютъ и самыхъ бѣднѣйшихъ, но токмо были бы любовныя, смиренныя и послушныя; равно съ любовію пріемлютъ и богатую; естли которой или извѣстны уже добрыя свойства, или во время жительства своего во искуствѣ опытами показала свое смиреніе, отъ таковой и подаваемое имущество можно принять.

Письмо князю П. С. Мещерскому князя А. Н. Голицына

[л. 92]

1 Ноября–26 Ноября 1826.

Милостивый Государь мой Князь Петръ Сергѣевичъ!

Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, препровождая къ Вашему Сіятельству для разсмотрѣнія всеподданнѣйшее прошеніе двѣицъ: Варвары и Матроны Верховскихъ, о позволеніи имъ обще съ духовными ихъ сестрами, пристроиться къ какой-нибудь церкви подъ попеченіемъ дяди ихъ, бывшаго попечителемъ женскаго Николаевскаго Монастыря въ городѣ Туринскѣ Тобольской Губерніи, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою

Князь Александръ Голицынъ

**Предложение обер-прокурора князя П. С. Мещерского
Святейшему Синоду**

[л. 106]

Святѣйшему Правительствующему Синоду
Предложеніе

14 марта 1827

Предложивъ отъ 30 Октября и 9 Декабря прошлаго 1826 года на разсмотрѣніе Св. Синода всеподданнѣйшія прозбы дочерей Капитана Варвары и Матрены Верховскихъ о дозволеніи имъ устроить общежитіе съ церковью подъ вѣденіемъ дяди ихъ, бывшаго попечителя Туринскаго женскаго общежитія, я имѣю честь къ совокупному разсмотрѣнію съ оными предложить при семъ въ копіяхъ и поступившія вновь ко мнѣ какъ отъ помянутыхъ

дѣвицъ Верховскихъ, такъ и отъ другихъ сестръ числомъ до 14 бывшихъ въ Туринскомъ монастырѣ, по сему же предмету прошенія.

Подлинно: Оберъ Прокуроръ Князь Мещерскій

**Определение Святейшего Синода от 2 мая 1827 года
по прошенію сестер Верховскихъ об основаніи общины
в Московской Епархіи под веденіем старца Зосимы
Верховскаго**

[л. 107–111 об.]

1827 года марта 8го и апреля 11го числа.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали, во-первыхъ, два предложенія Г. тайнаго Совѣтника, Синодальнаго оберъ-прокурора и кавалера, князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, съ приложеніемъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода двухъ всеподданнѣйшихъ прошеній дочерей капитана Варвары и Матрѣны Верховскихъ, изъ коихъ одно принесено Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, объ исходатайствованіи у Государя Императора позволенія устроить общежитіе съ церковію подъ вѣдѣніемъ ихъ дяди, бывшаго попечителя Туринскаго женскаго общежитія, а другое самому Государю Императору по сему же предмету. Во-вторыхъ, справку, учиненную въ канцеляріи Святѣйшаго Синода, по коей оказалось первое: именнымъ Высочайшимъ указомъ, состоявшимся въ 13^й день февраля 1822 года на докладъ Святѣйшаго Синода, о обращеніи Тобольской Епархіи заштатнаго Туринскаго Николаевскаго монастыря въ женское общежитіе, для водворенія въ ономъ лицъ, пожелавшихъ провождать уединенное житіе, въ томъ числѣ и означенныхъ дѣвицъ Верховскихъ, между прочимъ повелѣно: а) чтобы начальница въ ономъ была избрана изъ среды ихъ; б) исправленіе строеній монастыря для общежитія и распоряженіе въ пользу онаго угодьями поручить попеченію усердствующаго къ открытію сего богоугоднаго заведенія порутчика Верховскаго, который, не нарушая уединеннаго житія посвящающихъ себя оному, удобнѣе можетъ исполнять сіе, жительствова въ монастыря. Второе: но въ 1823^{мъ} году попечитель Верховскій вошелъ съ доносомъ на коллежскую совѣтницу Настасью Николаеву и дочь ея Наталью Васильевыхъ, бывшихъ и нынѣ находящихся въ числѣ сестръ общежитія Туринскаго монастыря, о нарушеніи ими въ ономъ спокойствія. По поводу сего произведено изслѣдованіе чрезъ одного присутствующаго

щаго Консисторіи и двухъ Духовнаго правленія. Показаніями сестръ монастыря, отобранными подъ присягою, Васильева во всемъ взведенномъ на нее оправдана, а самъ Верховскій оказался виновникомъ нестройства монастыря 1) въ жительствѣ не внѣ онаго, а внутри съ другимъ мущиною Василюкомъ, 2) въ предосудительномъ обращеніи съ сестрами и наставленіи ихъ при посвященіи его, отъ чего нѣкоторыя перестали ходить къ нему, принявъ сіе за соблазнъ, 3) въ распоряженіи суммами безъ согласія сестръ и въ положеніи 7000 р. въ банкъ на свое имя, 4) въ недопущеніи сестръ къ избранію игуменьи, 5) въ чтеніи въ церкви и на трапезѣ старообрядческихъ книгъ, 6) въ допущеніи къ двумъ молодымъ дѣвушкамъ ходить холостому чловѣку для ученія живописи, 7) въ дозволеніи одной дѣвицѣ обручиться съ причетникомъ монастырскимъ, 8) въ служеніи безъ священника молебновъ, съ провозглашеніемъ отпустовъ и въ выносѣ Евангелія, 9) въ сохраненіи денегъ, банковыхъ билетовъ и разныхъ вещей и одного сундука съ вещами у игуменіи Таисіи Екатеринбургскаго монастыря, не давая о томъ знать никому. За всемъ тѣмъ многія изъ сестръ пожелали его имѣть отцемъ духовнымъ, гдѣ бы онъ ни былъ. Потомъ онъ Верховскій входилъ съ другимъ доносомъ на Васильевыхъ, подъ которымъ подписались и нѣкоторыя сестры. Но доносъ сей какъ писанный и подписанный племянницами и противорѣчилъ изслѣдованію, признанъ не заслуживающимъ вѣроятія и служащимъ къ разстройству; ибо онъ Верховскій, по собственному его отзыву, ни съ какою игуменьею не хочетъ связываться и не соглашается быть строителемъ однихъ зданій, обнаруживая чрезъ то стремленіе къ самовластію. По каковымъ обстоятельствамъ Святѣйшій Синодъ, согласно съ мнѣніемъ Tobольскаго Епархіальнаго начальства, полагалъ: поелику попечитель Верховскій, не обратившись къ прямымъ обязанностямъ, возложеннымъ на него по Высочайше утвержденному въ 13^й день февраля 1822го года положенію по Туринскому монастырю, вмѣшивался во внутреннее управленіе и распоряженіе онымъ, жилъ не внѣ монастыря, а внутри, и нѣкоторыми дѣйствіями своими, хотя и нельзя признать ихъ умышленными, подалъ поводъ однакожъ другимъ соблазнительно мнить о себѣ, и поелику далѣе оставлялъ его затѣмъ при монастырѣ, при оглашеніи его нѣкоторыми изъ сестръ въ непозволительныхъ поступкахъ, несовмѣстно, да и самъ онъ не изъявилъ желанія находиться при одной только той части, къ которой определенъ, то его отъ званія попечителя и отъ всякаго вліянія на монастырь уволить вовсе. А къ водворенію въ семъ монастырѣ устройства, учинить: 1) предоставить сестрамъ монастыря немѣдленно избрать начальницу

изъ среды себя или изъ другихъ монастырей, дознанную въ благочестіи и безпорочной жизни монахиню, 2) съ избраніемъ начальницы оставить оный монастырь на общихъ правилахъ управления, 3) тѣмъ изъ сестръ, которыя изъявили желаніе имѣть духовнымъ отцемъ Верховскаго и слѣдовать за нимъ, гдѣ бы онъ ни былъ, внушить чрезъ кого слѣдуетъ, что онъ Верховскій, не будучи служителемъ церкви, не можетъ быть духовнымъ ихъ отцемъ, и что онъ въ семъ случаѣ впали въ заблужденіе по его дѣйствіямъ, а потому стараться расположить ихъ къ монастырской жизни по общимъ правиламъ, и 4) деньги 7000 р., пожертвованныя на тотъ монастырь и гласными по дѣлу объ учрежденіи его сдѣлавшіяся, законнымъ порядкомъ обратить въ собственность монастыря какъ принадлежность, посвященную Богу, и, истребовавъ отъ Верховскаго билеты, на имя свое имъ переведенные, перемѣнить оныя на имя монастыря. Каковое положеніе Святѣйшаго Синода въ 13^й день Генваря 1825го года Высочайше утверждено покойнымъ Государемъ Императоромъ. И третіе: затѣмъ Верховскій просилъ о возвращеніи ему билета сохранный казны въ 5 т. р. по уваженію тому, что онъ, находясь въ Туринскомъ монастырѣ попечителемъ, издержалъ на устройство онаго данныя ему токмо подѣ сохраненіе деньги и въ возвратъ принадлежащія и требуемыя, что билетъ на означенныя деньги не коллежской совѣтницы Васильевой съ дочерью, а другихъ лицъ, пожертвовавшихъ на содержаніе сестръ, деньги же Васильевыхъ издержаны особо, и что онъ стараніемъ своимъ устроилъ монастырь и сдѣлалъ значительныя пріобрѣтенія; но опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода въ 28 день февраля сего года состоявшемся, ему въ томъ отказано потому, что деньги сіи 5 т. р., какъ онъ самъ пишетъ, пожертвованы отъ благотворителей на содержаніе сестръ Туринскаго монастыря, слѣдовательно, есть уже опредѣлительная собственность монастырская, и что замѣнять сею собственностію собственность Верховскаго, истраченной якобы при постройкѣ того монастыря, нѣтъ законнаго основанія, поелику производить трату, ежели и подлинно производилъ оную на свои деньги, была собственная его воля и усердіе безъ всякаго обеспеченія возврата изъ другихъ суммъ, которыя, по назначенію своему, должны быть неприкосновенны. О чемъ для объявленія ему Верховскому, по жительству его въ Москвѣ, къ Синодальному члену Преосвященному митрополиту Московскому указъ посланъ отъ 4го минувшаго марта. И въ-третьихъ: два прошенія дочерей капитана Варвары и Матрены Верховскихъ и четырнадцати сестръ, бывшихъ въ обществѣ Туринскаго монастыря, писанныя на имя тайнаго совѣтника Синодальнаго оберъ-

прокурора и кавалера, князя Петра Сергѣевича Мещерскаго, а имъ предложенныя къ совокупному разсмотрѣнію съ поданными на Высочайшее имя, въ коихъ онъ, оправдывая бывшаго попечителя означеннаго монастыря Верховскаго во всемъ, въ чемъ только онъ оказался виновнымъ по слѣдствію, просятъ исходатайствовать имъ дозволеніе устроить паки общежитіе съ церковію подъ вѣдѣніемъ его же Верховскаго, и для того возвратить ему билетъ сохранной казны въ 5 т. р., отобранный отъ него при увольненіи отъ должности попечителя, и оставить другой имѣющійся у него въ 2 т. р., но требуемый въ Туринскій монастырь, по тому уваженію, что онъ Верховскій на монастырскія нужды, занимая изъ нихъ просительницъ у Конюховой, родныхъ племянницъ и другихъ значительныя суммы, и издерживая свои собственныя, предполагалъ возвратить оныя изъ пожертвованныхъ благотворителями на монастырь и заключающихся въ означенныхъ двухъ билетахъ. Святѣйшій Синодъ опредѣленіемъ своимъ, во 2^й день маія сего года состоявшимся, полагалъ: поелику Верховскій по изложеннымъ въ справкѣ обстоятельствамъ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше утвержденнымъ въ 13^й день Генваря 1825го года отъ должности попечителя Туринскаго монастыря уволенъ вовсе и деньги 7000 р., пожертвованные на оный и гласными по дѣлу объ учрежденіи его сдѣлавшіяся, на основаніи того же опредѣленія, законнымъ порядкомъ обращены въ собственность помянутаго монастыря какъ принадлежность, посвященная Богу: то за таковымъ постановленіемъ, просительницамъ въ просьбѣ ихъ о дозволеніи имъ устроить новое общежитіе подъ вѣдѣніемъ того же Верховскаго и возвращеніи ему на сей предметъ билета сохранной казны въ 5 т. р., отобраннаго отъ него при увольненіи отъ должности попечителя Туринскаго монастыря, и оставленіи другаго имѣющагося у него въ 2 т. р., требуемаго въ сей монастырь, отказать. Для объявленія о семъ просительницамъ, по жительству ихъ въ Москвѣ, къ Синодальному члену, Преосвященному Филарету митрополиту Московскому, а для свѣденія и надлежащаго въ чемъ слѣдуетъ распоряженія, къ Преосвященному Tobольскому послать указы, предоставивъ первому сдѣлать просительницамъ пастырское увѣщаніе, дабы онъ, оставя намѣреніе устроить новое общежитіе подъ вѣдѣніемъ Верховскаго, расположили себя къ монастырской жизни, если желаютъ, по общимъ правиламъ. Но предварительно о семъ положеніи Святѣйшаго Синода довѣсти до свѣденія Государя Императора и Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, предоставить ему же Господину тайному совѣтнику, Синодальному оберъ-прокурору и кавалеру, князю

Петру Сергѣевичу Мещерскому. Чего ради, съ сего опредѣленія къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ дать копію.

(Секретарь: Дмитрій Серединскій)
Подлинное опредѣленіе
Святейшимъ Правительствующимъ
Синодомъ подписано 1827 года
Маія 2го дня (Подпись: Протопоповъ)

Письмо Васильевыхъ Императору Николаю Павловичу

[лл. 119–120]

9 сентября 1827

Ваше Императорское Величество!
Всемилоостивѣйшій Государь!

Торжественное обѣщаніе Вашего Императорскаго Величества въ высочайшемъ Манифесте при вступленіи на прародительскій престолъ, что Ваше царствованіе будетъ продолженіемъ царствованія Александра Благословеннаго, даетъ полное право горестнымъ сердцамъ изливаться предъ стопами Всеавгустѣйшаго монарха и отца!

Удостой, всемилоостивейшій Государь! Съ кротостію Царя царей выслушать и исполнить всеподданнейшую прозбу вдовы и сироты чиновника, удостоеннаго особенныхъ милостей Монарха.

Покойной супругъ мой коллежскій совѣтникъ и кавалеръ Матфей Васильевъ былъ награжденъ отъ почивающаго въ Бозе Государя Императора Александра Павловича за тридцати пяти летнюю беспорочную службу орденомъ святаго равноапостольнаго князя Владимира 4^й степени, на которой орденъ высочайшій рескриптъ и статутъ и теперь хранится у меня; и полнымъ пенсіономъ, состоящимъ изъ 900 рублей, которымъ онъ и пользовался до кончины своей, последовавшей в 1819^{мъ} году. Я же, оставшись вдовою, вместе съ дочерью, еще при жизни родителя посвятившей себя Богу, испросила у богоподобнаго милосердіемъ Монарха монастырь въ Tobолской Епархіи, въ городе Туринске, которой переименованъ въ женское общежитіе, на строеніе келій котораго и ограды я съ дочерью употребила все малое имущество, оставшееся отъ покойнаго супруга; и бывъ настоятельницею въ семъ монастыре, осмелилась утруждать Ваше императорское Величество прошедшаго 1826го года маія 2го дня всеподданническимъ прошеніемъ о семъ же предмете. Ныне же за старостію летъ и слабостію здоровья, испросивъ отставку отъ настоятельства, не имею никакихъ меръ къ пропитанію, ибо Епархіалному начальству угодно было все выгоды монастыря, как то: денги съ

угодьевъ обители и процентные съ пяти-тысячного капитала, положеннаго въ банкъ съ темъ, чтобы проценты на содержаніе сестръ сего монастыря, все сіе обратить въ ползу церкви, а сестрамъ содержатся своею собственностію и трудами; и такъ припадая къ августейшимъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества! осмеливаемся повторить всеподданническую свою прозбу: да осчастливите беспомошныхъ вдову и сироту высокомонаршимъ благоволеніемъ. Все желанія наши были бы исполнены, если бы мне и дочери производился половинный пожизненный пенсіонъ ея родителя. Простирая слабыя руки наши къ небесамъ, всего осмеливаемся ожидать отъ Всеавгустейшаго брата незабвеннаго Александра Благословеннаго, живущаго вечно въ сердцахъ верно-подданныхъ! Умоляя Всемогущаго о ниспосланіи Вашему Императорскому Величеству! благополучнаго, спокойнаго и должайшаго царствованія, и всему Всеавгустейшему Императорскому Дому всехъ благихъ отъ десницы Вседержителя, съ всеподданническою верностію имеемъ счастье пребыть навсегда

Вашего Императорскаго Величества!
Всемиловитейшаго Государя!
Верноподданныя и смиренныя богомолщицы
вдова коллежскаго советника
Анастасія Васильева, по ношенію
рясофора недостойная монахиня Августа.
И дочь ея девица Наталья Васильева,
по ношенію рясофора недостойная монахиня Рахиль

Августа 15го дня 1827 года
Свято-Николаевскій девичій монастырь Tobолской Епархіи
при городе Туринске

**Письмо архиепископу Tobольскому Евгению
князя П. С. Мещерскаго**

[лл. 126–126 об.]

№ 2828

29 ноября 1827

Тобольскому Преосвященному

Находящаяся въ Туринскомъ Николаевскомъ монастырѣ вдова коллежская совѣтница Васильева утруждаетъ Государя Императора всеподданнѣйшею прозбою о назначеніи ей съ дочерью на содержаніе половину пенсіона, который производился покойному мужу ея, объясняя при томъ, что она, посвятивъ себя съ дочерью монашеской жизни, принесла въ пожертвованіе оному монастырю свое достояніе и будучи посвящена съ нею въ рясофоръ остается нынѣ [безъ] нужнаго содержанія.

Как прозба коллежской совѣтницы Васильевой, состоящей нынѣ въ монашествѣ, принесена Его Импер. Величеству минуя духовное начальство; о назначеніи же пенсіи монахинямъ, отрекающимся при вступленіи въ сіе званіе отъ мірскаго, постановленія нѣтъ, то Его Импер. Величество высочайше повелѣтъ соизволилъ объявить просительницѣ, что естли она дѣйствительно имѣетъ нужду и право на какое-либо пособіе, обратиться должна съ прозбою о семъ къ Епархіальному начальству.

Сообщая о семъ Вашему Преосвященству для объявленія просительницѣ, имѣю честь быть

подписано: Князь П. Мещерскій

Письмо князю П. С. Мещерскому
архиепископа Tobольскаго Евгенія

[л. 127]

31го Декабря 1827 – 21 января 1828

Ваше Сіятельство,
Милостивый Государь!

Почтеннѣйшее отношеніе Вашего Сіятельства отъ минувшаго ноября за № 2828^{мб} о объявленіи Высочайшаго повелѣнія находящейся въ Туринскомъ Николаевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ вдовѣ коллежской совѣтницѣ Васильевой, что естли она дѣйствительно имѣетъ нужду и право на какое-либо пособіе, обратиться должна съ просьбою о семъ къ Епархіальному начальству, я имѣлъ честь 22го числа сего декаб. получить и о исполненіи сего Высочайшаго повелѣнія по предложенію моему предписано изъ Консисторіи настоятельница онаго монастыря сего 31го числа.

О чемъ увѣдомляя Ваше Сіятельство съ истиннымъ Высокопочитаніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть

Вашего Сіятельства
Милостиваго Государя
усерднейшій Богомолецъ и покорнейшій слуга
Евгеній, Архіепископъ Tobольскій

Отношение изъ Святейшаго Синода
Императору Николаю Павловичу

[лл. 134–135 об.]

Объ учрежденіи игуменства въ Туринскомъ женскомъ
монастырѣ

13 іюля 1829 года.

По высочайше утвержденному в 13 д. Февраля 1822 года докладу Св. Синода состоящий въ Tobольской Епархіи Туринскій заштатный монастырь обращенъ въ женское общежитіе для водворенія въ ономъ лицъ, пожелавшихъ провождать уединенное житіе съ тѣмъ между прочимъ назначеніемъ, чтобы начальница въ ономъ была избрана изъ среды ихъ, а исправленіе строеній монастыря и распоряженіе въ пользѣ онаго угодами, поручить попеченію усердствующаго къ открытію сего заведенія отставнаго поручика Верховскаго.

Въ послѣдствіи Верховскій обвиняемъ былъ въ неустройствѣ монастыря и нѣкоторыхъ отступленіяхъ отъ порядка. По сему высочайше утвержденнымъ въ 13 д. Января 1825 года положеніемъ Св. Синода повелѣно учинить слѣдующее:

1) Предоставить сестрамъ монастыря немедленно избрать начальницу изъ среды своей, или изъ другихъ монастырей достойную монахиню.

2) Оставить оный монастырь на общихъ правилахъ управленія.

3) Тѣмъ изъ сестеръ, которыя изъявили желаніе имѣть духовнымъ отцомъ Верховскаго и слѣдовать за нимъ, гдѣ бы онъ ни былъ, внушить о заблужденіи ихъ и стараться расположить ихъ къ монастырской жизни по общимъ правиламъ.

4) Деньги, пожертвованныя на монастырь и сделавшіяся гласными, обратить въ собственность онаго, какъ принадлежность, посвящаемую Богу, истребовавъ отъ Верховскаго билеты, на имя свое имъ переведенные.

Нынѣ Архіепископъ Tobольскій доноситъ, что при всѣхъ усиліяхъ, не могъ онъ достигнуть того, чтобы принятыя въ монастырь попечителемъ Верховскимъ сестры, почитающія себя основательницами того монастыря и безъ всякаго документа называющіяся рясофорными, согласились поступить въ монашество, отъ чего въ обители сей не можетъ онъ утвердить должнаго подчиненія и спокойствія.

Не находя къ тому инаго средства, какъ учредить тамъ игуменство, ибо по учрежденіи Верховскаго были въ ономъ монастырѣ чередныя настоятельницы, изъ сестеръ избираемая, онъ испрашиваетъ разрѣшенія нынѣшнюю настоятельницу Пульхерію, вызванную имъ изъ Енисейскаго монастыря, какъ по лѣтамъ, такъ и по поведенію достойному, произвести въ игуменьи.

Св. Синодъ по изложеннымъ обстоятельствамъ находитъ необходимымъ учредить въ ономъ монастырѣ игуменство, для водворенія въ ономъ спокойствія, полагаетъ разрѣшить Tobольскаго Архіепископа, чтобы какъ нынѣшняя Настоятельница Пульхерія, так и другія по ней, производимы были въ игуменьи

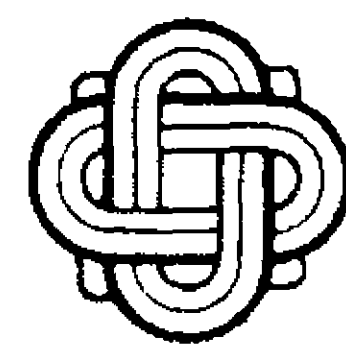
съ предоставленіемъ имъ власти, присвоенной игуменьямъ монастырей. Но предварительно Св. Синодъ предоставилъ мнѣ испросить на сіе положеніе высочайшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.

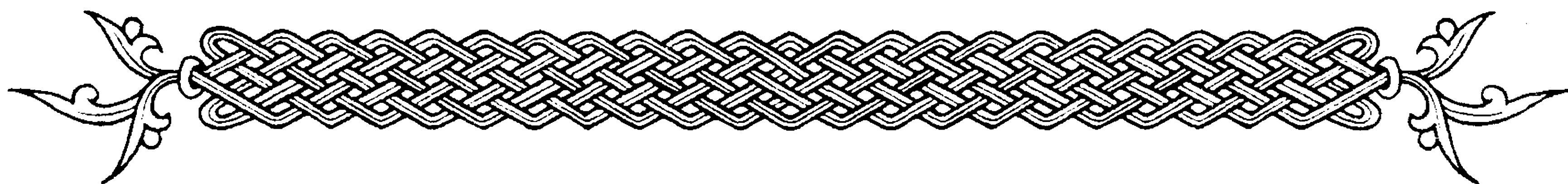
Подлинную подписали: исправляющій должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора статскій совѣтникъ Степанъ Нечаевъ и начальникъ Отдѣленія Чичаговъ.

Върно: младшій помощникъ Столоначальника (подпись)

На подлинной собственноручная Государя Императора высочайшая резолюція карандашемъ: «Согласенъ».

Іюля 15 дня 1829 года
въ Петергофѣ

«О СЕМЬ Я ЗНАЛЪ ЛИЧНО...»

(Из книги И. С. Конюхова «Памятная историческая записка, или летопись, о городе Кузнецке»)

Иван Семенович Конюхов (1791–1881) принадлежал к старинному сибирскому роду, который вел свое начало от первых служилых людей Кузнецка; он был купцом третьей гильдии, несколько лет возглавлял городскую Думу, занимал пост городского судьи. Кузнецкая летопись, написанная им на склоне лет («учиненная в 1867 году»), издана в наше время (Новокузнецк, 1995).

Преподобных старцев Зосиму и Василиска и праведного Петра, отрока Томского, автор знал лично: отец его, Семен Дмитриевич Конюхов, в течение восьми лет (с 24 декабря 1813 г.) жил в таежном лесу близ старцев, «подражая им в воздержании»; вдова его родного брата, Анисия Ивановна Конюхова, потеряв мужа и двоих малолетних сыновей, стала (первой) духовной дочерью старца Зосимы, и попечение о душе ее старец имел до конца своих дней (см.: «Житие и подвиги в Бозе почившаго блаженныя памяти старца схимонаха Зосимы...». Часть первая. М., 1889. С. 98, 104).

Публикуемый отрывок — глава «О монахах» — интересен как память очевидца, свидетеля сибирских «трудов и дней» святых пустынножителей. В квадратных скобках в текст внесены уточнения, удостоверенные по другим источникам.

О монахах

Между 1797-м и 1800-м годами в Кузнецкий округ пришли из России два монаха, избрали себе местопребывание по реке Томи, на правом берегу оной, от городу около 50 верст, в вершине 3-х называемых курьях¹, от последней от города деревни Терехиной [Сидоровой] верстах в 20-ти, а от реки Томи верстах в 3-х, над озером в пустом месте. Именами в монашестве назывались Василиск и Зосима; первый из них, Василиск, родом Тверской губернии, Клязенского [Калязинского] уезда, деревни Ивелишь [Иванищ] экономический крестьянин Василий Гаврилов, бедного

¹ Курья — речной залив; старица, старое русло.

состояния, женат, оставил жену, ушел в монашество с согласия жены, проживал несколько времени у разных пустынножителей по паспортам, пострижен в монашестве иеромонахом Андреяном, жил один в пустыни и претерпел много искушений. Напоследок по просьбе Андреяна, который его постригал, вызван был из пустыни в Петербургскую епархию и монастырь Коневец, где присоединился к нему Зосима, и из Коневца [на Коневце] удалились оба в пустыню за три версты от монастыря и там прожили 10 лет, где Василиска весьма почитали. Он же, не терпя славы, желал удалиться в незнакомую сторону, просил настоятеля монастыря уволить его из монастыря в Афонскую Гору или Молдавию, на какой-нибудь остров необитаемый, но тот, любя их, не соглашался отпустить. Напоследок Андреян переехал в Москву в Симонов монастырь, постригся в схиму и дал им благословение удалиться из монастыря и советовал идти в Сибирь, а они имели желание в Афонскую Гору и три раза пускались в путь, но Господь не допустил. (Из книг о жизни и подвигах схимника Зосимы, издано в 1849 [1860] году в Введенской пустыни <...>, написано кратко.)

Зосимы родитель был знаменитый и богатый боярин Василий Данилович Верховский, был воеводою в Смоленске; как он, так и супруга, люди были весьма благочестивы, строили церкви, принимали странных, помогали бедным; в одно время Василий ночью молился Богу и вдруг ему голос: «У тебя родится сын, не учи его светским наукам, а лишь Закону Божиему», и 24 марта 1767 года родился сей младенец Захарий, старше его были два брата и шесть сестер. Однажды прогуливался Захарий верхом на братниной хорошей лошади, поравнялся с церковью и услышал следующие слова: «Ты сам пойдешь в монахи» (о сем пространно написано в моей памятной записке); будучи 19 лет, служил в гвардии поручиком и получил отставку¹, оставив все житейское.

И потом они с упованием на Бога пошли по совету иеромонаха Андреяна, но решились наперво поискать место в Малороссии, были в Киеве, в Моздоке, Таганроге, в Астрахани, но не нашли для себя удобного места поселиться и пустились в Сибирь; в Тобольске явились Преосвященному Варлааму, он им дал позволение, а г-н губернатор билет, где изберут — первый в его епархии, а последний в его губернии — для себя жительство, тут бы и поселились, отправясь из Тобольска; были в округах Ишимском, Каинском, Томском, Енисейском, Красноярском и, наконец, Кузнецком и поселились в вышесказанном в начале сей записки месте, где прожили 24 года. Первую зиму до настоящего

¹ Отец Зосима вышел в отставку 21 года от роду в чине подпоручика.

водворения зимовали в черне¹, по наступлению весны по недостатку хлеба пошли в селения, перенесли великую нужду и едва не лишились жизни от холоду и голоду. Я стал знать их лично с 1813 года; первый из них, Василиск, преклонных лет, 70 или более, очень воздержанного жития, согбенный старостию и сух плотию от воздержания, носил на голом теле железные вериги, молчалив, в руках четки, в устах молитва, сидит, повеся голову, мало что говорит; Зосима, по виду 50 лет, крепкого телосложения и добрый в силах и походке, словоохотливый (о сем и ниже сего я знаю лично).

По водворении их в Кузнецком округе приходили они в первые года в город в Успенский пост для исповеди и приобщения Святых Таин, а впоследствии по приказанию протоиерея Арамилевского ездил к ним со Святými Дарами для напутствования села Подгороднего священник Федор Баженов. В тот же Успенский пост для жительства у них построены были деревянные небольшие кельи, разные, у каждого своя, отстоящие одна от другой около 100 сажен; у Зосимы была еще отдельная келья, отстоящая от прочих версты на три, в глухом лесу, в которую он удалялся во время постов и проживал иногда по месяцу один, и в келье этой я у него бывал.

В последствии времени начали уходить к ним на жительство: 1-й — кузнецкий мещанин Алексей Алексеев Полусухин, около 1800 года [?], 2-й — родитель мой мещанин Семен Дмитриевич Конюхов, в 24 число декабря 1813 года, и как и Полусухин, так и он, по увольнению только общества, но без увольнения начальства, 3-й и 4-й — села Ильинского крестьянин Федор Иванович Бычков с сыном своим Иваном, около 1815 года; а еще имел намерение уйти к ним крестьянин же деревни Сидоровой Александр Иванович Паренов, но общество и начальство их не уволило, потому и Бычковы, проживши у них года три, возвратились в свое жительство; 5-й — служащий в кузнецкой гарнизонной роте унтер-офицер Петр Алексеев Мичурин, уроженец Кузнецкого округа, редута Сарачумысского, получил отставку по просьбе, ушел к монахам в ноябре месяце 1818 года, проживал жизнь под руководством Василиска, прилежал послушанию, посту и молитве, проживал без пищи неоднократно по 10 дней, с благословения и позволения наставника своего Василиска, простаивал на молитве целые ночи; в одну зимнюю ночь стоял на молитве на открытом воздухе с поднятыми вверх руками, которые у него от стужи ознобились, и он вообразил в мыслях: «Если я буду нетерпелив, то как сподоблюсь любви Божией?», и со слезами стал

¹ Чернь — тайга (сибирск.).

взывать к Господу. Вскоре начал ощущать в сердце своем усладительную молитву, и воскипело сердце его, и потоки теплые, как вода, потекли во все суставы его, и от сего действия весь согрелся, и болезнь ознобная прошла, не повредя рук. Нередко во время молитвы приходил в восторг, а иногда слезно плакал и громко вопиял: «Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного»; когда старец его о сем спрашивал, почему он при молитве громко кричит, а не тихо молится, он отвечал: «Не могу терпеть, как бы вижу пред собой Господа Бога, как Его жиды терзают и мучат, всего окровавленного и истерзанного, и все, что с Ним происходило». И все движения сердца своего всегда он открывал наставнику своему, напоследок просил у старцев благословения на сорокадневный пост, чтобы пробыть без пищи, но старец на сие не согласился, а благословил его пробыть 10 дней. И он во время сего поста (который он держал в Петров пост), рубил дрова, посек себе ногу, от чего истекло у него много крови, не оставлял он и в болезни подвига молитвы, удручал себя постом, молитвою и трудами, выдержал пост, провел 10 дней без пищи и после сего поста на другой день помер, преклоняя голову к столу, как равно заснул, помер же в июле 1819 года. Из чего видно, что он прожил у монахов хотя и немного, только восемь месяцев, но подвиг его о спасении души своей был велик; там и похоронен, и теперь прах его там покоится в пустом, никем не обитаемом месте, вечная ему память.

Потом Зосима принял намерение завести женскую обитель. Василиск ему не советовал, но он не оставил своего намерения, согласил на это в городе из женского полу главных, вдову надворного советника Матвея Григорьевича Максимова [Васильева], Настасью Николаевну, и дочь ее, девицу Наталью Матвеевну, а за ними последовали и прочие, до 6 человек, в числе которых брата моего сродного жена, Анисья Ивановна, по мужу Конюхова; в 1818 году в деревне Сидоровой при доме крестьянина Александра Паренова устроил кельи, обнес оные оградой, как следует быть монастырю, и сам для наставления их в монашеской жизни более тут находился, нежели в прежнем своем обителище. Но, как видно, Божиим смотрением показалось ему устраивать тут монастырь неудобно, в 1820 [1821] году поехал в Москву, выпросил у московского митрополита упраздненный в городе Туринске Николаевский мужеский монастырь, который в 1822 году переименован женским. И в 1821 [1822] году монахи Зосима и Василиск с избранным женским полом уехали из Кузнецка в Туринский монастырь, а живший у них Алексей Полуухин уехал в Томский мужской Алексеевский монастырь, там и помер (все это по собственному моему знанию). А родитель мой

Симеон Конюхов возвратился в свой дом и помер в оном в 11-е число июня 1823 года; хотя их Зосима и Василиск приглашали ехать с собой, но они не согласились.

По приезде в Туринск старец Василиск проживал до октября месяца 1823 года в пустынной маленькой келейке, отстоящей от монастыря в восьми верстах, предузнал свою кончину, и по причине холода перевезен был в монастырь в ту келью, в которой проживал отец Зосима за монастырскими огородами. Зосима же по некоторым неблагоприятным обстоятельствам от монастыря будучи удален; [Василиск] был болен одну неделю, предузнал за два дня своей кончины день и час оной. Накануне же смерти исповедался, и приобщился Святых Тайн, и пособоровался, и помер в 1823 году¹, стоя на коленях, в молитвенном положении. В седьмые сутки его похоронили, Зосима же призвал живописца и с мертвого велел списать портрет, похоронили же его в монастыре при церкви, за алтарем, с северной стороны.

Проживал несколько времени отец Зосима в Туринском монастыре, где уже собралось немало сестер, но враг душ человеческих посеял вражду в сердцах г-ж Васильевых, дочери с матерью, к отцу Зосиме. Они сделали на него донос в разных пунктах тобольскому Преосвященному, от Преосвященного же наряжена была двухкратная комиссия для исследования дела, и он удален был из монастыря, вызван в Тобольск, по ходатайству сильных людей, жительствоющих в Тобольске, родственников Васильевых. И, хотя по доносу Васильевых ни в чем не заведен, по решению Святейшего Синода удален из Туринска. Васильева же Наталья Матвеевна, по пострижению переименованная Рахилью, изобличаемая совестью в несправедливом поступке и доносе на отца Зосиму, пришла в раскаяние, слезно плакала и просила со слезами у отца Зосимы и прочих сестер прощения в несправедливом своем поступке, что от них и получила, и даже подала тобольскому Преосвященному прошение, признавая в оном свою вину, но уже поздно, потому что дело было отправлено в Святейший Синод, чем Преосвященный весьма оскорбился.

По удалении же его Святейшим Синодом по решению дела из Туринска уехал в Москву, и за ним последовали 20 сестер, более к нему приверженных, в числе коих уехала и вышеупомянутая моя невестка и сноха Анисья Ивановна Конюхова. В Москве принят был одною благотворительною особою, г-жой Бехметовой [Бахметевой], вообще со всеми приехавшими с ним сестрами, которая благотворительница г-жа Бехметова отдала владимирское ей место и с помещением под устройство пустыни, за Сергиевской

¹ Старец Василиск скончался 29 декабря 1824 года. — *Ред.*

лаврой¹, где он, отец Зосима, по благоволению Божию устроил новую женскую обитель на пожертвованной для оной г-жой Бехметовой земле. По смерти уже его, по Высочайшему утверждению, обитель возведена в штат общежительной пустыни, наименована Свято-Троицкой Одигитриевской Зосимоновской, где он и скончался в 24 число октября 1833 года 67 лет, сидя, поддерживаемый служащей ему племянницей и имея в руках икону Божией Матери, которою благословил его духовный отец иеромонах Андриян в Коневской обители. Эту икону при самой смерти лобызал и крепко прижимал к устам своим и при самой кончине сказал племяннице своей: «Теперь я уже в надежде умираю, оставив по себе наставницу старшую свою племянницу», а в последствии времени над его могилою сооружена каменная церковь.

Пред смертью же отец Зосима велел прийти сестрам простаться; когда все собрались, он сделал краткое последнее наставление, чтобы они ушли в любви и смирении и не расходились бы, и предсказал, что «по моему исходу, Господь даст, что и церковь у Вас будет, и обитель утвердится, Матерь Божия, коей я вручаю Вас, прославит имя Свое на месте сем и удивит на Вас милость Свою», что и сбылось. Еще относительно предсказания сего, во время смут сибирских часто говаривал сестрам: «Потерпим, возлюбленные, придет час воли Божией, и мы воспоем песнь победную, подивимся Богу, сотворившему дивные чудеса мышцею высокою». Ноября 20-го года 1826 вступили все они в обетованную землю, то есть в новоустроенные келейки, отправляли всенощное бдение, тогда, при пении первого ирмоса песни победной, вспомнили все слова отца своего и удивились, как ни прежде, ни после, но именно в тот день Бог привел их вселиться в сию пустынь, в коей-то сам отец Зосима, прохаживаясь по лесу, воспевал часто: «Процветала есть пустыня яко крин, Господи».

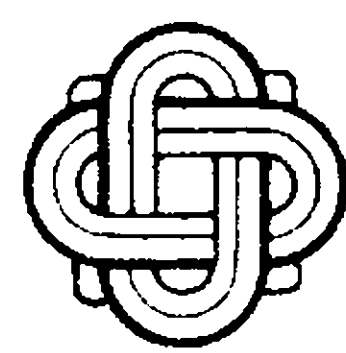
Близ сей пустыни есть селение Рыжково, и в оном чудотворная икона Божией Матери; в 1812 году во время нашествия французов на самом этом месте, где устроилась пустынная обитель, жители селения скрывали в чаще леса чудотворную икону и по очереди сторожили ее; однажды какой-то седенький старичок, проходя мимо них, сказал: «Матерь Божия прославит здесь имя Свое».

Монах Афонской горы Парфений уведомил меня письмом от 14 октября 1854 года из Сергиевской Лавры и между прочим пишет, что монах Зосима почивает в Изосимоновской женской пус-

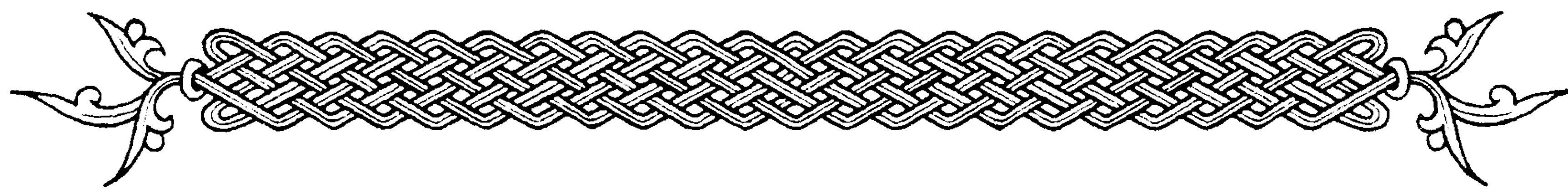
¹ По ошибке указано местонахождение мужской Зосимовой пустыни в Александровском уезде Владимирской губернии.

тыни, отстоящей от Москвы в 60 верстах, и что от гроба его начинают происходить чудеса. Игуменья той обители родная племянница Зосимы Вера и 116 сестер живут весьма благочестиво и воздержно, и что из обители сей по благочестивой их жизни начинают требовать в другие обители наставниц; сноха же моя, Анисья Конюхова, уехавшая из Кузнецка с отцом Зосимою, пострижена в схиму и просила его, Парфения, меня уведомить.

В описываемой мною сей тетради о городе Кузнецке, хотя бы и не следовало помещать о монашеском житии, как не принадлежащем к городу, но сие учинил я потому, первое, что означенных монахов Василиска и Зосиму я знал лично; второе, что родитель мой проживал у них восемь лет; третье, что все жительствующие у них мужчины мне были известны, равно и женщины, уехавшие с ним в Туринск, а напоследок некоторые и в Москву, описание чего мною учинено частью из личных моих сведений, частью от разных моих же памятных записок, а также изучено сокращенно из читанной мною книги о подвигах монаха Зосимы и прочих с ним, почему описание и вышло пространно; и четвертое, еще более потому, что город наш, хотя и в округе, но неподалеку от себя имел, хотя на время, такой высокой и благоугодной жизни людей, что видно, Господу Богу неблагоугодно было, чтобы они остались здесь до своей кончины, чрез которых могли бы в наших краях учредиться монастыри мужской и женский. И мы жизни их не смогли понять и оценить. Их поняла и оценила г-жа Бехметова. И я еще знаю, что даже некоторые граждане и сельские жители называли их беглыми предтечами антихриста, и еще помню, в каком-то духовном журнале читал, что митрополит Московский Филарет освящал в означенной женской обители каменную Свято-Троицкую Одигитриевскую церковь около 1860 года¹ и в речи своей, напечатанной в книге, 3-й части, лист 170, кратко изъяснил все странствования Зосимы, труды, подвиги, досады, огорчения, злословия. И что рука сильных извращает правосудие, и что чрез смуты, но по благоволению Божию шагнул он, Зосима, из отдаленной Сибири внутрь России, где и почил от трудов своих, но все это я почел излишним поместить в сию тетрадь, а поместил лишь нужное для сведенья будущим любознателям старины.

¹ Троицкий храм освящен митрополитом Филаретом 1 октября 1855 года.

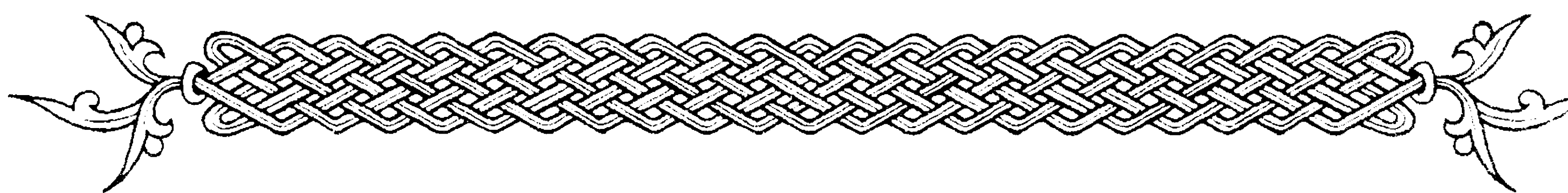
**СКАЗАНИЕ О ВСТРЕЧЕ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА ЗОСИМЫ
С ПРЕПОДОБНЫМ АНТОНИЕМ РАДОНЕЖСКИМ
(МЕДВЕДЕВЫМ) В 1830 ГОДУ В ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЕ¹**

Имея всегда большую веру и усердие к Матери Божией, он [старец Зосима] решился свозить больную Маргариту в Переяславль к чудотворной Феодоровской иконе Богоматери. И не мог без себя отпустить приверженную к нему Маргариту, сам поехал с нею, взяв с собою и старшую родную сестру ее, Веру. Возвращаясь из Переяславля, они остановились отдохнуть в Троицкой Лавре в гостинице, и, узнав здесь, что Антоний Высокогорский, коего знал отец Зосима и который в Арзамасе по просьбе его благословлял Веру и Маргариту, ехавших в Сибирь, в Туринский монастырь, теперь наместник Лавры, возымел старец усердие и желание видеть его и принять благословение себе и сестрам, но колебался, идти или нет. «Если с переменою места изменился и отец Антоний, — говорил старец, — то я буду жалеть, зачем ходил; лучше бы остался в первых моих о нем мыслях и чувствах к нему». В такой нерешимости они пошли к обедне; день был воскресный, и сам отец наместник служил. После обедни за ним пошли все старшие, служившие с ним монахи и очень много мирских посетителей обоего пола. Старец со своими сестрами стояли вдали и не теснились с множеством людей всякого сословия, подходящих под благословение наместника, который, окруженный народом, взошел на свое крыльцо. А старец с сестрами пошел прикладываться ко всем святым мощам, и уже были они на дороге в свою квартиру, как увидели, что все мирские гости выходили от отца наместника. Тут старец остановился, подумал немного и сказал: «Сестры, пойдем к отцу наместнику». Едва вошли они в отворенные двери в зал (где все служившие монахи около стола стояли и сидели, ибо была подана закуска), как отец наместник благосклонно встретил их у самых дверей, и лишь только отец Зосима по смирению своему и по пустынному обычаю поклонился ему в ноги, в то же мгновение и отец наместник воздал ему взаимным земным поклоном. Все монахи встали и,

¹ Печатается по книге: Житие и подвиги в Бозе почившего блаженныя памяти старца схимонаха Зосимы, его изречения и извлечения из его сочинений. М., 1889. Ч. 2. С. 34–36.

смотря с удивлением, какому убогому старцу кланяется в ноги их начальник, также склонили пред ним свои головы. А отец наместник, благословив его и сестер, повел их чрез залу в свою гостиную. И отец Антоний и отец Зосима долго с любовью беседовали духовно и утешительно. А сестры с радостью слушали в молчании. Потом отец Зосима просил его сказать слово на пользу сестрам. «Они живут при источнике, — отвечал отец наместник, — и не имеют нужды в мутной воде из лужи...» Такой смиренный и мудрый отзыв наместника удивил старца, и он убедительнее стал просить его наставлений сестрам своим, говоря о себе, что он и скудоумен, и груб, и глуп. Тогда наместник, обратясь к сестрам, сказал: «Помните, что народ Израильский Сам Бог вел чрез пустыню, во дни столпом облачным, в нощи столпом огненным, но и им нужен был Моисей. Держитесь вашего Моисея! Более я ничего не могу сказать». Тронутый до глубины сердца, отец Зосима сказал сестрам: «Запомните слова аввы Антония и везите оные в благословение всем сестрам». Но отец наместник благословил и образом, и просфорами, и древнею книгою св. Иоанна Лествичника, перевода Паисия Молдавского. И с тех пор водворилось усердное общение между аввою Антонием и пустыннолюбным Зосимою до блаженной кончины последнего. Отец Зосима в духовных беседах своих с ним не забыл и о болезни Маргариты: вспомя, что отец наместник в мирской жизни был врачом, он просил у него лекарства своей болящей; а отец наместник, с добрым расположением и участием расспросив о болезни, преподал медицинские советы и рецепт, и лекарства. Простясь с ним, они прибыли в Москву, и когда старец стал заботиться о лекарствах, Маргарита сказала ему: «Отец мой, вы возили меня к чудотворному образу Матери Божией; если Ей угодно, Она исцелит меня; на что ж лекарства?» — «Ждать сверхъестественных исцелений, это, друг мой, дерзновенно, — заметил на это старец. — А я принимаю за чудо Матери Божией и сие, что Она послала тебе такого врача, который и молитвою, и благодатию Божиею даст силу своим лекарствам». И Маргарита покорилась с верою.

БЕСЕДА СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА
МОСКОВСКОГО,
ПО ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ
В ТРОИЦЕ-ОДИГИТРИЕВСКОМ ОБЩЕЖИТИИ¹

Аще не Господь созиждет дом, всеу трудишася зиждущии — гласит боговдохновенная песнь (Пс. 126, 1).

Слово Духа Божия изрекает, без сомнения, точную и непрерываемую истину.

Итак, если справедливо, что дом создается благоуспешно и благонадежно только с Богом, под покровительством Провидения Его, с благословением Его, с помощью Его, то равномерно справедливо, при виде дома, благоуспешно и благонадежно созданного, сказать: видно, *Господь создал* сей дом, когда *не всеу трудишася зиждущии*; видно, дарованы сему делу Божие благословение, Божия помощь.

Видим здесь не только дом, но и дома, добрым устроением созданные, не только дома жительства человеческого, но и дом Божий, дом молитвы, таинств и славы Божией, и уже не один дом Божий, но уже четыре алтаря, уготованные для приношения Богу умиловительной, бескровной, но живой и жизнедающей жертвы. Как же не помыслить и не сказать, по мысли священного Песнопевца: видно, *Господь создал* все сие; видно, Его благое Провидение и помощь споспешествовали, чтобы *не всеу трудились зиждущие*; видно, есть над сим местом Его благословение и покров.

Мы должны будем более утвердиться в сих мыслях, если знающим напомним, а незнающим, хотя отчасти, покажем довольно долгую, большей частью из нечаянностей составленную цепь событий, которые сделали возможным нынешний здешний праздник, с надеждою для сего места дней благих и далее.

За двадцать девять лет пред сим пришел на сие место старец, многолетний пустынножитель, и с ним несколько дев и вдовиц, находившихся под его духовным руководством. То были птицы, лишенные гнезда, овцы, не имеющие ограды. Благородная вла-

¹ Слова и речи синодального члена Филарета, митрополита Московского. Собрание второе. Часть третья. М., 1861. С. 170–172.

детельница сего места предложила им сию землю для поселения. И пустынножитель утратился было дикости сего места, на котором видел только лес и болото и которое не представляло никакого удобства для снискания жизненных потребностей. Он обратился было к другим местам, но те представляли неудобства более важные в отношении к безмолвию духовной жизни. Итак, сие место принято как дар судьбы, который не казался приятным, но от которого нельзя было отказаться.

Но кто был сей старец? Кто сии девы и вдовицы, составлявшие под его руководством благочестивое общежитие, но не имевшие места общежития? Они не в сей стране родились; не в сей стране жили: непредвиденная судьба перебросила их сюда из дальнего края сибирского. Сия нечаянность была последствием других нечаянностей.

Во второй половине прошедшего столетия в Брянских лесах пустынножительствовавший благочестивый памяти иеромонах Адриан (в последствии времени иеросхимонах Алексей) с несколькими учениками. К ним пришел познавший суету мирской жизни юный благородный воин; пленился их жизнью и возжелал прилепиться к ним. Беспокойства от неблагонамеренных людей и нападение разбойников были причиною того, что они перешли в северо-западный край отечества, в монастырь Коневский, в котором Адриан и настоятелем поставлен был. Здесь бывший воин Захарий вступил в монашеский чин под именем Зосимы и провел десять лет, частью в общежитии, частью в пустынном уединении. Когда же Адриан, по любви к безмолвию, оставил настоятельство и монастырь Коневский, тогда, по благословению его, и Зосима, с другим благочестивым иноком Василиском, которого почитал своим старцем, удалился на безмолвие в сибирские леса и провел там двадцать лет и более.

В благодатном царствии Христа Спасителя нередко можно усматривать, что Он среди сокровенных подвигов засвечивает в душах избранных благодатный свет, но потом действует по Своему правилу, изреченному в Евангелии: не скрывать светильника под спудом, но употреблять его для просвещения чрез него и других. Сие можно примечать и в житии старцев Василиска и Зосимы.

Василиск безмолвствовал в пустыне безысходно, Зосима должен был иногда входить в селения для приобретения необходимых потребностей жизни и, следственно, вступать в сношения с людьми. Ему встречались души, труждающиеся и обремененные в мире, ищущие душевного покоя и нуждающиеся в руководстве к нему. По сильным просьбам, с благословения старца Васили-

ска, Зосима принял их в свое руководство; и таким образом началось в дальней Сибири общежитие, которое здесь ныне видим.

Как же очутилось оно здесь? Оно испытало неудобство жить на чужой земле, без церкви, без священника, без правильного отношения к духовному начальству, и старец Зосима, побуждаемый духовным человеколюбием, дважды предпринимал и совершал путешествие в Петербург к Святейшему Синоду и испросил для сего общежития опустевший Туринский монастырь, получив с тем вместе поручение благоустроить оное. Чем более успеха обещало сие распоряжение, тем более возъярился враг спасения человеческого и подвигнул тяжкое искушение. Он возбудил в некоторых страсть любоначалия; от сего возникли распри и ухищрения; они привлекли суд, суд поврежден был человекоугодием; и верные руководству старца сестры общежития вместе с ним принуждены были удалиться, и явились в Москве, и здесь, как птицы, лишенные гнезда, как овцы, не имеющие ограды.

За сим нечаянности горькие начинают переходить в нечаянности утешительные.

Устроилось здесь скудное жилище общежития, но не было способов пропитания; не было твердой ограды: не было церкви. Зосима принужден был ходить в Москву для снискания потребного. Некто спросил его: «Что ты не безмолвствуешь, а обращаешься в молве города?» Он отвечал: «Лучше мне претерпевать сие, нежели девам, посвященным Богу». Для сего духовно человеколюбивого слова нашлось духовно человеколюбивое ухо. Благочестивый муж, которого Бог благословил честно приобретенным богатством и который щедро уделял от оногo на созидание и украшение храмов Божиих и на благотворения честным обителям и нуждающимся ближним, — не умолчим его имени, потому что Господь недавно призвал уже его к Себе и он не имеет нужды остерегаться славы человеческой: раб Божий Симеон решился освободить дев, посвященных Богу, от необходимости часто входить в молву города для своих нужд. Он снабжал общежитие всем, что для него нужно, как скоро узнавал о том; построил для него достаточные и прочные здания; обнес его оградой; подарил ему землю, которая бы всегда доставляла пособие пропитанию сестр общежития.

Общежитию духовному необходима была церковь, тогда как оно, будучи только частным учреждением, не могло требовать ее себе по закону. Перст Божий указал на оное благочестивой царице Фамари, и она, по праву своего имени, испросив от Святейшего Синода разрешение создать для себя церковь и устроив оную, при содействии других благочестивых и благодеющих, даровала общежитию сие небесное на земли сокровище, после чего

уже нетрудно было испросить оному открытое законное существование, утвержденное благословением Святейшего Синода и Высочайшею властью.

Поелику же церковь, устроенная Царевною, была не пространна и оказалась недостаточною, то вот наконец приснопамятный раб Божий Симеон утроил ее состав и пространство, и более нежели утроил ее благолепие.

Прославим Бога, многообразно, дивно, паче нашего ума и чаяния, устрояющего пути мира и спасения человекам, по их вере и ревности ко благу; дающего неведущим наставника, беспомощным помощь, бескровным покров, гонимым убежище, *вселяющего единомысленных в дом* (Пс. 66, 7), лишенным всего дарующего все потребное посредством милосердия обилующих, а обилующим — залог лучшего приобретения небесного в делах человеколюбия и в молитвах благодетельствованных.

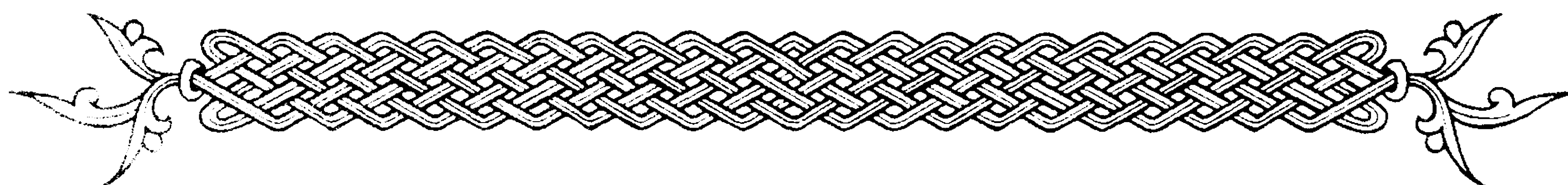
Никто не надейся на себя.

Никто не отчаявайся в благодати Провидения Божия.

Лишенный, скорбящий, озлобленный, не лишай сам себя веры и терпения и непрестанно взыскуй Господа, хотя, по-видимому, Он и сокрывается. *Взыскающие Господа не лишатся всякого блага* (Пс. 33, 11).

Избавленные от озлоблений, скорбей, лишений, не воздремлите в вашем покое. Покой устроен вам для беспрепятственного благоделания и свободного служения Богу. Вознерадев о сем, сами разрушите покой ваш. Непрестанно благодарите верховного благодетеля Бога, и в Нем и земных благодетелей, добрых служителей Его благодати. Благодарное к Богу сердце есть открытый сосуд для Его благодати. Аминь.

ПИСЬМА СЯТІТЕЛЯ ФІЛАРЕТА, МІТРОПОЛІТА
МОСКОВСКОГО,
К НАСТОЯТЕЛЬНОЦЕ ТРОЦЕ-ОДІГІТРІЕВСКОЇ
ЗОСІМОВОЇ ПУСТЫНІ
ІГУМЕНІІ ВЕРЕ (ВЕРХОВСКОЇ). 1846–1867 гг.

Письма печатаются по единственной известной нам публикации XIX века (оригиналы или списки неизвестны): Чтения в обществе любителей духовного просвещения. Москва, 1876. Книга VIII. Август. Отдел III. Материалы для истории русской церкви. С. 116–121.

1

Общежитія начальницъ рабъ Божіей Въръ, и сестрамъ, Божіе
благословеніе и миръ.

Если голубица, отлетѣвъ далеко, не нашла покоя ногама своимъ, и паки возвращается въ ковчегъ: то прострите къ ней мирную руку, и примите ее, и дайте ей прежній покой. Говорю о сестрѣ вашей Надеждѣ. Вы соглашаетесь наложить на себя бремя долга, чтобы успокоить ее при выходѣ отъ васъ: но едва ли было бы сіе по вашимъ силамъ, и нѣтъ на сіе права; и я не могу сего утвердить. Понесите лучше бремя не неудобноносимое, потому что вы уже несли его. Понесите немощь сестры сей; не сътуйте на ея намѣреніе оставить васъ; и окажите ей снисхожденіе въ томъ, въ чемъ она по немощи не можетъ идти наравнѣ съ прочими сестрами. Можетъ быть, неуспѣшное исканіе покоя въ другомъ мѣстѣ лучше успокоить ея помыслы у васъ. Надѣюсь, что изъ снисхожденія къ сей немощной другія не возмутъ случая къ ослабленію своихъ подвиговъ: но потщатся обрѣсти отъ Господа сугубую награду, и за свои, благодатію Его совершаемые, подвиги, и за снисхожденіе къ немощи ближняго. Покровъ благодати Божіей да осыняетъ васъ и обитель вашу.

Лавра. Іюня 16. 1846.

2

Божіе благословеніе настоятельницѣ и обители.

Вѣдомости ваши получены. Книга смотрѣна, и возвращена.

Господь да даруетъ здравіе немощнымъ; а терпѣливое перенесеніе немощи тѣлесной да послужитъ здравію душевному.

Дек. 21. 1846.

3

Благословеніе и миръ отъ Господа начальствующей въ обители рабъ Божіей Вѣръ, и сущимъ съ тобою.

Не должно вамъ смущаться мыслями о томъ, что служившій у васъ по приглашенію вашему приходскій священникъ долженъ дать въ семъ отвѣтъ начальству. Онъ своему Господеви стоитъ или падаетъ, и самъ за себя отвѣтствуетъ, а не вы за него.

Лучше было бы, если бы вы ранѣ сказали мнѣ о болѣзни вашего священника, чрезъ что могли бы получить другаго, не лишая богослуженія въ праздники приходской церкви и прихожанъ. И приходскій священникъ, если бы правильно рассуждалъ, могъ служить въ вашей церкви только не въ праздники; а въ праздники оставаться при своемъ мѣстѣ. Вы и безъ священника могли бы совершить возможное для васъ богослуженіе въ церкви: крестьяне въ отсутствіи священника оставались, вѣроятно, совсѣмъ безъ церковнаго богослуженія. Впрочемъ, что вы ради духовнаго утѣшенія желали священнослуженія, это естественно. Священникъ долженъ былъ рассуждать, чѣмъ обязанъ своему приходу, и что можетъ сдѣлать для васъ. И если не имѣлъ или не хотѣлъ разсудить: начальство обязано вразумить его, чтобы безпорядокъ не продолжился и не распространился.

Итакъ не беспокойтесь мыслями о семъ дѣлѣ, отъ котораго бѣды не будетъ.

Если вы мирны съ служащимъ теперь у васъ священникомъ, то можете продолжать пользоваться имъ. Что онъ крѣпокъ на ухо, сіе можетъ быть не безъ затрудненія при исповѣди: но исповѣдающагося никого не было.

Милость Господня да покрываетъ обитель вашу.

Москва. Мар. 1. 1848.

4

Христосъ воскресъ! Миръ вамъ и сущимъ съ вами, и радость о Господѣ.

Радуюсь, что священникъ Θεодоръ былъ вамъ на пользу. Но можно ли оставить его у васъ, и утвердить, не могу сказать, безъ

особаго соображенія, для котораго теперь не имѣю времени. Удержите его у себя еще на три или четыре недѣли, и напишите о немъ особо, безъ присовокупленія другихъ предметовъ.

Что приняли младенца для погребенія при вашей церкви, того не вижу причины осуждать.

Благословеніе Господне на васъ.

Москва. Апр. 7. 1849.

5

Именемъ Господнимъ благословеніе и миръ настоятельницѣ и сестрамъ общежитія.

Планъ распространенія вашей церкви не одобренъ. Семенъ Логиновичъ подаетъ иную мысль: оставить нынѣшнюю церковь неприкосновенною, и построить другую отдѣльно, нѣсколько пространнѣе нынѣшней, соотвѣтственно съ потребностію вашего мѣста. Сіе новое предпріятіе будетъ не цѣннѣе, или не много цѣннѣе прежняго: но выгода та, что вы будете имѣть два строенія цѣлыхъ, вмѣсто одного, составленнаго изъ обломковъ, что конечно менѣе прочно. Притомъ дѣло начать можно будетъ скорѣе; и богослуженіе у васъ будетъ продолжаться в существующей церкви беспрепятственно. Подумайте о семъ, и напишите, что думаете.

Фев. 9. 1851.

6

Божіе благословеніе вамъ и обители, и предполагаемому путешествію вашему.

Прилагаемое письмо представьте о. Макарію.

Авг. 13. 1852.

7

Настоятельницѣ Вѣрѣ, и сестрамъ, Божіе благословеніе, и миръ, и благопоспѣшство во всякомъ дѣлѣ правомъ и должномъ, наипаче въ дѣлѣ душевнаго спасенія.

Не опасайтесь, чтобы изъ вашего сада что-нибудь исторгли внезапно. Если что-нибудь пересадить нужно будетъ, принято будетъ въ разсмотрѣніе и ваше сужденіе и согласіе.

Москва. Фев. 6. 1853.

8

Отъ Господа благословеніе рабъ его Вѣръ и сподвизающимся.

Раждающійся въ Вифлеемѣ, и почивающій въ ясляхъ, чтобы доступну быть простымъ и смиреннымъ, да пріиметъ васъ поклоняющихся Ему, и да даруетъ вамъ славить Его во благодати и в радости.

Вы, кажется, богаты людьми, и не богаты способами питать их. Соразмѣряйте одно съ другимъ.

Дек. 14. 1854.

9

Божіе благословеніе игуменіи Вѣръ и сестрамъ.

Господь Спаситель да даруетъ вамъ с вѣрою и умиленіемъ причаститься спасительныхъ страданій Его и внити в радость воскресенія Его.

На что требуется разрѣшеніе отъ Св. Синода, и на что разрѣшенія отъ него еще нѣтъ: того разрѣшить не могу. Надобно и намъ, какъ вамъ, исполнять законъ послушанія.

Спасайтесь о Господѣ.

Мар. 28. 1857.

10

Божіе благословеніе и миръ вамъ и сестрамъ обители.

Если девять сестеръ, которымъ теперь разрѣшено постриженіе, въ такомъ же положеніи, какъ получившія подобное разрѣшеніе предъ Пасхою: то Богъ благословитъ поступить нынѣ такъ же, какъ тогда.

Окт. 21. 1857.

11

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, смерть поправый, и животъ міру

Своему даровавый, да пріиметъ въ міръ душу рабы Своея схимонахини Маргариты, и да упокоитъ въ селеніяхъ свѣта, съ преподобными, благоугодившими Ему.

Смертные останки ея пусть положатся въ церкви, въ приличномъ мѣстѣ.

Игуменія же Вѣра да не забываетъ своего имени. Вѣра не предается неумѣренной печали надъ видимыми смертными останками, но съ молитвою и упованіемъ простирается въ невидимое

и не почитаетъ себя отлученною отъ общенія съ отшедшею въ вѣрѣ же душею.

Июля 29. 1859.

12

Миръ вамъ и обители.

По церковному уставу и часъ вечера принадлежитъ слѣдующему дню: и потому 40 днемъ можно считать 5 сентября.

Глаза берегите, употребляя для чтенія въ помощь глаза сестры. Часто умываться — есть предохраненіе и отчасти лѣченіе глазъ.

Авг. 25. 1859.

13

Въ новое лѣто новое благословеніе да ниспошлетъ Господь рабъ Его игуменіи Вѣрѣ и сподвизающимся.

Странствующую въ мірѣ возвратитъ не усиливайтесь, чтобы не случилось вновь подвергнуть ее искушенію сказать, что принудили возвратиться, и тѣмъ дать новую пищу искушенію. Если (что да даруетъ Богъ) сама возчувствуетъ немиріе міра, въ которомъ думала найти миръ, и возчувствуетъ нужду вновь искать мира въ обители: это будетъ надежнѣе.

Генв. 4. 1865.

14

О имени Господа воскресшаго, и намъ истинную жизнь дарующаго, благословеніе и миръ преподобной игуменіи Вѣрѣ и сестрамъ обители. По вѣрѣ радуйтесь о Господѣ; съ благодареніемъ служите Ему; и житіе ваше по заповѣдямъ Его да провождаетъ васъ неуклонно къ животу вѣчному.

Апр. 10. 1866.

15

Отъ Господа благословеніе игуменіи Вѣрѣ и подвизающимся съ тобою. Миръ Божій, сходяй свыше, да соблюдаетъ сердца, и разумѣніе и житіе ваше. Вѣрно слово, что не воздремлетъ, ниже уснетъ храняй васъ: только вы да не воздремлете духомъ, и да не уснете въ пристрастіи къ земному и вещественному. Тако и надѣюсь о васъ.

Благодарю за молитвенное о мнѣ воспоминаніе. Пріемлю сіе, какъ благодареніе и помощь, мнѣ благопотребную.

Господь да укрѣпитъ васъ или по слову Его, въ немощи вашей да совершается сила Его.

При семъ получите икону и записку о ней.

Дек. 19. 1866.

16

Божіе благословеніе и миръ игуменіи Вѣрь и сестрамъ обители, и покровъ провидѣнія Божія да осѣняетъ васъ и охраняетъ.

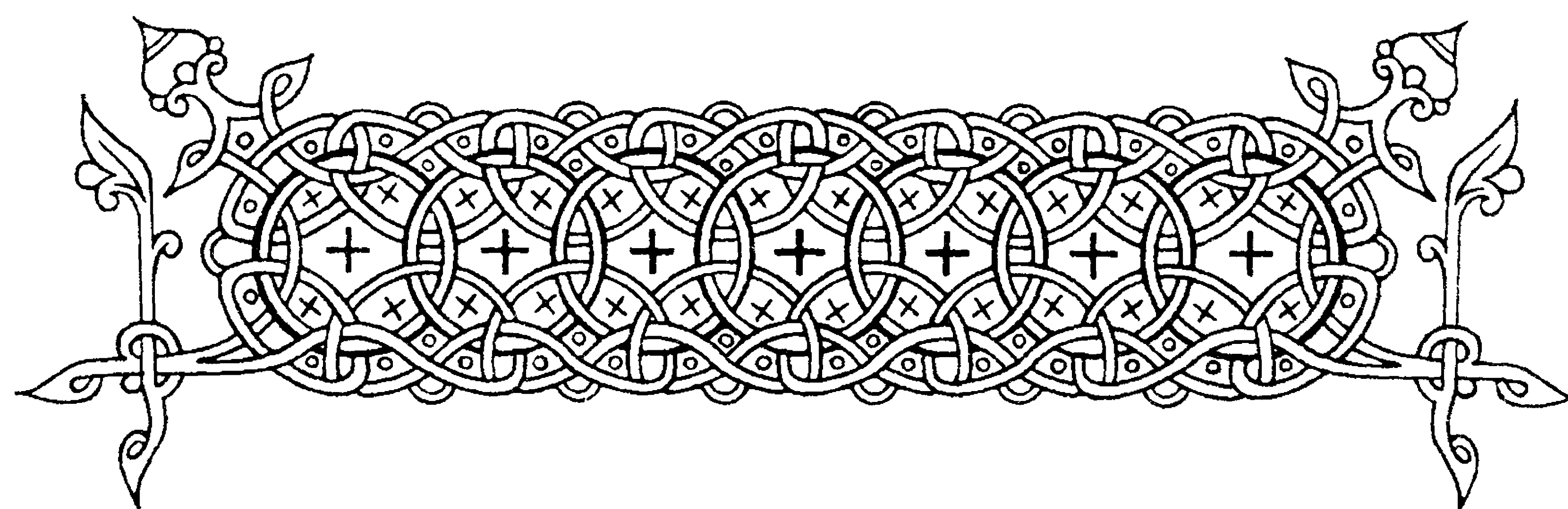
Съ благодарностію приѣмлю отъ васъ память о мнѣ и слово мира.

Благодать Господня да даруетъ вамъ приближающіеся дни страданий Господнихъ провести въ умиленіи любви Божественной, и потомъ внити въ радость воскресенія Христова, полную и неотъемлемую.

Апр. 5. 1867.

Посылаю вамъ недавно сдѣланный переводъ Алфавита духовнаго на русское нарѣчіе.

**ТРОПАРЬ, КОНДАК И МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ
СТАРЦУ ЗОСИМЕ ВЕРХОВСКОМУ**

Тропарь, глас 8

Любовію Христовою уязвился еси, преподобне, / вся красная
міра отринувъ; / подвигомъ безмолвія подвизаясь, / добродѣтели
Божественныя стяжалъ еси; / премудрости Божія причастниче, /
отче нашъ Зосимо, / моли Христа Бога и Пречистую Дѣву Бого-
родицу / спастися душамъ нашимъ.

Кондак, глас 6

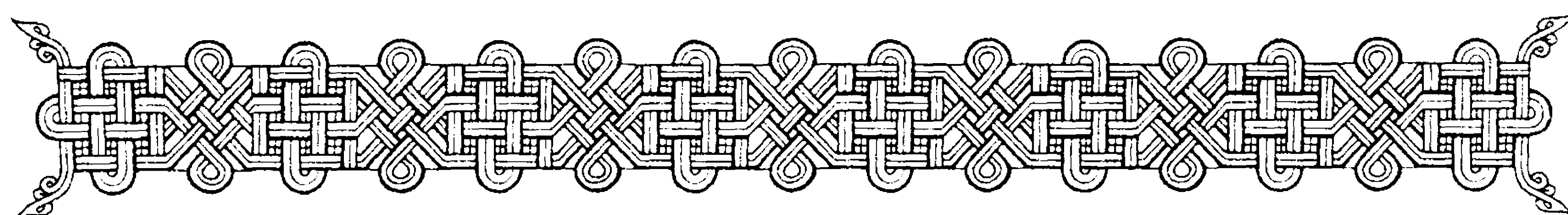
Избранниче Божій и старче премудрый, / наставниче нашъ
Зосимо, / отъ юности постническаго стезею шедый, / во одежду
кротости и терпѣнія облеклся еси, / тѣмже даръ Святаго Духа
улучивъ, / многія души Христу уневѣстилъ еси, / и обители свя-
тыя утвердилъ еси. / Нынѣ въ сонмѣ преподобныхъ на небесѣхъ
ликуеши, / моляся непрестанно о чтущихъ святую память твою.

Молитва

О святыи угодниче Христовъ, преподобне отче нашъ Зосимо!
Ты отъ юности себе Христу посвятилъ еси. Имѣніе раздавъ, во
обитель пустынную вселился еси. Кто изглаголетъ подвиги твоя:
безмолвіе, бдѣніе, молитву непрестанную, скорбей терпѣніе, сле-
зы покаянія и всѣхъ прощеніе, воле Божіей всецѣлое себе пре-
даніе? Многимъ дѣвамъ, Богу уневѣстившимся, паче отца ты
былъ еси, духовно ихъ окормляя и ко спасенію наставляя. И
нынѣ молимъ тя мы, недостойніи: буди намъ помощникъ и за-
ступникъ, обители же нашей утвержденіе и покровъ. Научи
насъ волю Божію творити, обиды прощати, скорби и болѣзни
благодарно терпѣти. Да сподобимся и мы молитвами твоими въ
миръ, любви и покаяніи путь нашъ тѣсный совершати и Царст-
вія Небеснаго достигнути, идѣже ты со всѣми святыми славиши
непрестанно Бога во Святѣй Троицѣ, Отца и Сына и Святаго
Духа. Аминь.

*Преподобный старец Зосима Верховский.
Современная икона*

СОДЕРЖАНИЕ

СТАРЕЦ ЗОСИМА ВЕРХОВСКИЙ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В РУССКОЙ ДУХОВНОЙ ТРАДИЦИИ	3
Духовное наследие старца Зосимы	3
Старец Зосима и русское монашество	23
Старец Зосима Верховский в творчестве Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова	39
О языке старца Зосимы	52
КРАТКОЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА ЗОСИМЫ ВЕРХОВСКОГО	55
Краткое жизнеописание преподобного Зосимы Верховского (1768–1833)	57
ТВОРЕНИЯ И ПИСЬМА ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА ЗОСИМЫ ВЕРХОВСКОГО	97
Житие монаха и пустынножителя Василиска, писанное учеником его Зосимою Верховским	99
Житіє монаха и пустынножителя Василиска, писанное ученикомъ его Зосимою Верховскимъ	103
Молитвенные действия старца Василиска (Повествование о действиях сердечной молитвы старца пустынножителя Василиска)	158
Молитвенные дѣйствія старца Василиска. Повествованіе ученика Зосимы о старце Василиске, то есть о духовномъ его наставнике, безмолвствовавшихъ во отшельническихъ келіяхъ въ Сибирскихъ лесахъ	165
О первомъ дѣйствіи	166
О действиях, бываемых от сердечной молитвы	192
О дѣйствіяхъ, бываемыхъ отъ сердечныя молитвы	194
Наставление старца Василиска, пустынножителя	199
Наставленіе старца Василиска, пустынножителя, изъ его многихъ поученіе, здесь несколько напишу	201
Слово о спокойствіи душевномъ и о житіи монашескомъ	205
Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина в пустынях Сибири ...	207
Жизнь и подвиги Петра Алексеевича Мичурина в пустынях Сибири	209

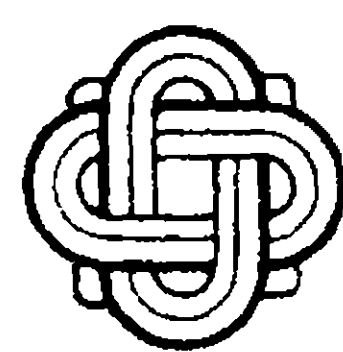
Поучение о послушании	221
Поучение о послушании въ Бозѣ почившаго отца нашего схимонаха и пустынножителя Зосимы Верховскаго предавшимъ ему по Бозѣ въ духовное окормление сестрамъ общежительной Троицкой Одигитревой пустыни, устроенной имъ самимъ	229
Предисловіе къ возлюбленнымъ сестрамъ	229
Поучение въ Бозѣ почившаго отца нашего схимонаха Зосимы	234
Слово 1. О вступленіи въ иночество и о нестяжаніи	234
Слово 2. О первоначальномъ иноческомъ основаніи	247
Слово 3. О смиреніи и послушаніи	259
Слово 4. О различныхъ свойствахъ послушанія	268
Слово 5. О единокровіи и нераздѣльности	269
Слово 6. О иноцѣхъ, подобящихся діаволу	271
Слово 7. О иноцѣхъ равноангельныхъ	272
Слово 8. О послушаніи и безстрастіи	273
Слово 9. Къ развращенному послушнику	274
Слово 10. О наставникахъ	276
Слово 11. Къ наставнику, да не оскорбляется на послушника	277
Слово 12. О невниманіи пороковъ отца	279
Слово 13. О порабощеніи отца и ученика другъ другу	281
Слово 14. О лицемѣрномъ и правомъ послушаніи и како прежде ученицы приживаху при отцѣхъ	281
Слово 15. О послушникахъ, спасающихся чрезъ чтеніе святыхъ книгъ	283
Слово 16. О еже не изнемогати въ служеніи для приходящихъ	285
Слово 17. Къ наставникомъ и ученикомъ	287
Слово 18. О послушаніи и безгодномъ совѣтованіи	290
Слово 19. О изрядствѣ мѣста и твореніи легкихъ дѣлъ	292
Слово 20. О діавольскомъ бореніи и о вспомооществованіи Божіей благодати	302
Слово 21. О жизни иноческой	303
Слово 22. Къ престарелымъ побужденіе къ подвигамъ иноческимъ	306
Слово 23. О небрежномъ и страстномъ житіи, и о пребываніи святыхъ и послѣдованіи онымъ	307
Слово 24. О тщательномъ житіи и откровеніи совѣсти	309
Слово 25. О смущеніи брата за любовь отца къ искреннему своему ученику	311
Слово 26. О откровеніи чуждыхъ грѣховъ и о наказаніи	313
Слово 27. О епитиміяхъ самовольныхъ	317
Слово 28. О еже не оправдовати себе и не любопрѣтися	318
Слово 29. О любопрѣніи неповиннымъ и погрѣшнымъ	318
Слово 30. О лгущихъ противу своего спасенія	319
Слово 31. О оставленіи и неоставленіи братства	321
Слово 32. О безгодномъ и вредномъ содружествѣ	323
Слово 33. О истинномъ и прельщенномъ послушаніи	328
Слово 34. О преуспѣвшихъ и могущихъ вся терпѣти	331
Слово 35. О исполненіи внѣшнихъ дѣлъ иноческихъ	333
Слово 36. О безмолвіи и удаленіи отъ братства и общежитія	334
Слово 37. О непослушаніи въ маловажныхъ вещехъ	336
Отъ Патерика Алфавитнаго	337

Слово 38. О несогласіи ученика ко отцу	337
Слово 39. О презорствѣ и гордынѣ	341
Слово 40. О непокоривомъ и развращающемъ инѣхъ, да не предаются въ повиновеніе.....	348
Слово 41. Къ слышавшему недобрые совѣты отъ развращеннаго брата.....	352
Слово 42. Къ не хотящему слушати написаннаго поученія	354
Слово 43. Къ спящимъ на чтеніи поученія	360
Слово 44. О даропосыланіи послушника и безгодной любви къ сродникамъ	365
Слово 45. О оставленіи иночества, духовнаго отца и братства	371
Слово старца схимонаха Зосимы къ сестрамъ его обители	373
Поученія	375
Поученія	376
О любви и единомудріи духовномъ	376
О смиренномудріи	378
О истинномъ наслажденіи	379
Письмо к отцу Досифею	381
«Господи Ісусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ...»	383
Письмо к отцу Павлу	396
«Господи Ісусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ...»	400
Письмо Сергею Васильевичу и Варваре Петровне Шереметевым	405
«Христосъ Воскресе...»	406
Письма Семену Лонгиновичу Лепешкину	407
«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...»	409

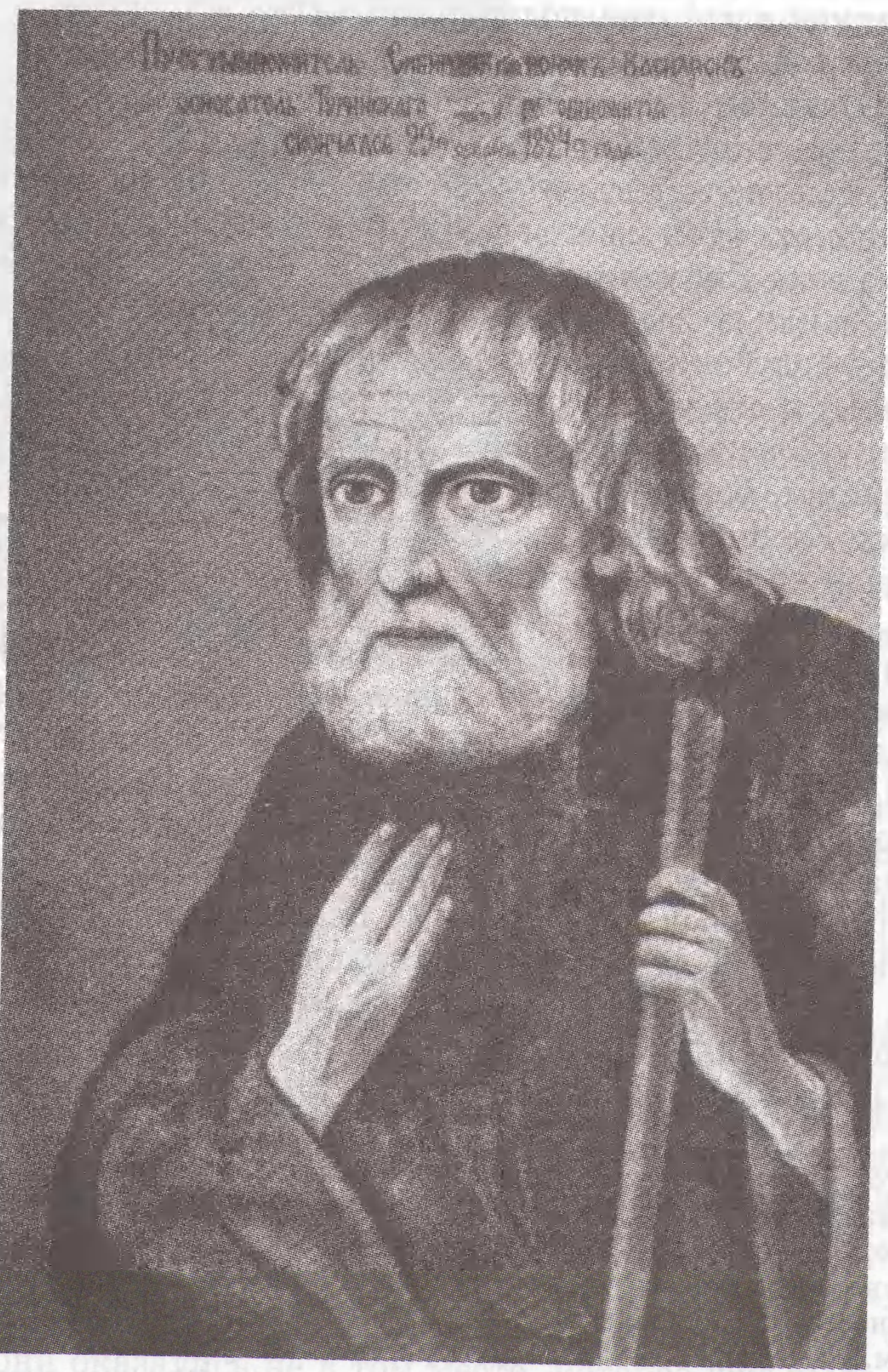
МАТЕРИАЛЫ К ЖИЗНЕОПИСАНИЮ ПРЕПОДОБНОГО СТАРЦА ЗОСИМЫ ВЕРХОВСКОГО	417
Записная книжка преподобного Зосимы с географическими заметками	419
Краткие заметки о родословной преподобного Зосимы	427
Из архива Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни	442
«Заветные» письма	443
Письма епископа Михаила	449
Письма сестер	457
Письмо рясофорной монахини Августы (Анастасии Васильевой)	465
Письма московского периода	468
Из Тобольского архива	474
Из архива Святейшего Синода	484
Отношение обер-прокурора Святейшего Синода князя П. С. Мещерского министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну	485

Доклад Святейшего Синода об обращении Туринского мужского Николаевского монастыря в женское общежитие	485
Ходатайство преподобного Зосимы о служителях для Туринского монастыря. Автограф	488
Из доклада Святейшего Синода об определении служителей для Туринского женского монастыря	489
Отношение Министерства духовных дел и народного просвещения Святейшему Синоду	490
Об определении служителей в третьеклассный Туринский женский монастырь и суммы на их содержание	490
Письмо преподобного Зосимы князю П. С. Мещерскому. Автограф	490
Ходатайство преподобного Зосимы о земельных угодьях Туринского монастыря. Автограф	491
Записка преподобного Зосимы Верховского князю П. С. Мещерскому. Автограф	492
Письмо Васильевых министру народного просвещения А. С. Шишкову	492
Письмо А. С. Шишкова князю П. С. Мещерскому	495
Отношение обер-прокурора князя П. С. Мещерского Святейшему Синоду	496
Донесение князя П. С. Мещерского Императору Александру Павловичу	496
Письмо Варвары и Матроны Верховских Императрице Марии Феодоровне. Автограф Веры (Варвары) Верховской	497
Записка обер-прокурору Синода князю П. С. Мещерскому начальника отделения Чичагова о прощении сестер Верховских	500
Отношение обер-прокурора князя П. С. Мещерского Святейшему Синоду	501
Письмо Императору Николаю Павловичу Варвары и Матроны Верховских. Автограф Веры (Варвары) Верховской	502
Отношение обер-прокурора князя П. С. Мещерского Святейшему Синоду	504
Письмо Варвары и Матроны Верховских обер-прокурору Святейшего Синода князю П. С. Мещерскому. Автограф Веры (Варвары) Верховской	504
Приложение к письму Варвары и Матроны Верховских: копии трех покаянных писем Рахили (Наталии Васильевой). Автограф Веры (Варвары) Верховской	507
Приписка преподобного Зосимы. Автограф	511
Письмо преподобного Зосимы князю П. С. Мещерскому. Автограф	511

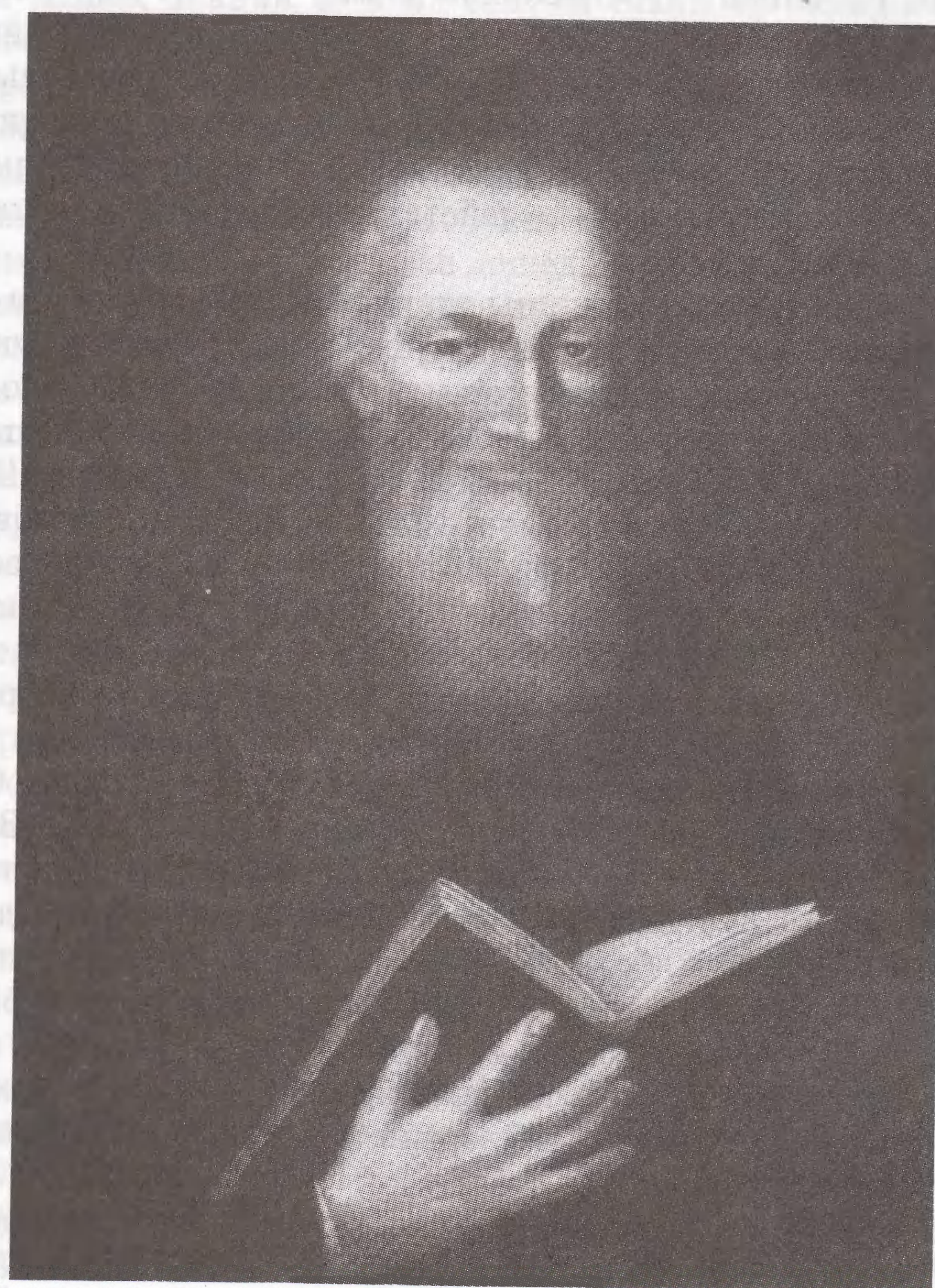
Приложение к письму старца Зосимы: выписка из составленного им Устава Турпинского женского монастыря. Автограф Веры (Варвары) Верховской	514
Письмо князю П. С. Мещерскому князя А. Н. Голицына	517
Предложение обер-прокурора князя П. С. Мещерского Святейшему Синоду	517
Определение Святейшего Синода от 2 мая 1827 года по прошению сестер Верховских об основании общины в Московской Епархии под ведением старца Зосимы Верховского	518
Письмо Васильевых Императору Николаю Павловичу	522
Письмо архиепископу Tobольскому Евгению князя П. С. Мещерского	523
Письмо князю П. С. Мещерскому архиепископа Tobольского Евгения	524
Отношение из Святейшего Синода Императору Николаю Павловичу	524
«О семъ я зналъ лично...» (Из книги И.С.Конюхова «Памятная историческая записка, или летопись, о городе Кузнецке»)	527
О монахах	527
Сказание о встрече преподобного старца Зосимы с преподобным Антонием Радонежским (Медведевым) в 1830 году в Троице-Сергиевой Лавре	534
Беседа святителя Филарета, митрополита Московского, по освящении храма Пресвятыя Троицы в Троице-Одигитриевском общежитии	536
Письма святителя Филарета, митрополита Московского, к настоятельнице Троице-Одигитриевской Зосимовой пустыни игумении Вере (Верховской). 1846–1867 гг.	540
Тропарь, кондак и молитва преподобному старцу Зосиме Верховскому	546

Свято-Троицкая Сергиева Лавра
Лицензия № 06118 от 23.10.01 г. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Тираж 5 000 экз. Заказ № 387
Отпечатано в типографии Патриаршего
издательско-полиграфического центра
г. Сергиев Посад

Преподобный старец Василиск. Портрет. XIX в.

Преподобный старец Зосима. Портрет. XIX в.